ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗЪ

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

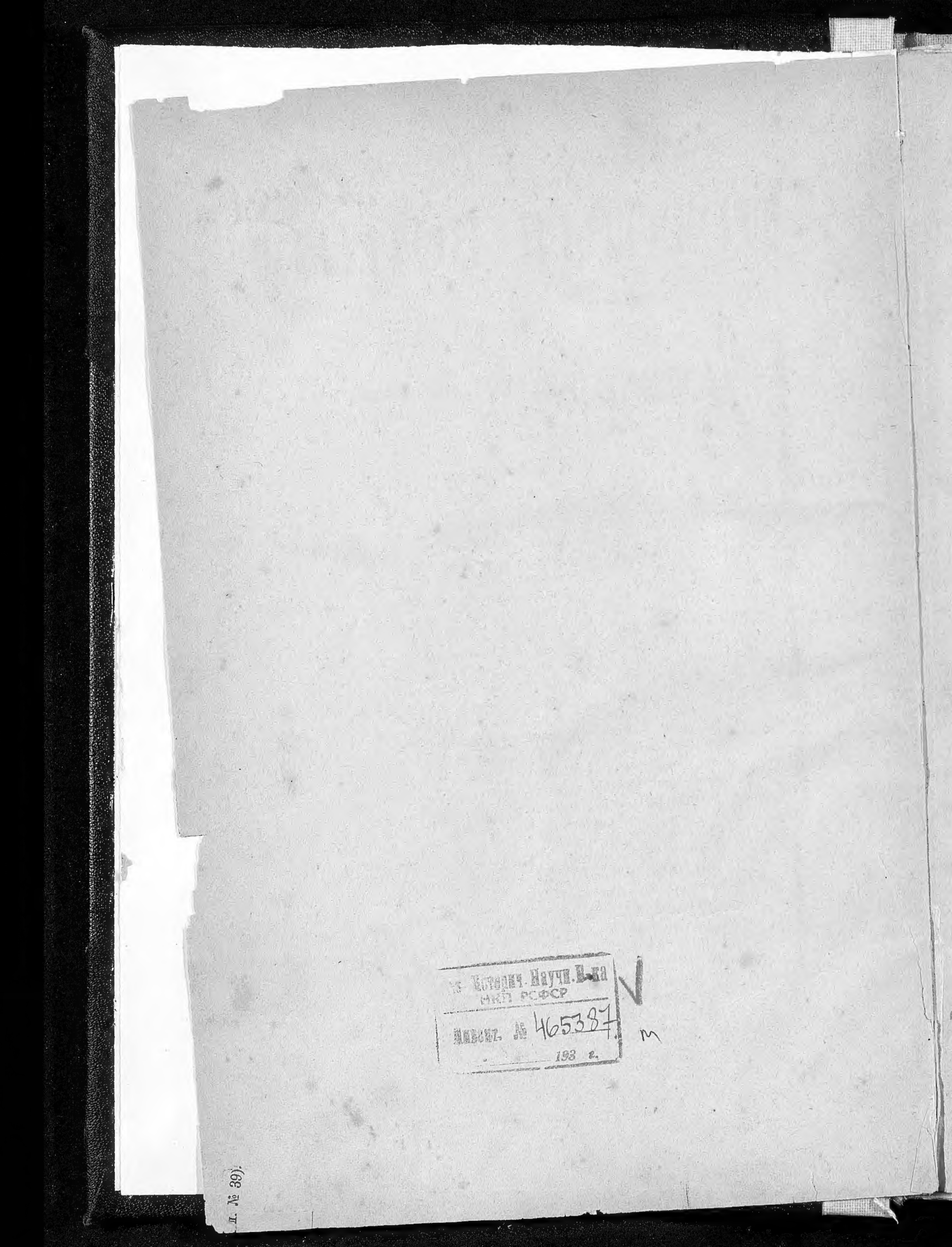
и

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеж
1886.


Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 465387
193 г.
Л. № 39).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Стремленіе Аги-Магометъ-хана къ единовластію въ Персіи.—Его борьба съ персидскими ханами и владѣльцами. — Бѣгство въ Россію Муртазы-Кули-хана гилянскаго.—Отношеніе Грузіи къ персидскому государству.—Внутреннее состояніе Грузіи.—Опасеніе Ираклія, что Ага-Магометъ вторгнется въ его владѣніе и просьба о помощи. — Прибытіе въ Георгіевскъ посланныхъ Аги-Магометъ-хана. — Цѣль и послѣдствія этого посольства.—Попытки Аги-Магометъ-хана подчинить своей власти Адербейджанскихъ хановъ.—Рескриптъ Императрицы Гудовичу.

Коварство, хитрость и измѣна доставили въ руки Аги-Магометъ-хана каджарскаго большую часть Персіи. Раздираемая междоусобіями, страна эта долгое время служила позорищемъ убійствъ, звѣрства и жестокостей всякаго рода. Исканіе трона было поводомъ къ безпрерывной враждѣ и междоусобной брани между владѣльцами. Каждый изъ хановъ, считавшій себя сильнѣе другихъ, старался захватить власть въ свои руки и сдѣлаться повелителемъ Ирана.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія наиболѣе сильнымъ владѣльцемъ былъ Ага-Магометъ-ханъ астрабадскій, происходившій изъ фамиліи Каджаровъ, овладѣвшій Испаганомъ и стремившійся съ единовластію въ Персіи. Убійца многихъ хановъ, имѣвшихъ несчастіе попасть въ его руки, Ага-Магометъ-ханъ извѣстенъ былъ своими жестокостями.

Маленькій ростомъ и сухощавый, Ага-Магометъ-ханъ издали казался мальчикомъ 14 или 15 лѣтъ. Сморщенное и безбородое лицо дѣлало его похожимъ на старую, опустившуюся тѣломъ женщину, а черты лица, которыя никогда не были пріятны, придавали ему ужасный видъ при неудовольствіи или гнѣвѣ, что случалось весьма часто.

Ненависть и кровавая злоба сверкали въ глубоко-вдавленныхъ глазахъ его, которые, при внутреннемъ волненіи, какъ будто обливались багровымъ мерцаніемъ. Проницающій взглядъ Аги-Магометъ-хана охватывалъ трепетомъ тѣхъ, на кого онъ смотрѣлъ, а презрительная улыбка тонкихъ и постоянно сжатыхъ губъ выражала полное и глубокое презрѣніе его ко всему окружавшему.

Высокая остроконечная шапка, изъ черныхъ смушекъ, покрывала его бритую голову, придавая мертвенный видъ желтому, безбородому и морщинистому лицу, свидѣтельствовавшему о томъ противоестественномъ увѣчьѣ, которое, будучи нѣкогда совершено надъ ребенкомъ, содѣлало изъ него въ зрѣломъ возрастѣ ненавистника всего человѣчества. Изуродованный тѣлесно, онъ сталъ извергомъ нравственнымъ... «Бренные останки Надиръ шаха, виновника увѣчья Аги-Магомета, сложилъ онъ подъ плиты коридора, ведущаго въ сераль, чтобы имѣть возможность ежедневно попирать прахъ, ему ненавистный; точно также желалъ бы онъ уложить въ одну гробницу весь родъ человѣческій, чтобы цѣлое человѣчество презрительно попирать ногою»... [1])

Господствующая страсть въ его поблекшей душѣ была властолюбіе, вторая—скупость, третья—мщеніе. Всѣмъ имъ онъ предавался въ крайней степени, въ особенности послѣдней. Ага-Магометъ-ханъ отличался своею жестокостію отъ всѣхъ бывшихъ властителей Персіи. Слова пощады, милости и человѣколюбія никогда не выходили изъ устъ властителя-евнуха, давно привыкшаго къ выраженіямъ ненависти, злобы и безчисленныхъ казней [2]).

Почти всѣ шахи персидскіе были богомольны, или по крайней мѣрѣ наружно соблюдали обряды своего закона, необходимые для поддержанія власти. Правила нравственности не были извѣстны шахамъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ каждому изъ нихъ

---

[1]) «Зурна» 1855 года, стр. 259. Романовскаго «Кавказъ и кавказская война», стр. 75. «Прахъ, который я попираю—говаривалъ Ага-Магометъ—значительно облегчаетъ раны моего сердца». См. «Кавказъ» 1855 года, № 101, стр. 405.

[2]) Подробности см. «Жизнеописаніе Ага-Магометъ-хана каджарскаго, основателя нынѣ царствующей въ Персіи династіи, съ краткимъ обозрѣніемъ послѣдовавшихъ послѣ его смерти главнѣйшихъ происшествій». Сынъ Отечества 1835 г., т. 171.

дозволялось пользоваться грубѣйшими чувственными наслажденіями, предаваться которымъ они считали особымъ преимуществомъ, исключительно принадлежавшимъ ихъ званію.

Персидскій шахъ не признаетъ никакой другой обязанности, кромѣ исполненія обрядовъ религіи. Человѣколюбіе, великодушіе и справедливость считаетъ онъ въ числѣ добродѣтелей, но не называетъ ихъ царскими обязанностями. Онъ предается роскоши, его окружающей, слушаетъ льстецовъ и падаетъ передъ начальникомъ войска, изнеможенный лѣнивою и порочною жизнію.

Шахъ привыкъ, чтобы всякому его взгляду повиновались безпрекословно, и потому каждый изъ нихъ сколько нетерпѣливъ въ исполненіи своихъ желаній, столько же и равнодушенъ къ самымъ важнымъ услугамъ.

Исторія Персіи показываетъ, что шахи всегда выбирали приближенныхъ къ себѣ людей изъ самаго низкаго состоянія. «Гордость самовластителя никогда не чувствуетъ бо́льшаго утѣшенія, какъ при воззрѣніи на людей, обязанныхъ милостямъ его, и которыхъ онъ однимъ дыханіемъ можетъ уничтожить.» За то въ Персіи не рѣдкость, что эти лица низкаго состоянія быстро возвышались и, умертвивъ своего повелителя, присвоивали себѣ власть его.

Такъ точно было и съ Агою-Магометъ-ханомъ. Евнухъ Надира, онъ послѣ его смерти сдѣлался властителемъ Персіи и впослѣдствіи, какъ увидимъ, самъ былъ умерщвленъ двумя любимыми своими нукерами [1]).

Изувѣченный на шестомъ году жизни и лишенный способности къ чувственнымъ наслажденіямъ, которыя на востокѣ всегда истощали душу и тѣло, Ага-Магометъ сталъ искать для себя иной пищи. Съ самаго малолѣтства имъ овладѣли честолюбіе и мысль о возвышеніи, которую онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь съ рѣдкимъ постоянствомъ и съ неутомимымъ стремленіемъ.

Счастіе, возвысившее поперемѣнно Надиръ-шаха и Керимъхана до степени властелиновъ Персіи, ослабило то религіозное уваженіе народа къ царственному дому, которое такъ сильно

---

[1]) Всеподд. рапортъ Гудовича 20-го іюня 1797 года. Георгіевскій Военный Архивъ.

охраняло слабыхъ правителей Персіи изъ дома Софи. Каждый, предводительствуя нѣсколькими человѣками, думалъ и надѣялся достигнуть престола. Санъ государя былъ такъ часто похищаемъ, что не внушалъ къ себѣ уваженія народа. Ага-Магометъ-ханъ былъ на пути къ престолу тогда, когда въ Персіи господствовала полная анархія.

Солдаты, привыкшіе къ бунтамъ и грабежамъ, возставали противъ всякой власти, которая могла ихъ устрашать опасностію лишиться беззаконной жатвы. Города и селенія подвергались такъ часто грабительствамъ, что жители, бросая дома, не находили другихъ способовъ къ пропитанію, кромѣ взаимнаго грабежа; другіе добровольно убѣгали, оставляя на расхищеніе свое имущество. Дороги были наполнены разбойниками, грабившими караваны съ товарами, и оттого торговля значительно упала.

Слабость государства, недостатокъ въ рѣшительныхъ и энергическихъ людяхъ способствовали возвышенію Аги-Магометъ-хана и его утвержденію на престолѣ.

Сухой тѣломъ, Ага-Магометъ-ханъ пріучилъ себя къ воздержанію и къ дѣятельной жизни. Восемнадцать лѣтъ онъ уже велъ войну изъ-за обладанія персидскимъ престоломъ и не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы достигнуть своей завѣтной цѣли. Желаніе захватить власть въ свои руки заглушало въ немъ всѣ человѣческія чувства, и онъ не пощадилъ своихъ братьевъ, изъ которыхъ одного умертвилъ, другому выкололъ глаза, а третьяго, Муртазу-Кули-хана, выгналъ изъ Гиляна и завладѣлъ принадлежавшими ему городами Рештомъ и Энзели. Покинувъ свои владѣнія и оставивъ въ рукахъ жестокаго своего брата мать, жену и дѣтей, Муртаза-Кули-ханъ искалъ содѣйствія хановъ ширванскаго и талышинскаго къ возвращенію отнятаго у него ханства. Онъ отправилъ также посланнаго и въ Россію съ просьбою о помощи и покровительствѣ.

Наше правительство смотрѣло неравнодушно на возвышеніе Аги-Магометъ-хана, человѣка измѣнчиваго, коварнаго и извѣстнаго своимъ недоброжелательствомъ.

Обѣщая покровительство Муртазѣ-Кули-хану, русскій дворъ

не могъ, однако же, оказать ему существенной помощи, по слишкомъ большому отдаленію Гиляна отъ нашихъ границъ.

При содѣйствіи хановъ ширванскаго и талышинскаго, Муртаза-Кули-ханъ успѣлъ снова сдѣлаться владѣтелемъ Гиляна, но Ага-Магометъ-ханъ тотчасъ же отправилъ противъ него пять хановъ съ войсками, приказавъ имъ выгнать брата изъ его владѣній. Муртаза-Кули-ханъ встрѣтилъ непріятелей и разбилъ ихъ такъ, что всѣ пять хановъ попались въ руки побѣдителя. Въ числѣ плѣнныхъ были два: Риза-ханъ и Абасъ-ханъ, особенно близкіе Агѣ-Магометъ-хану, на которыхъ Муртаза-Кули-ханъ наложилъ оковы и оставилъ у себя въ обезпеченіе своего семейства, захваченнаго Агою-Магометъ-ханомъ.

Эта побѣда все-таки не обезпечивала положенія Муртазы-Кули-хана, который, въ теченіе восьми лѣтъ, принужденъ былъ бороться, съ перемѣннымъ счастьемъ, съ своимъ сильнымъ братомъ. Онъ нѣсколько разъ возвращался въ свои владѣнія и былъ снова выгоняемъ; наконецъ, въ концѣ декабря 1792 года, Муртаза-Кули-ханъ бѣжалъ изъ Гиляна на русскій фрегатъ, на которомъ, 30-го апрѣля 1793 года, и былъ доставленъ въ Астрахань вмѣстѣ съ двумя плѣненными имъ ханами [1]).

По прибытіи въ Россію, Муртаза испрашивалъ дозволенія отправиться въ Петербургъ, для представленія своей просьбы Императрицѣ, но желаніе это было отстранено.

«Вы отклоните его отъ сего желанія пристойнымъ образомъ, писала Екатерина Гудовичу [2]), какъ-то внуша ему трудность столь дальняго осенняго пути, жестокость зимы здѣшней и другія тому подобныя обстоятельства. Онъ можетъ остаться въ Кизлярѣ до тѣхъ поръ, дондеже откроется удобность, безъ дальняго усилія, возстановить его въ Гилянѣ. Происходящія въ Персіи безпокойства и междоусобія вскорѣ могутъ представить таковую удобность.»

Не получивъ разрѣшенія ѣхать въ Петербургъ, Муртаза-Кули-ханъ былъ переселенъ на жительство въ Кизляръ, «какъ негубернскій городъ», писалъ Гудовичъ, «ближе къ персидскимъ гра-

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича 5-го іюня 1793 года.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 9-го августа 1793 года.

ницамъ и ближе къ надзиранію моему» [1]). Здѣсь повелѣно было производить Муртазѣ по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ на содержаніе какъ его, такъ и многочисленной его свиты, простиравшейся до тридцати человѣкъ.

Климатическія условія Кизляра и его окрестностей не благопріятствовали здоровью Муртазы-Кули-хана. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ этотъ городъ, онъ сдѣлался болѣнъ и просилъ объ отправленіи его обратно въ Астрахань. «Я и самъ, писалъ Гудовичъ [2]), найдя его, въ бытность мою въ Кизлярѣ, дѣйствительно весьма больнымъ, принужденъ былъ согласиться на переѣздъ его, для перемѣны воздуха, въ Астрахань.»

Съ удаленіемъ Муртазы-Кули-хана въ Россію, единственнымъ противникомъ Аги-Магометъ-хана остался Лютфъ-Али-ханъ ширазскій. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній противниковъ, Ага-Магометъ-ханъ побѣдилъ Лютфъ-Али-хана, овладѣлъ Ширазомъ, захватилъ въ немъ большія сокровища и возвратился въ Тегеранъ.

Сдѣлавшись властителемъ большей части Персіи, Ага-Магометъ-ханъ сталъ теперь мечтать о шахскомъ достоинствѣ и объ утвержденіи своей власти на всемъ пространствѣ древняго владѣнія персовъ, но для этого ему необходимо было сдѣлать еще весьма многое. До истребленія въ Персіи царственной династіи Софи, Грузія была подъ властію шаха. Властитель Персіи имѣлъ право, по произволу своему, поставлять царемъ Грузіи того, кого пожелаетъ, лишь бы онъ былъ изъ дома Багратіоновъ. Царь и князья грузинскіе получали ежегодно приличное жалованье отъ шаха, имѣли жалованныя помѣстья въ Персіи, доходы съ которыхъ ежегодно доставлялись въ Грузію, и сверхъ того, каждый годъ грузинскій царь и знатнѣйшіе князья получали отъ шаха подарки. Взамѣнъ того, грузинскій царь обязанъ былъ давать одинъ разъ въ теченіе семи лѣтъ семь мальчиковъ и дѣвицъ. Для охраненія Грузіи отъ вторженій сосѣдственныхъ народовъ, въ тифлисской крѣпости находились персидскія войска.

---

[1]) Письмо Гудовича графу П. А. Зубову 6-го іюня 1793 года.
[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе Гудовича 9-го октября 1793 года.

Турки выгнали персіянъ изъ Грузіи и завели въ ней новые порядки, клонившіеся къ тому, чтобы заставить населеніе принять магометанскій законъ, но Надиръ-шахъ возстановилъ прежнюю зависимость Грузіи отъ Персіи и поставилъ тамъ царемъ сначала Александра Багратіона, а послѣ него отдалъ Карталинское царство дядѣ его Теймуразу, Катехинское же сыну Теймураза Ираклію. Первый, съ позволенія шаха, короновался въ Мцхетѣ. Впослѣдствіи Ираклій соединилъ подъ свою державу оба царства и, пользуясь смутами, происходившими въ самой Персіи, освободился отъ власти шаховъ. Отдѣленіе Грузіи имѣло весьма большое значеніе для царствующей династіи иранскаго государства.

Персія, кромѣ ханствъ, входившихъ въ составъ государства и непосредственно зависѣвшихъ отъ власти шаха, имѣла еще намѣстничества, правители которыхъ назывались вали. Такихъ намѣстниковъ или вали, было четыре: арабистанскій, гуржистанскій (грузинскій царь), лористанскій и курдистанскій [1]).

Всѣ они имѣли при шахскомъ дворѣ званія и должности и обязаны были непремѣнно находиться при коронаціи персидскихъ шаховъ, происходившей обыкновенно въ городѣ Ардевилѣ, въ Адербейджанѣ. Во время этой церемоніи, вали арабистанскій держалъ всегда жигу (перо изъ шапки, замѣняющей корону), гуржистанскій—мечъ, лористанскій—балабутъ (порфиру) и курдистанскій—украшеніе, состоящее изъ двухъ перевязей, убранныхъ алмазами. Безъ признанія властителя Персіи въ шахскомъ достоинствѣ хотя бы однимъ изъ четырехъ вали шахъ не могъ короноваться.

Понятно, почему Ага-Магометъ-ханъ, искавшій трона, долженъ былъ прежде всего завладѣть Адербейджаномъ и подчинить своей власти царя грузинскаго. Онъ зналъ, что если станетъ короноваться не въ Ардевилѣ, а въ какомъ либо другомъ городѣ, и если при этой церемоніи не будетъ присутствовать вали Гуржистана, то народъ не признаетъ его шахомъ. Поэтому, вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Тегеранъ, Ага-Магометъ-ханъ, пользуясь при-

[1]) Объ обязанностяхъ грузинскаго царя и отношеніяхъ его къ шахамъ Персіи см. «Вѣстникъ Европы» 1807 г. ч. 32, № 6, стр. 150: «Сокращенное извлеченіе изъ любопытныхъ записокъ о происшествіяхъ въ Персіи и Грузіи, случившихся въ исходѣ минувшаго столѣтія».

глашеніемъ Джевадъ-хана ганжинскаго, обѣщавшаго ему дѣйствовать совокупно противъ царя Грузіи, отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, Сулейманъ-хана, съ 20,000 войскъ въ Тавризъ, съ приказаніемъ собрать къ себѣ всѣхъ окрестныхъ хановъ: ардевильскаго, хойскаго, нахичеванскаго, эриванскаго, ганжинскаго и другихъ съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ признать надъ собою власть Аги-Магометъ-хана и склонить къ тому же Ибраимъ-хана шушинскаго (карабагскаго), а въ противномъ случаѣ разорить его владѣнія и взять Шушу. Въ случаѣ согласія Ибраимъ-хана подчиниться властителю Ирана, Сулейманъ-ханъ долженъ былъ, соединившись съ приглашенными имъ ханами, дѣйствовать противъ Грузіи.

Посылка въ Адербейджанъ Сулейманъ-хана не имѣла успѣха. Ханы не явились на его призывъ, за исключеніемъ одного только хана ганжинскаго. Будучи данникомъ царя грузинскаго, Джевадъ-ханъ былъ недоволенъ Иракліемъ за покровительство племяннику его, Раимъ-хану, искавшему случая возвратить имѣніе, законно ему принадлежавшее, но отнятое дядею. Ираклій требовалъ, чтобы Джевадъ-ханъ отдалъ имѣніе племяннику и, въ случаѣ несогласія, грозилъ принудить его къ тому силою. Не соглашаясь на требованіе и зная, что въ Тифлисѣ набираются уже войска, Джевадъ-ханъ обратился къ Агѣ-Магометъ-хану и, обѣщая ему содѣйствіе, уговаривалъ его вторгнуться въ Грузію и овладѣть ею.

Переговоры Джевадъ-хана съ Агою-Магометъ-ханомъ, крайне безпокоили Ираклія. Пользуясь тѣмъ, что одинъ изъ сыновей его, царевичъ Миріанъ, находился въ то время въ Петербургѣ, Ираклій просилъ черезъ него защиты Россіи.

«Обстоятельства понудили меня,» писалъ онъ сыну [1]), «симъ письмомъ увѣдомить тебя о нашемъ нынѣ опасномъ состояніи, ибо носится слухъ вѣроятный, что Ага-Магометъ-ханъ, пріуготовляя войско, имѣетъ стремленіе въ движеніи своемъ противъ насъ чрезъ призывающихъ его нѣкоторыхъ хановъ, и ежели сіе намѣреніе ему удастся, то принудитъ признать себя шахомъ надъ всею Персіею. Какъ мы не имѣемъ другой защиты, кромѣ высочайшаго

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го марта 1793 года.

ея императорскаго величества престола, то приказываю тебѣ, яко родитель, принять сыновнее усердіе, и сію просьбу мою, повергая къ священнымъ стопамъ, всенижайше поднести ея величеству, черезъ его сіятельство графа Платона Александровича Зубова, дабы, воззрѣвъ премудрѣйшимъ и высокомонаршимъ окомъ на наше нынѣшнее опасное состояніе, оказала матернюю милость, дабы какимъ либо знакомъ дать непріятелю восчувствовать, что Грузія находится подъ покровительствомъ и защитою столь великія монархини, чрезъ что, врагъ, опасаясь страшнаго гнѣва, оставитъ легкое своё покушеніе.»

Царевичъ Миріанъ исполнилъ желаніе отца, и черезъ графа Платона Александровича Зубова обратился съ просьбою къ самой Императрицѣ.

Просьба Миріана была разсмотрѣна въ совѣтѣ, который призналъ необходимымъ обнадежить Ираклія помощью въ томъ случаѣ, если бы Ага-Магометъ-ханъ имѣлъ дѣйствительное намѣреніе вторгнуться въ Грузію.

Командовавшему войсками на Кавказѣ генералу Гудовичу поручено было внушить Агѣ-Магометъ-хану, что Россія не можетъ смотрѣть равнодушно на его непріязненные поступки противъ владѣній, находящихся въ ея подданствѣ или покровительствѣ, и стараться поощрить прочихъ горскихъ владѣльцевъ къ совокупному сопротивленію, «подавая съ своей стороны имъ или самому царю (Грузіи) *дѣятельное пособіе, поколику возможно, не заходя въ большія издержки и хлопоты.*»

Вскорѣ послѣ того, и именно въ февралѣ 1794 года, прибылъ въ Георгіевскъ посланный царя Ираклія, его генералъ-адъютантъ, князь Герсеванъ Чавчавадзе. Онъ просилъ Гудовича отправить его въ Петербургъ, говоря, что имѣетъ полномочія Соломона, царя имеретинскаго, князя Дадіана мингрельскаго и князя Вахтанга Гуріеля и прошеніе за общею подписью о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи, на томъ же самомъ основаніи, на которомъ принята Грузія, но что главнѣйшею цѣлью посольства была просьба царя оказать ему помощь противъ покушеній Аги-Магометъ-хана.

— Хотя теперь, говорилъ князь Чавчавадзе Гудовичу, Ага-Магометъ-ханъ и не дѣлаетъ еще никакихъ претязаній царю Ирак-

лію, но какъ онъ сильнѣйшій ханъ въ Персіи и показываетъ виды сдѣлаться общимъ владѣтелемъ въ оной, то, въ случаѣ нападенія его на Грузію, царь Ираклій, какъ находящійся подъ державою ея императорскаго величества, надѣется на защиту войскъ россійскихъ.

Опасность Грузіи могла предстоять весьма скоро.

Послѣ паденія Лютфъ-Али-хана, измѣною попавшагося въ руки своего противника, въ Персіи не оставалось ни одного изъ хановъ, который былъ бы предпріимчивъ и на столько силенъ, чтобы могъ противиться властолюбивымъ намѣреніямъ Аги-Магометъ-хана. Можно было предполагать съ полною вѣроятностью, что Ага-Магометъ, подчинивъ своей власти всю Персію и добиваясь шахскаго достоинства, не оставитъ, по причинамъ вышеизложеннымъ, своихъ притязаній на Грузію и будетъ стараться всѣми силами подчинить ее своей власти. Хотя для достиженія этой цѣли ему и предстояло еще покорить нѣкоторыхъ хановъ, владѣнія которыхъ отдѣляли его отъ Грузіи, но на препятствія эти нечего было полагаться. Отличаясь непостоянствомъ своего поведенія, каждый изъ персидскихъ хановъ склонялся на сторону того, кого считалъ сильнѣйшимъ и подчиниться которому находилъ наиболѣе выгоднымъ. Сегодня врагъ и соперникъ, онъ легко дѣлался завтра союзникомъ и сторонникомъ. Зная всѣ свойства и характеръ персіянъ, Ираклій не безъ основанія безпокоился о своемъ положеніи, хотя казалось, что Ага-Магометъ-ханъ не могъ быть особенно страшенъ Грузіи. Если онъ въ теченіе трехъ лѣтъ долженъ былъ бороться и оспаривать первенство у Лютфъ-Али-хана, сравнительно слабаго, то Грузія, по своему населенію, конечно, могла бы дать отпоръ войскамъ Аги-Магометъ-хана и отбиться отъ его притязаній; но, къ сожалѣнію, безпорядки въ странѣ и раздоры, существовавшіе въ царскомъ семействѣ, не давали Ираклію никакой надежды на спасеніе Грузіи, въ случаѣ непріятельскаго вторженія.

Царь Ираклій имѣлъ много дѣтей и отъ двухъ женъ. Онъ раздѣлилъ все свое царство на мелкія части и передалъ ихъ въ управленіе своимъ дѣтямъ, вскорѣ между собою перессорившимся. Удрученный годами и ранами, самъ Ираклій сознавалъ свою слабость и легко поддавался вліянію своей супруги, царицы Дарьи,

которая мало-по-малу захватывала власть въ свои руки. Интересы и виды царицы Дарьи не согласовались съ видами и желаніями Ираклія; царица недоброжелательно смотрѣла на царевича Георгія, родившагося отъ перваго брака, и не смотря на то, что онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ царства, Дарья старалась устранить его отъ престолонаслѣдія. Желая сдѣлать преемникомъ Ираклія своего старшаго сына, царевича Юлона, царица была главнѣйшимъ центромъ, изъ котораго исходили всѣ интриги и недоразумѣнія въ царскомъ семействѣ, превратившіяся впослѣдствіи въ открытую и явную вражду.

Царевичи не слушали другъ друга, не повиновались отцу; въ странѣ проявились многочисленные безпорядки, не было единства, не было и силы. При такомъ положеніи Грузіи, Ага-Магометъ-ханъ имѣлъ полную возможность, покоривъ сосѣднихъ Грузіи хановъ, вторгнуться въ ея предѣлы и разорить владѣнія царя Ираклія. Онъ удерживался только опасеніемъ разрыва съ Россіею, противъ которой не хотѣлъ до времени оказывать непріязненныхъ поступковъ. Не сознавая въ себѣ достаточно силы для открытой борьбы, Ага-Магометъ-ханъ старался выказать свое расположеніе русскому правительству. Съ этою цѣлью онъ сталъ покровительствовать русскимъ купцамъ, торгующимъ въ Персіи, и предлагалъ, черезъ жителей Гиляна, построить тамъ домъ для консула и склады для товаровъ. Ага-Магометъ-ханъ хлопоталъ, чтобы русскіе основали свой главный торговый центръ въ Гилянѣ и находились въ его рукахъ, что было, конечно, для него гораздо выгоднѣе, чѣмъ устройство нами торговаго пункта на островѣ Саро, гдѣ мы были совершенно независимы и самостоятельны.

Занятіе острова Саро и устройство тамъ складовъ было вызвано необходимостью. Постоянные безпорядки въ Персіи, своевольство хановъ и притѣсненія, испытываемыя русскимъ купечествомъ, заставили наше правительство искать средствъ къ обезпеченію торговли и къ устраненію всѣхъ препятствій, до крайности разнообразныхъ. Такъ, когда послѣдовало запрещеніе на вывозъ изъ Россіи серебряной и золотой монеты, то у нѣсколькихъ бакинскихъ купцовъ въ Астрахани были конфискованы спрятан-

ныя ими деньги. По жалобѣ этихъ купцовъ, Хуссейнъ-Кули-ханъ бакинскій сталъ притѣснять нашихъ купцовъ въ Баку, требовалъ отъ нихъ огромныхъ пошлинъ, силою отбиралъ товары и даже побоями вымогалъ у нихъ деньги. На представленіе нашего консула, ханъ отговаривался тѣмъ, что все это дѣлаетъ не онъ, а духовенство, которое, по ихъ обычаямъ, рѣшаетъ всѣ дѣла.

— У васъ, говорилъ ханъ, точно также не Гудовичъ распоряжается торговлею, а астраханская уголовная палата (?). Я полагаю, что мои духовные не хуже вашей палаты.

Ханы ширванскій и шекинскій, наиболѣе другихъ терпѣвшіе отъ такого своевольства бакинскаго хана, жаловались на упадокъ торговли съ Россіею, грозили войною Хуссейнъ-Кули-хану, но тотъ не обращалъ на угрозы никакого вниманія. Нашъ консулъ говорилъ, что если подобное положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, то необходимо избрать другой пунктъ для склада товаровъ [1]). Такимъ пунктомъ и избранъ былъ островъ Саро.

Занятіе этого острова, возведеніе на немъ необходимыхъ построекъ и постоянное нахожденіе тамъ русской флотиліи возбудили сильное опасеніе со стороны прибрежныхъ персидскихъ владѣтелей. Бакинскій ханъ тотчасъ же перемѣнилъ свое поведеніе, а ближайшій къ этому острову владѣлецъ Мустафа-ханъ талышинскій сталъ искать подданства Россіи [2]); другіе ханы точно также выказывали наружные знаки своей преданности. Примѣру талышинскаго хана послѣдовалъ ханъ шемахинскій [3]), а нѣсколько ранѣе его дербентскій Шейхъ-Али-ханъ прислалъ въ Георгіевскъ своего посланнаго, который хотя и присягнулъ на подданство Россіи [4]), но когда Гудовичъ отправилъ въ Дербентъ офицера съ просьбою, чтобы ханъ самъ подписалъ условія, то Шейхъ-Али отказался отъ этого.

Будучи пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, ханъ руководился въ своихъ поступкахъ совѣтами матери и дядьки. Онъ искалъ подданства только потому, что, испуганный движеніемъ Сулейманъ-

[1]) Рапорты Скибиневскаго, 3-го и 28-го сентября 1793 года. Геогр. Арх.

[2]) Письмо Гудовича графу П. А. Зубову, 9-го декабря 1794 года.

[3]) Тоже, 16-го ноября 1793 года

[4]) Тоже, отъ 6-го іюня 1793 года.

хана, опасался вторженія персіянъ въ его владѣнія; но едва только опасность эта миновала, лишь только онъ узналъ, что Ага-Магометъ-ханъ занятъ внутренними дѣлами въ Персіи, онъ тотчасъ же отказался отъ подданства. Шейхъ-Али-ханъ говорилъ, что, по ихъ обычаямъ, подписать условій не можетъ, а въ знакъ своей вѣрности цѣлуетъ коранъ. Онъ прислалъ письмо на высочайшее имя, въ которомъ писалъ, что отправилъ своего посланнаго для заключенія условій подданства, по примѣру предковъ. Гудовичъ отвѣчалъ, что если ханъ не подпишетъ условій подданства, то письмо его не будетъ представлено Императрицѣ [1].

— Вступая въ подданство ея императорскаго величества, говорилъ Гудовичъ посланному дербентскаго хана при его отправленіи, вы находите свое счастье, тогда какъ Государыня принимаетъ васъ подъ свою державу только изъ одного великодушія и употребляетъ лишь однѣ издержки.

Не смотря на эти убѣжденія, Шейхъ-Али-ханъ все-таки не соглашался подписать условій. Онъ признавалъ себя теперь на столько самостоятельнымъ и независимымъ, что находилъ возможнымъ заявить свое притязаніе на Баку, хана которой считалъ своимъ данникомъ. Шейхъ-Али-ханъ собралъ войска и двинулся противъ Хуссейнъ-Кули-хана, не обращая вниманія на то, что бакинскій ханъ давно искалъ покровительства и даже подданства Россіи.

Хуссейнъ-Кули-ханъ просилъ о принятіи его въ подданство еще въ 1792 году, и если не былъ принятъ, то по проискамъ того же дербентскаго Шейхъ-Али-хана При отправленіи своего чиновника съ прошеніемъ о подданствѣ, Шейхъ-Али-ханъ включилъ въ число своихъ владѣній и Бакинское ханство, такъ что наше правительство было въ первое время въ весьма затруднительномъ положеніи, не зная, какъ поступать съ бакинскимъ ханомъ: считать ли его независимымъ, или подданнымъ хана дербентскаго.

Городъ Баку имѣлъ всегда своего хана, который еще при

[1]) Письмо Гудовича графу П. А. Зубову, отъ 16-го ноября 1793 года. Геогр. Арх.

Императорѣ Петрѣ I пользовался особымъ покровительствомъ Россіи. Незначительность владѣній бакинскаго хана была причиною того, что онъ въ послѣднее время находился въ нѣкоторой зависимости и вассальствѣ дербентскаго хана, которому и платилъ дань.

Имѣя въ виду, что Баку весьма важенъ для нашей торговли, Гудовичъ ходатайствовалъ о принятіи отдѣльно бакинскаго хана въ подданство Россіи, съ тѣмъ, чтобы положить конецъ притязаніямъ на него Шейхъ-Али-хана дербентскаго. Послѣднему Гудовичъ писалъ, чтобы онъ не разорялъ Баку, такъ-какъ, включивъ городъ этотъ въ число своихъ владѣній, Шейхъ-Али-ханъ тѣмъ самымъ уже передалъ его подъ покровительство Россіи.

Въ сентябрѣ 1795 года послѣдовало согласіе Императрицы на принятіе бакинскаго хана въ подданство Россіи, и 5-го декабря его посланный былъ отправленъ въ Петербургъ. Не ограничиваясь этою отправкою, Гудовичъ требовалъ личной присяги хана, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій подданства: 1) чтобы онъ и его преемники утверждались въ ханскомъ достоинствѣ русскими императорами и оставались имъ вѣрными; 2) чтобы ханы не дѣлали никакихъ сношеній, условій и переговоровъ съ сосѣдями, безъ согласія на то главнаго русскаго начальника того края; 3) чтобы ханы оказывали покровительство и доставляли всѣ возможныя преимущества русскимъ купцамъ, торгующимъ въ Баку и въ Персіи; 4) чтобы бакинцы не грабили товаровъ съ разбившихся судовъ, а сохраняли ихъ, для выдачи владѣльцамъ; 5) чтобы въ Баку постоянно находился русскій консулъ и столько военныхъ судовъ, сколько русское правительство признаетъ необходимымъ, и наконецъ, 6) чтобы бакинскій ханъ платилъ дербентскому ту дань, которую онъ платилъ до сихъ поръ [1]).

Почти одновременно съ бакинскимъ ханомъ искалъ подданства Россіи и уцмій каракайдакскій, владѣнія котораго, прилегая къ Каспійскому морю, находились между владѣніями шамхала тарковскаго и хана дербентскаго [2]).

Аварскій ханъ также старался показать будто бы преданъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича, 5-го декабря 1795 года.

[2]) Тоже, 2-го августа 1795 года.

Россіи. Человѣкъ до крайности корыстолюбивый, дикій и хищный, владѣтель народа грубаго и буйнаго, но крайне бѣднаго, аварскій ханъ не имѣлъ въ дѣйствительности искренняго расположенія къ Россіи, но искалъ его изъ одного только интереса: онъ просилъ, чтобы ему выдавали ежегодно жалованья по 10,000 руб. Гудовичъ возвратилъ посланнаго аварскаго хана, которому писалъ, что неприлично ему входить въ договоры «съ наивеличайшею въ свѣтѣ Государынею» и что, искавши покровительства, онъ долженъ положиться на ея волю, безъ всякаго условія, съ полною надеждою на извѣстное всему свѣту ея великодушіе и щедроты [1]). Гудовичъ приводилъ въ примѣръ шамхала тарковскаго, вступившаго въ подданство Россіи и облагодѣтельствованнаго милостями Императрицы.

Шамхалъ тарковскій, безъ сомнѣнія, былъ самый преданный намъ изъ всѣхъ владѣльцевъ Дагестана и персидскихъ хановъ. Принимая подданство Россіи, онъ не испрашивалъ себѣ никакихъ привилегій, полагаясь вполнѣ на великодушіе Императрицы. Шамхалъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; ему пожалована грамата, знаки инвеституры, бриллiантовое перо и по шести тысячъ рублей въ годъ на наемъ войскъ. Подъ предлогомъ содержанія при немъ постояннаго почетнаго конвоя, былъ назначенъ секундъ-маіоръ Манѣевъ и съ нимъ двадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ. Манѣевъ имѣлъ главнѣйшимъ образомъ порученіе слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ шамхальствѣ.

Самъ по себѣ Магометъ шамхалъ тарковскій ничего не значилъ въ своемъ владѣніи. Будучи человѣкъ старый и нетрезваго поведенія, Магометъ, не входя въ дѣла правленія, передалъ ихъ старшему сыну и наслѣднику Мегтію, по настоянію котораго и вступилъ въ подданство Россіи. Имѣя около тридцати лѣтъ отъ роду, Мегтій хорошо сознавалъ всѣ выгоды такого подданства и настаивалъ на этомъ. При жизни отца онъ управлялъ уже шамхальствомъ—однимъ изъ обширнѣйшихъ владѣній въ Дагестанѣ. Хотя шамхалъ тарковскій, кромѣ незначительнаго числа стражи, не имѣлъ постоянныхъ войскъ, но, въ случаѣ нужды, могъ со-

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича, 5-го декабря 1795 года.

брать вооруженныхъ жителей, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, до 15,000 человѣкъ [1]). Эта цифра была весьма значительна для прочихъ горскихъ владѣтелей, и потому шамхалы тарковскіе всегда имѣли большое вліяніе не только на сосѣднихъ хановъ и горскихъ владѣльцевъ, но и на хановъ ближайшихъ къ нимъ внутреннихъ персидскихъ провинцій.

Такая безусловная покорность шамхала тарковскаго и исканіе покровительства Россіи многими персидскими ханами, не нравились Агѣ-Магометъ-хану, желавшему подчинить ихъ своей власти. Смотря крайне недоброжелательно на Россію, онъ до времени старался, однако же, скрыть свое нерасположеніе, все еще надѣясь выручить изъ Астрахани находящагося въ плѣну у Муртазы-Кули-хана преданнаго ему Абасъ-хана.

Въ исходѣ іюля 1795 года прибыли черезъ Астрахань въ Кизляръ посланные Агою-Магометъ-ханомъ два чиновника, просившіе препроводить ихъ въ Георгіевскъ къ Гудовичу, которому и объявили, что присланы отъ шаха, «*теперь Персіею по благости Божіей владѣющаго*». На вопросъ Гудовича, имѣютъ ли они письма или кредитивныя граматы, посланные передали ему два письма: одно отъ правителя Гиляна, а другое отъ Аджи-Ибрагима, называвшаго себя шахскимъ визиремъ. Оба они писали, что шахъ, будучи искренно расположенъ къ Россіи, желаетъ продолженія дружбы и добраго согласія, и что во всей Персіи приказано обращаться съ русскими пріязненно и «со всею ласкою». Надѣясь, что русское правительство не откажется доказать дружественное расположеніе къ Персіи и ея новому властителю, писавшіе просили, отъ имени Аги-Магометъ-хана, освободить находившагося въ Астрахани Абасъ-хана и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить ихъ къ высочайшему двору для «*донесенія дѣлъ, порученныхъ имъ отъ шаха*».

— Я до сихъ поръ не знаю въ Персіи шаха, а тѣмъ менѣе его визиря, отвѣчалъ Гудовичъ посланнымъ. Такъ какъ вы не имѣете отъ Аги-Магометъ-хана испаганскаго ни письма къ Императрицѣ, ни полномочія, то и не могу васъ принять за посланцевъ,

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича, 16-го ноября 1793 года.

еще менѣе отправить васъ къ высочайшему двору. Могу тольк ринять васъ, какъ партикулярныхъ людей, пріѣхавшихъ по своей адобности, и предоставляю вашему усмотрѣнію оставаться здѣсь, сли имѣете надобность, или ѣхать обратно. Находящагося же въ страхани Абасъ-хана, я, безъ повелѣнія ея императорскаго веичества, освободить не могу.

Отказъ Гудовича выдать Абасъ-хана окончательно возстаноилъ Агу-Магометъ-хана противъ Россіи. Увлеченный успѣхомъ нутри Персіи и не имѣя возможности нанести Россіи непосредтвенный вредъ, Ага-Магометъ-ханъ сталъ требовать покорности ановъ, искавшихъ нашего покровительства. Онъ разослалъ посюду своихъ посланныхъ съ объявленіемъ, что тѣ ханы, котоые не признаютъ себя его подданными, будутъ изгнаны, владѣія ихъ разорены, а жители истреблены. Чтобы еще болѣе устраить непокорныхъ, Ага-Магометъ-ханъ распустилъ слухъ о знаительности собранныхъ имъ войскъ.

— Для персіянъ и для горцевъ, говорилъ Гудовичъ, слухъ тотъ можетъ быть и страшенъ, но на самомъ дѣлѣ онъ ничего е значитъ, ибо Ага-Магометъ-ханъ имѣетъ войско слабое, всякую обранную сволочь, съ ружьями большею частію съ фитилями, ало порядочныхъ пушекъ, а больше возимыя на верблюдахъ, мѣетъ много слоновъ и тому подобное.

Заявивъ притязанія на Эривань и Ганжу, ханы которыхъ соокъ лѣтъ передъ тѣмъ признавали надъ собою и своимъ наромъ власть царя Грузіи, Ага-Магометъ-ханъ становился въ неріязненныя отношенія къ нашему правительству, зная, что Грузія аходится подъ покровительствомъ Россіи.

«Обстоятельства Персіи перемѣняются, писалъ Гудовичъ [1]). Агаагометъ-ханъ испаганскій усиливается и, побѣдивши своего неріятеля Лютфъ-Али-хана ширазскаго, который измѣною чиновниовъ своихъ попалъ въ плѣнъ и умерщвленъ [2]), возрастаетъ въ ысокомѣрныхъ своихъ замыслахъ, собираетъ войска и устрашаетъ рочихъ хановъ себѣ на покореніе, грозитъ нападеніемъ на Грузію,

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ графу П. А. Зубову, 7-го мая 1795 года.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ, Лютфъ-Али-ханъ не былъ умерщвленъ, но отправнъ въ ссылку.

отчего царь Ираклій Теймуразовичъ сильно встревожился и проситъ военной помощи.»

По первому слуху о сборѣ персидскихъ войскъ, Ираклій отправилъ уже своего посланнаго на Кавказскую линію съ просьбою оказать ему помощь войсками для отраженія Аги-Магометъ-хана. Не имѣя прямаго повелѣнія послать въ Грузію русскія войска, Гудовичъ писалъ Ираклію, что не видитъ скорой опасности Грузіи, такъ какъ между ею и владѣніями Аги-Магометъ-хана есть еще много персидскихъ хановъ, ему непокорившихся. Гудовичъ совѣтовалъ царю Ираклію соединиться съ имеретинскимъ царемъ Соломономъ для совокупнаго отраженія врага, который къ тому же долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе отъ пограничныхъ съ Грузіею хановъ карабагскаго и эриванскаго, какъ извѣстно, непризнавшихъ надъ собою власти Аги-Магометъ-хана.

Эриванскій ханъ принималъ мѣры къ оборонѣ и снабжалъ свою крѣпость всѣмъ необходимымъ на весьма продолжительный срокъ—на семь лѣтъ. Кромѣ коренныхъ жителей города и крѣпости, онъ собралъ туда 7,000 человѣкъ войска: 4,000 персіянъ и 3,000 армянъ. Каждому персіянину дозволено было, въ избѣжаніе тѣсноты въ крѣпости, привести съ собою только одну жену, оставивши остальныхъ и дѣтей въ селеніяхъ, на попеченіи родственниковъ и ближнихъ.

Такая система обороны и защиты не могла быть продолжительна. Оставивъ все свое имущество и семейство въ селеніяхъ, ничѣмъ незащищенныхъ отъ непріятеля, и теряя все съ ихъ разореніемъ, могъ ли гарнизонъ упорно и долго защищаться отъ атакъ противника? При первомъ извѣстіи о вторженіи непріятеля или о движеніи его вблизи тѣхъ селеній, гдѣ оставлены были семейства, гарнизоны персидскихъ крѣпостей разбѣгались по домамъ, и на защиту крѣпости оставалась только половина, а иногда и менѣе. Не смотря на то, эриванскій ханъ надѣялся отстоять свою независимость и на требованіе Аги-Магометъ-хана соединиться съ нимъ для совокупнаго дѣйствія противъ Грузіи, отвѣчалъ отказомъ.

— Мы были прежде подвластны персамъ, говорилъ онъ, и платили имъ дань; владѣтель же Гуржистана (царь Грузіи) сокрушилъ могущество персовъ, подчинилъ насъ своей власти, и теперь

мы платимъ дань ему. Воюй ты одинъ съ Иракліемъ, и если побѣдишь, тогда тебѣ будемъ повиноваться.

Ибраимъ-ханъ шушинскій, отъ котораго властитель Персіи требовалъ аманатовъ, отказался ихъ выдать и не признавалъ его шахомъ. Почти всѣ остальные ханы были въ большомъ опасеніи и не знали что дѣлать. Каждый изъ нихъ самъ по себѣ былъ не въ силахъ сопротивляться Агѣ-Магометъ-хану, а соединиться вмѣстѣ, для совокупнаго дѣйствія, мѣшали имъ взаимные раздоры. Ага-Магометъ-ханъ видѣлъ это, и потому дѣйствовалъ весьма энергично. Шекинскій и шемахинскій ханы, будучи безсильнѣе шушинскаго, страшась наказанія, приняли посланныхъ весьма ласково и высказывали свою готовность покориться, но, по персидскимъ обычаямъ, медлили окончательнымъ рѣшеніемъ. Дербентскій Шейхъ-Али-ханъ встрѣтилъ посланнаго «съ уваженіемъ», надѣлилъ его подарками и отправилъ своего довѣреннаго къ Агѣ-Магометъ-хану, съ увѣреніемъ въ своей готовности ему покориться [1]). Человѣкъ вѣтреный и коварный, Шейхъ-Али-ханъ не думалъ уже теперь о подданствѣ Россіи, и совершенно склонился на сторону Аги-Магометъ-хана, увлекшись обѣщаніемъ, что будетъ сдѣланъ наибомъ всей Ширвани. Бакинскій Хуссейнъ-Кули-ханъ, котораго уполномоченный находился въ Георгіевскѣ, для заключенія условій о подданствѣ, просилъ Гудовича оказать ему помощь русскою флотиліею и спрашивалъ, можетъ ли онъ надѣяться на такую помощь, въ случаѣ нападенія Аги-Магометъ-хана на Баку. Гудовичъ уклонился отъ прямаго отвѣта хану.

Мустафа-ханъ талышинскій, ближайшій сосѣдъ занятому нами острову Саро, также не согласился признать надъ собою власти персидскаго правительства и просилъ принять его въ подданство Россіи. Онъ сообщилъ, что Ага-Магометъ-ханъ имѣетъ непріязненные виды противъ насъ; что онъ, при страшныхъ истязаніяхъ, умертвилъ нѣкоторыхъ чиновниковъ гилянской провинціи за то, что они не захватили въ Энзели русскаго судна.

Вслѣдъ затѣмъ получено было свѣдѣніе, что персіяне вторгнулись во владѣніе талышинскаго хана, разорили многія деревни

[1]) Журналъ всеподд. донесеній Гудовича за 1795 годъ. Георгіевскій воен. архивъ.

и захватили его женъ и много женщинъ. Мустафа укрылся въ горахъ, а братъ его и многіе изъ талышинцевъ ушли на островъ Саро подъ покровительство русской эскадры.

Одновременно съ движеніемъ персіянъ по берегу Каспійскаго моря противъ талышинскаго хана, Ага-Магометъ-ханъ снарядилъ до шестидесяти киржимовъ (перевозныхъ береговыхъ судовъ) съ десантомъ и направилъ ихъ также къ талышинскимъ берегамъ. Когда десантъ этотъ, остановившись близъ острова Саро, сталъ высаживаться на берегъ, то начальникъ русской эскадры, имѣя приказаніе не допускать на Каспійскомъ морѣ никакихъ чужихъ военныхъ судовъ, послалъ отъ себя пакетботъ, который лишь только сталъ угрожать отступленію киржимовъ, какъ храбрыя войска персіянъ поспѣшили сѣсть опять на суда и отошли къ устью Ленкорани. Одинъ изъ киржимовъ подошелъ къ пакетботу съ заявленіемъ, что персіяне не имѣютъ никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ Россіи, но получили только приказаніе своего шаха наказать хана талышинскаго.

Такимъ образомъ, желаніе Аги-Магометъ-хана подчинить своей власти хановъ Адербейджана осталось на этотъ разъ неисполненнымъ. Возвратившіеся посланные привезли своему повелителю отвѣты большею частію неудовлетворительные и извѣстія о томъ, что ханы, повиновенія которыхъ онъ требовалъ, не признаютъ его шахомъ и рѣшаются противиться ему до послѣдней крайности. Оставалось силою достигнуть того, чего нельзя было получить добровольно.

Захвативши въ свои руки Сальяны, городъ, принадлежавшій дербентскому хану, Ага-Магометъ-ханъ сталъ дѣятельно собирать войска для дѣйствія противъ непокорныхъ ему хановъ. Главнымъ сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ городъ Ардевиль, гдѣ устраивался и складъ для провіанта; другимъ складочнымъ мѣстомъ избранъ Тавризъ.

Сосѣдніе ханы съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за сборомъ персидскихъ войскъ, стараясь угадать, куда будетъ направленъ первый ударъ; всѣ говорили, что шахъ идетъ въ Карабагъ. Желая скрыть истинное намѣреніе, Ага-Магометъ-ханъ, собравши ополченіе въ 50,000 человѣкъ, самъ объявлялъ, что идетъ на Шушу.

Положеніе Карабага было въ то время самое печальное и затруднительное. Повсемѣстный голодъ отъ неурожая, продолжавшагося три года сряду, возвысилъ цѣны на всѣ произведенія и въ особенности на хлѣбъ, такъ что четверть пшеницы, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоила 45 руб. Народъ бѣдствовалъ и унывалъ, но Ибраимъ-ханъ не хотѣлъ, однако же, подчиниться требованіямъ властителя Персіи, готовился къ встрѣчѣ врага и просилъ помощи у своего союзника царя грузинскаго Ираклія. Послѣдній послалъ ему войска подъ начальствомъ сына своего царевича Александра. При содѣйствіи грузинскихъ войскъ, шушинцы успѣли разбить передовой отрядъ персіянъ и выгнать ихъ изъ Карабага, но эта неудача не остановила Агу-Магометъ-хана. Онъ набралъ новыя войска, болѣе значительныя числомъ, съ намѣреніемъ вторично вторгнуться въ Карабагъ, разорить его и двинуться въ Грузію подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы наказать царя Ираклія за его союзъ съ Ибраимъ-ханомъ шушинскимъ.

Подобное поведеніе и поступки Аги-Магометъ-хана не могли быть оставлены безъ вниманія нашимъ правительствомъ, и потому Гудовичъ предписалъ военнымъ судамъ, находившимся на Каспійскомъ морѣ, охранять владычество и единство русскаго флага и слѣдить за поступками и движеніями персіянъ. Для лучшаго же обезпеченія въ этомъ отношеніи, а также для покровительства русской торговлѣ въ Персіи и, наконецъ, для охраненія острова Саро, какъ безопаснаго пристанища для русскаго купечества, Гудовичъ приказалъ оставить у этого острова значительное число военныхъ судовъ [1]).

Въ то время у персидскихъ береговъ находилось четыре нашихъ военныхъ судна, изъ которыхъ два прикрывали островъ Саро. Хотя этихъ судовъ и было достаточно для отраженія всѣхъ покушеній Аги-Магометъ-хана со стороны моря, но Гудовичъ призналъ, однако же, полезнымъ приготовить къ выходу въ море еще одинъ корабль, и по его ходатайству было сдѣлано распоряженіе объ усиленіи каспійской флотиліи постройкою нѣсколькихъ военныхъ судовъ въ Казани и Астрахани.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича и письмо его же графу П. А. Зубову, отъ 2-го августа 1795 г.

«Принятыя вами предварительныя мѣры осторожности, писала Императрица Екатерина Гудовичу [1]), противъ покушеній Аги-Магометъ-хана, усилившагося въ большой части Персіи, мы въ полной мѣрѣ одобряемъ, бывъ увѣрены, что всѣ таковыя покушенія не предуспѣютъ, по крайней мѣрѣ, нанести безпосредственный вредъ предѣламъ нашимъ, и что вы въ пограничныхъ народахъ потщитеся сохранить тишину и къ намъ приверженность.

«Правда, чѣмъ далѣе помянутый ханъ распространяться будетъ къ западу, тѣмъ вящщія предстанутъ ему трудности; сверхъ того, ни лѣта его, ниже образъ властвованія, жестокостями сопровождаемый, не обѣщаютъ ему долговременныхъ и совершенныхъ успѣховъ. По смерти же его и при знатномъ переворотѣ счастія всѣ сіи замыслы въ ничто обратятся, и Персія паки раздѣлится, какъ оная была со времени кончины шаха Надира и при самомъ усиленіи въ ней двухъ правителей: Керима и Али-Муратъ-хановъ. Съ другой же стороны, не можемъ опасаться и тѣснаго сближенія тутъ съ турками, гдѣ взаимная ненависть, изъ разности обѣихъ сектъ и изъ другихъ давнихъ причинъ проистекающая, глубоко вкоренилась; но тѣмъ не менѣе нужнымъ признали мы, какъ для лучшаго на будущее время обезпеченія границъ нашихъ, такъ и для предположенія однажды навсегда системы нашей относительно края онаго, начертать для васъ слѣдующія наставленія:

«Первое. Царя карталинскаго и катехинскаго, яко вассала нашего, сходно съ собственнымъ нашимъ достоинствомъ и интересами, обязаны мы защищать противъ непріязненныхъ на него покушеній. Согласіе его съ шушинскимъ ханомъ и общее ихъ дѣйствіе много возспособствуютъ въ затрудненіи дальнихъ успѣховъ Аги-Магометъ-хана; но дабы и паче усилить царя карталинскаго противъ сего безпокойнаго человѣка, соизволяемъ, чтобъ вы подали помянутому царю пособіе положенными по тракту съ нимъ двумя полными баталіонами пѣхоты, къ которымъ сверхъ обыкновенныхъ орудій отдѣлить нѣсколько изъ артиллеріи прежде ему

[1]) Въ рескриптѣ отъ 4-го сентября 1795 года.

обѣщанныхъ. Но поелику перевозъ и употребленіе орудій большаго калибра въ томъ краѣ неудобны, для того и замѣнить оныя легкими, не выше шестифунтовыхъ пушекъ и тому соразмѣрныхъ единороговъ, опредѣляя къ онымъ людей, потребныхъ для дѣйствія ими. Смотря же по обстоятельствамъ и по лучшему вашему на мѣстѣ соображенію, можете присовокупить и другіе два баталіона, остерегаяся только, дабы оные не были напрасною жертвою въ отдаленности и тѣмъ при потерѣ людей не подвергнулась предосужденію честь оружія нашего.

«Второе. Утверждая нашего тайнаго совѣтника шамхала Тарковскаго въ его вѣрности и благонамѣренныхъ расположеніяхъ, не оставьте склонять его на то, чтобы и онъ часть войска своего обратилъ противъ Аги-Магометъ-хана; тоже самое внушите и другимъ приверженнымъ намъ владѣльцамъ, подкрѣпляя ихъ вашимъ пособіемъ, для чего позволяемъ вамъ: во-первыхъ, по усмотрѣнію вашему, съ наблюденіемъ хозяйства, на таковыя войска дѣйствительно отряжаемыя противъ непріязненныхъ покушеній помянутаго хана, дѣлать помощь, изъ суммы, на чрезвычайные расходы по начальству вашему отпускаемой, а затѣмъ отъ корпуса, вамъ ввѣреннаго, производить всякое движеніе и дѣйствіе, каковыя только за полезныя найдете, сообразно общему положенію дѣлъ и края сего, съ предосторожностію, дабы не обнажить границъ нашихъ, имѣть въ обузданіи кабардинцевъ и тому подобныхъ и не выходить изъ готовности обратиться на случай новыхъ какихъ-либо безпокойствъ отъ другихъ сосѣдей нашихъ.

«Третіе. Взирая равнодушно на положеніе персидскихъ южныхъ провинцій, не можемъ не имѣть особеннаго вниманія на край Адербейджанскій и на области, къ морю Каспійскому прилежащія. Когда преемникъ Керимъ-хана въ намѣстничествѣ шахскомъ, Али-Муратъ-ханъ, подъ конецъ правленія своего, располагался провозгласить себя настоящимъ шахомъ и чувствуя, что къ произведенію того въ дѣйство необходимо нужны были и наше признаніе и наша помощь, прислалъ, вслѣдствіе сего, къ покойному генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому своего эмиссара, для предварительнаго соглашенія о посольствахъ, о дружбѣ и даже о союзѣ. Мы въ то время поддався на его исканіе,

между прочимъ, за непремѣнное условіе предполагали оставить отчасти въ непосредственномъ владѣніи нашемъ, отчасти же подъ покровительствомъ нашимъ области, при Каспійскомъ морѣ лежащія, и весь край Адербейджанскій. Въ семъ видѣ отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала отправленъ былъ полковникъ, что нынѣ генералъ-маіоръ, Тамара. Но смерть Али-Муратъ-хана и возставшія уже тогда отъ Аги-Магометъ-хана безпокойства воспрепятствовали событію сего плана. А какъ въ разсужденіи означенныхъ областей приморскихъ и къ западу лежащихъ наши предположенія суть непремѣнны, для того и нынѣ дозволяемъ вамъ принимать всѣхъ таковыхъ владѣльцевъ подъ нашу верховную власть и покровительство, начавъ съ уцмія каракайдакскаго и потомъ хановъ бакинскаго, талышинскаго и другихъ, дѣлая съ ними постановленія, съ интересами нашими сходственныя, отправляя посланниковъ ихъ ко двору нашему и стараясь приводить всѣхъ сихъ владѣтелей къ согласнымъ дѣйствіямъ противъ нападающаго на нихъ Аги-Магометъ-хана.

«Четвертое. По принятіи такимъ образомъ нужныхъ мѣръ, вопреки дальнимъ замысламъ сего хана, надлежитъ возвратить присланныхъ отъ него чиновниковъ. Образъ присылки оныхъ есть таковъ, что мы весьма одобряемъ все вами по сему случаю учиненное. Неприличнымъ почитаемъ отвѣтствовать вамъ такъ-называемому визирю мнимаго шаха, но довольно будетъ, если вы прикажете дать имъ на письмѣ ноту, безъ подписанія, во взаимство фирмана или инструкціи, ими сообщенной, съ объясненіемъ, что послать сихъ чиновниковъ ко двору нашему для того не можно, что никакіе посланники отъ владѣтелей не отправляются инако, какъ буде они имѣютъ граматы къ намъ, отъ того владѣтеля составленныя, съ титулами нашими и въ израженіяхъ (выраженіяхъ), приличныхъ достоинству нашему и величію Имперіи Всероссійской; которыя граматы и должны быть предварительно сообщены въ копіяхъ главному пограничному начальнику, дабы онъ вѣдалъ, можетъ-ли пропустить внутрь предѣловъ нашихъ таковыхъ посланныхъ и препроводить ихъ ко двору нашему; что добрый пріемъ пріѣзжающимъ изъ разныхъ персидскихъ провинцій по торговлѣ въ Россіи наблюдается и наблюденъ будетъ въ

разсужденіи всѣхъ тѣхъ областей, которыя благопріязненныя расположенія и должное къ Имперіи Россійской сохранятъ уваженіе; что касательно отпуска Абасъ-хана, оный, бывъ привезенъ въ аманатахъ, ушедшимъ подъ покровительство наше, братомъ Аги-Магометъ-хана Муртаза-Кули-ханомъ, не можетъ на сей разъ отпущенъ быть, по поводу, что жены и прочія сему послѣднему принадлежащія, бывъ захвачены Агою-Магометъ-ханомъ, и по сіе время удерживаются; что впрочемъ Абасъ-ханъ, находясь въ Россіи, охраненъ отъ всякихъ притѣсненій, и что отпускъ его будетъ зависѣть отъ собственнаго поведенія Аги-Магомета. Впрочемъ, принимая ласково сихъ присланныхъ чиновниковъ, въ разговорахъ, черезъ третьяго человѣка, старайтеся внушать имъ, что если Ага-Магометъ-ханъ хочетъ достигнуть признанія его въ шахскомъ достоинствѣ, то надо, во-первыхъ, чтобы онъ прекратилъ свои предпріятія на области, къ Каспійскому морю прилежащія, и на владѣтелей, скиптру нашему подвластныхъ, именуя тутъ точно, во-первыхъ, царя карталинскаго, а потомъ шамхала тарковскаго, уцмія каракайдакскаго, хановъ дербентскаго, бакинскаго, талышинскаго, такожь шушинскаго и другихъ, въ Адербейджанѣ находящихся; во-вторыхъ, чтобъ учинилъ приличный и почтительный отзывъ, и если по взаимнымъ соглашеніямъ положено будетъ о границахъ и о прочемъ, то и можетъ тогда отправить ко двору нашему посольство, во взаимство коего таковое же и отъ насъ получитъ. Словомъ, наклонять его къ такому же поступку, какъ выше объ умершемъ Али-Муратъ-ханѣ сказано. Тутъ можетъ быть выйдетъ непріятное напоминаніе о бывшемъ его посланцѣ, высланномъ заграницу, но на сіе отвѣчать должно, что недостаточное наблюденіе обряда приличнаго въ той присылкѣ, крайняя грубость сего посланца и, наконецъ, непростительные его поступки были къ тому убѣдительнымъ поводомъ. Отъ усмотрѣнія вашего зависѣть будетъ съ крайнею, однакожь, деликатностію внушить, что Ага-Магометъ-ханъ всего удобнѣе можетъ обратиться къ сторонѣ Багдада и къ другимъ турецкимъ владѣніямъ, къ югу лежащимъ, и тѣмъ скорѣе предуспѣетъ въ пользѣ и славѣ своей, что можетъ надѣяться на благопріязненное Россіи расположеніе; смотря же по обстоятельствамъ, и на

дѣятельную ея помощь диверсіею, которая, одна занимая всѣ почти существенныя силы Оттоманской монархіи, облегчитъ ему способы къ достиженію своей цѣли въ такомъ краѣ, гдѣ духъ непослушанія и своевольства отъемлетъ у Порты всякую возможность сильно обороняться. Какое дѣйствіе произведутъ подобныя внушенія, мы будемъ ожидать вашихъ въ свое время донесеній.

«Пятое. Осталося намъ, отъ избытка предосторожности, изъяснить здѣсь, что хотя и весьма полезно утверждать съ вашей стороны безпосредственно царя имеретинскаго въ связи его съ карталинскимъ царемъ и въ пособіи сему послѣднему противъ злыхъ замысловъ Аги-Магометъ-хана, но тутъ надлежитъ соблюсти всемѣрную деликатность, для отвращенія, дабы Порта не возъимѣла подозрѣнія, что мы, вопреки мирному кайнарджійскому трактату, служащему основаніемъ всѣмъ потомъ послѣдовавшимъ договорамъ, ищемъ себѣ присвоить власть надъ Имеретинскимъ царствомъ Сношенія собственныя царя Ираклія съ своимъ родственникомъ всего удобнѣе могутъ вамъ способствовать во всемъ, что вы нужнымъ найдете.»

Рескриптъ этотъ полученъ былъ Гудовичемъ тогда, когда персидскіе посланные давно оставили Георгіевскъ и уѣхали обратно въ Персію, а самъ Ага-Магометъ-ханъ явно обнаружилъ враждебныя дѣйствія противъ Россіи.

II.

Вторженіе Аги-Магометъ-хана въ Грузію. — Разореніе Тифлиса и его окрестностей.—Положеніе Грузіи.—Союзный трактатъ владѣльцевъ Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.—Просьба Ираклія о помощи.—Рескрипты Императрицы Гудовичу.—Предположеніе послѣдняго о походѣ въ Персію.—Отправленіе въ Грузію русскихъ войскъ.—Движеніе отряда генералъ-маіора Савельева въ Дагестанъ.

Во второй половинѣ 1795 года, по степнымъ и горнымъ дорогамъ въ Грузію, изъ Карабага, Нахичевани, Эривани и другихъ мѣстъ тянулись огромными толпами жители этихъ областей, какъ христіанскаго, такъ и магометанскаго исповѣданія. Они узнали, что Ага-Магометъ-ханъ «идетъ войною на Эривань».

Стараясь избѣжать насилій и разореній, сопряженныхъ съ

каждымъ подобнымъ вторженіемъ, они бѣжали со всѣмъ имуществомъ и скотомъ въ предѣлы Грузіи, надѣясь тамъ имѣть спокойное пристанище, и были увѣрены, что Ага-Магометъ не одолѣетъ грузинскаго царя.

Переселенцы ошиблись въ своихъ предположеніяхъ. Тянувшіеся длинными вереницами, преимущественно по долинѣ рѣки Куры, бѣжавшіе отъ родныхъ городовъ и селеній, они съ самаго начала своего странствованія встрѣтили недостатокъ въ пропитаніи. Истощивъ на покупку хлѣба всѣ свои средства, переселенцы, по приходѣ въ Грузію, должны были испытать еще бо́льшую нужду и платить за все дорогою цѣною. За три фунта хлѣба они отдавали овцу, за лидеръ (10 фунтовъ)—лошадь; наконецъ, пришлось продавать и послѣднее свое платье. Бѣдствія ихъ тѣмъ не кончились. «Грузины чего не успѣли лишить ихъ (за деньги), то отняли у нихъ силою и даже весьма многихъ изъ нихъ обобрали совсѣмъ, т. е. сняли рубахи и оставили нагихъ. Таковыми бѣдствіями доведенные до отчаянія, томимые голодомъ и обнаженные, отдавались они тамошнимъ богатымъ грузинамъ въ рабство, лишь бы только избавиться отъ голодной смерти. Многіе изъ нихъ, помершіе отъ таковаго бѣдствія, валялись по полямъ непогребенными, ибо у сихъ пришельцевъ не было лопатокъ, чтобы зарыть въ землю умершихъ собратій своихъ... [1])».

По слѣдамъ переселенцевъ двигался и Ага-Магометъ-ханъ съ своими войсками. Онъ раздѣлилъ ихъ на три части: одну, подъ начальствомъ братьевъ своихъ, Джафаръ-Кули-хана и Али-Кули-хана, отправилъ къ Эривани, другую на Муганскую степь, около которой рѣка Кура, одна изъ лучшихъ рѣкъ Грузіи, сливается съ Араксомъ и гдѣ обыкновенно персидскіе шахи принимали въ прежнія времена шахское достоинство. Покоривши хановъ талышинскаго, ширванскаго (шемахинскаго) и шекинскаго (нухинскаго), они должны были вторгнуться въ Грузію. Самъ же Ага-Магометъ-ханъ съ третьимъ отрядомъ двинулся въ Карабагъ противъ Ибраимъ-хана, чтобы наказать его, какъ за то, что тотъ отказался признать его шахомъ, такъ и за союзъ его съ царемъ Иракліемъ.

---

[1]) Артемій Араратскій, изд. 1813 г., ч. I стр. 282.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1795 года, Ага-Магометъ-ханъ обложилъ Шушинскую крѣпость. Извѣстіе о вторженіи персіянъ въ Карабагъ быстро распространилось по всему Закавказью. Ираклій просилъ о присылкѣ ему 3,000 русскаго войска. Еще раньше того, узнавши только о намѣреніи Аги-Магометъ-хана вторгнуться въ Грузію, царь обращался съ просьбою оказать ему помощь войсками или казною [1]), а супруга его, царица Дарья, умоляла Императрицу «подать имъ помощь непобѣдимою конницею [2])».

Не ограничиваясь этимъ, Ираклій просилъ позволенія лично повидаться съ Гудовичемъ и объясниться съ нимъ словесно по дѣламъ, весьма полезнымъ, «нужнымъ и касающимся какъ до интересовъ высочайшаго двора, такъ и до здѣшнихъ странъ.»

«Симъ способомъ—писалъ Ираклій къ князю Герсевану Чавчавадзе [3])—хочу я на самомъ дѣлѣ доказать усердіе и преданность мою къ службѣ. Если воспослѣдуетъ такое высочайшее дозволеніе на мое прошеніе, въ какомъ я не отчаяваюсь, то оное ко мнѣ прислать, дабы я, при изысканіи удобнаго случая, могъ снестись съ упомянутымъ главнокомандующимъ и просить его, чтобы онъ для принятія меня выслалъ на границу военную команду свою, состоящую изъ 300 или 200 человѣкъ, въ деревню Чимъ или Моздокъ, гдѣ, по условію нашему, удобнѣе съѣхаться будетъ.»

Въ ожиданіи отвѣта, царь надѣялся, что если карабагцы и не отразятъ персіянъ, то задержатъ ихъ на столько, что онъ успѣетъ приготовиться къ оборонѣ. Царь поручилъ жителямъ Тифлиса составить соображеніе о приведеніи города въ оборонительное положеніе, но грузины, надѣясь главнѣйшимъ образомъ «на руки россійскія», просили Ираклія исходатайствовать присылку русскихъ войскъ, которыя одни только, по словамъ самихъ жителей, могли избавить ихъ *«отъ стыда»* и съ помощію которыхъ надѣялись составить гарнизонъ изъ 4,000 или 5,000 человѣкъ.

Грузія находилась тогда въ самомъ печальномъ положеніи; никто не могъ ручаться ни за свою жизнь, ни за безопасность.

---

[1]) Московск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣло № 455.
[2]) Отъ 6-го іюня 1795 г. Тамъ же.
[3]) Бывшему въ то время въ Петербургѣ, отъ 20-го іюля 1795 г. Тамъ же.

Вокругъ столицы бродили шайки хищныхъ лезгинъ, грабившихъ и разорявшихъ селенія. Въ теченіе шести лѣтъ, начиная съ 1789 года, грузины не знали покоя. Въ іюлѣ 1789 года они воевали съ турками, которые проникли въ Карталинію со стороны Ахалциха. Девятое число этого мѣсяца памятно грузинамъ; три раза схватывались они съ врагомъ и, предводимые царскимъ внукомъ, храбрымъ царевичемъ Давидомъ Георгіевичемъ, одержали надъ ними побѣду близъ Кварели. Въ октябрѣ того же года курды ворвались въ Грузію и производили въ ней опустошенія. Царевичъ Давидъ спѣшилъ разогнать разбойниковъ, но за нихъ заступились турки, возстали карсскіе жители и подъ предводительствомъ Али-бека и Мехметъ-бека, въ числѣ шести тысячъ, двинулись преслѣдовать грузинъ. Царевичъ Давидъ отчаянно защищалъ родину, убилъ одного изъ предводителей, но за то и самъ былъ пораженъ шестью ударами; кольчугѣ своей онъ обязанъ тѣмъ, что нанесенныя ему раны были несмертельны, и онъ скоро выздоровѣлъ.

Въ слѣдующемъ году лезгины ворвались въ Кахетію; они явились въ августѣ, именно въ то время когда жители, занятые сборомъ плодовъ и винограда, оставляютъ свои селенія и уходятъ за нѣсколько верстъ отъ дома. Тогда деревни пусты, и для грабителей представляется полная свобода и широкій просторъ распоряжаться чужимъ добромъ какъ угодно. Селеніе Тіонеты подверглось первое нападенію хищниковъ; окрестные сады, поля и лѣса были усѣяны трупами оплошныхъ жителей. Въ сентябрѣ лезгины снова спустились въ числѣ 3,000 человѣкъ въ Кахетію, и хотя грузины, сдѣлавши засаду, успѣли положить на мѣстѣ множество враговъ, но это не помогло—грабежи лезгинъ производились попрежнему. Ихъ не смущало то, что царевичъ Давидъ отрѣзалъ 700 непріятельскихъ носовъ и отправилъ ихъ какъ трофеи въ Тифлисъ.

Не лезгинъ смущали эти трофеи, а грузинамъ надоѣли постоянныя разоренія и вѣчно тревожная жизнь; жители впали въ уныніе. Истощенные безпрерывною борьбою и грабежами, грузины видѣли, что ничто и никто, кромѣ собственнаго ружья и кинжала не въ состояніи защитить ихъ, что заниматься земледѣліемъ и обзаводиться собственностію нѣтъ возможности. Всякій сталъ ду-

мать о себѣ, и интересы общества были забыты; цѣлое раздробилось на части безъ связи, силы и значенія. Всеобщая бѣдность породила преступленіе; между самими грузинами явились разбойники и грабители; многіе монастыри были ограблены, разорены и обращены въ развалины. О возстановленіи порядка никто не думалъ, объ умственномъ развитіи, чести, долгѣ—и подавно; каждому прежде всего необходимо было, для собственной защиты, умѣнье владѣть конемъ, кинжаломъ или шашкою, чѣмъ заниматься хозяйствомъ, хлѣбопашествомъ, торговлею и наукою. Народъ съ каждымъ днемъ мельчалъ, общество разлагалось, и въ немъ не было ни силы, ни единства.

«Времена славы исчезли изъ народной памяти, народъ помнилъ только иго персовъ, иго турокъ, иго Магомета; казна была до того истощена, что царь занималъ деньги у своихъ подданныхъ [1].»

Въ царскомъ семействѣ существовали раздоры и несогласія. Царевичи не спѣшили на защиту отечества и не слушали просьбъ царя-отца. Старшій сынъ его Георгій, какъ увидимъ, не пошелъ вовсе на встрѣчу непріятелю. Собравши до 4,000 человѣкъ, онъ остановился въ Сигнахѣ, гдѣ кутилъ и бражничалъ. Понимая очень хорошо свое положеніе и видя настроеніе общества, Ираклій предложилъ было всѣмъ жителямъ, оставить Тифлисъ и скрыться въ горы; но населеніе не приняло предложенія правительства, потому что въ подобныхъ случаяхъ, какъ говорили грузины, «подданные грабили своихъ помѣщиковъ, а сосѣди своихъ сосѣдей, такъ что и церковныхъ уборовъ не оставили, а что все сіе справедливо, то о томъ и вашему высочеству также и всѣмъ извѣстно [2].»

Слухъ о томъ, что Джафаръ-Кули-ханъ и Али-Кули-ханъ, отправленные къ Эривани, захватили въ свои руки армянскаго патріарха и требовали съ него выкупа 80,000 руб. и 8 фунтовъ золота [3]) и что самъ Ага-Магометъ обложилъ уже Шушу, заставилъ Ираклія торопиться обороною царства. Готовясь къ встрѣчѣ, царь собралъ наскоро войска, и не надѣясь на свои силы, при-

[1]) «Закавказскій Вѣстникъ» 1850 г., №№ 10 и 11.

[2]) «Кавказъ» 1854 г., № 23.

[3]) Письмо Ираклія II князю Чавчавадзе 29-го августа 1795 г. Арх. Главнаго Штаба въ С.-Петербургѣ.

гласилъ имеретинскаго царя къ совокупному дѣйствію съ грузинами, на основаніи заключенныхъ союзныхъ условій.

Въ 1790 году, въ Тифлисѣ, былъ заключенъ союзный трактатъ между царемъ Грузіи и Имеретіи и владѣтелями Мингреліи и Гуріи.

«Мы—сказано въ трактатѣ—будучи единовѣрный народъ, глагольствующій единымъ языкомъ, и сыны единыя каѳолическія церкви, благоумыслили водворить въ отечествѣ нашемъ вожделѣнный покой, распространить исповѣдуемую въ ономъ религію и возстановить любовь, къ каковой приглашаютъ насъ христіанскій законъ и тѣсный союзъ родства [1].»

По трактату этому грузинскій царь обѣщалъ:

1) Всѣхъ враговъ договаривающихся признавать своими врагами.

2) Принять верховное попеченіе надъ царемъ имеретинскимъ и владѣтелями мингрельскимъ и гурійскимъ.

3) Заботиться о нихъ такъ, какъ прилично попечительному отцу о своихъ дѣтяхъ.

4) Въ случаѣ вторженія непріятеля въ предѣлы союзниковъ, Ираклій долженъ былъ отражать ихъ или своими силами, или ходатайствомъ, или же, наконецъ, пріисканіемъ помощи у сосѣдей.

5) Своимъ ходатайствомъ доставить договаривающимся покровительство Россіи.

Съ своей стороны, опекаемые обѣщались:

1) Признать надъ собою «отцепопечительную» верховную власть Ираклія.

2) Признавать врагомъ того, кто будетъ врагомъ Ираклія.

3) Заботиться о спокойствіи Грузинскаго царства и, по мѣрѣ силъ своихъ, быть его защитниками; заботиться о благоденствіи царя Грузіи и его семейства.

4) При непріятельскихъ вторженіяхъ быть послушными въ предлагаемыхъ совѣтахъ и признательными за ходатайство.

---

[1]) Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ: «Переписка грузинскихъ царей съ императорскимъ дворомъ», № 45.

Вскорѣ послѣ заключенія этого трактата, союзники обратились съ общею просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи.

«Отъ давнихъ временъ мы желали—писали они [1])—и отъ высочайшаго двора къ намъ всегда черезъ посланниковъ писано было о соединеніи насъ, царей всея Иверіи. Чего для мы нынѣ между собою вѣчнымъ трактатомъ соединились, согласясь положить и утвердить, чтобы намъ, царямъ и владѣльцамъ, по единовѣрію закона и православія, единодушно рабски служить и повиноваться вашему императорскому величеству, какъ православной монархинѣ. Всѣ вообще христіане усерднѣйше просимъ, дабы подтвердить сіе наше вѣчное соединеніе и принять во всеавгустѣйшее ваше покровительство, сходственно такъ, какъ благоденствуетъ Грузія.

«Но какимъ средствомъ или силою намъ сіе оказано быть можетъ, сіе мы, всѣ христіане, предаемъ премудрому матернему вашего величества благопопеченію и просимъ единодушно принять насъ, рабовъ своихъ, соединенныхъ царей и владѣльцевъ, къ услугамъ, подъ сѣнь скипетра вашего и освободить насъ изъ-подъ ига магометанскія власти.»

Предстоявшая возможность вторженія персіянъ давала поводъ къ тому, чтобы союзный трактатъ привести въ исполненіе и подтвердить дѣломъ. Ираклій просилъ помощи имеретинскаго царя Соломона и приготовлялся къ встрѣчѣ его войскъ.

За воротами города Тифлиса собралось множество жителей посмотрѣть на вступленіе своихъ союзниковъ—имеретинъ. Князь Зурабъ Церетели, начальникъ имеретинскаго войска, посредствомъ обмана, думалъ внушить Ираклію мысль о многочисленности своего отряда. Онъ разбросалъ его по всей равнинѣ маленькими кучками, съ цѣлью показать возможно большее число людей, которыхъ на самомъ дѣлѣ было не болѣе 2,000 человѣкъ.

Ираклій II встрѣтилъ ихъ съ радостію и съ торжествомъ, «которое заключалось въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и ружей.»

---

[1]) Переводъ прошенія отъ 10-го февраля 1793 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Имеретинскія войска расположились въ Казахѣ [1]) и Картсанисѣ [2]).

Въ Грузіи не было обыкновенія запасать провіантъ для продовольствія войскъ; поэтому продовольствіе имеретинъ производилось сборомъ съ каждаго обывательскаго дома по нѣскольку хлѣбовъ, вина и прочихъ жизненныхъ потребностей.

Жители Тифлиса съ охотою угощали своихъ союзниковъ, тѣмъ болѣе, что по городу былъ распущенъ слухъ о числѣ прибывшаго имеретинскаго войска, простиравшагося будто бы до 8,000 человѣкъ, съ прибавленіемъ, что оно составлено изъ отборнѣйшихъ воиновъ. Грузины ободрились; народъ вѣрилъ въ превосходство своихъ силъ противъ непріятеля.

— Пускай покажется теперь Ага-Магометъ-ханъ! кричали одни съ сознаніемъ собственнаго достоинства, ходя по городу.

— Кто можетъ устоять противъ насъ! кричали другіе.

— Хотя персіяне въ сраженіи нападаютъ какъ львы—слышалось въ бесѣдахъ грузинъ—но весь успѣхъ полагаютъ только на первую удачу, а въ противномъ случаѣ тотчасъ же обращаются въ бѣгство.

— Ты видишь—говорили встрѣчавшіеся на улицѣ Тифлиса—что городъ крѣпокъ и жители всѣ герои; сверхъ того, изъ каждой удѣльной области грузинскіе царевичи пришлютъ по 1,000 воиновъ. Эриванскій ханъ уже противится шаху, съ надеждою на нашу помощь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы истребимъ все персидское войско и завладѣемъ его имуществомъ. Въ городѣ будетъ тогда хорошо и все дешево. Я не одинъ разъ былъ въ сраженіи и сужу такъ по опыту...

Грузины придавали слишкомъ большое значеніе той горсти войскъ, которая была прислана имъ на помощь имеретинскимъ царемъ Соломономъ.

Присоединивъ къ себѣ эти войска и поручивъ жителямъ Тифлиса принять мѣры къ оборонѣ города, Ираклій выступилъ на границы царства, куда звалъ и царевичей съ ихъ дружинами. Никто изъ нихъ не явился на помощь, и царь очутился съ весьма

[1]) Письмо Ираклія къ князю Герсевану Чавчавадзе, 29-го августа 1795 г.
[2]) Артемій Араратскій, ч. II., стр. 6.

небольшимъ числомъ войска, но и то не имѣло почти никакого устройства. Присланныя на помощь имеретинскія войска, простоявши нѣсколько дней на границѣ, стали расходиться по домамъ; ихъ примѣру послѣдовали и многіе грузины. Вѣроятность отразить враговъ съ успѣхомъ съ каждымъ часомъ уменьшалась, тогда какъ опасность для Грузіи постепенно возрастала.

Дѣйствія Аги-Магометъ-хана подъ Шушою не увѣнчались успѣхомъ, и эта неудача только ускорила развязку дѣлъ по отношенію къ Грузіи. Постояннымъ нападеніемъ небольшими партіями шушинцы безпокоили персидскія войска, отгоняли у нихъ скотъ и тѣмъ причиняли значительный вредъ непріятелю; да и положеніе Шушинской крѣпости представляло немалое затрудненіе къ ея овладѣнію.

Высоко, до облаковъ поднимается гранитная крѣпость шушинская, построенная между утесистыхъ горъ и скалъ, представляющихъ одинъ только узкій проходъ. «Съ вершины отвѣсной скалы взоръ простирается далеко къ югу, черезъ лѣсистыя горы и знойныя долины, вплоть до серебристыхъ струй Аракса и до темной цѣпи Карадага. Къ сѣверу сверкаютъ громады снѣжныхъ горъ, означая предѣлы благословенной Грузіи.»

Располагая войсками, состоящими преимущественно изъ одной кавалеріи, Ага-Магометъ-ханъ сознавалъ, что подобною твердынею овладѣть нелегко, и къ тому же, встрѣтивши сильное сопротивленіе со стороны жителей, онъ не могъ разсчитывать на скорую сдачу Шушинской крѣпости. Не желая же терять напрасно время, повелитель Персіи рѣшился оставить Карабагъ и быстрымъ движеніемъ въ Грузію вознаградить свои неудачныя дѣйствія.

«Извѣстно тебѣ да будетъ—писалъ Ага-Магометъ-ханъ брату своему Джафаръ-Кули-хану [1])—что, хотя народы шушинской округи, карабагцы, и пришли теперь въ ослабленіе, однако, я брать еще городъ Шушу вдругъ не велѣлъ, потому что располагаю тутъ зимовать, а между тѣмъ, оставя тамъ съ войскомъ Сулейманъ-хана, намѣренъ идти съ 20,000 войска на Грузію, почему и предписываю тебѣ, оставя подъ Эриванью 4,000 войска, быть въ

[1]) Переводъ письма Аги-Магометъ-хана. Арх. Главн. Шт. въ С.-Петербургѣ.

готовности съ остальными на прибытіе ко мнѣ и ожидать на сіе моего повелѣнія. Впрочемъ, если дастъ эриванскій ханъ въ аманаты жену и сына, то можете оставить Эривань въ покоѣ.»

Посланный братьямъ указъ Ага-Магометъ-хана былъ перехваченъ Ираклiемъ и отправленъ къ Гудовичу; изъ него онъ узналъ объ опасности, угрожавшей Грузіи. Вскорѣ получено было свѣдѣніе, что Ага-Магометъ снялъ блокаду Шуши и отступилъ сначала къ мѣстечку Хатунъ-Архи, а потомъ перешелъ въ Ганжу. Изъ Хатунъ-Архи онъ послалъ воззваніе къ джаро-бѣлоканцамъ, которыхъ подговаривалъ дѣйствовать съ нимъ заодно, обѣщалъ выдать на каждаго по 100 рублей и распускалъ слухъ, что все встрѣченное на пути побѣдоносныхъ войскъ его, вплоть до Ганжи, покорилось, а непокорные преданы огню и мечу.

Остановившись въ Ганжѣ, Ага-Магометъ-ханъ отправилъ къ царю Ираклію своего посланнаго съ требованіемъ покорности; но царь, надѣявшійся на помощь Россіи, отвергъ это требованіе [1]).

Супруга Ираклія, Дарья Георгіевна, съ своей стороны, обратилась къ Гудовичу съ просьбою о помощи. Описывая, что Ага-Магометъ-ханъ, овладѣвъ Ганжею и Эриванью, приближался къ Грузіи, она сообщала, что Ираклій со своими и имеретинскими войсками двинулся на встрѣчу персіянъ, къ сторонѣ Эривани.

Гроза, висѣвшая надъ Грузіею, съ каждымъ днемъ увеличивалась. Аварскій ханъ, имѣвшій въ своемъ подданствѣ значительное число лезгинъ и подговоренный Агою-Магометъ-ханомъ, располагалъ напасть на Кахетію [2]).

Ираклій писалъ о томъ Гудовичу и сообщалъ, что Ага-Магометъ-ханъ имѣетъ гораздо болѣе войска, чѣмъ онъ вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ, царемъ имеретинскимъ. Царь снова просилъ о присылкѣ ему 3,000 русскихъ войскъ [3]).

На всѣ просьбы, Гудовичъ отвѣчалъ Ираклію, что Агѣ-Маго-

---

[1]) Конс., ч. II, стр. 188. Шагубатовъ, Лѣтопись. При пользованіи этою лѣтописью необходимо быть осторожнымъ. Шагубатовъ, хотя и былъ очевидцемъ событій, но описалъ ихъ очень невѣрно.

[2]) Рап. гр. Гудовича Императрицѣ 13-го сентября 1795 г. Письмо Ираклія Гудовичу 29-го августа 1795 г. Георгіев. Воен. Арх.

[3]) Рап. гр. Гудовича Императрицѣ 13-го сентября 1795 г. Георг. Воен. Арх.

метъ-хану предстоитъ достаточно еще препятствій и затрудненій для исполненія своихъ замысловъ относительно Грузіи; что соединенныя силы грузинъ и имеретинъ довольно велики; тѣмъ болѣе, что они имѣютъ еще и третьяго союзника — Ибраимъ-хана шушинскаго, который, твердо рѣшившись отразить Агу-Магометъ-хана, уговаривалъ и обнадеживалъ даже въ томъ Ираклія. Гудовичъ совѣтовалъ только грузинскому царю соблюдать осторожность и не допускать персіянъ вторгнуться внутрь страны. Онъ обѣщалъ также донести Императрицѣ о томъ положеніи, въ которомъ находятся Грузія и Имеретія. Къ аварскому хану, который нѣсколько разъ изъявлялъ свою преданность и усердіе къ Россіи, Гудовичъ писалъ и просилъ его, чтобы онъ не только не предпринималъ лично ничего противу Грузіи, но и запретилъ бы лезгинамъ, на которыхъ онъ имѣетъ значительное вліяніе, дѣлать то же самое.

Аварскій ханъ отвѣчалъ, что, хотя онъ былъ совсѣмъ уже готовъ идти на Грузію, но, получивъ письмо, остановился. Ханъ просилъ себѣ за это вознагражденія. Гудовичъ отправилъ ему соболью шубу въ подарокъ и совѣтовалъ скорѣе прислать посланнаго съ просьбою о принятіи его въ подданство и покровительство Россіи [1]).

Положеніе Грузіи не улучшалось отъ такихъ совѣтовъ.

Сознавая это, Гудовичъ считалъ необходимымъ для защиты Грузіи дать ей помощь нашими войсками.

«Для проведенія въ Грузію войскъ, писалъ онъ, хотя переходъ чрезвычайно труденъ, но осенью съ половины августа и до ноября мѣсяца, а весною съ апрѣля до половины мая мѣсяца, съ пріуготовленіемъ дороги возможенъ. Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ стужа въ горахъ начинается, часто выпадаетъ большой снѣгъ, жилья по дорогамъ почти нѣтъ, и фуража подножнаго имѣть нельзя, и тогда, безъ крайняго изнуренія, войска провести не можно; въ другое время, съ половины мая мѣсяца до половины августа, вода въ рѣкѣ Терекѣ очень велика и быстра, вдоль которой че-

---

[1]) Рапор. гр. Гудовича Императрицѣ 23-го октября 1795 г. Георг. Воен. Арх., Полусгнившій журналъ донесеній.

резъ горы проходитъ одна только возможная дорога и черезъ которую на одномъ маршѣ шесть мостовъ надобно дѣлать» [1]).

Только теперь, когда персіяне стали уже приближаться къ границамъ царства, среди ея защитниковъ былъ поднятъ вопросъ, вызвавшій горячіе споры, о томъ, встрѣтить-ли врага грудью или отступить внутрь страны. Одни говорили, что слѣдуетъ обороняться на границѣ, но большинство, а съ ними и царь Ираклій положили отступить къ Тифлису. Присланныя на помощь имеретинскія войска разошлись по домамъ, высказывая нежеланіе драться съ персіянами. По отступленіи отъ границъ и по приближеніи къ Тифлису, имеретины нападали на выѣзжавшихъ изъ города для спасенія себя въ горы и грабили ихъ имущество. Границы царства остались безъ всякой обороны. Ага-Магометъ-ханъ, узнавъ о несогласіи между грузинами и имеретинами и о недостаточности средствъ къ оборонѣ самого Ираклія, не останавливаясь, быстро двинулся къ Тифлису по пути, указанному Джевадъ-ханомъ ганжинскимъ, лучшимъ проводникомъ персіянъ [2]).

Извѣстіе о томъ, что персіяне, миновавъ Шушу, вступили уже въ Ганжинское ханство, произвело всеобщее волненіе. Разнохарактерное населеніе Тифлиса не имѣло единства. Ираклій требовалъ, чтобы царица была отправлена въ горы. Жители согласились, но царица намѣрена была выѣхать въ огромною свитой. Это возбудило всеобщее негодованіе, такъ какъ уменьшало число защитниковъ. Разсерженный царь объявилъ, что каждый можетъ ѣхать куда хочетъ, и Тифлисъ быстро расползся въ разныя стороны: большинство населенія оставило городъ. Армяне, татары и даже сами грузины спѣшили укрыться въ горахъ или въ деревняхъ, лежавшихъ по рѣкѣ Арагвѣ. Покидая дома, жители прятали свои драгоцѣнныя вещи въ кувшины и зарывали ихъ въ землю. По дорогѣ къ Мцхету бѣжала столь огромная толпа, что женщины принуждены были привязывать своихъ дѣтей другъ къ другу, чтобы не затерять ихъ среди бѣгущихъ. Большинство переселен-

---

[1]) Рапор. Гудовича Императрицѣ 23-го октября 1795 г. Георг. Воен. Арх., Полусгнившій журналъ донесеній.

[2]) Рапортъ Гудовича Императрицѣ 23-го сентября 1795 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

цевъ скрылось въ горахъ неподалеку отъ Тифлиса, но были и такіе, которые пробрались къ Моздоку и даже достигли до Георгіевска [1]). Ираклій отправилъ царицу въ Мтіулеты; всѣ почти царевичи разъѣхались въ разныя стороны.

Въ Тифлисѣ осталось очень немного жителей, когда 9-го сентября Ага-Магометъ подошелъ къ городу и расположился въ семи верстахъ отъ него. Онъ окружилъ себя рвами и насыпалъ земляные валы, въ обезпеченіе отъ нечаянной атаки грузинъ [2]). Повелитель Персіи думалъ, что грузины не отдадутъ ему дешево Тифлисъ и употребятъ всѣ средства къ его защитѣ; но въ городѣ мало заботились объ оборонѣ, всѣ надѣялись, какъ писалъ Ираклій Гудовичу, «на одни только руки россійскія», и каждый старался уйти какъ можно далѣе отъ театра военныхъ дѣйствій.

На слѣдующій день, 10-го сентября 1795 года, Ага-Магометъ-ханъ подошелъ къ Тифлису. Авангардъ его войскъ былъ разбитъ небольшою горстью грузинъ, рѣшившихся защищать свое отечество и непослѣдовавшихъ примѣру большей части соотечественниковъ, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ.

Изъ Тифлиса полетѣли во всѣ стороны гонцы съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Одинъ изъ нихъ, 11-го сентября, прибылъ и въ Сигнахъ, гдѣ жилъ царевичъ Георгій, тотчасъ же отпраздновавшій торжество побѣды. Онъ выѣхалъ на загородный лугъ и предался народному празднику, состоявшему въ томъ, что царевичъ и народъ «стрѣляли изъ находившихся тамъ четырехъ пушекъ, пили много новаго вина, дѣлали радостныя восклицанія и опредѣляли погибель шаха [3]).»

Расположившись на пикѣ *Шави-Набада* (что означаетъ черная бурка) и испытавъ неудачу, Ага-Магометъ готовъ былъ отступить, но ганжинскій ханъ увѣрялъ шаха въ безсиліи грузинъ и малочисленности ихъ войска. Опасаясь военной хитрости царя Ираклія, Ага-Магометъ-ханъ все еще не рѣшался перейти въ наступленіе, и тогда ганжинскій ханъ показалъ ему въ подзорную трубу на Дигомское поле, по которому тифлисскіе жители уходили

---

[1]) Письмо Гудовича графу П. А. Зубову, 23-го сентября 1795 года.

[2]) «Кавказъ» 1850 г., № 87.

[3]) Артемій Араратскій, ч. II, стр. 21.

изъ города въ большомъ безпорядкѣ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто на арбахъ [1]). Тогда шахъ рѣшился двинуться на штурмъ города. Ираклій вышелъ на встрѣчу со своими войсками, число которыхъ не превышало 2,700 человѣкъ [2]) противъ 70,000 человѣкъ, приведенныхъ Ага-Магометъ-ханомъ. Царь расположилъ ихъ у сайдабадскихъ садовъ и раздѣлилъ на четыре отряда. Справа, на верхней тифлисской дорогѣ, тамъ, гдѣ пересѣкается она дорогами изъ Салалака и Табаклили, стоялъ отрядъ царевича Давида. Проходя черезъ Сайдабадъ, дорога эта, суживаясь къ Чорчкале, соединяется съ нижнею дорогою. Вся эта мѣстность скалиста, а дороги были неровны и неудобны. Въ центрѣ стоялъ самъ Ираклій съ царевичемъ Вахтангомъ и княземъ Амилахваровымъ; на лѣвомъ флангѣ стоялъ князь Іоаннъ Мухранскій со своимъ отрядомъ, а авангардъ порученъ былъ внуку царскому, царевичу Іоанну.

Авангардъ персіянъ спустился въ долину, примыкающую къ позиціи, занятой грузинами, а царевичъ Давидъ, по приказанію Ираклія, занялъ Картсанисы.

Пользуясь утреннимъ туманомъ, грузины напали на персіянъ и гнали ихъ передъ собою, но лишь только прояснилось, персіяне увидѣли передъ собою горсть храбрыхъ и пользуясь своею многочисленностью, перешли въ наступленіе. Разбивши свои войска на четырнадцать отрядовъ и занявши приступомъ возвышенности Саганлуга, Каснабада, Телетъ и Картсанисъ, Ага-Магометъ-ханъ рѣшился штурмовать городъ.

Для поощренія своихъ солдатъ къ храбрости и для возбужденія въ нихъ особенныхъ усилій къ одержанію побѣды, повелитель Персіи прибѣгнулъ къ весьма странному способу. «Онъ всегда водилъ съ собою до 6,000 туркменовъ, ненавидѣвшихъ персіянъ и возбуждавшихъ въ послѣднихъ то же самое чувство. Связанные религіею, но раздѣленные обычаями и привычками, эти два народа явно враждовали и презирали одинъ другаго. Ага-Магометъ-ханъ воспользовал-

---

[1]) «По пути на Ахталы.» Газета «Кавказъ» 1876 г., № 123.

[2]) Срав. «Отечественныя Записки» 1827 г., ч. 31, стр. 127: «Историческое извѣстіе о походѣ россійскихъ войскъ въ 1796 г. въ Дагестанъ и Персію подъ командою графа В. А. Зубова.» Статья эта хотя и заимствована изъ журнала одного изъ участниковъ, но во многомъ грѣшитъ противъ истины.

ся этимъ обстоятельствомъ, собралъ туркменовъ вокругъ себя, поставилъ въ тылу своего войска и приказалъ бить и умерщвлять каждаго персіянина, которому пришла бы охота показать пятки [1])».

Вынужденные обстоятельствами и изобрѣтательностью своего предводителя, персіяне упорно наступали. Авангардъ грузинъ, дравшійся съ семи часовъ утра, потерявъ много убитыми, сталъ было отступать, когда на подкрѣпленіе ему явился царевичъ Вахтангъ, посланный Иракліемъ съ отборнымъ войскомъ, составленнымъ изъ кизихцевъ, жителей береговъ Арагвы, пшавовъ и хевсуровъ. Подкрѣпленный авангардъ дрался отчаянно и перешелъ въ наступленіе тогда, когда получилъ новую помощь, посланную царемъ, подъ начальствомъ Мочабелова, начальника надъ шутами и музыкантами. Взявъ свой чонгуръ и пропѣвъ нѣсколько строкъ веселой пѣсни, Мочабеловъ присоединился къ отрядамъ царевичей Іоанна и Вахтанга и вмѣстѣ съ ними «проникъ до знаменъ персидскихъ», изъ которыхъ многія достались грузинамъ, отнявшимъ ихъ у персіянъ въ глазахъ Ага-Магометъ-хана.

— Я не помню — проговорилъ тогда властитель Персіи — чтобы когда либо враги мои сражались съ такимъ мужествомъ.

Находившаяся въ резервѣ и въ аріергардѣ мазандерская пѣхота получила приказаніе шаха идти въ атаку. Ираклій двинулъ свои послѣдніе и немногочисленные резервы, и если только не всѣ, то бо́льшая часть ихъ погибла въ свалкѣ съ несоразмѣрнымъ числомъ непріятеля.

Сраженіе продолжалось съ утра до вечера. Три раза персіяне были отбрасываемы грузинами отъ стѣнъ города; но превосходство персидскихъ войскъ подавило незначительное число грузинъ, начавшихъ отступать къ городу. Ираклій все-таки не хотѣлъ покинуть мѣста сраженія.

— Каждый изъ подданныхъ твоихъ — говорили царю его окружающіе — знаетъ, что ты презираешь смертію для пользы народа и отечества; но если уже суровая судьба измѣнила намъ, то не увеличивай своею смертію торжества непріятелей. Ты нуженъ для отечества.

---

[1]) «Кавказъ» 1850 г., № 89, стр. 355.

Царь не слушалъ увѣщаній даже и тогда, когда персіяне зашли въ тылъ отрядамъ Вахтанга и Іоанна, чтобы завладѣть дорогами, и двинулись къ позиціи, занимаемой Иракліемъ. Произошла жаркая схватка. Ираклій бросился на персіянъ и навѣрное погибъ бы, если бы «внукъ не спасъ своего знаменитаго дѣда.»

Съ 300 человѣкъ царевичъ Іоаннъ врубился въ глубъ толпы персіянъ «и вырвалъ своего дѣда почти изъ рукъ ихъ.»

Тѣмъ не менѣе Тифлисъ былъ взятъ и преданъ разграбленію. Ираклій, покинувъ городъ, скрылся въ ущельяхъ Арагвы; при немъ было только до 150 человѣкъ грузинъ, по большей части раненыхъ.

«Царь самъ въ Кахетіи, писалъ Гудовичъ [1]), съ царицею и съ дѣтьми, но войска при немъ нѣтъ; большой царевичъ Георгій имѣетъ тысячи три; онъ стоитъ тутъ же въ Кахетіи, но особливо. Общимъ голосомъ грузины ропщутъ, что войска грузинскаго совсѣмъ въ собраніи на границахъ съ царемъ не было и что будто сіе по совѣту царицы, надѣясь на внука—царя имеретинскаго; но имеретины, увидя, что однимъ имъ остается драться, ушли.»

Съ удаленіемъ Ираклія изъ Тифлиса, въ городѣ произошло страшное смятеніе.

Оставшіеся жители искали спасенія, а ворвавшіеся персіяне грабили и опустошали дома, покинутые ихъ хозяевами. Одинъ только царевичъ Давидъ твердо держался на своей позиціи и нѣсколько разъ опрокидывалъ нападавшихъ персіянъ. «Но когда онъ увидѣлъ, что толпы ихъ занимаютъ городъ, когда свѣдалъ, что царь покинулъ свою столицу, то рѣшился отступить къ сѣверу въ горы. Узкими и крутыми тропинками проникъ онъ туда, и черезъ три дня прибылъ на Арагву въ Мтіулеты, съ намѣреніемъ не покидать своего дѣда, пока персіяне не уберутся восвояси.»

Съ удаленіемъ царевича Давида, Тифлисъ всецѣло перешелъ въ руки персіянъ. «Сіе сдѣлалось такъ странно, писалъ Гудовичъ [2]), что похоже, какъ будто хотя не самъ царь Ираклій

---

[1]) Въ письмѣ графу П. А. Зубову отъ 23-го октября 1795 г. Московс. Арх. Главн. Штаба, дѣла графа Салтыкова.

[2]) Графу П. А. Зубову, 28-го сентября 1795 года

Теймуразовичъ, а приближенные его умышленно отдали Агѣ-Магометъ-хану.»

«Ага-Магометъ-ханъ не завладѣлъ Тифлисомъ, сказано въ одной частной современной запискѣ [1]), а ему отдали Тифлисъ тамошніе раздоры и интриги. Всѣ пріѣзжающіе оттуда такъ сказываютъ, и на царя, а особливо на царицу жалобы горькія приносятъ. Говорятъ, что совсѣмъ не защищали и не имѣли намѣренія защищать.»

Если бы грузины сколько нибудь хотѣли отстоять свою столицу, они легко могли это сдѣлать и даже отразить непріятеля. Царю и всей Грузіи давно были извѣстны непріязненныя намѣренія Аги-Магометъ-хана, и болѣе четырехъ мѣсяцевъ было времени для приготовленія къ защитѣ. Въ день штурма въ городѣ было тридцать пять пушекъ, тогда какъ во всей арміи Аги-Магометъ-хана было только два дурныхъ орудія. На сколько нетрудна была защита, видно изъ того, что цитадель тифлисская, «ничего незначащая и развалившаяся», защищалась и непріятелемъ взята не была. По всему видно было, что Ага-Магометъ-ханъ имѣлъ себѣ преданныхъ среди подданныхъ царя Ираклія, велъ съ ними переписку и шелъ смѣло, заранѣе зная, что не встрѣтитъ значительнаго сопротивленія.

Въ теченіе шести дней персіяне грабили Тифлисъ; увели въ плѣнъ болѣе 10,000 человѣкъ и оставили вдовыми до 7,000 грузинскихъ женщинъ; изъ 61,000 населенія едва осталось 35,000. Городъ былъ обращенъ въ груду развалинъ; христіанскіе храмы разрушены, Авлабарское предмѣстье все выжжено, мостъ черезъ рѣку Куру сожженъ и во всемъ предмѣстьѣ одинъ только домъ мелика князя Бебутова уцѣлѣлъ отъ пожара [2]).

Ага-Магометъ-ханъ вступилъ въ Тифлисъ въ сопровожденіи Джевадъ-хана ганжинскаго, показавшаго ему дворецъ Ираклія. Шахъ осмотрѣлъ всѣ внутренніе покои, присвоилъ себѣ всѣ сокровища и украшенія, которыя ему понравились, а затѣмъ остальныя богатства отдалъ на расхищеніе своему войску, которому прежде всего приказалъ ограбить и разрушить христіанскіе храмы.

---

[1]) Архивъ Главнаго Штаба.

[2]) Записано мною со словъ князя Д. О. Бебутова.

Узнавъ о существованіи въ Тифлисѣ царскихъ бань, Ага-Магометъ-ханъ отправился осмотрѣть и ихъ. «Построенныя изъ твердаго камня и мрамора, онѣ понравились ему своимъ устройствомъ и богатствомъ. Онъ съ охотою и удовольствіемъ нѣжился въ нихъ, искалъ въ теплыхъ струяхъ минеральной воды исцѣленія отъ болѣзней, не нашелъ и приказалъ разрушить бани.»

Изъ бань онъ отправился въ арсеналъ, забралъ оружіе, а все остальное приказалъ разрушить и уничтожить [1]).

Опасаясь располагаться на ночь въ самомъ городѣ, Ага-Магометъ-ханъ расположился лагеремъ въ Саганлугѣ. Съ каждымъ разсвѣтомъ дня толпы персіянъ, вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ, устремлялись въ столицу Грузіи, гдѣ предавались полному неистовству, не щадя даже и мусульманскаго населенія города. Татары были убиваемы своими единовѣрцами. Многіе изъ нихъ заперлись въ мечетяхъ и молили о пощадѣ; персіяне ломились въ запертыя двери.

— Оставьте насъ!.. кричали муллы—мы такіе же правовѣрные...

— Отворяйте!.. отвѣчали имъ персіяне. Мы пришли истреблять подданныхъ грузинскаго царя.

Персіяне ворвались въ мечеть. Одна дѣвушка въ испугѣ бросилась къ отцу; старикъ обнялъ дочь, но ему отрубили руки; дочь въ свою очередь обняла отца—ему отрубили голову. Красота дѣвушки заставила персіянъ пощадить ея жизнь, но, оставшись живою, она не спаслась отъ поруганія [2]).

Персіяне отнимали у матерей грудныхъ дѣтей, хватали ихъ за ноги и разрубали пополамъ, чтобы попробовать, хороши ли ихъ сабли; они издѣвались надъ женщинами, уводили ихъ въ свой лагерь, заставляя бросать дѣтей на дорогѣ. Выставивъ на мосту черезъ рѣку Куру икону Богоматери, персіяне заставляли грузинъ издѣваться надъ этимъ образомъ, и кто не соглашался на это, того бросали съ моста въ р. Куру, которая была запружена трупами. Дорога за банными воротами была усѣяна дѣтьми моложе

[1]) «Кавказъ» 1850 года, № 90, стр. 355.
[2]) Закавказскій Вѣстникъ 1859 г., № 15

трехлѣтняго возраста, которыя будучи брошены персіянами, плакали по своимъ матерямъ [1]). Къ довершенію бѣдствія, спустившіеся съ горъ лезгины и пришедшіе было на помощь имеретины грабили грузинъ и уводили множество плѣнныхъ.

Помощь имеретинъ была столько же гибельна для Грузіи, сколько и самое вторженіе непріятеля. Мало того, что имеретины бѣжали отъ непріятеля: они, кромѣ того, на пути своего бѣгства грабили, разоряли Карталинію и уводили въ плѣнъ тысячи беззащитныхъ семействъ.

Въ дымящихся развалинахъ Тифлиса блуждали по ночамъ, какъ тѣни, кахетинцы, приходившіе отыскивать или свое имущество, или средство къ пропитанію.

«Пройдя въ Тифлисъ черезъ тапитагскія ворота—говоритъ современникъ [2])—я еще болѣе ужаснулся, увидѣвъ даже женщинъ и младенцевъ, посѣченныхъ мечомъ непріятеля, не говоря уже о мужчинахъ, которыхъ въ одной башнѣ нашелъ я, на глазомѣръ, около тысячи труповъ. Бродя по городу до ганжинскихъ воротъ, я не встрѣтился ни съ однимъ живымъ человѣкомъ, кромѣ нѣкоторыхъ измученныхъ стариковъ, которыхъ непріятели, допрашивая, гдѣ есть у нихъ богатство или деньги, дѣлали надъ ними различныя тиранства. Городъ почти былъ выжженъ и еще дымился, а воздухъ отъ гніющихъ убитыхъ тѣлъ, по жаркому времени, былъ совершенно несносенъ и даже заразителенъ.»

«Страшный былъ часъ, говоритъ въ своей лѣтописи протоіерей Теръ-Оганъ Воскерчянцъ [3]), и не въ состояніи умъ мой обрисовать тотъ страшный гнѣвъ, ниспосланный Господомъ надъ своей маленькой паствой, ибо пока раздавался благовѣстъ съ колоколовъ христіанскихъ церквей и голосъ молитвы стада Христова возносился къ небу подобно дыму, въ то же время распространился надъ плачевнымъ городомъ дымъ Вавилонской печи, а потому замолкли звуки колоколовъ и возвысился голосъ крика; онѣмѣли прославляющіе Господа, и раздался печальный вопль мате-

---

[1]) Кавказъ 1849 г., № 25.

[2]) Артемій Араратскій, ч. II, стр. 39.

[3]) «Кавказс. Старина», стр. 197.

рей и дѣтей... Смыли городъ отъ конца до конца стремительнымъ потокомъ христіанской крови, а послѣ восьмидневнаго истребленія жителей подожгли городъ, сожгли и уничтожили украшенія святыхъ церквей и увеселительные дворцы городскіе и, оставивъ городъ какъ дымящую головню, ушли.

«Взявъ въ плѣнъ множество женщинъ и невѣстъ съ покрывалами и красавицъ-дѣвицъ и отдѣливъ какъ стадо животныхъ дочь отъ матери, сына отъ отца, влекли ихъ плачущихъ, босыхъ и нагихъ; таковыхъ среднихъ лѣтъ и лишенныхъ красоты продавали персамъ, армянамъ и туркамъ въ ближайшіе города, а красавицъ вели въ Персію и оттуда далѣе чѣмъ внутренній Хоросанъ. Число же убитыхъ и плѣнныхъ знаетъ лишь Тотъ, Кто далъ имъ жизнь.»

Исторіографъ Аги-Магометъ-хана сознается, что, при разореніи Тифлиса, храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ образецъ или примѣръ того, чего они должны ожидать въ день судный [1]).

Множество жителей разбѣжалось въ Карсъ, Ахалцихъ и другія мѣста турецкихъ владѣній. Разореніе города было такъ велико, что у Ираклія въ первое время явилась мысль уничтожить Тифлисъ, а оставшихся въ немъ жителей перевести на другое мѣсто, но грузины не соглашались на это [2]). Самъ царь не имѣлъ въ немъ пристанища; захвативъ съ собою мощи святыхъ угодниковъ и нѣкоторыя вещи, онъ бѣжалъ изъ города и укрылся сначала въ Мтіулетской провинціи [3]), а потомъ въ Ананурѣ. Богатая добыча досталась Ага-Магометъ-хану.

«Увѣряемъ, ваше высокопревосходительство,—писалъ Ираклій Гудовичу [4]),—что пріобрѣтенное, какъ нашими предками, такъ равно и нами имущество, пожалованные отъ всемилостивѣйшей Государыни: корона, скипетръ, порфира, знамя, пушки, также дѣтей и вѣрноподданныхъ нашихъ имѣніе, отъ святыхъ

[1]) «Сынъ Отечества» 1835 г., т. 171, стр. 333.

[2]) Прошеніе тифлисскихъ жителей царю Ираклію 16-го февраля 1796 года. См. газету «Кавказъ» 1849 г., № 24.

[3]) Письмо Ираклія къ сыну его Миріану, бывшему въ С.-Петербургѣ, отъ 15-го сентября 1795 г. Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Письмо Ираклія къ графу Гудовичу 14-го сентября 1795 года.

церквей драгоцѣнные образа, кресты, ризница и прочая церковная утварь, словомъ сказать, все тифлисское богатство попало въ его руки.»

Грузія гибла отъ недостатка единодушія не только среди народа, но и среди царскаго семейства. Вмѣсто пособія и помощи Ираклію, царевичи, его сыновья и внуки, разъѣхались кто куда попало, а старшій сынъ царя и его наслѣдникъ Георгій хотя и собиралъ войско, но стоялъ «безъ соединенія съ родителемъ въ Кахетіи» [1]).

Еще до приближенія Аги-Магометъ-хана, Ираклій убѣдительно просилъ Георгія [2]) и другихъ царевичей поспѣшить присылкою ему войска. Георгій торопился исполнить просьбу отца. Онъ формировалъ войска въ Сигнахѣ, отправлялъ ихъ изъ города; но грузины, не заботясь о защитѣ отечества, возвращались назадъ окружными дорогами и расходились по домамъ, «чтобы успѣть собрать съ полей хлѣбъ, сдѣлать вино и тѣмъ доставить семействамъ своимъ пропитаніе» [3]).

Въ окрестностяхъ Тифлиса началось опустошеніе. По дорогамъ открылись разбои и грабежи. Бѣжавшіе грузины начали убивать другъ друга, чтобы захватить себѣ чужое имущество.

Извѣстіе о паденіи Тифлиса скоро достигло и до Сигнаха. Оно дошло туда 14-го сентября, около полудня. Городскіе жители стали также оставлять городъ и искать спасенія въ бѣгствѣ; долженъ былъ бѣжать и Георгій, будущій царь Грузіи.

Сундуки его (яхтаны) были уже навьючены на лошадей, когда народъ узналъ о желаніи царевича оставить Сигнахъ. Собравшись огромною толпою вокругъ его дома, грузины кричали Георгію, что они его не выпустятъ. Они упрекали его въ томъ, что «умѣлъ ихъ быками, баранами и виномъ довольствоваться, а когда пришла опасность, то хочетъ ихъ бросить.»

— Такъ нѣтъ же—повторяли они всѣ въ одинъ голосъ—те-

---

[1]) Письмо царя Ираклія князю Чавчавадзе 9-го апрѣля 1796 года.

[2]) Георгій жилъ тогда въ Сигнахѣ, въ домѣ Моурава (царскаго намѣстника), котораго въ то время не было.

[3]) Артемій Араратскій, ч. II, стр. 13.

перь мы тебя не выпустимъ; умирай вмѣстѣ съ нами! Когда будутъ рубить наши головы, то пусть срубятъ и твою.

Георгій просилъ сигнахцевъ отпустить его изъ города; но народъ не только не слушалъ его просьбъ, а, напротивъ того, приставилъ къ его дому караулъ. Царевичу оставалось одно средство—подкупить караульныхъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, простившись, однакожь, навсегда со всѣмъ своимъ имуществомъ, которое имѣлъ при себѣ. Въ одномъ кафтанѣ онъ бѣжалъ въ Телавъ.

Мцхетъ былъ также выжженъ персіянами, которые хотѣли сжечь и знаменитый мцхетскій храмъ, но были остановлены начальникомъ отряда, нахичеванскимъ ханомъ.

— Не слѣдуетъ осквернять святыню и гробъ царей, сказалъ онъ своимъ войскамъ.

Монастырское имущество было разграблено, и повсюду валялось множество убитыхъ. Монахи всѣ разбѣжались, предоставивъ расхищенію монастырскія богатства.

Намѣстникъ и монашествующіе, при побѣгѣ своемъ, спрятали монастырскія сокровища въ потаенномъ мѣстѣ внутри стѣны, въ которой отверстіе сдѣлано было въ самомъ верху и закладывалось такимъ же камнемъ, какъ и прочіе. Но, спрятавъ ихъ, по торопливости или по простотѣ, монахи оставили у того самаго мѣста лѣстницу, а это подало поводъ догадаться персіянамъ, что тутъ есть скрытыя сокровища, которыя и похищены были ими безъ остатка.

Отряды персіянъ проникли въ Мухнаръ и Джалы, не встрѣтивъ тамъ ни одного человѣка. Села и деревни были пусты. Близъ Гори отрядъ остановился въ виду крѣпости, но, простоявъ нѣкоторое время и не предпринимая ничего, отступилъ. Персіяне бродили по всей Верхней Карталиніи, проникли до Цхинвала и возвратились, не находя нигдѣ ни людей, ни стадъ, не поживившись богатою добычею.

Разоренный народъ, за неимѣніемъ хлѣба, питался орѣхами и травою, когда узналъ, что Ага-Магометъ-ханъ оставляетъ Грузію и что онъ отступилъ уже къ Ганжѣ.

Укрывавшіеся въ лѣсахъ за Душетомъ и Анануромъ жители

Тифлиса и другихъ мѣстъ стали выходить въ селенія. Въ Ананурѣ собралось огромное кочующее поселеніе. Пришельцы, не имѣя помѣщенія, проводили день и ночь подъ открытымъ небомъ, въ ненастную погоду, безъ одежды и пропитанія. Каждый изъ нихъ не досчитывался кого нибудь въ своей семьѣ: отецъ потерялъ сына, сынъ не зналъ, гдѣ и что сталось съ его отцомъ, матери лишились дочерей, жены мужей, и со всѣхъ сторонъ стоны и вопли оглашали улицы Ананура.

Въ полуразрушенномъ старинномъ грузинскомъ монастырѣ Анаура, въ одной ветхой кельѣ, бывшей въ углу монастырской ограды, можно было встрѣтить человѣка, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ и закрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ. Человѣкъ этотъ, нѣкогда гроза всего Закавказья, былъ царь Грузіи, Ираклій II. Подлѣ него стоялъ старый армянинъ слуга.

— Кто сидитъ въ углу? спрашивали проходившіе.

— Тотъ, котораго ты видишь—отвѣчалъ со вздохомъ армянинъ—былъ нѣкогда въ большой славѣ, и имя его уважалось во всей Азіи. Онъ былъ лучшій правитель народа своего. Какъ отецъ, онъ старался о благоденствіи его и въ теченіе сорока лѣтъ, до сего времени, умѣлъ сохранить цѣлость царства своего; но старость, лишившая его силъ, положила всему преграду и конецъ. Чтобы отвратить раздоры и междоусобія въ семействѣ своемъ, могущія послѣдовать послѣ его смерти, онъ думалъ сдѣлать послѣднее добро народу своему, и для лучшаго управленія раздѣлилъ царство по частямъ. Несчастный царь Ираклій ошибся въ своихъ надеждахъ. Бывшій евнухомъ Тахмаспъ-Кули-хана (шаха Надира), въ то время, когда Ираклій носилъ званіе военачальника Персіи, пришелъ нынѣ побѣдить немощную старость его. Собственныя дѣти отказались помочь ему и спасти отечество, потому что ихъ было много, и всякій изъ нихъ думалъ, что будетъ стараться не для себя, а для другаго. Царь Грузіи принужденъ былъ прибѣгнуть къ царю Имеретіи; но если ты былъ въ Тифлисѣ, то, конечно, видѣлъ весь позоръ, какой представляли тамъ войска его. Ираклій съ горстью людей сражался со ста тысячами и лишился престола оттого, что былъ оставленъ безъ жалости дѣтьми своими, и кому же на жертву?—евнуху, человѣку,

который прежде раболѣпствовалъ предъ нимъ!.. Померкла долголѣтняя слава его; столица обращена въ развалины, а благоденствіе народа его въ погибель. Вотъ подъ сею стѣною видишь ты укрывающагося отъ всѣхъ людей славнаго царя Грузіи, безъ помощи и покрытаго только овчинною кожею!.. Царедворцы и всѣ находившіеся при немъ ближніе его природные подданные, которыхъ онъ покоилъ и питалъ на лонѣ своемъ во всемъ изобиліи, оставили его: ни одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ за владыкою своимъ, кромѣ меня, самаго послѣдняго армянина...

При вторженіи Аги-Магометъ-хана въ Грузію, всѣ кочующіе тамъ народы, которые находились поверхъ такъ называемаго «Краснаго моста», отошли къ Карсу и Ахалцыху, гдѣ жители ихъ обобрали. Впослѣдствіи они по одиночкѣ возвращались въ Грузію [1]). Многіе князья съ ихъ семействами, жены, дѣти и женщины оставлены персіянами въ числѣ плѣнныхъ.

Ираклій молилъ Гудовича о помощи; онъ надѣялся, что Россія не оставитъ безъ отмщенія поступокъ Аги-Магометъ-хана. Грузинскій царь увѣрялъ главнокомандующаго, что если бы онъ не надѣялся на помощь Россіи, «то, говорилъ онъ, черезъ другихъ приглашенныхъ войскъ противъ его (Аги-Магометъ-хана) вооружились бы или другимъ способомъ сохранили бы наше царство; но мы были увѣрены въ вспомоществованіи отъ высочайшаго двора и отъ васъ.» Ираклій II просилъ не потерять навсегда для Россіи «столько народа и городовъ» грузинскихъ и помочь ему русскими войсками выгнать персіянъ изъ Грузіи.

«... Миріанъ и Герсеванъ (Чавчавадзе)! писалъ Ираклій въ С.-Петербургъ [2]). Вотъ время принять вамъ всевозможный трудъ за отечество ваше, за церковь и христіанскій народъ! Ничего уже у насъ не осталось, всего лишились. Вы сами знаете, что ежели бы мы присягою къ высочайшему двору привязаны не были, а съ Агою-Магометъ-ханомъ согласны были, то бы сего приключенія съ нами не было.

[1]) Письмо Ираклія къ князю Чавчавадзе 8-го апрѣля 1796 г. Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Письмо Ираклія къ сыну Миріану, бывшему въ С.-Петербургѣ, отъ 15-го сентября 1796 г. Тамъ же.

«Для Бога приложите возможное стараніе, чтобы ускорить исходатайствованіемъ войскъ, пока Ага-Магометъ-ханъ не усилился, не успѣлъ овладѣть всѣмъ и отогнать находящійся при насъ кочующій народъ, до прибытія помощи. Войско получитъ Богомъ данную знаменитую побѣду, страны же сіи навѣки славою своею освободятъ.»

Изъ Мтіулетъ Ираклій разослалъ повсюду повелѣнія готовиться къ войнѣ и собираться на назначенныхъ мѣстахъ, а изъ Ананура отправилъ князя Кайхосро Авалова съ письмомъ къ Ага-Магометъ-хану.

«Если ты считаешь себя шахомъ, писалъ Ираклій, и повелителемъ всей Персіи, зачѣмъ разорилъ ты мою столицу, зачѣмъ полонилъ моихъ подданныхъ, неповинныхъ предъ тобою? Умѣй ты поступать по-царски. Ты послѣ битвы даровалъ бы миръ жителямъ Тифлиса и привлекъ бы тѣмъ ихъ сердца. Выслушай теперь мое предложеніе: возврати свободу плѣннымъ, а послѣ мы подумаемъ объ условіяхъ союза, заключимъ его, и я исполню его ненарушимо, какъ требуютъ того честь и справедливость. Если ты не исполнишь моего желанія, я сдѣлаю все, чтобы спасти отечество, потому что сердца всѣхъ грузинъ полны негодованіемъ и мщеніемъ. Объявляю тебѣ также, что единовѣрная намъ Императрица Россіи не потерпитъ того, что ты дѣлаешь съ нами» [1]).

Въ отвѣтъ на это Ага-Магометъ-ханъ требовалъ отъ Ираклія выдачи пришедшихъ къ нему на помощь карабагскихъ жителей (которыхъ Ираклій успѣлъ, однакожь, проводить въ горы); большой бѣлый алмазъ, доставшійся грузинскимъ царямъ отъ Азатъ-хана, и часы, висѣвшіе въ диванѣ (совѣтѣ), [2]) и въ качествѣ аманатовъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ своихъ приближенныхъ и одного изъ сыновей или внуковъ. Ага-Магометъ обѣщалъ при этомъ, если Ираклій согласится на всѣ требованія, освободить 30,000 плѣнныхъ грузинъ, исправить все сгорѣвшее и разоренное въ Тифлисѣ и даже заключить съ царемъ Грузіи дружественный союзъ [3]).

[1]) «Кавказъ» 1850 г., № 90.

[2]) Часы эти были присланы въ подарокъ Ираклію княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ.

[3]) Письмо Ираклія Гудовичу отъ 16-го сентября. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Считая свое положеніе безвыходнымъ, Ираклій готовъ былъ согласиться на это требованіе и сталъ было приготовлять къ отправленію въ станъ персидскій своего внука царевича Давида, котораго самъ воспиталъ, познакомилъ съ персидскою политикою и любилъ за его умъ, храбрость, краснорѣчіе и энергію. Случайныя обстоятельства помѣшали рѣшимости царя согласиться на требованіе Аги-Магометъ-хана. Едва только Джевадъ-ханъ ганжинскій узналъ о готовности Ираклія на уступку, какъ тотчасъ же рѣшился, во чтобы то ни стало, разстроить это дѣло въ самомъ его началѣ...

— Если союзъ состоится, говорилъ Джевадъ-ханъ, то мнѣ, состряпавшему всю эту грозу, упавшую на Грузію, плохо придется...

Зная, что Ираклій разочтется съ нимъ, какъ только выйдетъ изъ затруднительнаго положенія, Джевадъ-ханъ дѣйствительно успѣлъ поколебать довѣріе персидскаго властителя къ чистотѣ намѣреній Ираклія II. Ганжинскій ханъ говорилъ, что грузинскій царь не помышляетъ о заключеніи союза; что онъ собираетъ въ Кахетіи и Мтіулетахъ войска и послалъ за помощью къ русскимъ. Подарками приближеннымъ Аги-Магометъ-хана, подложными письмами, будто бы полученными отъ нѣкоторыхъ ему преданныхъ грузинъ, и другими пронырствами Джевадъ-ханъ успѣлъ въ своихъ проискахъ на столько, что Ага-Магометъ-ханъ согласился на отправленіе къ Ираклію нѣсколькихъ посланныхъ, съ тою цѣлью, чтобы, подъ предлогомъ переговоровъ, они высмотрѣли настоящее положеніе Грузіи.

Съ своей стороны, Джевадъ-ханъ пустился на новую хитрость. Ганжинскій ханъ писалъ Ираклію, что онъ самый вѣрнѣйшій рабъ его, что персіяне пришли внезапно въ его городъ, ничѣмъ неукрѣпленный, и потому онъ не могъ защищаться, и если бы Ага-Магометъ-ханъ не взялъ его насильно съ собою, то всѣ заботы хана были бы устремлены на укрѣпленіе его подданныхъ въ вѣрности грузинскому царю. Въ концѣ письма Джевадъ-ханъ предлагалъ свое посредничество между Иракліемъ и Агою-Магометъ-ханомъ и просилъ все дѣло по заключенію мира возложить на него.

*

Ираклій, хорошо зная двуличіе ганжинскаго хана и то участіе, которое онъ принималъ при вторженіи персіянъ въ Грузію, не принялъ письма и прогналъ его посланныхъ. Джеваду только то и было нужно. Явившись въ персидскій лагерь, его посланные, по наущенію хана, разсказывали, что Ираклій собралъ уже войска и въ самомъ непродолжительномъ времени атакуетъ персіянъ; что они сами видѣли до 5,000 человѣкъ грузинскаго войска, и что со всѣхъ сторонъ спѣшатъ къ царю новыя силы.

По поводу этого извѣстія, Ага-Магометъ-ханъ собралъ совѣтъ, на которомъ его приближенные, опасаясь потерять награбленное, считали лучшимъ отступить, не ожидая нападенія грузинъ.

— Мы взяли Тифлисъ, говорили они, разорили и разграбили все, что поцѣннѣе. Теперь Тифлисъ почти не существуетъ: жители ушли, улицы и базары безлюдны, дома пусты и очищены отъ пожитковъ. Чего намъ болѣе? Зачѣмъ намъ ждать грузинъ, нашихъ заклятыхъ враговъ? Къ тому же у насъ не хватитъ надолго хлѣба и боевыхъ припасовъ, нужно идти домой.

Оставивъ предмѣстье Саганлуга, Ага-Магометъ-ханъ отступилъ отъ Тифлиса, но, остановившись неподалеку отъ города, велъ переговоры съ дагестанцами, которыхъ подучалъ сдѣлать нападеніе на Кахетію, обѣщая имъ за то много денегъ.

Между тѣмъ, не зная о рѣшеніи персіянъ оставить Грузію, Ираклій, по полученіи требованій отъ Ага-Магометъ-хана, отправилъ посланнаго къ Гудовичу съ просьбою о помощи. Царь писалъ, что если помощь эта не будетъ дана ему въ скоромъ времени, то, не въ состояніи будучи противиться силамъ персіянъ, вынужденъ будетъ согласиться на всѣ требованія Аги-Магометъ-хана. Такое рѣшеніе Ираклія не согласовалось съ видами многихъ и въ томъ числѣ армянскаго архіепископа Іосифа. Все еще мечтая о соединеніи армянъ въ одно цѣлое, Іосифъ явился горячимъ ходатаемъ за Грузію и за ея царя Ираклія. Архіепископъ говорилъ, что предвидѣлъ всѣ бѣдствія, писалъ о томъ многимъ, но они не хотѣли вѣрить «искренности дома грузинскаго.»

«Благовѣрный царь, Государь скорбящій!—писалъ Ираклію

архіепископъ Іосифъ [1]):—О бѣдственномъ происшествіи съ вашимъ царствомъ, о разореніи, гибели и полоненіи моего отечества узналъ я... Пусть проснутся наши предки и пусть сложатъ нынѣ раздирающій душу плачъ про паденіе царства Багратидовъ, на поколѣніе которыхъ возлагались надежды, что оно пуститъ большія вѣтви и отростки,—но нынѣ стало хуже чѣмъ прежде. Нынѣ да плачутъ вмѣстѣ съ вами и *разсѣянные по лицу земли армяне, ибо они возлагали надежду лишь на страну и царство ваше.*»

Іосифъ обѣщалъ похлопотать за Грузію, увѣрялъ царя, что Россія не оставитъ его безъ помощи, и заявлялъ, что онъ написалъ уже о томъ кому слѣдуетъ въ Петербургъ и въ томъ числѣ графу П. А. Зубову.

«Виноватъ Гудовичъ, прибавлялъ Іосифъ въ письмѣ Степану Давыдову [2]). Несчастный и злополучный царь еще въ мартѣ (1795 года) присылалъ къ нему и писалъ: помочь или отречься (отъ покровительства Грузіи). Хотя я много говорилъ ему, что страна безъ вашей (русской) помощи погибнетъ, *но крѣпкая голова его не приняла.*»

Не имѣя прямаго повелѣнія дѣйствовать наступательно [3]), Гудовичъ не рѣшался, безъ разрѣшенія Императрицы, оказать существенную помощь Ираклію. При всемъ томъ, въ уваженіе крайняго положенія, въ которомъ находился тогда Ираклій, Гудовичъ приказалъ осмотрѣть дорогу въ Грузію, исправить ее и двинулъ часть войскъ къ Моздоку, съ тѣмъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ переправились черезъ рѣку Терекъ [4]). Онъ разсчитывалъ, что одинъ слухъ о намѣреніи русскихъ двинуться въ Грузію заставитъ Ага-Магометъ-хана отступить въ свои владѣнія.

Всѣ эти мѣры не могли, однако же, удовлетворить Ираклія, просившаго, чтобы русскія войска прибыли къ нему на помощь не позже, какъ черезъ восемь дней—срокъ, въ который невозможно было, при самыхъ усиленныхъ маршахъ, перейти съ Кав-

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го ноября 1795 года. «Кавказская Старина», стр. 29.

[2]) Отъ 15-го декабря 1795 года. Тамъ же, стр. 30.

[3]) Рескриптъ Императрицы, отъ 4-го сентября Гудовичъ получилъ только 1-го октября.

[4]) Всеподд. рапортъ Гудовича Императрицѣ 28-го сентября 1795 года.

казской линіи въ Тифлисъ. При подобномъ движеніи, по мѣстамъ безлюднымъ, войскамъ необходимо было имѣть съ собою провіантъ не только на весь путь, но, и прибывъ на мѣсто, имѣть въ запасѣ, такъ какъ получить его въ Грузіи не было возможности. Притомъ, одна пѣхота не могла быть отправлена на помощь, а движеніе кавалеріи и артиллеріи, по тогдашнимъ дурнымъ дорогамъ, было крайне затруднительно, а главное весьма медленно.

Гудовичъ писалъ Ираклію, чтобы онъ переговорами старался выиграть время и въ крайнемъ случаѣ согласился на отдачу шаху бѣлаго алмаза и часовъ, если успѣетъ за нихъ выговорить отступленіе его отъ Тифлиса, такъ какъ вещи эти могутъ быть современемъ возвращены грузинскому царю.

Относительно же отдачи сына въ аманаты, главнокомандующій предлагалъ Ираклію отвѣчать, что онъ исполнить этого не можетъ, такъ какъ состоитъ подъ покровительствомъ Россіи, и что о томъ снесется съ русскимъ главнокомандующимъ.

«Прискорбно мнѣ чрезвычайно, писалъ Гудовичъ [1]), что, по перемѣнившимся неожиданнымъ, такъ сказать, обстоятельствамъ, отъ внутренняго несогласія въ Грузіи и отъ распоряженій въ ней недостаточныхъ, во всѣхъ пунктахъ оный (рескриптъ отъ 4-го сентября) въ точности теперь исполнить скоро невозможно. Когда Ага-Магометъ-ханъ безъ пушекъ въ восемь дней завладѣлъ знатною частью Карталиніи и взялъ безъ обороны Тифлисъ, то могло ли тутъ поспѣть отъ войскъ россійскихъ подкрѣпленіе, по отдаленности и труднѣйшей дорогѣ чрез ущелины снѣговыхъ горъ, и кого же бы россійскія войска подкрѣпляли, когда грузинскихъ въ собраніи не было, такъ что при царѣ у Тифлиса оставалось не болѣе 200 человѣкъ... По свидѣтельству многихъ грузинъ, слышалъ я извѣстія странныя: первое дѣйствительно справедливое, что, по неудовольствію на царевичей, большая часть дворянъ не поѣхали на ополченіе къ царю; потомъ, что царевичъ Юлонъ, старшій по наслѣдникѣ, любимый сынъ царицы, которому порученъ былъ Тифлисъ, уѣхалъ прежде своего родителя, и наконецъ, чему я не даю вѣры, будто царица, желая сдѣлать царевича

[1]) Графу П. А. Зубову отъ 8-го октября 1795 года.

Юлона наслѣдникомъ, равнодушно глядѣла, что Грузія попадается въ руки Аги-Магометъ-хана, чтобы черезъ то отдалить отъ царства признаннаго наслѣдникомъ большаго царевича Георгія, отъ перваго брака.»

Положеніе Грузіи было весьма критическое. Царь нуждался въ поддержкѣ русскихъ войскъ не только для защиты царства отъ враговъ внѣшнихъ, но и для водворенія спокойствія внутри страны, среди подданныхъ, «которые худо ему повинуются».

Хотя въ половинѣ октября Ага-Магометъ-ханъ и отступилъ къ Ганжѣ, находившейся въ 180 верстахъ отъ Тифлиса, однако, грузины опасались обратнаго возвращенія его въ ихъ столицу, тѣмъ болѣе вѣроятнаго, что климатическія свойства страны не могли воспрепятствовать Агѣ-Магометъ-хану употребить всѣ свои усилія къ окончательному покоренію Грузіи.

Имѣя приказаніе отправить въ Грузію два или четыре баталіона пѣхоты, Гудовичъ спрашивалъ Ираклія: гдѣ находится Ага-Магометъ-ханъ и не вступалъ-ли онъ съ нимъ въ какіе либо переговоры? Въ какомъ положеніи находятся персидскія войска и можетъ ли царь исправить дороги и доставить продовольствіе для войскъ, назначенныхъ въ Грузію? Ираклій отвѣчалъ, что Ага-Магометъ-ханъ находится въ Ганжѣ; что условій съ нимъ никакихъ не заключалъ; что самъ онъ съ царицею Дарьею находится въ Кахетіи; но войскъ у него нѣтъ, а есть нѣсколько у старшаго сына Георгія, который также въ Кахетіи, но не вмѣстѣ съ нимъ; что дорогъ исправить не имѣетъ средствъ, но продовольствіе надѣется доставить для 7,000 или 8,000 человѣкъ [1]), которыхъ и просилъ прислать какъ можно скорѣе, такъ какъ Ага-Магометъ-ханъ намѣренъ зимою опять вторгнуться въ Грузію и предать ея столицу новому разграбленію.

Разореніе Тифлиса обнаружило явное нерасположеніе Аги-Магометъ-хана къ Россіи, подъ покровительствомъ и охраною которой находилась Грузія. Оставить безнаказаннымъ подобный поступокъ было бы несогласно съ достоинствомъ Россіи и могло имѣть весьма вредное вліяніе на хановъ и владѣтелей сосѣднихъ

[1]) Въ другомъ письмѣ онъ обѣщалъ доставить предовольствіе для 10,000 или 12,000 человѣкъ.

имъ областей. Послѣдніе, заботясь о своей независимости, не были искренно преданы ни Россіи, ни Персіи и всегда склонялись на сторону того, кто былъ сильнѣе, кто могъ нанести имъ больше разоренія. Поэтому Гудовичъ находилъ необходимымъ, для пользы дѣлъ того края, наказать Агу-Магометъ-хана за его вѣроломный и коварный поступокъ противъ Россіи.

«Ежели благоугодно будетъ повелѣть, писалъ онъ [1]), опрокинуть Агу-Магометъ-хана и покорить надежно и съ пользою высочайше предположенныя провинціи въ Персіи, а особливо шушинскаго хана и адербейджанскихъ, которые отдалены, то, по извѣстности мнѣ положенія здѣшняго края, всеподданнѣйшее мое мнѣніе въ томъ (состоитъ), чтобы съ самаго начала весны послать небольшую часть войскъ прямо черезъ горы въ Грузію, ежели удобности не представится теперь оныя туда доставить, а другой знатнѣйшей части войскъ, не меньше, какъ съ двѣнадцатью полными баталіонами, съ знатною частью артиллеріи, съ тридцатью эскадронами драгунъ, съ частью казаковъ—располагая оставить надобныхъ на линіи—вступить въ мартѣ мѣсяцѣ въ Персію, берегомъ Каспійскаго моря и идти съ оными мнѣ или, какъ благоугодно будетъ повелѣть, въ Гилянъ, а оттуда и далѣе.»

Движеніе этого послѣдняго отряда, отвлекая главныя силы персіянъ, дозволяло надѣяться, что незначительный отрядъ русскихъ войскъ, отправленный въ Грузію, будетъ достаточенъ для того, чтобы возстановить въ ней должный порядокъ и спокойствіе. Наступленіе же наше съ главными силами внутрь Персіи могло склонить на нашу сторону многихъ хановъ, пограничныхъ съ Россіею, а дойдя до Гиляна, мы могли возстановить тамъ въ ханскомъ достоинствѣ преданнаго Россіи Муртазу-Кули-хана, непримиримаго врага брата своего Аги-Магометъ-хана.

Къ тому же направленіе экспедиціи вдоль берега Каспійскаго моря, при тогдашнемъ положеніи нашихъ границъ, было единственно возможнымъ направленіемъ. Здѣсь для экспедиціи могъ быть составленъ довольно значительный отрядъ, успѣху котораго

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Гудовича, отъ 8-го октября 1795 года.

могла содѣйствовать каспійская флотилія; здѣсь можно было, пользуясь выгодою морскаго сообщенія, сосредоточить въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ значительные запасы продовольствія и боевыхъ припасовъ. Всякое же движеніе прямымъ путемъ, черезъ горы, было сопряжено съ большими затрудненіями. Отсутствіе путей сообщенія, затрудняя движеніе войскъ, дѣлало почти невозможнымъ доставку продовольствія и боевыхъ припасовъ. Разсчитывать на возможность прокормленія войскъ средствами края было бы крайнею ошибкою: Грузія, какъ увидимъ, не могла прокормить и двухъ баталіоновъ, въ ней бывшихъ.

За направленіе экспедиціи вдоль берега Каспійскаго моря стоялъ и епархіальный епископъ всѣхъ обитающихъ въ Россіи армянъ Іосифъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ.

Архіепископъ Іосифъ пользовался вниманіемъ нашего правительства и особымъ довѣріемъ князя Потемкина-Таврическаго. Послѣдній, при посредствѣ Іосифа, поддерживалъ постоянныя сношенія съ армянами, обитавшими въ Персіи и Турціи. Іосифу извѣстны были виды и намѣренія русскаго правительства относительно народовъ, населявшихъ закавказскія провинціи; ему же впослѣдствіи было поручено перевести на армянскій и персидскій языки и напечатать въ своей типографіи, въ Астрахани, манифестъ Императрицы, обращенный къ народамъ, населяющимъ Персію [1]).

Довѣріе, оказываемое Іосифу, сдѣлало его на столько самонадѣяннымъ, что онъ, какъ увидимъ ниже, считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла и былъ причиною нѣкоторыхъ замѣшательствъ среди населенія Дагестана и всего Закавказья. Лишь только узналъ Іосифъ о предполагаемой экспедиціи въ Персію, онъ тотчасъ же отправилъ графу Платону Зубову составленныя имъ свѣдѣнія объ Арменіи и о прилежащихъ къ ней персидскихъ провинціяхъ [2]) и просилъ о назначеніи Суворова начальникомъ экспедиціоннаго отряда.

---

[1]) Въ то время въ Петербургѣ не было такой типографіи, въ которой бы имѣлся армянскій шрифтъ, и потому русскій текстъ манифеста былъ отправленъ къ Іосифу въ Астрахань, гдѣ переведенъ и напечатанъ.

[2]) Собраніе актовъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа, Москва. изд. 1838 г. Т. III, 336.

Если русскія войска, писалъ Іосифъ [1]), пойдутъ «лишь на Тифлисъ, то ничего не помогутъ, развѣ легко завладѣютъ развалинами, ибо непріятель разорилъ (Тифлисъ) единственно изъ-за нихъ. Если же пойдутъ на Дербентъ, Баку и на Ганжу, то сперва легко завладѣютъ Шекою и Ширваномъ, а потомъ возьмутъ Ганжу; оттуда же могутъ помочь эриванскимъ армянамъ и другимъ, а также и полоненнымъ въ Персію. Если же ханъ шушинскій все еще находится въ крѣпости своей, то онъ присоединится къ нашимъ и положитъ конецъ скопцу (Ага-Магометъ-хану). Хотя составленный мною, на основаніи существующихъ у меня данныхъ, *проектъ о Грузіи и Арменіи* поднесъ я черезъ Попова графу (П. А. Зубову) вмѣстѣ съ собственнымъ моимъ разсужденіемъ и письмомъ, но можетъ быть его утеряли, а потому присылаю вновь; ибо сверхъ этого плана, полнаго указаніями, ничего не могутъ предпринять. *Но если пошлютъ графа Суворова, то все дѣло разомъ будетъ кончено ко благу нашему.* По сему дѣлу и 1-го января 1780 г. былъ онъ же назначенъ; онъ пріѣхалъ въ маѣ и въ домѣ Турджинова записалъ все; тогда и самъ онъ желалъ быть въ тѣхъ краяхъ, но потомъ все измѣнилось. Отъ меня привѣтъ ему съ благословленіемъ и скажи: о святой Георгій, быстро летящій на помощь страждущимъ и спаситель плѣнныхъ, поспѣши на помощь злополучному Грузинскому царству и моему отечеству, любимому тобою.»

Въ столь быстрой помощи нужды уже не было. По полученнымъ свѣдѣніямъ, Ага-Магометъ-ханъ оставилъ Грузію и отступилъ къ Ганжѣ. Гудовичъ полагалъ, что, за недостаткомъ продовольствія, персіяне принуждены будутъ отступить еще далѣе и, слѣдовательно, отказаться отъ вторичнаго вторженія въ Грузію. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, онъ писалъ Ираклію, что въ посылкѣ теперь просимыхъ царемъ 7,000 или 8,000 русскихъ войскъ надобности не встрѣчается, тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности продовольствовать такое число войскъ ни во время пути, ни въ самой Грузіи, разоренной до основанія, а потому и считаетъ достаточнымъ, «для поддержанія въ его царствѣ долж-

[1]) Степану Давыдову, отъ 15-го декабря 1795 г. «Кавказская Старина», стр. 30.

наго уваженія къ высокой его особѣ», послать 2,000 человѣкъ пѣхоты съ шестью орудіями. Отправленіе этихъ войскъ въ Грузію признавалось необходимымъ еще и потому, чтобы показать сосѣднимъ съ нами персидскимъ ханамъ и прочимъ горскимъ владѣльцамъ, «что успѣхи Аги-Магометъ-хана ничего не значатъ», и что онъ ушелъ уже отъ одного извѣстія о движеніи русскихъ войскъ.

«Донесеніе ваше», писала Императрица Гудовичу [1]), о выходѣ войскъ Аги-Магометъ-хана изъ Тифлиса въ Ганжу, объ отзывахъ къ вамъ царя Ираклія Теймуразовича и хана аварскаго, о пріуготовленіяхъ, чинимыхъ вами для переходу войскъ черезъ горы кавказскія, и о посылкѣ въ Кахетію двухъ баталіоновъ пѣхоты и шести орудій въ первыхъ числахъ ноября, мы получили въ 15-й день сего мѣсяца, и потому учиненныя вами распоряженія и отзывы какъ царю грузинскому, такъ и хану аварскому, одобряя въ полной мѣрѣ, возобновляемъ вамъ войска обращать лучшимъ усмотрѣніемъ вашимъ по обстоятельствамъ, поелику по частымъ перемѣнамъ оныхъ нѣтъ возможностей, за вашею отсюда отдаленностію, во-время снабжать васъ надлежащими наставленіями. Но со всѣмъ тѣмъ, еслибы повелѣніе сіе дошло до васъ до переправы за Кавказскія горы отряженныхъ баталіоновъ, и въ походѣ семъ, а особливо по причинѣ позднято годоваго времени, встрѣтилися большія трудности, отъ коихъ войска тѣ могли потерпѣть изнуреніе, въ такомъ случаѣ, поелику разореніемъ Тифлиса и причиненнымъ разстройствомъ въ Грузіи отъ впаденія Аги-Магометъ-хана, сами вы въ предъидущихъ донесеніяхъ вашихъ видя совершенную перемѣну положенія дѣлъ въ той странѣ, заключали, что данныя вамъ прежде сего разрѣшенія о посылкѣ войскъ въ Грузію съ большею осмотрительностію производиться имѣютъ, почему считая, что отправленіе войскъ въ Грузію полезнѣе быть можетъ въ будущую весну, а паче потому, что подвиги ихъ облегчены бы были, когда при открытіи весны предположеннымъ походомъ къ Дербенту и вдоль берега Каспійскаго моря и содѣйствіемъ у оныхъ каспійской флотиліи въ пользу ихъ учинена бы была силь-

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 16-го ноября 1795 г.

ная диверсія, повелѣваемъ, отложа походъ сей до будущей весны, баталіоны тѣ для зимованія расположить по распоряженію вашему, давъ знать царю, что позднее годовое время и непроходимость дорогъ, кои онъ заблаговременно починить отказался, тому причиною. Если же они прошли за горы, то обратите все попеченіе, чтобъ до весны, чрезъ зиму, никаковымъ недостаткамъ и изнуреніямъ тамо они подвержены не были. Снабдите ихъ нужнымъ продовольствіемъ, покойными и безопасными, а слѣдовательно и совокупными зимовыми квартирами, которыя, судя по донесенію вашему, могутъ они имѣть въ Кахетіи, поелику въ сію часть владѣній царя Ираклія Теймуразовича войска Аги-Магометъ-хана не вступали, и сія область, оставаясь неприкосновенною, осталась неразоренною. Пятьдесятъ тысячъ руб. золотою или серебряною монетою предписали мы графу Самойлову доставить къ вамъ въ самой скорости.

«Что же лежитъ до дальнѣйшихъ предположеній, до походу войскъ съ весны и до обращенія ихъ въ Персіи, вскорѣ не оставимъ мы снабдить васъ обстоятельнѣйшими наставленіями, надѣясь между тѣмъ получить отъ васъ достовѣрнѣйшія извѣстія объ отвѣтахъ и расположеніяхъ разныхъ владѣльцевъ, а равномѣрно и о дальнихъ рѣшимостяхъ самого Аги-Магометъ-хана, а паче куда и въ какихъ намѣреніяхъ изъ Ганжи онъ обратится. Всего бы лучше для насъ, еслибъ онъ устремился къ предѣламъ Оттоманской Порты; въ томъ ни препятствовать, ни отвлекать его не слѣдуетъ. Если же обратится онъ вновь для грабежа въ Карталинію или въ Кахетію, то пребывающимъ тамъ баталіонамъ, до помощи и до сильнаго отворота отъ моря Каспійскаго, соединенно удерживать честь и славу оружія нашего; если же онъ вступитъ въ Ширванъ и займетъ Шемахію и Баку и тѣмъ приблизится къ Каспійскому морю и къ предѣламъ нашимъ, тогда уже, по учиненіи всѣхъ нужныхъ пріуготовленій и принятіи всѣхъ надлежащихъ мѣръ, должно будетъ предупреждать елико возможно его въ Дагестанъ и занятіемъ Дербента отъ войскъ нашихъ оградить безопасностію и не оставить безъ покровительства подданнаго нашего шамхала тарковскаго, уцмія каракайдакскаго и самого хана дербентскаго. При дальнѣйшемъ же походѣ стараться, опрокинувъ скопище Аги-Магометъ-хана пораженіемъ и преслѣдованіемъ, искоренить власти-

теля сего, если дерзнетъ онъ до конца противиться пользамъ и волѣ нашей.»

Рескриптъ этотъ полученъ былъ Гудовичемъ въ концѣ ноября, когда назначенный въ Грузію отрядъ былъ уже на пути въ Кахетію.

Вскорѣ послѣ обѣщанія послать въ помощь Ираклію 2,000 человѣкъ Гудовичъ отправилъ одинъ баталіонъ пѣхоты для починки дороги и для устройства, въ 95 верстахъ отъ г. Моздока, по дорогѣ въ Грузію, складочнаго депо для провіанта. Кромѣ починки дороги, баталіонъ этотъ долженъ былъ сдѣлать 27 мостовъ черезъ рѣку Терекъ. Далѣе, за Дарьяльскимъ ущельемъ и до самаго Тифлиса, починка дороги и заготовленіе провіанта возлагались на попечительность грузинскаго царя, которому и посланы были необходимые для того инструменты и 100 пудовъ пороха.

Ко 2-му ноября дорога была исправлена на столько, что можно было проходить по ней безъ разборки повозокъ на части [1]), а въ концѣ ноября два баталіона, подъ начальствомъ полковника Сырохнева, выступили въ Грузію. Отрядъ этотъ численностію въ 1,480 человѣкъ строевыхъ чиновъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты [2]), тридцати казаковъ и шести полевыхъ орудій.

Сырохневу было приказано не входить въ Тифлисъ иначе, какъ тогда, когда получитъ отъ Ираклія увѣдомленіе, что къ нему собрались его вооруженные подданные, такъ какъ «безъ того не былъ бы сей отрядъ подкрѣпленіемъ, но единымъ дѣйствіемъ войскъ россійскихъ.» По приходѣ въ Тифлисъ, Сырохневъ долженъ былъ требовать отъ Ираклія укрѣпленія города его подданными, «на что время и обстоятельства нынѣ способствуютъ, тѣмъ болѣе, что Ага-Магометъ-ханъ оставилъ Ганжу и отступилъ на Муганскую степь, на рѣкѣ Курѣ лежащую.»

Вѣсть о томъ, что русскія войска переправились уже черезъ горы, достигла и до Аги-Магометъ-хана. Не смотря на просьбу Джевадъ-хана не покидать его, онъ оставилъ Ганжу и отступилъ на Муганскую степь. Пограничные съ Грузіею ханы и владѣльцы

---

[1]) Рапортъ Гудовича Императрицѣ 5-го декабря 1795 г. Московс. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка въ 750 челов. и баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса въ 700 человѣкъ.

земель, лежащихъ по берегу Каспійскаго моря, вздохнули свободнѣе, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ получили письма Гудовича, обнадеживавшія въ скорой помощи.

Шамхалъ тарковскій, уцмій каракайдакскій, посланный котораго присягнулъ уже на подданство Россіи, хамбутай казыкумухскій и прочіе владѣльцы Дагестана рѣшились единогласно и общими силами противиться Агѣ-Магометъ-хану, причемъ первые два владѣльца просили, для лучшаго успѣха, прислать имъ на помощь русскія войска.

Дербентскій Шейхъ-Али-ханъ, зная, что Ага-Магометъ-ханъ, отступивъ на Муганскую степь, отдалился на значительное разстояніе отъ его владѣній, также думалъ извлечь возможную пользу изъ этого положенія. Не желая вовсе вступать въ подданство Россіи, Шейхъ-Али-ханъ готовилъ на всякой случай подарки Агѣ-Магометъ-хану, и въ то же самое время, считая невыгоднымъ навлекать на себя нерасположеніе нашего правительства, заявлялъ Гудовичу о своей преданности и просилъ помочь ему противъ Аги-Магометъ-хана присылкою денегъ, говоря, что «войскъ ему не надобно.»

Между тѣмъ, Ага-Магометъ-ханъ, остановившись на Муганской степи, распускалъ слухъ, что идетъ на покореніе провинцій, лежащихъ по берегу Каспійскаго моря, и что онъ посылаетъ къ Шемахѣ 20,000 человѣкъ войска для завладѣнія этимъ ханствомъ.

По полученіи этихъ свѣдѣній и просьбы дагестанскихъ владѣльцевъ прислать имъ въ помощь русскія войска, Гудовичъ, руководясь послѣднимъ рескриптомъ Императрицы, тотчасъ же собралъ у Кизляра отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Савельева, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, шести орудій, одного регулярнаго эскадрона легіонной казачьей команды, 400 казаковъ и 500 калмыковъ. Главнокомандующій приказалъ Савельеву двинуться въ Дагестанъ и слѣдовать черезъ городъ Тарки [1]) въ Бойнаки, куда пригласить къ себѣ всѣхъ владѣльцевъ Дагестана и обязать ихъ собрать войска для общей обороны про-

[1]) Главный городъ шамхальства.

тивъ персіянъ; кромѣ того, внушить ханамъ, что вступленіе войскъ въ ихъ владѣнія доказываетъ покровительство русской Императрицы; что силы персіянъ ничтожны въ сравненіи съ силою и могуществомъ Россіи, и что «гордые замыслы Аги-Магометъ-хана и самъ онъ скоро ни во что обращены будутъ.»

Согласивъ владѣльцевъ на общую оборону, Савельевъ долженъ былъ поспѣшно слѣдовать къ Дербенту, занять городъ и, потребовавъ къ себѣ Шейхъ-Али-хана, какъ изъявившаго желаніе вступить въ подданство Россіи, заставить, «чтобы онъ, оставя свои вѣтренные поступки, вошелъ, конечно, безъ обмана, въ общую связь съ дагестанскими владѣльцами противъ Аги-Магометъ-хана, стремящагося на ихъ разореніе, для обороны собственныхъ земель своихъ» [1]).

Стоявшіе на линіи небывалые морозы задерживали переправу Савельева черезъ рѣку Терекъ, и онъ могъ выступить только 19-го декабря, имѣя съ собою продовольствія на два мѣсяца. Въ Таркахъ Савельевъ былъ встрѣченъ съ полнымъ почетомъ, и сынъ шамхала, Мегтій, изъявилъ желаніе слѣдовать съ русскимъ отрядомъ. Уцмій каракайдакскій равномѣрно высказывалъ желаніе принять присягу на подданство Россіи. Табасаранскій и акушинскій кадіи и султанъ дженгутайскій также согласились дѣйствовать общими силами противъ Аги-Магометъ-хана, но только потому, что видѣли предъ собою русскія войска. Тѣмъ не менѣе, для поддержанія вѣрности въ однихъ и расположенія къ намъ въ другихъ, Гудовичъ приказалъ Савельеву выдать уцмію каракайдакскому 2,000 руб., и кадіямъ табасаранскому и акушинскому по 500 руб., подъ предлогомъ необходимыхъ расходовъ на содержаніе войскъ, предназначавшихся для дѣйствій противъ Аги-Магометъ-хана.

Послѣдній, оставаясь еще на Муганской степи, отправилъ двадцати-тысячный отрядъ для покоренія Шемахинскаго ханства. Переправившись черезъ рѣку Куру, персіяне разорили и разграбили Шемаху. Ханъ бѣжалъ въ горы, а персіяне хозяйничали въ его владѣніяхъ. Пользуясь этимъ успѣхомъ, Ага-Магометъ-ханъ разо-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича 5-го декабря 1795 года.

слалъ свои фирманы въ Дагестанъ, къ ханамъ дербентскому и бакинскому, требуя отъ нихъ безусловной покорности и повиновенія. Одинъ изъ такихъ фирмановъ былъ перехваченъ шамхаломъ тарковскимъ и доставленъ Савельеву.

«Высочайшій повелителя Персіи фирманъ въ томъ состоитъ, писалъ Ага-Магометъ, дабы извѣстно и вѣдомо вамъ было, что удостоился уже я быть въ Персіи шахомъ; адербейджанскіе же ханы и владѣльцы всѣ мнѣ покорились, и я прибылъ теперь съ войскомъ къ сторонѣ здѣшней съ тѣмъ, чтобы наказать противниковъ. Почему и можете вы прислать своего посланника съ прошеніемъ и изъяснить все до васъ касающееся, что, конечно, приму я за благо. Только пришлите ко мнѣ нарочнаго своего съ обстоятельнымъ вашимъ прошеніемъ; по исполненіи же сего и по мѣрѣ услугъ вашихъ, не останетесь вы безъ воздаянія.»

По полученіи этого фирмана, дербентскій ханъ отправилъ къ Агѣ-Магометъ-хану подарки, но послѣдній, не довольствуясь этимъ, требовалъ доставленія къ нему фуража и 20,000 руб. денегъ; отъ бакинскаго хана властитель Персіи требовалъ 10,000 р. дани, но тотъ не отвѣчалъ, точно такъ же, какъ и владѣльцы Дагестана отказались признать его власть надъ собою.

Такимъ образомъ, только одинъ Шейхъ-Али-ханъ высказывалъ явное нерасположеніе къ Россіи. Услышавъ о движеніи русскихъ войскъ въ Дагестанъ, онъ заперся въ Дербентѣ, съ намѣреніемъ защищаться и отстоять свою независимость. На требованіе Савельева, чтобы онъ, какъ желающій вступить въ подданство Россіи, прислалъ довѣреннѣйшихъ чиновниковъ для заключенія условій къ совокупному дѣйствію съ дагестанскими владѣльцами противъ Аги-Магометъ-хана, дербентскій ханъ отвѣчалъ отказомъ. Поэтому, Гудовичъ призналъ необходимымъ усилить отрядъ генерала Савельева двумя баталіонами [1]) и предписалъ ему, устроивъ дѣла

[1]) Съ прибытіемъ этихъ послѣднихъ баталіоновъ отрядъ Савельева состоялъ изъ третьяго и четвертаго баталіоновъ Кавказскаго егерскаго корпуса, баталіоновъ Московскаго и Кавказскаго мушкетерскихъ полковъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 4-хъ мушкетерскихъ и 2-хъ гренадерскихъ ротъ. Кавалерія Савельева состояла изъ 100 человѣкъ моздокскихъ казаковъ, 100 гребенскихъ, 200 терскихъ, 116 легіонной команды и 250 калмыковъ.

въ Таркахъ, тотчасъ же двинуться по направленію къ Дербенту, съ цѣлью, приблизившись къ владѣніямъ Шейхъ-Али-хана, заставить его исполнить наши требованія.

III.

Просьбы Ираклія II о присылкѣ русскихъ войскъ въ Грузію. — Приготовленія къ походу въ Персію. — Указъ Императрицы графу Валеріану Александровичу Зубову.—Предположенія и виды правительства относительно предстоящихъ дѣйствій.

Отрядъ Савельева былъ слишкомъ ничтоженъ для самостоятельныхъ и одновременныхъ дѣйствій внутри Дагестана и по берегу Каспійскаго моря; онъ былъ ничтоженъ и для того, чтобы испугать Ага-Магометъ-хана и заставить его отказаться отъ новаго вторженія въ Грузію и разоренія страны, лишившейся многихъ жителей, уведенныхъ персіянами и оставленныхъ ими въ разныхъ городахъ: въ Ганжѣ, Эривани, Нухѣ и другихъ мѣстахъ.

Большая часть плѣнныхъ оставлены были въ Ганжѣ, откуда ихъ распродали туркамъ и лезгинамъ. На тѣхъ, которые могли быть выкуплены родственниками, ганжинскій ханъ, сверхъ продажной цѣны, наложилъ по 25 рублей пошлины на каждаго человѣка, и все-таки неохотно освобождалъ ихъ, такъ какъ турки, которымъ запрещено было прежде покупать плѣнныхъ, покупали теперь грузинъ съ большою охотою и платили за нихъ значительныя деньги [1]).

Оставивъ Грузію, Ага-Магометъ-ханъ не только освободилъ Ганжу и Эривань отъ всякой зависимости къ Ираклію, но и отторгнулъ отъ него нѣкоторыя провинціи, какъ, напримѣръ, Памбаки, Казахи и Борчалы, отдавъ ихъ во владѣніе эриванскаго хана [2]).

Эриванскій ханъ тотчасъ же послалъ объявленіе ко вновь пожалованнымъ ему народамъ и требовалъ отъ нихъ повиновенія.

[1]) Письмо Ираклія князю Чавчавадзе 15-го января 1796 года.

[2]) Письмо Ираклія графу Остерману 8-го января 1796 года. Переписка грузинскихъ владѣльцевъ съ императорскимъ дворомъ.

Ираклій вынужденъ былъ, въ защиту своихъ правъ, снова обратиться съ просьбою къ нашему правительству.

«Хотя сіи народы, писалъ онъ [1]), противны повелѣнію Аги-Магометъ-хана и не желаютъ ему повиноваться, но если нынѣшнею зимою не получу я высочайшей помощи присылкою побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ, то помянутые народы и прочіе присоединившіеся къ нимъ сосѣди, по слабосилію своему принужденными найдутся искать покровительства Аги-Магометъ-хана.»

Желая устранить столь печальное для Грузіи обстоятельство, князь Чавчавадзе умолялъ наше правительство поспѣшить посылкою русскихъ войскъ для изгнанія персіянъ изъ Адербеджана.

«Нынѣшнею зимою, писалъ грузинскій посолъ [2]), причинитъ онъ (Ага-Магометъ-ханъ) тамошнимъ такую дороговизну, что будущею весною отправленныя туда войска будутъ безполезны, и онъ всѣхъ грузинъ приведетъ подъ свою власть. Я, узнавъ таковыя обстоятельства, по долгу моему имѣю честь донести, что ежели сей зимы не будетъ отправлена къ царю такая сила, которая бы помогла ему идти противъ Аги-Магометъ-хана, то нехорошо послѣдуетъ, почему и нижайше прошу отправить сей зимы если и небольшое число, то, по крайней мѣрѣ, хотя два полка съ провіантомъ. И сія нынѣшняя малая помощь выведетъ тамошнихъ изъ всякаго сумнѣнія и будетъ имъ до весны благополучною защитою и ободреніемъ, покуда будутъ имѣть отсюда совершенную помощь.

«Если кто въ семъ препятствуетъ и увѣряетъ о неудобности горъ, и что будто нельзя перейти оныя и перевезти провіантъ, то я, какъ честный человѣкъ, усердный сынъ отечества, пріемлю на себя сію коммиссію, чтобы по сю сторону горъ, на границахъ нашихъ, при первомъ селеніи, называемомъ Степансцминда, т. е. Св. Степанъ, принять оные полки съ провіантомъ и со всѣмъ тѣмъ, что отсюда отправлено будетъ, и, по долгу моему, переправить за горы и довести благополучно до Грузіи.»

Государственный совѣтъ, разсматривая эту новую просьбу по-

[1]) Переписка грузинскихъ владѣльцевъ съ императорскимъ дворомъ и записка князя Чавчавадзе отъ 7-го марта 1796 года.

[2]) Записка князя Чавчавадзе министерству отъ 23-го ноября 1795 г. Московс. Арх. Минис. Иностр. Дѣлъ.

сла грузинскаго, призналъ необходимымъ подтвердить Гудовичу, чтобы онъ принялъ и привелъ въ дѣйствіе всѣ тѣ мѣры, которыя не только могутъ служить къ освобожденію царя Грузіи и другихъ преданныхъ намъ хановъ отъ нападеній и притѣсненій Аги-Магометъ-хана, но и тѣ, которыя могутъ представить «удобность къ учиненію и дальнѣйшаго поиска на Агу-Магометъ-хана, въ тѣхъ мѣстахъ, откуда сей ханъ почерпаетъ способы на свои предпріятія» [1]).

Гудовичу поставлялось, однако, въ обязанность вести дѣла такъ, чтобы не причинить безпокойства Портѣ Отоманской, и отнюдь не вступать въ земли, находящіяся въ зависимости Турціи и «прилеглыя къ ея предѣламъ». На этомъ основаніи предполагалось двинуть войска сухимъ путемъ къ Дербенту, а флотилію послать къ острову Сара. Отправленіе войскъ къ Эривани признавалось неудобнымъ. Эриванскій ханъ и народъ его были всегда въ зависимости Грузіи, и потому можно было надѣяться, что съ появленіемъ русскихъ войскъ въ Закавказьѣ, ханъ самъ добровольно подчинитъ себя царю Грузіи и будетъ исполнять всѣ его повелѣнія, «какого бы рода они ни были». Къ тому же, смежность эриванской провинціи съ турецкими владѣніями, съ которыми она граничила, заставляла наше правительство, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ Портою Отоманскою, оставить эриванскаго хана безъ наказанія.

Приглашеніе съ нашей стороны царя имеретинскаго къ совокупному дѣйствію противъ персіянъ признавалось также неудобнымъ. Дѣйствіе имеретинскихъ войскъ, при вторженіи Аги-Магометъ-хана въ Грузію, было извѣстно на столько, что можно было ожидать скорѣе вреда, чѣмъ пользы, отъ ихъ союза, а между тѣмъ, всякій сборъ и всякое движеніе имеретинскихъ войскъ, въ особенности вмѣстѣ съ нашими войсками, могли возбудить вниманіе Порты [2]), какъ земли, издревле ей принадлежавшей, которая и «займетъ всѣ тѣ мѣста, кои въ силу мирнаго договора предоставлены Имеретіи.»

---

[1]) Постановленіе совѣта 18-го октября 1795 года.

[2]) Письмо Императрицы Гудовичу отъ 4-го сентября 1795 года. Моск. Телеграфъ 1826 года, т. V III, 283.

*

Двуличное поведеніе дербентскаго хана было причиною того, что предполагалось двинуть наши войска прямо на Дербентъ и моремъ на Гилянъ. Узнавъ объ этомъ, Ираклій просилъ о присылкѣ въ Грузію собственно въ его распоряженіе отъ трехъ до пяти тысячъ человѣкъ. Съ этимъ числомъ войскъ онъ считалъ возможнымъ привести въ повиновеніе всѣхъ хановъ за рѣкою Араксомъ и убѣдить ихъ возстать противъ Аги-Магометъ-хана [1]).

Относительно дѣйствій противъ послѣдняго, грузинскій царь писалъ своему посланнику князю Чавчавадзе [2]).

«Мнѣніе мое суть такое, что если войско сухимъ путемъ или на судахъ отправлено будетъ, какъ я о томъ прежде писалъ, то Аги-Магометъ-ханово наилучшее богатство и большая часть онаго находится въ Астрабадѣ. Множество дорогихъ каменьевъ, жемчуга, золота и серебра хранится зарытымъ въ землѣ, почему и нужно поспѣшить къ полученію и отысканію сокровищъ его, которыя, надѣюсь я, что обрѣтены будутъ. Въ здѣшнихъ краяхъ, ежели у кого послѣ Надиръ-шаха осталось казны изъ драгоцѣнныхъ вещей, то оное нынѣ въ рукахъ Аги-Магометъ-хана.

«Сіе я пишу, чтобы вы гдѣ слѣдуетъ сообщили за извѣстіе и все то представили на соизволеніе и власть; но паки тебѣ подтверждаю, прошу и говорю вторично, буде сей зимы не будетъ дано намъ помощи, а Ага-Магометъ-ханъ (будетъ) находиться въ здѣшнихъ мѣстахъ, то мы предполагаемъ, что онъ еще вновь покусится своимъ на насъ нападеніемъ, которое да отврати Боже страхомъ гремящаго праведнаго россійскаго оружія.»

Снисходя на просьбы Ираклія и соглашаясь съ мнѣніемъ Гудовича о необходимости наказать Шейхъ-Али-хана дербентскаго и Агу-Магометъ-хана за ихъ непріязненные поступки противъ Россіи, Императрица поручила составить, изъ числа войскъ, находившихся на Кавказской линіи, отдѣльный самостоятельный отрядъ для экспедиціи въ Персію.

Въ составъ этого отряда назначались: Кавказскій гренадерскій полкъ, два полка мушкетеровъ, одинъ егерскій корпусъ, 30 эска-

---

[2]) Письмо Ираклія князю Чавчавадзе, отъ 9-го февраля 1796 года.

[3]) Въ письмѣ отъ 15-го января 1796 года.

дроновъ драгунъ, 3,000 человѣкъ изъ лучшихъ легкихъ войскъ, 33 орудія полевой артиллеріи и 20 понтоновъ. Независимо отъ этого, Гудовичу приказано было отправить съ линіи въ Астрахань два баталіона мушкетеровъ для производства десанта и для подкрѣпленія благонамѣренныхъ къ намъ хановъ, и, по возможности, озаботиться обезпеченіемъ наступающаго отряда продовольствіемъ, безъ значительныхъ запасовъ котораго успѣхъ дѣйствій въ тѣхъ странахъ справедливо признавался невозможнымъ.

Такъ какъ главныя дѣйствія предполагались по берегу Каспійскаго моря, то, для обезпеченія продовольствія, повелѣно было устроить въ Астрахани запасный магазинъ, въ которомъ заготовить къ веснѣ 1796 года 70,000 четвертей муки, съ пропорціею крупъ, и 40,000 четвертей овса. Изъ Астрахани провіантъ этотъ легко могъ быть доставленъ въ Баку или иной пунктъ, смотря по надобности.

Войскамъ дѣйствующаго отряда приказано имѣть подвижной магазинъ съ запасомъ продовольствія на три мѣсяца и, сверхъ того, на вьюкахъ сухари и крупу на одинъ мѣсяцъ. Для составленія вьючнаго транспорта Гудовичу поручено было искупить до 1,200 верблюдовъ [1]).

Гудовичъ сталъ дѣятельно готовиться къ походу, вполнѣ увѣренный, что ему будетъ поручено начальство надъ войсками, но, къ прискорбію своему, скоро узналъ что ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Оставаясь на линіи, онъ долженъ былъ заботиться только о продовольствіи дѣйствующаго отряда, начальство надъ которымъ ввѣрено было генералъ-поручику графу *В. А. Зубову*, которому подчинены: каспійская флотилія, отрядъ генералъ-маіора Савельева и войска, находившіяся въ Грузіи подъ начальствомъ полковника Сырохнева.

«Готовясь самъ на экспедицію въ Персію, писалъ Гудовичъ графу Платону Александровичу Зубову [1]), утѣшаю себя тѣмъ,

---

[1]) Каждый верблюдъ подымалъ 27½ пудовъ (?); слѣдовательно, 1,200 верблюдовъ могли поднять 33,000 пудовъ, что составляло мѣсячную пропорцію на 20,000 человѣкъ, такъ какъ въ то время полагалось въ мѣсяцъ на человѣка по 1 пуду 17 фунт. сухарей и по 7½ фунт. крупъ.

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 31-го января 1796 года.

что достается оная на исполненіе братцу вашему, графу Валеріану Александровичу, достойному генералу, душевно мною почитаемому.»

Спустя мѣсяцъ, Гудовичу было сообщено, что графъ Зубовъ отправленъ уже на Кавказскую линію для принятія начальства надъ войсками и снабженъ инструкціею, въ которой указана цѣль и направленіе дѣйствій, виды и намѣренія правительства къ уничтоженію враждебныхъ замысловъ Аги-Магометъ-хана и къ обезпеченію нашихъ границъ.

«Приведя къ желаемому концу дѣла Имперіи нашей въ Европѣ, писала Императрица графу В. А. Зубову [1]), и утвердя пользы подвластныхъ намъ народовъ прочнымъ и наивыгоднѣйшимъ образомъ въ сей части свѣта, желали мы устремить всѣ попеченія и заботы наши, оградивъ Имперію въ сихъ странахъ миромъ и безопасностью, къ распространенію торговли и всѣхъ тѣхъ частей, отъ коихъ истекаетъ обогащеніе государствъ и народовъ, и, пребывая въ мирѣ, пользоваться плодами людныхъ, пространныхъ и богатыхъ пріобрѣтеній нашихъ.

«Не ослабѣвая въ семъ стремленіи нашемъ непоколебимо утвердить сіи миролюбивыя и благія намѣренія, простерли мы вниманіе наше и на азіятскіе предѣлы, и съ прискорбіемъ видимъ въ областяхъ, объемлющихъ море Каспійское и составляющихъ древнюю монархію персовъ, что на развалинахъ многихъ богатѣйшихъ городовъ и изобильныхъ областей, отъ начала вѣка сего опустошаемыхъ безначаліемъ и всѣми неистовствами и лютостями оттого проистекающими, возникаетъ злое мучительство свирѣпаго и коварнаго Аги-Магометъ-хана, насильственная власть коего еще болѣе отягощаетъ судьбу давно уже бѣдствующихъ тамо хановъ и подвластныхъ имъ народовъ.

«Отъ начала вѣка сего кровавыя междоусобія ихъ, разоряя области и города, ввергая народы въ нищету и отчаяніе и отъемля повсюду личную и имущественную безопасность, тѣмъ самымъ содѣлывали персовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи мятежными и къ бранямъ склонными. Порочное правленіе послѣднихъ закон-

---

[1]) Въ указѣ отъ 19-го февраля 1796 года.

ныхъ шаховъ ихъ отъ (изъ) роду столь чтимаго ими и донынѣ поколѣнія Софіевъ, разстроили основанія, на коихъ утверждены были порядокъ, благосостояніе, изобиліе, богатство и спокойствіе государства сего; возникшія по причинамъ симъ дерзостныя предпріятія и бунты извѣстныхъ Миръ-Вейса и сына его Миръ-Махмута, повергли все пространство областей сильныя сея державы во всѣ тѣ бѣдствія, коимъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императоръ Петръ Великій, вступленіемъ съ войскомъ своимъ въ области персидскія, искалъ положить предѣлъ занятіемъ нѣкоторыхъ провинцій по удобности и удержаніемъ отъ мятежей, хотя сопредѣльныхъ Россійской Имперіи и связанныхъ взаимною пользою торговли, которую по должной увѣренности и при взаимномъ спокойствіи и по естественному богатству земель и многихъ народовъ, обитающихъ и въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ Азіи, считалъ онъ быть важнѣйшею и для Россійской Имперіи наивыгоднѣйшею. Обрѣтенныя имъ трудности, а паче безвременная кончина сего великаго государя положили на тотъ разъ конецъ мудрымъ и дальновиднымъ намѣреніямъ его, всегда мужественно устремленнымъ къ истиннымъ пользамъ и ко славѣ Имперіи, трудами его въ славѣ и въ пользахъ утвержденной.

«Возстановленіе единой токмо тѣни законной власти шаха коварствомъ, кратковременное прекращеніе междоусобій въ Персіи похищеніемъ насильственной власти лютыми убіеніями и безчеловѣчными мученіями предоставлено было судьбою Тохмасиъ-Кулихану, который, по соединеніи во власть свою всѣхъ областей персидскихъ и по умерщвленіи шаховъ, законныхъ государей своихъ, дерзнулъ похитить власть и названіе шаха Надира. Тогда увидѣлъ, что государства, чѣмъ болѣе привержены междоусобіямъ и разореніямъ, отъ коихъ слѣдующая нищета и отчаяніе наполняютъ ополченія воинами неустрашимыми и ввергаютъ необходимостію народы въ новыя брани, тѣмъ менѣе на спокойствіе отъ нихъ сопредѣльнымъ государямъ щитать и на безсиліе областей находящихся въ гибельномъ положеніи семъ полагаться можно, ибо миръ утвердить и сохранить удобовозможнѣе съ народомъ, управляемымъ порядкомъ и законною властью; народу спокойному, въ богатствѣ, въ изобиліи и въ нѣгѣ живущему, безопаснѣе быть

сосѣдомъ, чѣмъ народу мятежному, гибелью и нищетою влекомому къ отчаянію и къ презрѣнію жизни. Народъ, погруженный въ бѣдствія междоусобій, разоряя и пожирая внутренность — извнѣ еще болѣе опасенъ. Онъ тогда только ничтожнымъ быть кажется, когда раздѣленныя внутри части онаго возстають одна на другую и взаимными пораженіями занимають и изнуряють силы свои, рѣшительно не превозмогая одна другую. Но коль скоро произволеніемъ судебъ исчезнутъ противодѣйствія сіи, и явится власть, соединяющая противоборствовавшія силы воедино, и если, подобно шаху Надиру, предуспѣетъ жестокостями утвердить неограниченное и слѣпое повиновеніе, а притомъ и воинство предуспѣетъ ободрить успѣхами и побѣдами, тогда, воздвигаясь изъ казавшагося ничтожества, народъ тотъ можетъ произвесть усилія, каковыхъ бы онъ въ изобильномъ и спокойномъ положеніи явить не могъ. Событія съ шахомъ Надиромъ свидѣтельствують вышеизреченное: успѣшная война, имъ произведенная противу Порты Отоманской, повергнувшая всѣ области ея въ Азіи въ трепетъ, пораженіе и истребленіе многочисленныхъ ея ополченій, завоеваніе отъ Порты областей, прежде къ Персіи принадлежавшихъ, и наконецъ уничтоженіе сея сильныя и тогда гордыя державы принужденіемъ къ миру, для персовъ выгодному, а паче завоеваніе царства великаго могола въ Индіи и другихъ въ великой Татаріи, ясно доказали, что можетъ въ свирѣпостяхъ, хотя и изнуренный народъ, но движимый нищетою и отчаяніемъ, соединенный надеждою грабежа и обогащенія, руководимый предпріимчивостію и сопровождаемый лютостями и безпощадою.

«Напротивъ того, возстановленіемъ и утвержденіемъ личной и имущественной безопасности, а паче введеніемъ непоколебимаго правосудія возстановляются народы въ бытіе мирное и, пріобрѣтая способы, поощряются сохраненіемъ отъ насилія собственностей, торговъ и промысловъ, къ мирнымъ и полезнымъ обществу трудамъ, коими народы обогащаясь—а паче тѣ, кои подобно персамъ, столь щедро одарены природою и изобиліемъ отъ богатства земель ихъ— и водворяя посреди себя взаимную безопасность и избыточество, отвлекаемы будутъ отъ пагубныхъ ополченій и вдаваясь въ торги и промыслы, содѣлаются себѣ и обществу своему, а не менѣе

того и сопредѣльнымъ народамъ полезными; для коихъ и охраненіе ихъ въ таковомъ для всѣхъ выгодномъ положеніи содѣлается нужнымъ, а потому и бытіе обезпечено будетъ.

«Персія, положеніемъ своимъ простираясь отъ предѣловъ Россійской Имперіи при Каспійскомъ морѣ, съ одной стороны, до богатѣйшихъ и люднѣйшихъ областей Порты Отоманской въ Азіи и до моря Персидскаго, съ другой, до океана, до предѣловъ Индіи и до Великой Татаріи, вмѣщаетъ много богатыхъ областей и роскошныхъ городовъ, коимъ посредствомъ успокоенія и увѣренности дорогъ, если бы открылись токмо возможности къ торговлѣ, то не токмо потекли собственныя богатства персовъ, но посредствомъ счастливаго положенія и сосредоточія торговъ Индіи, Россіи и Турціи вскорѣ бы открылись безпредѣльныя связи торговли межъ сими обширными, людными и богатыми областями, до днесь разрушаемыми едиными насиліями и грабежами алчныхъ хищниковъ Персіи.

«Таковое желаемое состояніе дѣлъ въ Персіи, весьма различное отъ настоящаго его положенія, крайне выгодно и полезно для Россіи быть можетъ. Возстановленное спокойствіе и порядокъ въ Персіи откроетъ намъ богатый торгъ не токмо при берегахъ моря Каспійскаго, но и внутри предѣловъ персидскихъ областей. Посредствомъ сихъ послѣднихъ удобовозможно будетъ открыть путь въ Индію и привлекая къ намъ богатѣйшій торгъ сей кратчайшими путями, чѣмъ тотъ, коему слѣдуютъ всѣ народы европейскіе, обходя мысъ Доброй Надежды, всѣ выгоды, пріобрѣтаемыя европейцами, обратить возможно будетъ въ пользу нашу. Сосѣдство Персіи будетъ для насъ не токмо крайне выгодно по причинамъ симъ, но и безопасно, поелику и при случаѣ соединенія всѣхъ силъ народа сего воедино,—что, однако же, польза Имперіи нашей взыскиваетъ предостерегать и не допускать до утвержденія—болѣе увѣренности имѣть будемъ сохранять миръ и дружбу съ правителями народа, связаннаго взаимными выгодами и интересованнаго обоюдными пользами въ соблюденіи тишины и спокойствія и съ народами имущими большія связи по торговлѣ и пребывающими въ довольствѣ, въ богатствѣ и роскоши, чѣмъ съ лютымъ и коварнымъ хищникомъ, безчеловѣчными способами ис-

требляющимъ всѣ средственныя власти и соединяющимъ неограниченное и кровожаждущее владычество, дерзко отвергшимъ не токмо прежде сего пріобрѣтенныя выгоды предками нашими, но и отложившимъ всякое уваженіе къ достоинству Россійской Имперіи и соединяющимъ насиліями и корыстями народъ, разореніями, междоусобіями и нищетою въ изступленіе и отчаяніе приведенный.

«Государственное положеніе не насильственное и не къ разоренію клонящееся, но водворяющее посреди народа миръ и спокойствіе, хотя бы оное для ослабленія воинскихъ силъ и на многія части раздроблено было, можетъ быть прочно основано, и бывъ руководимо правосудіемъ продлится на долгія времена; но мучительство, похищенное коварствомъ и лютостями и утверждаемое тѣми же безчеловѣчными способами, ни твердо, ни продолжительно быть не можетъ, ибо свойство порочности есть собственное сокрушеніе и *злоупотребленіе власти разрушаетъ власть*.

«Истребитель дерзавшихъ возстать противъ него и покоритель отдаленнѣйшихъ предѣловъ Азіи, свирѣпый шахъ Надиръ, соединившій богатства неимовѣрныя и поселившій страхъ и трепетъ не токмо въ подвластныхъ, но и прикосновенныхъ къ нему народахъ, не избѣжалъ участи мучителей. Насильственная смерть его всѣ области персидскія вновь повергла въ междоусобія, поелику для спокойствія и безопасности сопредѣльныхъ съ Персіею народовъ Всевышнему угодно было, чтобы сынъ шаха Надира, по малости духа своего, да и никто изъ послѣдовавшихъ потомъ властителей достичь не могъ до пріобрѣтенія довольной поверхности надъ ханами и областями ихъ.

«Послѣ многихъ, частыхъ и скоропостижныхъ перемѣнъ, доведшихъ Персію въ настоящее положеніе, а торговлю нашу на Каспійскомъ морѣ и въ тѣхъ странахъ въ сущее ничтожество, хитрый и коварный Ага-Магометъ-ханъ, вышедъ изъ заточенія послѣ смерти Керимъ-хана, ознаменовалъ начальное правленіе свое въ Астрабадѣ измѣною и неблагодарностію къ брату своему, Муртазѣ-Кули-хану, коему бывъ обязанъ свободою и возстановленіемъ, не токмо сдѣлался ему врагомъ и гонителемъ, но лишивъ его астрабадской и мазандеранской, а послѣ того и гилянской области, другихъ братьевъ своихъ предалъ смерти. Съ того же

времени явно обнаружилъ нерасположенiе свое къ Россiйской Имперiи извѣстнымъ измѣнническимъ и наглымъ поступкомъ съ графомъ Войновичемъ, начальствовавшимъ тогда каспiйскою флотилiею нашею.

«Смерть Али-Муратъ-хана испаганскаго открыла пути Агѣ-Магометъ-хану къ овладѣнiю Испаганомъ и приращенiю корыстей грабежомъ богатой столицы сей, по совершенiи чего, обращаясь на гоненiе несчастнаго Гедаетъ-хана гилянскаго, болѣе коварствомъ, чѣмъ храбростью, овладѣлъ онъ сею областью и торговлею процвѣтавшимъ городомъ Рящшею (Рештъ), чѣмъ сокровища его еще знатное получили приращенiе. Возгордившiйся сими успѣхами и распространенiемъ владычества своего, обратился онъ, для лучшаго утвержденiя власти своей, на сильнѣйшаго владѣтеля въ Персiи, Лютфъ-Али-хана ширазскаго, который, властвуя по берегамъ моря Персидскаго и бывъ сопредѣленъ Индiи, имѣлъ связи и сношенiя съ англичанами, отъ коихъ имѣлъ и подкрѣпленiя, но Ага-Магометъ-ханъ, преодолѣвъ его, завоевалъ области и взялъ Ширазъ и Керманъ приступомъ и, плѣнивъ противника своего, отослалъ въ Тегеранъ, получивъ и тутъ въ добычу всѣ сокровища Лютфъ-Али-хана. За сими великими успѣхами, по присоединенiи къ власти своей завоеванныхъ областей, оказывалъ онъ намѣренiе умножить число войска своего до двухсотъ тысячъ. Сiи оказательства и пребыванiе персiянъ въ Курдистанѣ крайне озаботили Порту Отоманскую; тогда сильный паша багдадскiй, отложа кичливость свою, посылалъ посланцевъ въ станъ Аги-Магометъ-хана. Наконецъ, въ минувшемъ 1795 году повелъ онъ ополченiя свои вдоль границъ турецкихъ, не касаясь однако же нигдѣ предѣловъ Порты Отоманской: паши дiарбекирскiй, баязетскiй, карскiй и эрзерумскiй казались быть встревоженными походомъ сего хищника, и самая Порта оказывала себя смущенною и сильно съ той стороны озабоченною. Но съ одной стороны неприкосновенiе персiянъ къ землямъ турецкимъ и пользамъ ихъ, съ другой скорое удовлетворенiе пашами турецкими всѣхъ требованiй Аги-Магометъ-хана и оказываемое ими повсюду къ нему снисхожденiе, даже посылкою по требованiямъ его продовольствiя къ войскамъ его, ясно доказываетъ существующее между ними согласiе, такъ что помыслить

можно, что и тѣ пріуготовленія, которыя Порта подъ видомъ собственной защиты пограничнымъ въ Азіи пашамъ учинить повелѣла, доставивъ къ онымъ артиллерію, жизненные, а паче воинскіе припасы, въ руки персіянъ перейти могли въ намѣреніи руками хищника сего оскорбить достоинство, испровергнуть всѣ пользы и обратить оружіе его противъ Имперіи Россійской.

«Нетрудно было склонить Агу-Магомета-хана, давно уже явнымъ и злымъ врагомъ Россіи обнаружившагося, возстать на гоненіе предавшихся покровительству Россіи и обратиться на грабительство и опустошенія, простирая оные и до сопредѣльнѣйшихъ областей съ Имперіею нашею, приведя тѣмъ въ опасность и собственные предѣлы наши; а паче если бы не наказанная дерзость сего хищника, распространяясь до оныхъ, предуспѣла разсѣять въ горскихъ народахъ возстаніе и мятежи противъ войскъ нашихъ, на линіяхъ пребывающихъ. Въ минувшемъ году область Адербейджанская была предметомъ грабительствъ и лютости Аги-Магомета-хана; нетрудно ему было столь превосходными силами покорить всѣхъ хановъ адербейджанскихъ и перенесть оружіе свое на лѣвый берегъ рѣки Аракса; дальное его оттуда обращеніе касалось уже непосредственно пользъ и безопасности нашей Имперіи, тогда же мы не оставили дать по сему предписаній нашихъ генералу Гудовичу отъ 4-го сентября 1795 года, но между тѣмъ хищный Ага-Магометъ-ханъ, хотѣвшаго ему противиться хана эриванскаго принудилъ къ признанію власти своей и, покоривъ область его, взялъ заложниковъ въ вѣрности.

«Въ сихъ трудныхъ для тѣхъ странъ обстоятельствахъ Ибраимъ-ханъ шушинскій есть одинъ изъ всѣхъ хановъ, подвергшійся игу мучителя, ибо, принявъ намѣреніе защищаться въ городѣ своемъ, неприступномъ для войскъ азіятскихъ, предуспѣваетъ онъ и донынѣ держаться въ ономъ. Ага-Магометъ-ханъ оставилъ его въ тылу своемъ и принявъ рѣшимость въ оскорбленіи торжественнѣйшихъ правъ и достоинства Россійской Имперіи и вопреки объявленнаго ему отъ генерала Гудовича, чрезъ посланцевъ его, — коихъ присылалъ къ нему съ требованіемъ о выдачѣ плѣненныхъ Муртазою-Кули-ханомъ и коихъ сей послѣдній удерживалъ яко заложниковъ для увѣренія жизни матери и ближнихъ родственни-

ковъ своихъ, захваченныхъ въ неволю мучителемъ и донынѣ пребывающихъ въ рукахъ его,—чтобы не касался онъ владѣній царя Ираклія, находящагося въ покровительствѣ Всероссійской Имперіи, и что всякое на него и на владѣніе его нападеніе сочтено будетъ оскорбленіемъ правъ Россіи. Не смотря на сіе, гордый хищникъ вступилъ въ Грузію, гдѣ, по завладѣніи самой столицы, отъ нѣсколькихъ уже лѣтъ предавшагося покровительству нашему царя карталинскаго и кахетинскаго, по разграбленіи и разореніи храмовъ Божіихъ и по опустошеніи земель увлеченіемъ въ неволю великаго числа христіанъ и многихъ другихъ неистовствъ, обратился онъ черезъ Ганжу къ берегамъ моря Каспійскаго на гоненіе хановъ, приверженныхъ къ намъ, миролюбивыхъ и всегда благопріятствовавшихъ торговлѣ подданныхъ нашихъ.

«Столь неистовыя много разъ причиненныя оскорбленія симъ грабителемъ и походъ его къ Ширванской и Дагестанской областямъ, лежащимъ при берегахъ Каспійскаго моря и къ намъ сопредѣльнымъ, въ явномъ намѣреніи, приближаясь къ границамъ нашимъ и въ тѣхъ земляхъ испровергая все то, что пользъ и выгодъ нашихъ касаться можетъ, поставить насъ съ сей стороны въ заботливое положеніе и возбудя безпокойство въ горскихъ народахъ и самые предѣлы наши привести въ опасность, привлекли по всей справедливости все вниманіе наше.

«По послѣдствію всего вышеобъясненнаго, ради отвращенія многихъ неудобствъ и самыхъ опасностей, отъ распространенія до предѣловъ нашихъ и утвержденія мучительской власти и вящшаго усиленія, а паче при берегахъ Каспійскаго моря и такъ уже предъуспѣвшаго соединить мочное владычество почти надъ всею Персіею коварнаго Аги-Магометъ-хана, всегда являвшагося врагомъ Имперіи нашей, всѣ пользы и выгоды торговли нашей стѣснившаго, въ противность и наглое нарушеніе трактатовъ нашихъ, съ Персіею постановленныхъ, въ коихъ права и преимущества, Россіи присвоенныя, пріобрѣтены были уступкою областей, завоеванныхъ оружіемъ вѣчной славы достойнаго Императора Петра Великаго, и, наконецъ, для сильнаго подкрѣпленія царя карталинскаго и кахетинскаго, многихъ благонамѣренныхъ хановъ и владѣтелей дагестанскихъ, взывающихъ защиту и покровительство наше, за

лучшее признали мы избрать васъ къ управленію тѣхъ силъ и способовъ, которые на сей конецъ употребить заблагоразсудили. Обширное, трудное и важное предлежащее вамъ въ тѣхъ странахъ служеніе, предоставили мы, при настоящемъ отправленіи вашемъ, изъяснить вамъ во всѣхъ подробностяхъ, снабдивъ васъ по всѣмъ частямъ полными разрѣшеніями и уполномочивъ васъ всею нужною властью, для наилучшаго управленія вамъ порученныхъ дѣлъ въ столь отдаленныхъ странахъ, гдѣ, слѣдуя преподаннымъ вамъ правиламъ, основаннымъ на лучшихъ пользахъ Имперіи, въ семъ и въ прежде данныхъ отъ насъ по сему наставленіяхъ собственныя соображенія и побужденія ваши, послѣдуя обстоятельствамъ, будутъ лучшіе тамъ руководители.»

Графу В. А. Зубову повелѣно было отправиться въ Кавказскую губернію, въ мѣстопребываніе Гудовича, и получивши отъ него всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ признаетъ необходимыми, принять начальство надъ войсками, назначенными для заграничнаго похода. Для командованія отдѣльными частями экспедиціоннаго корпуса было командировано семь генераловъ и одинъ бригадиръ [1]), которымъ и приказано явиться къ генералъ-поручику графу Зубову. Выступленіе въ походъ предполагалось произвести самою раннею весною, чтобы, пользуясь лучшимъ временемъ года, можно было достигнуть какихъ-либо результатовъ до наступленія сильныхъ жаровъ, обыкновенно бывающихъ тамъ въ іюнѣ, іюлѣ и въ августѣ мѣсяцахъ.

По составленному плану предполагалось открыть военныя дѣйствія съ двухъ сторонъ: берегомъ Каспійскаго моря и со стороны Грузіи.

«Сохраненіе двухъ баталіоновъ, писала Екатерина II [2]), въ Грузію въ минувшую осень вступившихъ, и скорѣйшее подкрѣпленіе оныхъ, дабы тѣмъ возможно было обратить къ дѣйствіямъ и сію часть, привлечь должно все попеченіе ваше. Коль скоро предуспѣете вы соединить оную, то и должны устремить ее къ занятію Тифлиса

---

[1]) Генералъ-маіоры Сергѣй Булгаковъ, Иванъ Савельевъ, Александръ Римскій-Корсаковъ, Гавріилъ Рахмановъ, князь Павелъ Цаціановъ, баронъ фонъ-Бенингсенъ, Матвѣй Платовъ и бригадиръ графъ Федоръ Апраксинъ.

[2]) Въ томъ же указѣ отъ 10-го февраля 1796 года.

и къ возстановленію царя Ираклія не только въ столицѣ, но и въ прочихъ областяхъ его, наблюдая токмо то, чтобы, не раздѣляя войска наши и предоставляя собственно царю Ираклію, способами у него имѣющимися, обратить въ повиновеніе свое подвластныхъ своихъ и сношеніями сопредѣльныхъ хановъ эриванскаго и прочихъ адербейджанскихъ, властвующихъ въ околичностяхъ границъ Порты Отоманской.

«Предметъ и назначеніе корпуса сего, бывъ освобожденіе Грузіи и подкрѣпленіе царя грузинскаго, меликовъ армянскихъ въ Карабагѣ и Ибраимъ-хана шушинскаго, твердо и мужественно сопротивляющагося Агѣ-Магометъ-хану, и другихъ утѣсненныхъ и намъ благонамѣренныхъ хановъ, ищущихъ освободиться отъ лютой власти мучителя; и какъ предметъ и главныя усилія войскъ, вами лично предводимыхъ, устремлены будутъ вдоль береговъ моря Каспійскаго, то, сообразно тому и въ облегченіе тѣхъ подвиговъ, дѣйствія и сего кавказскаго корпуса простираемы быть долженствуютъ отъ Тифлиса внизъ по р. Курѣ на Ганжу и черезъ городъ сей возстановляя христіанъ живущихъ въ Карабагѣ, и показывая намѣренія къ сторонѣ шушинской крѣпости для освобожденія Ибраимъ-хана, стремиться должны къ скорѣйшему открытію связи съ каспійскимъ корпусомъ, отъ коего не оставите вы дѣлать всего того, что можетъ споспѣшествовать къ тому.

«По возстановленіи хана шушинскаго, для повсемѣстнаго пораженія войскъ Аги-Магометъ-хана желательно бы, переправя его (корпусъ) на правый берегъ Аракса, устремить въ тѣ страны на ниспроверженіе власти хищника и на призывъ къ соединенію тамошнихъ и адербейджанскихъ хановъ съ дѣйствующими подъ покровительствомъ нашимъ противу общаго врага и гонителя ихъ. Корпусъ же кавказскій совокупныя операціи свои продолжать имѣетъ межъ Курою и Араксомъ до соединенія сихъ двухъ рѣкъ, устремляя всѣ способы къ удобнѣйшему утвержденію комуникаціи съ каспійскимъ корпусомъ, лично вами предводимымъ. Съ другой стороны, временемъ симъ, по соединеніи войскъ, долженствующихъ составлять каспійскій корпусъ, и по занятіи онымъ Дербента, бывъ сопровождаемы флотиліею, сильнымъ и рѣшительнымъ наступленіемъ на войска Аги-Магометъ-хана—которыя, по послѣднимъ из-

вѣстіямъ, устремились къ берегамъ Каспійскаго моря, къ ширванской области — стараться привлекать къ битвѣ на сей сторонѣ Куры и Аракса и взять городъ и портъ Бакинскій, гдѣ и главный депо учредить, и тѣмъ отвлекая главныя силы отъ корпуса кавказскаго, облегчить ему подвиги и скорѣйшее, лучшее и безопаснѣйшее съ вами соединеніе: начальные успѣхи оружія нашего, первые подвиги и оными пріобрѣтенная слава, разрѣшаютъ многія послѣдствія и облегчаютъ дальнѣйшія предпріятія.»

Такимъ образомъ, двигаясь по берегу Каспійскаго моря, Зубовъ долженъ былъ занять Дербентъ и Баку, гдѣ соединить свои силы съ каспійскою флотиліею и учредить главный складъ провіанта и боевыхъ припасовъ. Въ то же самое время, усиливъ войска, находившіяся въ Грузіи, и придавъ имъ названіе корпуса кавказскаго, наше правительство предполагало двинуть ихъ къ сліянію рѣкъ Куры и Аракса, гдѣ, войдя въ связь съ каспійскимъ корпусомъ, бывшимъ подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Зубова, они могли дѣйствовать совокупными силами противъ Аги-Магометъ-хана.

Главнѣйшею цѣлью дѣйствій кавказскаго корпуса было возстановленіе карабагскихъ меликовъ, хана шушинскаго и другихъ хановъ и владѣльцевъ, желавшихъ избавиться отъ тиранническаго ига Аги-Магометъ-хана.

Уничтоженіе властолюбивыхъ замысловъ послѣдняго, составляя всю суть предстоящихъ военныхъ дѣйствій, заставляло наше правительство желать, чтобы кавказскій корпусъ слѣдовалъ какъ можно быстрѣе къ Ганжѣ на соединеніе съ корпусомъ каспійскимъ. Утвержденіе же спокойствія въ ханствѣ эриванскомъ и во всѣхъ областяхъ верхняго теченія р. Аракса предоставлялось собственно царю Ираклію, въ тѣхъ видахъ, чтобы вступленіемъ русскихъ войскъ въ области, прилегающія къ Турціи, не подать повода Портѣ Отоманской къ безпокойству и тревогѣ.

Открывая одновременно военныя дѣйствія въ Грузіи, Дагестанѣ и на прибрежьѣ Каспійскаго моря, мы не могли, конечно, опредѣлить, куда Ага-Магометъ-ханъ обратитъ свои полчища. Имѣя въ виду, что главныя силы наши предназначались для дѣйствія въ Дагестанѣ и по берегу Каспійскаго моря, всего бы желатель-

нѣе было, чтобы персіяне двинулись въ Дагестанъ. Тогда кавказскій корпусъ, имѣя передъ собою лишь незначительныя силы непріятеля и будучи закрытъ съ лѣвой стороны теченіемъ р. Куры, могъ быстрымъ движеніемъ зайти въ тылъ персіянамъ и поставить ихъ въ крайне затруднительное положеніе: быть тѣснимыми съ фронта и не имѣть отступленія. Къ тому же дѣйствія нашей каспійской флотиліи при берегахъ бакинскихъ, сальянскихъ и талышинскихъ и высадка русскихъ войскъ на одномъ изъ этихъ береговъ могли побудить и содѣйствовать къ возстанію хановъ и къ ниспроверженію владычества Аги-Магометъ-хана.

Но если бы онъ, сознавая всю невыгоду движенія въ Дагестанъ, обратился вновь на Ганжу или на Грузію и противосталъ корпусу кавказскому, то послѣдній, занимая крѣпкія и трудно доступныя мѣста, долженъ былъ задерживать непріятеля до тѣхъ поръ, пока каспійскій корпусъ занятіемъ Баку, завоеваніемъ ширванской области и быстрымъ движеніемъ къ рѣкамъ Курѣ и Араксу, въ тылъ персіянамъ, заставитъ ихъ, поспѣшно отступивъ, отказаться отъ преслѣдованія войскъ кавказскаго корпуса.

Во всякомъ же случаѣ, будутъ ли персіяне искать столкновенія съ русскими войсками, или, не желая подвергать себя пораженію, станутъ отступать внутрь Персіи, графу Зубову приказано было соединить подъ свою команду всѣ части войскъ, очистить отъ персіянъ все пространство до Аракса, возстановить хановъ, изгнанныхъ Агою-Магометъ-ханомъ, утвердить спокойствіе въ Грузіи и, расположивъ войска лагеремъ на берегахъ Аракса, выждать, пока минуютъ жары и наступитъ осень, благопріятная для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Между тѣмъ, пока расположенныя лагеремъ войска отдохнутъ и оправятся, начальникъ каспійской флотиліи, контръ-адміралъ Федоровъ, долженъ былъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для экспедиціи въ Гилянъ и высадки на тамошнихъ берегахъ сильнаго десанта, съ цѣлью содѣйствовать къ возстановленію на ханскомъ достоинствѣ Муртазы-Кули-хана.

Высадку на гилянскихъ берегахъ предполагалось произвести именно въ то время, когда сухопутныя войска, съ наступленіемъ

осени, переправившись черезъ рѣку Араксъ, двинутся далѣе на «уничиженіе силъ и власти Аги-Магометъ-хана.»

Успѣхъ въ этомъ случаѣ зависѣлъ сколько отъ быстроты дѣйствій и храбрости войскъ, столько же, если не болѣе, и отъ поведенія самого главнокомандующаго. Поэтому наше правительство признавало необходимымъ обратить на это вниманіе графа Зубова, указавъ ему, что лучшее убѣжденіе народовъ въ томъ, что успѣхи наши обратятся въ ихъ пользу, есть безукоризненное поведеніе войскъ, отсутствіе притѣсненій жителей, снисходительность, строгая справедливость, вниманіе къ просьбамъ и обезпеченіе ихъ имущества и собственности. Зубову поручено принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ утвержденію въ вѣрности шамхала тарковскаго, уцмія каракайдакскаго, владѣтеля казыкумухскаго и хана аварскаго, отличая и награждая ихъ, по мѣрѣ заслугъ, подарками и деньгами.

«Во время обращенія войскъ нашихъ въ Дагестанѣ, писала Императрица Екатерина II, наикрѣпчайше наблюдайте, чтобы лезгины и другіе хищные горскіе народы удерживаемы были отъ нападеній, въ чемъ наилучше предуспѣть можете, воздерживая легкія войска ваши отъ всякаго съ ними озлобленія или совмѣстничества; ибо, касаясь правъ и собственностей ихъ, легко побуждаются они къ отмщенію, а паче занимаясь покореніемъ народовъ, оружіемъ неукротимыхъ и отъ сотворенія міра непризнававшихъ ничьей власти, и не входя внутрь горъ и ущелинъ ихъ, не озлоблять ихъ и не приводить въ изступленіе и отчаяніе разореніемъ жилищъ и хижинъ и похищеніемъ скотоводства. Ханъ аварскій, владѣнія коего лежатъ при ущелинахъ горъ, возможетъ удержать ихъ и по сей причинѣ благорасположеніе и вѣрность его весьма полезна быть можетъ. Не входя въ горы хищныхъ и храбрыхъ народовъ сихъ и не касаясь жительствъ и собственностей ихъ, старайтесь предуспѣть сохранить ихъ въ спокойствіи, презирая неважные грабежи, противъ коихъ полезнѣе умножить собственныя предосторожности и оными наказывать дерзающихъ, чѣмъ отмщать цѣлому народу за грабежи нѣсколькихъ хищниковъ и возбудить противъ себя взаимное отмщеніе цѣлаго народа и трудными походами въ ущелины терять людей напрасно, тратить время

и одерживать побѣды безполезныя и умножая тѣмъ озлобленіе привлекать на себя не хищные набѣги, но совокупныя и сильныя нападенія лишенныхъ жилищъ и собственностей и соединенныхъ общимъ отчаяніемъ и мщеніемъ.

«Наблюдая равныя правила и при обращеніи войскъ нашихъ, въ Грузію вступившихъ и въ походахъ ихъ къ Ганжѣ и далѣе, для содѣйствія же корпусу кавказскому, а болѣе для того, чтобы имѣть въ рукахъ своихъ заложниковъ въ вѣрности царя грузинскаго, жены и дѣтей его и лучшихъ людей народа сего, нужно будетъ присоединить и взять къ войскамъ нашимъ хотя до тысячи человѣкъ отборныхъ грузинъ и при нихъ тѣхъ изъ сыновей царицы грузинской, къ которымъ она наиболѣе привязана. А дабы удостовѣриться и въ бо̀льшемъ сынѣ, царевичѣ Георгіѣ, наслѣдникѣ царства грузинскаго, взять должно къ войскамъ сына его царевича Давыда, съ прошедшаго года пожалованнаго въ полковники арміи нашей, и другихъ, которые бы, наиболѣе привязывая родственниковъ своихъ къ пользамъ нашимъ, предуспѣли утвердить желаемое единодушіе въ ихъ къ намъ вѣрности и приверженности.»

Возстановленіемъ въ единой зависимости Россіи меликовъ армянскихъ и подвластныхъ имъ карабагскихъ жителей, привлеченіемъ на нашу сторону патріарха армянскаго, покровительствомъ приверженнымъ намъ ханамъ и всему христіанскому населенію Закавказья и наконецъ распространеніемъ царства грузинскаго присоединеніемъ къ нему ханствъ ганжинскаго и эриванскаго, мы могли пріобрѣсти значительное вліяніе на дѣла Персіи и Турціи.

«Бывъ равнодушны, писала Императрица Екатерина II въ концѣ своего наставленія графу Зубову, въ происшествіи южныхъ и отдаленныхъ отъ предѣловъ Имперіи нашей персидскихъ областей, не можемъ, однако же, не обращать все вниманіе наше на огражденіе границъ нашихъ и береговъ моря Каспійскаго, таковымъ положеніемъ, чтобъ никто изъ властвующихъ тамо не могъ быть опасенъ Имперіи Россійской, но, напротивъ того, миролюбіемъ, преданностію и усердіемъ полезенъ и россіянамъ и персамъ.

*

«Сильное наступленіе войскъ нашихъ и тѣмъ отдаленіе Аги-Магометъ-хана отъ лѣваго берега рѣки Аракса, защита дагестанской и ширванской областей, возстановленіе Грузіи и Арменіи, освобожденіе Ибраимъ-хана шушинскаго и соединеніе съ нимъ хановъ адербейджанскихъ противъ Аги-Магометъ-хана на западѣ, высадки войскъ нашихъ въ Энзелинскомъ и Астрабадскомъ заливахъ и содѣйствіи отъ сухопутныхъ войскъ устремленные въ подкрѣпленіе и къ успѣшному завладѣнію Муртазою-Кули-ханомъ съ помощію хана талышинскаго областью гилянской, мазандеранской и астрабадской и, наконецъ, диверсія туркомановъ на востокѣ—всѣ разные обороты сіи, устремленные къ единому и тому же предмету, къ уничтоженію слишкомъ и такъ уже пространной власти Аги-Магометъ-хана, удобны къ достиженію предположенной цѣли. Все то, что къ сему способствовать, важное сіе предпріятіе утвердить можетъ, конечно, вами упущено не будетъ.»

Таковы были виды и предположенія правительства относительно предстоявшихъ намъ дѣйствій въ Персіи.

Для лучшаго достиженія предположенной цѣли и скорѣйшаго привлеченія на нашу сторону армянъ, рѣшено было призвать къ участію въ этомъ дѣлѣ армянскаго архіепископа Іосифа.

«Ея императорскому величеству, писалъ графъ Платонъ Зубовъ архіепископу [1]), благоугодно повелѣть отрядить въ Персію сильный корпусъ войскъ, подъ предводительствомъ брата моего графа Валеріана Александровича. Извѣщая о семъ ваше высокопреосвященство для собственнаго вашего свѣдѣнія, прошу покорнѣйше показать новый знакъ усердія вашего къ службѣ, отправиться въ Моздокъ, для свиданія съ братомъ моимъ, ради объясненія по дѣламъ персидскимъ и сопредѣльныхъ съ симъ государствомъ народовъ, о которыхъ вы имѣете толь обширныя и подробныя познанія.»

Іосифъ тотчасъ же воспользовался такимъ приглашеніемъ и отправился на Кавказскую линію.

---

[1]) Въ отношеніи отъ 19-го февраля 1796 года, № 16. Собраніе Актовъ, относящихся къ исторіи армянскаго народа. Москва, изд. 1838 года, т. III, 336.

IV.

Прибытіе графа Зубова въ Кизляръ. — Измѣненіе плана дѣйствій. — Письмо князя П. А. Зубова царю Ираклію.—Положеніе Грузіи.—Приготовленіе къ походу.—Движеніе каспійскаго корпуса къ Дербенту. — Дѣйствія генералъ-маіора Савельева. — Обложеніе Дербента.—Штурмъ передовой башни.—Занятіе города.

Оставивъ Петербургъ вскорѣ послѣ назначенія, графъ В. А. Зубовъ пріѣхалъ въ Кизляръ только 25-го марта. Сильная вьюга, застигшая его на пути и продолжавшаяся день и ночь цѣлую недѣлю, значительно замедлила его путешествіе, тѣмъ болѣе, что въ степи между Астраханью и Кизляромъ не осталось ни одной почтовой лошади — всѣ онѣ были истреблены небывалыми морозами и продолжительными мятелями [1]). Проѣзжіе принуждены были нанимать лошадей на сторонѣ и ѣхать, какъ говорится, «на долгихъ.»

Въ бытность свою въ Астрахани графъ Зубовъ осмотрѣлъ находившіяся тамъ суда подчиненной ему каспійской эскадры. Вся флотилія наша на этомъ морѣ состояла тогда изъ 12 военныхъ судовъ, изъ которыхъ пять находились въ Астрахани [2]) и семь— у персидскихъ береговъ [3]).

Поручивъ начальнику каспійской эскадры, контръ-адмиралу Федорову, озаботиться изготовленіемъ, по возможности, большаго числа транспортныхъ судовъ, графъ Зубовъ отправился въ Кизляръ, гдѣ и встрѣтился съ архіепископомъ Іосифомъ, получившимъ приглашеніе отъ графа П. А. Зубова сопутствовать брату его въ предстоящей экспедиціи. Сообщая о томъ, что былъ принятъ графомъ В. А. Зубовымъ съ большимъ почтеніемъ, Іосифъ писалъ Ивану Лазареву [4]), что говорилъ съ главнокомандующимъ о всѣхъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова 25-го марта 1796 года.

[2]) Въ Астрахани находились: бомбардирскій корабль «Моздокъ», фрегатъ «Царицынъ», бригантина «Слава» и транспорты: «Уралъ» и «Волга».

[3]) У персидскихъ береговъ находились: бомбардирскій корабль «Кизляръ», фрегаты «Кавказъ» и «Астрахань», бригантина «Побѣда», палубный ботъ «Орелъ», пакетботы «Соколъ» и «Летучій».

[4]) Въ письмѣ отъ 1-го апрѣля 1796 г. «Кавказская Старина», стр. 31.

нуждахъ края. «Какъ братъ его, прибавлялъ архіепископъ, такъ и онъ сильно желаютъ нашего сопутствованія въ его экспедиціи, для обнадеживанія и пользы нашей націи. Мы не могли отказать и щадить наше изнуренное тѣло, и какъ думаемъ, быть можетъ, къ концу дѣла, съ помощью Бога, будетъ помощь или обезпеченіе нашей націи.»

Іосифъ просилъ позволенія съѣздить на нѣкоторое время въ Астрахань и потомъ присоединиться къ отряду. Изъ Астрахани онъ писалъ: [1]) «Армяне, находящіеся во всей Персіи, желаютъ днемъ раньше *видѣть русскихъ и достичь свободы...* Графу (В. А. Зубову) словомъ и письмами совѣтовалъ я: если даже Дербентъ сдадутъ добровольно, то не соглашаться, а взять его силою, и это по двумъ причинамъ: 1) доказать персамъ пустоту ихъ самохвальства, что Дербентъ никѣмъ не можетъ быть взятъ; и 2) нагнать страхъ и на другіе города, чтобы знали, что послѣ взятія Дербента, они сопротивляться не могутъ.»

Между тѣмъ Гудовичъ, въ ожиданіи прибытія графа В. А. Зубова, стягивалъ къ Кизляру войска, назначенныя въ экспедицію, и для переправы ихъ черезъ рѣку Терекъ устраивалъ плавучій мостъ. Двадцати понтоновъ, собранныхъ для отправленія съ отрядомъ, оказалось недостаточно для наводки моста, и Гудовичъ долженъ былъ прибавить къ нимъ нѣсколько большихъ лодокъ [2]).

Въ составъ дѣйствующаго отряда были преимущественно назначены полки, находившіеся на кавказской линіи, а для замѣщенія ихъ на линіи были отправлены войска съ Дона и изъ Тавриды, изъ Екатеринославской и Воронежской губерній. Хотя большая часть изъ нихъ только выступила съ мѣста своего расположенія и была весьма удалена съ мѣста назначенія, тѣмъ не менѣе Гудовичъ обѣщалъ графу Зубову собрать войска у Кизляра къ 10-му апрѣля, съ тѣмъ, чтобы 12-го числа можно было выступить въ походъ.

На взаимномъ совѣщаніи графа Зубова съ Гудовичемъ признано необходимымъ измѣнить нѣсколько планъ военныхъ дѣй-

---

[1]) Письмо Іосифа Степану Давыдову 13-го мая 1796 г. «Кавказ. Старина.»

[2]) Письмо Гудовича князю П. А. Зубову 20-го марта 1796 года.

ствій, составленный въ Петербургѣ, и отмѣнить вовсе отправленіе кавказскаго корпуса черезъ горы въ Грузію.

Грузія была въ такомъ положеніи, что не только не могла предпринять войны наступательной, но требовала посторонней помощи для водворенія въ ней внутренняго порядка. Дѣла шли такъ, что въ странѣ этой, можно сказать, не существовало никакой законной власти. Ираклій, по безпорядкамъ своего правленія и по слабости характера, привелъ Грузію въ совершенное разстройство. Недавній громовой ударъ, разразившійся надъ страною, не образумилъ членовъ царскаго дома. Царевичи, по-прежнему не слушая отца, враждовали другъ съ другомъ, возстановили противъ себя дворянство и образовали множество враждебныхъ партій. Преслѣдуя только собственные матеріальные интересы, царевичи приводили своихъ подданныхъ въ полное отчаяніе. Грузинъ не видѣлъ защиты и зналъ, что его достояніе и имущество ничѣмъ не обезпечены. «По сей причинѣ, писалъ Гудовичъ [1]), народъ грузинскій, бывшій довольно бойкимъ, приведенъ нынѣ въ слабость и робость. Сему несчастному положенію главною причиною царица.»

Принявъ Грузію подъ свое покровительство и защиту, русское правительство, даже по одному только чувству собственнаго достоинства, не могло оставить ее въ столь печальномъ состояніи. Воспользовавшись просьбою находившагося въ Петербургѣ грузинскаго посла, князя Герсевана Чавчавадзе, о возвращеніи его на родину, князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, по приказанію Императрицы, просилъ Ираклія принять мѣры къ лучшему устройству внутренняго положенія его царства.

«Хвалы, писалъ онъ [2]), достойныя усердія къ пользамъ Россійской Имперіи и къ благу отечества своего министра вашего высочества, князя Чавчавадзе, возбудили его въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ для царствъ вашихъ, просить августѣйшую Императрицу употребить его ко благу предпріемлемой защиты христіанства, противъ свирѣпства, лютости и варварства хищнаго Аги-Магометъ-хана. Великая Монархиня, зная способности и рев-

---

[1]) Въ письмѣ князю П. А. Зубову 31-го января 1796 года.

[2]) Въ письмѣ царю Ираклію отъ 30-го апрѣля 1796 года.

ность князя Чавчавадзе, повелѣть изволила отправить его для употребленія тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно полезнѣе будетъ. Онъ важныя услуги возможетъ оказать вашему высочеству, если употребите его къ сношеніямъ съ воинскими начальниками, коимъ высочайше поручено предводительство побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ. Онъ и для нихъ полезенъ будетъ, облегчая сношенія и нужныя связи съ вашимъ высочествомъ, такъ что общее дѣло сіе, управляемое, такъ сказать, единымъ духомъ и согласно устремленное къ единымъ предметамъ, удобнѣе успѣхами увѣнчеваться будетъ, а особливо когда и ваше высочество, поступая откровенно и не щадя никаковыхъ способовъ, во власти вашей имѣющихся, для собственнаго блага рода, царствъ и подданныхъ вашихъ, а равно и во утвержденіе безопасности и избавленія отъ грабежей и отъ гоненія и самой христіанской вѣры нашей,—всѣми силами и способностями вашими способствовать будете усиліямъ, видамъ и подвигамъ войскъ нашихъ.

«Любезный братъ мой, графъ Валеріанъ Александровичъ, не пропуститъ, конечно, ни единаго способа и ни малѣйшей возможности явить вамъ и областямъ вашимъ, что войско, имъ предводимое, стремится не только на избавленіе и огражденіе безопасностью царствъ вашихъ, но и на пораженіе и отмщеніе дерзнувшихъ разорять христіанъ, подданныхъ царя, пребывающаго въ мощномъ покровительствѣ Имперіи Всероссійской. Я надѣюсь, что онъ не обманется въ ожиданіи своемъ, что ваше высочество усердно и рачительно преподавать ему будете всевозможныя отъ васъ пособія и во всемъ удовлетворять и споспѣшествовать ему будете, чѣмъ привлекая къ себѣ еще болѣе благоволеніе и милости щедрой Императрицы нашей и нашу благодарность и довѣріе, тѣмъ самымъ навѣки утвердите благосостояніе рода и царствъ вашихъ.

«Если сильныя пособія и мужественные подвиги побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ достаточны будутъ на избавленіе, огражденіе и утвержденіе въ неприкосновенности и въ безопасности въ настоящемъ случаѣ царствъ вашихъ извнѣ, то впредь внутреннее благоустройство оныхъ одно токмо возможетъ, укореняя тамо порядокъ и общее благосостояніе, сохранить навѣки тѣ преимущества, кои сильнымъ россійскимъ покровительствомъ и побѣдонос-

нымъ оружіемъ пріобрѣтены быть могутъ. *Раздѣльность власти есть разслабленіе государствъ.* Несогласія и раздоры, отъ таковаго гибельнаго положенія всегда проистекающіе, удобны разрушить и обратить въ ничтожество наисильнѣйшія царства. Въ благовѣствованіи святаго евангелиста Марка, въ главѣ г҃, въ началѣ г҃і, въ стихѣ к҃д (сказано): «*и аще царство на ся раздѣлится,—не можетъ стати царство то*»; ибо въ таковомъ развлеченномъ состояніи, что̀ можетъ власть, ослабленная раздѣленіемъ и неминуемымъ несогласіемъ?

«Владѣтели разныхъ удѣловъ, противоборствуя намѣреніямъ и видамъ одинъ другаго и не имѣя взаимнаго уваженія, научаютъ примѣрами подданныхъ къ непослушанію и всѣ стремясь къ разнымъ предметамъ и видамъ не достигаютъ ни единаго. Области, управляемыя таковою властію, не могши быть сильными въ собственной защитѣ своей, не могутъ быть полезны союзникамъ своимъ; не имѣя же соединенія, бываютъ токмо что жертвою враговъ своихъ. Не токмо дѣеписанія многихъ народовъ, но и настоящее происшествіе съ Грузіею примѣромъ научить должно, сколь нужно для сохраненія царствъ соединеніе царской власти и сколь, напротивъ того, пагубно для всѣхъ раздѣленіе царства на удѣлы. Министръ вашего высочества, князь Чавчавадзе, въ бытность свою въ Петербургѣ, имѣлъ случай много разъ говорить со мною, по поводу положенія сего, и онъ, по разуму и просвѣщенію своему, а не менѣе того и по усердію къ лучшимъ пользамъ вашимъ, во всѣхъ подробностяхъ изустно объяснить вамъ можетъ все то, что лучшимъ быть кажется, для славы вашей и для выгодъ подвластныхъ вамъ народовъ. Въ семъ важномъ для блага подданныхъ и для бытія царствъ вашихъ государственномъ учрежденіи, отличныя свойства мудрости, разума, проницанія и опытностей вашихъ, конечно, руководимы будутъ желаніемъ и сильнымъ стремленіемъ къ содѣянію лучшаго, не токмо особенно для рода и царствъ вашихъ, но и вообще для блага христіанъ, тѣ страны населяющихъ.

«Если, пользуясь днесь сильнымъ покровительствомъ побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ, ваше высочество предуспѣете, во славу свою и для блага рода, царствъ и подвластныхъ вамъ народовъ и для христіанства вообще, соединить и утвердить на-

вѣки царскую власть нераздѣльно, и распространить владычество ваше до Аракса и до предѣловъ Порты Оттоманской, тогда, устроя въ порядкѣ и возвелича силы и способы царствъ и областей вашихъ, не токмо навсегда сами собой противъ невѣрныхъ въ состоянiи будете защищать права свои и собственность подвластныхъ вамъ народовъ, но, опровергая дерзостныя покушенiя враговъ вашихъ, наказывать ихъ ослабленiемъ ихъ силы и приращенiемъ пользъ подданныхъ вашихъ. Такимъ образомъ, твердо основанное бытiе царствъ, и законной, и справедливой власти царя христiанскаго, ободритъ надеждою христiанъ, страждущихъ въ порабощенiи у невѣрныхъ, и представитъ имъ вѣрный покровъ и убѣжище подъ сѣнiю кроткой и справедливой державы вашей; стеченiе ихъ въ подданство ваше умножать будетъ какъ славу и пользы ваши, такъ прочное основанiе и, наконецъ, нерушимое бытiе областей вашихъ; огражденiемъ же безопасностью и неприкосновенiемъ предѣловъ доставите всѣмъ жизнь и спокойную, и изобильную. Событiе таковаго благополучнаго для царствъ вашихъ состоянiя не укоснитъ совершиться, если вы, свѣтлѣйшiй царь, удостоите внять беспристрастному моему гласу, внушенному мнѣ прямымъ къ пользамъ вашимъ усердiемъ и истиннымъ къ особѣ вашей доброхотствомъ.»

Чтобы, съ своей стороны, содѣйствовать скорѣйшему возстановленiю порядка въ Грузiи и исполненiю предположенныхъ плановъ относительно предстоявшихъ дѣйствiй въ Персiи, Императрица Екатерина II, еще въ январѣ 1796 года [1]), поручила Гудовичу отправить въ Грузiю на усиленiе войскъ, тамъ находившимся, два баталiона пѣхоты съ восемью орудiями, двѣнадцать эскадроновъ кавалерiи, направленныхъ изъ Екатеринославской губернiи, и два полка казаковъ, командированныхъ съ Дона, подъ начальствомъ полковника Кирѣева. Гудовичъ не находилъ возможнымъ исполнить это повелѣнiе, изъ опасенiя, что посланныя въ Грузiю войска умрутъ тамъ отъ голода. Царь Ираклiй, хвалившiйся тѣмъ, что можетъ продовольствовать 20,000 человѣкъ, въ дѣйствительности, съ приходомъ въ Грузiю двухъ баталiоновъ Сырохнева, не въ состоянiи былъ прокормить и ихъ, а между тѣмъ, грузины

[1]) Рескриптъ Императрицы Гудовичу 8-го января.

возили хлѣбъ въ значительномъ количествѣ въ Ганжу, гдѣ и продавали его за дорогую цѣну. Находясь съ войсками въ Ганжѣ, Ага-Магометъ-ханъ истребилъ всѣ бывшіе тамъ запасы, такъ что жители принуждены были для собственнаго пропитанія покупать хлѣбъ и платить за него большія деньги.

Будучи не въ силахъ прекратить безпорядки въ странѣ и запретить вывозъ хлѣба изъ Грузіи, Ираклій предоставилъ полковнику Сырохневу самому заботиться о продовольствіи ввѣренныхъ ему войскъ и покупать провіантъ на русскія деньги, по мелочамъ, у мѣстныхъ жителей. Сырохневъ принужденъ былъ разослать команды и фуражировъ по разнымъ мѣстамъ Грузіи и пріобрѣтать продовольствіе съ большимъ затрудненіемъ. Скоро отпущенная въ распоряженіе Сырохнева сумма истощилась, и Гудовичъ отправилъ къ нему еще 4,000 червонныхъ. Зимнее время затрудняло доставку денегъ въ Грузію. «Во время зимы,» доносилъ онъ [1]), «черезъ снѣговую гору нельзя иначе переходить какъ пѣшимъ и на лыжахъ, то положа деньги на офицерахъ спрятанныя и нанявъ надежныхъ осетинцевъ, для ихъ провожденія, туда ихъ отправилъ.»

При такихъ условіяхъ посылать въ Грузію еще большее число войскъ было бы весьма рискованно, тѣмъ болѣе, что переправа кавалеріи и обоза черезъ горы признавалась крайне затруднительною, а въ зимнюю пору почти невозможною. Доставка продовольствія съ кавказской линіи въ Грузію была немыслима, такъ какъ подвижной магазинъ долженъ былъ состоять изъ множества повозокъ, по недостатку лошадей запряженныхъ волами, которые не въ силахъ были карабкаться на каменистые утесы и спускаться съ отвѣсныхъ скалъ въ глубокія ущелья.

Основываясь на этомъ, какъ Гудовичъ, такъ и графъ Зубовъ считали болѣе раціональнымъ оставить отрядъ Сырохнева безъ подкрѣпленій, тѣмъ болѣе, что опасности для него никакой не предвидѣлось и два баталіона русскихъ войскъ могли смѣло оставаться въ Грузіи, въ ожиданіи прибытія туда войскъ кавказскаго корпуса, направленныхъ инымъ путемъ, хотя и обходнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича 31-го января 1796 года.

Слѣдуя быстро къ Дербенту, а оттуда въ Баку, графъ Зубовъ имѣлъ всегда возможность ввести войска кавказскаго корпуса въ Грузію черезъ Шемаху и двинуть ихъ далѣе къ Ганжѣ, лишь бы только обезпечено было ихъ продовольствіе. Поэтому рѣшено было, что когда войска соберутся у Кизляра, то отправить ихъ вслѣдъ за каспійскимъ корпусомъ, а для продовольствія какъ двухъ баталіоновъ, находившихся въ Грузіи, такъ и тѣхъ, которые прибудутъ туда впослѣдствіи черезъ Шемаху, устроить въ Тифлисѣ магазинъ и поручить Сырохневу заготовить провіантъ на три мѣсяца для 5,000 человѣкъ.

Порученіе это поставило Сырохнева въ крайне затруднительное положеніе. Для такого числа войскъ надо было пріобрѣсти 27,187 пудовъ муки и 2,812 пудовъ крупы, а этого количества невозможно было найти во всей Грузіи. Сырохневъ хотя и послалъ офицеровъ въ города Гори и Сурамъ—единственныя мѣста, гдѣ можно было купить хлѣбъ,—но не надѣялся, чтобы они могли съ успѣхомъ выполнить данное порученіе, тѣмъ болѣе, что если бы посланнымъ и удалось закупить провіантъ въ достаточномъ количествѣ, то доставить его въ Тифлисъ было положительно невозможно. Грузины повозокъ не имѣли, «а держатъ, доносилъ Сырохневъ [1]), по лѣности своей, весьма малое число воловьихъ арбъ, отмѣннаго построенія и по тягости на таковое употребленіе мало способныя и не иначе запрягаемы должны быть въ четыре вола, но и тѣхъ искупить во всей Грузіи едва можно до тридцати, и то черезъ весьма продолжительное время.»

Туземцы всю транспортировку кладей производили вьюками на лошакахъ, воловъ же у нихъ было очень мало, а лошадей еще меньше—ихъ имѣли только дворяне, или люди зажиточные, и употребляли преимущественно для верховой ѣзды и рѣдко для вьюковъ. Кулей для насыпки хлѣба въ Грузіи также не имѣлось, а рогожъ нельзя было достать ни за какія деньги; если же грузинъ возилъ хлѣбъ на продажу, то онъ насыпалъ его въ небольшіе волосяные мѣшки, въ которыхъ помѣщалось отъ 2-хъ до 3-хъ пудовъ. Каждый держалъ эти мѣшки для себя и пріобрѣсти ихъ

---

[1]) Въ рапортѣ графу Зубову отъ 23-го апрѣля 1796 года.

въ значительномъ числѣ не представлялось никакой возможности, тѣмъ болѣе, что такая покупка стоила бы большихъ денегъ, ибо каждый мѣшокъ продавался по 1 руб. 50 коп. и дороже.

Особенности грузинскаго быта и недавнее разореніе страны уничтожали всякую надежду на успѣшное заготовленіе продовольствія. Тѣмъ не менѣе, Сырохневу поручено было стараться закупить провіанта сколько окажется возможнымъ и устроиться такъ, чтобы не только не возбудить противъ себя неудовольствіе со стороны жителей, но снискать ихъ расположеніе и полную готовность оказывать ему во всемъ содѣйствіе и пособіе.

Въ случаѣ, если бы царь Ираклій сталъ просить помочь ему наказать ганжинскаго хана, то Сырохневъ, имѣя постоянно въ виду незначительность своего отряда, долженъ былъ отклонить эту просьбу, подъ предлогомъ того, что въ Грузію ожидается прибытіе новыхъ войскъ, отъ начальника которыхъ онъ не получилъ еще никакихъ разрѣшеній. Но если бы Ираклій потерпѣлъ неудачу и былъ преслѣдуемъ ганжинскимъ ханомъ, тогда Сырохневъ долженъ былъ занять выгодное мѣсто, могущее совершенно оградить «отъ самомалѣйшаго вреда порученный ему отрядъ и, сдѣлавъ запасъ для его продовольствія, ожидать прибытія кавказскаго корпуса, а до тѣхъ поръ отнюдь не отваживать силъ своихъ ни на какую опасность.»

Распорядившись такимъ образомъ, графъ Зубовъ сталъ готовиться къ походу. Назначенныя въ составъ каспійскаго корпуса войска сходились весьма медленно, и къ 10-му апрѣля только часть ихъ была сосредоточена у Кизляра; кавказскій же корпусъ еще не собирался и когда онъ будетъ готовъ — опредѣлить было трудно. Опасаясь пропустить удобное время для похода и опоздать выступленіемъ, графъ Зубовъ рѣшился не ожидать окончательнаго сбора всѣхъ частей, и 10-го апрѣля принялъ начальство надъ собравшимся отрядомъ, численность котораго доходила до 12,323 человѣкъ, въ томъ числѣ пѣхоты 6,190 человѣкъ.

Передъ выступленіемъ въ походъ, отрядъ этотъ, состоявшій изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, двадцати восьми эскадроновъ кавалеріи, семи казачьихъ командъ и двадцати одного орудія полевой

артиллеріи [1]), былъ раздѣленъ графомъ Зубовымъ на четыре бригады: двѣ пѣхотныя и двѣ кавалерійскія.

Первая пѣхотная бригада, подъ начальствомъ генералъ-маіора Булгакова, составлена изъ двухъ баталіоновъ Кубанскаго егерскаго корпуса и двухъ — Кавказскаго гренадерскаго полка; *вторая бригада*, подъ командою генералъ-маіора Римскаго-Корсакова, образована изъ сводно-гренадерскаго баталіона, одного баталіона Воронежскаго и двухъ — Тифлисскаго мушкетерскихъ полковъ.

Первая кавалерійская бригада, составленная изъ драгунскихъ полковъ Владимірскаго и Нижегородскаго, поручена генералъ-маіору барону Беннингсену, а *вторая*—изъ Астраханскаго и Таганрогскаго драгунскихъ полковъ, поступила подъ начальство бригадира графа Апраксина. Всѣ иррегулярныя войска, составляя резервъ, подчинены генералъ-маіору Платову, а до прибытія его съ Чугуевскимъ полкомъ находились въ вѣдѣніи подполковника Баранова.

Генералъ-маіоръ князь Цiціановъ оставленъ былъ въ Кизлярѣ до окончательнаго сформированія корпуса. Сосредоточивъ подъ сво-

---

[1]) Войска эти были въ слѣдующемъ составѣ:

Пѣхота: Тифлисскаго мушкетерскаго полка 2 баталіона, 1,491 человѣкъ; Воронежскаго 1 баталіонъ, 985 человѣкъ; Кавказскаго гренадерскаго полка 2 баталіона, 1,737 человѣкъ; Гренадерскій баталіонъ, составленный изъ двухъ гренадерскихъ ротъ Владимірскаго и двухъ ротъ Кабардинскаго мушкетерскихъ полковъ 1 баталіонъ, 656 человѣкъ; Кубанскаго егерскаго корпуса 2 баталіона 1,321 человѣкъ; итого 8 баталіоновъ—6,190 человѣкъ.

Кавалерія: драгунскіе полки: Нижегородскій 7 эскадроновъ, 1,109 человѣкъ; Астраханскій 7 эскадроновъ, 1,079 человѣкъ; Владимірскій 7 эскадроновъ, 1,049 человѣкъ, и Таганрогскій 7 эскадроновъ, 1,065; итого 28 эскадроновъ—4,302 чел.

Полевой артилеріи: 21 орудіе, при 663 чел..

Казачьи войска: Гребенскаго войска 300 человѣкъ; Терскаго и Семейнаго 75 человѣкъ, Хоперскаго 370 человѣкъ; Волгскаго 320 человѣкъ; Моздокскаго казачьяго полка 300 человѣкъ; Легіонной команды 120 человѣкъ и Донскаго полка Машлыкина 346 человѣкъ; итого 1,831 человѣкъ.

Всего 8 баталіоновъ, 28 эскадроновъ, 21 орудіе и 7 казачьихъ командъ, численностью въ 12,323 человѣка.

Сверхъ того, при отрядѣ находилась полковая артиллерія и одна мортира для дѣйствія противъ крѣпости навѣсными выстрѣлами.

Для десанта отправлено въ Астрахань къ контръ-адмиралу Федорову: Владимірскаго мушкетерскаго полка 1 баталіонъ, 652 человѣка; Кабардинскаго 1 баталіонъ, 656 человѣкъ, и вѣрнаго Черноморскаго войска казаковъ 166 человѣкъ; итого 1,474 человѣкъ и рота полевой артиллеріи въ 122 человѣкъ.

имъ начальствомъ всѣ части войскъ, князь Цыціановъ долженъ былъ слѣдовать на соединеніе съ каспійскимъ корпусомъ.

Послѣдній, 10-го апрѣля, переправился черезъ рѣку Терекъ по наведенному мосту и, сдѣлавъ одинъ переходъ, принужденъ былъ остановиться у Лашуринскаго форпоста на рѣкѣ Каргинѣ. Суровая и холодная зима, несвойственная тамошнему климату, и непрестанныя вьюги были причиною остановки. Подножнаго корма вовсе не было; запасы провіанта и фуража оказались весьма ограниченными и потому двигаться далѣе было невозможно. Графъ Зубовъ возвратился въ Кизляръ, чтобы принять безотлагательныя мѣры къ обезпеченію войскъ продовольствіемъ. Подвижной магазинъ не былъ еще сформированъ и не могъ быть переправленъ черезъ рѣку Терекъ ранѣе 16-го апрѣля, по причинѣ недостатка фуръ и воловъ, какъ перевозочнаго средства. Хотя для закупки ихъ и были разосланы коммиссіонеры въ разныя мѣста Россіи, но, по полученнымъ отъ нихъ свѣдѣніямъ, въ половинѣ апрѣля могла быть переправлена черезъ рѣку Донъ только третья часть воловъ и фуръ и, слѣдовательно, они могли прибыть на линію только къ концу мая. Направленные изъ внутреннихъ губерній рекруты, для исполненія обязанности погоньщиковъ, также не прибыли и ожидались не прежде іюня мѣсяца [1]). Поэтому, чтобы не остановить экспедиціи до наступленія жаровъ, Гудовичъ собралъ сколько возможно было ногайскихъ арбъ и нанялъ фуры частныхъ лицъ, съ обязательствомъ платить имъ помѣсячную плату. Сборъ этихъ подводъ и нагрузка провіанта также требовали времени и потому, какъ ни торопился графъ Зубовъ выступить въ походъ, онъ не могъ этого сдѣлать ранѣе 18-го апрѣля. Только къ этому дню, при усиленной дѣятельности Гудовича, могла быть сформирована часть подвижнаго магазина, назначеннаго слѣдовать за арміею.

«Принужденнымъ себя нахожу признаться вашему сіятельству, писалъ Гудовичъ [2]), что я дохожу до устали, не имѣя помощниковъ; не говоря о генеральскихъ чинахъ, изъ коихъ у меня ни одного нѣтъ, я имѣю очень мало штабъ-офицеровъ. Все,

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича 20-го марта 1796 года.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ князю П. А. Зубову 17-го апрѣля 1796 г.

что было, старался доставить къ войскамъ, идущимъ въ походъ, и могу сказать, что отправлялъ иногда должность штабъ-офицерскую. Подвижной магазинъ меня сокрушаетъ; самый уголъ государства, отдѣленный пустою и дурною степью отъ Астрахани; линія пространная, войскъ осталось мало и всѣ слабыя большею частію, и оныя еще не пришли; транспорты отдаленные, которые конвоировать надобно.

«Я стараюсь и употреблю всѣ мои къ тому силы, но или способности у меня не довольно, или лѣта уменьшать ее начинаютъ. Ежели еще прибавлены будутъ войска въ Персію, какъ графъ Валеріанъ Александровичъ мнѣ сказывалъ, то осмѣливаюсь предварительно представить мое мнѣніе, чтобъ по комплекту оныхъ годовой провіантъ былъ заготовленъ, и, дабы не упустить времени, надобно изъ Петербурга прямо разослать коммиссіонеровъ съ деньгами въ удобныя мѣста, которые должны, покупая, прямо доставлять три части въ Астрахань и четвертую на линію, для употребленія при переходѣ и для доставленія вслѣдъ за войсками до Дербента.»

18-го апрѣля войска, назначенныя для экспедиціи въ Персію, двинулись по направленію къ Дербенту, имѣя за собою, сверхъ полковаго обоза, 1,414 фуръ [1]) съ боевыми припасами и продо-

---

[1]) Вѣдомость о числѣ фуръ и воловъ подвижнаго магазейна, отправленныхъ за войсками, идущими въ Дагестанъ.

Показаніе груза.	Число фуръ.	Число воловъ: въ упряжкѣ.	Число воловъ: заводныхъ.
Съ провіатомъ (800 чет. муки и 2,500 чет. сухарей съ пропорціею крупъ)	482	1,928	120
Съ артиллерійскими снарядами	89	178	12
Съ инженернымъ инструментомъ	15	30	
Съ четырьмя бочками уксусу, мѣрою въ 167½ ведеръ	4	16	
Съ десятью бочками нефти	9	18	
Съ четырьмя бочками смолы	4	8	
Съ плотничнымъ и кузнечнымъ инструментами	8	16	
Примѣчаніе: На сихъ же подводахъ разложено угля шестьдесятъ четвертей.			
Итого	611	2,326	

вольствіемъ, состоявшимъ изъ 3,500 четвертей муки и 4,117 четвертей сухарей съ пропорціею крупъ. Это количество провіанта обезпечивало выступившія войска, вмѣстѣ съ отрядомъ Савельева, по 26-е іюня. Независимо отъ этого, графъ Зубовъ предписалъ контръ-адмиралу Федорову нагрузить въ Астрахани десять транспортныхъ судовъ и отправить ихъ, подъ прикрытіемъ одного военнаго судна, къ Дербенту [1]), куда самъ спѣшилъ на соединеніе съ отрядомъ генералъ-маіора Савельева.

Послѣдній, вступивши во владѣніе Шейхъ-Али-хана дербентскаго, отправилъ къ нему посланнаго со вторичнымъ требованіемъ, чтобы ханъ прислалъ довѣреннѣйшихъ чиновниковъ для заключенія оборонительнаго союза противъ Аги-Магометъ-хана. Отвѣчая отказомъ, Шейхъ-Али-ханъ писалъ, что не знаетъ и не видитъ повелѣнія Императрицы, разрѣшающей вступленіе русскихъ войскъ въ его владѣнія, и что хотя онъ и просилъ прежде о присылкѣ ему денегъ для найма войскъ противъ Аги-Магометъ-хана, но тогда онъ не зналъ могущества персидскаго властителя; теперь же онъ не рѣшается впустить въ городъ столь малый отрядъ русскихъ, изъ опасенія, что не только его владѣнія около Кубы будутъ разорены персіянами, но и отрядъ русскихъ войскъ можетъ также пострадать.

— Ежели и большее число россійскихъ войскъ придетъ, говорилъ ханъ, то и тогда можетъ быть кровопролитіе.

На требованіе впустить русскія войска въ городъ ханъ отвѣчалъ отказомъ.

— Я не могу этого сдѣлать, говорилъ Шейхъ-Али-ханъ, потому что, впустивъ русскія войска въ городъ, долженъ расположить ихъ по квартирамъ, а по нашему закону имѣть иновѣрца на постоѣ строго запрещается. Наши жены, по обычаю, не должны

Сверхъ того отправлено верблюдовъ, навьюченныхъ провіантомъ. . . . . подъ вьюками 200 и заводныхъ 100
Вольнонаемыхъ мѣсячныхъ фуръ. 384
Ногайскихъ аробъ. 419
(Арх. Главн. Шт., письмо графа Зубова брату его П. А. Зубову отъ 19-го апрѣля, № 3).

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова 19-го апрѣля 1796 г.

встрѣчаться съ невѣрными, отчего произойдетъ жителямъ большое стѣсненіе.

Противясь вступленію русскихъ войскъ въ Дербентъ, Шейхъ-Али высказывалъ намѣреніе защищаться. Посланный къ нему для переговоровъ маіоръ Ахвердовъ былъ задержанъ въ городѣ, гдѣ обращались съ нимъ весьма дурно. Ханъ держалъ его подъ присмотромъ и хотѣлъ отправить въ лагерь Аги-Магометъ-хана, у котораго просилъ помощи [1]), но потомъ, по совѣту уцмія каракайдакскаго, оставилъ свое намѣреніе и отпустилъ Ахвердова къ отряду.

Шейхъ-Али-хану объявлено было, что если онъ не отопретъ ворота, то русскія войска будутъ бомбардировать городъ. Ханъ не только отвѣчалъ отказомъ, но когда Савельевъ подошелъ къ Дербенту, то Шейхъ-Али-ханъ выслалъ противъ него свою конницу, которая открыла огонь по нашимъ казакамъ. Савельевъ отступилъ отъ города и расположился лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ него. На слѣдующій день онъ занялъ высоты, командующія Дербентомъ, на которыхъ и устроилъ батарею не далѣе 200 саженъ отъ городской стѣны.

Съ открытіемъ огня этой батарей, Шейхъ-Али-ханъ прислалъ парламентера съ просьбою не стрѣлять по городу. Онъ говорилъ, что готовъ бы впустить въ Дербентъ русскія войска, но боится быть наказаннымъ за свои поступки, и потому, въ обезпеченіе себя, проситъ, чтобы русскіе выдали ему аманата. Хотя требованіе это, несовмѣстное съ достоинствомъ и честью русскаго оружія, доказывало, что Шейхъ-Али не имѣетъ искренняго намѣренія покориться и желаетъ только протянуть время, пока возвратится его посланный отъ Аги-Магометъ-хана, тѣмъ не менѣе Савельевъ велъ съ ханомъ переговоры, потому что войска наши нуждались въ отдохновеніи.

Въ то время въ горахъ стояла погода, небывалая по тамошнему климату: то дождь съ сильнымъ вѣтромъ, то снѣгъ съ вьюгою изнуряли войска. Давая имъ отдыхъ и переговариваясь съ Шейхъ-Али-ханомъ, генералъ Савельевъ въ то же время строилъ

[1]) Прося помощи, Шейхъ-Али-ханъ послалъ въ подарокъ Агѣ-Магометъ-хану 20 верблюдовъ, 15 лошадей, 500 бурокъ и много провизіи.

вторую батарею, которая вскорѣ и открыла огонь. Дербентцы защищались; укрывшись во рвахъ садовъ, они вели перестрѣлку съ нашими войсками, но скоро были прогнаны баталіономъ егерей, посланнымъ подъ начальствомъ полковника Мансурова. Шейхъ-Али-ханъ выслалъ вторично парламентера, прося Савельева остановить дѣйствія и дозволить ему послать письмо Гудовичу, съ тѣмъ, чтобы, до полученія отвѣта, русскія войска отступили отъ города на 15 верстъ.

Савельевъ отказался исполнить просьбу хана, тѣмъ болѣе, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, посланный хана возвратился изъ персидскаго лагеря съ крайне неудовлетворительнымъ отвѣтомъ. Ага-Магометъ-ханъ отказался подать помощь жителямъ Дербента.

— Войска мои утомлены, говорилъ онъ посланному, и съ русскими драться не могутъ. Когда отдохнутъ, то лѣтомъ, можетъ быть, я и приду на помощь.

На эту помощь трудно было разсчитывать, потому что Ага-Магометъ вслѣдъ затѣмъ снялся съ Муганской степи и пошелъ внутрь Персіи. Уходя, онъ захватилъ съ собою женъ и дѣтей хановъ: хойскаго, нахичеванскаго, эриванскаго и другихъ, считая плѣнныхъ лучшими заложниками въ вѣрности самихъ хановъ. Въ то же время Гудовичъ отправилъ дербентскому хану довольно «крутое письмо», въ которомъ требовалъ покорности и предупреждалъ, что вскорѣ вступитъ въ Дагестанъ большое число русскихъ войскъ, «которыя пойдутъ по головамъ всѣхъ противящихся высочайшей волѣ» [1]).

Отступленіе Аги-Магометъ-хана было крупнымъ явленіемъ въ жизни народовъ, населяющихъ Закавказье. Нѣкоторые владѣльцы радовались такому отступленію, другіе были недовольны имъ. Ханы шекинскій и шемахинскій выгнали оставшихся персіянъ изъ своихъ владѣній и возстановили въ нихъ спокойствіе и тишину. Бакинскій ханъ, хотя и присягнулъ на подданство Россіи, но, видя, что со стороны Персіи гроза миновала, по вѣроломству, свойственному всѣмъ азіятскимъ народамъ, отправилъ въ Дербентъ

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Гудовича 20-го марта 1796 года.

*

двѣ пушки съ прислугою. Уцмій каракайдакскій также колебался; хотя онъ искалъ подданства Россіи и даже прислалъ своего посланнаго въ Георгіевскъ для заключенія условій, но посланный этотъ, вскорѣ послѣ пріѣзда, скрылся неизвѣстно куда, а на мѣсто его уцмій другаго не присылалъ. Коварный и явно непріязненный Россіи хамбутай казыкумухскій склонялся на сторону дербентскаго хана, обѣщая ему свою помощь и содѣйствіе. Въ подобномъ же расположеніи къ намъ были кадій акушинскій и Али, султанъ дженгутайскій. Шушинскій Ибраимъ-ханъ болѣе другихъ радовался отступленію персіянъ и хвалился тѣмъ, что не покорился Агѣ-Магометъ-хану.

«Я, надѣясь на милость Божію, писалъ Ибраимъ царю Ираклію, прибытіе его (къ Шушѣ) почелъ не болѣе летучей мухи, и на него совсѣмъ не взиралъ, а только слушалъ, ибо я, какъ прежде жилъ въ своемъ домѣ, такъ и тогда находился, а войска мои всякій день и во всякое время ихъ лошадей, верблюдовъ и ословъ партіями отгоняли. Ага-Магометъ-ханъ, сорокъ или болѣе дней простоявъ у берега Ораза (р. Аракса) и усмотрѣвъ, что мы на него не взираемъ и всегда стараемся укрѣплять дороги, прошедшаго мѣсяца 27-го числа отправился, и будетъ нынѣ его отбытію двадцать дней.»

Только два хана, дербентскій и ганжинскій, были явно недовольны уходомъ Аги-Магометъ-хана. Джевадъ-ханъ ожидалъ, что Ираклій разоритъ его владѣніе, въ отмщеніе за содѣйствіе персіянамъ, и онъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Дѣйствительно, съ уходомъ Аги-Магометъ-хана, хотя Ираклій самъ и не въ силахъ былъ наказать хана ганжинскаго, но, по совѣту его, Ибраимъ-ханъ шушинскій тотчасъ же двинулся къ Ганжѣ. Къ Ибраиму присоединился Раимъ-ханъ, племянникъ Джевада, и лезгинскія войска Омаръ-хана аварскаго, всегда готоваго на грабежъ чужой собственности. Царь Ираклій, также не желая, чтобы, по его словамъ, «добыча ганжинская» досталась другимъ, отправилъ въ Ганжу двухъ своихъ сыновей съ войсками и располагалъ самъ отправиться туда, какъ только устроитъ нѣсколько внутреннее положеніе своего царства [1]).

[1]) Рапортъ Сырохнева графу Зубову 23-го апрѣля 1796 года.

Не лучше было положенiе и Шейхъ-Али-хана дербентскаго. Видя передъ городомъ русскiя войска, онъ ежеминутно ожидалъ, что онй выгонятъ его изъ Дербента. Ханъ хлопоталъ о привлеченiи на свою сторону бо́льшаго числа союзниковъ и успѣлъ получить помощь отъ хамбутая казыкумухскаго и отъ другихъ сопредѣленныхъ ему дагестанскихъ владѣльцевъ. По слухамъ, въ Дербентѣ собралось до 10,000 человѣкъ, рѣшившихся защищаться. Имѣя въ виду, что отрядъ Савельева, состоявшiй только изъ 4,180 человѣкъ, встрѣтилъ сильное сопротивленiе со стороны Шейхъ-Али-хана и что «помянутый отрядъ, стоя немалое время подъ крѣпостью, слышно, многими охраняемою, какъ бы прiучилъ оную взирать нетрепетно на побѣдоносное россiйское оружiе и за подобное онаго оскорбленiе отмстить самъ по себѣ недостаточенъ», графъ Зубовъ предписалъ Савельеву отступить отъ города, занять выгодную позицiю, быть какъ можно болѣе осторожнымъ и ожидать прибытiя главныхъ силъ, съ которыми онъ уже выступилъ въ Дагестанъ.

Отрядъ графа Зубова, первое время, подвигался довольно быстро.

15-го апрѣля войска каспiйскаго корпуса были уже въ Таркахъ, гдѣ, за три версты отъ города, были встрѣчены шамхаломъ тарковскимъ съ сыновьями и «съ нѣкоторыми изъ сопредѣленныхъ ему малыхъ владѣльцевъ.» Принявъ явившихся ласково, графъ Зубовъ подарилъ шамхалу часы, осыпанные бриллiантами, въ 1,325 рублей.

Шамхалъ былъ человѣкъ лѣтъ 60-ти, прiятной наружности. «Старость не затмила еще того, писалъ П. Г. Бутковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]), что онъ былъ довольно видный мужчина. Это только было и есть лучшее въ немъ; умъ его въ тѣсныхъ границахъ, а водка россiйская есть самый лучшiй предметъ его упражненiй.»

По выступленiи изъ Тарковъ, отрядъ 23-го апрѣля достигъ до рѣки Озени, гдѣ и расположился лагеремъ. Сюда возвратился посланный въ окрестности Дербента астраханскiй житель Сергѣй Богдановъ. Онъ донесъ главнокомандующему, что Шейхъ-Али-ханъ

[1]) См. рукопись Буткова, хранящуюся въ библiотекѣ Академiи Наукъ, № 51, стр. 103.

получилъ значительную помощь отъ хамбутая казыкумухскаго, съ которымъ, видѣвшись 21-го числа, оба союзника положили собрать до 3,000 войска, пройти черезъ табасаранскія и каракайдакскія ущелья и напасть на отрядъ Савельева съ тыла. Въ тотъ же день извѣстіе это подтверждено было и генералъ-маіоромъ Савельевымъ, который доносилъ, что бывшіе при его отрядѣ дагестанцы, смутившись этою вѣстью, оставили его отрядъ и возвратились въ свои дома. Враждебное намѣреніе Шейхъ-Али-хана заставило графа Зубова поторопиться соединеніемъ съ отрядомъ генералъ-маіора Савельева.

Сдѣлавъ два перехода, войска каспійскаго корпуса 27-го апрѣля достигли рѣки Урусай-булакъ. Переходъ отъ рѣки Маняса до этой послѣдней рѣчки былъ особенно затруднителенъ. То поднимаясь почти на отвѣсныя скалы, то спускаясь въ глубокія ущелья и слѣдуя по излучистому и узкому дну ихъ, войска тянулись длинною вереницею, на нѣсколько верстъ. Артиллерія и огромное число повозокъ еще болѣе затрудняли движеніе; выпрягая лошадей и воловъ, солдаты перетаскивали орудія и фуры на себѣ, то спуская, то поднимая ихъ въ гору. Въ двѣнадцать часовъ времени отрядъ прошелъ 29 верстъ и остановился лагеремъ у рѣчки Урусай-булакъ. Сюда прибыли съ изъявленіемъ своей покорности братъ уцмія каракайдакскаго и сынъ кадія табасаранскаго. Депутаты передали графу Зубову письма ихъ владѣльцевъ, въ которыхъ послѣдніе высказывали преданность Россіи и готовность на всѣ услуги.

Въ разговорѣ съ посланными главнокомандующій узналъ, что черезъ земли ихъ есть такія дороги, по которымъ, хотя и съ трудомъ, войска могутъ двигаться и подойти къ Дербенту съ противоположной южной стороны. Графъ Зубовъ тотчасъ же воспользовался этимъ указаніемъ и отправилъ съ депутатами капитана Симоновича, поручивъ ему сдѣлать самую тщательную рекогносцировку этихъ дорогъ.

Симоновичъ донесъ, что хотя дороги эти неудобны и весьма затруднительны для движенія, но все-таки не могутъ считаться непроходимыми. Тогда графъ Зубовъ предписалъ генералъ-маіору Булгакову присоединить къ своей бригадѣ двѣ роты гренадеровъ

Владимірскаго полка, полки Астраханскій и Таганрогскій драгунскіе, всѣхъ хоперскихъ и семейныхъ казаковъ, шесть орудій полевой артиллеріи [1]), съ необходимымъ числомъ инженерныхъ чиновъ, и, обезпечивъ себя провіантомъ на 20 дней, слѣдовать къ Дербенту по указанію капитана Симоновича.

Для большей увѣренности въ безопасности движенія, Булгакову поручено было взять съ собою брата уцмія каракайдакскаго и сына кадія табасаранскаго, съ нѣсколькими человѣками приближенныхъ имъ людей, а подойдя къ Дербенту, рекогносцировать крѣпость и на выгодныхъ позиціяхъ построить батареи.

Предполагая подойти къ Дербенту не позже 2-го мая, графъ Зубовъ просилъ Булгакова, чтобы онъ поспѣшилъ своимъ движеніемъ, и могъ въ тотъ же день обложить городъ съ противоположной стороны. Съ этою цѣлью, для облегченія движенія, ему приказано было взять съ собою только самое необходимое число повозокъ обоза, а остальныя оставить при главныхъ силахъ и передать въ распоряженіе вагенмейстера. Отряду Булгакова приходилось слѣдовать окольнымъ путемъ, и потому, доносилъ графъ Зубовъ [2]): «я размѣрю марши на тотъ конецъ, чтобъ одновременно обложить стѣны и изъ шестидесяти орудій возвѣстить непріятелю о нашемъ прибытіи. Таковымъ маневромъ надѣюсь привести непріятеля въ крайній ужасъ и великую изъ того для себя предусматриваю пользу, ибо слабѣйшія крѣпости мѣста намъ будутъ открыты, и на оныя незапно направится пораженіе.»

Зная о приближеніи русскихъ войскъ къ Дербенту и не довольствуясь помощью одного Сурхай-хана казыкумухскаго, Шейхъ-Али-ханъ просилъ содѣйствія Омаръ-хана аварскаго, обѣщая выдать за него свою сестру, долго несоглашавшуюся быть его женою, и, наконецъ, рѣшился обратиться съ просьбою о помощи къ турецкому правительству. Снабдивъ своего посланнаго подарками, на сумму до 30,000 руб. и 10,000 рублями денегъ, Шейхъ-Али-ханъ отправилъ его черезъ Эрзерумъ въ Константинополь.

Въ письмѣ своемъ, адресованномъ къ министрамъ Порты Отоманской, дербентскій ханъ писалъ, что не только онъ, но и весь

[1]) Двѣ 12-ти-фунтовыя и четыре 6-ти-фунтовыя пушки.
[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 29-го апрѣля.

родъ его всегда были преданы турецкому правительству и считали себя слугами повелителя правовѣрныхъ, къ которому теперь и обращается съ просьбою о защитѣ противъ невѣрныхъ русскихъ.

«По причинѣ опустошенія Грузіи, говорилъ ханъ [1]), и плѣненія ея жителей войсками Аги-Магометъ-хана, презрѣнная русская нація отправила, въ отмщеніе за Грузію, нечестивую свою рать на Дербентъ, всегда служившій воротами въ Персію и крѣпкою преградою между правовѣрными и невѣрными. Они хотятъ овладѣть городомъ, построеннымъ Александромъ Великимъ, и полонить его жителей, взамѣнъ взятыхъ въ Грузіи, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ въ рабство въ нечестивую русскую землю и продавать ихъ тамъ на улицахъ и въ церквахъ (?). Съ этою именно цѣлью невѣрные стали лагеремъ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ города и вотъ уже три мѣсяца, какъ бросаютъ бомбы и жгутъ его. Я, возсылающій постоянныя мольбы за могущество турецкой Имперіи и въ надеждѣ на милосердіе Всевышняго и на покровительство его величества—прибѣжище вѣрныхъ—укрѣпилъ стѣны этой крѣпости и согласно изреченію: «*Богъ помогаетъ обороняющимся*», стараюсь отбиваться отъ нечестивыхъ. При появленіи русскихъ, я посылалъ просить помощи у Аги-Магометъ-хана и онъ обѣщалъ мнѣ прислать ее. Но вскорѣ я узналъ, что Ага-Магометъ углубился внутрь своихъ владѣній, и причина столь быстраго движенія осталась мнѣ неизвѣстною.

«Русскіе подкупили и успѣли склонить на свою сторону шамхала тарковскаго, уцмія каракайдакскаго и кадія табасаранскаго; они старались подкупить и меня, чтобы я покорился, но я не хотѣлъ продавать свою честь за деньги и отказался имъ покориться. Владѣльцы Дагестана ослабѣли въ вѣрѣ мусульманской и соединились съ невѣрными; но пока Богу неугодно будетъ отдѣлить мою душу отъ тѣла, я не покорюсь имъ. Если тѣнь милосердія его величества—прибѣжища мусульманъ—не распространится на обитателей этой страны, то не будетъ возможности защищать границъ правовѣрныхъ. Я, который всегда желаю благоденствія им-

[1]) Мы приводимъ здѣсь сущность весьма длиннаго письма, переполненнаго восточнымъ краснорѣчіемъ.

періи отомановъ, прошу нынѣ покровительства его величества, подобно тому, какъ древніе персы просили у Александра Македонскаго противъ скифовъ, прошу и умоляю, чтобы министры великаго императора простерли тѣнь ихъ покровительства на жителей этой страны и прислали отрядъ побѣдоносныхъ войскъ, дабы скорый приходъ ихъ помогъ мнѣ, возсылающему молитвы за славу могущественной имперіи, освободиться отъ непріятеля. Если же, по причинѣ большаго разстоянія, не будетъ возможно прислать мнѣ войскъ, то прислать нѣсколько повелѣній за императорскою печатью на имя владѣльцевъ Дагестана съ нѣсколькими сановниками и съ деньгами, дабы я могъ, по пословицѣ: «подарки плѣняютъ людей», отклонить ихъ къ русскимъ и тѣмъ освободиться отъ тиранства презрѣнной націи.»

Порта оставила просьбу эту безъ всякаго отвѣта, и Шейхъ-Али-хану пришлось возложить всю свою надежду на дагестанскихъ союзниковъ.

Въ ожиданіи прибытія ихъ войскъ, дербентскій ханъ усиливалъ крѣпость, заваливалъ излишнія ворота и строилъ каменную башню, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была насыпана Савельевымъ батарея, противъ воротъ города, у за̀мка Нарынъ-Кале [1]).

Въ Дербентѣ существовало въ то время двѣ партіи, враждебныя другъ другу. Одна, состоявшая изъ жителей города, не желая подвергать опасности свои семейства, требовала покорности русскимъ; другая, состоявшая изъ пришельцевъ отъ разныхъ горскихъ народовъ, требовала защиты и отстаиванія своей независимости.

Получивъ свѣдѣніе, что въ Дербентѣ происходитъ борьба партій, графъ Зубовъ, тотчасъ же по соединеніи на р. Дарбахѣ съ отрядомъ Савельева, отправилъ въ городъ своего посланнаго съ прокламаціею къ Шейхъ-Али-хану и всѣмъ жителямъ.

«Отъ ея императорскаго величества Самодержицы Всероссійской, писалъ онъ въ своемъ воззваніи, на разрушеніе силъ хищника Аги-Магометъ-хана, посланный съ многочисленнымъ воинствомъ генералъ-поручикъ графъ Зубовъ симъ извѣщаетъ, что не имѣетъ

---

[1]) Рапортъ генерала Савельева графу Зубову 25-го апрѣля, № 241.

ни повелѣнія, ни желанія вредить такимъ, кои не отваживаются подымать оружія противъ побѣдоносныхъ ея императорскаго величества войскъ, но паче священнымъ именемъ ея императорскаго Величества обѣщаетъ сильное свое покровительство, личную и имущественную безопасность всѣмъ спокойнымъ и благонамѣреннымъ обитателямъ. Вслѣдствіе сего, объявляя свое расположеніе, предлагаетъ дербентскому народу обмыслить, что, не имѣя причины ко враждѣ и не долженствуя имѣть никакой отъ россіянъ опасности, не надлежитъ жертвовать напрасно кровію людей. Высокостепенный ханъ обязанъ войти въ состояніе своихъ подданныхъ, за что они съ россіянами, кои никогда ихъ непріятели не были, будутъ сражаться? Они обязаны сберечь женъ своихъ и дѣтей и не внимать буйному гласу освирѣпѣвшихъ наемниковъ, которые жизнь свою оцѣнили и продали яко отчаянные, но и сихъ увѣщевать должно, чтобы возвратились во-свояси, ибо будутъ отпущены и всѣ останутся спокойны, если крѣпость для войскъ россійскихъ будетъ отворена.»

Прокламація эта не имѣла успѣха, и отрядъ графа Зубова, 2-го мая, подошелъ къ Дербенту. Версты за четыре отъ города, передовые наши казачьи разъѣзды были встрѣчены огнемъ дербентскихъ наѣздниковъ и стрѣлковъ, засѣвшихъ по горамъ и оврагамъ. Перестрѣлка эта продолжалась болѣе трехъ часовъ, до тѣхъ поръ, пока спѣшившіеся гребенскіе и волгскіе казаки и разсыпанный въ цѣпь третій баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса не вытѣснили непріятеля изъ засадъ и не принудили его, отступивши въ крѣпость, въ ней запереться.

Войска подошли къ городу и расположились по высотамъ его окружающимъ [1]).

Дербентская крѣпость раздѣлялась на три части: первая или *верхняя*, почти примыкавшая къ горамъ, состояла изъ весьма укрѣпленнаго природою и искусствомъ замка Нарынъ-Кале; вторая, собственно Дербентомъ называемая, состояла изъ стѣны, окружавшей жилой городъ и, наконецъ, третья часть, ближайшая къ морю, и извѣстная подъ именемъ *Дубари*, хотя и была окружена стѣ-

[1]) См. прилагаемый при семъ планъ осады Дербента.

Лит. П. Я. Иванова, Петербург. ст. Бармалеева ул. д. №35.

Черт. Н. Кононовъ.

ною, но не заселена жителями. Эта часть отдѣлялась отъ жилаго города поперечною стѣною и служила мѣстомъ, гдѣ дербентцы содержали свой скотъ. Населенная часть города была окружена непрерывною стѣною, сложенною изъ дикаго камня, до семи саженъ высотою. Постепенно суживаясь кверху, стѣна эта имѣла въ своемъ основанiи или фундаментѣ до двухъ саженъ толщины, оканчивалась зубцами и была усѣяна цѣлымъ рядомъ башенъ, число которыхъ доходило до восьмидесяти: десять большихъ, десять среднихъ, а остальныя малыя. Впереди стѣны, на западной оконечности города, саженяхъ въ шестидесяти отъ него, была устроена башня, именно съ той стороны, откуда ожидалось прибытiе русскихъ войскъ. Крѣпостныя стѣны были вооружены пушками и нѣсколькими фалконетами, для которыхъ жители ежедневно приготовляли заряды и выдѣлывали порохъ. Защитники болѣе всего опасались ночнаго нападенiя и потому всю ночь проводили на стѣнахъ, а днемъ спали. Оборона распредѣлялась такимъ образомъ: всѣ большiя башни имѣли гарнизона до 100 человѣкъ, среднiя — 50, а малыя—отъ 15 до 20 человѣкъ; въ интервалахъ между башнями, вдоль крѣпостной стѣны, разставлялась частая цѣпь, и затѣмъ всѣ остальные защитники располагались въ городѣ близъ стѣнъ.

Осмотрѣвъ городъ и произведя рекогносцировку окружающей его мѣстности, графъ Зубовъ видѣлъ, что прежде всего необходимо овладѣть передовою башнею, которая, прикрывая большую часть стѣнъ, препятствовала не только устройству батарей, но и сообщенiю между войсками. Онъ приказалъ тотчасъ же открыть огонь изъ нѣсколькихъ орудiй по разнымъ частямъ города, и направить выстрѣлы одной двѣнадцатифунтовой пушки исключительно противъ башни. Выпущенныя четыре ядра не произвели никакого дѣйствiя на ея стѣны, и потому огонь былъ прекращенъ. Видя, что огонь нашей артиллерiи противъ башни недѣйствителенъ и предполагая, что внутри ея можетъ помѣститься не болѣе семидесяти человѣкъ гарнизона, графъ Зубовъ рѣшился овладѣть ею штурмомъ.

Съ этою цѣлью, въ ночь на 3-е мая, главнокомандующiй приказалъ баталiону Воронежскаго пѣхотнаго полка, съ двумя гренадерскими ротами того же полка, овладѣть башнею. Штурмъ этотъ

не удался; воронежцы подошли къ башнѣ, и, не имѣя лѣстницъ, могли только окружить, но не штурмовать ее [1]). Частый огонь непріятеля заставилъ скоро отказаться отъ овладѣнія башнею, оказавшеюся четырехъ ярусною и весьма крѣпкой кладки. Командовавшій баталіономъ, полковникъ Кривцовъ, и почти всѣ офицеры были переранены, и потому генералъ Римскій-Корсаковъ, распоряжавшійся штурмомъ, приказалъ воронежцамъ отступить. Баталіонъ отошелъ на прежнюю свою позицію, потерявъ 25 человѣкъ убитыми и 72 ранеными. Въ тотъ же день графъ Зубовъ приказалъ заложить батарею на четыре орудія для дѣйствія противъ внѣшнихъ башенъ, расположенныхъ по сѣверную сторону замка Нарынъ-Кале. Съ своей стороны, непріятель подвелъ въ прикрытіе передовой башни около 500 человѣкъ гарнизона, который и расположился во рву между стѣною и башнею.

Во все это время объ отрядѣ Булгакова не было еще никакихъ извѣстій. Предполагая, что трудность пути была причиною его замедленія, графъ Зубовъ послалъ нарочнаго черезъ табасаранскія горы съ приказаніемъ, чтобы Булгаковъ поспѣшилъ къ городу и, подходя къ нему, занялъ находящееся вблизи Дербента старое укрѣпленіе и вошелъ въ сношеніе съ главнымъ отрядомъ.

Булгакову пришлось пройти слишкомъ восемьдесятъ верстъ и въ томъ числѣ двадцать весьма трудною дорогою. Кадій табасаранскій самъ сопровождалъ отрядъ черезъ всѣ свои владѣнія, ежеминутно выпрашивалъ себѣ разные подарки и съ особымъ удовольствіемъ слушалъ музыку и полковыхъ пѣсенниковъ. Постоянное пребываніе кадія табасаранскаго въ нашемъ лагерѣ не помѣшало брату его сообщить Шейхъ-Али-хану, что русскихъ войскъ не болѣе 8,000 человѣкъ. Такъ полагалъ онъ, видя только одинъ отрядъ Булгакова, но дербентцы, послѣ обложенія крѣпости, считали русскихъ войскъ не менѣе 20,000 человѣкъ.

1-го мая Булгаковъ сталъ подыматься близъ селенія Дарбахъ на главный табасаранскій хребетъ по весьма узкой тропинкѣ, просѣченной въ дремучемъ лѣсу, гдѣ могла пройти только одна фура.

---

[1]) Срав. съ статьею «Историческое извѣстіе о походѣ россійскихъ войскъ въ 1796 г. и проч.» Отечествен. Записки 1827 г. часть 31, стр. 145.

Трехверстный подъемъ былъ столь крутъ, что слѣдованіе артиллеріи и обоза было весьма затруднительно, такъ что до половины дня могли переправить черезъ гору только одинъ баталіонъ пѣхоты и казаковъ съ ихъ обозами. Почти всѣ люди и верховыя лошади были употреблены въ помощь упряжнымъ. Къ довершенію затрудненій, послѣ полудня, пошелъ дождь, продолжавшійся до слѣдующаго утра. Глинистая почва горы распустилась и сдѣлалась на столько скользкою, что въ помощь шести лошадямъ, запряженнымъ въ 12-ти-фунтовое орудіе, принуждены были посылать до 200 человѣкъ солдатъ, но и тѣ едва могли сдвинуть орудіе съ мѣста.

Только въ одиннадцать часовъ утра 2-го мая отрядъ Булгакова могъ подняться на гору. Здѣсь рѣшено было, для ускоренія движенія, оставить обозы подъ прикрытіемъ двухъ гренадерскихъ ротъ и идти налегкѣ. Отрядъ спустился съ горы, прошелъ сквозь тѣсное и глубокое ущелье, по дну котораго протекала рѣчка, и ночью 2-го мая вышелъ на долину Девечумагатанъ, гдѣ начинались владѣнія хана дербентскаго.

Оставивъ далеко позади себя обозы, войска принуждены были провести ночь безъ палатокъ. Проливной дождь все еще не прекращался; вода горной рѣчки, быстро возвышаясь, вышла изъ береговъ и въ нѣсколько часовъ наводнила всю окрестность. За неимѣніемъ мѣста, люди всю ночь простояли въ водѣ, не смыкая глазъ и не имѣя возможности отдохнуть. Только ясное и теплое утро 3-го мая дало возможность солдатамъ обогрѣться и обсушиться. Въ одиннадцать часовъ утра Булгаковъ выступилъ далѣе и въ часъ пополуночи подошелъ къ Дербенту.

На послѣднемъ переходѣ, отряженная имъ впередъ казачья сотня захватила въ плѣнъ пять человѣкъ армянъ и одного персіянина, а вслѣдъ затѣмъ была встрѣчена выстрѣлами непріятеля, вышедшаго изъ города въ числѣ до 500 человѣкъ. Для поддержанія сотни, Булгаковъ отправилъ сначала бывшихъ при его отрядѣ остальныхъ казаковъ, а затѣмъ и оба драгунскіе полка. Часть драгунъ, спѣшившись, стала тѣснить персіянъ съ фланга въ то время, когда казаки атаковали ихъ съ фронта. Дербентцы

отступали къ крѣпости и, столпившись у воротъ ея, были разсѣяны выстрѣлами выдвинутыхъ впередъ полевыхъ орудій.

Съ отступленіемъ непріятеля, Булгаковъ протянулъ цѣпь съ одной стороны до самаго моря, а съ другой — до соединенія съ цѣпью отряда графа Зубова.

Такимъ образомъ, Дербентъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ и ни жителямъ не было возможности выбраться изъ города, ни союзникамъ Шейхъ-Али-хана оказать ему помощь. Будучи отрѣзаны со всѣхъ сторонъ, дербентцы пытались устроить сообщеніе моремъ, но и это имъ не удалось, такъ какъ отправленная ими лодка, съ нѣсколькими вооруженными людьми, была захвачена нашими казаками, лишь только стала причаливать къ берегу. Посланные не ожидали, чтобы русскіе посылали свои разъѣзды такъ далеко отъ города, и потому, высаживаясь, считали себя внѣ всякой опасности. Выбравшись на берегъ, они должны были разойтись по разнымъ дорогамъ, и спѣшить къ хану бакинскому, хамбутаю казыкумухскому и другимъ владѣльцамъ Дагестана съ просьбою о помощи и съ извѣстіемъ о первой побѣдѣ надъ русскими.

Шейхъ-Али-ханъ писалъ имъ: «что войско беззаконныхъ городъ Дербентъ совсѣмъ окружило и въ одну ночь сдѣлало приступъ къ новой нашей батареѣ съ тысячью человѣкъ лучшихъ воиновъ, но при помощи Божіей, много мы изъ нихъ побили; послѣ же сего, хотя и стрѣляютъ они въ городъ, но ни мало тѣмъ не вредятъ».

Посланные показали, что въ городѣ считается 2,500 домовъ, въ томъ числѣ до шестидесяти армянскихъ, что Шейхъ-Али-ханъ можетъ располагать 10,000 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями; что въ числѣ защитниковъ находится 400 конныхъ казыкумухскихъ жителей, отъ 1,200 до 1,300 человѣкъ кубинцевъ, до 90 человѣкъ каракайдаковъ, 800 акушинцевъ и до 900 человѣкъ отъ разныхъ горскихъ мелкихъ племенъ. Плѣнные говорили, что если Шейхъ-Али-ханъ, выказавши свое нерасположеніе къ Россіи, рѣшился защищаться, то причиною тому былъ Ага-Магометъ-ханъ, обнадежившій его своею помощью.

— Какъ только русскіе приблизятся къ Дербенту, говорилъ Ага-Магометъ, я подамъ тебѣ скорую помощь.

Властитель Персіи хвалился численностію своихъ войскъ и тѣмъ, что не только не боится русскихъ, но что самъ скоро пойдетъ на Кизляръ. Большая часть владѣльцевъ Дагестана и ханы приморскихъ провинцій вѣрили этому и, полагая, что у Аги-Магометъ-хана не менѣе 100,000 войска, были убѣждены, что русскіе не совладаютъ съ нимъ.

Подобно другимъ, положившись на обѣщанія властителя Персіи, Шейхъ-Али-ханъ скоро долженъ былъ раскаяться въ своей довѣрчивости. Русскіе были у стѣнъ его города, а о помощи персіянъ не было и рѣчи. Ага-Магометъ ушелъ самъ въ Персію и, какъ мы видѣли, обѣщалъ помочь тогда, когда отдохнутъ его войска. Оставшись при одномъ обѣщаніи, Шейхъ-Али-ханъ дѣятельно готовился въ оборонѣ, успѣлъ сдѣлать значительный запасъ продовольствія [1]), но скотъ былъ весьма стѣсненъ, такъ какъ весь былъ загнанъ въ необитаемую часть города, ближе къ морю.

Въ ночь съ 6-го на 7-е мая была построена нами вторая брешь-батарея на три орудія. Въ семь часовъ утра, батарея эта, вооруженная 12-ти-фунтовыми пушками, открыла огонь противъ передовой башни, но, послѣ восьмидесяти выстрѣловъ, оказалось, что на башнѣ были сбиты только одни зубцы и то не до самыхъ стѣнъ, оставшихся невредимыми. Заложить траншею противъ башни не представлялось никакой возможности по каменистости грунта; слѣдовательно, для овладѣнія ею было единственное средство—штурмъ.

Въ составъ штурмующей колонны назначены были тѣ-же двѣ гренадерскія роты Воронежскаго полка и третій баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса. Въ девять съ половиною часовъ утра, 7-го мая, графъ Зубовъ приказалъ гренадерамъ штурмовать башню въ своемъ присутствіи и въ виду непріятеля, унизавшаго всѣ стѣны города [2]).

— Ты насъ увидишь! говорили гренадеры, обращаясь къ кургану, на которомъ стоялъ главнокомандующій, и съ крикомъ «ура!» бросились къ укрѣпленіямъ.

---

[1]) Во все время осады на рынкѣ платили за полпуда пшеничной муки не дороже 1 руб. 20 коп.

[2]) Срав. «Отечествен. Записки» 1827 г., ч. 31, стр. 147.

Не обращая вниманія на огонь непріятеля, воронежцы быстро окружили башню и, спустя нѣсколько секундъ, поручикъ Чекрыжевъ съ нѣсколькими нижними чинами былъ уже на башнѣ. Тамъ завязалось горячее дѣло: одни кололи засѣвшаго въ башнѣ непріятеля, другіе ломали перемостки, желая пробраться въ средній и нижній этажи. Штыками, камнями и всѣмъ, что попадало подъ руку, ломали воронежцы перемостки до тѣхъ поръ, пока не обрушились на головы засѣвшихъ въ среднемъ и нижнемъ этажахъ и не перекололи ихъ.

Пока гренадеры работали въ башнѣ, баталіонъ егерей атаковалъ прикрытіе, вогналъ его въ крѣпость, и около полудня башня была въ нашихъ рукахъ, не смотря на отчаянную храбрость ея защитниковъ.

Паденіе башни не умалило рѣшимости Шейхъ-Али-хана защищаться. Онъ все еще надѣялся на помощь дагестанцевъ, подъ клятвою обѣщавшихъ оказать ему свое содѣйствіе. И дѣйствительно, многіе изъ тѣхъ владѣльцевъ, которые предлагали свои услуги графу Зубову, втайнѣ собирали войска на помощь Шейхъ-Али-хану. Скопища ихъ появлялись въ разныхъ мѣстахъ, желая проникнуть въ Дербентъ, но, находя всѣ пути прегражденными, не смѣли нападать на русскія войска. Только одна ихъ такихъ партій напала на обозъ генерала Булгакова.

Слѣдуя за отрядомъ и придя въ урочище Девечумагатанъ, обозъ остановился здѣсь и далѣе двигаться не могъ. Отъ трудной дороги многія повозки сломались; волы изнурились и падали. Имѣя надобность пополнить запасъ продовольствія, Булгаковъ отправилъ, 8-го мая, отъ всѣхъ баталіоновъ провіантскія фуры, съ приказаніемъ взять провіантъ на шесть дней. На каждой изъ отправленныхъ фуръ было посажено по два человѣка вооруженныхъ солдатъ, и приказано имъ слѣдовать всѣмъ вмѣстѣ, но, по недосмотру, 12 фуръ, ушедшія впередъ, версты за двѣ, были атакованы партіею казыкумухцевъ, и часть изъ нихъ захвачена въ плѣнъ. Кадій табасаранскій хотя и преслѣдовалъ хищниковъ, но безъ успѣха. Случай этотъ заставилъ Булгакова поспѣшить присоединеніемъ къ себѣ всего транспорта, который, въ тотъ же день,

и былъ препровожденъ въ лагерь, подъ прикрытіемъ болѣе сильнаго конвоя.

«Я, обложивъ непріятельскій городъ, доносилъ графъ Зубовъ, есмь теперь взаимно какъ бы окруженъ непріятелями. За всѣмъ симъ, Всемилостивѣйшая Государыня, буде по теперешнему моему положенію и долженствую содержать денно и ночно въ сугубомъ напряженіи воинскую въ станахъ осторожность, но при порядкѣ, который, впрочемъ, не токмо не изнуряетъ солдатъ, но еще придаетъ имъ бодрости и духа, твердо уповаю разрушить всѣ злоумышленія противниковъ волѣ вашего величества и наказать ихъ одного за другимъ.»

Паденіе передовой башни дозволило намъ, спустившись съ каменистыхъ высотъ, заложить траншеи въ весьма близкомъ разстояніи отъ города. Желая воспользоваться впечатлѣніемъ, которое произвело это паденіе на жителей Дербента, во множествѣ высыпавшихъ на стѣны города и слѣдившихъ за штурмомъ, графъ Зубовъ приказалъ приготовить къ вечеру того же дня все необходимое для заложенія траншей. Къ закату солнца все было готово и, по осмотрѣ мѣстности, рѣшено вести подступы противъ зàмка Нарынъ-Кале, какъ командующаго надъ всѣмъ жилымъ городомъ.

Хотя графъ Зубовъ, не имѣя вовсе осадной артиллеріи, и сознавалъ, что твердость стѣны можетъ долго противостоять 12-тифунтовымъ пушкамъ,—наибольшему калибру у него бывшему,—но надѣялся постепеннымъ приближеніемъ батарей къ городу и сокращеніемъ дальности выстрѣловъ овладѣть Дербентомъ.

Къ разсвѣту 8-го мая траншея была окончена и построены двѣ брешь-батареи: одна на пять, другая—на шесть 12-ти-фунтовыхъ пушекъ; послѣдняя была расположена въ сорока саженяхъ отъ крѣпостной стѣны. Съ самаго ранняго утра этого дня было открыто бомбардированіе Дербента, но, не смотря на усиленный огонь, намъ не удалось произвести ни одного пожара въ городѣ, гдѣ всѣ дома были каменные, безъ признаковъ дерева и весьма прочной постройки. Имѣя стѣны толщиною отъ полутора до двухъ аршинъ, каждый домъ представлялъ собою видъ укрѣпленнаго зàмка, взять который можно было не иначе, какъ штурмомъ. При узкости улицъ, присущей всѣмъ азіятскимъ го-

родамъ, такой штурмъ оказывался весьма затруднительнымъ для атакующаго и, наоборотъ, представлялъ всѣ выгоды для обороняющагося. Засѣвъ въ своихъ домахъ и имѣя значительный запасъ продовольствія, дербентцы, при единодушіи, могли обороняться упорно и долго, но среди ихъ, какъ извѣстно, существовало двѣ партіи: одна, требовавшая мира и покорности, другая— сопротивленія и защиты крѣпости. Естественно, что туземное населеніе, по своей многочисленности, имѣло перевѣсъ надъ пришельцами и требовало, чтобы ханъ сдалъ крѣпость. Опасаясь долгимъ сопротивленіемъ возстановить противъ себя жителей, Шейхъ-Али-ханъ, на другой день послѣ открытія бомбардированія, отправилъ въ русскій лагерь для переговоровъ одного муллу, изъ числа лицъ, наиболѣе ему преданныхъ.

Вечеромъ, 9-го мая, мулла вышелъ изъ крѣпости и явился въ лагерь Булгакова. Онъ просилъ, чтобы русскіе отправили къ Шейхъ-Али-хану одного изъ довѣренныхъ лицъ, знающаго ихъ языкъ, для переговоровъ съ ханомъ. На донесеніе Булгакова главнокомандующему о прибытіи муллы, графъ Зубовъ приказалъ отпустить муллу обратно въ крѣпость, подъ предлогомъ того, что ему придется долго ждать отвѣта главнокомандующаго, и что на слѣдующій день Шейхъ-Али-ханъ можетъ отправить своего посланнаго прямо къ графу Зубову.

Присылка муллы была весьма важнымъ происшествіемъ этого дня: становилось яснымъ, что жители города не намѣрены долго противиться нашимъ усиліямъ, и что они сдадутъ крѣпость при первомъ удобномъ случаѣ. Намѣреніе Шейхъ-Али покориться было тѣмъ болѣе важно, что, не смотря на учащенный огонь нашихъ брешь-батарей, имъ не удавалось сдѣлать пролома ни въ башнѣ, ни въ прилежащей къ ней стѣнѣ.

Заручившись желаніемъ хана покориться, графъ Зубовъ приказалъ на слѣдующее утро, 10-го мая, открыть самый усиленный огонь, продолжавшійся до двухъ часовъ пополудни, т. е. до тѣхъ поръ, пока намъ не удалось сдѣлать въ башнѣ брешь.

Башня рушилась «и черезъ образовавшійся проломъ, доносилъ Зубовъ [1]), блеснуло въ очи непріятелю побѣдоносное ору-

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 15-го мая 1796 года.

жіе Вашего Императорскаго Величества, приготовленными къ штурмованію зàмка воинами носимое».

Въ городѣ замѣтно было всеобщее волненіе, продолжавшееся около четверти часа, но вслѣдъ затѣмъ все успокоилось, и крѣпостныя ворота растворились настежь. Изъ крѣпости хлынула толпа народа, во главѣ которой шли старшины и представители разныхъ народовъ, пришедшихъ на помощь къ Шейхъ-Али-хану. Подойдя къ нашимъ войскамъ, вся толпа стала на колѣни и изъ среды ея отдѣлился едва движущійся стодвадцатилѣтній старецъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ серебряные ключи Дербента, тотъ самый старецъ, который за семьдесятъ четыре года передъ симъ подносилъ ключи Императору Петру Великому. «Оруженосецъ Екатерины II, писалъ графъ Зубовъ [1]), тѣ же ключи, отъ того же старца, принялъ 10-го мая 1796 года.»

Вслѣдъ затѣмъ и Шейхъ-Али-ханъ, въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ и съ повѣшенною на шею саблею, пріѣхалъ въ русскій лагерь. Не принявъ хана, графъ Зубовъ приказалъ помѣстить его въ большомъ шатрѣ и послалъ сказать его сестрѣ, Периджи-ханумъ, чтобы она не безпокоилась о своей участи и спокойно оставалась въ своемъ городскомъ домѣ. Периджи отвѣчала, что она, какъ старшая сестра хана, имѣвшая участіе въ дербентскомъ владѣніи, должна также раздѣлить участь брата, и сама, закутанная покрываломъ, явилась верхомъ въ русскій лагерь. Она была помѣщена въ одномъ шатрѣ съ братомъ, но на слѣдующій день возвратилась въ городъ.

«Крѣпость войсками Вашего Императорскаго Величества занята, доносилъ графъ Зубовъ. Ханъ, съ саблею на выѣ, въ знакъ, по ихъ обычаю, признанія преступленія и повиновенія безъ изъятія, предсталъ мнѣ съ своими чиновниками и содержится въ станѣ моемъ. Гарнизонъ обезоруженъ. Я даровалъ всѣмъ жизнь, да лобызаютъ мысленно, съ благоговѣйнымъ ужасомъ и любовію побѣждающую и вмѣстѣ всѣхъ милующую десницу Вашу.»

Овладѣніе Дербентомъ стоилъ намъ 3 офицеровъ и 47 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и 8 офицеровъ и 160 чело-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 10-го мая 1796 года.

вѣкъ нижнихъ чиновъ ранеными. Крѣпость была занята четырьмя съ половиною баталіонами, подъ начальствомъ генералъ-маіора Савельева [1]); жители успокоены обѣщаніемъ графа Зубова ходатайствовать о всеобщемъ ихъ прощеніи. Войска вступили въ городъ съ распущенными знаменами и музыкою, при огромномъ стеченіи народа, собиравшагося на улицахъ и на крышахъ домовъ. Побѣдителямъ досталось 16 годныхъ орудій, 13 подбитыхъ, 5 знаменъ и 11,000 штукъ оружія, отобраннаго у населенія.

Узнавъ изъ донесенія Савельева, что въ городѣ находится до девяносто трехъ армянскихъ семействъ, и что христіанское исповѣданіе было въ большомъ порабощеніи, графъ Зубовъ почелъ первымъ долгомъ обезпечить имъ свободное отправленіе «святой религіи», чтобы тѣмъ расположить къ себѣ всѣхъ христіанъ, ощущающихъ иго магометанъ и приготовить, ихъ къ объединенію всего христіанскаго населенія Закавказья [2]).

Императрица щедро наградила всѣхъ участниковъ похода.

«Съ особливою благодарностію, писала она [3]), получили мы донесеніе ваше о покореніи побѣдоносными войсками нашими, подъ вашимъ предводительствомъ, города Дербента. Пріобрѣтеніе сей важной крѣпости, обезпечивая совершенно предѣлы наши, подаетъ сугубыя возможности держать горскіе народы въ вящшемъ обузданіи и, открывая врата въ Персію, долженствуетъ возъимѣть на послѣдующіе успѣхи дѣлъ, вамъ порученныхъ, весьма полезное вліяніе. Вслѣдствіе чего, отдавая полную справедливость вашимъ благоразумнымъ и искуснымъ распоряженіямъ, какъ въ пріобрѣтеніи помянутаго города, такъ и въ провожденіи войскъ, вамъ ввѣренныхъ, чрезъ толь дальній и трудный путь, не токмо безъ всякой утраты, но и безъ изнуренія, и похваляя дѣятельную подвижность предводимаго вами храбраго воинства, восхотѣли мы ознаменовать наше монаршее благоволеніе, какъ къ предводителю ихъ, такъ и ко всѣмъ тѣмъ, кои, по засвидѣтельствованію вашему, оказали себя достойными награды.»

---

[1]) Казанскій мушкетерскій, 4-й егерскій, Московскій мушкетерскій, сводно-гренадерскій баталіоны и двѣ роты 3-го егерскаго баталіона.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 15-го мая 1796 года.

[3]) Въ рескриптѣ отъ 3-го іюня 1796 года.

Графъ Зубовъ получилъ за взятіе Дербента орденъ св. Георгія 2-й степени, крестъ и звѣзду съ алмазами св. апостола Андрея Первозваннаго и алмазное перо. Генералы Булгаковъ, Савельевъ, Римскій-Корсаковъ и баронъ Беннингсенъ награждены орденомъ св. Анны, бригадиръ графъ Апраксинъ—орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Многимъ штабъ-офицерамъ пожалованы чины и ордена, а для награжденія оберъ-офицеровъ отправлено въ распоряженіе графа Зубова по шести крестовъ орденовъ св. Георгія и св. Владиміра четвертыхъ степеней; нижнимъ чинамъ приказано раздать по рублю на человѣка [1]).

На другой день, послѣ занятія Дербента, главнокомандующій извѣстилъ о томъ письмами царя Ираклія II и всѣхъ дагестанскихъ и персидскихъ владѣльцевъ, намъ преданныхъ, причемъ многимъ изъ нихъ выдалъ подарки. Такъ, кадій табасаранскій получилъ золотую табакерку въ 875 руб.; максютовскій владѣлецъ—золотую табакерку въ 275 руб.; три сына кадія табасаранскаго получили перстни, осыпанные брилліантами: первые два—въ 250 р.; а третій—въ 220 р.; тархалинскій владѣлецъ получилъ горностаевый мѣхъ въ 90 руб.

13-го мая графъ Зубовъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Дербентъ [2]). Въ сопровожденіи многочисленной свиты и разнообразнаго конвоя и при пушечной пальбѣ съ крѣпостныхъ стѣнъ, занятыхъ русскими войсками, главнокомандующій подъѣхалъ къ воротамъ города. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ армянскимъ архимандритомъ съ крестомъ и многочисленною толпою народа, впереди котораго находились старшины, поднесшіе ему хлѣбъ-соль. Осмотрѣвъ достопримѣчательности города, главнокомандующій проѣхалъ въ незаселенную часть его къ ставкѣ генералъ-маіора Савельева, близъ которой, въ нарочно устроенной для того походной церкви, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. По окончаніи молебна, графъ Зубовъ былъ угощаемъ Савельевымъ обѣденнымъ столомъ, послѣ котораго возвратился въ свой станъ, сопровождаемый радостными восклицаніями народа, «съ восторгомъ сыплющаго къ ногамъ его цвѣты» [3]).

---

[1]) Указы Императрицы графу Зубову 27-го мая, 3-го и 4-го іюня 1796 года.

[1]) Срав. «Отечественныя Записки» 1827 г., ч. 31, стр. 155.

[2]) Журналъ дѣйствій или поденная записка.

V.

Дѣятельность главнокомандующаго послѣ занятія Дербента. — Просьба его о присылкѣ подкрѣпленій. — Воззваніе Шейхъ-Али-хана къ жителямъ дербентскаго ханства. — Манифестъ Императрицы къ персидскому народу. — Движеніе каспійскаго корпуса къ Баку. — Переправа черезъ рѣку Самуръ. — Прибытіе транспортовъ съ провіантомъ. - Занятіе нашими войсками городовъ Кубы и Баку.—Бѣгство Шейхъ-Али-хана.

Послѣ занятія Дербента, каспійскій корпусъ оставался на мѣстѣ въ теченіе двухъ недѣль. Прежде чѣмъ двинуться впередъ, главнокомандующему необходимо было снабдить войска продовольствіемъ, обезпечить свой тылъ и устроить дѣла покореннаго ханства.

При выступленіи изъ Кизляра, отрядъ былъ обезпеченъ продовольствіемъ по 26-е іюня. Въ концѣ апрѣля Гудовичъ отправилъ вслѣдъ за отрядомъ 1,900 четвертей сухарей и 178 четвертей крупъ и при этомъ увѣдомлялъ графа Зубова, что остальной провіантъ, на три мѣсяца, будетъ доставленъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Трехмѣсячный запасъ продовольствія, составляя только путевое довольствіе войскъ до Баку, не обезпечивалъ ихъ даже и до этого пункта, потому что транспорты подвигались весьма медленно; волы изнурялись и падали. Снабженіе отряда продовольствіемъ при движеніи отъ Баку въ глубь Персіи должно было производиться моремъ изъ Астрахани, гдѣ, съ этою цѣлью, какъ мы видѣли, приказано было заготовить, на первый случай, 70,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ и 40,000 четвертей овса. Между тѣмъ, въ началѣ мая, въ Астрахань не было еще доставлено изъ внутреннихъ губерній ни одного зерна хлѣба, и даже не было извѣстно, когда онъ туда прибудетъ. Графъ Зубовъ опасался двинуться впередъ, разсчитывая, что, дойдя до Баку, можетъ остаться вовсе безъ продовольствія и въ такомъ невыгодномъ положеніи встрѣтиться съ войсками Аги-Магометъ-хана.

Послѣдній, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, хотя и отступилъ къ Тегерану, но, укрѣпляя свои прибрежныя провинціи отъ Гиляна

по восточному берегу Каспійскаго моря, располагалъ собрать войска и возвратиться опять къ рѣкѣ Араксу. Принужденный оставить гарнизоны въ Дербентѣ и Баку, и имѣя въ своемъ распоряженіи незначительныя силы, графъ Зубовъ не разсчитывалъ на возможность уничтожить противника и просилъ объ усиленіи его новыми войсками. Предположенное въ Петербургѣ одновременное дѣйствіе противъ Аги-Магометъ-хана со стороны Ганжи и береговъ Каспійскаго моря не могло имѣть мѣста, потому что кавказскій корпусъ не только еще не присоединился къ отряду графа Зубова, но едва собирался у Кизляра; возможность его продовольствія средствами Грузіи, какъ мы видѣли, была сомнительна. Измѣненіе плана, давая иной характеръ дѣйствіямъ, заботило графа Зубова и связывало ему руки.

«Зайдя въ Баку, писалъ онъ [1]), боюсь, чтобы не оставили меня безъ хлѣба. Также, съ нынѣшнимъ числомъ войскъ, а особливо безъ кавказскаго корпуса, нельзя тамъ, какъ бы хотѣлось, приняться за дѣло, потому что надобно занимать большую дистанцію и отдѣлять сильные отряды, которыхъ не можно отдѣлять, если главныя силы должны тѣмъ ослабиться. Малыя же части войскъ неминуемой подвержены опасности, какъ узналъ я по вшествіи въ Дагестанъ, ибо даже на самыя цѣпи мои наскакиваютъ разбойничьи партіи, которыя могутъ жить здѣсь въ той увѣренности, что, бывъ отъ лагеря въ пяти верстахъ, безопасны отъ поисковъ, и хотя бы открылись гдѣ, то ихъ выжить трудно.»

Въ двадцатыхъ числахъ мая главнокомандующій получилъ увѣдомленіе Гудовича, что съ Кавказской линіи отправлено къ нему еще нѣсколько транспортовъ съ продовольствіемъ; что, по разсчету, провіантъ этотъ долженъ обезпечить отрядъ по 16-е іюля, и что по 11-е мая доставлено въ Астрахань 4,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, которыя уже и отпущены на суда въ распоряженіе контръ-адмирала Федорова, для доставленія моремъ въ Дербентъ или въ Баку, куда назначено будетъ главнокомандующимъ.

«Я радъ и готовъ отъ всего сердца вамъ помогать, писалъ

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ князю П. А. Зубову отъ 15-го мая 1796 г.

при этомъ Гудовичъ графу Зубову [1]), и снабжать всѣмъ, что есть въ моей власти, но долженъ вамъ объяснить, что со стороны войскъ, а особливо пѣхоты, не въ состояніи я теперь сдѣлать вамъ прибавленіе важное.»

Хотя въ распоряженіе Гудовича и были отправлены изъ Россіи на Кавказскую линію новые полки, но ни одинъ изъ нихъ не прибылъ, кромѣ Павлоградскаго легкоконнаго полка, подходившаго въ то время къ Георгіевску. Поэтому Гудовичъ, желая исполнить обѣщаніе, данное Зубову, занять Дербентъ войсками, находившимися въ его распоряженіи, собралъ съ разныхъ мѣстъ 140 человѣкъ рядовыхъ [2]) и отправилъ ихъ въ Дербентъ, вмѣстѣ съ транспортомъ, состоявшимъ изъ 100 верблюдовъ и 50 фуръ, нагруженныхъ провіантомъ. Вскорѣ послѣ того онъ собралъ у Кизляра Павлоградскій полкъ, второй баталіонъ Кубанскаго егерскаго корпуса, Донской полкъ Кирѣева и шесть полевыхъ орудій, и, поручивъ командованіе ими генералъ-маіору князю Циціанову, приказалъ идти на соединеніе съ графомъ Зубовымъ [3]).

«По всей искренности, прибавлялъ Гудовичъ, увѣряю васъ, что какъ скоро назначенныя войска на линію прибывать станутъ, то я тотъ же часъ, не останавливая ихъ, подвигать стану къ Кизляру, а особливо полки пѣхотные, въ которыхъ, считаю, вамъ больше надобности будетъ, откуда и къ вамъ тотчасъ, по востребованіи, доставлять стану, не имѣя никакой нужды и желанія оставлять у себя, кромѣ самаго нужнаго числа для сохраненія линіи. Васъ о томъ только покорнѣйше прошу: если можно оставить у меня, по крайней мѣрѣ, до поздней осени, казачій полкъ Янова, который стоитъ противъ Кабарды и нуженъ тутъ для поддержанія спокойствія. Вы меня тѣмъ крайне одолжите.»

Получивъ свѣдѣніе о движеніи подкрѣпленій, а главное о появленіи хлѣба въ Астрахани и возможности скораго доставленія

---

[1]) Въ письмѣ отъ 19-го мая 1796 года.

[2]) Восемьдесятъ рядовыхъ Московскаго мушкетерскаго полка и 60 человѣкъ— четвертаго баталіона Кавказскаго егерскаго корпуса.

[3]) Отношеніе Гудовича графу Зубову 19-го мая 1796 года, № 563. Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова 23-го августа 1796 года. Князь Циціановъ, какъ увидимъ ниже, за неимѣніемъ воловъ для подвижнаго магазина и по причинѣ разлитія рѣки Терека, могъ выступить только 23-го іюля.

его къ персидскимъ берегамъ, графъ Зубовъ рѣшился двинуться впередъ; но, зная вѣроломство и хищность окружающихъ его народовъ, принужденъ былъ позаботиться объ обезпеченіи своего тыла и праваго фланга.

Обширная дербентская крѣпость, вмѣщавшая въ себѣ до десяти тысячъ вооруженнаго населенія, не могла быть оставлена въ тылу безъ надежнаго гарнизона, въ составъ котораго необходимо было назначить, по меньшей мѣрѣ, три баталіона. Тогда, имѣя за собою вѣрный опорный пунктъ въ Дербентѣ, графъ Зубовъ имѣлъ возможность двинуться далѣе, не дождавшись подкрѣпленій и безъ опасенія за свое положеніе даже и въ томъ случаѣ, если бы встрѣтилъ сопротивленіе со стороны бакинскаго хана, или значительныя силы персіянъ. Снабженный въ достаточной степени продовольствіемъ, онъ всегда могъ, занявъ крѣпкую позицію, дождаться прибытія подкрѣпленій, и, присоединивъ ихъ къ себѣ, перейти въ наступленіе.

Что касается до обезпеченія праваго фланга, то главнокомандующій возложилъ это на обязанность преданныхъ намъ владѣльцевъ Дагестана. Онъ писалъ шамхалу тарковскому, уцмію каракайдакскому и кадію табасаранскому, чтобы они прислали къ нему своихъ дѣтей или родственниковъ въ аманаты и соединили вмѣстѣ состоявшія въ готовности свои войска «для закрытія марша моего со стороны горъ [1]).»

Приглашенные не только изъявили полную готовность исполнить требованіе главнокомандующаго, но выказывали особую предупредительность, свойственную азіятскимъ народамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слабый заискиваетъ у сильнаго. Извѣстіе о паденіи Дербента—воротъ въ Персію — быстро распространилось по всему Дагестану, и всѣ горскіе владѣльцы, до сихъ поръ непріязненные Россіи, наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили въ лагерь главнокомандующаго. Въ теченіе двухъ недѣль русскій станъ былъ переполненъ дагестанцами, пріѣзжавшими заявить о своей покорности Россіи.

— Мы пребывали, говорили они, съ дербентскими владѣте-

[1]) Записка графа Зубова, представленная князю П. А. Зубову при письмѣ отъ 15-го мая 1796 года.

лями въ дружбѣ, а какъ теперь Дербентъ состоитъ подъ властью Всероссійской монархини, то мы не преминемъ служить Россіи лучше, чѣмъ дербентскимъ владѣльцамъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, не ограничиваясь однимъ заявленіемъ своей преданности, принимали присягу на подданство, подобно тому, какъ принимали ее и жители дербентскаго ханства. Послѣднимъ объявлено, что владѣніе Шейхъ-Али-хана принимается подъ защиту Россіи, что каждый, оставаясь спокойнымъ въ своемъ владѣніи, будетъ обезпеченъ въ личной и имущественной безопасности; что въ случаѣ какихъ либо претензій другъ на друга, никто не въ правѣ раздѣлываться самъ собою, но долженъ обратиться къ русскому главнокомандующему; что весь Дагестанъ и Дербентское ханство, находясь подъ покровительствомъ Россіи, обязаны положить конецъ взаимнымъ распрямъ и мирною жизнью и послушаніемъ заслужить благоволеніе Императрицы [1]).

Видя приверженность народа къ своему хану и то участіе, которое принималъ онъ въ его судьбѣ, графъ Зубовъ не рѣшился выслать Шейхъ-Али-хана въ Россію, тѣмъ болѣе, что такая мѣра, кромѣ возстановленія народа, не представляла никакихъ выгодъ. Все дербентское владѣніе было раздѣлено на части, управляемыя наибами. Каждый наибъ, съ удаленіемъ Шейхъ-Али-хана въ Россію, могъ объявить себя ханомъ въ своемъ владѣніи, а такое раздробленіе, при сомнительной преданности наибовъ, было для насъ скорѣе вредно, чѣмъ полезно: въ каждомъ наибѣ мы могли встрѣтить человѣка враждебнаго, готоваго противиться нашимъ видамъ и намѣреніямъ. Оставить Шейхъ-Али-хана въ Дербентѣ, послѣ его поступковъ и неувѣренности въ чистосердечномъ раскаяніи, было совершенно невозможно, и потому графъ Зубовъ рѣшился взять его съ собою, а управленіе дербентскимъ ханствомъ, для успокоенія народа, поручилъ сестрѣ хана, Периджи-ханумъ, въ помощь которой назначилъ Хадыръ-бека [2]), какъ человѣка, казавшагося болѣе другихъ преданнымъ Россіи.

Когда Шейхъ-Али-хану было объявлено рѣшеніе, по которому

[1]) Записка графа Зубова, представленная князю П. А. Зубову.

[2]) Хадыръ-бекъ былъ родственникъ покойнаго Мегметъ-Гуссейнъ-хана дербентскаго.

онъ долженъ былъ слѣдовать за русскими войсками, то ханъ принялъ это извѣстіе не только съ покорностію, но и съ видимымъ удовольствіемъ. Чтобы привлечь къ себѣ расположеніе главнокомандующаго и выставить свою преданность, Шейхъ-Али вызвался написать воззваніе, призывающее бывшихъ его подданныхъ къ спокойствію и переполненное самыми льстивыми выраженіями относительно Императрицы и ея главнокомандующаго.

«Благодареніе Всевышнему, писалъ онъ дербентцамъ, что мы избавились, за совращеніе съ истиннаго пути, наказанія милосердіемъ величайшей, счастливой и всемогущей на земномъ шарѣ Императрицы—тѣни Божіей—которая послала, яко ангела ей повинующагося, ужаснаго въ брани, но къ покорнымъ милостиваго и кроткаго предводителя воиновъ непобѣдимыхъ, графа Валеріана Александровича Зубова.

«Сами вы, любезные намъ подданные, должны признаться, что давно уже не вкушали того спокойствія, какое теперь подъ его покровомъ ощущаемъ. Да будетъ и сіе ему въ неувядаемую славу; но мы долженствуемъ не щадить жизни, чтобъ заслужить свое преступленіе предъ сильною и нашихъ предковъ, и насъ всегда покровительствовавшею Россійскою Имперіею, и не только сами во весь вѣкъ нашъ обожать будемъ великую Монархиню — тѣнь Божію—но и въ сердца потомковъ нашихъ поселимъ непоколебимую временемъ и случаями къ ея величеству преданность и повиновеніе.

«Нынѣ благодѣтель нашъ, графъ Валеріанъ Александровичъ, идетъ съ многочисленнымъ и храбрымъ своимъ воинствомъ на коварнаго Агу-Магометъ-хана, дабы разрушить въ конецъ силы его. Всѣмъ извѣстно, въ какія сѣти ввелъ насъ сей неблагонамѣренный, паче злой человѣкъ и что мы ему и его пріятелямъ отмщевать во-вѣки-вѣковъ долженствуемъ; а напротивъ на всю жизнь отъ сего времени, передъ лицомъ Бога живаго, подъ клятвою обѣщеваемъ служить вѣрно и усердно великой Государынѣ—тѣни Божіей—и идемъ теперь при воинствѣ россійскомъ къ Араксу, дабы быть полезнымъ нашему спасителю графу Валеріану Александровичу всѣми способами, которые Всевышній намъ въ руки и въ сердца вложить соизволитъ. Правленіе же вами оставляемъ

до нашего изъ похода возвращенія въ рукахъ высокостепенной, свѣтлѣйшей, любезнѣйшей сестры нашей Периджи-ханумъ и при ней наибомъ будетъ вѣрный намъ обоимъ усерднѣйшій слуга Хадыръ-бекъ.

«Молимъ Всевышняго, дабы послалъ на васъ всѣхъ святую свою милость и дабы великій пророкъ наставилъ васъ на путь правды. Теперь же, по данной намъ отъ Бога власти, повелѣваемъ считать россіянъ за благодѣтелей, чинить послушаніе свѣтлѣйшей сестрѣ нашей, или кому отъ нея приказано будетъ. Данъ въ радостномъ, веселомъ и благополучномъ времени.»

Оставаясь въ лагерѣ русскихъ войскъ, Шейхъ-Али-ханъ пользовался возможною свободою: ему возвращена была сабля и разрѣшено видѣться съ сестрою. Главнокомандующій оказывалъ ему полное расположеніе, которое, какъ увидимъ ниже, онъ употребилъ во зло самымъ измѣнническимъ образомъ.

Устроивъ внутреннія дѣла Дербентскаго ханства и поставивъ въ отдѣльныхъ его частяхъ наибовъ и правителей, графъ Зубовъ взялъ аманатовъ отъ знатнѣйшихъ изъ дербентскихъ жителей и, присоединивъ къ себѣ первый Чугуевскій полкъ, прибывшій съ генералъ-маіоромъ Платовымъ и Донской полкъ Орлова, выступилъ 24-го мая по направленію къ Баку. Въ Дербентѣ былъ оставленъ генералъ-маіоръ Савельевъ съ тремя баталіонами пѣхоты, 200 казаковъ и четырьмя полевыми орудіями [1]).

За нѣсколько дней до выступленія въ походъ, главнокомандующій получилъ высочайшій манифестъ, обращенный къ персидскому народу, съ приказаніемъ сдѣлать его извѣстнымъ въ городахъ и селеніяхъ. Переведенный на языки турецкій, персидскій, грузинскій и армянскій, манифестъ этотъ былъ доставленъ въ большомъ числѣ экземпляровъ къ кавказскому генералъ-губернатору Гудовичу и астраханскому губернатору Алябьеву, съ тѣмъ, чтобы и они, съ своей стороны, приняли мѣры къ распространенію его по

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова 30-го мая 1796 года. Оставленные баталіоны были: гренадерскій изъ ротъ Московскаго и Казанскаго полковъ; одинъ мушкетерскій баталіонъ Московскаго полка и третій баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса.

городамъ и селеніямъ чрезъ купцовъ и другихъ людей, имѣющихъ торговыя дѣла въ Персіи или Турціи [1]).

«Намѣреніе и желаніе Россійской Имперіи, писала Императрица [2]), пребывать въ тишинѣ и добромъ согласіи съ сосѣдственными ей владѣтелями въ государствѣ персидскомъ, издавна предъ свѣтомъ доказаны великодушіемъ и добровольною уступкою знатныхъ областей, завоеванныхъ праведнымъ и побѣдоноснымъ оружіемъ вѣчной славы достойнаго Императора Петра Великаго. Со вступленія нашего на престолъ, мы не въ иномъ видѣ обращали вниманіе наше на сей край предѣловъ нашихъ, какъ для соблюденія мира и спокойствія и для укорененія и приращенія тамъ равно на обѣ стороны выгодной и полезной торговли между обоюдными подданными, основанной на договорахъ торжественныхъ и ничѣмъ неиспровергаемыхъ.

«Нерѣдко въ семъ похвальномъ и благомъ предметѣ нашего попеченія встрѣчали мы противность и нарушеніе со стороны руководимыхъ корыстію и другими пристрастіями нѣкоторыхъ частныхъ персидскихъ начальниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда наши подданные для промысловъ своихъ пріѣзжали, и гдѣ различнымъ образомъ угнетаемы и обижаемы были. Но по сродному намъ великодушію всегда старались мы пресѣкать и не допускать сіи непріятности до дальнихъ слѣдствій, довольствуясь удовлетвореніями, иногда не вовсе соразмѣрными обидѣ, а особливо могуществу способовъ, отъ Бога намъ дарованныхъ къ одержанію онаго по неограниченному нашему произволенію. Таковое снисхожденіе испыталъ въ насъ и самъ Ага-Магометъ-ханъ, нынѣ коварностію и свирѣпствомъ своимъ властвующій беззаконно во всѣхъ областяхъ персидскихъ, когда, будучи ханомъ астрабадскимъ, дерзнулъ, вопреки народнаго права и доброй вѣры, задержать насильственно зашедшій нашъ туда фрегатъ, причинивъ начальствующему онымъ, флота нашего капитану графу Войновичу разныя обиды и оскорбленія.

«Не поколебались бы мы и нынѣ въ сихъ нашихъ кроткихъ и миролюбивыхъ расположеніяхъ, если бы помянутый хищникъ

[1]) Рескриптъ Императрицы Гудовичу 2-го апрѣля 1796 года.

[2]) Въ манифестѣ отъ 27-го марта.

Ага-Магометъ, движимый необузданнымъ своимъ властолюбіемъ, не распространилъ, наконецъ, насильствія и лютости свои въ оскорбленіи правъ и достоинства Имперіи нашей, даже до впаденія въ Грузію и до завладѣнія самой столицы, отъ нѣсколькихъ уже лѣтъ предавшагося покровительству нашему царя карталинскаго и кахетинскаго, откуда по разграбленіи тамъ и разореніи храмовъ Божіихъ, по опустошеніи земель увлеченіемъ въ неволю великаго числа христіанъ и по совершеніи многихъ другихъ неистовствъ, обратился къ берегамъ моря Каспійскаго на разореніе народовъ и на гоненіе хановъ, спокойно своими удѣлами управляющихъ, къ намъ приверженныхъ и торговлѣ нашей всегда благопріятствующихъ.

«Предпріятія столь дерзкія, испровергающія все то, что достоинства, пользъ и выгодъ Имперіи нашей касаться можетъ, и разсылаемые имъ фирманы къ пограничнымъ и даже подвластнымъ намъ владѣтелямъ, очевидно устремленные на возмущеніе пограничнаго спокойствія, на разрушеніе существовавшаго тутъ мира и добраго согласія и на истребленіе всѣхъ прежде бывшихъ, полезныхъ и выгодныхъ сношеній между обоими государствами, налагаютъ на насъ, хотя непріятный, но необходимый долгъ, противоположить онымъ преграды сильныя и удобныя къ ихъ уничтоженію. Вслѣдствіе чего, призвавъ въ помощь Всевышняго, праведнымъ нашимъ начинаніямъ всегда щедро поборствующаго; уважая собственное достоинство наше и благо нашей Имперіи, неоднократно помянутымъ мятежникомъ оскорбленныя, безопасность предѣловъ и увѣренность предавшихся покровительству нашему; внемля гласу человѣчества, имъ нещадимаго даже въ крови родныхъ его братій, и снисходя на прошеніе царя карталинскаго и кахетинскаго и многихъ благонамѣренныхъ хановъ и владѣтелей дагестанскихъ, взывающихъ защиту и покровительство наше — повелѣли мы знатной части нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, подъ предводительствомъ намъ любезно-вѣрнаго, отъ арміи нашей генералъ-поручика, нашего генералъ-адъютанта, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка секундъ-маіора, конно-гренадерскаго военнаго ордена полка шефа и орденовъ нашихъ: Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и военнаго Св. Георгія и прусскихъ Чернаго и Краснаго орловъ кава-

лера и Римской Имперіи графа, Валеріана Зубова вступить въ персидскіе предѣлы, ради надлежащаго отвращенія всѣхъ неудобствъ, могущихъ произойти отъ распространенія и утвержденія въ оныхъ беззаконно-похищенной власти лютымъ и коварнымъ Ага-Магометъ-ханомъ, до днесь явившимъ себя явнымъ врагомъ Россіи, нагло отвергшимъ всѣ трактаты, коими при огражденіи предѣловъ безопасностію пріобрѣтены были подданнымъ нашимъ преимущества и выгоды, присвоенныя взамѣнъ уступки персидскихъ областей, завоеванныхъ побѣдоноснымъ оружіемъ вѣчно достойной славы императора Петра Великаго, стремящимся поработить тяжкому своему игу не только владѣльцевъ, на равномъ съ нимъ или еще на предпочтительномъ правѣ учредившихся, но и частныхъ людей, стяжавшихъ имущество трудами своими, лишая и тѣхъ, и другихъ достоянія ихъ, а иногда и самой жизни, и, наконецъ, лютостями и угрозами дерзая возмущать и вопреки собственныхъ пользъ обращать противъ Имперіи нашей мирныхъ и благорасположенныхъ къ намъ владѣтелей, изъ коихъ многіе наслаждались покровительствомъ и милостію нашими.

«Возвѣщая симъ рѣшимость нашу и объяснивъ достаточно важныя причины, на оную насъ побудившія, имѣемъ мы тутъ главнымъ предметомъ то, чтобы совершенно успокоить всѣхъ обывателей и жителей государства всякаго состоянія и чина, и всѣхъ вѣръ и родовъ, природныхъ и иностранныхъ, какъ-то: грузинъ, армянъ и другихъ, въ сихъ странахъ мирно и спокойно въ различныхъ промыслахъ упражняющихся, что отъ вступленія и пребыванія тамъ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ не только никому въ личности или имуществѣ не воспослѣдуетъ никакой обиды и никакого притѣсненія, но паче каждый въ томъ и другомъ ограждаемъ и охраняемъ будетъ, согласно съ данными отъ насъ точными повелѣніями всѣмъ начальствующимъ надъ тѣми войсками строго наблюдать, чтобъ никто напраснаго вреда или неправды не терпѣлъ. Въ случаѣ же какого либо преступленія сея нашей воли, виновниковъ предавать скорому осужденію и наказанію, а обиженнымъ доставлять полное и безотлагательное удовлетвореніе.

«Утверждая нашимъ императорскимъ словомъ, всегда свято и ненарушимо хранимымъ, безопасность общую и частную всѣхъ

вышерѣченныхъ обывателей, ожидаемъ и требуемъ отъ нихъ во взаимство, чтобъ оставались спокойно въ своихъ жилищахъ, не опасаясь, послѣ столь торжественной увѣренности, имъ даемой, никакого притѣсненія ихъ особѣ или расхищенія ихъ имѣнія и укрываясь, подъ предлогомъ ничѣмъ неоправдываемаго страха, не разсѣевали своихъ пожитковъ; кольми паче имѣемъ мы право уповать, что никто изъ нихъ не дерзнетъ, присовокупясь къ общему ихъ и нашему врагу Агѣ-Магометъ-хану или сообщникамъ его, подавать имъ явно или тайно деньгами или съѣстными припасами какое либо вспоможеніе или пособіе. Но если бы, паче чаянія, сіе случилось и дошло до свѣдѣнія нашихъ начальниковъ, то преступникъ таковой признанъ будетъ за врага нашего и яко таковой преслѣдуемъ со всею воинскою строгостію въ лицѣ и имени своихъ. Сверхъ того, онъ, и ему подобные, подвергнутся на страшномъ судѣ передъ всемогущимъ Богомъ отвѣту за всѣ бѣдствія, кои будутъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ столь ужаснаго преступленія.

«Но, полагаясь на правоту дѣла, нами воспріятаго, надѣемся, что не только никто вновь къ помянутому врагу не пристанетъ, но паче уловленные досель въ его виды коварствомъ или насиліемъ его, удалятся отъ его мучительной власти и, обрѣтя надежное убѣжище подъ сѣнію оружія нашего, присоединятся къ оному на содѣйствіе къ конечному его истребленію, для возстановленія во всемъ Персидскомъ государствѣ мирнаго бытія и для утвержденія каждаго владѣтеля въ полной власти, независимости и свободѣ. Въ семъ предположеніи, обнадеживаемъ мы равномѣрно, и подъ тѣмъ же непреложнымъ обязательствомъ нашего императорскаго слова, всѣхъ тѣхъ, кои, познавъ свое заблужденіе и раскаясь въ ономъ, или низвергнувъ возложенное на нихъ насиліемъ иго, прибѣгнутъ къ покровительству войскъ нашихъ, что они не только отъ нихъ приняты будутъ со всякою пріязнію, но и получатъ достойную мзду за ихъ благонамѣренность.

«А дабы всѣ благія намѣренія наши, здѣсь довольно пространно изъясненныя, были всѣмъ извѣстны и никто невѣдѣніемъ ихъ отговариваться не могъ, повелѣли мы сей нашъ императорскій манифестъ, подписанный нашею рукою, переведя на разные языки,

въ той странѣ употребляемые, напечатать и разсѣять во всенародное извѣстіе, какъ въ государствѣ Персидскомъ, такъ и въ прилеглыхъ къ оному областяхъ, приглашая всѣхъ тамошнихъ обывателей всякаго достоинства и званія способствовать успѣху тѣхъ нашихъ намѣреній, яко клонящихся къ обоюдной пользѣ и обоюдному благу, въ ожиданіи чего обнадеживаемъ ихъ всѣхъ нашею императорскою милостію и нашимъ благоволеніемъ.»

Манифестъ этотъ былъ тотчасъ же отправленъ графомъ Зубовымъ, при особомъ извѣщеніи, утвержденномъ Императрицею, къ владѣльцамъ Дагестана: шамхалу тарковскому, сыну его Мегтію, беку бойнакскому, уцмію каракайдакскому и кадію табасаранскому. Точно также главнокомандующій разослалъ его къ ханамъ бакинскому, шемахинскому, шушинскому (карабагскому), талышинскому, шекинскому и отправилъ нѣсколько экземпляровъ на островъ Саро, къ находившемуся тамъ нашему консулу Скибиневскому, съ порученіемъ стараться распространить его между торгующимъ населеніемъ [1]).

Препровождая высочайшій манифестъ, главнокомандующій писалъ ханамъ и прочимъ владѣльцамъ, что какъ вся цѣль дѣйствій русскихъ войскъ въ Персіи клонится единственно къ ниспроверженію Аги-Магометъ-хана, неправильно присвоившаго себѣ верховную власть, то онъ, графъ Зубовъ, увѣренъ, что каждый съ благоговѣніемъ и признательностію приметъ помощь русской Императрицы. Главнокомандующій говорилъ, что не допускаетъ мысли, чтобы народъ, на помощь и избавленіе котораго отъ ига пришла Россія, сталъ противиться успѣху русскаго оружія и тѣмъ навлекъ на себя многія бѣдствія.

Распространенію ли манифеста или извѣстію о паденіи Дербента графъ Зубовъ обязанъ былъ, что на пути къ Баку всѣ владѣльцы встрѣчали его съ предупредительностью и покорностью. Бакинскій ханъ прислалъ въ главную квартиру своихъ посланныхъ съ объявленіемъ, что покоряется волѣ русской Императрицы. Хамбутай казыкумухскій заявлялъ, что онъ также отдается подъ покровительство Россіи, и чтобы выставить свою преданность, воз-

[1]) Письмо графа Валеріана Зубова брату его князю П. А. Зубову, 9-го іюня 1796 г., № 32.

вратилъ трехъ человѣкъ плѣнныхъ изъ числа тѣхъ людей, которые были взяты шайкою его подданныхъ, при нападеніи 8-го мая на провіантскія фуры, отправленныя генераломъ Булгаковымъ въ урочище Девечумагатанъ. Это возвращеніе, точно такъ же какъ и всѣ клятвы въ вѣрности не мѣшали ему хищничать. Преданность къ намъ многихъ другихъ хановъ была также не болѣе какъ личина, вызванная необходимостью и силою обстоятельствъ. Впослѣдствіи они измѣняли своей клятвѣ, по мѣрѣ того, какъ находили это выгоднымъ для себя, но теперь всѣ казались спокойными, покорными, и каспійскій корпусъ слѣдовалъ въ Баку совершенно свободно, никѣмъ нетревожимый.

Хотя горцы и не оказывали русскимъ войскамъ никакого сопротивленія, но движеніе ихъ замедлялось характеромъ мѣстности, представлявшей немалыя затрудненія. На сто-десяти-верстномъ разстояніи отъ Дербента до Шабрани каспійскій корпусъ перешелъ вбродъ болѣе десяти рѣкъ и въ теченіе трехъ дней переправлялся черезъ рѣку Самуръ, покрывавшую своими порывистыми водами болѣе четырехъ верстъ сплошнаго въ ширину пространства.

Самуръ, самая большая рѣка во всемъ Дагестанѣ, течетъ столь быстро, что не представляетъ никакой возможности навести пловучій мостъ на понтонахъ. Имѣя смутное понятіе о ширинѣ рѣки и ея свойствахъ, графъ Зубовъ, еще при выступленіи изъ Дербента, отправилъ нѣсколькихъ офицеровъ для осмотра Самура и для отысканія мѣста переправы. Посланные воротились съ донесеніемъ, что переправа черезъ рѣку невозможна; что теченіе рѣки порывисто, неровно, какъ неровно и самое ложе, имѣющее множество впадинъ значительной глубины. Осматривавшіе рѣку говорили, что, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, они не могли найти нигдѣ брода менѣе двухъ аршинъ глубины, и что по необыкновенной быстротѣ теченія мостъ навести невозможно. Главнокомандующій самъ поѣхалъ осмотрѣть рѣку, но на пути узналъ, что вода въ Самурѣ быстро убываетъ, что въ горахъ произошелъ обвалъ и русло рѣки запружено огромною глыбою снѣга и льда, раздѣлившаго ея воды на нѣсколько рукавовъ. Желая воспользоваться временнымъ спаденіемъ воды, графъ Зубовъ поспѣшилъ начать пере-

праву. Онъ тотчасъ же собралъ изъ окрестныхъ деревень жителей, при содѣйствіи и указаніи которыхъ были отысканы броды, по которымъ и протянуты казачьи цѣпи отъ одного берега до другаго. По установленіи цѣпей, выше ихъ стала переправляться пѣхота, а еще выше — кавалерія. Сомкнувшись въ густые ряды и взявъ другъ друга за руки, солдаты переходили черезъ рѣку подъ прикрытіемъ кавалеріи, до нѣкоторой степени задерживавшей сильное стремленіе воды.

Переправа продолжалась въ теченіе трехъ дней и совершена была благополучно. Главное замедленіе происходило въ переправѣ подвижнаго магазина и пороха. Чтобы не подмочить того и другаго, графъ Зубовъ не приказалъ перевозить ихъ на повозкахъ и въ зарядныхъ ящикахъ, но велѣлъ грузить на верблюдовъ, на которыхъ и переправлять черезъ рѣку.

Продолжительность перегрузки заставила, однакоже, переправить часть провіанта на повозкахъ, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, потому что многія изъ повозокъ были опрокинуты и унесены теченіемъ на казачью цѣпь. Переправа черезъ Самуръ показала всѣ недостатки воловьихъ транспортовъ и заставила графа Зубова просить Гудовича не покупать больше воловъ, а прислать ему 2,000 верблюдовъ, такъ какъ впереди представлялось много переправъ черезъ рѣки. Къ тому же верблюды были гораздо выносливѣе воловъ, и требовали менѣе пищи; волы не выдерживали перемѣны климата и падали въ большомъ числѣ [1]). Если убыль воловъ и не была теперь слишкомъ ощутительна, то потому только, что часть войскъ каспійскаго корпуса могла продовольствоваться хлѣбомъ, доставленнымъ моремъ изъ Астрахани, и слѣдовательно представлялась возможность уменьшить подвижной транспортъ.

Одновременно съ переправою войскъ черезъ рѣку Самуръ, къ ея устью подошли моремъ два транспорта съ хлѣбомъ: одинъ подъ начальствомъ лейтенанта Бозо, другой съ лейтенантомъ Миницкимъ. Первый былъ нагруженъ: 3,168 четвертями муки и 252 четвертями крупъ, а второй—3,215 четвертями муки, 168 четвертями крупъ и, сверхъ того, имѣлъ десантныхъ войскъ одинъ бата-

---

[1]) Письмо графа Зубова князю П. А. Зубову отъ 9-го іюня 1796 года.

ліонъ Кабардинскаго полка и 122 человѣка артиллерійской прислуги. Лейтенанту Бозо приказано, выгрузивъ 1,500 четвертей на Низовой пристани, съ остальными слѣдовать въ Дербентъ, гдѣ и сдать привезенный провіантъ генералу Савельеву, а лейтенанту Миницкому—слѣдовать со всѣмъ транспортомъ въ Баку, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Бакинскій ханъ хотя и заявлялъ о своей преданности Россіи, но дѣлалъ это не по убѣжденію, а потому, что разсчитывалъ на невозможность переправы черезъ Самуръ и вступленія въ его владѣнія. Полагая, что русскіе не преодолѣютъ такого препятствія, бакинскій ханъ отправилъ вмѣстѣ съ хамбутаемъ казыкумухскимъ своихъ посланныхъ, которые слѣдили за движеніемъ русскихъ, и лишь только увидѣли, что часть нашихъ войскъ появилась на правомъ берегу Самура, тотчасъ же поскакали дать знать своимъ владѣльцамъ, что и это препятствіе не остановило невѣрныхъ гяуровъ.

Окончивъ на третій день переправу, отрядъ двинулся далѣе и, не смотря на стоявшіе весьма жаркіе дни, войска шли бодро: не было ни отсталыхъ, ни больныхъ «и лазаретныя коляски, доносилъ графъ Зубовъ [1]), съ радостію вижу наполненными снадобьями людскими, а не скорбящими людьми.» Слѣдуя по бакинской дорогѣ, каспійскій корпусъ, 6-го іюня, подошелъ къ Кубѣ и остановился въ пяти верстахъ отъ города. Многочисленное сборище народа привѣтствовало появленіе русскихъ въ этой мѣстности, причемъ, старѣйшины поднесли графу Зубову ключи города съ просьбою присоединить ихъ къ державѣ «премилосердой царицы добрыхъ». Взявъ заложниковъ отъ кубинскаго наиба Валибека и отъ старшинъ, графъ Зубовъ обнадежилъ жителей въ личной и имущественной безопасности.

Между тѣмъ, бакинскій ханъ, не желая сдавать Баку русскимъ войскамъ, сталъ распространять слухи, что русскіе идутъ съ цѣлью изгнать хановъ изъ ихъ владѣній. Онъ отправилъ шемахинскому хану письмо, въ которомъ писалъ, что хотя онъ и былъ до сихъ поръ во враждѣ съ нимъ, но теперь, въ виду

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 9-го іюня 1796 года.

общей опасности, предлагаетъ помириться и соединиться вмѣстѣ для общаго сопротивленія. Это письмо произвело свое дѣйствіе. Среди шемахинцевъ было замѣтно волненіе, а у хана происходили частыя совѣщанія. Чтобы отвратить возможное соединеніе двухъ хановъ, графъ Зубовъ торопился занять Баку. Онъ отправилъ приказаніе контръ-адмиралу Федорову выступить съ готовыми военными судами изъ Астрахани и какъ можно скорѣе слѣдовать въ Баку для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ; но, къ сожалѣнію, главнокомандующій скоро узналъ, что подойти къ городу съ цѣлымъ корпусомъ нѣтъ никакой возможности. На сто верстъ въ окружности посланные не могли отыскать не только воды и лѣса, но ни травы и никакого растенія.

Имѣя свѣдѣніе, что бакинцы не раздѣляютъ мнѣнія своего хана и не желаютъ противиться русскимъ войскамъ, главнокомандующій отправилъ въ Баку прокламацію, въ которой совѣтовалъ народу вручить свой жребій произволенію Императрицы. Одновременно съ этимъ было послано письмо Мустафѣ, хану шемахинскому. Посланный съ прокламаціею въ Баку возвратился съ извѣстіемъ, что народъ съ восторгомъ принялъ воззваніе графа Зубова и выказалъ полную готовность покориться. Хусейнъ-Кули-хану не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать общему теченію, и онъ обѣщалъ выѣхать на встрѣчу главнокомандующему.

13-го іюня бакинскій ханъ дѣйствительно прибылъ въ лагерь русскихъ войскъ, расположившихся на рѣкѣ Ата-чаѣ, и поднесъ ключи города. Графъ Зубовъ принялъ хана съ почестію, обнадежилъ его покровительствомъ Императрицы и приказалъ генералъ-маіору Рахманову, съ отрядомъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, полка казаковъ и четырехъ орудій полевой артиллеріи слѣдовать въ Баку, но не входить въ городъ, а остановиться верстахъ въ двѣнадцати и ожидать прибытія хана. Въ то же самое время генералъ-маіору Булгакову приказано, съ двумя баталіонами Кавказскаго гренадерскаго полка, третьимъ баталіономъ Кубанскаго егерскаго корпуса, двумя эскадронами Нижегородскаго драгунскаго полка, съ хоперскими и семейными казаками, и четырьмя орудіями полевой артиллеріи, слѣдовать къ городу Кубѣ и, расположившись близъ города, наблюдать за спокойствіемъ обы-

вателей, имѣть постоянное сношеніе съ генераломъ Савельевымъ, слѣдить за поведеніемъ жителей и, въ особенности, за поступками управляющаго въ Кубѣ наиба Вали-бека.

Продержавъ двое сутокъ въ своемъ лагерѣ бакинскаго хана, графъ Зубовъ подарилъ ему богатый кинжалъ въ 1,200 руб. и отправилъ въ отрядъ генералъ-маіора Рахманова. Послѣдній, подходя къ городу, въ сопровожденіи хана, былъ встрѣченъ салютаціонными выстрѣлами, и вступилъ въ крѣпость при радостныхъ крикахъ многочисленной толпы народа. Генералъ-маіору Рахманову поручено было главнокомандующимъ, по занятіи крѣпости, пріискать въ ней помѣщеніе для 40,000 четвертей провіанта, предназначеннаго къ выгрузкѣ въ Баку. Дождавшись прибытія флотиліи и посаженнаго на суда баталіона Кабардинскаго полка, Рахмановъ долженъ былъ передать начальство надъ гарнизономъ контръ-адмиралу Федорову и, оставивъ ему гренадерскій баталіонъ [1]), слѣдовать на соединеніе съ графомъ Зубовымъ, который самъ предполагалъ двинуться къ старой Шемахѣ.

Шемахинскій Мустафа-ханъ прислалъ своего чиновника въ русскій лагерь нѣсколько ранѣе прибытія бакинскаго хана. Будучи личнымъ свидѣтелемъ пріема и почестей, оказанныхъ Хусейнъ-Кули-хану, чиновникъ Мустафы былъ обласканъ графомъ Зубовымъ и отпущенъ обратно въ Шемаху. При отправленіи его, главнокомандующій отправилъ шемахинскому хану кинжалъ въ 1,500 руб., и писалъ, что онъ можетъ разсчитывать на большее милосердіе и щедроты Императрицы, такъ какъ не былъ въ соучастіи съ лицами, нерасположенными къ Россіи. Мустафа благодарилъ за подарокъ и приглашалъ главнокомандующаго въ свои владѣнія, обѣщая самъ выѣхать на встрѣчу войскамъ.

«Итакъ, доносилъ графъ Зубовъ [2]), пройдя съ храбрымъ и трудолюбивымъ Вашего Императорскаго Величества воинствомъ пятьсотъ верстъ отъ границъ россійскихъ и на половинѣ сего разстоянія отперши побѣдоноснымъ вашимъ оружіемъ желѣзныя врата Ирани, совершилъ я первый подвигъ свой по промыслу вашему благополучно, очистя не только отъ силъ, но и отъ влія-

[1]) Изъ ротъ Кабардинскаго и Владимірскаго полковъ.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ 18-го іюня 1796 года.

нія хищника Аги-Магометъ-хана сей берегъ рѣкъ Куры и Аракса, совокупивъ въ повиновеніи вамъ всѣхъ на западномъ берегѣ Каспійскаго моря народовъ до предѣловъ гилянскихъ, и давъ отъ себя правителя областямъ сальянскимъ. А какъ поставилъ уже твердую ногу въ Бакѣ и тѣмъ соединилъ съ оною Астрахань, то вскорѣ здравыхъ и веселыхъ воиновъ упокою отъ зноя при тѣнистыхъ рощахъ старой Шемахи, гдѣ обильныя и здравыя протекаютъ воды.»

Оставивъ гарнизоны въ Кубѣ и Баку, графъ Зубовъ, 19-го іюня, повернулъ направо на шемахинскую дорогу и скоро вступилъ въ весьма узкое дефиле. Имѣя во многихъ мѣстахъ не болѣе какъ полтора аршина ширины, ущелье это было сплошь усыпано мелкими и острыми камнями, а съ обѣихъ сторонъ ограждено голыми и совершенно отвѣсными утесами, возвышавшимися надъ дорогою до 150 саженъ и болѣе. Войскамъ приходилось то подыматься въ гору и проходить подъ нависшими каменными глыбами, которыя, казалось, угрожали ежеминутнымъ паденіемъ, то спускаться съ горъ, обрамленныхъ отвѣсными пропастями. Къ закату солнца войска успѣли пройти лишь девять верстъ и, оставивъ далеко позади себя весь обозъ, расположились на рѣкѣ Атѣ.

На этомъ переходѣ случилось происшествіе, причинившее впослѣдствіи немалыя заботы графу Зубову.

Находившійся при отрядѣ плѣнный Шейхъ-Али-ханъ дербентскій успѣлъ на столько вкрасться въ довѣренность главнокомандующаго, что пользовался полнымъ его расположеніемъ и свободою. При немъ находился за пристава и переводчика, изъ армянъ, маіоръ Серебровъ и казачій конвой, подъ начальствомъ поручика Краснощекова. Сереброву поручено было, не стѣсняя хана, слѣдить, однако же, за всѣми его поступками, и не дозволять никакихъ совѣщаній съ посторонними лицами. Заботясь болѣе о пополненіи своего кармана и распуская повсюду слухъ, что, состоя при главнокомандующемъ, онъ имѣетъ большое значеніе въ главной квартирѣ, Серебровъ собиралъ подарки и бралъ деньги у своихъ же соотечественниковъ, обѣщая имъ выхлопотать различ-

ныя милости и награды [1]), а за ханомъ не слѣдилъ и не думалъ объ исполненіи данной ему инструкціи.

Шейхъ-Али былъ предоставленъ самому себѣ. Во время переходовъ онъ постоянно занимался джигитовкою, удивлялъ всѣхъ искусствомъ верховой ѣзды и легкостью своей лошади, скакавшей съ необыкновенною быстротою по крутизнамъ, едва восходимымъ. Нѣкоторыя лица изъ его свиты имѣли также отличныхъ лошадей, тѣшили хана и кромѣ джигитовки ничѣмъ не занимались. Нѣсколько разъ Шейхъ-Али, во время движенія, отставалъ отъ войскъ, и каждый разъ, когда Краснощековъ пытался остановить хана, Серебровъ удерживалъ его, отклоняя всякое подозрѣніе.

Дербентскій ханъ жилъ въ русскомъ лагерѣ свободно и весело. Свита его каждый день собиралась у хана, проводила съ нимъ время, и нерѣдко по вечерамъ предавалась разгулу. Среди этихъ собраній ханъ устраивалъ все необходимое къ побѣгу и успѣлъ дать знать преданнымъ ему кубинцамъ, чтобы они, въ условленномъ мѣстѣ, подготовили ему подставныхъ лошадей.

Въ то время, когда войска наши втягивались въ ущелье, Шейхъ-Али-ханъ, оставшись назади ихъ, по обыкновенію, занимался джигитовкою. Онъ игралъ джиридомъ [2]), скакалъ взадъ и впередъ, то по долинѣ, то по крутизнамъ горъ, и незамѣтно отдалился отъ отряда на довольно значительное разстояніе. Всѣ любовались ловкостью и проворствомъ хана, но скоро замѣтили, что Шейхъ-Али-ханъ понесся прямо на гору, на далекой вершинѣ которой было едва замѣтно небольшое селеніе. Тогда только спохватились и увидѣли, что джигитовка обратилась въ бѣгство. Въ погоню были посланы казаки, но ихъ лошади, непривычныя къ горнымъ дорогамъ, не могли догнать ни хана, ни ускакавшихъ съ нимъ нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ.

Когда казаки доскакали до селенія, то изъ него выѣхало три группы всадниковъ, разъѣхавшихся по тремъ разнымъ направленіямъ, и казаки не знали, кого преслѣдовать: между всадниками не было видно ни ханской лошади, ни человѣка, одѣтаго въ хан-

[1]) Жизнь Артемія Араратскаго, ч. II.

[2]) Джиридъ—палочка, которую ловкіе наѣздники бросаютъ на всемъ скаку лошади кверху и потомъ ловятъ руками.

ское платье, которое онъ обыкновенно носилъ, находясь въ русскомъ лагерѣ. Казаки бросились наудачу, настигли двѣ партіи, привели ихъ въ лагерь, но среди приведенныхъ Шейхъ-Али-хана не оказалось—онъ успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія.

VI.

Впечатлѣніе, произведенное бѣгствомъ Шейхъ-Али-хана на жителей.—Прокламація главнокомандующаго.—Происки Шейхъ-Али-хана.—Набѣгъ русскихъ войскъ на селеніе Череке.—Отношеніе къ намъ сосѣднихъ хановъ и владѣльцевъ.—Армянскій архіепископъ князь Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ.—Его дѣятельность.—Посланіе къ армянамъ.—Послѣдствіе этого посланія.—Заговоръ противъ графа Зубова.—Арестованіе Нуръ-Али-хана и высылка его въ Астрахань.—Происки хамбутая казыкумухскаго.—Предположеніе графа Зубова относительно упроченія нашего вліянія въ Дагестанѣ.—Дѣло подполковника Бакунина при селеніи Алпаны.

Бѣгство Шейхъ-Али-хана не произвело особаго впечатлѣнія на лицъ главной квартиры, но имѣло, первое время, сильное дѣйствіе на жителей Кубинскаго ханства. Въ день побѣга, обитатели селеній, находившихся на плоскости и вблизи лагеря русскихъ войскъ, поднялись со всѣмъ своимъ имуществомъ и ушли въ горы. Переселеніе это происходило не потому, чтобы кубинцы желали слѣдовать за своимъ ханомъ и оставаться ему вѣрными, но потому что, по азіятскимъ обычаямъ и понятіямъ, они полагали, что на нихъ, какъ на ближайшихъ подданныхъ, должно обрушиться мщеніе русскихъ за вѣроломный поступокъ ихъ хана.

Желая возвратить бѣжавшихъ въ свои селенія и успокоить населеніе, графъ Зубовъ отправилъ, отъ своего имени, прокламацію къ жителямъ дербентской и кубинской провинцій, въ которой писалъ, что неблагодарный и неблагонамѣренный Шейхъ-Али-ханъ, вѣроломно воспользовавшись свободою, бѣжалъ изъ русскаго лагеря; что главнокомандующій за таковой его поступокъ освобождаетъ все населеніе отъ податей, которыя вносились прежде хану, но взамѣнъ того требуетъ, чтобы дербентцы и кубинцы оставались покойными, не исполняли приказаній бывшаго своего хана, не повиновались никому, кромѣ поставленныхъ главнокомандующимъ правителей, и, въ случаѣ появленія Шейхъ-Али-хана въ

предѣлахъ бывшаго ханства, задержали его и доставили въ русскій лагерь.

Между тѣмъ, каспійскій корпусъ, простоявъ весь день 20-го іюня въ Шемахинскомъ ущельѣ на рѣкѣ Атѣ и употребивъ это время на напрасные поиски бѣжавшаго хана, въ три часа утра слѣдующаго дня выступилъ изъ лагеря и къ вечеру остановился на возвышенной мѣстности при урочищѣ Куртъ-Булацкій-ейлагъ, сдѣлавъ всего двадцать съ половиною верстъ. Затрудненія, встрѣченныя на этомъ переходѣ, превосходили всѣ предъидущія. Кромѣ рѣкъ и дефиле, подобныхъ тѣмъ, которыя войска проходили передъ симъ, пришлось подыматься на скалы до того крутыя, что везти артилерію на лошадяхъ не представлялось никакой возможности; солдаты несли орудія на рукахъ, а остальной обозъ, оставшись далеко позади войскъ, присоединялся къ отряду по одиночкѣ въ теченіе цѣлой недѣли.

Здѣсь графъ Зубовъ рѣшился остановиться, выждать, пока минуютъ наступившіе жары, и дать войскамъ отдыхъ послѣ утомительнаго похода. Мѣсто, избранное для лагеря, было вполнѣ удобно, потому что войска, по выраженію главнокомандующаго, нашли, «послѣ бывшихъ неумѣренныхъ жаровъ, совершенную прохладу, и послѣ мутныхъ водъ чистѣйшіе оныхъ источники, да и для прокормленія лошадей отмѣнно хорошія травы [1]).»

Такимъ образомъ всѣ силы графа Зубова были теперь растянуты на пространствѣ отъ Дербента до старой Шемахи. Въ Дербентѣ стоялъ отрядъ генералъ-маіора Савельева; генералъ Булгаковъ, подойдя къ городу Кубѣ, занялъ одною ротою пѣхоты ханскій дворецъ, а съ остальнымъ отрядомъ расположился близъ города. Въ Баку находился отрядъ генералъ-маіора Рахманова, и, наконецъ, при Куртъ-Булацкомъ-ейлагѣ—главныя силы, имѣя впереди себя авангардъ, расположенный близъ старой Шемахи, въ то время почти никѣмъ незаселенной.

23-го іюня главнокомандующій получилъ донесеніе, что контръ-адмиралъ Федоровъ съ военными судами прибылъ на бакинскій рейдъ. Поручивъ Федорову главное начальство надъ войсками и

---

[1]) Журналъ или поденная записка.

флотомъ, графъ Зубовъ отправилъ въ Баку бригадира графа Апраксина для командованія сухопутными войсками, а генералу Рахманову приказалъ присоединиться къ главнымъ силамъ и расположиться вблизи ихъ на рѣкѣ Персагатѣ.

Край, занятый нашими войсками, находился въ полномъ спокойствіи. Прокламація главнокомандующаго была поводомъ къ возвращенію въ свои селенія большей части разбѣжавшихся жителей. Правительница дербентской области, Периджи-ханумъ, писала графу Зубову, что, по полученіи его прокламаціи, всѣ жители Дербентскаго ханства изъявили полную готовность поступать по указаніямъ главнокомандующаго. Кубинскій наибъ Вали-бекъ точно также выказывалъ всѣ видимые знаки преданности Россіи: онъ вышелъ на встрѣчу отряда Булгакова, первый увѣдомилъ главнокомандующаго о побѣгѣ кубинскихъ жителей въ горы и хлопоталъ о ихъ возвращеніи. Увѣреніями въ совершенной безопасности и стараніями Вали-бека бѣжавшіе спустились съ горъ, и въ половинѣ іюля всѣ селенія кубинской области были заняты ея обитателями. О томъ, гдѣ находится Шейхъ-Али-ханъ, въ станѣ русскихъ войскъ не было извѣстно. Въ дѣйствительности же, ханъ, послѣ побѣга, прискакалъ въ городъ Кубу, въ то время еще не занятый русскими войсками, взялъ съ собою жену, мать и сестру, и, удалившись въ горы, поселился въ селеніи Хырызъ.

Основавъ здѣсь свою резиденцію и видя полную покорность жителей кубинской провинціи русскому правительству, Шейхъ-Али, какъ человѣкъ безхарактерный, прислалъ посланнаго къ главнокомандующему съ просьбою о прощеніи и о возстановленіи его въ ханскомъ достоинствѣ, но, не получивъ на это согласія, просилъ Булгакова, чтобы онъ исходатайствовалъ ему прощеніе, съ тѣмъ, что въ залогъ вѣрности онъ отдастъ свою мать. Графъ Зубовъ поручилъ Булгакову отослать посланнаго обратно съ отказомъ, и тогда ханъ, оставаясь въ селеніи Хырызъ, сталъ употреблять всѣ средства къ тому, чтобы склонить кубинцевъ на свою сторону и поднять ихъ противъ русскихъ. Исканія Шейхъ-Али не остались напрасными: среди населенія нашлись лица, ему преданныя, спѣшившія стать въ ряды его сторонниковъ. Нѣкоторые изъ жителей снова уходили въ горы и присоединялись къ хану; другіе

сообщали ему различнаго рода свѣдѣнія и прочее. Въ числѣ послѣднихъ былъ и кубинскій наибъ Вали-бекъ, какъ оказалось впослѣдствіи, человѣкъ въ высшей степени лицемѣрный и двуличный. Будучи воспитателемъ Шейхъ-Али-хана, а потомъ его дядькою, Вали-бекъ всегда отклонялъ своего питомца отъ преданности къ Россіи и хотя впослѣдствіи былъ удаленъ отъ двора хана и назначенъ кубинскимъ наибомъ, но сохранилъ нерасположеніе къ нашему правительству. При содѣйствіи Вали-бека, партія преданныхъ Шейхъ-Али съ каждымъ днемъ увеличивалась и заставляла принять мѣры противъ того, чтобы и все остальное населеніе не присоединилось къ своему бывшему хану.

Скоро до Булгакова дошли слухи, что, ободренный первыми успѣхами, Шейхъ-Али, поселивъ въ селеніи Хырызъ свое семейство, самъ каждую ночь пріѣзжаетъ въ урочище Череке, не далѣе восьми часовъ отъ лагеря кубинскаго отряда, гдѣ проводитъ время въ совѣщаніяхъ съ преданными ему лицами. Чтобы прекратить эти сходки, Булгаковъ просилъ графа Зубова разрѣшить ему произвести набѣгъ на селеніе Череке, съ тѣмъ, что если онъ не успѣетъ захватить хана въ свои руки, то, по крайней мѣрѣ, выгонитъ его изъ кубинской провинціи. Главнокомандующій согласился на просьбу Булгакова, и набѣгъ рѣшено было произвести въ ночь на 3-е іюля. Съ этою цѣлью было составлено два летучихъ отряда безъ обоза и пушекъ: одинъ подъ начальствомъ самаго генерала Булгакова, а другой подъ начальствомъ генералъ-маіора Платова. Въ составъ перваго отряда назначено 300 человѣкъ егерей, 120 драгуновъ и 30 казаковъ, а въ составъ втораго—эскадронъ драгуновъ, два эскадрона Чугуевскаго казачьяго полка и нѣсколько казаковъ; вся численность этого послѣдняго отряда не превышала тысячи всадниковъ.

По составленному плану, предполагалось, что Булгаковъ, выступивъ изъ лагеря кубинскаго отряда, атакуетъ селеніе Череке съ фронта въ то время, когда Платовъ, стоявшій на рѣкѣ Атѣ, обойдя селеніе окольнымъ путемъ, атакуетъ его съ тыла. Весь успѣхъ дѣйствій зависѣлъ, конечно, отъ внезапности нападенія, и потому рѣшено было выступить съ наступленіемъ ночи, съ тѣмъ, чтобы до разсвѣта быть уже на мѣстѣ.

Кубинскій наибъ Вали-бекъ, узнавъ о намѣреніи русскихъ атаковать селеніе Череке, рѣшился помѣшать успѣху предпріятія. Выставляя себя человѣкомъ вполнѣ преданнымъ Россіи, Вали-бекъ явился къ генералу Булгакову и предложилъ свои услуги быть проводникомъ его отряда. Булгаковъ, не подозрѣвая измѣны, принялъ предложеніе и въ сумерки оставилъ свой лагерь.

Селеніе Череке лежало на столь высокой горѣ, что оттуда видны были, какъ на ладони, не только лагерь русскихъ войскъ, но и вся кубинская провинція. Чтобы достигнуть до этого селенія, необходимо было преодолѣть всѣ трудности горнаго похода, и войскамъ, вскорѣ послѣ выступленія изъ лагеря, пришлось подыматься на крутую возвышенность, покрытую дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ пролегала не дорога, а узкая тропинка, то усыпанная множествомъ камней, то пересѣченная родниками, размывавшими глинистую почву. Темнота южной ночи усиливала затрудненія; люди могли идти только по два въ рядъ, и отрядъ, растянувшись длинною лентою, подвигался весьма медленно. Впереди всѣхъ ѣхалъ наибъ Вали-бекъ съ факелами, свѣтъ которыхъ былъ виденъ далеко впереди и служилъ прекраснымъ сигналомъ о приближеніи русскаго отряда, но плохимъ освѣщеніемъ для шедшихъ позади наиба русскихъ солдатъ: они не видѣли другъ друга, и, чтобы узнать не отстаютъ-ли задніе, должны были перекликаться.

Затрудненія въ пути замедлили движеніе Булгакова, и онъ пришелъ къ селенію Череке не къ разсвѣту, какъ предполагалось, а съ наступленіемъ полнаго дня. Хана не было уже въ селеніи; предувѣдомленный о нашемъ движеніи, онъ оставилъ его часовъ пять тому назадъ. Вали-бекъ достигъ своей цѣли и при этомъ сохранилъ до времени репутацію преданнаго человѣка.

Отрядъ генерала Платова прибылъ еще позднѣе, и оба генерала, сойдясь вмѣстѣ, рѣшили возвратиться въ свои лагери. Булгаковъ хотя и посылалъ нарочныхъ въ селенія Ханалыкъ и Хырызъ съ приказаніемъ, чтобы жители задержали семейство бѣглаго хана, но посылка эта оказалась напрасною. Семейство Шейхъ-Али дѣйствительно переѣхало въ селеніе Ханалыкъ, но жители не задержали его, за что въ наказаніе принуждены были выдать 8 аманатовъ, 150 штукъ рогатаго скота и 100 овецъ на порцію людямъ.

7-го іюля отряды Булгакова и Платова спустились съ высотѣ и первый вернулся въ свой лагерь, а Платовъ присоединился къ войскамъ, расположеннымъ у Куртъ-Булацкаго-ейлага. Шейхъ-Али-ханъ бѣжалъ во владѣнія шекинскаго хана, но и тамъ, не получивъ отъ Селима просимаго имъ пособія, удалился вмѣстѣ съ матерью и женою въ лезгинское селеніе Фемазе, предполагая оттуда пробраться къ горскимъ народамъ, обитавшимъ въ верховьяхъ Самура, что впослѣдствіи и исполнилъ, поселившись въ селеніи Ахты [1]).

Съ удаленіемъ Шейхъ-Али-хана, въ кубинской и дербентской провинціяхъ все пришло въ должный порядокъ и главнокомандующій не придавалъ измѣнническому поступку дербентскаго хана никакого значенія.

«Сей побѣгъ, доносилъ графъ Зубовъ [2]), никакой въ положеніи здѣшнихъ дѣлъ перемѣны не воспричинствовалъ, и онъ, скитаясь нынѣ по деревнямъ, въ ущелинахъ горъ лежащимъ, присылаетъ ко мнѣ всѣхъ своихъ пріятелей съ униженными прошеніями о прощеніи, но сіе ему отказано, потому что приняты самовѣрнѣйшія мѣры къ сохраненію въ землѣ спокойствія, и увѣренность оной болѣе надежна подъ правленіемъ настоящимъ, поелику сестра его, первый дербентскій старшина Хадыръ-бекъ и кубинскій наибъ Вали-бекъ суть злѣйшие его непріятели и отклоняютъ отъ него народное вниманіе.»

Такъ говорилъ графъ Зубовъ, предполагая, что Периджи-ханумъ и Хадыръ-бекъ будутъ стараться сохранить власть въ своихъ рукахъ. На случай же, если бы они приняли сторону Шейхъ-Али-хана, главнокомандующій предполагалъ сдѣлать правителемъ дербентскаго ханства Али-бека-агу, происходившаго отъ прежняго поколѣнія дербентскихъ хановъ, котораго онъ, по собственному выраженію, держалъ «какъ бы въ запасѣ.»

Точно такой же запасъ графъ Зубовъ имѣлъ и для кубинской провинціи въ лицѣ брата бѣжавшаго хана, Гасанъ-бека-аги. Жившій въ Кубѣ и ушедшій оттуда въ Эллису еще во время осады

[1]) Въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ графъ Зубовъ пишетъ Ахты, въ другихъ — Ахти-пару.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 7-го августа 1796 года.

Дербента, Гасанъ-бекъ писалъ теперь къ сестрѣ своей Периджи-ханумъ, что онъ охотно бы возвратился въ Кубу, если бы былъ увѣренъ въ прощеніи. Графъ Зубовъ приказалъ сказать ему, что можетъ пріѣхать въ этотъ городъ, не опасаясь за свою участь. Возвращеніе Гасанъ-бека было полезно для насъ въ томъ отношеніи, что въ случаѣ непріязненныхъ поступковъ кубинскаго наиба, Гасанъ могъ быть поставленъ на его мѣсто, или провозглашенъ ханомъ кубинской провинціи.

Такимъ образомъ, главнокомандующій всегда располагалъ прекраснымъ средствомъ къ обузданію поставленныхъ имъ правителей. Что же касается жителей, то, желая отклонить ихъ отъ всѣхъ непріятностей, которымъ они могли бы подвергнуться въ случаѣ единомыслія съ бывшимъ своимъ ханомъ, графъ Зубовъ предписалъ находившимся въ Кубѣ генералъ-маіору Булгакову и въ Дербентѣ—генералъ-маіору Савельеву принять мѣры къ тому, чтобы Шейхъ-Али-ханъ не возмутилъ бывшихъ своихъ подданныхъ или неблагонамѣренныхъ къ намъ сосѣдей, въ числѣ которыхъ былъ хамбутай казыкумухскій и Омаръ-ханъ аварскій. Съ этою цѣлью, какъ Булгакову, такъ и Савельеву поручено взять отъ всѣхъ сельскихъ старшинъ аманатовъ, которыхъ содержать при себѣ и въ то же время стараться привлечь на свою сторону хамбутая казыкумухскаго и Омаръ-хана аварскаго, обѣщая имъ, въ случаѣ нужды, выдавать ежегодное содержаніе.

Оба эти владѣльца, хотя и не выказывали непріязненныхъ поступковъ, были въ числѣ явныхъ недоброжелателей Россіи. Полагаясь на обѣщаніе Порты оказать имъ помощь противъ притязаній Россіи, ханы казыкумухскій и аварскій не только сами отказывались отъ вступленія въ подданство Россіи, но старались возстановить противъ насъ преданныхъ намъ владѣльцевъ. Они упрекали кадія табасаранскаго въ приверженности Россіи и угрожали ему мщеніемъ.

«Ты клятвопреступникъ, говорили они, ты нарушилъ нашу вѣру и, пропустивъ русскія войска черезъ свои владѣнія, далъ имъ средство взять Дербентъ. За цѣлость этого города мы всѣ должны были умереть, прежде чѣмъ отдавать его въ руки невѣрныхъ. И что̀ ты получилъ за свои услуги Россіи? — мѣдную

табакерку и ружье. Погоди, скоро прибудутъ сюда турецкія войска, и мы будемъ имѣть возможность наказать тебя за твои поступки.»

Кадій испугался; онъ жаловался на свое затруднительное положеніе генералъ-маіору Савельеву, которому приказано, для удержанія кадія по-прежнему въ вѣрности Россіи, выдать ему тысячу рублей и объявить, что деньги выдаются въ счетъ того жалованья, о ежегодной выдачѣ котораго главнокомандующій ходатайствуетъ у Императрицы.

«Но если онъ, писалъ графъ Зубовъ Савельеву, по неразумію своему, дѣйствительно принимаетъ табакерку за маловажный подарокъ, то растолкуйте ему, что она стоитъ до тысячи рублей и дана ему, не въ награду отъ ея величества за его услуги, а въ знакъ одной пріязни главнокомандующаго. Скажите ему, что онъ всегда можетъ получить за нее чистыя деньги, и если онъ будетъ настаивать на послѣднемъ, то возьмите отъ него табакерку и выдайте, взамѣнъ ея, тысячу рублей.»

Кадій табасаранскій на нѣкоторое время успокоился, но хамбутай казыкумухскій продолжалъ мутить владѣльцевъ Дагестана и сосѣднихъ хановъ. Зная его нерасположеніе къ Россіи и не желая также вступать въ подданство, Селимъ-ханъ шекинскій, съ приближеніемъ русскихъ войскъ къ Шемахѣ, приглашалъ хамбутая къ совокупному сопротивленію.

«Хотя я наружно и буду казаться преданнымъ Россіи, отвѣчалъ хамбутай посланному шекинскаго хана, но ни въ какія дѣла съ Россіею входить не намѣренъ. Что касается до совокупныхъ дѣйствій, то я повидаюсь съ Омаръ-ханомъ аварскимъ, и что съ нимъ рѣшимъ, о томъ сообщу Селимъ-хану.»

Послѣдній, не получая долгое время никакого отвѣта отъ хамбутая казыкумухскаго и видя себя не въ силахъ бороться со столь могущественнымъ противникомъ, счелъ лучшимъ заявить о своей преданности, и 7-го іюля посланный Селима прибылъ въ русскій лагерь. Онъ привезъ просьбу хана прислать къ нему довѣренное лицо, въ присутствіи котораго Селимъ-ханъ могъ бы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ присягнуть на вѣрность Россіи. Графъ Зубовъ исполнилъ желаніе хана, и въ концѣ іюля Селимъ-ханъ

подписалъ присяжный листъ и былъ причисленъ къ числу нашихъ подданныхъ [1]).

Конечно, подданство это было вынужденное, точно такъ же какъ и подданство Мустафы-хана шемахинскаго (ширванскаго). Хотя Мустафа и приглашалъ графа Зубова въ свои владѣнія, но дѣлалъ это не изъ искренняго расположенія, а въ той увѣренности, что русскимъ войскамъ нѣтъ возможности миновать его владѣнія. Съ своей стороны, главнокомандующій, воспользовавшись этимъ приглашеніемъ, отправилъ къ Мустафѣ подполковника Аклечеева, который, представивъ хану всѣ выгоды, которыя онъ можетъ имѣть, находясь подъ защитою Россіи, успѣлъ склонить Мустафу принять подданство вмѣстѣ съ чиновниками и народомъ.

Мустафа подписалъ присяжный листъ, но выѣхать на свиданіе съ графомъ Зубовымъ не рѣшался до тѣхъ поръ, пока посланный въ Шемаху армянскій архіепископъ Іосифъ не поклялся въ совершенной безопасности хана.

Заручившись клятвою Іосифа и оставивъ его въ Шемахѣ въ видѣ заложника, Мустафа, въ сопровожденіи многочисленной свиты, выѣхалъ на встрѣчу главнокомандующему, объѣзжавшему передовыя войска, расположенныя близъ Старой Шемахи. Свиданіе это было самое дружеское и сопровождалось парадомъ егерскаго баталіона. Графъ Зубовъ, отъ имени Императрицы, обѣщалъ хану покровительство и защиту, а Мустафа, заявляя о своей преданности, просилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія русскаго правительства. Давъ слово исполнить просьбу хана, главнокомандующій подарилъ ему саблю, украшенную драгоцѣнными камнями и 40 камчатскихъ соболей [2]). Возвратившись въ Шемаху совершенно успокоеннымъ, Мустафа отпустилъ архіепископа Іосифа въ русскій лагерь.

Послѣдній, послѣ занятія Дербента отправилъ, отъ своего имени, воззваніе ко всѣмъ армянамъ, жившимъ въ этомъ городѣ.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова 25-го іюля 1796 г.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова отъ 30-го іюля 1796 года.

Посылая свое благословеніе *«угнетенному народу Божію»*, Іосифъ писалъ армянамъ, что хотя его сердцу и больно было слышать о несчастіи и угнетеніи, претерпѣваемыхъ армянами отъ рукъ невѣрныхъ, среди которыхъ они жили, но что, какъ ему, архипастырю, такъ и самимъ армянамъ не оставалось ничего болѣе, «какъ теплыми молитвами просить Бога» объ избавленіи отъ ига невѣрныхъ. «Теперь, говорилъ Іосифъ [1]), Всевышній Боже услышалъ молитвы ваши, не отринулъ васъ отъ благотворнаго покрова своего, тронувъ сердце сострадательной Всемилостивѣйшей Государыни для избавленія васъ отъ притѣснителей вашихъ и для осушенія слезъ вашихъ. Принявши подъ матерній покровъ свой и подъ скипетръ, она будетъ охранять васъ въ мирѣ и тишинѣ, какъ вы сіе пожелаете.

«Итакъ, разсѣялась тьма, удалились притѣснители ваши, кончилась сила и варварская власть ихъ, посредствомъ храбраго сіятельнѣйшаго графа Валеріана Зубова, истиннаго благодѣтеля нашей націи, какъ вы сіе на самомъ дѣлъ испытали. Посему поздравляю съ избавленіемъ вашимъ и благодарю Господа, что сіе послучилось безъ кровопролитія и потери со стороны вашей. Подтверждаю всѣмъ вообще гражданамъ и поселянамъ, священнослужителямъ и мирянамъ быть осторожными и, предавъ забвенію всѣ претерпѣнныя вами угнетенія, усердствовать приверженностью къ Императорскому престолу и повелѣніямъ сіятельнѣйшаго графа, васъ избавившаго.

«Граждане! докажите ему стараніями вашими, что вы можете быть достойными гражданами, а вы поселяне, — что занимаетесь праведными трудами и земледѣліемъ; а тѣ, кои имѣютъ духъ храбрый и воинственный, можете храбростью своею доказать вѣрность и приверженность вашу и заслужить тѣмъ довѣренность графа, дабы онъ, будучи поведеніемъ вашимъ доволенъ, донесъ объ этомъ ея императорскому величеству. Итакъ, какъ изъ всей армянской націи вы первые видѣли спасеніе и пользуетесь онымъ, то старайтесь быть единодушными и на дѣлѣ доказать приверженность вашу первому полководцу, и дѣянія вѣрности вашей да

[1]) Въ посланіи отъ 22-го мая 1796 г. Воен. учен. Арх., д. № 1283.

послужатъ вѣрностію и тѣмъ изъ нашей націи, кои съ подобнымъ рвеніемъ ждутъ вожделѣннаго спасенія... Можетъ быть, я, если угодно будетъ Богу, увижу сыновей своихъ, и Господь, спасшій и обрадовавшій васъ, спасетъ и обрадуетъ остальныхъ изъ нашей націи и *не предастъ васъ болѣе въ руки притѣснителей вашихъ.* Да отворятся для васъ врата счастія и да усилитъ болѣе и болѣе Всевышній десницу полководца вашего, и какъ врата Дербента открыты, *да откроются врата вашей Арменіи.*»

Іосифъ пріѣхалъ въ Дербентъ тогда, когда графъ Зубовъ двинулся далѣе. Пользуясь вниманіемъ, которое оказывали ему многія вліятельныя лица въ Россіи, армянскій архіепископъ вздумалъ вмѣшаться съ дѣла покореннаго ханства. Іосифъ сталъ отбирать христіанъ, жившихъ по разнымъ случаямъ среди магометанскихъ семействъ, не упускалъ случая придираться къ мусульманамъ, старался унизить послѣднихъ предъ армянами, словомъ, въ самое короткое время своего пребыванія въ Дербентѣ возстановилъ противъ себя все населеніе. Генералъ-маіоръ Савельевъ жаловался графу Зубову, что архіепископъ самопроизвольно вмѣшивается въ дѣла, а дербентскій наибъ Хадыръ-бекъ просилъ уволить его отъ должности. Главнокомандующій отправилъ Савельеву открытое предписаніе, въ которомъ сообщалъ, что, будучи начальникомъ гарнизона и исполнителемъ предначертаній одного только главнокомандующаго, онъ обязанъ не допускать никакихъ постороннихъ вліяній и прежде всего имѣть въ виду, что спокойствіе страны обезпечивается удаленіемъ отъ жителей всякаго неудовольствія, и слѣдовательно «запрещать и истреблять все, что можетъ навести имъ безпокойства».

Не довольствуясь этимъ предписаніемъ, безъ сомнѣнія, скоро сдѣлавшимся извѣстнымъ армянскому архіепископу, графъ Зубовъ вызвалъ Іосифа въ главную квартиру, но и тамъ принужденъ былъ ограничить слишкомъ неумѣстную и даже вредную дѣятельность архипастыря.

Войдя въ сношеніе съ эчміадзинскимъ патріархомъ и не спрашивая ничьего позволенія, Іосифъ написалъ вмѣстѣ съ нимъ коллективное посланіе къ армянамъ, жившимъ въ Карабагѣ (шушин-

*

скомъ ханствѣ) и другихъ мѣстахъ Закавказья, въ которомъ говорилось, что русскія войска вступили въ Персію съ главнымъ намѣреніемъ освободить армянъ отъ ига мусульманъ и сдѣлать ихъ независимыми. Это посланіе произвело всеобщее волненіе среди жителей Закавказья: армяне мечтали о возстановленіи царства «Великой Арменіи», мусульмане же, напротивъ, опасались порабощенія и утраты ихъ господства и привилегій. Болѣе другихъ это извѣстіе озаботило Ибраимъ-хана шушинскаго, имѣвшаго основаніе предполагать, что русскіе приближаются къ его владѣніямъ съ цѣлью сложить съ него ханское достоинство. Убѣжденіе въ послѣднемъ было тѣмъ сильнѣе у Ибраимъ-хана, что во время осады Ганжи онъ слышалъ то же самое и отъ грузинскаго царя Ираклія.

Мы видѣли, что Ираклій не хотѣлъ упустить изъ рукъ *«добычи ганжинской»*, и потому еще въ февралѣ мѣсяцѣ отправилъ къ Ганжѣ сына своего царевича Александра, какъ говорили тогда, съ тремя тысячами человѣкъ не войска, а ополчившихся грузинъ, потому что нельзя же назвать войскомъ людей босыхъ, съ палками, безъ ружей [1]), и имѣвшихъ весьма скудныя средства для пропитанія. Во время похода грузины слѣдовали партіями, человѣкъ по пятнадцати, причемъ каждый обязанъ былъ имѣть при себѣ провіантъ и продовольствоваться, какъ знаетъ. Естественно, что тѣ, которые выступали въ походъ прежде другихъ, скорѣе расходовали свой провіантъ и возвращались домой, не испрашивая ничьего позволенія, такъ что ни царь, а равно никто изъ начальниковъ, не могъ опредѣлить дѣйствительнаго числа войскъ, и было-ли съ царевичемъ Александромъ дѣйствительно три тысячи человѣкъ, сказать трудно. За то достовѣрно извѣстно, что не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня обложенія Ганжи, какъ всѣ войска Александра, за недостаткомъ продовольствія, разошлись по домамъ. Подъ Ганжею осталось только сто человѣкъ грузинъ, когда Ибраимъ-ханъ шушинскій и Омаръ-ханъ аварскій, по совѣту того же Ираклія, подошли съ своими войсками къ городу и осадили его. Пока Ираклій собиралъ вторично свои войска, кара-

[1]) Рапортъ Сырохнева графу Зубову 11-го іюня 1796 года, № 390.

багскій ханъ велъ переговоры съ Джевадъ-ханомъ, и какъ только узналъ о вторичномъ движеніи грузинскихъ войскъ, Ибраимъ тотчасъ же заключилъ съ ганжинскимъ ханомъ перемиріе, взялъ съ него 10,000 рублей, сына и сестру въ аманаты, и отступилъ отъ крѣпости. Аварскій ханъ удовольствовался выдачею по сорока рублей на каждаго изъ его воиновъ и также ушелъ въ свои владѣнія. Когда въ маѣ Ираклій подошелъ къ Ганжѣ, то все уже было покончено и ему не оставалось ничего болѣе, какъ удовольствоваться возвращеніемъ захваченныхъ, при нашествіи Аги-Магометъ-хана, четырехсотъ человѣкъ плѣнныхъ грузинъ. Раздосадованный измѣною, Ираклій высказалъ Ибраиму, что русскія войска присланы въ Персію для усиленія Грузіи и подчиненія власти царя какъ его, Ибраимъ-хана, такъ и другихъ магометанскихъ владѣльцевъ.

Послѣ такихъ угрозъ посланіе армянскаго патріарха и архіепископа Іосифа должно было крайне встревожить Ибраимъ-хана. Онъ призвалъ къ себѣ мелика Джемширова и, угрожая ему казнію, если не утихнетъ волненіе, прибавилъ однако же, что боится русскихъ столько же, сколько и Агу-Магометъ-хана. Тѣмъ не менѣе, для устраненія грозившей, по его мнѣнію, опасности, Ибраимъ отправилъ своихъ посланныхъ къ Мустафѣ-хану шемахинскому и Селиму шекинскому съ намѣреніемъ заключить съ ними оборонительный союзъ противъ русскихъ. Будучи въ ссорѣ съ Селимомъ, Ибраимъ старался примириться съ нимъ, искалъ руки его сестры и въ то же время, подъ предлогомъ привѣтствованія главнокомандующаго, отправилъ одного изъ довѣреннѣйшихъ лицъ въ русскій лагерь съ значительною суммою денегъ и съ порученіемъ склонить на свою сторону, при помощи обѣщаній и подарковъ, находившагося въ нашемъ лагерѣ Нуръ-Али-хана и уговорить его убить главнокомандующаго.

Двадцатилѣтній Нуръ-Али-ханъ, родной племянникъ извѣстнаго Керимъ-хана, по неудовольствію бѣжалъ изъ Персіи и явился къ графу Зубову еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ пріѣзда главнокомандующаго въ Кизляръ [1]). Заявляя о своей преданности

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова 19-го апрѣля 1796 года.

Россіи, Нуръ-Али высказалъ желаніе служить при русскихъ войскахъ, и графъ Зубовъ взялъ его съ собою, полагая, что онъ можетъ быть съ пользою употребленъ по персидскимъ дѣламъ.

Во все время пребыванія своего въ русскомъ лагерѣ, Нуръ-Али пользовался полнымъ вниманіемъ главнокомандующаго и велъ себя такъ, что не подавалъ никакого повода къ сомнѣнію относительно его вѣрности и преданности Россіи. Онъ называлъ графа Зубова своимъ отцомъ и казался преданнымъ ему всею сыновнею горячностью. Не получая ни въ чемъ отказа, Нуръ-Али успѣлъ собрать около себя до ста человѣкъ персіянъ, подъ именемъ нукеровъ, конюшихъ, верблюжниковъ и проч. Окруженный столь многочисленною свитою и получая значительное содержаніе, онъ жилъ въ свое удовольствіе, въ особенности со времени побѣга Шейхъ-Али-хана, оставшееся имущество котораго было отдано Нуръ-Али-хану.

Молодой ханъ днемъ занимался джигитовкою, а по вечерамъ, окруженный толпою своихъ нукеровъ, наслаждался пѣсенниками, которые, по словамъ очевидца, имѣя весьма пріятные голоса, «по большей части пѣли одну любовную персидскую пѣсню, которая столь понравилась у насъ въ арміи, что почти всѣ ее вытвердили и пѣли» [1]).

Казалось, что Нуръ-Али нечего было желать лучшаго, но, какъ истый персіянинъ, онъ, не обладая великодушіемъ и благодарностью, носилъ въ себѣ коварство и измѣну. Вскорѣ послѣ прибытія въ русскій лагерь посла шушинскаго хана, стали замѣчать, что Нуръ-Али по ночамъ выходитъ изъ палатки и весьма часто совѣщается съ посланными Ибраима. На вопросъ о причинахъ такого поведенія, Нуръ-Али отвѣчалъ, что ходитъ для того, чтобы вывѣдать отъ посланнаго что либо полезное для главнокомандующаго [2]). Не имѣя основанія обвинять хана въ измѣнѣ, графъ Зубовъ оставилъ его до времени на свободѣ, но приказалъ слѣдить за его поведеніемъ и поступками. Нуръ-Али продолжалъ свои сношенія съ посланнымъ Ибраимъ-хана, который передалъ ему три

---

[1]) Артемій Араратскій, ч. II, 153.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ графа Зубова 27-го августа 1796 года.

тысячи рублей денегъ и заявилъ, что если онъ исполнитъ задуманное предпріятіе, то Ибраимъ-ханъ обязуется выдать за Нуръ-Али свою дочь, красавицу, извѣстную всему Закавказью и впослѣдствіи украшавшую гаремъ Фетъ-Али-шаха. Прельщенный такимъ обѣщаніемъ, молодой ханъ склонился на сторону Ибраимъ-хана и, по наущенію его посланнаго, вошелъ въ сношеніе съ Мустафою, ханомъ шемахинскимъ и Селимомъ, ханомъ шекинскимъ. Подъ видомъ откровенности и истиннаго расположенія, Нуръ-Али сообщилъ имъ, что главнокомандующій, за медленную присылку заложниковъ, имѣетъ въ виду низложить какъ Мустафу, такъ и Селимъ-хана шекинскаго, а вмѣсто нихъ поручить управленіе ему, Нуръ-Али; но что онъ, радѣя своимъ единовѣрцамъ и по долгу магометанской религіи, извѣщаетъ о томъ хановъ. Нетрудно представить себѣ то впечатлѣніе, которое произвело это извѣстіе на обоихъ хановъ, и безъ того мало преданныхъ Россіи. До сихъ поръ враждебные другъ другу [1]), они готовы были теперь соединиться вмѣстѣ, чтобы дѣйствовать совокупными силами противъ русскихъ войскъ. Существовавшую между ними вражду они хотѣли сдѣлать орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ. Подъ предлогомъ взаимнаго примиренія, оба хана отправили къ графу Зубову своихъ посланныхъ съ объявленіемъ, что желаютъ съѣхаться на свиданіе и просятъ главнокомандующаго не тревожиться тѣмъ, что они станутъ собирать войска въ значительномъ числѣ.

— По бывшему между ханами несогласію, говорили посланные, осторожность воспрещаетъ имъ при свиданіи быть въ малыхъ силахъ и имѣть менѣе пяти тысячъ человѣкъ съ каждой стороны.

— При всякомъ сборѣ болѣе пятисотъ человѣкъ, отвѣчалъ на это графъ Зубовъ, осторожность съ моей стороны требуетъ ввести свои силы въ тѣ земли, гдѣ составляется сильное ополченіе, и потому я желалъ бы, чтобы ханы своихъ войскъ не собирали.

---

[1]) Когда Мустафа-ханъ, изгнавъ изъ Шемахи бывшаго тамъ ханомъ своего двоюроднаго брата Касима, овладѣлъ ханствомъ, то сей послѣдній былъ принятъ Селимомъ, ханомъ шекинскимъ, и поселился въ его владѣніяхъ. Съ тѣхъ поръ, между ханами шемахинскимъ и шекинскимъ постоянно существовали враждебныя отношенія другъ къ другу.

Не смотря на такое предупрежденіе, ханы готовились къ оборонѣ. У шекинскаго хана, въ теченіе четырехъ сутокъ, каждую ночь собирались чиновники и совѣтники, и, наконецъ, положили сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ жители вооружились тайнымъ образомъ.

То же самое сдѣлалъ и ханъ шемахинскій. Переговоры и совѣщанія эти не могли оставаться тайною и до главнокомандующаго стали доходить слухи о существованіи тайныхъ сношеній и весьма частыхъ пересылокъ между ханами шемахинскимъ, шекинскимъ и шушинскимъ. Хотя причина этихъ сношеній въ началѣ и не была извѣстна, но скоро случай открылъ всѣ козни враговъ Россіи.

Однажды, Нуръ-Али-ханъ, занимаясь, по обыкновенію, джигитовкою, уронилъ съ головы шапку. Приставленный для наблюденія за ханомъ чиновникъ замѣтилъ при этомъ, что изъ шапки выпало письмо, адресованное къ Мустафѣ-хану шемахинскому, поднялъ его и спряталъ отъ хана. Послѣдній, позабывъ о вложенномъ въ шапку письмѣ, въ теченіе цѣлаго дня не хватился его, и оно было тотчасъ же представлено главнокомандующему. Нуръ-Али-ханъ назначалъ Мустафѣ день и часъ, когда онъ долженъ былъ напасть нечаянно на русскій лагерь и стараться окружить ставку главнокомандующаго. Молодой ханъ обѣщалъ быть со своею свитою въ совершенной готовности и совокупными силами убить графа Зубова. Судя по себѣ, персіяне полагали, что со смертью главнокомандующаго всѣ планы русскихъ рушатся, войска разбѣгутся и заговорщики останутся побѣдителями.

Съ наступленіемъ ночи, палатка Нуръ-Али-хана была, по приказанію графа Зубова, окружена войсками, ханъ былъ арестованъ и впослѣдствіи отправленъ черезъ Баку въ Астрахань. Вмѣстѣ съ арестомъ хана была взята и вся его свита, у которой найдено тайно приготовленное оружіе, имѣть которое персіянамъ было строго воспрещено.

Извѣстіе о томъ, что Нуръ-Али арестованъ и замыселъ его открытъ, заставило Мустафу-хана шемахинскаго бѣжать на гору Фитъ-Дагъ и запереться въ тамошней крѣпости. Селимъ-ханъ притихъ и до времени оставался въ своемъ владѣніи, а Ибраимъ-

ханъ шушинскій, желая скрыть свое участіе въ общемъ заговорѣ противъ главнокомандующаго, отправилъ въ русскій лагерь своего сына Абулъ-Фетъ-агу съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что посылаетъ сына въ знакъ отличнаго усердія къ высочайшему престолу.

Полагая, что бѣгство Мустафы можетъ вызвать между шемахинцами волненіе, подобное тому, которое было вызвано побѣгомъ Шейхъ-Али-хана среди кубинцевъ, графъ Зубовъ разослалъ оповѣщеніе, въ которомъ просилъ, какъ шемахинцевъ, такъ и шекинцевъ оставаться спокойными, и поручилъ архіепископу Іосифу объяснить ханамъ, черезъ преданныхъ ему армянъ, что русскіе не имѣютъ противъ нихъ никакихъ вредныхъ намѣреній.

Въ то же время главнокомандующій, не перемѣняя дружескаго тона и не подавая вида, что знаетъ объ участіи Мустафы въ общемъ покушеніи на его жизнь, написалъ хану письмо, гдѣ говорилъ, что по доходящимъ до него слухамъ, которымъ, впрочемъ, онъ не даетъ вѣры, нѣкоторые недоброжелательные люди стараются прервать между ними добрыя отношенія и пріязнь, «которая съ его, Мустафы-хана, стороны утверждена клятвеннымъ вступленіемъ въ подданство ея императорскаго величества». Графъ Зубовъ писалъ, что, не видя ни основаній, ни выгоды для хана въ прекращеніи дружественныхъ отношеній, отправляетъ къ нему маіора Качкачева, вмѣстѣ съ посланнымъ хана карабагскаго, коимъ поручаетъ объявить Мустафѣ свое расположеніе, и чтобы успокоить обѣ стороны, проситъ исполнить требованіе, которое словесно будетъ объявлено маіоромъ Качкачевымъ.

Ибраимъ-хану главнокомандующій писалъ, что удерживалъ его посланнаго такъ долго въ своемъ лагерѣ потому, что въ лицѣ его желалъ ближе ознакомиться съ самимъ Ибраимъ-ханомъ, узнать его виды и намѣренія, соблюдать которыя онъ самъ искренно желаетъ.

По пріѣздѣ въ Шемаху, маіоръ Качкачевъ передалъ Мустафѣ желаніе главнокомандующаго, чтобы ханъ прислалъ въ аманаты брата своего, молодаго мальчика, и, въ доказательство своего расположенія, пріѣхалъ бы самъ въ русскій лагерь для свиданія съ графомъ Зубовымъ. Мустафа отвѣчалъ, что готовъ исполнить все

желанія главнокомандующаго, но считаетъ для себя обиднымъ требованіе брата въ аманаты и видитъ въ этомъ сомнѣніе въ его вѣрности.

— Я на столько преданъ Россіи, говорилъ Мустафа, что прошу считать владѣнія мои не иначе, какъ Астраханскою губерніею, и хотя Ага-Магометъ-ханъ требовалъ отъ меня присылки аманатовъ, но я не только изъ родственниковъ, но даже и изъ подчиненныхъ никого не послалъ, а всегда былъ и есмь ему непріятель. Когда русскія войска прибыли къ Дербенту, я одинъ разбилъ войска Аги-Магометъ-хана и свою приверженность Россіи засвидѣтельствовалъ лично главнокомандующему.

Что касается до пріѣзда въ русскій лагерь, то Мустафа уклонялся отъ этого, говоря, что опасается графа Зубова, «какъ человѣка бо̀льшаго и во всемъ предъ нимъ преимущественнѣйшаго.» Ханъ просилъ доставить ему случай видѣться съ кѣмъ нибудь изъ генераловъ или съ армянскимъ архіепископомъ Іосифомъ, для чего и обѣщалъ выѣхать изъ Шемахи въ то селеніе, которое назначено будетъ мѣстомъ свиданія. Главнокомандующій отвѣчалъ, что Мустафа можетъ видѣться съ архіепископомъ Іосифомъ въ ближайшемъ армянскомъ монастырѣ.

Свиданіе это состоялось въ монастырѣ св. Стефана. Іосифъ, по порученію графа Зубова, объявилъ Мустафѣ, что главнокомандующій желаетъ пріѣзда его въ лагерь для того, чтобы возстановить прежнюю дружбу, разстроенную людьми недоброжелательными, что онъ не имѣетъ намѣренія сдѣлать что либо непріятное хану, а тѣмъ болѣе низложить его и замѣнить другимъ, и что, наконецъ, оставаясь спокойнымъ, Мустафа можетъ разсчитывать на полное во всемъ содѣйствіе со стороны главнокомандующаго, такъ какъ онъ и все его ханство находятся подъ покровительствомъ Россіи.

Ханъ просилъ архіепископа присягнуть въ томъ, что все сказанное имъ справедливо, и когда Іосифъ исполнилъ требованіе хана, то послѣдній, съ своей стороны, также вторично присягнулъ быть навсегда вѣрнымъ подданнымъ русской Императрицѣ, но въ русскій лагерь все таки не пріѣхалъ и, какъ увидимъ, весьма скоро нарушилъ данную клятву. Поводомъ къ такому нарушенію

были происки хамбутая казыкумухскаго и Шейхъ-Али, бывшаго хана дербентскаго.

Все еще жившій въ селеніи Ахты и претерпѣвавшій крайнюю нужду Шейхъ-Али, не видя ни отъ кого помощи, намѣренъ былъ пробраться во владѣнія султана эллисуйскаго или удалиться въ Персію. Узнавши объ этомъ, хамбутай казыкумухскій отговаривалъ бывшаго хана отъ такого поступка и даже имѣлъ съ нимъ личное свиданіе, при которомъ совѣтовалъ Шейхъ-Али остаться въ селеніи Ахты. Онъ говорилъ ему, что русскія войска не могутъ оставаться вѣчно въ Дагестанѣ, что они должны скоро возвратиться на линію, и тогда обѣщалъ возстановить Шейхъ-Али, по-прежнему, въ ханскомъ достоинствѣ.

Хамбутай разсчитывалъ, что пока Шейхъ-Али-ханъ будетъ находиться среди ахтинцевъ, принадлежавшихъ прежде кубинскимъ ханамъ, до тѣхъ поръ они все-таки будутъ признавать надъ собою нѣкоторое вліяніе хамбутая, но какъ только Шейхъ-Али оставитъ селеніе, то жители легко могутъ изъявить желаніе присоединиться къ кубинской провинціи и, слѣдовательно, поступить подъ защиту Россіи.

Шейхъ-Али-ханъ соглашался остаться въ селеніи Ахты, но жаловался хану казыкумухскому на недостатокъ средствъ къ жизни, и хотя послѣдній прислалъ ему въ подарокъ пять лошадей, но тѣмъ и ограничилъ свое вспомоществованіе. Несчастный ханъ принужденъ былъ всѣ имѣвшіяся у него серебряныя вещи передѣлать въ хамбутаеву монету, чтобы покупать необходимое для пропитанія.

Въ виду столь безвыходнаго положенія, Шейхъ-Али, скрытно отъ хамбутая, отправилъ своего довѣреннаго къ кадію акушенскому съ просьбою, чтобы онъ, черезъ пользующихся расположеніемъ и довѣріемъ русскаго правительства шамхала тарковскаго и его сына Мегтія, испросилъ ему прощеніе. Посланный говорилъ кадію акушенскому, что если онъ и шамхалъ удостовѣрятъ Шейхъ-Али въ совершенной безопасности, то онъ тотчасъ же пріѣдетъ въ Кубу съ повинною къ графу Зубову, и возьметъ въ жены дочь шамхала, въ то время вдову, бывшую въ замужествѣ за покойнымъ его братомъ, Ахметъ-ханомъ.

Только что присягнувшій на подданство Россіи кадій акушенскій не думалъ о Шейхъ-Али-ханѣ, а хлопоталъ о возвращеніи оружія, отобраннаго у даргинцевъ и акушенцевъ при занятіи нами Дербента. Видя и здѣсь неудачу, Шейхъ-Али, по совѣту матери, высказывалъ желаніе покориться, выдать аманатовъ и хотѣлъ просить уже не о возвращеніи ханства, а о доставленіи ему сколько нибудь спокойной жизни и обезпеченнаго существованія, но и на этотъ разъ бывшіе при немъ чиновники и въ особенности мирза Каспулатъ, которому онъ болѣе всего вѣрилъ, отговорили его отъ такого намѣренія [1]). Они, напротивъ того, старались всѣми силами возстановить противъ Россіи дербентцевъ и кубинцевъ и успѣли на столько, что до главнокомандующаго стали доходить слухи, что кубинскій наибъ Вали-бекъ, наружно намъ преданный, въ дѣйствительности поддерживаетъ постоянныя сношенія съ Шейхъ-Али-ханомъ и находится въ числѣ нашихъ недоброжелателей.

Не придавая этимъ слухамъ полнаго значенія достовѣрности, графъ Зубовъ поручилъ, однако же, Булгакову наблюдать за поведеніемъ Вали-бека и стараться вызвать поскорѣе въ Кубу Гасанъ-бека-агу, брата Шейхъ-Али-хана. Зная, что Гасанъ пользуется большимъ уваженіемъ среди жителей Кубинскаго ханства, графъ Зубовъ предполагалъ сдѣлать его ханомъ и тѣмъ еще болѣе обезпечить преданность къ намъ жителей этой провинціи. Гасанъ-бекъ изъявилъ на это согласіе, благодарилъ главнокомандующаго и обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ времени пріѣхать въ Кубу.

«По измѣнѣ Шейхъ-Али, писалъ графъ Зубовъ генералу Савельеву [2]), дербентская и кубинская провинціи остаются безъ настоящаго и прочнаго обладателя, а безъ того обитатели не могутъ имѣть основательной въ своемъ благосостояніи увѣренности, то нынѣ, по обнаженіи передо мною сущаго положенія занимаемыхъ нашими войсками областей и причинъ связей ихъ и способовъ къ упроченію оныхъ, предполагалъ бы я, возстановя въ Кубѣ законнаго сына Фетъ-Али-хана, Гасанъ-бека, дочь его,

[1]) Рапортъ Булгакова графу Зубову 18-го августа 1796 года, № 558.

[2]) Отъ 20-го сентября 1796 года.

Фетъ-Али-хана, дербентскую правительницу (Периджи-ханумъ) соединить съ Мегтіемъ бойнакскимъ, коему отецъ уступаетъ титло, право и всѣ владѣнія шамхальскія [1]) и который—по положенію сихъ владѣній, близкому къ нашимъ границамъ и открытому—никогда не можетъ отбыть отъ нашей зависимости. Прочное и выгодное усиленіе въ томъ краю такого владѣльца, учиня его дербентскимъ ханомъ, можетъ служить къ соединенію Ширвана съ Дагестаномъ и на настоящія и будущія времена, по многимъ невмѣстимымъ здѣсь соображеніямъ, можетъ быть весьма намъ полезно и безопасно, когда дербентская крѣпость будетъ нами занимаема.

«Вслѣдствіе чего прошу васъ, сообразя всѣ извѣстныя относительно сочетанія Мегтія съ дербентскою правительницею и введенія его во владѣніе Дербентомъ обстоятельства, внутреннее положеніе дербентской области и отношенія оной внѣшнія (я разумѣю связи съ Кубою и съ горцами посредствомъ Кюринской провинціи), увѣдомить меня въ подробности, не утаивая и не уменьшая тѣхъ препятствій, кои при семъ предвидѣть можете,—*но не чините предложеній*».

Усиленіе шамхала тарковскаго присоединеніемъ къ его владѣніямъ дербентскаго ханства графъ Зубовъ признавалъ полезнымъ для Россіи въ томъ отношеніи, что оно могло служить къ обузданію хамбутая казыкумухскаго, человѣка наиболѣе другихъ недоброжелательнаго къ видамъ нашего правительства. Лежащая на плоскости Кюринская провинція, нѣкогда принадлежавшая Дербентскому ханству и сопредѣльная съ нимъ, въ послѣднее время находилась во владѣніи Сурхая, хамбутая казыкумухскаго, и составляла самую существенную часть его владѣній, ибо весь скотъ его подданныхъ, на осень и зиму, спускался съ горъ на плоскость и пользовался пастбищными мѣстами Кюринской области. Сопредѣльность послѣдней съ Дербентскимъ ханствомъ и неимѣніе прочной защиты были причиною, что Сурхай и его поддан-

[1]) 10-го августа прибылъ въ лагерь посланный шамхала тарковскаго съ письмомъ, въ которомъ Мухамедъ отказывался отъ управленія шамхальствомъ, и передавалъ свое званіе, права и преимущества сыну Мегтію, беку бойнакскому. Утвержденіе послѣдняго въ шамхальскомъ достоинствѣ послѣдовало гораздо позже, а именно въ маѣ 1797 года.

ные всегда нуждались въ добромъ къ нимъ расположенiи дербентскихъ владѣльцевъ и хранили съ ними союзъ. Съ другой стороны, жители кубинскаго ханства всегда находили убѣжище въ Дербентѣ, въ случаѣ нападенiя горцевъ, и потому сначала сохраняли связь, а потомъ соединились подъ одною властью дербентскихъ и кубинскихъ хановъ.

Такимъ образомъ, сочетавъ Мегтiя бракомъ съ Периджи-ханумъ и поставивъ Гасана ханомъ въ кубинской провинцiи, графъ Зубовъ надѣялся, что они, по родству и по взаимнымъ интересамъ, будутъ находиться въ постоянномъ союзѣ и удержатъ горцевъ отъ непрiязненныхъ дѣйствiй противъ Россiи и своихъ собственныхъ владѣнiй. Что касается до усиленiя шамхала присоединенiемъ къ нему новой провинцiи, главнокомандующiй не находилъ въ этомъ усиленiи ничего противнаго пользамъ нашего правительства, ибо хотя шамхалъ и прiобрѣталъ значительный перевѣсъ надъ прочими дагестанскими владѣльцами, но какъ владѣнiя его были открыты и прилегали къ нашимъ границамъ, а въ Дербентѣ предполагалось содержать постоянный гарнизонъ, то графъ Зубовъ находилъ, что совокупность этихъ причинъ достаточна для того, чтобы шамхалъ сохранялъ отношенiя вѣрнаго подданнаго Россiи.

Всѣ эти соображенiя заставляли главнокомандующаго просить разрѣшенiя Императрицы на приведенiе въ исполненiе его предположенiй и на присоединенiе дербентской области къ владѣнiямъ мамхала тарковскаго.

«Дербентцы, писалъ графъ Зубовъ [1]), конечно, не окажутъ къ сему на первый случай доброхотливости, но есть многiя очевидныя для нихъ въ семъ пользы, ибо до сихъ поръ въ Таркахъ купцы ихъ платятъ великую пошлину и весьма стѣснены они всегда отъ стороны Дагестана. Убѣжденiя сiи и ласковое и справедливое новаго ихъ владѣльца съ ними обращенiе удобно и скоро могли бы ихъ успокоить. Сiе соединенiе Дагестана съ Ширваномъ, обезпеча и съ прочностiю утвердя влiянiе наше отъ Терека до рѣки Куры (ибо и шемахинскiй ханъ при содержанiи нашемъ Баку не возможетъ отважиться къ причиненiю вреда), по-

[1]) Въ письмѣ князю П. А. Зубову, отъ 15-го октября 1796 года, № 92.

ложитъ оплотъ дерзостямъ необузданныхъ горцевъ, а можетъ быть и оные собственными пользами принуждены станутъ пребывать въ тишинѣ, и линія наша съ сей стороны приведется въ бо́льшую безопасность.»

Не ожидая, однако же, утвержденія своихъ представленій, графъ Зубовъ рѣшился привести въ исполненіе свое предположеніе относительно Гасанъ-бека. Сознавая, что вызовъ его въ Кубу долженъ непріятно подѣйствовать, а можетъ быть возстановить противъ насъ дербентскаго наиба Хадыръ-бека, стремившагося къ распространенію своей власти и надъ кубинскимъ ханствомъ, главнокомандующій поручилъ генералъ-маіору Савельеву слѣдить за его поведеніемъ и, въ случаѣ какого либо непріязненнаго поступка, арестовать его и выслать въ Астрахань. Удаленіе Хадыръ-бека не могло имѣть никакого вліянія на дѣла, такъ какъ правительница Дербентскаго ханства, Периджи-ханумъ, сама ходатайствовала за своего брата Гасанъ-бека и даже желала сама пріѣхать въ Кубу, чтобы участвовать въ торжествѣ постановленія его въ ханскомъ достоинствѣ.

Заботясь о томъ, чтобы Гасанъ скорѣе прибылъ въ Кубу, Периджи-ханумъ прислала въ этотъ городъ семнадцать человѣкъ почетнѣйшихъ дербентскихъ старшинъ, которые, соединясь съ двадцатью семью человѣками кубинцевъ, были отправлены въ Эллису—мѣстопребываніе Гасана — въ качествѣ депутатовъ для приглашенія его на ханство.

Извѣстіе о возстановленіи Гасанъ-бека было новымъ ударомъ для Шейхъ-Али-хана, терявшаго послѣднюю надежду на возможность возвращенія въ свои владѣнія. Желая воспрепятствовать намѣренію русскихъ, Шейхъ-Али просилъ содѣйствія хамбутая и черезъ него вошелъ въ сношеніе съ Мустафою-ханомъ шемахинскимъ и Селимомъ шекинскимъ. Мустафа увѣрялъ, что если хамбутай вооружится противъ русскихъ, то и онъ не оставитъ нанести имъ вредъ, а Селимъ говорилъ, что русскихъ страшиться нечего и что каждый истинный мусульманинъ обязанъ противъ нихъ ополчаться. Заручившись такими обѣщаніями, хамбутай рѣшился выдти изъ выжидательнаго положенія и сталъ собирать свои войска.

Посланный, съ небольшимъ числомъ казаковъ, для составленія карты Кубинскаго ханства, капитанъ Симоновичъ донесъ Булгакову, что, бывъ въ селеніи Худатъ, онъ слышалъ, будто бы хамбутай казыкумухскій, войдя въ соглашеніе съ Омаръ-ханомъ аварскимъ и другими владѣльцами, собирается напасть на кубинскій отрядъ изъ селенія Дзейхура, лежащаго на рѣкѣ Самурѣ. Къ этому извѣстію Симоновичъ прибавилъ, что когда онъ, съ находящимися при немъ казаками, приблизился къ этой рѣкѣ, то на противоположномъ берегу ея, во владѣніяхъ хана казыкумухскаго, зажжены были тотчасъ же маяки, и замѣтно было движеніе среди населенія, отправлявшаго свое имущество въ горы.

Почти одновременно съ этимъ донесеніемъ, въ лагерь кубинскаго отряда явились два еврея, съ объявленіемъ, что въ селеніи Ахты и въ особенности во владѣніяхъ хамбутая собираются войска, къ которымъ, по приглашенію, присоединяются джаро-бѣлоканскіе лезгины и другіе горскіе народы. Спустя нѣсколько дней, къ Булгакову прибылъ посланный табасаранскаго владѣльца, съ извѣщеніемъ, что хамбутай набралъ уже до 15,000 человѣкъ войска, составленнаго изъ кюринцевъ, джарцевъ, акушинцевъ, рутульцевъ и другихъ, и что въ тайномъ соглашеніи съ нимъ находятся ханы шемахинскій и шекинскій [1]).

Всѣ эти свѣдѣнія, по своей важности, не могли быть оставлены безъ внимання и вызвали самый бдительный надзоръ за поведеніемъ хамбутая. Посланные генералами Булгаковымъ и Савельевымъ съ разныхъ сторонъ въ Казыкумухъ, возвратившись, приносили неблагопріятныя свѣдѣнія о поступкахъ тамошняго хана. Они единогласно утверждали, что къ хамбутаю прибылъ турецкій эмисаръ, байрактаръ Османъ, съ большою суммою денегъ и письмами отъ сераскира анатолійскаго; что такія же точно письма были адресованы къ Омаръ-хану аварскому; что въ письмахъ этихъ оба владѣльца призываются къ единодушному и совокупному сопротивленію русскимъ, и что хамбутай, по поводу этихъ писемъ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ старшинъ народа. Онъ предъявилъ собравшимся турецкія письма, въ которыхъ говори-

---

[1]) Рапортъ Булгакова графу Зубову 20-го сентября 1796 года.

лось, что если русскіе завладѣютъ персидскими городами, лежащими при подошвѣ Кавказскихъ горъ, то дагестанцы, оставшись въ срединѣ русскихъ владѣній, должны будутъ, не смотря на неприступность ихъ жилищъ, положить оружіе и покориться русскому правительству. По прочтеніи этихъ писемъ, хамбутай высказалъ желаніе противиться завоевательнымъ видамъ Россіи, сдѣлалъ нѣкоторымъ подарки изъ присланныхъ ему денегъ, и приказалъ всѣмъ быть готовыми къ выступленію со своими войсками. Нѣкоторые изъ старшинъ пытались было отклонить своего хана отъ такого намѣренія, говоря, что было бы полезнѣе войти въ пріязненныя отношенія къ русскимъ, потому что и безъ того горцы не могутъ выгнать своего скота на плоскость и должны оттого разориться, но хамбутай не призналъ этихъ доводовъ основательными и приказалъ собирать войска.

Постоянный союзникъ хамбутая Омаръ-ханъ аварскій отказался отъ участія въ нападеніи на русскихъ, считая это невыгоднымъ для себя, въ виду переговоровъ о подданствѣ, веденныхъ имъ съ главнокомандующимъ. Еще въ сентябрѣ Омаръ-ханъ писалъ графу Зубову, что царь Ираклій до сихъ поръ платилъ ему ежегодно по 5,000 рублей ханскими деньгами и, сверхъ того, отдавалъ пятнадцать деревень въ полное его управленіе, а потому ханъ желалъ бы знать, будетъ ли онъ, со вступленіемъ въ подданство Россіи, пользоваться тѣми же преимуществами; какое получитъ онъ отъ Россіи награжденіе и въ какомъ положеніи будутъ находиться къ нему его подданные. Главнокомандующій отвѣчалъ, что со вступленіемъ Омаръ-хана въ подданство ея величества, ему назначено будетъ ежегодное жалованье; что дань, платимая хану грузинскимъ царемъ, останется, по-прежнему, въ полномъ его распоряженіи, и такъ какъ, служа великой Императрицѣ, ханъ «учинится» ему братомъ, то графъ Зубовъ, «радѣя о его пользѣ, не упустить испросить ему особливыхъ благодѣяній.»

Когда офицеръ, посланный съ письмомъ главнокомандующаго, прибылъ въ Омаръ-хану для приведенія его къ присягѣ на подданство Россіи, то ханъ сталъ уклоняться, говоря, что ему надобно подумать и переговорить со своими подданными, для того,

чтобы не только онъ, но и подвластные ему оставались всегда вѣрными русской Императрицѣ.

Переговоры эти шли довольно медленно; ханъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта и, наконецъ, объявилъ, что, вступивъ въ подданство Россiи, опасается быть сравненнымъ съ мелкими владѣльцами, и что ему не будутъ выдавать положеннаго жалованья. Въ обезпеченiе себя, онъ просилъ выдать содержанiе за годъ впередъ и за два года впередъ выдать тѣ деньги, которыя ему слѣдуетъ получить отъ грузинскаго царя.

Конечно, требованiе это не могло быть удовлетворено, и переговоры о подданствѣ аварскаго хана кончились ничѣмъ, но имѣли ту хорошую сторону, что Омаръ не принималъ непосредственнаго участiя въ замыслахъ хамбутая казыкумухскаго. Послѣднiй, не надѣясь на его содѣйствiе, отправилъ брата къ своимъ союзникамъ: ханамъ шекинскому, шемахинскому и шушинскому съ предложенiемъ собрать также свои ополченiя и быть готовыми къ тому времени, когда онъ, «положась на Бога, будетъ драться съ войскомъ россiйскимъ.»

— Если Ага-Магометъ-ханъ услышитъ о нашемъ сопротивленiи, говорилъ хамбутай, отправляя своего брата, то, конечно, при нападенiи на насъ войскъ россiйскихъ подастъ намъ помощь.

Получивъ свѣдѣнiя, что въ Казыкумухѣ собирается весьма значительное ополченiе горцевъ, графъ Зубовъ поручилъ генералу Булгакову присоединить къ себѣ кубинскую конницу, численность которой доходила до 2,000 человѣкъ, и, выступивъ изъ лагеря, приблизиться къ берегамъ рѣки Самура, съ тѣмъ, что въ случаѣ, если бы непрiятель осмѣлился, переправившись въ верховьяхъ этой рѣки, спуститься на плоскость, то атаковать его, но ни въ какомъ случаѣ не преслѣдовать русскими войсками, а употребить для того кубинскую конницу.

Между тѣмъ, 28-го сентября, до Дербента дошли слухи, что хамбутай намѣренъ былъ, въ ночь на 29-е сентября или непремѣнно 30-го числа, переправившись на правый берегъ рѣки Самура, напасть на посты кубинскаго отряда, въ разныхъ мѣстахъ расположенные.

Дѣйствительно, 29-го сентября, одна изъ горскихъ партiй,

спустившись на равнину, атаковала нашъ воловій транспортъ, шедшій съ хлѣбомъ, купленнымъ въ селеніяхъ, расположенныхъ по рѣкѣ Самуру. Хотя транспортъ этотъ и конвоировался командою въ пятьдесятъ человѣкъ, но непріятель успѣлъ отбить 23 повозки, отставшія отъ остальныхъ [1]). На другой день скопище горцевъ напало на стадо воловъ, пасшихся недалеко отъ отряда, причемъ успѣло отогнать 145 воловъ и захватить нѣсколько погоньщиковъ. Оба эти нападенія были совершенно неожиданны для кубинскаго отряда, хотя въ городѣ давно знали о намѣреніяхъ хана казыкумухскаго. За нѣсколько дней до нападенія, старшина селенія Алпанъ пріѣзжалъ къ Вали-беку, совѣтовался съ нимъ и сообщилъ о намѣреніи горцевъ напасть на русскія войска, но кубинскій наибъ, зная о предстоявшемъ нападеніи, не счелъ, конечно, нужнымъ предупредить Булгакова, точно такъ же какъ скрылъ отъ него и то, что мѣстомъ сбора горскаго ополченія избрано селеніе Алпаны, лежащее противъ единственнаго ущелья, по которому горцы могли спуститься на кубинскую равнину. Графъ Зубовъ приказалъ арестовать Вали-бека и доставить въ главную квартиру.

Ободренный первыми успѣхами своихъ сподвижниковъ, Сурхай-ханъ, на разсвѣтѣ 29-го сентября, прислалъ своего чиновника въ селеніе Алпаны, къ тамошнему старшинѣ и своему пріятелю Магометъ-беку, съ извѣстіемъ, что онъ, остановившись за рѣкою Кусарою, намѣренъ прибыть въ его селеніе. Магометъ-бекъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ жителей, отправился навстрѣчу хамбутаю, и, посовѣтовавшись съ нимъ, рѣшилъ, что казыкумухцы займутъ селеніе Алпаны и тотчасъ же разставятъ по всѣмъ дорогамъ пикеты, съ тою цѣлью, чтобы не пропускать никого на кубинскую равнину. Въ тотъ же день, вечеромъ, въ селеніи Алпаны происходило новое совѣщаніе, на которомъ представители разныхъ горскихъ племенъ, рѣшившись воспользоваться всѣми выгодами нечаяннаго нападенія, положили не откладывать его въ долгій ящикъ, но выступить въ полночь, идти къ Кубѣ, какъ можно тише, и сдѣлать нападеніе на русскія войска съ разныхъ сторонъ.

[1]) Рапортъ Булгакова графу Зубову 29-го сентября 1796 года.

*

Между тѣмъ, генералъ Булгаковъ, получивъ изъ Дербента отъ генерала Савельева увѣдомленіе о намѣреніи горцевъ напасть на его отрядъ, отправилъ, для открытія непріятеля, капитана Семенова со 100 человѣками егерей. Пройдя версты четыре и вступивъ въ ущелье, ведущее въ селеніе Алпаны, Семеновъ скоро встрѣтилъ въ немъ непріятельскіе разъѣзды, остановился и послалъ о томъ донесеніе Булгакову. На усиленіе отряда Семенова былъ тотчасъ отправленъ подполковникъ Бакунинъ съ 300 человѣкъ пѣхоты, 100 казаками и двумя орудіями. Только съ наступленіемъ ночи Бакунинъ, втянувшись въ ущелье, успѣлъ соединиться съ отрядомъ Семенова. Ущелье, въ которомъ находились теперь оба отряда, было сплошь покрыто густымъ лѣсомъ, и такъ какъ оно служило единственнымъ проходомъ на кубинскую равнину, то Бакунинъ долженъ бы былъ предполагать, что все скопище горцевъ сосредоточено въ этомъ пунктѣ или гдѣ-нибудь по близости. Не смотря на то, не зная силъ противника, ни мѣста его расположенія, Бакунинъ, не обращая вниманія на темноту ночи, густоту лѣса и незначительность своихъ силъ, рѣшился двигаться впередъ и атаковать непріятеля. Съ первымъ движеніемъ онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами непріятельскихъ разъѣздовъ, и затѣмъ всю ночь имѣлъ безпрерывную перестрѣлку съ передовыми пикетами горцевъ, постепенно отступавшими. На разсвѣтѣ 1-го октября Бакунинъ подошелъ къ селенію Алпаны, расположенному на покатости горы и отдѣленному отъ него оврагомъ, въ глубинѣ котораго скрывался непріятель, численностью въ 15,000 человѣкъ.

Едва нашъ отрядъ сталъ выходить изъ лѣса, оканчивавшагося почти у самаго берега оврага, какъ горцы бросились въ шашки. Атака ихъ была столь стремительна, что бывшія при отрядѣ два орудія успѣли сдѣлать только по нѣскольку выстрѣловъ и были захвачены непріятелемъ. Ободренные своею многочисленностію, горцы дрались отчаянно; они окружили отрядъ со всѣхъ сторонъ и почти уничтожили его. Бакунинъ и Семеновъ были убиты въ самомъ началѣ дѣла; много офицеровъ и нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми или ранеными. Уцѣлѣвшіе отъ общаго погрома, скрывшись за случайно попавшимися бревнами, отбивались

до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нимъ на помощь Углицкій пѣхотный полкъ, съ четырьмя полковыми орудіями, подъ начальствомъ полковника Стоянова.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній объ отрядѣ подполковника Бакунина, генералъ Булгаковъ, услышавъ орудійные выстрѣлы и ружейную перестрѣлку, тотчасъ же отправилъ на помощь Бакунину Углицкій полкъ, но онъ пришелъ на мѣсто дѣйствія тогда, когда отрядъ Бакунина былъ уже уничтоженъ. Горцы до того были увлечены боемъ, что узнали о прибытіи подкрѣпленій лишь тогда, когда въ тылъ имъ посыпались ружейные выстрѣлы и картечь. Видя прибытіе свѣжихъ силъ русскихъ и довольствуясь пріобрѣтенною побѣдою, непріятель сталъ отступать, а когда полковникъ Стояновъ бросился въ штыки, то горцы обратились въ бѣгство, и разсыпались въ разныя стороны. Оставивъ на полѣ сраженія убитаго сына, нѣсколькихъ наибовъ и старшинъ, хамбутай, вмѣстѣ съ Шейхъ-Али-ханомъ, бѣжали въ горы. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 6 человѣкъ офицеровъ убитыми и нижнихъ чиновъ: убитыми 46 и ранеными 94 человѣка [1]).

Непріязненный поступокъ хамбутая требовалъ достойнаго возмездія, но графъ Зубовъ, имѣя въ виду высочайшее повелѣніе не подвергать войска опасности и напрасной потерѣ углубленіемъ въ горы и преслѣдованіемъ хищниковъ, изыскивалъ иной способъ для наказанія хана казыкумухскаго. Главнокомандующій отправилъ письма къ шамхалу тарковскому, кадію табасаранскому и уцмію каракайдакскому съ предложеніемъ, чтобы они, соединившись вмѣстѣ, сдѣлали нападеніе на кюринскую провинцію въ то время, когда генералъ Булгаковъ вторгнется во владѣнія хамбутая со стороны Кубы.

«Довольно извѣстно симъ владѣльцамъ, писалъ графъ Зубовъ, что главнокомандующій со ввѣренными ему всемилостивѣйшею монархинею войсками, проходя земли Дагестана и Ширвана, соблюлъ и соблюдаетъ все то, что нужно къ обезпеченію жителей въ ихъ собственности и къ вящшему утвержденію между ними спокойствія.

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

«Но и при такомъ добромъ поведеніи видитъ онъ, что хамбутай казыкумухскій, ворвавшись въ кубинскую провинцію, дерзнулъ не только нарушить благосостояніе жителей, но даже и сдѣлать ударъ на расположенную у Кубы часть россійскихъ войскъ. И хотя симъ злымъ покушеніемъ навлекъ онъ на себя чувствительный ударъ, какой свойственно нанести всегда побѣдоносному оружію ея императорскаго величества, но какъ весь Дагестанъ есть свидѣтель, что главнокомандующій не подалъ хамбутаю ни малѣйшей причины къ злому противъ насъ расположенію, то и не можетъ обойтись безъ чувствительнѣйшаго еще его наказанія искорененіемъ силъ сего коварнаго владѣльца.

«На сей конецъ главнокомандующій, предписавъ генералъ-поручику Булгакову дѣйствовать противъ хамбутая уже наступательно, какъ россійскими, такъ и кубинскими войсками, проситъ сихъ владѣльцевъ, чтобы они съ своей стороны, собравъ свои войска и согласясь между собою, ускорили ударить на принадлежащую хамбутаю провинцію Кюру, и *пользуясь всею добычею, раздѣлили бы по себѣ навсегда всѣ лежащія въ оной деревни.*»

Приглашеніе это не имѣло надлежащаго успѣха. Сынъ шамхала тарковскаго, уцмій каракайдакскій и кадій табасаранскій, пріѣхавъ въ Дербентъ, объявили Савельеву, что если главнокомандующій желаетъ ихъ услугъ, то они готовы дѣйствовать противъ Сурхая съ находящимися теперь при нихъ людьми—коихъ было при Мегтіѣ 120, а при кадіѣ и уцміѣ по 50 человѣкъ, — но только при содѣйствіи русскихъ войскъ.

— Если же надобно намъ собрать бо̀льшее число войскъ, говорили они, то этого въ скорости сдѣлать невозможно, да и назначить время, когда они соберутся, также нельзя.

Вообще видно было, что они уклонялись отъ исполненія желанія графа Зубова, а между тѣмъ, хамбутай пользовался этимъ и, собравъ остатки своихъ войскъ, расположилъ ихъ по селеніямъ Кюринской провинціи, опасаясь, чтобы жители, мало ему преданные, не присоединились къ русскимъ. Онъ располагалъ собрать новыя войска и надѣялся теперь на содѣйствіе Омаръ-хана аварскаго, кадія акушенскаго и другихъ мелкихъ владѣльцевъ, полу-

чившихъ, въ промежутокъ этого времени, фирманы турецкаго правительства, обнадеживавшіе ихъ въ скорой помощи. Порта извѣщала дагестанскихъ владѣльцевъ, что какъ они до сихъ поръ не оказали особенной преданности Россіи, то потерпѣли бы еще немного, пока турецкое правительство окажетъ помощь и избавитъ ихъ отъ всѣхъ бѣдствій. Обрадованные такимъ извѣстіемъ акушинцы, салатавцы, рутульцы и другіе горскіе народы отправились на совѣщаніе къ хамбутаю. Послѣдній, поселившись въ селеніи Чирахъ, убѣждалъ ихъ въ необходимости сопротивленія, собиралъ новыя силы и часть своего ополченія, подъ предводительствомъ сына Нухъ-бека, отправилъ къ мельницѣ Салагъ-Дегерманъ, куда и самъ намѣренъ былъ прибыть черезъ нѣсколько дней. Хамбутай хотѣлъ напасть на дербентскія селенія или захватить въ свои руки дербентскую правительницу Периджи-ханумъ, выѣхавшую изъ Дербента въ Кубу, на встрѣчу брату.

Въ началѣ октября графъ Зубовъ получилъ письма отъ Гасанъ-бека и матери его Бики-ханумъ, въ которыхъ они увѣдомляли, что уже выѣхали изъ Эллису и спѣшатъ въ Кубу. Главнокомандующій отправилъ богатые подарки, присланные Императрицею Периджи-ханумъ, и приглашалъ ее поторопиться пріѣздомъ въ Кубу. Посланный съ подарками маіоръ Ахвердовъ былъ встрѣченъ за двадцать верстъ отъ Дербента знатнѣйшими чиновниками, съ конвоемъ въ 200 человѣкъ. По приближеніи къ городу, Ахвердовъ встрѣченъ былъ пушечною пальбою и огромною толпою народа, съ криками радости сопровождавшею его до дома правительницы, гдѣ посланнаго ожидали Хадыръ-бекъ и почетнѣйшія лица магометанскаго духовенства.

Принявъ подарки, Периджи-ханумъ тотчасъ же выѣхала для встрѣчи брата Гасанъ-бека; ее сопровождалъ Хадыръ-бекъ, нѣсколько старшинъ и 37 человѣкъ конвоя. 14-го октября Периджи прибыла въ Кубу, а 16-го числа пріѣхалъ туда же и Гасанъ-бекъ, съ матерью, теткою и нѣкоторыми другими родственниками. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ Гасана, который 3-го ноября былъ торжественно постановленъ ханомъ.

Провозглашеніе Гасана кубинскимъ ханомъ не послужило къ окончательному успокоенію кубинскихъ жителей. Шейхъ-Али-ханъ,

при содѣйствіи Сурхай-хана, хамбутая казыкумухскаго, собравъ вокругъ себя толпу горцевъ, вторгся въ предѣлы кубинской провинціи и старался возмутить жителей. Одновременно съ этимъ, хамбутай, расположившись съ своими войсками при зàмкѣ Ханжалъ-кале, находившемся близъ мельницы Салагъ, отдѣлялъ отъ себя небольшія партіи, которыя, спускаясь съ горъ на плоскость, грабили проѣзжавшихъ изъ Дербента въ Кубу, и тѣмъ затрудняли сообщеніе между этими городами.

Признавая неудобнымъ дѣйствовать въ горахъ русскими войсками, графъ Зубовъ предложилъ Гасанъ-хану собрать свои войска и при содѣйствіи нашего отряда изгнать непріятеля изъ кубинской провинціи. Въ то же время, для прекращенія грабежей, производимыхъ отрядами Сурхай-хана, главнокомандующій приказалъ генералъ-маіору Савельеву дѣйствовать наступательно со стороны Дербента и для большей его самостоятельности отправилъ изъ города Кубы на усиленіе генералъ-маіора Савельева два баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка, съ четырьмя полковыми орудіями. Съ отправленіемъ этихъ баталіоновъ къ Дербенту и по сборѣ Гасанъ-ханомъ своей конницы, графъ Зубовъ приказалъ генералу Булгакову выступить изъ лагеря близъ Кубы и слѣдовать къ рѣкѣ Самуру съ четырьмя баталіонами пѣхоты, девятью эскадронами кавалеріи, двумя казачьими полками и всею артиллеріею, бывшею при отрядѣ. Расположившись на правомъ берегу рѣки, Булгаковъ, показывая видъ, что намѣренъ дѣйствовать наступательно, долженъ былъ только поддерживать кубинцевъ, но самъ въ горы и ущелья не вступать.

Передъ выступленіемъ своемъ изъ лагеря, Булгаковъ отправилъ жителямъ селенія Ахты прокламацію отъ своего имени, въ которой требовалъ, чтобы ахтинцы не только не давали у себя убѣжища Шейхъ-Али-хану, но и выдали аманатовъ Гасанъ-хану, съ тѣмъ, что если они не исполнятъ этого требованія, то русскія войска вступятъ въ ихъ владѣнія, не дадутъ пощады жителямъ и не оставятъ камня на камнѣ.

13-го декабря жители селенія Ахты прислали къ Булгакову первѣйшихъ старшинъ, съ обѣщаніемъ выдать аманатовъ и съ объявленіемъ, что Шейхъ-Али-ханъ уѣхалъ изъ ихъ владѣній.

Между тѣмъ, генералъ-маіоръ Савельевъ, выступивъ изъ Дербента съ тремя баталіонами пѣхоты и казачьимъ полкомъ, двинулся къ Ханжалъ-кале, при которомъ были собраны войска хамбутая казыкумухскаго. Съ приближеніемъ русскаго отряда, непріятель оставилъ свою позицію и скрылся въ горахъ. Хамбутай, видя передъ собою русскія войска и узнавъ о движеніи Булгакова со стороны рѣки Самура, прислалъ къ Савельеву своего чиновника *«для учиненія миролюбиваго положенія.»*

Присланному предложено было: не признавать Шейхъ-Али дербентскимъ ханомъ, не давать ему ни пособія, ни убѣжища; признать Гасана кубинскимъ ханомъ, обходиться съ нимъ миролюбиво и не производить никакихъ подстреканій; возвратить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; выдать аманатовъ и возобновить съ обѣихъ сторонъ безпрепятственную торговлю, и наконецъ, въ присутствіи дагестанскихъ владѣльцевъ, дать присягу на коранѣ въ сохраненіи вѣрности Россіи.

Сурхай исполнилъ требованіе генералъ-маіора Савельева, и наши отряды возвратились въ мѣста прежняго своего расположенія [1]).

VII.

Дѣятельность Аги-Магометъ-хана.—Слухи о приближеніи его къ Адербейджану.—Письмо графа Зубова къ Мустафѣ-хану шемахинскому. — Положеніе адербейджанскихъ хановъ. — Состояніе Грузіи.—Экспедиція Римскаго-Корсакова къ Ганжѣ.—Занятіе этого города русскими войсками.

Дойдя до Старой Шемахи, Каспійскій корпусъ нигдѣ не встрѣтилъ войскъ Аги-Магометъ-хана. Снявшись съ Муганской степи при первомъ движеніи русскихъ войскъ въ Дагестанъ, онъ ушелъ внутрь Персіи и, предоставивъ намъ свободу дѣйствій, самъ бросился съ 60,000 человѣкъ своихъ войскъ въ Хорасанъ, на усмиреніе, какъ говорили, возникшихъ тамъ волненій. Въ началѣ мая, по извѣстіямъ, доходившимъ до графа Зубова, Ага-Магометъ-ханъ возвратился въ Тегеранъ, а въ концѣ того же мѣсяца выѣхалъ въ Мазандеранъ, чтобы распорядиться укрѣпленіемъ этой провин-

[1]) Рапортъ Савельева графу Зубову 20-го декабря 1796 года, № 514.

ціи, зная, что русскіе намѣрены сдѣлать высадку въ Энзели или Астрабадѣ одновременно съ тѣмъ, когда сухопутныя войска ихъ двинутся, по ганжинской дорогѣ, черезъ Ардевиль въ Тавризъ.

«Русскіе, писалъ Ага-Магометъ-ханъ въ своемъ воззваніи жителямъ, вступились за грузинъ только потому, что они единовѣрны имъ, ибо Императрицѣ нѣтъ отъ Грузіи никакой прибыли. Поэтому и персіяне, по той же самой причинѣ единовѣрія, обязаны единодушно ополчаться противъ невѣрныхъ, стараться укрѣпить каждый городъ и селеніе и собрать достаточное число способныхъ воиновъ.»

Покоривъ Мешедъ и завладѣвъ тамъ огромными сокровищами, принадлежавшими одному изъ потомковъ Шаха-Надира, Ага-Магометъ-ханъ не жалѣлъ денегъ для найма возможно бо̀льшаго числа войскъ, которыя и сосредоточивалъ въ различныхъ пунктахъ своихъ владѣній: въ астрабадской и мазандеранской провинціяхъ, въ Тавризѣ и Ардевилѣ. Онъ отправилъ даже небольшой отрядъ въ Эривань, для занятія этого города, въ виду сомнительной къ нему преданности и слабости эриванскаго хана. Не ограничиваясь этими распоряженіями, Ага-Магометъ-ханъ отправилъ своего племянника, Аскеръ-хана, въ Адербейджанъ съ порученіемъ убѣдить хановъ шемахинскаго, шекинскаго, ганжинскаго и другихъ, чтобы они старались заманить русскія войска внутрь Персіи, за р. Араксъ, въ ардевильскую провинцію. Тогда, по увѣренію Аскеръ-хана, ни одинъ русскій живымъ не выйдетъ, ибо отрядъ ихъ будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ: Ага-Магометъ-ханъ атакуетъ съ фронта, персіяне, находящіеся въ Эривани, съ тыла, а съ праваго фланга войска хановъ шемахинскаго, шекинскаго и ганжинскаго.

Лица, преданныя властителю Персіи, распускали слухъ, что Сулейманъ-ханъ съ 30,000 человѣкъ прибылъ уже къ р. Курѣ, и что для главныхъ силъ заготовляется значительное продовольствіе въ Ардевилѣ [1]).

Ага-Магометъ-ханъ говорилъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени двинется въ Талыши и займетъ Сальяны. Ханъ талышинскій просилъ помощи, а сальянскій наибъ писалъ графу

---

[1]) Рапортъ генерала Савельева графу Зубову отъ 30-го іюня 1796 года.

Зубову, что объятые страхомъ жители думаютъ оставить свои жилища. Главнокомандующій поручилъ контръ-адмиралу Федорову, съ частью судовъ и посаженнымъ на нихъ десантомъ, выдти въ море и слѣдовать къ талышинскимъ берегамъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, сдѣлать высадку въ Ленкорани или въ Сальянахъ. Графъ Зубовъ не надѣялся, однако же, чтобы эта экспедиція могла быть скоро приведена въ исполненіе, по недостатку судовъ для десанта. Контръ-адмиралъ Федоровъ, обѣщая, еще въ бытность графа Зубова въ Астрахани, собрать до двадцати транспортныхъ купеческихъ судовъ, на самомъ дѣлѣ успѣлъ пріискать только тринадцать, которыя и пришлось употребить для перевозки провіанта [1]).

По прибытіи нашей флотиліи къ Баку, главнокомандующій, хотя и поручилъ Федорову задерживать всѣ появляющіеся на морѣ непріятельскіе киржимы и приспособлять ихъ для будущаго десанта, но такихъ киржимовъ персіяне имѣли немного, да и тѣ, въ виду нашего флота, на рѣшались выходить въ море.

Не смотря на то, контръ-адмиралъ Федоровъ успѣлъ снарядить экспедицію подъ командою бригадира Головатаго изъ одной роты Владимірскаго полка съ двумя орудіями и 200 человѣкъ черноморскихъ казаковъ. Для посадки этихъ войскъ на суда ханъ талышинскій обѣщалъ прислать свои киржимы, но впослѣдствіи объявилъ, что такихъ киржимовъ имѣетъ только семь и бо̀льшаго числа прислать не можетъ. Хотя Мустафа-ханъ талышинскій и былъ въ числѣ преданныхъ намъ хановъ, но высадить столь-незначительный отрядъ въ чужихъ владѣніяхъ, среди населенія неиспытанной преданности, было бы дѣломъ весьма неосмотрительнымъ, а потому контръ-адмиралъ Федоровъ требовалъ отъ хана аманата, котораго тотъ сначала обѣщалъ прислать, но потомъ отказался, говоря, что русскія войска ему теперь не надобны, что непріятель неопасенъ, и что черезъ недѣлю онъ дастъ знать, будетъ ли ему нужна помощь или нѣтъ. Скоро, однако же, Мустафа снова обратился съ просьбою о помощи, потому что слухи о возможности вторженія Аги-Магометъ-хана въ его владѣнія съ каж-

[1]) Письмо графа Зубова князю П. А. Зубову 7-го августа, № 53.

дымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливались. Ханъ шемахинскій (ширванскій) писалъ главнокомандующему, что главный отрядъ персіянъ сосредоточивается у Ардевиля, и что Ага-Магометъ-ханъ намѣренъ атаковать русскихъ.

«Пріятное письмо вашего высокостепенства, писалъ графъ Зубовъ въ отвѣтъ на это Мустафѣ-хану ширванскому [1]), съ изъясненіемъ, что передовыя Аги-Магометъ-хана войска уже прибыли въ Ардевиль, я получилъ и благодарю васъ за оное увѣдомленіе, яко знакъ неложный истиннаго вашего къ высочайшему ея императорскаго величества престолу усердія. Между тѣмъ, буде справедливо, что Ага-Магометъ-ханъ расположенъ избавить меня отъ дальнѣйшихъ надъ нимъ поисковъ, приближаясь самъ къ симъ предѣламъ, не могу скрыть предъ вами радости моей, видя конецъ моему дѣлу и надѣясь, предъ глазами вашего и всего здѣсь народа, показать на опытѣ мое дружественное ко всѣмъ благонамѣреннымъ и ко всемилостивѣйшей Государынѣ преданнымъ расположеніе, дѣятельнымъ защищеніемъ ихъ областей отъ лютаго хищника, толикія бѣды имъ причинившаго.

«И поелику приспѣваетъ уже время подвинуть побѣдоносныя ея императорскаго величества войска за Куру, то желательно бы для меня было, чтобы всѣ почтенные здѣшніе владѣльцы, для покровительства коихъ вступили мы въ персидскіе предѣлы, соединились со мною противъ общаго разорителя своего.

«Ваше высокостепенство, имѣя предъ очами городъ вашъ Шемаху, превращенный въ пустыню рукою Аги-Магометъ-хана, и еще не запомнивъ (не забывъ) мѣста, обагренныя кровью вашихъ любезныхъ подданныхъ, погибшихъ на службѣ вашей, изъ любви къ вамъ и своему отечеству, отъ беззаконной сволочи мучителя; также неспокойнымъ духомъ проходя въ мысляхъ жестокія вами собственно и сосѣдями вашими претерпѣнныя отъ него гоненія, надѣюсь, подвигнетесь къ праведному за то отмщенію и присовокупите ваши способы къ моимъ, обращаясь со мною, при общемъ семъ дѣлѣ, съ душевною пріязнью, кою имѣю право ожидать во взаимство моего къ вамъ дружества, понеже, кромѣ мести за обиды

[1]) Въ письмѣ отъ 30-го сентября 1796 года.

и разоренія, благо всея Ираніи долженствуетъ всѣхъ обитателей оныя побудить на истребленіе коварнаго и лютаго грабителя. Слѣдственно, не могу я сомнѣваться, чтобы при семъ случаѣ не избрали ваше высокостепенство того пути, который поведетъ васъ и вашихъ подданныхъ къ непоколебимому блаженству, существующему подъ сѣнію величайшей въ свѣтѣ Монархини, низливающей токи милосердія своего во всѣ концы вселенныя и нынѣ пославшей меня ради освобожденія края сего отъ неволи и возстановленія низложенныхъ и страждущихъ неповинно. Тѣмъ вящше убѣждаюсь я къ упованію на всѣхъ здѣшнихъ, что въ высокостепенномъ Муртазѣ-Кули-ханѣ представляется ясный примѣръ, съ одной стороны, что единоутробное братство не могло спасти его отъ злодѣйства Аги-Магометъ-хана, презирающаго законы Божескіе и человѣческіе и на котораго, слѣдовательно, никому положиться невозможно; съ другой, что всемилостивѣйшая Государыня, единымъ человѣколюбіемъ подвизаясь къ сожалѣнію о чужестранцѣ, въ собственномъ краѣ его обиженномъ, пріяла жребій онаго въ мощную десницу свою и повелѣла мнѣ, введя его въ прежнее достояніе, поступать подобно сему и противъ всѣхъ оскорбленныхъ.

«Я, слѣдуя священнѣйшей ея императорскаго величества волѣ, достигъ съ побѣдоносными войсками ея вашего владѣнія, и никто изъ обитателей здѣшнихъ не можетъ упрекнуть насъ, чтобы мы кого либо притѣсняли или бы малѣйшую обиду кому причинили; а сіе не доказываетъ-ли ясно благихъ всемилостивѣйшей государыни намѣреній, обращаемыхъ всегда и единственно къ истинной пользѣ благонамѣренныхъ и спокойныхъ и къ постановленію въ спокойное состояніе всего здѣшняго края.

«Въ заключеніе сего, не превозношаяся славою Россійской Имперіи, коея побѣды всему свѣту извѣстны, и не исчисляя способовъ и силъ, что имѣю и чего еще ожидаю, скажу только вамъ высокостепенный пріятель мой, что вступилъ я въ Персію, не бывъ увѣренъ, что никто не противостанетъ мнѣ съ оружіемъ, но паче полагая встрѣтить сильнаго и храбраго непріятеля, слѣдственно на сей случай состою готовымъ и достаточнымъ, но желаю всегда, дабы ваше высокостепенство и ваши сосѣди, въ доказательство усердія своего къ высочайшему ея императорскаго

величества престолу, присоединили къ моимъ сколько можете своихъ способовъ, и чтобъ здѣшніе воины учинилися участниками нашихъ дѣйствій, подавая поводъ добрый отдаленнымъ странамъ къ дружественному съ нами обхожденію.»

Мустафа отвѣчалъ на это письмо, что всѣмъ извѣстно, сколько потерпѣлъ онъ отъ Аги-Магометъ-хана; что когда потребно будетъ противъ персидскаго властителя ополченіе съ его стороны, то онъ, Мустафа, готовъ собрать свои силы и присоединить ихъ къ русскимъ, но только тогда, когда сіи послѣдніе переправятся за рѣку Куру.

Такъ говорилъ ханъ, опасаясь приближенія персіянъ и въ то же время желая искренно выпроводить русскихъ изъ своихъ владѣній.

Слухъ о приближеніи Аги-Магометъ-хана безпокоилъ прочихъ владѣльцевъ. Ибрагимъ-ханъ шушинскій писалъ главнокомандующему, что къ нему прибыли посланные отъ адербейджанскихъ хановъ съ просьбою разъяснить имъ намѣренія русскихъ. Ибрагимъ говорилъ, что самъ онъ преданъ Россіи на столько, что проситъ считать Шушу русскимъ городомъ и не оставить его своею защитою. Онъ наивно увѣрялъ, что если русскіе сохранятъ въ своихъ рукахъ Шушу, то могутъ обладать всею вселенною. Карабагскій ханъ просилъ поспѣшить движеніемъ въ Астрабадъ или Мазандеранъ, гдѣ собирается большая часть силъ Аги-Магометъ-хана, и прислать ему, Ибрагиму, 12,000 русскихъ войскъ, съ которыми онъ могъ бы двинуться по нахичеванской дорогѣ, для наказанія всѣхъ противящихся волѣ русской Императрицы.

«Съ мѣста, на которомъ теперь находитесь, писалъ Ибрагимъ-ханъ графу Зубову, надобно переходить дистанціями и идти до Тавриза. Народы здѣшніе преисполнены коварства и лукавства, почему не полагайтесь на слова ихъ, и если будутъ они дѣлать какія либо представленія, прошу не оставлять меня увѣдомленіями.»

Графъ Зубовъ благодарилъ Ибрагима за поданные ему совѣты, но не вѣрилъ искренности какъ его, такъ и прочихъ хановъ. Съ полученіемъ извѣстія о приближеніи персіянъ къ ихъ владѣніямъ, всѣ ханы становились между двухъ огней: они опа-

сались вторженія Аги-Магометъ-хана и неразлучныхъ съ подобнымъ вторженіемъ бѣдствій и разореній; съ другой стороны, вступленіемъ въ подданство Россіи боялись лишиться своей независимости. Извѣстная жестокость Аги-Магометъ-хана и великодушіе русскаго правительства не заставляли хановъ долго задумываться о томъ, на чью сторону временно склониться было болѣе выгодно, и всѣ они одинъ за другимъ стали заявлять о своей преданности Россіи. Нахичеванскій Келбъ-Али-ханъ клялся и божился, что онъ искренно преданъ Императрицѣ. Ганжинскій Джевадъ-ханъ, зная о притязаніяхъ на Ганжу царя Ираклія и Ибрагима шушинскаго, также заискивалъ у главнокомандующаго, давалъ проводниковъ посланнымъ въ Грузію и даже просилъ прислать въ его владѣнія какъ можно скорѣе русскія войска, дабы они могли занять крѣпость прежде, чѣмъ явятся персіяне. Джевадъ-ханъ считалъ болѣе выгоднымъ подчиниться Россіи, чѣмъ подпасть подъ власть карабагскаго хана или царя Грузіи.

Послѣдній, не покидая надежды овладѣть Ганжею, еще въ іюнѣ мѣсяцѣ отправилъ вмѣстѣ съ Ибрагимъ-ханомъ шушинскимъ своихъ посланныхъ въ русскій лагерь. Поздравляя графа Зубова съ пріобрѣтенными успѣхами, прибывшіе высказывали желаніе о скорѣйшемъ соединеніи съ русскими войсками, признавая силы свои недостаточными для овладѣнія Ганжею, которую держали тогда въ осадѣ.

Ираклій писалъ главнокомандующему, что ласковое обращеніе русскихъ привлекло къ нимъ всѣ сердца персіянъ; что овладѣніе Ганжею не слѣдуетъ отлагать до осени, и что приходъ русскихъ войскъ скоро рѣшилъ бы участь не только этого города, но и Эривани. Царь увѣдомлялъ, что, въ случаѣ движенія русскихъ на Ганжу, самая лучшая переправа черезъ рѣку Куру находится у мѣстечка Менгечаура.

Графъ Зубовъ отвѣчалъ Ираклію, что занятіе Ганжи русскими войсками входитъ въ проектъ предположенныхъ дѣйствій, а относительно Эривани совѣтовалъ Ираклію самому овладѣть ею, такъ какъ приближеніе нашихъ войскъ къ турецкимъ границамъ несогласно съ видами нашего правительства. Съ этимъ отвѣтомъ главнокомандующаго былъ отправленъ въ Грузію маіоръ Вердерев-

скій, и въ то же время дивизіонный квартирмейстеръ Тихановъ былъ посланъ для осмотра переправы черезъ рѣку Куру и дороги въ Ганжу.

Маіоръ Вердеревскій 4-го августа возвратился изъ Грузіи и привезъ самыя неудовлетворительныя извѣстія о внутреннемъ ея положеніи. Царь не имѣлъ никакой власти ни надъ царевичами, ни надъ дворянами, и откровенно признавался въ этомъ полковнику Сырохневу.

Мы уже говорили, что вся Грузія была раздѣлена на удѣлы, и притомъ такъ, что пять ея частей находились во власти царевичей и лишь шестая часть принадлежала дворянамъ. Селенія, заключающіяся въ этой послѣдней части, находились въ самомъ плачевномъ положеніи, ибо, кромѣ податей, платимыхъ своимъ владѣльцамъ, грузины должны были нерѣдко платить ихъ и лицамъ царской фамиліи. Царь, царица и царевичи могли послать указъ въ любое селеніе, принадлежащее дворянамъ, и требовать отъ него всего, что вздумается. Права сильнаго и захватъ чужой собственности имѣли въ то время широкое примѣненіе въ Грузіи. Дворяне и въ особенности простой народъ жили до крайности бѣдно, «частію по лѣности, доносилъ Сырохневъ [1]), а частію потому, что посылаемые отъ царя и царевичей дворяне, есаулами называемые, обираютъ у нихъ все, что найти могутъ, иногда нарочно изыскивая вины, что и царь нерѣдко дѣлаетъ съ дворянами.»

Всѣ разбирательства но жалобамъ и искамъ производилъ самъ царь, а чаще царица Дарья, и какъ просителей бывало множество, то разбирательство шло весьма медленно, и случалось, что тяжущіеся жили въ Тифлисѣ по полугоду и возвращались домой, не получивъ никакого рѣшенія.

Единственнымъ спасеніемъ для страны было бы уничтоженіе удѣловъ и утвержденіе единовластія, но Ираклій писалъ графу Зубову, что уничтожить удѣлы онъ, къ сожалѣнію, не въ силахъ, что предоставляетъ это въ полную волю Императрицы, и что, въ случаѣ своей смерти, полагаетъ болѣе всего надежды на

---

[1]) Въ рапортѣ графу Зубову 15-го іюля 1796 года, № 393.

внука своего, царевича Давыда. Грузинскій царь говорилъ, что изгнать персіянъ изъ Эривани и овладѣть этимъ городомъ не можетъ, по отдаленію русскихъ войскъ и по неимѣнію достаточнаго числа своихъ собственныхъ.

Дѣйствительно, по донесенію полковника Сырохнева, собранныя царевичемъ Юлономъ въ Карталиніи войска, дойдя до Тифлиса, были распущены по своимъ селеніямъ, для защиты ихъ со стороны Ахалцыха отъ лезгинъ, производившихъ постоянные грабежи и уводившихъ въ плѣнъ жителей. Подобные грабежи производились не только въ Карталиніи, но и въ Кахетіи, сосѣди которой, джаро-бѣлоканскіе лезгины, зная внутренній безпорядокъ, существовавшій въ Грузіи, смѣло шли на грабежъ и уводили плѣнныхъ изъ-подъ самаго Тифлиса. «Отъ царя же и правительства, доносилъ Сырохневъ, никакихъ мѣръ осторожности къ прекращенію сего предпріемлемо не было.»

Ни дань, платимая грузинскимъ царемъ аварскому хану, ни просьбы у ахалцыхскаго паши, чтобы онъ не пропускалъ лезгинъ въ Грузію, ничто не помогало, и Грузія находилась въ полной власти хищниковъ. Ираклій видѣлъ одно спасеніе въ защитѣ русскихъ войскъ. Онъ просилъ графа Зубова оградить его страну «отъ такихъ вредныхъ непріятелей» и прислать поскорѣе русскія войска, увѣряя, что они не встрѣтятъ затрудненія въ продовольствіи, такъ какъ, по его словамъ, Грузія могла свободно прокормить 30,000 человѣкъ.

Желаніе получить помощь заставляло Ираклія значительно преувеличить средства страны и увѣрять въ томъ, чего въ дѣйствительности не было. Полковникъ Сырохневъ доносилъ, что, при всѣхъ его усиліяхъ, заготовленіе продовольствія идетъ весьма медленно, такъ что съ начала апрѣля и по 15-е іюля онъ съ большими усиліями могъ купить 30 арбъ, 98 воловъ и 400 мѣшковъ; что имъ закуплено 12,541 пудъ муки и 600 пудовъ крупъ [1]), и что, за неимѣніемъ мѣшковъ, купленный хлѣбъ онъ ссыпаетъ въ одну саклю, но опасается, что онъ слежится [2]). Для закупленнаго внѣ Тифлиса хлѣба Сырохневъ не находилъ средствъ

[1]) Ему поручено было закупить 27,187 пудовъ муки и 2,812 пудовъ крупъ.

[2]) Рапортъ Сырохнева графу Зубову 15-го іюля 1796 года, № 392.

перевозки. «Вѣрныхъ подрядчиковъ, доносилъ онъ, никоимъ образомъ отыскать нельзя, а бочекъ и кулей жители во всей Грузіи ни для какихъ употребленій не держатъ.» Графъ Зубовъ принужденъ былъ отправить въ Грузію кули изъ своего отряда, и послать Сырохневу еще 5,000 червонныхъ для необходимыхъ расходовъ при покупкѣ провіанта.

Главнокомандующій просилъ Ираклія оказать свое содѣйствіе Сырохневу въ заготовленіи продовольствія, и говорилъ, что безъ достаточнаго запаса провіанта онъ не можетъ прислать войскъ въ Грузію. Царь писалъ вторично, что хлѣба въ Грузіи много, и просилъ увѣдомить его, когда онъ можетъ разсчитывать на присылку русскихъ войскъ, чтобы самому сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Получивъ новую просьбу Ираклія и зная, что хлѣба все-таки нѣтъ въ Грузіи, графъ Зубовъ отправилъ къ царю его посланнаго князя Герсевана Чавчавадзе съ тѣмъ, чтобы онъ разъяснилъ Ираклію положеніе дѣлъ. Князь Чавчавадзе былъ задержанъ въ Нухѣ Селимъ-ханомъ шекинскимъ, полагавшимъ, что грузинскій посолъ везетъ царю отъ главнокомандующаго значительную сумму денегъ. Когда же Селимъ убѣдился, что при князѣ Чавчавадзе нѣтъ вовсе денегъ, то освободилъ его и просилъ не писать о томъ графу Зубову. Чавчавадзе увѣдомилъ, однакожь, главнокомандующаго какъ о поступкѣ съ нимъ шекинскаго хана, такъ и о томъ, что ханъ и его чиновники, не скрывая своего нерасположенія, хвалились, что скоро будутъ имѣть дѣло съ русскими войсками. При этомъ, князь Чавчавадзе присовокуплялъ, что до него дошли слухи, будто Ираклію предложена «съ непріятельской стороны знатная сумма денегъ на исправленіе его надобностей»; поэтому грузинскій посолъ опасался, чтобы царь не взялъ предложенныхъ ему денегъ и не уклонился отъ русскаго подданства.

Дѣйствительно, Ираклій велъ въ это время переговоры съ Портою Оттоманскою и готовъ былъ склониться на ея сторону. Въ мартѣ 1796 года Ираклій, черезъ своего посланника, просилъ Императрицу о выдачѣ ему заимообразно милліона рублей серебромъ, «на срокъ, какой угодно будетъ назначить»; съ тѣмъ, что, въ обезпеченіе уплаты, царь предоставлялъ владѣнія свои и по

немъ наслѣдниковъ его [1]). Не получивъ просимой суммы, Ираклій сталъ искать ея у турецкаго правительства и соглашался поступить подъ покровительство Порты. Сераскиръ Юсуфъ-паша велъ съ царемъ по этому поводу переписку, о которой и узналъ князь Чавчавадзе.

Грузинскій посолъ находилъ необходимымъ какъ можно скорѣе успокоить Ираклія присылкою помощи и препроводилъ графу Зубову письмо эриванскихъ армянъ, въ которомъ они спрашивали Ираклія, есть ли надежда, что Россія избавитъ ихъ отъ ига мусульманъ и крайняго притѣсненія, которому они подвергаются. Въ отвѣтъ на все это, главнокомандующій писалъ, что значительный корпусъ русскихъ войскъ приготовляется къ отправленію въ Грузію и выступитъ въ походъ, какъ только будетъ снабженъ всѣмъ необходимымъ. Графъ Зубовъ снова настаивалъ и просилъ грузинскаго царя позаботиться о заготовленіи продовольствія, безъ запаса котораго военныя предпріятія невозможны, и принять съ своей стороны мѣры къ возвращенію Эривани подъ свое владычество, изгнавъ оттуда персіянъ, бывшихъ подъ начальствомъ Тавакъ-Али-хана. По мнѣнію главнокомандующаго, такое дѣйствіе не могло представить особыхъ затрудненій для грузинъ, такъ какъ, по сообщеніямъ самого царя, эриванскій ханъ не только не желалъ противиться изгнанію персіянъ изъ его владѣній, но готовъ былъ содѣйствовать этому всѣми своими способами. Къ тому же, съ появленіемъ русскихъ силъ въ Адербейджанѣ, Грузія была прикрыта и совершенно обезпечена отъ всякихъ покушеній со стороны Аги-Магомета-хана.

Извѣстіе о скоромъ приближеніи русскихъ войскъ къ предѣламъ царства обрадовало Ираклія, и онъ спѣшилъ увѣдомить графа Зубова, чтобы онъ не безпокоился о продовольствіи, увѣряя, по-прежнему, что Грузія легко можетъ прокормить, если не 30,000, то, по крайней мѣрѣ, 12,000 человѣкъ, и что онъ сдѣлалъ уже распоряженіе о покупкѣ хлѣба въ Тифлисѣ, Гори и Сигнахѣ.

Между тѣмъ, около этого времени, именно 7-го октября, при-

---

[1]) Московск. Арх. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

*

соединились къ главному отряду войска, отправленныя съ линіи, какъ на усиленіе графа Зубова, такъ и назначенныя въ составъ Кавказскаго корпуса, предназначеннаго для дѣйствія со стороны Грузіи [1]).

Въ составъ послѣдняго отряда, поступившаго подъ начальство генералъ-маіора Римскаго-Корсакова, были назначены: второй баталіонъ Кубанскаго егерскаго корпуса, гренадерскій баталіонъ, составленный изъ ротъ Московскаго и Казанскаго полковъ, семь эскадроновъ Таганрогскаго драгунскаго полка, Павлоградскій легко-конный полкъ, донскіе казачьи Кирѣева и Орлова полки и шесть полевыхъ орудій. При этомъ отрядѣ, численность котораго не превышала 3,000 человѣкъ строевыхъ чиновъ, находилось 20 понтоновъ и подвижной магазинъ, съ трехмѣсячнымъ продовольствіемъ, на 800 фурахъ и 250 верблюдахъ.

Слѣдуя къ Ганжѣ, Римскій-Корсаковъ долженъ былъ вызвать изъ Тифлиса къ себѣ на присоединеніе отрядъ полковника Сырохнева, занять крѣпость, ввести въ цитадель ея приличный гарнизонъ, а съ остальными войсками расположиться лагеремъ близъ города и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній главнокомандующаго.

Затрудненій въ исполненіи этихъ предположеній не предвидѣлось, ибо Джевадъ-ханъ ганжинскій казался въ это время склоннымъ исполнить виды Россіи. Онъ писалъ графу Зубову, что посланный въ Грузію, съ 5,000 червонныхъ, поручикъ Вилькенсъ, хотя и былъ снабженъ ханомъ, по желанію главнокомандующаго, приличнымъ конвоемъ и отправленъ въ Тифлисъ, но на дорогѣ былъ ограбленъ.

«Я отыскалъ грабителей, которые оказались моими подданными, говорилъ Джевадъ. Я возвратилъ Вилькенсу всѣ пять тысячъ и отправилъ съ сильнѣйшимъ конвоемъ, съ которымъ онъ и прибылъ въ Тифлисъ благополучно.»

При извѣстной двуличности ганжинскаго хана можно было предполагать, что онъ самъ устроилъ эту засаду съ тою цѣлью, чтобы лучше выказать свою преданность Россіи. Графъ Зубовъ

[1]) Отправленные съ линіи въ разное время полки эти предварительно собирались при Кубинскомъ отрядѣ генерала Булгакова.

хотя и благодарилъ Джевадъ-хана за его услуги русскому правительству, но, не полагаясь ни на его клятвы и обѣщанія, ни на искренность его расположенія, поручилъ Римскому-Корсакову, въ случаѣ сопротивленія жителей, обложить Ганжинскую крѣпость и занять ее силою. Главнокомандующій находилъ, что, съ присоединеніемъ отряда полковника Сырохнева, въ распоряженіи Римскаго-Корсакова будетъ достаточно силъ для того, чтобы овладѣть этою крѣпостью. Утвердившись въ Ганжѣ, Римскій-Корсаковъ долженъ былъ склонить адербейджанскихъ хановъ къ совокупному дѣйствію противъ Аги-Магометъ-хана и убѣдить Ираклія собрать свои войска и двинуться къ Эривани, для овладѣнія этимъ городомъ. Грузинскому царю объявлено было, что русскія войска не могутъ быть введены въ провинцію, сопредѣльную съ Турецкою имперіею, изъ опасенія обезпокоить Порту, съ которою Россія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ, но что самъ Ираклій, будучи обезпеченъ русскими войсками со стороны Ганжи, можетъ совершенно удобно обратить всѣ свои силы противъ Эривани. Въ случаѣ просьбы грузинскаго царя помочь ему въ этомъ дѣлѣ, Римскому-Корсакову поручено отвѣчать, что трактатъ, существующій между Россіею и Турціею, не дозволяетъ одной имперіи «подводить ополченіе» къ другой, и посовѣтовать Ираклію воспользоваться союзомъ его съ царемъ имеретинскимъ и преданностію къ намъ всего христіанскаго населенія Закавказья.

«Со времени вступленія моего въ Персію, писалъ графъ Зубовъ въ инструкціи Римскому-Корсакову [1]), хотя достоинство православнаго нашего исповѣданія требуетъ скорѣйшаго освобожденія христіанъ изъ-подъ ига магометанскаго, но долженствовалъ я оказывать наружное относительно ихъ равнодушіе, ради усыпленія безпокойной магометанъ о судьбѣ христіанъ заботливости, многократно уже, по постороннимъ нескромностямъ, возбуждаемой, дабы, успокоя съ сей стороны невѣрныхъ, отвратить тѣ препоны, которыя непремѣнно поставили бы они моимъ обращеніямъ, а чтобы, достигнувъ уже цѣли, мнѣ предположенной, возстановить христіанъ вдругъ и съ прочностію непоколебимою. Сообразно сему

[1]) Предписаніе Римскому-Корсакову отъ 10-го октября 1796 года, № 531.

и ваше превосходительство поступать имѣете. Но понеже и совершенно холодное съ христіанами обхожденіе могло бы ихъ остудить противъ насъ и лишить ихъ надежды, на насъ возлагаемой, въ освобожденіе ихъ отъ ига, слѣдственно предоставляю благоразумію вашего превосходительства устроить ваше поведеніе таковымъ образомъ, чтобы магометане безвременно подозрѣвать и мѣръ осторожности противу насъ принимать причинъ не имѣли, а христіане не потеряли бы бодрственной на насъ надежды и не истребили бы имѣемаго къ намъ усердія. Къ примиренію сихъ двухъ противоположностей, надѣюсь, немало послужить можетъ посредство тайное армянскаго архіепископа Іосифа, который, при ввѣренномъ вашему превосходительству корпусѣ пребывать всегда имѣетъ, и которому внушены отъ меня причины нашего относительно христіанъ настоящаго бездѣйствія, и онъ не оставитъ успокоивать карабагскихъ меликовъ и прочихъ христіанъ своими подкрѣпленіями. Вы же, въ случаѣ нужды, можете только ссылаться, что вѣдаетъ онъ сокровенныя наши на пользу христіанства намѣренія и причины, удерживающія еще исполненіе оныхъ, и что-де для собственнаго ихъ блага и ради вящшаго обезпеченія успѣха, освобожденіе ихъ до удобнаго времени отлагается, но чтобы были они воономъ несомнѣнны и служили намъ всею возможностію. Между тѣмъ, ради вящшаго въ христіанахъ удостовѣренія, старайтесь посредствомъ архіепископа Іосифа утверждать араратскаго патріарха въ той къ намъ преданности, которую оказываетъ.»

Относительно внутренняго положенія Грузіи, Римскому-Корсакову поручено было убѣдить Ираклія, чтобы онъ уничтожилъ удѣлы, вредные для царства, и объяснить царю, «что если обильная и пространная Грузія управляема будетъ единовластно», то, будучи современемъ усилена присоединеніемъ къ ней Эриванской и Ганжинской провинцій и привлеченіемъ къ зависимости меликовъ армянскихъ, страна эта можетъ быть грозною для сосѣдей.

«Но при семъ, писалъ графъ Зубовъ, ради замѣчанія вашего нужнымъ считаю означить, что предполагаемое возстановленіе христіанства и усиленіе Грузіи присоединеніемъ къ оной Ганжи и Эривани надлежитъ хранить въ глубокой тайнѣ и кромѣ

царя и князя Чавчавадзе никому не открывать, да и имъ самимъ письменно не только утверждать, ниже изъяснять не слѣдуетъ, ибо единое оглашеніе нашихъ отдаленныхъ видовъ, а не только несомнительное объ оныхъ свѣдѣніе, дошедъ преждевременно до магометанъ, могло бы ихъ потревожить.»

Для лучшаго обезпеченія своихъ дѣйствій, Корсаковъ долженъ былъ стараться получить заложниковъ отъ окрестныхъ адербейджанскихъ хановъ и даже отъ самого царя Грузіи, прося его подъ видомъ общей пользы присоединить къ нашему отряду нѣсколько грузинскихъ войскъ при именитыхъ князьяхъ и для начальствованія ими вызвать царевича Юлона или одного изъ сыновей, наиболѣе любимыхъ царицею Дарьею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ В. А. Зубовъ призналъ полезнымъ, чтобы при отрядѣ Римскаго-Корсакова находился и архіепископъ Іосифъ, «ко благу нашихъ по вѣрѣ во Христа собратій.» Главнокомандующій просилъ Іосифа, «пріять путь туда въ видѣ благаго архипастыря, пасущаго единое о Христѣ стадо и при всякихъ пользахъ христіанства снискать святительское на грядущія наши дѣйствія благословеніе святѣйшаго патріарха араратскаго, къ коему особливое отъ меня писаніе учинено» [1]).

21-го октября генералъ-маіоръ Римскій-Корсаковъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ выступилъ къ Ганжѣ. Онъ слѣдовалъ совершенно безпрепятственно со стороны туземныхъ жителей, но былъ весьма затрудненъ мѣстностью. Наступившее ненастье замедляло движеніе войскъ и въ особенности транспорта съ провіантомъ. Изнуренные волы падали въ большомъ числѣ. Римскій-Корсаковъ принужденъ былъ просить бывшаго при немъ архіепископа Іосифа о томъ, чтобы онъ похлопоталъ о покупкѣ 400 воловъ и вошелъ въ сношеніе съ Селимъ-ханомъ шекинскимъ, по владѣніямъ котораго проходили войска, испросивъ у хана позволеніе подвластнымъ ему армянамъ перевезти провіантъ до рѣки Куры. Іосифъ поѣхалъ по армянскимъ селеніямъ и успѣлъ удовлетворить желаніе начальника отряда [2]).

[1]) Отношеніе гр. В. А. Зубова архіепископу Іосифу 26-го октября 1796 года, № 458. Собраніе актовъ армянскаго народа, т. III, 339.

[2]) Письма Корсакова Іосифу, 2-го и 15-го ноября, газета «Кавказъ» 1849 года, №№ 24 и 25.

Переправившись черезъ рѣку Куру на 30 понтонахъ [1]), Корсаковъ достигъ до Ганжи только 13-го декабря и въ тотъ же день занялъ крѣпость [2]). Джевадъ-ханъ ганжинскій лично поднесъ ключи города и старался показать себя человѣкомъ самымъ преданнымъ: онъ присягнулъ на вѣрность русской Императрицѣ и подписалъ присяжный листъ. На заявленіе Корсакова, что, по занятіи крѣпости, всѣ жители должны быть выведены изъ нея, ханъ выразилъ полную готовность сдѣлать распоряженіе въ этомъ смыслѣ, но просилъ оставить въ крѣпости лишь его съ небольшимъ числомъ людей и то не болѣе, какъ на шесть дней. По истеченіи этого срока, онъ обѣщалъ выѣхать, на что и получилъ разрѣшеніе.

Назначивъ подполковника Воейкова комендантомъ Ганжинской крѣпости, Римскій-Корсаковъ занялъ ее баталіономъ пѣхоты, сотнею пѣшихъ драгуновъ и шестью орудіями полевой артиллеріи. Полковникъ Сырохневъ не только къ этому времени не прибылъ къ Ганжѣ, но доносилъ, что только 12-го декабря, и то не навѣрное, можетъ выступить изъ Тифлиса; что выступленіе его зависитъ отъ царя Ираклія, у котораго онъ проситъ воловъ для подвижнаго транспорта, такъ какъ на всемъ пути отъ Тифлиса до Ганжи не было заготовлено ни провіанта, ни фуража [3]).

Въ ожиданіи прибытія отряда полковника Сырохнева изъ Грузіи, Римскій-Корсаковъ расположился лагеремъ близъ города и просилъ дальнѣйшихъ наставленій главнокомандующаго.

---

[1]) Собственно къ отправленію съ войсками Кавказскаго корпуса было назначено 20 понтоновъ, а 10 приданы Римскому-Корсакову изъ отряда графа Зубова только для переправы черезъ рѣку Куру и съ обязательствомъ возвратить ихъ главному отряду. Корсаковъ принужденъ былъ однако же взять и ихъ съ собою. «По свидѣтельству (осмотру) рѣки Куры, доносилъ онъ, нашлось невозможнымъ понтоны къ вашему сіятельству водой отправить; очень много карчей и большихъ въ ней деревьевъ—полотна могли бы изорваться. Я ихъ, по неимѣнію лошадей и воловъ, принужденъ оставить въ Ганжѣ.»

[2]) Рапортъ Римскаго-Корсакова 18-го декобря, № 254.

[3]) Рапортъ Римскаго-Корсакова графу Зубову 18-го декабря 1796 года, № 254.

VIII.

Затрудненія въ продовольствіи главнаго отряда. — Просьбы графа Зубова объ усиленіи его перевозочными средствами. — Увольненіе Гудовича и назначеніе графа Зубова главнымъ начальникомъ Кавказскаго края. — Движеніе Каспійскаго корпуса къ рѣкѣ Курѣ. — Провозглашеніе Касима ханомъ шемахинскимъ. — Предположенія объ упроченіи нашего положенія въ Дагестанѣ. — Кончина Императрицы Екатерины II. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій. — Возвращеніе войскъ въ предѣлы Имперіи. — Возвращеніе Гудовича къ прежнему мѣсту. — Рескрипты ему императора Павла I.

Одновременно съ движеніемъ Римскаго-Корсакова къ Ганжѣ и главный Каспійскій корпусъ, простоявшій болѣе полутора мѣсяца почти на одномъ мѣстѣ, оставилъ свой лагерь и двинулся къ рѣкѣ Курѣ. Еще въ августѣ графъ Зубовъ, по недостатку продовольствія, принужденъ былъ оставить куртбулацкій лагерь и подвинуться нѣсколько впередъ, ближе къ Старой Шемахѣ.

Весьма хорошій въ климатическомъ отношеніи куртбулацкій лагерь былъ неудобенъ тѣмъ, что, за недостаткомъ мѣстныхъ средствъ, приходилось продовольствовать войска привознымъ провіантомъ, а всю кавалерію, воловъ и верблюдовъ — подножнымъ кормомъ.

Доставка провіанта съ Кавказской линіи, весьма затруднительная во время похода, дѣлалась теперь положительно невозможною. Отъ Кизляра до Дербента провіантскій транспортъ находился въ пути мѣсяцъ и четыре дня. Каменистые переходы, тянувшіеся на нѣсколько верстъ, и переправы черезъ быстрыя горныя рѣчки были причиною большой убыли въ волахъ. Такъ, при слѣдованіи одного транспорта, изъ 300 запряженныхъ воловъ, отправленныхъ изъ Кизляра, дошло до Дербента 30 здоровыхъ, 202 больныхъ и 68 пало.

Отъ Дербента предстояла еще худшая дорога, по которой если и попадалась трава, то негодная къ употребленію, по своей ядовитости [1]). Къ тому же транспорты требовали значительнаго конвоя, какъ для обезпеченія отъ нападенія хищныхъ горцевъ, такъ и потому, что конвоирующимъ нерѣдко приходилось прокладывать

[1]) Рапортъ графа Зубова Гудовичу 23-го іюля 1796 года, № 420.

дороги, очищать и уширять ихъ, ибо мѣстныя тропинки были непроѣзжи до нашихъ повозокъ.

Особенности мѣстности и затрудненія, встрѣчаемыя на пути, были причиною, что потеря воловъ была несоразмѣрна съ расходомъ провіанта; вслѣдствіе этого, графъ Зубовъ не могъ везти съ собою всего продовольствія, которое было отправлено съ нимъ изъ Кизляра. Оставивъ часть его въ Дербентѣ, войска, вскорѣ послѣ прибытія въ куртбулацкій лагерь, израсходовали все продовольствіе и принуждены были возить провіантъ изъ Баку, за 120 верстъ отъ лагеря, по весьма каменистой, совершенно безлѣсной и безводной дорогѣ, пролегавшей между этими двумя пунктами.

По характеру путей сообщенія и по свойству тамошняго грунта, при хорошей погодѣ и сухихъ дорогахъ, можно было положить на воловью фуру не болѣе четырехъ, а на верблюда не болѣе двухъ четвертей, а при ненастной погодѣ на фуру—не болѣе трехъ, а на верблюда—полторы четверти [1]). Имѣя въ своемъ распоряженіи 850 фуръ и отправляя ихъ въ Баку за провіантомъ, войска принуждены были снабжать ихъ водою, сѣномъ или травою въ оба пути, въ которомъ они находились болѣе двадцати дней, и могли съ трудомъ привезти только мѣсячную пропорцію.

Такимъ образомъ, чтобы войска не ощущали недостатка въ продовольствіи, подвижной транспортъ долженъ былъ находиться почти въ безпрерывномъ движеніи, и волы, не имѣя отдыха, при всей о нихъ заботливости, истощались до крайности. Купить воловъ на мѣстѣ, взамѣнъ убылыхъ, было невозможно, по неимѣнію ихъ; точно также нельзя было достать и верблюдовъ. Приходилось изыскивать иныя средства къ обезпеченію войскъ продовольствіемъ, для чего графъ Зубовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы отрядъ Булгакова продовольствовался хлѣбомъ, пріобрѣтеннымъ на мѣстѣ въ кубинской провинціи. Распоряженіе это было вызвано заявленіемъ кубинскаго наиба Вали-бека, который, стараясь первое время выказать преданность Россіи, предлагалъ свои услуги къ содѣйствію русскимъ въ пріобрѣтеніи хлѣба. При помощи кубинскаго наиба отрядъ Булгакова успѣлъ обезпечить себя продовольствіемъ по 1-е

---

[1]) Письмо графа Зубова князю П. А. Зубову 7-го августа, № 53.

сентября, а для дальнѣйшаго запаса рѣшено было конфисковать до 1,500 четвертей хлѣба, принадлежавшаго Шейхъ-Али-хану, его матери и другимъ бѣжавшимъ съ нимъ бекамъ.

Для продовольствія же главнаго отряда не представлялось иныхъ средствъ, какъ доставлять провіантъ по-прежнему изъ Баку, и потому графъ Зубовъ, заботясь объ усиленіи своихъ перевозочныхъ средствъ, просилъ Гудовича, при отправленіи къ нему войскъ, прислать нѣсколько порожнихъ фуръ, а при присылкѣ провіанта за выступившими въ походъ войсками имѣть въ виду, что по дагестанскимъ дорогамъ на пару воловъ нельзя грузить болѣе четырехъ четвертей [1]).

Гудовичъ еще раньше полученія этой просьбы увѣдомилъ главнокомандующаго, что хотя онъ и снарядилъ было подвижной транспортъ изъ 435 фуръ съ 1840 волами и отправилъ его къ Каргалинской станицѣ, но, по приходѣ туда, среди воловъ открылся такой падежъ, что въ самое короткое время ихъ пало 177 и вновь заболѣло 317; что зараза распространилась на триста верстъ въ окружности. Не находя возможнымъ отправить при такихъ условіяхъ транспортъ къ дѣйствующему отряду, Гудовичъ предлагалъ графу Зубову уговорить вольнонаемныхъ фурщиковъ, чтобы они продали своихъ воловъ въ казну, а не гнали бы ихъ обратно на линію, гдѣ существовала зараза. Предложеніе это не усиливало перевозочныхъ средствъ Каспійскаго корпуса, потому что фурщики и безъ того безпрерывно занимались перевозкою провіанта, и графъ Зубовъ не имѣлъ ни намѣренія, ни возможности возвратить ихъ на линію. Тогда Гудовичъ предложилъ сосредоточить къ главному отряду всѣ подводы, какія были при отдѣльныхъ отрядахъ, съ тѣмъ, чтобы довольствіе послѣднихъ и проходящихъ командъ производилось изъ Дербента, куда хлѣбъ долженъ былъ доставляться изъ Астрахани [2]).

Въ Дербентѣ былъ и безъ того значительный запасъ продовольствія, потому что въ Баку не находилось помѣщенія для всего доставленнаго изъ Астрахани провіанта. Посѣтивъ въ іюлѣ Баку,

[1]) Рапортъ графа Зубова Гудовичу 28-го іюля 1796 года, № 460.

[2]) Письмо Гудовича графу Зубову 11-го іюля, №№ 780 и 781.

графъ Зубовъ нашелъ, что избранные для помѣщенія хлѣба караванъ-сараи чрезвычайно ветхи и мало помѣстительны, а потому онъ тогда же приказалъ часть провіанта отправить въ Дербентъ, а другую, бо́льшую часть, на островъ Саро, имѣя въ виду, что при дальнѣйшемъ наступленіи войскъ въ Персію снабженіе ихъ продовольствіемъ съ острова Саро будетъ ближе и удобнѣе чѣмъ изъ Баку [1]).

Доставка изъ послѣдняго пункта съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднялась, такъ какъ для подвижнаго транспорта не имѣлось запаса ни сѣна, ни травы. Послѣдняя была вытравлена вокругъ всего лагеря на столь значительное разстояніе, что для пастьбы кавалерійскихъ и обозныхъ лошадей приходилось отгонять ихъ верстъ за двѣнадцать и далѣе, что́ не могло считаться удобнымъ въ виду возможнаго нападенія горскихъ хищниковъ. Поэтому, еще въ началѣ августа, главный корпусъ оставилъ куртбулацкій лагерь и, подвинувшись впередъ, расположился на рѣкѣ Персагатѣ, близъ Старой Шемахи. Вновь избранное мѣсто не имѣло тѣхъ удобствъ, которыми пользовались войска въ предъидущемъ лагерѣ. Въ Куртбулагѣ воздухъ былъ здоровый и прохладный, тогда какъ въ долинѣ Персагата войска встрѣтили воздухъ сухой и палящій; травы здѣсь было также немного, да и та скоро выгорѣла. Отъ чрезвычайнаго жара и отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ, среди нижнихъ чиновъ появились болѣзни, вызвавшія запрещеніе привозить въ лагерь фрукты и приказаніе не удаляться изъ лагеря далѣе выставленныхъ карауловъ.

Лишенія, которымъ подверглись войска въ долинѣ Персагата, заставляли покинуть его какъ можно скорѣе. Графъ Зубовъ располагалъ, при первой возможности, подвинуться далѣе къ рѣкѣ Курѣ. Передвиженіе это вполнѣ зависѣло отъ продовольственныхъ средствъ арміи и способовъ доставки провіанта. Для обезпеченія себя въ этомъ отношеніи, главнокомандующій приказалъ измѣрить глубину воды въ рѣкѣ Курѣ, изслѣдовать рѣку относительно возможности доставлять по ней продовольствіе и опредѣлить сколько можно будетъ поднять заразъ провіанта и въ какое время онъ можетъ быть доставленъ въ Баку.

[1]) Письмо графа Зубова князю П. А. Зубову 7-го августа, № 56.

Командированный для этой цѣли капитанъ-лейтенантъ Орловскій нашелъ возможнымъ, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями, доставлять провіантъ по рѣкѣ Курѣ до Джавата, но полагалъ при этомъ, что на одинъ рейсъ необходимо не менѣе двухъ недѣль. По полученіи этого донесенія, графъ Зубовъ отправилъ въ Сальяны маіора Панчулидзева съ порученіемъ избрать тамъ мѣсто для склада отъ 3,000 до 5,000 четвертей, которыя составляли бы, на всякій случай, родъ запаснаго магазина, и отыскать на рѣкѣ Курѣ пристани, удобныя для выгрузки. Панчулидзевъ съ успѣхомъ исполнилъ порученіе главнокомандующаго, вслѣдствіе чего тогда же приказано было отправить съ острова Саро въ Сальяны 2,000 четвертей хлѣба.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для пріобрѣтенія наибольшей самостоятельности въ будущихъ дѣйствіяхъ, графъ Зубовъ просилъ брата своего, князя Платона Александровича, усилить его перевозочными средствами и доставить къ нему воловъ и верблюдовъ для подвижнаго транспорта и лошадей для черноморскихъ казаковъ, которые были отправлены съ десантомъ пѣшими, въ томъ предположеніи, что лошадей для нихъ можно будетъ купить на мѣстѣ; но оказалось, что въ Персіи невозможно было пріобрѣсти ни лошадей, ни сѣделъ.

Чтобы устранить эти затрудненія, Императрица Екатерина II поручила саратовскому губернатору купить 3,000 воловъ, уфимскому 1,000 верблюдовъ [1]), а Гудовичу 500 лошадей для артиллеріи и 1,500 съ сѣдлами и уборомъ для черноморскихъ казаковъ [2]).

Высочайшее повелѣніе это было получено Гудовичемъ одновременно съ увольненіемъ его отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ. Недовольный положеніемъ передаточнаго лица, Гудовичъ, еще въ концѣ іюня, просилъ объ увольненіи его, по разстроенному здоровью, отъ всѣхъ должностей на два года [3]). Въ сентябрѣ желаніе его было исполнено. Произведенный въ генералъ-аншефы, графъ Зубовъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Кавказ-

[1]) Рескриптъ Гудовичу 16-го сентября.

[2]) Тамъ же.

[3]) Всеподданнѣйшее письмо Гудовича 24-го іюня 1796 года.

скаго края и въ помощь ему, собственно только для командованія войсками на Кавказской линіи, былъ командированъ генералъ-поручикъ Исленьевъ [1]).

Находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Зубова, Исленьевъ долженъ былъ слѣдить за безопасностью линіи не только на всемъ ея протяженіи между двумя морями, но и по всему прибрежью Каспійскаго моря до лѣваго берега рѣки Самура.

Спабдивъ Исленьева инструкціею и отправивъ Кавказскій корпусъ къ Ганжѣ, графъ Зубовъ 26-го октября выступилъ изъ лагеря при рѣкѣ Персагатѣ по направленію къ Новой Шемахѣ [2]). Войска слѣдовали эшелонами, имѣя впереди себя всю иррегулярную кавалерію подъ начальствомъ генералъ-маіора Платова. 28-го октября Платовъ подошелъ къ Новой Шемахѣ и расположился лагеремъ въ четырехъ верстахъ отъ нея. Мустафа-ханъ съ небольшою свитою уѣхалъ изъ города, но приказалъ говорить, будто бы онъ все это время не былъ въ Шемахѣ, и что, узнавъ о прибытіи русскихъ войскъ, онъ, безъ сомнѣнія, постарается пріѣхать въ городъ и встрѣтить прибывшихъ. На слѣдующій день Мустафа прислалъ, однако же, сказать Платову, что самъ прибыть въ Шемаху не можетъ, но отправитъ къ главнокомандующему своего брата. Обѣщаніе это оказалось также неисполненнымъ, и скоро Платовъ узналъ, что Мустафа, при выѣздѣ своемъ изъ Шемахи, призывалъ къ себѣ наиба Хаджи-Кадыра и объявилъ ему, что, не имѣя никакихъ способовъ къ сопротивленію, онъ намѣренъ удалиться и не показываться до тѣхъ поръ, пока русскія войска пройдутъ Ширванъ.

Донесеніе Платова не удивило графа Зубова, который никогда не только не вѣрилъ въ искренность расположенія къ намъ Мустафы-хана, но считалъ его въ числѣ недоброжелателей Россіи, и потому, еще въ началѣ октября, вошелъ въ сношеніе съ Касимъ-ханомъ, прежнимъ владѣльцемъ Ширвана. Изгнанный въ 1794 году своимъ двоюроднымъ братомъ Мустафою, Касимъ бѣжалъ во владѣнія Селимъ-хана шекинскаго и теперь искалъ покровительства Россіи, увѣряя главнокомандующаго въ своей преданности. Въ от-

[1]) Указъ генералъ-поручику Исленьеву 17-го сентября 1796 года.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій или поденная записка.

вѣтъ на это, графъ Зубовъ писалъ Касиму, что обоюдная польза требуетъ, чтобы онъ нашелъ благовидный предлогъ повидаться съ главнокомандующимъ. Касимъ тотчасъ же воспользовался приглашеніемъ, явился въ русскій лагерь и 2-го ноября былъ торжественно провозглашенъ шемахинскимъ ханомъ.

При собраніи значительнаго числа войскъ, народа и въ присутствіи самого графа Зубова, Касимъ-хану была прочитана прокламація главнокомандующаго, въ которой объяснялись неблагонамѣренные поступки Мустафы, подавшіе поводъ къ назначенію на его мѣсто Касимъ-хана. По окончаніи чтенія, Касимъ-ханъ присягнулъ на коранѣ на вѣрноподданство Императрицѣ и, по выслушаніи наставленія главнокомандующаго, обѣщалъ поступать во всемъ согласно съ видами русскаго правительства. Сѣвъ, затѣмъ, на лошадь, подаренную графомъ Зубовымъ, Касимъ-ханъ, въ сопровожденіи своей свиты и толпы народа, отправился въ Шемаху, резиденцію хановъ. Представители городскаго населенія встрѣтили его съ серебрянымъ блюдомъ, наполненнымъ золотыми монетами. По туземному обыкновенію, дѣти, ходя по улицамъ, весь день кричали провозглашеніе Касимъ-хана своимъ владѣтелемъ, а вечеромъ, какъ русскій лагерь, такъ и городъ были иллюминованы [1]).

Поставивъ Касима ханомъ шемахинскимъ, графъ Зубовъ выступилъ далѣе, и 21-го ноября остановился ниже Джавата, на обширной равнинѣ, примыкающей къ лѣвому берегу рѣки Куры. Расположившись здѣсь лагеремъ, главнокомандующій отправилъ всю иррегулярную кавалерію съ генераломъ Платовымъ на правый берегъ рѣки, на обширную Муганскую степь, куда впослѣдствіи посылался на пастьбу и весь рабочій скотъ, бывшій при отрядѣ.

Вновь избранный лагерь, по своимъ удобствамъ, превосходилъ всѣ прежде бывшіе. Войска устроили себѣ землянки и пользовались изобиліемъ продовольствія, доставлявшагося по рѣкѣ Курѣ изъ Баку и Сальянъ. Изъ собраннаго съ разныхъ мѣстъ лѣса солдаты воздвигли главнокомандующему, въ самое короткое время, двухъ-этажный домъ, «какого не было и у владѣтелей персидскихъ [2]). Лагерь представлялъ собою какъ бы волшебно-созданный

[1]) Артемій Араратскій, ч. II, 159.
[2]) Артемій Араратскій, ч. II, 163.

городъ, въ которомъ появились торговцы не только съ жизненными потребностями, но и съ предметами роскоши. Сюда пригоняли скотъ и свиней цѣлыми стадами; солдаты ловили рыбу, которая водилась въ р. Курѣ въ большомъ изобиліи.

Въ этотъ лагерь прибылъ и Муртаза-Кули-ханъ, отправленный еще въ іюнѣ мѣсяцѣ къ войскамъ дѣйствующаго отряда. По мѣрѣ того, какъ графъ Зубовъ углублялся внутрь Персіи, наше правительство признавало необходимымъ отправлять въ его распоряженіе такихъ лицъ, которыя могли бы содѣйствовать къ склоненію мѣстнаго населенія въ нашу пользу. Такъ, сначала былъ отправленъ армянскій архіепископъ князь Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ, а потомъ и Муртаза-Кули-ханъ, при которомъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Персіи, былъ назначенъ полковникъ Коваленскій.

Подчинивъ Коваленскаго непосредственно графу Зубову, Императрица писала послѣднему [1]): «Вы не оставите употреблять его тамъ, гдѣ польза дѣлъ, вамъ порученныхъ, того будетъ требовать, наипаче же въ отношеніи такихъ персидскихъ владѣльцевъ, на которыхъ, по мѣрѣ силъ ихъ и уваженія къ нимъ, въ сей странѣ обращать надлежитъ особенное вниманіе и въ разсужденіи которыхъ должно наблюдать, чтобы они тогда токмо были въ соединеніи и согласіи, когда сіе для дѣлъ нашихъ будетъ надобно и полезно, содержа ихъ, впрочемъ, въ раздѣленіи и не дозволяя отнюдь, вопреки пользъ нашихъ, совокуплять силъ и способовъ своихъ во-едино. И дабы таковое политическое бытіе означенныхъ владѣльцевъ могло быть содержимо въ непремѣнной степени и сколько возможно на пользу нашу обращалось, имѣете вы начертать означенному повѣренному въ дѣлахъ правила, съ кѣмъ именно изъ нихъ какого рода поведеніе онъ долженъ будетъ имѣть, преподавая ему и впредь наставленія, какія по обстоятельствамъ наилучшими для означеннаго ему служенія вы признаете.»

Въ инструкціи, данной Коваленскому, предписывалось слѣдить за поведеніемъ хановъ и тѣхъ, которые окажутся расположен-

[1]) Въ рескриптѣ отъ 27-го іюня 1796 года, Госуд. арх., V, 87.

ными къ Россіи, обнадеживать милостію и благоволеніемъ Императрицы [1]). Въ этомъ отношеніи наше правительство надѣялось на содѣйствіе бывшаго владѣтеля гилянской провинціи, но въ дѣйствительности Муртаза-Кули-ханъ не имѣлъ многихъ приверженцевъ въ Персіи.

— Муртаза братъ Аги-Магометъ-хану, говорилъ ханъ талышинскій, и такой же разбойникъ.

Будучи владѣльцемъ Гиляна, Муртаза жестоко обращался съ жителями и даже съ почетными лицами, и потому, когда Ага-Магометъ вторгнулся въ Гилянъ, то жители совѣтовали Муртазѣ удалиться, что онъ и сдѣлалъ, бѣжавъ въ Россію. Въ главной квартирѣ полагали болѣе полезнымъ оставить Муртазу въ Баку, чѣмъ брать его съ собою, такъ какъ опасались, что, со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Гилянъ, жители, увидѣвъ Муртазу, могутъ уклониться отъ добровольной покорности, опасаясь, что онъ будетъ опять поставленъ ихъ ханомъ [2]). Не желая, однако же, дать Муртазѣ повода къ подозрѣнію о безполезности его пребыванія въ лагерѣ, графъ Зубовъ поручилъ ему вести ничѣмъ некончившіеся переговоры съ туркменами, относительно ополченія ихъ противъ Аги-Магометъ-хана, а самъ занялся приведеніемъ въ исполненіе предположеній нашего правительства относительно упроченія за собою вновь покоренныхъ провинцій.

Для утвержденія нашего владычества на прибрежьѣ Каспійскаго моря, для обезпеченія торговли и для устройства постояннаго и безопаснаго сообщенія съ Грузіею, предполагалось построить крѣпость и основать при ней городъ *Екатериносердъ*, ниже слiянія рѣкъ Куры и Аракса, около Джавата, на лѣвомъ берегу р. Куры. Для первоначальнаго поселенія рѣшено было оставить при вновь возведенной крѣпости 2,000 молодыхъ солдатъ съ тѣмъ, что правительство снабдитъ ихъ всѣмъ необходимымъ для поселенія, а армяне и грузины дадутъ имъ женъ. Постоянное сношеніе этихъ поселенцевъ съ предѣлами Имперіи должно было обезпечиваться вновь возведенными крѣпостями, которыя предполагалось

[1]) Инструкція Коваленскому 14-го іюня 1796 года

[2]) Воен. учен. арх., д. № 1282.

построить въ Таркахъ и Руссейнъ-Булакѣ, и усилить укрѣпленія Баку, какъ наиболѣе важнаго порта на всемъ Каспійскомъ морѣ.

Въ Баку сосредоточивалась торговля всей Персіи и Дагестана, а потому одновременно съ возведеніемъ укрѣпленій находили необходимымъ исправить бакинскій портъ и усилить составъ каспійской эскадры.

«Принявъ за благо, писала Императрица графу Зубову [1]), представленіе ваше относительно учрежденія безопаснаго между Кизляромъ и Бакою сообщенія построеніемъ при Тарки и Руссей-Булакѣ, также и при самомъ городѣ Баку предполагаемыхъ вами укрѣпленій и находя присланные отъ васъ черезъ инженеръ-подполковника Труссона тѣмъ укрѣпленіямъ планы, мѣстоположенію и обстоятельствамъ того края соотвѣтственными и къ достиженію желаемаго предмета достаточными, повелѣваемъ вамъ по онымъ привести вышеозначенное предположеніе ваше въ дѣйствительное исполненіе.

«Укрѣпленія при Тарки и Руссей-Булакѣ могутъ быть не слишкомъ обширны, ибо они имѣютъ служить единственно для занятія нѣкоторыхъ важныхъ проходовъ между берегами Каспійскаго моря и Кавказскими горами, также для содержанія тутъ магазиновъ и предохраненія отъ набѣговъ смежныхъ народовъ. Что же касается до города Баку, то назначивъ при семъ портѣ мѣстопребываніе двѣнадцати ластовыхъ судовъ, которыми, для облегченія подвозовъ всякихъ снабденій къ войскамъ въ Персіи, подъ начальствомъ вашимъ состоящимъ, разсудили мы пріумножить каспійскую эскадру. Слѣдуетъ помянутый городъ укрѣпить не токмо съ твердой земли, но и отъ стороны моря, съ учрежденіемъ тутъ, кромѣ фортификаціонныхъ строеній, всѣхъ нужныхъ для адмиралтействъ надобностей и заведеній.

«Исчисленную на произведеніе предположенныхъ строеній во всѣхъ вышеозначенныхъ мѣстахъ сумму: для Баку 283,859 руб., для Тарки 90,634 руб. и для Руссей-Булака 10,838 руб. 50 коп., всего 385,326 руб. 50 коп., повелѣли мы къ вамъ отпустить въ теченіе будущаго 1797 года.»

---

[1]) Въ указѣ отъ 1-го октября 1796 года.

Предложеніямъ этимъ не суждено было осуществиться. 6-го ноября 1796 года Россія понесла великую утрату: въ этотъ день скончалась Императрица Екатерина II.

На другой день послѣ кончины Императрицы предсѣдатель государственной военной колегіи, графъ Салтыковъ, отправилъ уже курьера къ графу Зубову съ увѣдомленіемъ о вступленіи на престолъ Императора Павла I и съ приказаніемъ пріостановить военныя дѣйствія впредь до особаго повелѣнія; соединить войска въ такихъ пунктахъ, въ которыхъ они были бы обезпечены продовольствіемъ, и, ограничиваясь одною обороною, отнюдь не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій [1]).

Ровно черезъ мѣсяцъ извѣстіе это достигло до русскаго лагеря, расположеннаго на р. Курѣ, и вслѣдъ затѣмъ графъ Зубовъ узналъ, что каждый командиръ полка получилъ особое именное высочайшее повелѣніе немедленно возвратиться съ полкомъ въ свои границы и сберегать людей для лучшаго употребленія [2]). Графъ Салтыковъ писалъ въ то же время графу Зубову, что генералъ-аншефъ Гудовичъ оставленъ по-прежнему командиромъ Кавказскаго корпуса [3]); что высочайше повелѣно немедленно сдѣлать распоряженіе къ возвращенію войскъ въ предѣлы Имперіи, съ тѣмъ, что по-мѣрѣ прибытія полковъ на линію они должны поступать подъ начальство Гудовича [4]).

Послѣдній, не зная ничего объ этихъ распоряженіяхъ, сдалъ команду генералъ-поручику Исленьеву и 13-го ноября выѣхалъ

[1]) Отношеніе графа Салтыкова графу Зубову 7-го ноября 1796 года, № 16.

[2]) Во второмъ томѣ сборника русск. Импер. историч. общ., въ статьѣ «Депеши графа Литы и проч.» А. Ѳ. Бычковъ, на стр. 198, въ примѣчаніи, говоритъ о концѣ похода графа Зубова: «Приказъ о возвращеніи войскъ, вѣроятно, былъ данъ графу Гудовичу, что дало поводъ къ разсказу, будто всѣ отдѣльные начальники войскъ получили приказы помимо графа Зубова.» Въ архивѣ Главнаго штаба находятся рапорты командировъ полковъ, которыми они доносили графу Зубову, что получили именныя высочайшія повелѣнія о возвращеніи полковъ на линію. Они просили бывшаго главнокомандующаго указать имъ на средства къ продовольствію войскъ при обратномъ походѣ. По поводу этой просьбы графъ Зубовъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ полковыхъ командировъ, и былъ составленъ родъ военнаго совѣта, на которомъ указаны средства къ продовольствію. Журналъ совѣта графъ В. Зубовъ отправилъ къ графу Салтыкову безъ всякихъ объясненій.

[3]) Отношеніе графа Салтыкова графу Зубову 18-го ноября 1796 г., № 82.

[4]) Тоже отъ 4-го декабря, № 331.

*

изъ Георгіевска. Будучи въ то же время тамбовскимъ и рязанскимъ генералъ-губернаторомъ, Гудовичъ намѣренъ былъ проѣхать въ Петербургъ, чтобы выяснить свое будущее положеніе. Въ Черкаскѣ Гудовичъ получилъ высочайшее повелѣніе возвратиться къ прежнему мѣсту служенія.

Возвратившись обратно въ Георгіевскъ и все еще не зная, что дѣятельность графа Зубова уже окончилась, Гудовичъ находилъ свое положеніе крайне двусмысленнымъ. Онъ полагалъ, что главнымъ начальникомъ края все еще былъ графъ Зубовъ, котораго считалъ моложе себя по службѣ и вообще не относился къ нему съ особенною пріязнью. Гудовичъ думалъ, что его вернули на линію для того, чтобы опять содѣйствовать только графу Зубову въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ; онъ болѣе всего опасался того, что, оставаясь на линіи, будетъ лицомъ второстепеннымъ, передаточнымъ, и что всѣ успѣхи будутъ приписаны не ему, а графу Валеріану Александровичу Зубову. Послѣднее обстоятельство особенно тяготило Гудовича, и онъ рѣшился наконецъ высказаться.

«По высочайшему повелѣнію, вашимъ сіятельствомъ мнѣ объявленному, писалъ онъ графу Салтыкову [1]), возвратился я къ прежнему моему мѣсту и осмѣливаюсь вамъ, какъ благодѣтелю, донести о моемъ чрезвычайномъ прискорбіи, неизвѣстенъ будучи, по предписанію вашего сіятельства, по довѣренности ли я возвращенъ изъ отпуска, или наравнѣ съ прочими, въ отпускахъ долговременно и часто бывшими. Вашему сіятельству извѣстна моя тяжкая и усердная служба, извѣстно и бывшее мое несчастное положеніе, бывши ничто иное, какъ ливерантъ, отъ капризовъ графа Зубова зависящій.

«Теперь, хотя и надѣюсь на высочайшую милость всемилостивѣйшаго Государя, но, не зная, однако же, на какомъ теперь основаніи здѣсь командовать долженъ и въ какой связи съ графомъ Зубовымъ, прибѣгаю со стѣсненною душою къ вашему великодушію и принужденнымъ себя нахожу открыть вамъ, хотя

---

[1]) Собственноручное письмо Гудовича графу Салтыкову отъ 18-го декабря 1796 г.

нѣсколько запутанность дѣлъ персидскихъ, отъ неиспытаннаго вождя происшедшихъ.

«Всѣ награжденія получилъ онъ за мои труды; не освобождалъ онъ никогда Грузіи, а освободили оную два баталіона, въ началѣ прошедшей зимы туда посланные, и движеніе войскъ, тогда же къ Дербенту мною сдѣланное. Съ баталіонами, однако же, въ Грузіи не сдѣлалъ онъ, лѣтомъ, вѣрнаго сообщенія, не отъ Аги-Магометъ-хана—который, испугавшись ихъ слуха, ушелъ до пріѣзда его въ Кизляръ—но отъ другаго малаго хана ганжинскаго. Дербентъ онъ взялъ готовый, пришедши туда со всѣмъ отъ меня изготовленнымъ и тутъ еще потерялъ нѣсколько людей напрасно, приказавши изъ Кизляра, тайно отъ меня, отступить генералъ-маіору Савельеву, по отступленіи котораго Шейхъ-Али-ханъ сдѣлалъ башню на высотѣ, оставленной и командующей городомъ, которую онъ штурмовать былъ принужденъ. Ширвань не только не очищена до Куры, но войска наши теряютъ то уваженіе и страхъ, которые персіяне къ намъ имѣли, ибо, вмѣсто донесенной отъ него побѣды, какъ слышно, перваго числа прошедшаго октября, отрядъ подполковника Бакунина, по несчастію, побитъ весь на голову Шейхъ-Али-ханомъ, обще съ хамбутаемъ казыкумухскимъ и спаслись только нѣсколько человѣкъ раненыхъ въ кустахъ; пушки и все было потеряно, которые персіяне оставили, увидѣвши Углицкій полкъ, идущій на помощь, который пришелъ поздно. Что сіе, къ несчастію, справедливо, то всѣ войска знаютъ, да и персіяне и дагестанцы. Рапортъ о семъ дѣлѣ былъ описанъ другими красками, несправедливыми. Къ пропитанію войскъ, къ учрежденію въ надобныхъ мѣстахъ магазейновъ не было никакого распоряженія, хотя о томъ писано было отъ меня, да и слышно и отъ брата.

«Итакъ, при большомъ количествѣ провіанта, туда доставленнаго, войска нуждаются въ перевозкѣ онаго. Теперь требуетъ онъ туда доставлять сухопутно, упустивши время, не только въ Дербентъ, но и въ Кубу, хотя въ послѣднюю и самъ знаетъ, что невозможно; что провіантъ со излишествомъ на всѣ войска туда доставленъ, удѣливъ знатную часть и изъ слѣдующаго въ линейные магазины, и что здѣсь остается самый надобный для

войскъ, въ границахъ оставшихъ, имѣвши лѣтомъ легчайшій способъ доставить моремъ куда хотѣлъ.

«Жалкая конница, стоя болѣе двухъ мѣсяцевъ на одномъ мѣстѣ, пришла въ изнуреніе, ибо, по новому образу полководства, поставлены были войска въ выгодномъ лагерѣ, ближайшія во сто двадцати верстахъ отъ магазейна, а фуражъ, стоя на одномъ мѣстѣ, отдаленъ и побитъ. Ежели сказать, что Ширвань черезъ тотъ лагерь приводилась въ порядокъ, то напротивъ, Ширвань совершенно разстроена, дербентское владѣніе тоже отъ неосторожности и непростительнаго упуска въ виду войскъ Шейхъ-Али-хана, который, сообщась съ хамбутаемъ казыкумухскимъ, позади въ Дагестанѣ находящимся, прерываетъ между отрядами и постами вѣрную коммуникацію.

«Прежде выступленія весною корпуса въ Персію, я далъ на листѣ мое мнѣніе, сказавъ тутъ, что Шейхъ-Али-хана должно наказать примѣрно и лишить навсегда ханства, а хамбутая казыкумухскаго постращать и подчинить шамхалу, но все сіе упущено и хамбутай, искавшій прежде помощи, сдѣлался противникомъ. Все лѣто прошло безъ дѣйствія, персіяне прежде боялись незначительныхъ оказательствъ, а теперь теряютъ страхъ и къ большому числу войскъ. Съ доставленнымъ мною подвижнымъ магазейномъ поступлено, какъ съ непріятельскою добычею, безъ всякой бережливости. О фуражѣ и помышленія не было заготовлять впередъ, и не только онаго не достало бы на то число, что требовано воловъ и верблюдовъ, но какъ теперь тамъ находящіеся прокормятся до марта—Богъ знаетъ.

«Войдите великодушно, мой милостивый благодѣтель, въ мое бывшее положеніе; какъ мнѣ горестно зависѣть отъ капризовъ не испытаннаго вождя, получившаго всѣ награжденія однимъ счастіемъ, чиномъ меня младшаго. Отъ вашего милостиваго ходатайства смѣю ожидать теперь смягченія моей судьбы.»

Опасенія Гудовича скоро были разсѣяны и указомъ сенату [1]) онъ былъ назначенъ астраханскимъ военнымъ губернаторомъ. Вслѣдъ затѣмъ Гудовичъ получилъ рескриптъ Императора Пав-

---

[1]) Отъ 8-го января 1797 г., № 29. Арх. Кабинета Его Величества, св. 101.

ла I, изъ котораго онъ увидѣлъ, что возвращенъ въ Георгіевскъ для того, чтобы быть главнымъ начальникомъ края; что графъ Зубовъ уволенъ отъ всѣхъ должностей и что возвращавшіеся на линію полки, по мѣрѣ ихъ прибытія, должны поступать подъ его начальство.

«Положеніе пограничныхъ нашихъ дѣлъ съ Персіею, писалъ Императоръ въ то же время Гудовичу [1]), и предпріятое, до вступленія нашего на престолъ, движеніе войскъ нашихъ въ томъ краѣ, никакихъ рѣшительно успѣховъ еще неодержавшее, требуетъ особливаго уваженія.

«Мы всему предпочитаемъ безопасность нашихъ предѣловъ и спокойствіе подданныхъ нашихъ и потому, въ ожиданіи, покуда время и обстоятельства воспособствуютъ подробную на тамошній край устроить систему, находимъ за нужное предначертать для васъ слѣдующія правила:

«Первое. Относительно собственныхъ нашихъ границъ, мы почитаемъ существенно выгоднѣйшимъ, чтобы линія для сохраненія ихъ наблюдаема была отъ устья рѣки Кубани, восходя вверхъ ея и потомъ ближайше и удобнѣйше выводя оную на рѣку Терекъ до Кизляра и т. д., и сію линію содержать въ такомъ исправномъ и почтительномъ состояніи, чтобы она не только оберегала предѣлы наши, но и обуздывала впереди ея обитающіе разные дикіе народы.

«Второе. Народы горскіе всякаго рода, къ сей линіи прилеглые или подручные, удерживать въ кротости и повиновеніи ласкою, отвращая отъ нихъ все, что служитъ къ ихъ притѣсненію или отягощенію; для обезпеченія же себя въ вѣрности ихъ, содержать при васъ или въ ближнихъ губернскихъ городахъ отъ нихъ аманатовъ, а при нихъ имѣя приставовъ, которые ласкою могли бы удержать въ нихъ приверженность къ Россіи.

«Третье. Въ разсужденіи царя карталинскаго, по единовѣрію и по давнимъ отношеніямъ сихъ владѣтелей къ самодержавцамъ всероссійскимъ и по договору, съ царемъ Иракліемъ постановленному, соблюдать съ симъ владѣтелемъ всякое пристойное сношеніе,

[1]) Въ рескриптѣ отъ 5-го января 1797 года.

и его удерживать въ добромъ согласіи и единодушіи съ владѣльцами и областями къ Россіи болѣе приверженными, дабы, въ случаѣ надобности, соединенными силами всѣ они могли стать противъ покушающихся нашихъ враговъ, и мы колико можно меньше имѣли надобности вступаться за нихъ вооруженною рукою. Словомъ, доводя дѣла до такой степени, чтобы изъ сихъ къ Россіи благожелательныхъ владѣльцевъ составилось федеративное государство, зависящее отъ насъ, яко верховнаго ихъ государя и покровителя, который тѣмъ меньше для нихъ тягостенъ будетъ, поколику мы ни въ образъ ихъ правленія мѣшаться, ниже отъ нихъ дани или иныя повинности, кромѣ вѣрности единой къ намъ, требовать не намѣрены.

«Четвертое. Шамхала тарковскаго, владѣтеля дагестанскаго, а равнымъ образомъ и хановъ дербентскаго, бакинскаго и другихъ, кои отъ западной части Каспійскаго моря близко находятся, удерживать по возможности въ зависимости отъ насъ, на вышеписанномъ основаніи, поставляя ихъ въ удобность къ соединенному отпору противъ подобныхъ непріязненныхъ замысловъ, каковые недавно со стороны Аги-Магометъ-хана оказаны.

«Пятое Имѣть вниманіе на торговлю нашихъ подданныхъ, дабы оная ничѣмъ въ областяхъ сихъ отягчаема и угнетаема не была, а, напротивъ того, пользовалась всѣми тѣми выгодами и льготами, кои по прежнимъ договорамъ одержаны.

«Шестое. Обратить всемѣрное стараніе ваше къ тому, чтобы искуснымъ и осторожнымъ образомъ внушить Агѣ-Магометъ-хану, что онъ инако спокойнымъ и безопаснымъ остаться не можетъ, какъ снискать наше къ себѣ доброхотство, и для того не прикасался бы ни къ Грузіи, ниже къ другимъ землямъ, на западномъ берегу Каспійскаго моря лежащимъ, и тѣмъ, кои между сихъ и Грузіи находятся, дружески трактовалъ нашу торговлю и открылъ первую же съ нами, кои всегда могутъ удобнѣе довести до событія дѣлъ его желанія. И ежели бы отъ него присланы были къ вамъ нарочные, вы ихъ примите благопріязненно, донося намъ для полученія дальнѣйшихъ нашихъ приказаній, но при томъ черезъ эмисаровъ дайте ему со всею пристойностію чувствовать всю

опасность, каковой онъ подвергаетъ себя, оказываясь намъ противнымъ.

«Седьмое. Во всякомъ случаѣ удаляться отъ поданія Портѣ Оттоманской подозрѣнія, что мы ищемъ съ нею поводовъ къ ссорамъ.

«Сими правилами руководствуемые, вамъ нетрудно будетъ начертать для себя планъ вашего поведенія по дѣламъ того края, и подробности онаго Намъ представить.»

Такъ кончился персидскій походъ 1796 года, походъ, стоившій намъ большихъ издержекъ, неприведшихъ ни къ какимъ результатамъ, за исключеніемъ вывода въ Россію 500 семей армянъ, поселенныхъ на линіи.

Узнавши о полученіи полковыми командирами рескриптовъ Императора, графъ Зубовъ созвалъ ихъ къ себѣ на совѣщаніе и объявилъ, что онъ болѣе не главнокомандующій и что отправилъ о своемъ увольненіи просьбу Императору. Имѣя въ виду крайнее затрудненіе въ пріобрѣтеніи продовольствія, графъ Зубовъ предложилъ полковымъ командирамъ взять сколько нужно денегъ изъ остатковъ экстраординарной суммы и уже заботиться о продовольствіи ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Положеніе войскъ было затруднительно: многіе полки лишились отъ безкормицы лошадей; другіе не имѣли никакихъ запасовъ продовольствія. Провіантъ доставлялся изъ Россіи весьма медленно, а купить на мѣстѣ было почти невозможно, потому что въ Ширванѣ, Баку, Шемахѣ, Ганжѣ и прочихъ мѣстахъ свирѣпствовалъ голодъ, и за четверть ячменя платили по 15 руб. и болѣе. Сѣна пріобрѣсти было невозможно, потому что туземцы не имѣли обыкновенія заготовлять его въ значительномъ количествѣ, и траву можно было достать только въ густыхъ камышахъ и съ огромными затрудненіями. Все это было причиною того, что первое время полковые командиры думали остаться до весны въ лагерѣ при р. Курѣ, съ тѣмъ, чтобы выждать появленія весенняго подножнаго корма и имѣть время заготовить хотя нѣсколько путевыхъ запасовъ. Впослѣдствіи такая остановка признана неудобною, и войска отдѣльными частями потянулись въ Баку, чтобы избѣжать тѣхъ горъ и ущелій, по которымъ проходили при движеніи изъ Кубы

къ Шемахѣ. «Ихъ застигла», пишетъ участникъ похода [1]), «чрезвычайная слякоть: выпалъ снѣгъ, начались нарочитые морозы въ исходѣ декабря; люди весьма много потерпѣли, а лошадей множество погибло. На семъ пути встрѣчали недостатокъ даже въ водѣ: нѣтъ ни лѣса, ни травы, земля обнажена отъ всякихъ растеній, кромѣ полыни, почти до самой кубинской области.»

Къ такимъ затрудненіемъ присоединилось и то, что персіяне, узнавъ о разрозненномъ движеніи нашихъ войскъ, намѣрены были атаковать ихъ. Тогда рѣшено было полковыми командирами соединиться другъ съ другомъ и идти вмѣстѣ. Между тѣмъ графъ Зубовъ получилъ приказаніе Императора немедленно приступить къ распоряженіямъ, какія приличны къ выводу войскъ въ предѣлы Имперіи. Ему поручено было снабдить полковыхъ командировъ наставленіями, составить маршруты, обезпечить на сколько возможно продовольствіемъ и проч. Среди этихъ распоряженій графъ Зубовъ получилъ просимое имъ увольненіе и тогда, сдавъ начальство генералъ-лейтенанту Булгакову, какъ старшему, онъ сѣлъ въ Баку на судно и уѣхалъ въ Астрахань. Войска были раздѣлены на двѣ части: одна выступила изъ Баку и шла сухимъ путемъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рахманова, а другая, подъ начальствомъ князя Циціанова, сѣла въ Баку на суда и слѣдовала моремъ къ Сладкоеричной пристани. Войска изъ Грузіи были также выведены, и генералъ Гудовичъ получилъ новую программу для дѣйствій на Кавказѣ.

Въ рескриптѣ отъ 9-го марта Императоръ Павелъ I писалъ ему:

«1) Занятіе войсками противъ талышинскихъ береговъ острова Сары и укрѣпленія его почитаю я излишнимъ, а довольно будетъ, чтобы стояли тамъ изъ нашихъ военныхъ одно или два судна.

«2) Военныя персидскія суда на Каспійскомъ морѣ могутъ быть терпимы, съ коими обходиться нашимъ дружественно, поколику они спокойны останутся.

«3) Для покровительства коммерціи нашей посылать по-прежнему нѣсколько нашихъ военныхъ судовъ, на какой конецъ приказано уже содержать тамъ нашу эскадру въ безпосредственной,

[1]) Бутковъ, ч. II, 421.

однакожъ, зависимости отъ своего морскаго начальства, съ коимъ вы должны имѣть сношеніе, и въ дѣлахъ службы взаимную другъ другу подавать руку помощи.

«4) Опредѣленіе къ Кабардинскому народу приставомъ на мѣсто полковника князя Уракова, Каргопольскаго драгунскаго полка полковника Лабу *не апробую; да и вообще запрещаю военныхъ чиновниковъ отлучать отъ своихъ полковъ къ другимъ служеніямъ*. Для подобныхъ же употребленій требуйте надобныхъ людей отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. А какъ въ полковникѣ Лабѣ находите вы особливую способность къ сему роду службы, *то исключаю я его изъ военной службы съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники*.

«5) При случаѣ набѣговъ на наши предѣлы закубанскихъ народовъ, прогонять ихъ отъ себя, а еще лучше не допускать ихъ врываться въ границы наши, и сіе дѣлать однѣми тѣми частьми войскъ, которыя тутъ же при границѣ посты свои имѣютъ, не собирая для того особыхъ войскъ.

«6) Всѣ живущіе и кочующіе въ нашихъ предѣлахъ азіятскіе народы, какъ-то: кабардинцы, трухменцы, калмыки и прочіе тому подобные хотя у васъ въ зависимости состоять должны, но имѣть свои суды; верхній же пограничный судъ въ Моздокѣ подъ вашимъ руководствомъ да останется.

«7) Для исправленія по сей части дѣлъ какъ пограничнаго совѣтника, такъ секретаря и прочихъ канцелярскихъ чиновъ требуйте отъ иностранной коллегіи, которая нужными людьми снабдить васъ не оставитъ; военныхъ же изъ полковъ для сего употребленія брать отнюдь не позволяю и накрѣпко то чинить запрещаю.

«8) Въ сношеніяхъ и обращеніяхъ вашихъ съ закубанскими султанами и другими тамошнихъ народовъ начальниками наблюдайте ту осторожность, чтобы не брать ничего на свой отвѣтъ и доносить напередъ мнѣ и ожидать моихъ повелѣній, увѣдомляя въ то же время о состояніи пограничныхъ дѣлъ и тамошнихъ происхожденіяхъ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

«9) Въ заключеніе сего нахожу нужнымъ примѣтить, что польза службы и долгъ вашъ требуютъ, дабы вы въ по-

веденіи своемъ противу заграничныхъ народовъ сколь можно рѣже употребляли мѣстоименіе я, но всѣ случаи, въ которыхъ вы дѣйствуете, относятся двору нашему, коего вы только волю и повелѣнія исполняете.» [1])

Рескриптъ этотъ, обрекая Гудовича на оборонительный образъ дѣйствія, возлагалъ на него одну только заботу о защитѣ нашихъ границъ отъ набѣговъ хищниковъ. Средствомъ для такой защиты былъ рядъ постовъ и укрѣпленій Кавказской линіи, тянувшейся по рѣкамъ Кубани, Малки и Тереку.

IX.

Положеніе Грузіи при вступленіи на престолъ Императора Павла I.—Опасенія новаго вторженія персіянъ въ Грузію. — Ага-Магометъ-ханъ въ Шушѣ. — Умерщвленіе его.—Сношенія и переговоры Императора Павла I съ грузинскимъ царемъ.

Извѣстіе о вступленіи на престолъ Императора Павла I заставило царя Ираклія отправить въ С.-Петербургъ, въ началѣ 1797 года, князя Герсевана Чавчавадзе въ качествѣ полномочнаго министра. Посланный явился къ нашему двору съ двумя грамматами, въ которыхъ грузинскій царь, поздравляя Императора, говорилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что отправилъ своего посланнаго «для изъявленія поверженія моего, дома моего, а купно и всего царства моего высокому вашего императорскаго величества покровительству [2])».

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ князь Чавчавадзе находился уже въ С.-Петербургѣ и просилъ о назначеніи въ Грузію нашихъ войскъ для того, чтобы не подвергнуться новому нападенію и разоренію отъ Аги-Магометъ-хана и вообще для обезпеченія края отъ внѣшнихъ враговъ и къ упроченію покровительства Россіи надъ Грузіею [3]). Вскорѣ и самъ Ираклій просилъ Императора Павла о присылкѣ ему 4,000 человѣкъ для защиты христіанъ отъ плѣненія Аги-Ма-

---

[1]) Секретный рескриптъ 9 марта 1797 г. Арх. Глав. Штаба въ С.-Петербургѣ.
[2]) Письма Ираклія Императору Павлу I отъ 3-го февраля и 16-го апрѣля 1797 г.
[3]) Письмо князя Чавчавадзе къ князю Безбородко 28-го апрѣля 1797 г.

гометъ-ханомъ, угрожавшимъ новымъ разореніемъ и посылавшимъ Ираклію свой фирманъ, «которому вся вселенная повинуется [1])».

Отступленіе нашихъ войскъ и возвращеніе ихъ въ предѣлы Россіи было торжествомъ для Аги-Магометъ-хана и живѣйшею для него радостью. Онъ торопился выставить себя побѣдителемъ и приписывалъ себѣ незаслуженные успѣхи.

«Не безъизвѣстно вамъ, писалъ онъ дагестанцамъ, какой успѣхъ имѣю я въ Хоросанѣ, и вы довольно усмотрѣть можете, что россійское войско, убоясь могущаго послѣдовать отъ меня одолѣнія, принуждено было возвратиться вспять, въ немалой робости и разстройкѣ. Вѣрьте, что я буду скоро въ Адербейджанѣ и всегда не оставлю послушныхъ мнѣ моею милостію, а противниковъ строго буду наказывать. Почему и даю чрезъ сіе знать, чтобы преданные ко мнѣ по надлежащему себя отъ противниковъ отличили и о состояніи своемъ меня увѣдомили, каковыхъ не оставлю я моею помощію и будутъ они жить спокойно.»

Вслѣдъ затѣмъ подобный же фирманъ былъ отправленъ и въ Грузію. При приближеніи посланнаго къ Тифлису, народъ едва увидѣлъ его у воротъ, хотѣлъ убитькаменьями, но былъ удержанъ Сырохневымъ, тогда еще невыступившимъ изъ Грузіи. Подъ конвоемъ русскихъ войскъ персидскій посланный былъ препровожденъ къ царю Ираклію, которому и передалъ фирманъ своего повелителя.

«Россіяне, писалъ Ага-Магометъ-ханъ въ своемъ фирманѣ, всегда промышляли торгомъ и купечествомъ, продавали сукно и кармазинъ, и никто не видалъ, чтобы они когда-нибудь могли употребить саблю, копье и прочее воинское оружіе.

«Какъ нынѣ они отважились войти въ предѣлы областей, состоящихъ подъ нашею державою, то мы высочайшія мысли наши въ ту сторону устремили и счастливѣйшія знамена наши обратили, чтобы ихъ наказавъ истребить. Они же, узнавъ о таковомъ нашемъ намѣреніи, въ свою гнусную землю удалились. Государственныя наши очи проницаютъ то, кого должно наказать, кого истребить, и для того нашими величественными лучами оный

---

[1]) Письмо Ираклія Императору Павлу I отъ 16-го апрѣля 1797 г. Арх. Гл. Шт. въ С.-Петербургѣ.

край мы озарили. Въ сихъ странахъ и степяхъ земля будетъ покрыта шатрами войскъ нашихъ, а какъ ваше высочество въ Персидской Имперіи главные родомъ и достоинствомъ своимъ, кои обрѣтаютъ вамъ отъ милостивыхъ очей нашихъ уваженіе и честь, то симъ сообщаемъ вамъ о продолжающемся съ давнихъ временъ донынѣ къ вамъ всемилостивѣйшемъ нашемъ воззрѣніи и благоволеніи, которое ежели твердо хранилось въ царскомъ нашемъ сердцѣ, то и нынѣ кромѣ изліянія милостей и доброжелательства ничего другаго въ себѣ не содержитъ. Происшествію же, которое недавно съ вами приключилось, ваше высочество сами причиною, а какъ наше милосердіе повсюду оживается и сердце правосуднѣйшее расположено, то ваше высочество и сыны ваши можете заслугами своими удостоиться получить участіе отъ царскихъ сокровищъ нашихъ и заслужить особую нашу милость. Почему и можете считать наши царскія двери для себя отверзтыми; вслѣдствіе чего и имѣете вы быть къ услугамъ нашимъ, и можете вы или кто изъ сыновей вашихъ безъ опасенія ѣхать къ нашему царскому порогу, гдѣ и получите отъ насъ разныя милости. Что же чрезъ сіе вамъ повелѣно и предписано, буде того не исполните, сами знаете, что отъ того послѣдуетъ.»

При такихъ угрозахъ царю Ираклію оставалась одна только надежда на защиту русскихъ. Разрѣшеніе оставить въ Тифлисѣ находившіеся тамъ два баталіона, подъ начальствомъ подполковника Спѣшнева, произвело общую радость въ странѣ [1]).

7-го мая получено было это извѣстіе въ Тифлисѣ, и въ тотъ же день одновременно во всѣхъ церквахъ города совершено молебствіе «для ободренія всѣхъ жителей». Ободреніе было необходимо для грузинъ, въ особенности теперь, когда черезъ нѣсколько дней шахъ прислалъ къ Ираклію своего посланника, съ повелительнымъ требованіемъ дать письменное обязательство быть въ послушаніи шаха, обѣщаясь болѣе ничего не требовать. Для большаго успѣха своихъ исканій, властитель Персіи, какъ бы вскользь, писалъ Ираклію, что самъ онъ съ многочисленнымъ войскомъ стоитъ въ Міанѣ, неподалеку отъ Тавриза. Ираклій боялся еще

¹) Письмо изъ Грузіи къ князю Чавчавадзе 16-го мая 1797 года.

шаха, жестоко поступавшаго при нашествіи въ Грузію и точно также дѣйствовавшаго теперь съ другими ханами и владѣльцами, сосѣдними Грузіи.

Такъ Ага-Магометъ-ханъ приказалъ, чтобы въ Памбакахъ и Борчалахъ жители были послушны эриванскому хану и готовы къ его услугамъ, а казахи и шамшадыльцы были въ повиновеніи ганжинскаго хана. Нахичеванскому хану онъ сначала выкололъ глаза, а потомъ уморилъ «подъ палками»; то же самое сдѣлалъ и съ хойскимъ ханомъ; ганжинскаго Джевадъ-хана отозвалъ къ себѣ, а на его мѣсто назначилъ другаго; эриванскаго хана обѣщалъ повѣсить, если не дастъ ему 500,000 руб. Ханъ уплатилъ 200,000 руб., а для уплаты остальныхъ продавалъ свое недвижимое имущество. Жители Нахичевани были всѣ ограблены, и многіе изъ нихъ усланы Агою-Магометъ-ханомъ неизвѣстно куда. Поступки эти заставляли страшиться за себя какъ грузинъ, такъ и самого царя ихъ Ираклія II.

Коронованіе Императора Павла I и пребываніе его по этому случаю въ Москвѣ остановили на нѣкоторое время переговоры нашего двора съ грузинскимъ посломъ. Только въ іюнѣ мѣсяцѣ князь Чавчавадзе могъ представить свои просьбы Императору Павлу I. Онъ просилъ: 1) принять Грузію подъ покровительство Россіи; 2) утвердить наслѣдникомъ престола, по назначенію самого Ираклія, сына его, отъ перваго брака, Георгія, и «дать царю и народу всероссійскій законъ, для управленія государствомъ, дабы онымъ исторгнуть нѣкоторыя, вкравшіяся издревле, азіятскія несправедливости судопроизводства, служащія во вредъ и противность православному христіанскому исповѣданію.»

Ираклій просилъ о принятіи его сыновей и внуковъ въ россійскую службу и, отъ имени народа, ходатайствовалъ о приказаніи русскимъ войскамъ оставаться въ Грузіи до тѣхъ поръ, пока не прекратятся въ ней смуты и разоренія. Послѣ усмиренія края и прекращенія смутъ, князь Чавчавадзе просилъ оставить столько войскъ, сколько будетъ угодно Императору, съ обѣщаніемъ, что царь «никакъ не дерзнетъ находящагося у него россійскаго войска, безъ особаго повелѣнія, употребить внѣ границъ Грузіи и съ сосѣдями своими будетъ обращаться самымъ дружественнымъ

образомъ и столь долго, сколько то угодно будетъ повелѣть ему продолжать. Самъ же собою ни изъ чего и ни съ кѣмъ никакого дѣла начать не отважится безъ высокомонаршей на то воли и всячески будетъ изыскивать средства жить съ сосѣдями его мирно, дружелюбно и согласно» [1]).

Ираклій, въ котораго все Закавказье вѣрило, какъ въ человѣка непобѣдимаго, нуждался теперь въ русскомъ войскѣ, какъ для собственной защиты, такъ и для защиты своего народа и царства. По словамъ князя Чавчавадзе, грузинамъ было необходимо русское войско, «какъ бы нѣкій щитъ», какъ ободреніе жителей въ ихъ спокойной и безопасной жизни. Оно необходимо было и для удержанія каждаго въ своей должности, какъ защита и укрощеніе тѣхъ, которые захотѣли бы поколебать или нарушить общую тишину и спокойствіе.

Сверхъ всѣхъ этихъ главнѣйшихъ просьбъ, грузинскій посолъ былъ уполномоченъ просить наше правительство:

1) Принять въ вѣдѣніе Россіи всѣ находившіяся въ Кахетіи и Карталиніи крѣпости и опредѣлить туда русскихъ начальниковъ и комендантовъ, по назначенію Императора; точно также принять въ свое вѣдѣніе и распоряженіе всѣ рудники, находившіеся въ Грузіи. По словамъ князя Чавчавадзе, рудники эти были обильны золотомъ, серебромъ и другими металлами. Царь Ираклій не могъ воспользоваться ими за неимѣніемъ людей, знающихъ ихъ обработку; отдать же ихъ на разработку иновѣрцамъ царь боялся, чтобы «чрезъ сіе не обогатить невѣрныхъ и не умножить въ царствѣ своемъ магометанъ.»

2) Монету грузинскій царь просилъ дозволить чеканить такъ, чтобы на одной сторонѣ былъ портретъ (барельефъ) Императора Павла I, или заглавныя буквы его имени, а на другой «знакъ царя и Грузіи», единственно для того, чтобы «можно было познать, что та монета чеканена въ Грузіи.»

Грузинскій посолъ не успѣлъ еще получить отвѣта отъ нашего правительства, какъ вся Грузія была крайне встревожена извѣстіемъ о приближеніи къ ея предѣламъ Аги-Магометъ-хана.

[1]) Донесеніе князя Герсевана Чавчавадзе Государю Императору 11-го іюня 1797 года.

Властитель Персіи не могъ забыть оскорбленія, нанесеннаго его достоинству тѣмъ, что ничтожный ханъ шушинскій осмѣлился не покориться его власти и не хотѣлъ признавать его шахомъ всей Персіи. Многочисленное персидское войско въ 1797 году снова появилось на Араксѣ, и начались новыя разоренія карабагскихъ жителей. Ибраимъ-ханъ шушинскій рѣшился оставить свое владѣніе и со своимъ семействомъ и нѣсколькими беками бѣжать въ Джаро-Бѣлоканы. Двѣ тысячи всадниковъ, подъ начальствомъ лучшихъ военачальниковъ, были посланы Агою-Магометъ-ханомъ преслѣдовать Ибраима и, если возможно, то захватить его. Хотя они и настигли бѣжавшаго при переправѣ черезъ рѣку Тертеръ, но Ибраимъ-ханъ, послѣ упорнаго дѣла, успѣлъ разбить персіянъ и скрыться въ горахъ [1]).

Ага-Магометъ-ханъ занялъ безъ боя столицу Карабага, Шушу, и сталъ разорять ея окрестности.

На юго-восточной сторонѣ отвѣсной скалы стоитъ построенный въ каре дворецъ Маммеда-Гасанъ-Аги, старшаго сына Ибраимъ-хана карабагскаго. Тутъ поселился Ага-Магометъ-ханъ.

«Широкія ворота ведутъ во внутренній дворъ. Вдоль передняго фаса тянется крытая галерея, защищающая отъ солнечныхъ лучей покои, въ которыхъ, сквозь поднятыя узорчатыя окна, составленныя изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, еще недавно можно было видѣть карабагскаго властелина, проводившаго дни свои въ бездѣйствіи, на мягкихъ коврахъ, посреди своей челяди...»

Парадныя комнаты шахъ уступилъ придворнымъ, а самъ скрылся въ небольшой комнатѣ, недоступной для постороннихъ взоровъ. Любимые его нукеры, Аббасъ-Бекъ и Сафаръ-Али, помѣстились въ другой комнатѣ, отдѣленной коридоромъ.

Угрюма была комната шаха, безъ всякой мебели. «На полу лишь былъ разостланъ богатый коверъ, чтобы предохранить ногу властелина отъ жесткаго прикосновенія къ каменнымъ плитамъ, да у стѣны стояла, знаменитая въ то время, походная кровать шаха, служившая ему и кроватью, и престоломъ, или парадныъ

---

[1]) Карабагъ. Соч. Джемаля Джеваншира-Карабаги. Газета «Кавказъ» 1855 г., № 68.

сѣдалищемъ. Ткань, густо усѣянная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, покрывала эту кровать, вплоть до пола, а посрединѣ дорогаго одѣяла было оставлено незашитое поле изъ пурпуроваго бархата, обозначавшее мѣсто ханскаго сидѣнья. Тутъ обыкновенно возсѣдалъ ханъ, съ поджатыми подъ себя ногами, одѣтый въ широкую шубу, покрытую богатой шалью краснаго цвѣта» [1]).

Передъ дворцомъ толпились персіяне, а на площади расположилась бивуакомъ гвардія шаха. Все было тихо въ Шушѣ; все боялось нарушить спокойствіе шаха и тревожить его чуткое ухо. Такъ прошло семь дней по занятіи шушинской крѣпости.

Вечеромъ восьмаго дня Ага-Магометъ-ханъ молился, когда на порогѣ его комнаты появился Садыкъ-ханъ шекакійскій, начальникъ всей шахской кавалеріи.

— Какъ ты осмѣлился, ничтожный рабъ, явиться передо мною незваный? спросилъ разгнѣванный шахъ.

— Недостойный рабъ твой исполняетъ волю своего повелителя, переданную мнѣ устами Сафаръ-Али, отвѣчалъ ханъ дрожащимъ голосомъ и низко кланяясь.

Шахъ позвалъ Сафаръ-Али.

— Когда я тебѣ приказывалъ звать Садыкъ-хана? спросилъ шахъ вошедшаго.

— Съ полчаса тому назадъ.

— Лжешь, собака! вскричалъ шахъ, направляя дуло пистолета въ грудь Сафара-Али, но тотчасъ же опустилъ его...

— Не дерзнетъ червь ничтожный, проговоривъ Сафаръ, лгать передъ Богомъ небеснымъ и передъ солнцемъ его земнымъ! Можетъ быть, злой духъ обманулъ мое ухо, и я не понялъ приказанія моего повелителя... Жизнь раба шахскаго въ рукахъ твоихъ.

— Если уши твои не умѣютъ слушать, такъ они мнѣ не нужны... Ступай! Пусть ихъ отрѣжутъ!

Надъ Сафаромъ-Али исполнили приговоръ повелителя...

Наступила ночь. «Вперивъ взоръ въ слабое пламя лампады, шахъ лежалъ на кровати, а душа его парила въ предѣлахъ власто-

---

[1]) Ага-Магометъ-ханъ въ Шушѣ. «Зурна» 1855 г.

любія и честолюбія; онъ мечталъ объ увеличеніи или упроченіи своего державнаго могущества.

«Вдругъ онъ нахмурился, приподнялся на локоть и сталъ прислушиваться. Ему показалось, будто слышатся шопотъ и тихія рыданія.

«Тревожно онъ кликнулъ своихъ нукеровъ. Они вошли. Сафаръ-Али былъ блѣденъ, какъ приведеніе; голова его была обвязана окровавленными платками. Аббасъ-Бекъ вошелъ съ потупленными взорами...

— Ты смѣешь плакать, какъ женщина, — сказалъ шахъ Сафаръ-Али,—когда тебѣ должно радоваться о великой милости, даровавшей тебѣ жизнь!... А ты, Аббасъ, осмѣлился громко разговаривать около моей опочивальни и мѣшать моему сну... Вы оба лишніе на землѣ, и съ восходомъ солнца падутъ ваши головы. Есть еще нѣсколько негодяевъ, подобныхъ вамъ. Завтра наряжу я страшный судъ надъ всѣми и изъ череповъ вашихъ сооружу минаретъ, выше минарета шамхорскаго... Вы слышали? Ступайте!...»

За наступленіемъ ночи на пятницу, посвящаемую, обыкновенно, молитвѣ, шахъ, по необходимости, отложилъ свой приговоръ до слѣдующаго утра. Уснулъ шахъ, но не спали его нукеры, знавшіе о безвозвратности словъ шаха. Надо было или терпѣливо ожидать своей участи и на утро разстаться съ жизнью или порѣшить съ виновникомъ своихъ несчастій. Нукеры рѣшились на послѣднее.

Вооруженные кинжалами, тихо вышли они въ коридоръ и остановились за шелковымъ занавѣсомъ, закрывавшимъ входъ въ комнату властелина.

Глубокая тишина, неподвижность повелителя свидѣтельствовали о его крѣпкомъ, непробудномъ снѣ. «Осторожно коснулся Аббасъ занавѣса, зашелестилъ шелкъ. Окостенѣла рука испуганнаго, дыханіе замерло въ груди его, а сердце забилось такъ сильно, какъ будто хотѣло разбудить спящую жертву. Убійцы обмѣнялись взглядами. Въ этихъ взглядахъ выразилась борьба двухъ чувствъ, всегда нераздѣльныхъ въ человѣкѣ: чувствъ страха и самосохраненія. Но борьба длилась недолго: чувство самосохраненія восторжествовало.

*

«Рука Сафаръ-Али смѣлѣе сжала занавѣсъ, и быстрый взглядъ его проникъ во внутренность спальни. Огонекъ изъ серебряной лампады проливалъ слабое мерцаніе на шаха, погруженнаго въ глубокій, спокойный сонъ.

«Безъ шума скользнула по мягкому ковру нога, обутая въ шерстяной чулокъ. Двое убійцъ, какъ грозныя видѣнія, стали у кровати обреченнаго ихъ мщенію.

«Поднялся кинжалъ, сверкнулъ отраженіемъ слабаго свѣта лампады и глубоко вонзился въ грудь спящаго...»

«Шахъ приподнялся. Приложивъ руку къ груди, онъ остановилъ на убійцѣ угасающій взоръ и произнесъ:

— Несчастный! Ты убилъ Иранъ....

«То были послѣднія слова грознаго шаха». Взоръ его погасъ; голова тяжело упала на подушку.

«Судьба его свершилась.... [1]).

Такъ погибъ Ага-Магометъ-ханъ отъ руки собственныхъ своихъ слугъ, которыхъ страшно тиранилъ. Убійцы, захвативъ всѣ бывшія при немъ драгоцѣнности, въ томъ числѣ и шахскую корону, отправились къ Садыкъ-хану шекакійскому объявить о случившемся. Садыкъ боялся повѣрить, предполагая въ томъ обманъ, хитрость и желаніе Аги-Магомета испытать его вѣрность. Послѣ долгихъ увѣреній и клятвъ Садыкъ рѣшился отправиться въ домъ, въ которомъ помѣщался повелитель Ирана. Со страхомъ и трепетомъ переступилъ онъ страшный порогъ, а въ это время Сафаръ-Али приподнялъ одѣяло, подъ которымъ лежалъ бездыханный трупъ Аги-Магометъ-хана. Первымъ дѣломъ Садыка было захватить сокровища и воспользоваться богатствомъ убитаго [2]).

Вѣсть о смерти Аги-Магометъ-хана быстро распространилась по лагерю, и персіяне бросились на грабежъ, расхитили все имущество и вслѣдъ затѣмъ, оставивъ Шушу, удалились въ Персію [3]).

Со смертью шаха признано было безполезнымъ оставлять русскія войска въ Грузіи и имъ велѣно возвратиться на Кавказскую линію. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нашихъ войскъ уже не было въ Гру-

[1]) «Зурна» 1855 г., 265; «Кавказъ» 1855 г., № 68.

[2]) Газета «Кавказъ» 1855 г., № 68.

[3]) Рапортъ Гудовича 20-го іюня 1797 г.

зіи, и царь Ираклій лишился опоры для отраженія внѣшнихъ враговъ и уничтоженія внутреннихъ раздоровъ страны.

Императоръ Павелъ I съ іюня до декабря не давалъ никакого рѣшенія на просьбы грузинскаго царя. Князь Чавчавадзе нѣсколько разъ обращался къ канцлеру и просилъ его поспѣшить отвѣтомъ. Въ декабрѣ канцлеръ отвѣчалъ на словахъ, что просьбы посла грузинскаго нынѣ удовлетворены быть не могутъ. Посланникъ благодарилъ за словесный отвѣтъ, но просилъ письменнаго и личнаго свиданія [1]).

Обѣщаясь оставаться во всегдашнемъ послушаніи, «какъ единовѣрные и приверженные къ престолу православному», онъ спрашивалъ, существуетъ или нѣтъ договоръ, заключенный между Россіею и Грузіею въ 1783 году. Князь Чавчавадзе просилъ, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, разрѣшенія нашего правительства приглашать въ Грузію, по прежнимъ обычаямъ, лезгинъ для лучшей защиты страны, которыхъ и содержать на иждивеніи грузинскаго царя.

Просьба эта осталась также безъ отвѣта. Тогда посолъ обратился съ просьбою къ самому Императору Павлу I, въ которой высказалъ свое сожалѣніе и жалобу, что ему не было объявлено годомъ ранѣе того, что Россія не можетъ удовлетворить его просьбы [2]).

«Тогда,—писалъ онъ [3]), царь, мой государь, могъ бы предпринять другія къ сохраненію царства своего мѣры.

«Я же не могу позволить себѣ помыслить, чтобы ваше императорское величество могли царю, пришедшему съ потомствомъ его и народомъ въ вѣчное Всероссійской Имперіи подданство, повелѣть такой дать отвѣтъ. Основываясь на святости обоюдныхъ торжественныхъ обязательствъ, царемъ моимъ и царствомъ его нерушимо соблюденныхъ, когда ни онъ, ни народъ его не пощадили собственной крови своей въ пожертвованіе онымъ, пріемлю всеуниженнѣйшее дерзновеніе, по всѣмъ тѣмъ прошеніямъ царя

---

[1]) Письма князя Чавчавадзе канцлеру отъ 30-го сентября и 8-го декабря 1797 года.

[2]) Тамъ же.

[3]) Прошеніе его же Государю Императору отъ 31-го декабря 1797 г. Тамъ же.

моего, симъ безпосредственно напомнить и спросить: угодно ли тебѣ, великій Государь, содержать оный трактатъ по-прежнему въ своей силѣ, и угодно ли будетъ дать царю моему, приведенному обязательствами того трактата въ тѣснѣйшія обстоятельства, обѣщанную онымъ помощь? или до времени, по какимъ ни есть причинамъ, того сдѣлать не можно? Великій Государь, удостой расторгнуть недоумѣніе мое и ожиданіе всей Грузіи милостивѣйшимъ на сіе отвѣтомъ, дабы царь мой и народъ его, оставаясь въ недоумѣніи, въ какомъ и я по сіе время нахожусь, обѣтами того священнаго трактата не были доведены до совершенной гибели, и дабы онъ, имѣя свободу заключать съ сосѣдственными ему Адербейджанской области персидскими ханами и горскими Дагастана владѣльцами потребныя къ охраненію царства его дружественныя сношенія и связи, могъ приступить къ онымъ, пребывая въ душѣ своей вѣчно тебѣ вѣрнымъ и преданнымъ...»

Грузинскій посолъ просилъ Императора Павла удостоить Ираклія и его наслѣдника своею грамотою, въ уваженіе престарѣлыхъ лѣтъ царя, который, «сколько отъ глубокихъ лѣтъ своихъ», столько же и отъ «снѣдавшей» его сердце скорби о разоренномъ отечествѣ, лежалъ на смертномъ одрѣ.

Признавая необходимымъ самому отправиться въ Грузію, князь Чавчавадзе желалъ получить отъ нашего правительства инструкцію для дѣйствій своихъ въ отечествѣ.

«Касательно жь того, писалъ онъ [1]), когда я обратно буду въ моемъ отечествѣ, какое мнѣ дѣлать тамъ внушеніе царю, вельможамъ его и народу, и какія подавать имъ увѣренія, чтобы пребывали тверды въ присягѣ своей, данной ими обладателю престола Всероссійской Имперіи и высокимъ его преемникамъ, о семъ министерству своему удостой повелѣть снабдить меня письменнымъ наставленіемъ, чтобы могъ я, служа моему отечеству, не удаляться и отъ воли твоей, яко единой предержащей верховной по трактату въ Грузіи власти, и не погрѣшить ни передъ Богомъ всесильнымъ, ни передъ твоимъ императорскимъ величествомъ.»

---

[1]) Московскій Арх. Иностр. Дѣлъ.

Въ концѣ 1797 года получено было въ С.-Петербургѣ извѣстіе о продолжительной и опасной болѣзни царя Ираклія. Для леченія его тотчасъ былъ отправленъ въ Тифлисъ докторъ Герцезіусъ, выѣхавшій вмѣстѣ съ сыномъ Ираклія, царевичемъ Миріаномъ, находившемся въ Россіи съ 1784 года и состоявшемъ въ чинѣ генералъ-маіора русской службы. Миріанъ не засталъ въ живыхъ отца своего: дурная дорога и погода задержали его въ пути. Онъ пріѣхалъ въ Телавъ только 15-го февраля, когда «въ Грузіи, писалъ онъ [1]), на прародительскій наслѣдственный престолъ царемъ поставленъ старшій братъ мой Георгій, а по немъ назначенъ наслѣдникомъ царевичъ Юлонъ.»

«Хотя Оттоманская Порта и другіе наши сосѣди имѣютъ неусыпное стараніе проискивать всякимъ средствомъ случаи, дабы отдѣлить Грузію отъ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества покровительства, даже нѣсколько изъ нашихъ полагаютъ уже склонность къ сему; но мать моя, вкупѣ съ дѣтьми своими, не допущаетъ ихъ учинить сіе злодѣйское намѣреніе.

«Отъ внутренности сердца моего, съ горячими слезами дерзаю я о семъ всеподданнѣйшее донести, что ежели въ скоромъ времени не подкрѣпится наше отечество, то можетъ попасть вся Грузія въ руки магометанскія.»

X.

Кончина Ираклія II и его похороны. — Вступленіе на грузинскій престолъ Георгія XII.

Грузія не успѣла еще оправиться отъ вторженія Аги-Магометъ-хана, когда 11-го января 1798 года въ Телавѣ скончался царь Ираклій II.

Въ виноградной долинѣ рѣки Алазани, среди множества садовъ, ее охватившихъ, стоитъ городъ Телавъ, нѣкогда бывшій столицею Кахетинскаго царства. Самый городъ разбросанъ на высотѣ, окруженной липами (tilia), отъ которыхъ и получилъ свое назва-

[1]) Письмо царевича Миріана Государю Императору 10-го марта 1798 г.

ніе. Бѣлыя церкви и башни города, перемѣшанныя съ густою зеленью деревъ, виднѣются издалека.

Проѣхавъ предмѣстье, по справедливости названное улицею розъ (варди) и разбросанное на холмѣ, также окруженномъ группою садовъ, можно встрѣтить и теперь довольно большую телавскую крѣпость, выдающуюся впередъ круглымъ своимъ бастіономъ. На площади посреди крѣпости стоятъ и донынѣ древнія стѣны каменнаго зданія, господствующаго надъ всѣми остальными, въ «почтительномъ отдаленіи пріютившимися у крайнихъ бойницъ крѣпости.» Крѣпость эта царская, а самое зданіе бывшій дворецъ царей Кахетіи.

Дворецъ состоялъ нѣкогда изъ обширной, богато-украшенной залы посрединѣ, къ которой прилегали по бокамъ малые покои и галлереи въ азіятскомъ вкусѣ.

Послѣ Тифлиса, любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ Ираклія былъ Телавъ, съ которымъ соединялись и лучшія его воспоминанія, и счастливая его жизнь. Будучи сначала царемъ кахетинскимъ, Ираклій пріобрѣлъ себѣ славу военную и любовь народную. Долгое время всему Закавказью было извѣстно, что Телавъ резиденція грознаго царя Кахетіи. Живя въ Телавѣ, Ираклій соединилъ подъ свою власть оба царства, Карталинское и Кахетинское; сюда же онъ пріѣхалъ и для того, чтобы окончить остатокъ своихъ дней, когда звѣзда счастія угасла, и онъ послѣ вторженія въ Тифлисъ Аги-Магометъ-хана, не имѣя силъ смотрѣть на пепелище столицы, слышать плачъ и рыданія его жителей, поспѣшилъ въ Телавъ «лить горькія слезы въ тишинѣ.»

Немного было сановниковъ и приближенныхъ, окружавшихъ Ираклія въ предсмертный его часъ, но за то было многочисленно его собственное семейство. Онъ разстался съ жизнію тогда, когда въ семействѣ этомъ происходили раздоры и несогласія, немогшія принести пользы созданному имъ отечеству...

Тотчасъ послѣ смерти царя, всѣ придворные, гражданскіе и военные чины, находившіеся въ Телавѣ, собрались во дворецъ. Предъ постелью, на которой лежало тѣло усопшаго, устроили возвышенное мѣсто въ видѣ трона; положивъ на него большую богато убранную подушку, разостлали на ней порфиру. По правую

сторону подушки помѣщены были всѣ прочія царскія регаліи, а по лѣвую царскія украшенія овдовѣвшей царицы, вмѣстѣ съ одеждою и оружіемъ ея супруга.

На низкихъ диванахъ (тахтахъ) сидѣли жены сановниковъ, закутанныя съ ногъ до головы въ длинныя бѣлыя покрывала, и, ударяя себя въ грудь, громко оплакивали кончину царя. Противъ женщинъ, съ правой стороны трона, размѣстились государственные сановники по старшинству и достоинству, «въ безмолвіи и съ печальнымъ лицомъ.» Выше всѣхъ сидѣли царскіе министры, за ними церемоніймейстеры, съ переломленными жезлами.

Изъ окна комнаты видѣнъ былъ любимый царскій конь, стоящій у дворцовыхъ воротъ, осѣдланный наизнанку; подлѣ коня сидѣлъ на землѣ чиновникъ съ непокрытою головою.

Такова была обстановка комнаты, гдѣ лежалъ покойный, когда въ нее вошла царица, въ сопровожденіи своихъ дѣтей, родныхъ и приближенныхъ.

Подойдя къ умершему и поцѣловавъ его, царица нѣсколько минутъ плакала надъ усопшимъ, терзая свою грудь, лицо и волосы. Потомъ, обратясь къ присутствовавшимъ, она протяжнымъ плачевнымъ голосомъ жаловалась имъ, по грузинскому обычаю, что лишилась милаго супруга своего и съ дѣтьми своими осталась навѣкъ сиротою.

— Подданные потеряли въ немъ истиннаго отца, говорила царица.

То же самое говорили и всѣ пришедшіе вмѣстѣ съ нею.

Выйдя изъ комнаты, гдѣ лежалъ умершій, и подойдя къ чиновнику, сидѣвшему подлѣ лошади, царица повторила ему то же самое и затѣмъ удалилась въ свои покои.

Здѣсь, на полу, устланномъ богатымъ ковромъ, сидѣла бѣдная вдова въ глубокомъ трауръ, съ распущенными волосами; она плакала безпрестанно, рвала волосы, била себя въ грудь и самымъ заунывнымъ голосомъ пересчитывала достоинства покойнаго и свое горькое положеніе. По грузинскому народному обычаю, ее окружала толпа женщинъ, которыя, утѣшая несчастную, плакали, однако же, вмѣстѣ съ нею. Присутствовавшіе отвлекались на время появленіемъ кого либо изъ родственниковъ царскихъ, и съ

приходомъ его сцена измѣнялась. Онъ подходилъ ко вдовѣ, бросался передъ нею на колѣни и, склонивъ голову, начиналъ всхлипывать, приговаривая: какъ дружно онъ жилъ съ покойнымъ, какой онъ былъ достойный человѣкъ и какую ужасную потерю принесла всѣмъ его смерть.

— Кого мы лишились въ немъ? спрашивалъ вошедшій, обращаясь къ плакавшимъ присутствующимъ.

— Не онъ ли былъ среди грозныхъ дней нашихъ утѣшителемъ и помощникомъ, среди голода нашимъ спасителемъ, среди радости виновникомъ радости?

— Вай, вай, отвѣчали плакавшіе голоса.

— Не его ли добрая жена была подругою и матерью намъ? А теперь мы видимъ мать свою осиротѣвшею!..

Восклицанія и слезы были отвѣтомъ на вопросы вошедшаго [1]).

Окончивъ свою продолжительную импровизацію, онъ начиналъ рыдать и рыдалъ навзрыдъ неутѣшно. Сидящія съ царицею-вдовою женщины подхватывали его плачъ, и въ комнатѣ раздавался раздирающій душу плачъ на всевозможные тоны и голоса. Едва все это стихало, едва присутствующіе приходили въ естественное положеніе, какъ появленіе новаго родственника возобновляло прежнюю сцену...

По обычаю, не должна была оставаться неоплаканною ни одна вещь покойнаго: ни сбруя, ни платье, ни оружіе, ни домъ, ни даже крыша дома, если покойный любилъ проводить на ней часы своего досуга или отдохновенія.

Моровая язва, бывшая въ то время въ Грузіи, не дозволила прежде сорока дней со дня смерти воздать царственнаго погребенія Ираклію II въ Мцхетскомъ соборѣ, древней усыпальницѣ всѣхъ царей Грузіи. Изъ телавскаго дворца тѣло перенесено было въ древнюю церковь Спаса, обнесенную нѣкогда крѣпкою оградой. Надъ престоломъ этой церкви «и доселѣ существуетъ сѣнь,— пишетъ путешественникъ,—подъ коею сорокъ дней стояло въ этомъ храмѣ тѣло великаго царя Ираклія» [2]).

[1]) «Обрядъ слезъ». «Закавказкій Вѣстникъ» 1849 г., № 31.
[2]) «Грузія и Арменія», изд. 1848 г., ч. I, стр. 150.

Въ день погребенія, съ ранняго утра, около гроба были «плачъ и рыданіе». Весь дворъ и знатнѣйшія особы въ глубокомъ траурѣ участвовали въ печальной церемоніи.

Военные подходили къ умершему съ барабанщиками для послѣдняго прощанія. Имъ предшествовали парадные плакальщики «въ два хора», которыми предводилъ церемоніймейстеръ, одѣтый въ трауръ. Начальникъ артиллеріи и сардари (главнокомандующіе) съ непокрытыми головами подходили поочередно къ гробу. Барабанщики и флейщики играли унылый маршъ и били тихо въ барабаны; преклонивъ знамена и «исполнивъ плачъ», возвращались они на свои мѣста, назначенныя въ церемоніалѣ.

Длинный кортежъ процессіи виднѣлся на улицахъ Телава. Впереди всѣхъ стояла артиллерія, съ обнаженными саблями, опущенными внизъ, а за нею тянулись остальныя войска. За войсками стояли два берейтора (джилавдари), державшіе двухъ коней, одинаково осѣдланныхъ. На плечахъ берейторовъ наброшены были вышитыя попоны (зимпуши). Оба вожатые стояли съ открытою головою, а на лошадяхъ висѣло: на одной оружіе умершаго, на другой его доспѣхи.

Остальную процессію составляли: оруженосцы (джабодары) съ луками, стрѣлами, колчанами и копьями; швейцары (хельджахіоны) съ изломанными тростями; казначеи (назиры); войсковые писцы (лошкаръ-нависи); казнохранители (моларетъ-ухуцесы) съ подносами въ рукахъ, на которыхъ лежали ключи отъ казнохранилища; статсъ-секретари (мдиваны) съ чернилицами и съ изломанными перьями въ рукахъ. Расположась направо и налѣво по обѣимъ сторонамъ дороги, они стояли, по народному обычаю, съ открытыми головою и грудью, въ печальномъ настроеніи и «прослезившіеся» [1]).

Подвигаясь ближе къ церкви, вы увидѣли бы царскихъ совѣтниковъ (мдиванбековъ) и судей (мсасджули), карталинскихъ направо, а кахетинскихъ налѣво. Передъ ними неподалеку стоялъ первый писецъ, державшій серебряный подносъ съ парчевою подушкою, на которой лежала книга закона. Еще ближе къ церкви,

[1]) «Кавказъ» 1852 года, № 31: «Церемоніалъ погребенія тѣла Ираклія».

и вы встрѣтили бы гофмаршаловъ (мандатуръ-ухуцесы или ешик-агабаши) направо, гофмаршаловъ тайнаго совѣта (халватъ ханскіе ешик-агабаши) налѣво, державшихъ въ рукахъ «жезлы разбитые и самихъ горько плакавшихъ.»

Далѣе два хора пѣвчихъ: направо царскіе, налѣво патріаршіе, а позади ихъ духовенство, съ католикосомъ всей Грузіи во главѣ.

Печальной колесницѣ предшествовали: корона и царская сабля на подушкѣ и серебряномъ подносѣ; государственный гербъ на серебряномъ подносѣ, покрытомъ парчею; орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго со звѣздою; скипетръ и держава, иконы, хоругви и крестъ, которымъ обыкновенно «предшествовали при короновании или бракосочетаніи» грузинскаго царя.

У самой церкви стоялъ катафалкъ, обитый драгоцѣнною парчею, съ пришитыми къ нему на всѣхъ четырехъ сторонахъ двуглавыми орлами. Надъ катафалкомъ устроенъ былъ балдахинъ или сѣнь изъ дорогаго штофа, съ двѣнадцатью золотыми кистями на толстыхъ золотыхъ же шнуркахъ: на каждомъ углу по три кисти. Столбы балдахина украшены были «фигурно, съ обвитіемъ ихъ вверху и внизу одинаковою дорогою парчею, а середина инаго цвѣта штофомъ, для отличія.»

Когда процессія была готова, тогда придворный мцхетскій протоіерей, въ сопровожденіи парадныхъ плакальщиковъ и церемоніймейстера, отправился въ комнаты царицы. Окруженная жёнами сановниковъ, царица Дарья вошла въ церковь, и въ то время, какъ она прощалась съ мужемъ, бывшія съ нею жены сановниковъ плакали и рыдали «горькими слезами». Точно также подходили и прощались царевичи, въ сопровожденіи дворянъ, а царевны—княгинь и дворянокъ.

По окончаніи обряда прощанія, раздался звонъ колоколовъ въ церквахъ Телава, послышались выстрѣлы изъ орудій, и князья карталинскіе и кахетинскіе вынесли гробъ, поставили его на катафалкъ, укрѣпили по бокамъ гроба два царскія знамени, и процессія тронулась по пути къ Мцхету.

Въ Мцхетѣ тѣло уважаемаго грузинскаго царя было встрѣ-

чено тамошнимъ духовенствомъ въ погребальномъ облаченіи и отнесено въ соборную церковь.

Мцхетскій соборъ былъ обитъ внутри черною матеріею съ краснымъ на куполѣ крестомъ, означавшимъ будущее утѣшеніе народа въ новомъ царѣ.

«По погребеніи усопшаго,—говоритъ Вахуштъ,—поминовеніе и церковная служба по немъ продолжались сорокъ дней. Весь дворъ и прочіе чины на годъ воздерживались отъ самомалѣйшихъ забавъ, отрощали себѣ бороды, а многіе въ продолженіе этого времени не употребляли даже мясной пищи [1].»

Царевичи и царевны проводили тѣло Ираклія до самаго Мцхета. Въ Телавѣ осталась только одна супруга покойнаго, царица Дарья, со своими сообщниками, для приведенія въ исполненіе своихъ властолюбивыхъ замысловъ.

Прошли 52 года царствованія Ираклія II. Престарѣлый вѣнценосецъ окончилъ дни свои на смертномъ одрѣ среди стона народа, плакавшаго на развалинахъ домовъ своихъ, «надъ трупами дѣтей, женъ, мужей и отцовъ своихъ».

Ираклій II умеръ тогда, когда Грузія стонала отъ послѣдняго вторженія Аги-Магометъ-хана и отъ начавшихся раздоровъ въ царскомъ семействѣ. Страна нуждалась очень въ томъ, чтобы во главѣ ея стоялъ человѣкъ энергическій и съ такимъ сильнымъ характеромъ, какой былъ у покойнаго грузинскаго царя.

Люди, желавшіе пользы своему отечеству, видѣли въ смерти царя новую кару, постигшую народъ, и предусматривали раздоры и гибель для края. Тѣ же, которые предпочитали собственныя выгоды выгодамъ родины, встрѣтили это событіе съ радостію, разсчитывая на добычу въ смутахъ и несогласіяхъ.

Ираклій оставилъ семь сыновей, изъ которыхъ старшій, Георгій, былъ отъ первой его супруги. Съ древнихъ временъ въ Грузіи существовалъ обычай оставлять наслѣдіе престола старшему сыну, хотя никакого законоположенія объ этомъ не было. Бывали примѣры, но весьма рѣдкіе, что, по обстоятельствамъ, принимали правленіе и братья царя, но изъ женскаго пола никто, кромѣ знаме-

[1]) «Исторія» Вахушта. См. также «Кавказъ» 1849 г., № 6, стр. 24.

нитой царицы Тамары и ея дочери Русуданъ, не царствовалъ въ Грузіи. Царица Дарья, вторая жена Ираклія, имѣя огромную родню[1]), старалась, чтобы престолъ перешелъ къ ея дѣтямъ, а не въ родъ пасынка Георгія.

Въ послѣдніе годы царствованія своего дряхлаго супруга, царица Дарья управляла государствомъ за его болѣзнію. Не смѣя сразу измѣнить постановленія и правила о престолонаслѣдіи, она успѣла, однакожь, собрать совѣтъ изъ лицъ, ей приверженныхъ, которыя и постановили, чтобы послѣ смерти Георгія грузинскій престолъ перешелъ не къ дѣтямъ Георгія, а къ его братьямъ по старшинству рода.

Престарѣлый и больной царь Грузіи, видя несчастіе и стоны подданныхъ, не имѣлъ утѣшенія въ собственномъ семействѣ, которое не дало ему даже спокойно окончить послѣдніе дни жизни. Составленный царицею Дарьею актъ о престолонаслѣдіи былъ поднесенъ Ираклію на утвержденіе, а онъ противъ воли своей, какъ самъ сознался въ письмѣ къ сыну, скрѣпилъ его своею печатью[2]).

«Письмо утвердительное,—писалъ Ираклій сыну своему Георгію[3]),—которое дали мы твоимъ братьямъ, правда, было такъ, что меня заставили оное запечатать (приложить печать). Безъ моего позволенія, однакожь, оно было написано: и такъ то письмо недѣйствительно и ничтожно есть. Повѣрь мнѣ и Богу, клянусь родителемъ моимъ Теймуразомъ, что на то письмо я не согласенъ. Когда сія военная экспедиція пройдетъ и окончится (нашествіе Аги-Магометъ-хана), тогда, какъ дѣло правильно есть, то такъ точно я его и совершу. Въ семъ увѣряю васъ именемъ Божіимъ, что ни по чьей причинѣ и проискамъ права того не нарушу, а то прежнее письмо, данное братьямъ, уничтожу.

«Повѣрь мнѣ, ни по какой причинѣ я не буду преступать ни права твоего, ни права твоихъ братьевъ, и кто захочетъ поступить неправо, то повѣрь мнѣ, что я на то не буду согласенъ».

---

[1]) Состоявшую изъ 42 человѣкъ мужескаго и женскаго пола.

[2]) Письмо отъ 28-го мая 1794 г.

[3]) Константиновъ, ч. II, стр. 189 (рукоп.). Арх. Глав. Шт. въ С.-Петербургѣ.

Вторженіе Аги-Магометъ-хана въ Грузію, а потомъ болѣзнь и скорая смерть помѣшали Ираклію исполнить обѣщаніе и объявить прежній актъ престолонаслѣдія недѣйствительнымъ.

Хотя Ираклій и оправдывался передъ старшимъ своимъ сыномъ въ поступкахъ своихъ, но Георгій былъ обиженъ, и сѣмя раздора между братьями и мачихою было брошено.

Ираклій скончался. Всѣ плакали надъ его трупомъ, еще непохороненнымъ, и тутъ же строили козни другъ противъ друга. Царица Дарья, позабывъ о мужѣ, думала или устранить Георгія совсѣмъ отъ управленія царствомъ, захвативъ его въ свои руки, съ тѣмъ, чтобы передать потомъ наслѣдіе старшему сыну своему Юлону, или же, въ крайнемъ случаѣ, раздѣлить верховную власть съ Георгіемъ.

Георгій былъ болѣе нежели въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ молодости отличался геройскою храбростію, въ особенности подъ Эриванью, гдѣ, командуя войсками, помогъ отцу одержать славную побѣду; но другихъ качествъ въ немъ не было видно, и онъ, казалось, готовился болѣе къ духовному званію нежели къ царствованію. Набожность въ высшей степени, равнодушіе къ мірскимъ дѣламъ отличали его съ давнихъ временъ. Духовенство чтило его высоко, и это заставляло опасаться противную партію, чтобы Георгій не воспользовался вліяніемъ духовенства надъ умирающимъ къ уничтоженію акта престолонаслѣдія. Поэтому, еще при жизни Ираклія рѣшили удалить его изъ Телава подъ благовиднымъ предлогомъ.

Тифлисъ, послѣ разоренія Аги-Магометъ-хана и бывшей въ городѣ чумы, далъ случай воспользоваться противникамъ Георгія, которые успѣли внушить царю, что городъ требуетъ надзора и что никто лучше Георгія не можетъ исполнить этого порученія. Ираклій призвалъ сына и отправилъ его въ столицу Грузіи.

Царевичъ понялъ причину своего удаленія, но безусловно повиновался повелѣніямъ отца. Онъ просилъ только дать ему помощниковъ, безъ которыхъ одинъ не въ силахъ ничего сдѣлать. Онъ назначилъ къ себѣ большею частію такихъ лицъ, которыя были ему привержены [1]), и, для отвлеченія отъ себя всякихъ по-

[1]) Приверженцы его были: князь Иванъ Орбеліани, Еліазаръ Палавандовъ, Александръ Макашвиловъ и священникъ Елевтерій Зурабовъ.

дозрѣній, выбралъ также и тѣхъ, о которыхъ онъ зналъ какъ о лицахъ, принадлежавшихъ противной партіи [1]).

Противники отчасти отгадывали замыслы Георгія, но скорѣйшее удаленіе его изъ Телава считали дѣломъ первой важности и потому не противились его выбору [2]).

Царевичъ со свитою прибылъ въ Тифлисъ, представлявшій въ то время груды камней, пепла, обгорѣлыхъ труповъ, и только стоны умирающихъ отъ чумы и голода нарушали безмолвіе обширной могилы и пепелища. Георгій остановился въ той части города, которая называется Авлабаромъ. Онъ приказалъ построить лодки для открытія сообщенія съ другимъ берегомъ р. Куры, потому что мостъ былъ сожженъ персіянами. Работы пошли довольно успѣшно. Городъ начиналъ застраиваться понемногу и принимать кое-какой видъ.

Оставаясь самъ въ Тифлисѣ, Георгій отправилъ сына своего Давида возвратить и поселить на прежнихъ мѣстахъ племена казахское, шамшадыльское и борчалинское. Племена эти, до нашествія персіянъ, жили на землѣ, принадлежавшей Георгію, какъ наслѣднику. Царевичъ Давидъ долженъ былъ вернуть въ свои дома кахетинцевъ, жившихъ близъ Тифлиса, такъ же какъ и всѣхъ оставившихъ деревни на Арагвѣ и лишившихся всякихъ запасовъ на зиму.

Угрожавшій жителямъ голодъ заставилъ Георгія распорядиться подвозомъ хлѣба, который и доставлялся изъ Карскаго пашалыка [3]), а жизненныя потребности собирались въ Карталиніи и той части Кахетіи, которыя или мало или вовсе не подверглись непріятельскому нашествію.

Въ Тифлисѣ Георгій, впрочемъ, пробылъ весьма короткое время. Онъ отправился оттуда въ селеніе Сала-Оглы, къ казахскимъ агаларамъ.

Агалары и жители, помня и уважая храбрость царевича, приняли его съ радушіемъ, а Горгій старался всѣми средствами под-

---

[1]) Каковыми были: князь Иванъ Багратіонъ, князь Вебутовъ тифлисскій меликъ и другіе.

[2]) «Кавказъ» 1846 г., № 33.

[3]) «Кавказъ» 1850 г., № 101, стр. 405.

держать доброе ихъ къ нему расположеніе. Преданныя Георгію лица, оставшіяся въ Телавѣ, сообщали ему всѣ свѣдѣнія о малѣйшихъ событіяхъ и происшествіяхъ при дворѣ, и гонцы царевича, подъ разными благовидными предлогами, скакали поминутно въ Телавъ и обратно. Съ однимъ изъ гонцовъ пришло извѣстіе о кончинѣ Ираклія. Георгій приказалъ подать себѣ крестъ и св. Евангеліе и призвать пріѣхавшихъ съ нимъ сановниковъ. Они явились. Робость и недоумѣніе изображались на ихъ лицахъ. Толпа вооруженныхъ агаларовъ замыкала обширный кругъ собравшихся.

— Родитель мой,—началъ говорить царевичъ,—волею Божіею скончался. Я, старшій сынъ его—преемникъ престола. Кто хочетъ, пусть присягнетъ мнѣ на вѣрность, кто не хочетъ—свободенъ въ выборѣ.

Сторонники и противники Георгія посмотрѣли другъ на друга, посмотрѣли и на толпу стоявшихъ вокругъ нихъ агаларовъ, и князь Иванъ Багратіонъ-Мухранскій первый подошелъ къ кресту. За нимъ подошли и другіе.

— Да здравствуетъ царь Георгій! раздались голоса собравшихся.

И присяга всѣми присутствующими была совершена единодушно. Борчалинцы также скоро и безъ труда присягнули Георгію. На первыхъ же порахъ онъ думалъ захватить въ свои руки брата своего царевича Александра, который въ послѣдніе дни жизни Ираклія вышелъ совершенно изъ повиновенія царю и распускалъ слухъ, что займетъ Тифлисъ и сдѣлается царемъ Карталиніи.

Александръ успѣлъ удалиться въ Душетъ, а Георгій отправился въ Гори и тамъ привелъ къ присягѣ князей и народъ. Между тѣмъ, прочіе царевичи и царевны, дѣти Ираклія, за исключеніемъ Александра, собрались въ Телавъ къ царицѣ Дарьѣ.

Присяга, принесенная Георгію въ Сала-Оглахъ, была всѣмъ извѣстна. Сильная партія царицы не знала что дѣлать и проводила время въ совѣтахъ и совѣщаніяхъ между собою. Признавъ дѣло свое и предположеніе окончательно проигранными, сообщники вдовы-царицы думали о томъ, нельзя ли извлечь хотя какія-нибудь выгоды изъ потеряннаго дѣла.

По распоряженію царицы Дарьи и ея приверженцевъ, на пло-

щади передъ дворцомъ собрались всѣ сановники государства и почетнѣйшее духовенство. Секретарь Ираклія, князь Сулханъ Тумановъ, съ товарищами, вышелъ къ собравшимся.

— Архіепископы, епископы и тавады! говорилъ онъ.—Мы посланы къ вамъ отъ царицы и святѣйшаго католикоса объявить, что они согласны признать его высочество царевича Георгія царемъ Грузіи, но какъ царица Дарья Божьею милостію здравствуетъ, то титулъ царицы со всѣми правами долженъ принадлежать ей, а супруга Георгія да именуется царскою невѣсткою. Духовенство и князья, согласны ли вы утвердить это предложеніе?

Всѣ молчали.

— Какой же отвѣтъ велите дать пославшимъ насъ?

Молчаніе по-прежнему.

— Какой же отвѣтъ велите дать пославшимъ насъ? повторилъ еще разъ князь Тумановъ.

Изъ толпы собравшихся вышелъ на середину архіепископъ харчашнійскій (изъ рода князей Челокаевыхъ), бывшій прежде священникомъ при дворѣ царевича Георгія.

— Я послѣдній между вами, и не мнѣ слѣдуетъ говорить первому,—началъ онъ, обращаясь къ народу, — но всѣ безмолвствуютъ, и потому я отвѣчу отъ имени собранія. Скажите мнѣ, какъ зовется жена здѣшняго *кзира?* [1]).

— *Кзиршей*, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Какъ же послѣ этого вы хотите, чтобы жена царя не называлась царицей?

Многіе улыбнулись, но никто не сказалъ ни слова.

— Мы передадимъ отвѣтъ сей царицѣ и святому католикосу, сказалъ князь Тумановъ и удалился.

Все это происшествіе было сообщено Георгію съ мельчайшими подробностями его приверженцами, подслушивавшими каждое слово.

«Духовенство и сановники, по удаленіи депутатовъ, каждый поодиночкѣ стали являться къ Георгію и Дарьѣ, увѣряя обѣ стороны въ непоколебимой своей преданности.»

Царица Дарья, видя, что дѣла принимаютъ оборотъ, не со-

[1]) *Кзиръ*—глашатай, объявляющій народу о распоряженіяхъ начальства.

всѣмъ благопріятный для нея, рѣшилась вмѣстѣ съ дѣтьми признать Георгія царемъ Грузіи. Мать, съ сыновьями, послала пасынку утвердительный листъ, подписанный и утвержденный печатями всѣхъ царевичей, и приглашала Георгія на погребеніе. Царевичи просили, чтобы имя царицы Дарьи было упоминаемо въ церкви прежде царя. Георгій отвѣчалъ, что по прибытіи въ Телавъ во всемъ удовлетворитъ царицу, но только согласно съ народными обычаями, причемъ предоставлялъ имъ распорядиться погребеніемъ отца, такъ какъ самъ онъ занятъ утвержденіемъ власти.

Заручившись въ Казахахъ, Борчалахъ и Гори, наслѣдникъ не спѣшилъ въ Телавъ. Онъ жилъ, по-прежнему, въ Сала-Оглахъ и выжидалъ дѣйствій противной ему партіи.

Царевичъ пріѣхалъ въ Телавъ только тогда, когда обрядъ погребенія былъ уже совершенъ, и тѣло Ираклія было на пути въ Мцхетъ.

Въ Телавѣ онъ нашелъ только царицу Дарью, царевича Вахтанга и грузинскаго католикоса, царевича Антонія; всѣ же остальные родственники и царевичи сопровождали тѣло Ираклія въ Мцхетъ.

Георгій явился къ Дарьѣ и, по обычаю, оплакивалъ вмѣстѣ съ нею общую ихъ потерю.

Между мачихой и пасынкомъ начались различные переговоры; наконецъ, послѣдній велѣлъ сказать царицѣ Дарьѣ, что онъ не намѣренъ царствовать черезъ ея служанокъ и приметъ престолъ по праву первородства и неограниченно.

Тучнаго тѣлосложенія, съ болѣзненнымъ лицомъ, Георгій имѣлъ вспыльчивый, но добрый характеръ [1]).

Призвавъ къ себѣ горійскаго архіепископа, онъ приказалъ ему одѣться въ полное облаченіе, съ крестомъ и Евангеліемъ; затѣмъ сталъ призывать къ себѣ всѣхъ важнѣйшихъ сановниковъ государства, которые, не смѣя отказаться, собирались.

Нѣкоторые готовы были присягнуть, но большая часть изъ нихъ принадлежала къ партіи царицы Дарьи и желала передать управленіе царствомъ въ ея руки.

---

[1]) Артемій Араратскій, ч. II, стр. 20.

*

«Доселѣ болѣзненное лицо Георгія,—говоритъ лѣтописецъ,—выражавшее смиренность и кротость, вдругъ засіяло мужествомъ, непреклонной волей и царскимъ величіемъ.»

«Оклеветанный передъ царемъ-родителемъ въ измѣнѣ и неуваженіи, Георгій едва могъ оправдаться, и съ тѣхъ поръ, видя коварство и замыслы противниковъ своихъ — отстранить его отъ престола,—надѣлъ личину равнодушія къ дѣламъ мірскимъ, предался одной набожности и совершенно обманулъ, успокоилъ противную себѣ партію. Но чѣмъ глубже долженъ былъ онъ затаивать въ себѣ чувствованія властолюбія, мести, тѣмъ ужаснѣе становилась борьба эта, и нуженъ былъ сильный характеръ, чтобы выдержать роль до конца.»

Кахетинскіе князья, дворяне, духовенство и народъ собрались въ телавскомъ дворцѣ. Узнавъ о разногласіи ихъ желаній, Георгій вышелъ къ собравшимся [1]).

«Грозно сіялъ величественный ликъ царскій; черты лица отражали спокойствіе души, рѣшительность и непреклонность. Царь приказалъ гнать всѣхъ въ дворцовую залу, угрожая противящимся исторженіемъ глазъ, и поставилъ въ дверяхъ залы караулъ.»

— Родитель мой скончался,—сказалъ Георгій,—я, старшій его сынъ, принимаю царство. Вотъ крестъ и Евангеліе. Кто хочетъ—присягай мнѣ, кто не хочетъ—пусть выйдетъ вонъ отсюда.

Выдти было некуда.

— Да здравствуетъ царь Георгій! раздались восклицанія присутствовавшихъ, и всѣ приняли присягу.

На другой день, въ соборѣ, Георгій былъ объявленъ царемъ Грузіи подъ именемъ Георгія XII.

Въ этотъ промежутокъ междуцарствія въ церквахъ литургія не совершалась, потому что духовенство не знало, кого поминать. Народъ былъ недоволенъ прекращеніемъ службы. Разсказываютъ, что тогда ключарь телавскаго собора Давидъ Герадинскій вызвался отслужить обѣдню. Народу собралось въ соборъ множество, тѣмъ болѣе, что всѣ желали знать, кого ключарь будетъ поминать. Ловкій ключарь сумѣлъ обойти то затруднительное положеніе, въ которомъ находился:

[1]) Рукопись Буткова въ Импер. Академіи Наукъ.

— Да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ того, кто будетъ нашимъ царемъ, провозгласилъ онъ.

Народъ оставилъ церковь, не узнавъ имени своего государя.

Не смотря на то, что Георгій вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ интригъ, онъ принужденъ былъ однако согласиться на требованіе царевичей и мачихи и подписать завѣщаніе Ираклія о томъ, чтобы послѣ его смерти грузинскій престолъ перешелъ не къ сыну его, а къ брату царевичу Юлону, а потомъ къ другимъ его братьямъ, по старшинству рода. Подписанный всѣми, актъ былъ переданъ на храненіе царицѣ Дарьѣ [1]. Георгій обѣщалъ оставить за нею всѣ тѣ имѣнія, которыми владѣла она до сихъ поръ, и которыя теперь, по обычаю, должны были поступить къ новой царицѣ—Маріи.

Дарья помирилась съ Георгіемъ и, въ знакъ своего расположенія, послала ему всѣ наслѣдственныя вещи и фамильныя иконы съ украшеніями. Царь Георгій оставилъ у себя однѣ иконы, а вещи возвратилъ вдовствующей царицѣ, что окончательно возстановило согласіе на непродолжительное, впрочемъ, время.

Такимъ образомъ, Георгій утвердился на престолѣ съ большими пожертвованіями и ограниченіями царской власти. Азіятская политика и правила, дозволявшія такъ же легко не выполнять клятвъ своихъ, какъ и произносить ихъ, были причиною того, что Георгій легко и скоро согласился на ограниченіе своихъ правъ и власти. Когда же онъ утвердился на престолѣ, то, желая возвратить потерянное, призвалъ къ себѣ 4,000 лезгинъ и, опираясь на нихъ, сталъ нарушать клятву и обѣщанія.

Братья и мачиха разъѣхались по своимъ удѣламъ и, не имѣя средствъ противиться силѣ, казалось, успокоились. Наружное спокойствіе въ Грузіи водворилось.

Лица царской фамили не оставались однакожь праздными зрителями. Разъѣхавшись по удѣламъ, они набирали себѣ партіи приверженцевъ, сѣяли раздоры и часто не слушались царскихъ пове-

---

[1] Донесеніе Кнорринга Государю Императору отъ 28-го іюля 1801 г. Письмо Лазарева Кноррингу 8-го марта 1801 г. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣст. Письмо царевича Миріана Государю Императору 10-го марта 1798 г. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

лѣній. Между братьями обнаружилась упорная вражда, а между дворянствомъ и народомъ возникли раздоры...

Желая примириться съ братомъ своимъ царевичемъ Александромъ, Георгій просилъ въ томъ содѣйствія царицы Дарьи. Дарья обѣщала исполнить просьбу царя. По просьбѣ матери, царевичъ Александръ пріѣхалъ къ ней и объявилъ, что съ Георгіемъ мириться не хочетъ, зная, что онъ не исполнитъ завѣщанія родительскаго относительно наслѣдства престола.

Александръ удалился въ Борчалы. Георгій послалъ сына своего, царевича Іоанна, пресѣчь путь Александру; но тотъ, узнавъ о преслѣдованіи и намѣреніяхъ Георгія, уѣхалъ въ Ахалцыхъ, а оттуда въ Имеретію. Тогда Георгій началъ подозрѣвать царицу Дарью въ дурныхъ замыслахъ противъ него, отнялъ у нее деревни и обратилъ доходы съ нихъ въ пользу своей супруги, лишилъ также имѣнія царевича Александра и вслѣдъ затѣмъ сталъ притѣснять братьевъ.

Опасаясь новаго нашествія персіянъ и не надѣясь въ этомъ случаѣ, подобно отцу своему, на помощь Россіи, Георгій рѣшился отдаться въ покровительство Порты. Князь Асланъ-Орбеліани, женатый на дочери князя Циціанова, тестя царскаго, былъ отправленъ къ султану съ формальнымъ объ этомъ прошеніемъ [1]). Прибывъ въ Ахалцыхъ, князь Орбеліани объявилъ пашѣ о порученіи, которое онъ имѣетъ отъ царя къ султану. Паша отправилъ немедленно гонца испросить дозволеніе Орбеліани ѣхать въ Константинополь, и, въ ожиданіи отвѣта, посланный отъ царя находился въ Ахалцыхѣ. Въ это время пріѣхалъ изъ Россіи въ Тифлисъ царевичъ Давидъ, отправленный туда еще при жизни Ираклія и находившійся въ русской службѣ. Онъ сообщилъ царю о милостивомъ расположеніи къ Грузіи Императора Павла. Тогда Георгій отправилъ тайно посланнаго къ Орбеліани съ приказаніемъ возвратить прошеніе его султану, объявить пашѣ объ измѣненіи намѣреній царя и вернуться въ Тифлисъ. Орбеліани исполнилъ волю Георгія и вернулся въ Грузію [2]).

---

[1]) По показанію нѣкоторыхъ лицъ, посланъ былъ князь Тархановъ.

[2]) Покойный Д. Х. Бушенъ, собиравшій матеріалы по исторіи присоединенія

XI.

Положеніе Грузіи при самомъ началѣ вступленія на престолъ Георгія XII. — Отправленіе въ С.-Петербургъ посольства съ просьбою Георгія объ утвержденіи его на престолѣ. — Рескриптъ Георгію Императора Павла. — Назначеніе Коваленскаго нашимъ уполномоченнымъ министромъ при дворѣ царя грузинскаго.

Георгій XII вступилъ на престолъ тогда, когда Грузія, незащищенная отъ внѣшнихъ враговъ, не имѣла порядка и во внутреннемъ управленіи. Страна была разорена, народъ обремененъ тяжкими налогами; вездѣ распространились бѣдность и нищета.

Тифлисъ представлялъ собою груду развалинъ. Только двѣ улицы были свободны для проѣзда; но и тѣ по обѣимъ сторонамъ своимъ имѣли разрушенные дома [1]).

Самъ царь, переселившись въ разоренную столицу, долженъ былъ помѣститься въ единственномъ уцѣлѣвшемъ домѣ князя Бебутова, гдѣ и прожилъ до самой своей смерти, въ двухъ весьма маленькихъ комнатахъ [2]).

Находя доходы государства слишкомъ недостаточными для содержанія своей многочисленной семьи, Ираклій лишалъ князей и дворянъ принадлежавшихъ имъ помѣстій и отдавалъ ихъ въ удѣлъ своимъ дѣтямъ. Вмѣстѣ съ этою раздачею онъ предалъ большую часть Грузіи ихъ своеволію. Когда же смутныя обстоятельства потребовали отъ царевичей содѣйствія царю своими войсками или

Грузіи къ Россіи, большею частію которыхъ мы и пользовались, говоритъ: «что царь Георгій имѣлъ намѣреніе отдаться въ покровительство Турціи — это не подлежитъ сомнѣнію. Это я слышалъ отъ многихъ старожиловъ въ Тифлисѣ, причемъ приписываютъ измѣненіе намѣреній царя не столько вліянію царевича Давида, какъ духовнику царскому, черезъ котораго дѣйствовало духовенство, желавшее лучше подданства державѣ единовѣрной, чѣмъ мусульманской. Кромѣ того, въ георгіевскомъ архивѣ комендантскаго правленія, среди разрозненныхъ и полусгнившихъ бумагъ, находимъ письмо бывшаго въ это время въ Грузіи поручика Шеншина на имя командовавшаго Кавказскою линіею генерала Маркова, отъ 16-го октября 1798 года, что царь грузинскій отправилъ посланнаго въ Турцію съ тѣмъ, чтобы быть подъ покровительствомъ султана».

[1]) Изъ записокъ Тучкова. Арх. Главн. Шт. въ С.-Петербургѣ.

[2]) Записано со словъ князя Д. О. Бебутова. См. также письмо Коваленскаго Кноррингу 2-го декабря 1799 года. Т. А. К. Н.

деньгами, то мы видѣли, какъ исполняли они требованія царя, являясь постоянными ослушниками его воли и требованій.

По проискамъ царицы Дарьи, управлявшей царствомъ за болѣзнію мужа, Ираклій находился какъ бы въ необходимости оставлять безнаказанно проступки своихъ сыновей и родственниковъ [1]).

Вообще, со времени заключенія съ Россіею трактата 1783 г., царь, всѣ чины государства и народъ грузинскій, полагаясь на покровительство Россіи и на ея сильную помощь, перестали заботиться о собственной безопасности и до такой степени утратили бодрость духа, что ихъ устрашала даже молва о томъ, что лезгины или персіяне вторгнутся въ Грузію. Пользуясь этимъ, аварскій ханъ обложилъ грузинъ ежегодной данью въ 5,000 руб., собираемой подъ видомъ подарковъ отъ царя грузинскаго.

Ираклій надѣялся этимъ средствомъ доставить странѣ безопасность отъ набѣговъ аварцевъ и лезгинъ, но цѣли не достигъ, а увеличилъ только подати и поборы съ народа. Налоги, и безъ того значительные, для содержанія царскаго дома, при необходимости уплачивать новую дань, сдѣлались тяжки для народа, тѣмъ болѣе, что отъ постояннаго опустошенія края число рабочихъ рукъ не увеличивалось, а уменьшалось.

Помѣщики, обязанные въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ помогать царю, вознаграждали себя съ избыткомъ, разоряя крестьянъ, которые были доведены до того, что искали убѣжища въ чужихъ владѣніяхъ, предпочитая рабство у сосѣдей притѣсненіямъ на родинѣ. Каждый царевичъ, каждая царевна, всякій родственникъ царскій давали такъ называемый бератъ (указъ) на право взять у купца или у крестьянина лучшее изъ всего, что онъ имѣлъ.

Для отраженія внѣшнихъ враговъ Грузія не имѣла достаточно войска, и царь Ираклій вынужденъ былъ содержать отъ 5,000 до 10,000 человѣкъ наемныхъ лезгинъ, которые, обязавшись служить къ огражденію народной безопасности, дѣлали своеволія въ Тифлисѣ. Ознакомившись со всѣми проходами въ страну, лезгины вводили въ нее открыто своихъ единоземцевъ, которые грабили и

[1]) Изъ рапорта Кнорринга Государю Императору 22-го іюня 1801 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла грузинскія. Книга I.

увлекали въ плѣнъ несчастныхъ поселянъ, и, такимъ образомъ, Грузія теряла ежегодно отъ 200 до 300 семействъ. Иракій зналъ все это, но не принималъ противъ того никакихъ мѣръ, опасаясь еще бо̀льшихъ бѣдъ [1]).

Къ довершенію народнаго бѣдствія, въ началѣ 1798 года появилась въ Тифлисѣ и въ другихъ мѣстахъ Грузіи моровая язва, получившая, какъ полагали, свое начало въ ханствѣ Ганжинскомъ, отъ бывшаго тамъ голода [2]).

Торжественное признаніе родственниками и народомъ Георгія царемъ Грузіи не успокоивало его, а, напротивъ того, возлагало новыя заботы о подданныхъ и о странѣ, разоренной и истерзанной внутренними безпорядками.

«Вы сами—писалъ Георгій въ одномъ изъ писемъ къ нашему канцлеру [3])—не менѣе насъ знаете о томъ, какими сосѣдями мы окружены и какъ превосходятъ они насъ своимъ могуществомъ. Съ одной стороны, сосѣди наши персіяне въ прошедшихъ годахъ такъ насъ разсѣяли, что и понынѣ обѣднѣвшіе наши подданные и мы другъ друга сыскать не можемъ; съ другой стороны, турки наслали къ намъ лезгинцевъ, разорили наши деревни, взяли въ полонъ племянника нашего князя Циціанова, коего и понынѣ содержатъ въ плѣну въ Ахалцыхѣ; съ третьей—тоже лезгины безпрестанно дѣлаютъ намъ злодѣянія.»

Положеніе страны было дѣйствительно бѣдственное. Несчастные жители, бѣжавшіе, для спасенія жизни, отъ непріятеля, возвратились оплакивать развалины и пепелища своихъ домовъ, опустошенныя селенія, и участь ихъ не была завиднѣе тѣхъ, которыхъ увели въ плѣнъ персіяне. Народъ хотя и занялся хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ своимъ промысломъ, но слѣды опустошенія видны были повсюду. Разоренные дома, сожженныя и уничтоженныя поля, повсемѣстная безпріютица были причиною, что хлѣба едва хватало на прокормленіе собственныхъ жителей, а о сбытѣ излишка и помина не было.

---

[1]) Донесеніе Кнорринга Государю Императору 21-го іюля 1801 года. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по Департ. Общ. Дѣлъ.

[2]) Изъ рапорта графа Гудовича Государю Императору 18-го января 1798 г. Георг. Арх. Коменд. Правленія.

[3]) Отъ 11-го октября 1798 года. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Плодородная земля Грузіи, при хорошемъ устройствѣ и хозяйствѣ, могла бы давать богатую жатву; но она не вознаграждала труда земледѣльца при тогдашнемъ политическомъ и административномъ устройствѣ страны. Народъ, отягощенный разными поборами какъ отъ царствующаго дома, такъ и отъ князей и дворянъ, зналъ, что собранные плоды въ большей части случаевъ не принадлежатъ ему, что, привезя свои произведенія въ городъ, онъ рискуетъ тѣмъ, что они будутъ отняты безденежно княземъ или царевичемъ [1]). Напрасная трата труда и врожденная лѣность грузинъ, желавшихъ лучше скитаться нищими, чѣмъ работать, окончательно убивали всякую производительность въ краѣ.

«Всѣ чины здѣсь наслѣдственны,—доносилъ Лазаревъ,—не взирая на достоинство людей, почему и видно много людей не на своихъ мѣстахъ: управленіе городовъ и селъ препоручается, такъ называемымъ, моуравамъ и нацваламъ, кои елико возможно стараются поскорѣе нажиться, не взирая, что терпятъ отъ того ихъ подчиненные, ибо никакой чинъ не увѣренъ въ своемъ мѣстѣ и владѣніи. Все дѣлается по бератамъ: такъ называются выдаваемыя отъ царя повелѣнія, кои нигдѣ не записываются; и оттого выходитъ, что сегодня отдадутъ одному, а завтра то же имѣніе или мѣсто другому; все правосудіе у нихъ отдается словесно и, сколько могъ я примѣтить, либо по пристрастію, либо по праву сильнаго, и часто видны неимущіе защиты совсѣмъ ограбленными. Товары отъ купцовъ, съѣстные припасы отъ промышленниковъ, все берется безденежно, по бератамъ, выдаваемымъ всѣми царевичами, всѣми царевнами и, наконецъ, всѣми, кому какая должность препоручена. Жалованья никакой чинъ не имѣетъ, а всякій долженъ кормиться отъ своего мѣста, и оттого еще больше терпятъ и купецъ, и мѣщанинъ, и поселянинъ и, однимъ словомъ, всякій.»

При такихъ условіяхъ, нужны были сильный характеръ и твердая воля, чтобы привести все въ порядокъ. Ни того, ни другаго не имѣлъ новый царь Грузіи.

Болѣзнь Георгія и самый характеръ его были вредны для

[1]) Замѣчанія Лазарева о Грузіи. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 186.

страны и клонили царство къ разрушенію. Вспыльчивый до крайности, царь былъ весьма добраго и слабаго характера. Не имѣя той настойчивости, которая необходима человѣку въ его положеніи, онъ былъ болѣнъ, рѣдко оставлялъ свою комнату и почти никогда не показывался народу.

Будучи еще царевичемъ, въ молодыхъ годахъ, Георгій любилъ сладко и много покушать, что и повело къ началу, а впослѣдствіи и къ развитію его болѣзни.

«Царевичу,—пишетъ его современникъ [1]), — понесли огромное блюдо плова и изряднаго барашка, начиненнаго пряными кореньями и рубленымъ мясомъ съ разными приправами. Тутъ въ первый разъ еще случилось мнѣ увидѣть сего царевича. Онъ, по азіятскому обычаю, сидѣлъ на полу на коврѣ и однимъ тѣмъ уже былъ примѣтенъ, что я не видалъ никогда никого, кто бы могъ поровняться съ нимъ въ тучности. На ужинъ хотя и принесли ему такую же порцію, но онъ, къ чрезвычайному моему удивленію, замѣтилъ мнѣ недостатокъ въ присылаемомъ ему продовольствіи.»

Очевидцы разсказываютъ, что Георгій, будучи уже царемъ Грузіи, сохранилъ свою привычку и страсть хорошо поѣсть.

Обыкновенно, если онъ оставался доволенъ обѣдомъ, то призывалъ къ себѣ повара и, доставъ изъ кошелька или изъ длиннаго кисета, висѣвшаго всегда на поясѣ, абазъ, дарилъ его виновнику своего довольствія.

«Преданіе еще свѣжо, что грузинскій царь Георгій XII съѣдалъ за обѣдомъ годоваго буйволенка; нѣсколько блюдъ плова ему было ни почемъ. Одинъ изъ маститыхъ лейбъ-медиковъ царя, еще живой свидѣтель, разсказываетъ, что послѣ такого гигантскаго обѣда эта столь почтенная особа приказывала откачивать себя на простыняхъ и принимала облегчающія средства [1]).»

Отъ чрезмѣрно-большаго употребленія пищи царь скоро почувствовалъ одышку и тѣсноту въ груди, а впослѣдствіи у него образовалась водяная, припадки которой часто подвергали жизнь

---

[1]) Артемій Араратскій, изд. 1813 года, ч. II, стр. 17.

[1]) «Грузинскіе очерки и типы» К. Вилемска. «Кавказъ» 1847 года, №№ 16 и 17. См. также «Кавказъ» 1868 года, № 58.

его опасности [1]. За неимѣніемъ врачей въ Тифлисѣ, царя пользовали католическіе ксендзы и другіе туземные лекаря, изучившіе медицину на практикѣ.

Не выходя никуда изъ комнаты, Георгій передалъ управленіе царства своимъ приближеннымъ и родственникамъ. Зная слабость характера царя, они воспользовались этою передачею и стали преслѣдовать личные свои интересы. Царю докладывали то, что считали необходимымъ и выгоднымъ для себя; его именемъ злоупотребляли повсюду.

Народъ былъ часто обременяемъ различнаго рода податями, собираемыми какъ бы по приказанію царя, который и не подозрѣвалъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя дѣлались его именемъ [2].

Скоро царь совершенно устранилъ себя отъ управленія царствомъ. Въ августѣ 1800 года, въ одномъ изъ писемъ Кноррингу, Георгій чистосердечно сознавался въ маломъ своемъ значеніи въ Грузіи: «всякое по нашему царству распоряженіе,—писалъ онъ,—ввѣрено министру (Коваленскому) и сыну нашему Іоанну: то письма тѣ ими разсмотрѣны, а что было въ нихъ писано, о томъ увѣдомитъ васъ министръ». Царь признавалъ даже безполезнымъ читать какія бы то ни было письма.

Грабежи и безчинства исполнителей царской воли достигли до исполинскихъ размѣровъ. Тѣлохранители и лезгины, призванные Георгіемъ, своевольничали не только въ провинціи, но и въ самомъ Тифлисѣ дозволяли себѣ производить грабежи и насилія. Однажды они встрѣтили на улицѣ протопопа Анчисхатскаго собора, Соломона Алексѣева, сняли съ него шапку и ругались надъ нимъ. . . . .

«Алексѣевъ явился къ царю и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ укорялъ Георгія, что онъ, призвавъ лезгинъ, предалъ народъ и служителей церкви, въ христіанскомъ городѣ, на поруганіе магометанъ [3].»

---

[1]) Изъ донесенія Кнорринга Государю Императору 7-го октября 1800 года. Тифлисскій Арх. Главн. Шт. Кавказской арміи.

[2]) Лазаревъ Кноррингу 24-го января 1801 года. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

[3]) «Кавказъ» 1846 г., № 33.

Георгій приказалъ позвать къ себѣ начальниковъ наемнаго войска. Тѣ явились, окруженные 80-ю тѣлохранителями. Царь сначала бранилъ ихъ, но потомъ до того увлекся, что, забывъ свою болѣзнь, вскочилъ съ постели, схватилъ дубину и сталъ бить главнаго начальника лезгинъ. Устрашенные начальники и ихъ тѣлохранители бѣжали изъ комнаты отъ запальчиваго царя, преслѣдовавшаго ихъ дубиной. Боясь гнѣва и преслѣдованій царскихъ, всѣ лезгины, бывшіе въ Тифлисѣ, ушли на нѣкоторое время изъ города за Авлабарскія ворота.

Минутная вспышка проходила, царь смягчался, и прежніе безпорядки и своеволія вступали въ свои права.

Царица Марія, супруга Георгія, по совѣтамъ и наущеніямъ своего отца, князя Цыціанова, человѣка жаднаго и алчнаго, будучи нѣжно любима мужемъ, часто обременяла народъ своими требованіями и налогами.

Георгій, при всей своей личной добротѣ и желаніи добра своему народу, былъ нелюбимъ грузинами.

Сынъ и наслѣдникъ его, царевичъ Давидъ, заботился исключительно о своихъ выгодахъ и также не вмѣшивался въ дѣла. Женатый на армянкѣ, противно народному обычаю, онъ былъ нелюбимъ князьями; если же и имѣлъ нѣсколькихъ приверженцевъ, то изъ такихъ лицъ, которыя надѣялись на его милости, какъ будущаго царя, но не были преданы ему чистосердечно.

Царевичъ Іоаннъ, человѣкъ болѣе другихъ положительный и серьезный, удалялся также отъ всякаго вмѣшательства въ управленіе краемъ, не смотря на то, что пользовался наибольшимъ довѣріемъ Георгія. Каждый изъ царевичей соблюдалъ свою собственную пользу, а не государственную. Удалившись въ свои деревни, царевичи старались сколько возможно болѣе ихъ распространять, не стѣсняясь и въ томъ случаѣ, если бы распространеніе это было сопряжено съ захватомъ чужой собственности или съ обидою ближняго.

Царевичи Баграть и Теймуразъ хотя и были совершеннолѣтніе, «но весьма имѣютъ — доносилъ Лазаревъ — по лѣтамъ молодыя мысли». Младшій царевичъ, Михаилъ, которому былъ тогда шестнадцатый годъ, оставался безъ всякаго воспитанія и занимался

заведеніемъ регулярнаго войска. Собравъ изъ своихъ сверстниковъ роту егерей, онъ присматривался къ ученью нашихъ солдатъ и потомъ, по образцу ихъ, обучалъ своихъ однолѣтковъ.

Сознавая свою слабость и немощь, Георгій сознавалъ также, что одинъ, безъ посторонней помощи, не можетъ ничего сдѣлать для пользы народа, имъ управляемаго.

По мнѣнію всѣхъ, скорая сторонняя и, если возможно, безкорыстная помощь была необходима Грузіи. Въ кругу своихъ сосѣдей Георгій не могъ найти для себя ни помощи, ни поддержки. Одна Россія, по своему единовѣрію и безкорыстію, могла явиться избавительницею Грузіи; одна она могла помочь горькой долѣ грузинъ, разоряемыхъ сосѣдями и собственными князьями. Къ ней-то съ просьбою и обратился Георгій.

Князь Герсеванъ Чавчавадзе, хорошо знавшій дорогу въ Петербургъ, отправленъ былъ къ Императору Павлу, въ качествѣ полномочнаго министра, съ письмомъ, извѣщавшимъ о вступленіи Георгія на престолъ, и съ просьбою о покровительствѣ ему и сыну-наслѣднику его Давиду [1]).

Царь Грузіи не жалѣлъ словъ для того, чтобы расположить къ себѣ Императора Павла и обратить на себя его вниманіе. Онъ писалъ, что съ раннихъ лѣтъ желалъ повергнуть себя «священнымъ стопамъ» русскаго Императора, но что до сихъ поръ мѣшали тому многія обстоятельства. «Нынѣ зрю васъ моимъ государемъ,—писалъ Георгій,—моимъ монархомъ и уповаю, что простертыя руки мои отвергнуты не будутъ.»

Царь просилъ не лишать его и сына его Давида, служившаго тогда въ русской службѣ, тѣхъ милостей, которыя обѣщаны были его отцу Ираклію Теймуразовичу и послѣ котораго принялъ онъ законное наслѣдство.

Георгію нуженъ былъ рѣшительный шагъ для спасенія отечества; полумѣры могли быть скорѣе пагубны, чѣмъ полезны, для устройства страны и обезпеченія народа отъ новыхъ разореній.

Царь желалъ и долженъ былъ получить окончательный отвѣтъ

---

[1]) Письмо Георгія Государю Императору 30-го іюля 1798 г. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. См. также Константинова, ч. II, 99 (рукопись).

отъ Императора Павла; желалъ знать, будетъ ли согласна Россія оказать дѣйствительную помощь Грузіи, или нѣтъ.

Въ случаѣ отказа нашего двора, Георгій думалъ обратиться къ другой державѣ и отозвать изъ С.-Петербурга князя Чавчавадзе.

«Если отъ васъ не пришлются знаки (инвеституры),—писалъ монахъ Евфимій князю Чавчавадзе,—то царь все-таки помажется муромъ [1].»

Русское правительство не успѣло еще дать отвѣта на просьбы Георгія, когда въ Петербургѣ получено было свѣдѣніе о возможности новаго вторженія персіянъ въ Грузію и о разореніяхъ, подобныхъ произведеннымъ въ 1795 г. Въ іюнѣ прибылъ въ Тифлисъ посланный изъ Персіи съ фирманомъ шаха. По первымъ извѣстіямъ, не видавъ еще посланнаго и не зная о цѣли его присылки, Георгій поспѣшилъ сообщить о томъ нашему правительству. Царевичъ Давидъ просилъ князя Чавчавадзе дать средства Грузіи защитить себя отъ новыхъ покушеній персіянъ и думалъ, что, въ противномъ случаѣ, они или совсѣмъ разорятъ Грузію, или принудятъ покориться ихъ повелителю [2]. Самъ Георгій предполагалъ, переговоривъ съ персидскимъ посланнымъ, отправить къ шаху своего тестя, князя Циціанова, съ подарками [3], а князя Георгія Авалова въ Петербургъ съ новою просьбою [4]: 1) о поставленіи вѣчной присяги; 2) о пожалованіи въ помощь царю 5,000 человѣкъ русскаго войска, съ тѣмъ, что черезъ пять лѣтъ, когда царь поправится, то оставитъ въ Грузіи только 500 человѣкъ, съ единственною цѣлію сдѣлать всѣмъ извѣстнымъ о покровительствѣ Россіи.

Угрозы персіянъ принесли значительную пользу Грузіи. По первымъ извѣстіямъ о новомъ покушеніи персіянъ, петербургскій кабинетъ поторопился дать категорическій отвѣтъ на просьбы царя грузинскаго и заявилъ о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи.

---

[1]) Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.
[2]) Тамъ же.
[3]) Письмо царевича Давида къ С. Лошкареву 21-го іюля 1798 г.
[4]) Письмо монаха Евфимія князю Чавчавадзе.

Императоръ Павелъ, поздравляя Георгія съ восшествіемъ на престолъ, обѣщалъ по полученіи отъ него просьбы объ утвержденіи его на тронѣ отправить къ нему своего министра съ знаками царской инвеституры, и высказалъ свою надежду, что Георгій, вмѣстѣ съ престоломъ, наслѣдуетъ и ту вѣрность, которую сохранялъ къ русскому Императору покойный его отецъ [1]).

Генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, командовавшій кавказскою дивизіею, получилъ приказаніе внушить Георгію, что отъ степени сохраненія имъ вѣрности къ нашему правительству и отъ принятаго имъ поведенія относительно Персіи зависѣть будетъ дальнѣйшее покровительство Россіи.

Получивъ разрѣшеніе и отвѣты на свои первыя просьбы, Георгій отправилъ къ князю Чавчавадзе новую просьбу, которая и была вручена Императору Павлу самимъ посломъ грузинскимъ.

— Великій Императоръ [2]), покровитель и защитникъ царства Карталинскаго и Кахетинскаго и обладатель многихъ другихъ, — говорилъ князь Чавчавадзе, передавая просьбу,—я, вѣрноподданный вашего императорскаго величества, удостоенъ будучи счастія отъ царя моего Георгія Иракліевича и отъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ припасть въ лицѣ его къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, по долгу моему дерзаю просить осчастливить его утвержденіемъ наономъ царствѣ, какъ законнаго преемника, съ возложеніемъ на него царскихъ знаковъ, и продолжать къ нему и ко всѣмъ народамъ ваше благоволеніе. Сіи же подносимыя мною прошенія удостоить высокомонаршаго воззрѣнія.

Царь Грузіи просилъ утвердить его на престолѣ и обезпечить на столько, чтобы онъ не имѣлъ нужды въ помощи ни отъ какого другаго двора; чтобы наслѣдникомъ престола утвердить сына его Давида, «*и напредь обнадежить обѣщаніемъ, чтобы преемники мои имѣли вѣчное и непоколебимое царствованіе въ Грузіи, а другой никто бы къ внутреннимъ моимъ распоряженіямъ не касался и какъ къ дворянамъ, такъ и ко всѣмъ поддан-*

---

[1]) Рескриптъ Георгію 23-го августа 1798 г. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Рѣчь князя Чавчавадзе. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

нымъ моимъ, безъ собственной моей воли дѣла не имѣлъ» [1]). Это была существенная и самая важная часть прошенія. Утвержденіе и согласіе на эту просьбу окончательно упрочивали Георгія на грузинскомъ престолѣ и устанавливали послѣдній наслѣдственнымъ въ родѣ царя. Царю Грузіи недостаточно было одного признанія его царемъ: ему необходимо было признаніе престола наслѣдственнымъ въ его родѣ. Завѣщаніе Ираклія не было извѣстно большинству народа. Вопросъ объ измѣненіи престолонаслѣдія, рѣшенный въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ царскаго семейства и извѣстный только немногимъ князьямъ, содержался втайнѣ, подъ спудомъ. Мы видѣли, что попытка сдѣлать гласнымъ какое бы то ни было измѣненіе въ престолонаслѣдіи не удалась; что народъ, которому предложено было признать Дарью за царицу и упоминать ея имя прежде царя, отозвался несочувственно къ этому предложенію и придерживался скорѣе старому, чѣмъ новому порядку вещей. Георгій не могъ не видѣть, что признаніе русскаго императора его—царемъ, а Давида—наслѣдникомъ окончательно убѣдитъ народъ въ справедливости правъ царя и его рода. Не находя поддержки и опоры ни въ собственномъ семействѣ, ни въ кругу близкихъ родныхъ, понятно, почему онъ такъ добивался этого признанія. Завѣщаніе, оставленное Иракліемъ о престолонаслѣдіи, теряло тогда свою силу и значеніе...

Указывая на своихъ предковъ, всегда бывшихъ вѣрными Россіи, грузинскій царь обѣщался превзойти ихъ въ вѣрноподданническомъ чувствѣ. Онъ просилъ обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ доносить не командующему на кавказской линіи, а прямо нашему правительству, черезъ своего министра, бывшаго въ С.-Петербургѣ. Георгій ссылался на то, что Ираклій отъ такихъ сношеній «имѣлъ весьма медлительное теченіе дѣлъ» и, не получая скорой помощи, много потерпѣлъ отъ вторженія въ Грузію Аги-Магометъ-хана и отъ разоренія Тифлиса.

Въ обезпеченіе же отъ подобныхъ происшествій на будущее время, Георгій просилъ прислать ему 3,000 «россійскихъ солдатъ съ оружіемъ и со всею воинскою принадлежностію.»

---

[1]) Переводъ прошенія царя Георгія отъ 11-го октября 1798 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

«Когда въ Грузіи,—писалъ Георгій Императору Павлу, — бывали побѣдоносныя русскія войска, то всегда злые люди, разными выдумками своими, производили между начальниками ихъ и нашими вражду, почему прошу повелѣть будущему надъ онымъ войскомъ командиру имѣть дѣло только со мною или кому отъ меня поручено будетъ.»

Царь просилъ, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій со стороны сосѣдей, приказано было командующему кавказскою дивизіею, по первому увѣдомленію, двинуть въ Грузію 7,000 войска, не испрашивая на то предварительно повелѣнія нашего правительства.

Не дождавшись полученія отвѣта на просьбы объ утвержденіи Георгія царемъ грузинскимъ, посолъ его получилъ новое побужденіе изъ Грузіи похлопотать о скорѣйшемъ рѣшеніи Императора Павла.

«Небезъизвѣстна вамъ пословица грузинская,—писалъ царевичъ Давидъ [1]),—что всякія дѣла должны быть въ свое время употребляемы, а въ другомъ случаѣ они не заслуживаютъ вниманія. Нашему царству не соотвѣтствуютъ теперь дѣла, водимыя преніемъ.»

Дѣйствительно, Грузіи мало было однихъ переговоровъ: ей необходима была фактическая помощь уже и потому, что надлежало отражать безпрерывные набѣги хищныхъ сосѣдей.

Турки своими набѣгами безпрестанно безпокоили народъ. Ахалцыхскій паша съ лезгинами опустошалъ Карталинію [2]). Лезгины, проходя черезъ владѣнія Порты Оттоманской, вторгались въ Грузію, разоряли селенія, захватывали въ плѣнъ ея жителей и, имѣя безопасное отступленіе, весьма часто повторяли свои набѣги [3]).

Для отвращенія покушеній со стороны Турціи хотя и было послано повелѣніе въ Константинополь нашему посланнику Тамарѣ просить Порту, чтобы она воспретила пашѣ ахалцыхскому дѣлать вторженія въ Грузію и вообще не пропускать по своимъ владѣ-

[1]) Кн. Чавчавадзе отъ 3-го февраля 1799 г. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Письмо царевича Давида Лошкареву 21-го іюля 1798 г. Тамъ же.

[3]) Рескриптъ Императора нашему посланнику въ Константинополѣ отъ 2-го ноября 1798 г. Тамъ же.

ніямъ лезгинъ, но ходатайство это не увѣнчалось успѣхомъ. Паша, находившійся въ весьма слабой зависимости отъ Порты и необращавшій вниманія на приказанія своего правительства, преслѣдовалъ свои корыстолюбивые виды, соединенные съ грабительствомъ сосѣдей. Въ сентябрѣ 1798 года онъ снова вторгнулся въ Грузію [1]) и успѣлъ захватить въ плѣнъ князя Циціанова, за котораго требовалъ три тысячи рублей выкупа.

Георгій просилъ опять защитить его отъ этихъ вторженій, и если самъ онъ приметъ мѣры къ защитѣ своего народа отъ своеволій ахалцыхскаго паши, то «не считать его въ томъ виновнымъ» противъ нашего правительства.

Ко всѣмъ этимъ неустройствамъ страны присоединялась боязнь отъ вторженія персіянъ, которые, по свѣдѣніямъ, предполагали сосредоточить свои войска около озера Гохча, лежащаго между Грузіею и Эриванскою областію. Сосредоточеніе въ этомъ пунктѣ могло быть объяснено только желаніемъ вторгнуться въ Грузію. Царевичъ Давидъ требовалъ отъ князя Чавчавадзе «какого нибудь полезнѣйшаго совѣта и спрашивалъ его, какъ поступить, чтобы избѣгнуть той участи, которой они подверглись отъ вторженія Аги-Магометъ-хана». «Повѣрь мнѣ,—писалъ царевичъ [2]),—что если всероссійскія войска, могущія намѣренію его противоборствовать, въ скоромъ времени не явятся въ Грузію, то сомнительно, чтобы цѣль его не увѣнчалась успѣхомъ.»

Эти-то причины и заставили Георгія побуждать князя Чавчавадзе къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на него порученія. Грузинскій посолъ уполномоченъ былъ просить еще о томъ, чтобы съ войсками русскими, которыя будутъ отправлены въ Грузію, не посылать грузинъ, находившихся въ нашей службѣ и «кольми паче полковника князя Дмитрія Орбеліани, который ежели съ здѣшнимъ корпусомъ туда присланъ будетъ, не можетъ быть царю, моему государю, пріятенъ.»

Князь Герсеванъ Чавчавадзе просилъ предоставить царю право, въ случаѣ надобности, посылать русскія войска отражать набѣги

[1]) Донесеніе гр. Маркова Государю Императору сентября 1798 г.

[2]) Кн. Чавчавадзе 3-го февраля 1799 г. Московскій Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.

*

сосѣднихъ владѣльцевъ и тѣмъ держать ихъ въ повиновеніи. Грузинскій посолъ обѣщалъ и «клятвенно увѣрялъ, что царь, безъ дальней крайности, оныхъ россійскихъ войскъ никогда употребить не дерзнетъ, а только желаетъ имѣть ихъ при своемъ войскѣ въ страхъ непріятелямъ и чтобы неслось эхо, что россійскому корпусу, въ Грузіи находящемуся, велѣно съ грузинскимъ дѣйствовать противъ непріятеля».

Князь Чавчавадзе просилъ царевичу Давиду пожаловать орденъ св. Александра Невскаго, по примѣру того, какъ самому Георгію пожалованъ былъ этотъ орденъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ; меньшему же сыну, Іоанну, пожаловать орденъ св. Анны; супругу его, царицу Марію, наградить орденомъ св. Екатерины и, наконецъ, возвратить въ Грузію крестъ св. Нины [1]).

Въ отвѣтъ на просьбы царя грузинскаго и его полномочнаго министра, повелѣно было генералъ-маіору князю Уракову, командовавшему Кавказскою линіею, вмѣсто исключеннаго изъ службы генералъ-лейтенанта Киселева, приготовить егерскій Лазарева полкъ къ выступленію въ Грузію [2]). Съ полкомъ же должна была быть отправлена и артиллерія, пожалованная еще Ираклію Императрицею Екатериною II.

По договору, заключенному нашимъ правительствомъ съ Иракліемъ въ 1783 году, положено было имѣть при дворѣ царя грузинскаго полномочнаго министра или резидента. До 1799 года условіе это не исполнялось. Когда же возникли частыя сношенія съ Грузіею, и царь ея настоятельно требовалъ, какъ помощи Россіи, такъ и соблюденія заключеннаго договора, то, для удобства сношеній, петербургскій кабинетъ рѣшился назначить ко двору царя грузинскаго своего полномочнаго министра.

Статскій совѣтникъ Коваленскій назначенъ отъ нашего двора на всегдашнее пребываніе въ Грузіи, въ качествѣ министра. Для бо̀льшаго почета, Императоръ повелѣлъ посылать къ Коваленскому караулъ изъ трехъ рядовыхъ и одного офицера [3]). Съ Коваленскимъ

---

[1]) Переводъ ноты грузинскаго посла отъ 16-го декабря 1798 года.
[2]) Рескриптъ кн. Уракову 23-го февраля 1799 года.
[3]) Рескриптъ Императора Кноррингу отъ 8-го августа 1799 г., № 960.

отправлены ордена для царской фамиліи и знаки инвеституры на царское достоинство.

«Пріемля съ благодарностію,—писалъ Императоръ Павелъ въ отвѣтъ на просьбы Георгія [1])—просьбу вашу, на основаніи третьей статьи трактата, утверждаемъ *васъ нынѣ преемникомъ онаго царства, а сына вашего Давида будущимъ по васъ наслѣдникомъ.*»

Такъ какъ корона, которою вѣнчали себя всѣ преемники грузинскаго престола, была похищена во время нашествія Аги-Магометъ-хана на Тифлисъ, то Императоръ Павелъ отправилъ съ Коваленскимъ новую корону и прочіе знаки инвеституры: знамя, саблю, повелительный жезлъ, тронъ и мантію «горностаевую».

Русскій Императоръ просилъ Георгія, по полученіи всѣхъ знаковъ, присягнуть «на вѣрность и усердіе» къ Русской Имперіи и къ признанію верховной власти и покровительства россійскихъ императоровъ. Что же касается до возвращенія въ Грузію креста св. Нины, то Павелъ предоставилъ обратиться къ внуку супруги царевича Бакара, князю Георгію грузинскому, у котораго онъ находился [2]).

Получивъ такой отвѣтъ, князь Чавчавадзе просилъ позволенія отправиться самому въ Грузію, чтобы присутствовать при при-

---

[1]) Утвердительная грамота царю Георгію отъ 18-го апрѣля 1799 г. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) «Отъ имени всего народа грузинскаго, осмѣливаюсь симъ моимъ прошеніемъ утруждать вашу свѣтлость, писалъ князь Чавчавадзе канцлеру. — Во время отъѣзда моего изъ Грузіи, всѣ тамошніе жители поручили мнѣ всеуниженнѣйше просить о милостивомъ исходатайствованіи имъ неоставленіемъ ихъ въ слѣдующемъ: Сплѣта 312 по Р. Х., во время царя Миріана-Хозроя, св. Нина принесла крестъ Спасителя нашего, коимъ и обратила всю область нашу отъ идолопоклонства въ православіе.

«Оный крестъ, по переходѣ изъ Грузіи въ Россію блаженной памяти грузинскаго царя Вахтанга, грузинскимъ архіереемъ Романосомъ, тайно изъ Грузіи увезенъ сюда и отданъ сестрѣ его Аннѣ Егоровнѣ, супругѣ Бакара-царевича, и до днесь находится въ домѣ ея, у внука помянутой княгини, князя Егора Грузинскаго. Чего ради всѣ тамошніе жители всеуниженнѣйше просятъ о возвращеніи того креста Господня грузинскому народу, яко святыни, покровительствующей его и которая по всей справедливости ему слѣдуетъ во всегдашнее его наслѣдіе...»

Канцлеръ предложилъ царевичу возвратить этотъ крестъ; но Бакаръ отозвался, что, имѣя неоспоримое право, полученное отъ предковъ, не можетъ его отдать (См. ноту кн. Чавчавадзе отъ 8-го декабря 1798 г. Письмо Лопухина Кочубею 5-го апрѣля 1799 г. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

сягѣ на вѣрность Россіи, которую царь «торжественно учинить долженъ, яко при дѣяніяхъ рѣдкихъ и кои вѣкомъ совершаются, и дабы при оныхъ, какъ я уже нѣсколько лѣтъ нахожусь при высочайшемъ дворѣ, что-либо нужнаго въ сохраненіи обрядовъ упущено не было» [1]).

По прибытіи въ Тифлисъ, Коваленскій долженъ былъ, послѣ церемоній и врученія царю кредитивной грамоты, посѣтить всѣхъ дѣтей и родственниковъ царя, предварительно пославъ къ нимъ драгомана [2]).

На обязанность его возложено было наблюдать за поступками царицы Дарьи, супруги умершаго царя Ираклія, которая, по свѣдѣніямъ, легко могла вступить «въ какія-либо сплетни, столь въ тѣхъ краяхъ свойственныя», но противныя видамъ нашего правительства. Во всякомъ же случаѣ Коваленскому было приказано оказывать ей и дѣтямъ ея «всю ту учтивость и ласковость, какихъ знаменитость ея и самое родство съ царемъ отъ него (министра) требуютъ» [3]).

По превратности тамошнихъ владѣльцевъ и нерѣдко по двуличному ихъ поведенію, Коваленскій долженъ былъ слѣдить за поступками самого царя Георгія. Въ случаѣ присылки къ Георгію посланныхъ отъ Порты Оттоманской или отъ сосѣдственныхъ персидскихъ хановъ и другихъ лезгинскихъ владѣльцевъ съ какими бы то ни было предложеніями и внушеніями, Коваленскій долженъ былъ стараться достигнуть того, чтобы царь совѣтовался съ нимъ, какъ относительно своихъ отвѣтовъ, такъ и принимаемаго поведенія.

Министръ нашъ долженъ былъ заботиться о распространеніи православной нашей церкви, о просвѣщеніи грузинскаго народа и объ уничтоженіи въ правленіи страны лютости, разврата и безначалія, существовавшихъ между персидскими и другими азіятскими владѣтелями. При содѣйствіи нашихъ офицеровъ отправ-

---

[1]) Нота Чавчавадзе министерству 15-го февраля 1799 г. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) Инструкція Коваленскому 16-го апрѣля 1799 г. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 93.

[3]) Отвѣтная нота министерства Коваленскому 31-го мая 1799 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

ляемаго въ Грузію егерскаго полка, стараться завести регулярное грузинское войско, могущее противостоять, въ случаѣ нужды, «необузданнымъ и многочисленнымъ толпамъ персидскимъ», и не упускать изъ вида благосостоянія нашихъ войскъ и подданныхъ, находившихся, по разнымъ случаямъ, въ Грузіи.

Собственное поведеніе посланнаго и всей его миссіи должно было клониться къ пріобрѣтенію довѣренности и любви грузинскаго народа и къ доказательству расположенія къ нему русскаго Императора.

Получивъ инструкцію и кредитивную грамоту [1]), Коваленскій принялъ, для доставленія въ Грузію, знаки царской инвеституры, орденъ св. апостола Андрея [2]), орденъ св. Екатерины, назначенный царицѣ Маріи [3]), и орденъ св. Анны—царевичу Давиду [4]), и другіе подарки [5]).

---

[1]) Кредитивная грамота царю карталинскому и кахетинскому 26-го апрѣля 1799 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Рескриптъ царю Георгію 19-го мая 1799 г. Тамъ же.

[3]) Рескриптъ царицѣ Маріи отъ 7-го апрѣля 1799 г. Тамъ же.

[4]) Рескриптъ царевичу Давиду отъ того же числа.

[5]) Съ Коваленскимъ были отправлены:

Царская корона, золотая, осыпанная камнями изрѣдка.

Скипетръ, тоже изрѣдка осыпанный.

Сабля, оправленная золотомъ, богато осыпанная.

Порфира царская, малиноваго бархата, подбитая горностаемъ, съ хвостиками; на ней вышиты гербы россійскіе и грузинскіе.

Бѣлый штандартъ съ двуглавымъ орломъ, въ серединѣ коего гербъ россійскій.

Тронъ малиноваго бархата съ подзоромъ, обложенный широкимъ золотымъ позументомъ, съ большими золотыми кистями и съ такими же тремя подушками. Внутри трона гербъ грузинскій, а около и по сторонамъ гербы россійскіе.

Къ трону два столика, покрытые такимъ же бархатомъ, съ позументомъ и кистями.

Для столиковъ по одной подушкѣ, на кои положатся регаліи, т. е. на одномъ корона и скипетръ, а на другомъ высочайшая грамота и сабля.

Три ордена, алмазами украшенные, изъ коихъ св. апостола Андрея Первозваннаго его высочеству царю Георгію Иракліевичу; св. великомученицы Екатерины ея высочеству царицѣ Маріи Георгіевнѣ; св. Анны 1-го класса наслѣднику цесаревичу Давиду.

Сверхъ того, вещи всемилостивѣйше жалуемыя:

Ея высочеству царицѣ Маріи Георгіевнѣ букетъ золотой съ бриллiантами и русское богатое платье, опушенное широко горностаемъ, съ хвостиками.

Семи сыновьямъ ихъ высочествъ по одному богатому перстню, а восьмому часы золотые съ жемчугомъ.

Съ отправленіемъ въ Грузію нашихъ войскъ, являлся вопросъ о томъ, въ какой зависимости и отношеніяхъ къ царю они должны находиться? Можетъ ли Георгій употреблять ихъ по своему произволу и нуждамъ, или онъ долженъ сноситься предварительно съ Коваленскимъ? Если разрѣшено будетъ Георгію употреблять наши войска по своему усмотрѣнію, то какъ далеко простирается это разрѣшеніе? и, наконецъ, что̀ дѣлать нашимъ войскамъ въ случаѣ вторженія персіянъ въ Грузію?

«На сіе министерство сообщаетъ, что войско россійское посылается въ Грузію единственно для показанія, что царь состоитъ подъ высокимъ покровительствомъ Россійской Имперіи; что число онаго само по себѣ, конечно, недостаточно противостать персіянамъ, въ случаѣ нападенія ихъ на Грузію, но когда грузины со своей стороны сдѣлаютъ усилія, то и достаточно быть можетъ. Въ разсужденіи же ожидаемаго вторичнаго нашествія на Грузію, министръ, смотря по обстоятельствамъ, обязанъ донести о томъ Его Величеству Государю Императору, безъ соизволенія коего войско отнюдь не долженствуетъ выступать изъ предѣловъ Грузіи [1].»

Двумъ дочерямъ: Гаянѣ—золотые часы съ бриллiантами и золотою цѣпочкою, и Тамарѣ—перстень бриллiантовый.

Духовнику его высочества, архимандриту Евфимiю — крестъ золотой съ аквамаринами, бриллiантами и золотою цѣпочкою. Зятю цареву, кн. Багратiону—золотая табакерка подъ эмалью съ живописью и бриллiантовою личинкою. Тестю царя, кн. Цицiанову—перстень съ большимъ гранатомъ, осыпанный бриллiантами (См. реестръ вещамъ, отправленнымъ царю. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

[1]) Отвѣтная нота министерства Каваленскому 31-го мая 1799 года. Московскiй Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

XII.

Прибытіе Коваленскаго и Лазарева съ полкомъ въ Тифлисъ.—Встрѣча полка и народное къ нему расположеніе.—Торжественное принятіе нашего министра.—Поднесеніе Георгію знаковъ царской инвеституры.—Присяга царя.—Иллюминація Тифлиса.—Неудовольствія, возникшія между Лазаревымъ и Коваленскимъ.—Отправленіе посольства въ С.-Петербургъ.—Слабость страны и несогласія въ царскомъ семействѣ. — Удаленіе царевича Александра въ Персію. — Намѣреніе царицы Дарьи оставить Тифлисъ.—Письмо царицы къ Императору Павлу.

Въ маѣ 1799 года статскій совѣтникъ Коваленскій выѣхалъ изъ С.-Петербурга и въ концѣ іюля пріѣхалъ на Кавказскую линію, въ станицу Науръ, гдѣ находился инспекторъ Кавказской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, назначенный вмѣсто князя Уракова въ мартѣ 1799 года [1]).

Значительная прибыль воды въ Терекѣ остановила на время дальнѣйшее слѣдованіе Коваленскаго. Изъ Наура онъ сообщилъ Георгію о своемъ прибытіи на Кавказскую линію и просилъ царя содѣйствовать какъ его переѣзду черезъ горы, такъ и движенію егерскаго полка, назначеннаго въ Грузію [2]). Кноррингъ, имѣя приказаніе Государя только приготовить полкъ къ выступленію въ Тифлисъ, по пріѣздѣ Коваленскаго въ Науръ, просилъ Императора Павла о дозволеніи отправить полкъ въ Грузію и разъяснить ему, на чьемъ содержаніи должны находиться войска во все время пребыванія въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи; откуда требовать деньги, какъ на походъ полка, такъ и на необходимое исправленіе для него дороги. Командующій линіею просилъ въ то же время и царя Георгія объ исправленіи дороги отъ Казбека до Тифлиса [3]) и о заготовленіи для войскъ провіанта [4]).

---

[1]) Рескриптъ Кноррингу на нѣмецкомъ языкѣ 2-го марта 1799 года. С.-Петербургскій Арх. Инспект. Департ.

[2]) Рапортъ Коваленскаго Государю Императору 23-го іюля 1799 года. Письмо его къ графу Кочубею того же числа. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[3]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 23-го іюля 1799 года. Московскій Арх. Инспект. Деп.

[4]) Провіанта необходимо было ежедневно: 65 пудовъ печенаго хлѣба или 38 пудовъ сухарей; 6 четвериковъ крупы пшеничной или гречишной и фуража на 100 лошадей. Письмо Кнорринга Георгію 23-го іюля 1799 года. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

«Повелѣваю вамъ, — писалъ Императоръ Павелъ въ отвѣтъ Кноррингу [1]),—объявить именемъ моимъ царю Георгію Ираклієвичу, что покуда онъ не исправитъ дороги, по которой долженъ слѣдовать егерскій Лазарева полкъ въ Грузію, до тѣхъ поръ оный полкъ туда не пойдетъ, а хотя уже тамъ и будетъ, но если отъ небреженія дорога опять начнетъ портиться, то тотъ же часъ полкъ изъ Грузіи выведенъ будетъ. Если вами уже нѣсколько издержано на починку дороги, то повелѣваю вамъ ту сумму вытребовать отъ царя Георгія Иракліевича. Касательно же содержанія и провіанта Лазарева полка въ Грузіи, то оное все остается на нашемъ попеченіи. Коль же скоро дорогу исправятъ и время будетъ способно для слѣдованія черезъ горы, то не медля предпишите генералъ-маіору Лазареву идти со ввѣреннымъ ему полкомъ...»

По увѣдомленію Кнорринга [2]) о распоряженіи Императора Павла относительно отправленія русскихъ войскъ въ Грузію, Георгій сталъ дѣятельно исправлять дорогу, которая и была готова къ 12-му октября, по всему пути отъ Тифлиса до Моздока.

13-го числа Лазаревъ получилъ приказаніе начать съ 20-го числа переправу черезъ рѣку Терекъ и, переправившись, слѣдовать въ Тифлисъ. Съ полкомъ отправленъ былъ квартирмейстерской части поручикъ Чуйко, на обязанность котораго возложено «составить чертежъ дороги съ ситуаціею и планъ Тифлиса съ близлежащими мѣстами». По прибытіи въ Тифлисъ, Лазаревъ долженъ былъ отдавать царю Георгію всю военную почесть, какая отдается по уставу Императору [3]), и содержать у него караулъ на такомъ же основаніи.

Вмѣстѣ съ полкомъ выѣхалъ въ Грузію и Коваленскій.

На пути отъ Моздока до Тифлиса войска встрѣтили много затрудненій, въ особенности при движеніи въ горахъ. Застигнутые въ Кайшаурѣ снѣгомъ и стужею, войска должны были оста-

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 8-го августа 1799 года. С.-Петербургскій Арх. Инспект. Деп. Книга № 14.

[2]) Письмо Кнорринга царю Георгію 27-го августа 1799 года. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

[3]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 13-го октября 1799 года. Тифлисскій Арх. Главн. Шт. Кавказской арміи.

навливаться или для исправленій обоза, или выжидать окончанія мятели. Провіанта было заготовлено весьма недостаточно. Въ Казбекѣ полкъ нашелъ 60 пудовъ заплесневѣвшихъ сухарей, а въ Кайшаурѣ только 16 пудовъ [1]).

Царевичъ Вахтангъ оказалъ въ этомъ случаѣ самое дѣятельное содѣйствіе движенію полка. По требованію Лазарева, онъ доставилъ ему чурековъ на 13 вьючныхъ лошадяхъ. За два перехода до границы Грузіи, царевичъ прислалъ 80 паръ воловъ и устроилъ почти до самаго Тифлиса станціи, на которыхъ выставилъ до 50 лошадей.

Не смотря на затруднительность похода, потерь въ войскахъ не было, кромѣ одного унтеръ-офицера, смертельно раненаго кистинцами, и одного офицера, умершаго въ дорогѣ отъ болѣзни [2]).

Послѣ тридцатишестидневнаго перехода отрядъ прибылъ въ Тифлисъ, въ которомъ находился уже и Коваленскій, пріѣхавшій туда восемнадцатью днями ранѣе прибытія полка [3]).

26-го ноября, за три версты отъ города, царь Георгій выѣхалъ на встрѣчу нашихъ войскъ, въ сопровожденіи наслѣдника, царевичей и другихъ знатныхъ особъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, находившихся въ Тифлисѣ. Болѣе 10,000 народа спѣшило за городъ посмотрѣть на вступленіе русскихъ войскъ. Всѣ крыши домовъ Тифлиса, имѣвшаго видъ амфитеатра, наполнены были женщинами, которыя, по однообразной бѣлой одеждѣ и подъ роскошнымъ голубымъ небомъ, освѣщеннымъ солнцемъ, представляли поэтическій видъ разсѣяннаго по городу лагеря.

Стрѣльба изъ орудій, колокольный звонъ по всѣмъ церквамъ возвѣщали народу грузинскому о наступившемъ торжествѣ. Движеніе народа, радостныя его восклицанія завершали трогательную картину братскаго пріема [4]) и искренней къ намъ преданности.

---

[1]) Изъ письма Лазарева Кноррингу 22-го декабря 1799 года. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Рапортъ Лазарева Государю Императору 1-го декабря 1799 года. Московскій Арх. Инспект. Деп.

[3]) Письмо Коваленскаго Кноррингу 2-го декабря 1799 года. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

[4]) Изъ письма Коваленскаго Кноррингу 2-го декабря 1799 года. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

Сопровождаемый меликомъ, за которымъ слѣдовалъ царь со свитою, полкъ вступилъ въ городъ и тотчасъ же былъ снабженъ, по мѣрѣ возможности, всѣмъ необходимымъ. Лазаретъ для полка— доносилъ Коваленскій—отведенъ «изрядный съ каминами», вычищенъ, снабженъ соломою, и заказаны кровати для больныхъ. Дровъ и свѣчъ отпускалось первое время достаточно. На устройство въ ротахъ печей Георгій приказалъ брать кирпичъ изъ прежняго своего дворца и снабдить каждую печь квашнею. На другой день по приходѣ полка, царь прислалъ нижнимъ чинамъ 600 литръ (болѣе 150 ведеръ) винограднаго вина (чихиря) и 80 балыковъ. Офицерамъ отведены квартиры лучшія въ городѣ. Чтобы подать примѣръ своимъ вельможамъ, царь предлагалъ каждому изъ штабъ-офицеровъ свое собственное жилище, отъ котораго тѣ, впрочемъ, отказались.

Для продовольствія полка въ Грузіи былъ сдѣланъ запасъ провіанта на одинъ мѣсяцъ впередъ. Царь объявилъ затѣмъ, что, согласно волѣ Императора Павла, войска должны сами заботиться о покупкѣ провіанта. Коваленскій просилъ, чтобы грузинское правительство распорядилось заготовленіемъ провіанта въ достаточномъ количествѣ и чтобы цѣны на него были «штатныя». Георгій отвѣчалъ, что въ эти распоряженія онъ вмѣшиваться не долженъ, хотя и готовъ оказать свое содѣйствіе въ томъ, чтобы войска не терпѣли недостатка. Царь обѣщалъ принять мѣры, чтобы вообще не возвышались цѣны на всѣ жизненныя потребности и припасы.

Съ приходомъ нашего полка начались церемоніи и празднества въ Тифлисѣ...

5-го декабря, въ аудіенцъ-залѣ царя Грузіи, устроены были балдахинъ и мѣсто для помѣщенія трона, знаковъ царской инвеституры, орденовъ и прочихъ подарковъ, присланныхъ Георгію Императоромъ Павломъ. Когда все было приготовлено, Георгій отправилъ къ Коваленскому со своей конюшни лошадей и чиновника со свитою, для сопровожденія нашего министра на пріемную публичную аудіенцію къ царю.

Торжественная процессія изъ дома Коваленскаго слѣдовала во дворецъ въ такомъ порядкѣ:

Впереди всѣхъ ѣхалъ верхомъ полиціймейстеръ Тифлиса, а за нимъ полицейскіе нижніе чины шли пѣшкомъ по два въ рядъ.

Одинъ чиновникъ царскій и одинъ свиты Коваленскаго верхомъ; послѣдній правѣе перваго.

Пѣшіе русскіе чиновники несли на блюдахъ: платье, присланное царицѣ Маріи Георгіевнѣ, съ брилліантовымъ букетомъ; тронъ и кресла; саблю царскую, порфиру, скипетръ, корону, ордена: св. Анны, св. Екатерины и св. апостола Андрея Первозваннаго; штандартъ, несомый однимъ изъ оберъ-офицеровъ, по сторонамъ котораго шли два русскихъ ассистента, и затѣмъ высочайшая грамота, которою Георгій утверждался на грузинскомъ престолѣ. Шествіе замыкалось двумя чиновниками, ѣхавшими верхомъ: однимъ царскимъ, другимъ—русскимъ, и за ними нѣсколькими полицейскими чинами, шедшими пѣшкомъ.

На дворцовомъ крыльцѣ регаліи были встрѣчены секретаремъ нашего посольства, внесены въ особую комнату, поставлены по своимъ мѣстамъ и закрыты.

Девять выстрѣловъ изъ орудій тифлисской крѣпости дали знать народу, что началось парадное шествіе министра во дворецъ.

Главный царскій церемоніймейстеръ отправился тогда за Коваленскимъ, впереди котораго шли музыканты и ѣхали верхомъ по порядку: два тифлисскіе градоначальника со свитою; главный церемоніймейстеръ царскій, со свитою; чиновникъ нашего посольства; шли десять пѣшихъ служителей Коваленскаго, въ богатой ливреѣ, по два въ рядъ.

Далѣе ѣхалъ секретарь посольства верхомъ, имѣя въ рукахъ кредитивную грамату Императора Павла къ царю Георгію на принятіе Коваленскаго въ качествѣ министра. Самъ Коваленскій ѣхалъ «въ богатомъ кафтанѣ верхомъ, имѣя по обѣимъ сторонамъ своей лошади двухъ ливреи своей лакеевъ, а по лѣвую сторону, отступя отъ него на два шага, ѣхалъ верхомъ первый чиновникъ царя грузинскаго».

За Коваленскимъ ѣхала его свита; полицейскій офицеръ съ командою замыкалъ это шествіе, непривычное глазу грузинъ, собиравшихся толпою посмотрѣть на церемонію.

Подъѣхавъ ко дворцу, Коваленскій сошелъ съ лошади у перваго подъѣзда и былъ встрѣченъ придворными чинами, проводившими его въ аудіенцъ-залу, гдѣ находились: царь Георгій, наслѣдникъ, царевичи и другія знатныя какъ свѣтскія, такъ и духовныя особы, по тамошнему обычаю, одного только мужескаго пола.

Когда Коваленскій вошелъ, царь Георгій всталъ со своего мѣста. Министръ, послѣ двухъ поклоновъ, обратился къ царю съ привѣтственною рѣчью:

— Его Величество Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, высокій сихъ странъ покровитель, для изъявленія передъ всѣми особливаго своего благоволенія и для удобнѣйшаго вами отправленія дѣлъ, къ обоюдной пользѣ и благосостоянію служащихъ, соизволилъ содержать при дворѣ вашего высочества своего министра. Удостоивъ меня какъ званія сего, такъ и свойственной тому довѣренности, назначилъ меня съ надлежащимъ акредитованіемъ въ качествѣ министра своею высочайшею грамотою, нынѣ отъ меня подносимою».

Коваленскій передалъ грамоту царю Георгію.

— Вступая—продолжалъ онъ—въ лестный подвигъ служенія, мнѣ принадлежащаго, первымъ долгомъ поставляю я себѣ засвидѣтельствовать вашему высочеству глубочайшее мое высокопочитаніе и изъяснить, что единый и священнѣйшій предметъ мой есть и будетъ споспѣшествовать всему тому, что можетъ назидать существенное благо особы вашей и вашего отечества, поколику сопряжено то будетъ съ вѣрностію, усердіемъ и преданностію вашего высочества къ моему Государю Императору, коего благоволеніе и покровительство отъ вашего высочества и вашихъ вѣрноподданныхъ отъемлемо не будетъ [1]).

— Настоящее торжественное объявленіе ваше себя—отвѣчалъ Георгій—въ качествѣ министра Государя Императора, какъ несомнѣнный знакъ монаршаго ко мнѣ благоволенія, пріемлю я съ благоговѣйнѣйшею признательностію. Еще болѣе возбуждаюсь симъ чувствованіемъ за сдѣланный выборъ въ особѣ вашей, украшенной отличными талантами, ревностію и усердіемъ на пользу высочайшей службы.

---

[1]) Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

— Будьте увѣрены — продолжалъ Георгій—что, съ сохраненіемъ должнаго сану вашему и личнымъ достоинствамъ уваженія, найдете вы искреннюю съ нашей стороны готовность къ руководствованію вашими предложеніями, сопровождаемую всегда непоколебимою довѣренностію, усердіемъ и преданностію къ его величеству, высокому покровителю нашему.

Царь Георгій, пригласивъ Коваленскаго сѣсть на приготовленное для него мѣсто, разспрашивалъ о здоровьѣ Императора Павла и всей императорской фамиліи, а также и о путешествіи въ Грузію самого министра.

Послѣ непродолжительнаго посторонняго разговора нашъ министръ приказалъ своему секретарю внести въ аудіенцъ-залу знаки царской инвеституры и обратился къ Георгію съ такими словами:

— Предстоя нынѣ передъ лицомъ вашего высочества въ качествѣ россійскаго министра, имѣю честь торжественно возвѣстить, что всемилостивѣйшій мой Государь, на основаніи заключеннаго, въ 1783 году, трактата, утверждая васъ преемникомъ царства, какъ законно вступившаго на прародительскій наслѣдственный престолъ, а старшаго сына вашего, свѣтлѣйшаго царевича Давида Георгіевича, будущимъ по васъ наслѣдникомъ, и препровождая къ вамъ императорскую свою утвердительную грамоту, съ знаками царской инвеституры, соизволяетъ, чтобы священный обрядъ возложенія царскихъ знаковъ, по установленному порядку, совершенъ былъ въ присутствіи моемъ. Сіи знаки царской инвеституры и высочайшую утвердительную грамоту, вашему высочеству жалуемые, имѣю честь при семъ представить.

Коваленскій передалъ Георгію знаки и приказалъ снять завѣсу, прикрывающую балдахинъ и тронъ, присланные царю Императоромъ.

Принявъ знаки, грузинскій царь отвѣчалъ нашему министру:

— Исполненный благоговѣйнѣйшихъ чувствованій къ его императорскому величеству за всѣ представляемые отъ васъ знаки монаршихъ ко мнѣ милостей, считаю я себя обязаннымъ принять сіи знаки царской инвеституры не иначе, какъ сейчасъ же учинивъ присягу на вѣрность и на признаніе покровительства и верховной власти россійскихъ императоровъ надъ царями карталин-

скими и кахетинскими, и сопроводить оную принесеніемъ Господу Богу горячаго моленія о здравіи и благоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго его дома. Но дабы обрядъ сей и изъявленіе живѣйшихъ чувствованій признательности моей къ столь великимъ монаршимъ ко мнѣ милостямъ были совершены торжественно въ храмѣ Божіемъ, съ приличнымъ случаю сему празднествомъ и великолѣпіемъ, то и не оставлю я назначить для того особый день и извѣстить васъ о томъ, съ приглашеніемъ къ сей церемоніи.

— Распоряженіе вашего высочества—отвѣчалъ Коваленскій—какъ несомнѣнный знакъ признательности, вѣрности и преданности къ россійскому престолу, конечно, будетъ весьма благоугодно Императору. Долгомъ моимъ будетъ присутствовать при совершеніи сего обряда и отдать при семъ случаѣ приличныя почести вашему высочеству отъ войскъ, прибывшихъ въ вашу столицу на всегдашнее пребываніе.

Окончивъ рѣчь, Коваленскій поднесъ Георгію орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго вмѣстѣ съ императорскою грамотою. Георгій снялъ бывшій на немъ орденъ св. Александра Невскаго и возложилъ на себя знаки ордена Андрея Первозваннаго. Поздравивъ Георгія, министръ поднесъ ордена наслѣднику Грузіи, царевичу Давиду, и передалъ царю письмо вице-канцлера, при которомъ были присланы подарки прочимъ лицамъ царской фамиліи.

Царица Марія, неприсутствовавшая на аудіенціи, приняла Коваленскаго во внутреннихъ своихъ комнатахъ. Отмѣнивъ на этотъ разъ азіятскій обычай, по которому она должна была быть подъ покрываломъ, царица встрѣтила нашего министра окруженная многими дамами, одѣтыми въ богатыхъ платьяхъ. Коваленскій, послѣ привѣтствія, поднесъ ей знаки ордена св. Екатерины и по просьбѣ Георгія самъ возложилъ ихъ на царицу. Имъ же надѣтъ былъ и перстень, присланный въ подарокъ меньшой дочери царской, царевнѣ Тамарѣ.

Въ десять часовъ утра, 12-го декабря, стали собираться во дворецъ знатнѣйшія особы и князья грузинскіе; туда же отправился и нашъ министръ со своею свитою. Царь Георгій, предшествуемый своими чиновниками, несшими знаки царской инвести-

туры, отправился въ церковь въ сопровожденіи царицы, одѣтой въ присланное ей платье. За ними, немного позади и съ правой стороны, шелъ Коваленскій, а съ лѣвой царевичъ Давидъ, наслѣдникъ грузинскаго престола. Войдя въ церковь и отслушавъ литургію, Георгій приказалъ одному изъ почетныхъ лицъ прочесть громогласно грамоту, утверждающую его на престолѣ, и, по выслушаніи ея, началъ присягу.

— Азъ, нижепоименованный — произносилъ онъ громко передъ народомъ [1])—обѣщаюсь и клянусь передъ Всемогущимъ Богомъ, передъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хочу и долженъ Императору всероссійскому Павлу Петровичу и его сыну царевичу и великому князю Александру Павловичу и всѣмъ законнымъ преемникамъ того престола быть вѣрнымъ, усерднымъ и доброжелательнымъ, признавая именемъ моимъ и всѣхъ моихъ царства областей на вѣчныя времена высочайшее покровительство и верховную власть надо мною и моими преемниками, царями карталинскими и кахетинскими. Отвергая надо мною и владѣніями моими, подъ какимъ бы то титуломъ и предлогомъ не было, всякое господствованіе или власть другихъ государей и державъ и отвращаясь отъ покровительства ихъ, обязываюсь, по чистой моей христіанской совѣсти, непріятелей Россійскаго Государства почитать за своихъ собственныхъ непріятелей; быть послушнымъ и готовымъ во всякомъ случаѣ, гдѣ на службу его императорскаго величества потребенъ буду, и въ томъ во всемъ не щадить живота своего, до послѣдней капли крови. Съ военными и гражданскими начальниками его императорскаго величества обращаться съ искреннимъ согласіемъ, и ежели какое-либо предосудительное пользѣ и славѣ Имперіи дѣло или намѣреніе узнаю, тотчасъ давать знать; словомъ, поступать какъ по единовѣрію моему съ россійскими народами и обязанности моей въ отношеніи покровительства и верховной власти прилично и должно.

Возложивъ на себя знаки царской инвеституры, Георгій возвратился во дворецъ, гдѣ, сидя на тронѣ, принялъ поздравленіе

---

[1]) Переводъ присяги, представленный при рапортѣ Коваленскаго Государю Императору 17-го февраля 1800 г. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

отъ нашего министра, своихъ чиновъ и отъ посланцевъ хановъ ганжинскаго, шушинскаго и паши ахалцыхскаго.

«Министръ—пишетъ Коваленскій—все сіе время занималъ по царѣ первое мѣсто на правой сторонѣ трона, а наслѣдникъ царскій на лѣвой.»

Выстрѣлы изъ крѣпостныхъ орудій, построенныя передъ дворцомъ русскія войска, колокольный звонъ въ теченіе цѣлаго дня, по всѣмъ церквамъ Тифлиса, возвѣщали жителямъ города какъ о присягѣ и обязательствѣ, данныхъ царемъ русскому Императору, такъ, въ свою очередь, и о надеждѣ на дѣйствительную помощь Россіи. Народъ радовался за себя и за своихъ потомковъ и, надѣясь избѣжать разореній отъ сосѣдей, предавался полному разгулу въ теченіе цѣлаго дня.

Грузины не успѣли въ тотъ же вечеръ иллюминовать городъ, потому что цѣлый день 12-го декабря стояла весьма дурная погода. На слѣдующій вечеръ Тифлисъ былъ иллюминованъ съ «превосходнымъ искусствомъ въ азіятскомъ вкусѣ». Самою лучшею частію иллюминаціи было освѣщеніе разноцвѣтными огнями и фонарями лавокъ, которыми наполненъ городъ. «Каждая изъ нихъ, имѣя свои товары вывѣшенными въ порядкѣ, различно иллюминованная, наполненная сидящими въ ней людьми, представляла нѣчто смѣшанное пекинской иллюминаціи съ венеціянскимъ карнаваломъ.» [1])

Царь Георгій, со свитою, также ѣздилъ по городу.

— Нынѣ — говорилъ онъ, встрѣтившись съ Коваленскимъ,— послѣ разоренія земли нашей, иллюминація эта во многомъ недостаточна и далека отъ прежнихъ примѣровъ.

— Я ничего болѣе пріятнаго въ этомъ родѣ не видалъ: изображенная на лицахъ всеобщая радость и соучастіе въ настоящемъ празднествѣ есть для меня самая трогательнѣйшая картина, отвѣчалъ министръ.

Окончились церемоніи, празднества, и въ столицѣ Грузіи все пошло обычнымъ, старымъ порядкомъ.

На пришедшій полкъ и вообще на русскихъ грузины смот-

---

[1]) Рапортъ Коваленскаго Государю Императору 17-го февраля 1800 г. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

рѣли, какъ на избавителей своихъ и защитниковъ, ниспосланныхъ самимъ Богомъ. Царь лично былъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой преданъ Россіи; онъ желалъ безпрекословно слѣдовать совѣтамъ и указаніямъ ея представителей, жить ея жизнью.

Георгія окружали теперь два представителя Россіи, совершенно различные по характеру и нравственнымъ качествамъ. Во главѣ войска, присланнаго на защиту царя, стоялъ генералъ-маіоръ Лазаревъ, человѣкъ прямой, открытый и честный. Коваленскій, представитель политики и внутренняго управленія царствомъ, былъ человѣкъ честолюбивый и властолюбивый. По первымъ свѣдѣніямъ, что онъ будетъ назначенъ министромъ при дворѣ царя, который ищетъ покровительства Россіи и признаетъ надъ собою власть русскихъ императоровъ, Коваленскій уже задался честолюбивыми видами. Онъ ѣхалъ въ Тифлисъ не какъ посредникъ, а какъ губернаторъ или хозяинъ. Слабость страны, мягкость характера Георгія давали видамъ Коваленскаго канву, на которой онъ думалъ вышивать узоры по своему произволу. Зная, что не встрѣтитъ никакого препятствія со стороны туземцевъ къ приведенію въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ видовъ, онъ боялся только посторонняго вліянія какого либо другаго лица. Начальникъ войска одинъ могъ мѣшать его неограниченному честолюбію и самовластію. Это-то вліяніе онъ и старался уничтожить прежде своего отъѣзда въ Тифлисъ.

Еще въ февралѣ 1799 года, Коваленскій, незнавшій потребностей страны и характера ея жителей, представилъ уже свой проектъ «объ учрежденіи въ Грузіи регулярнаго войска и о возстановленіи тамъ устройства военнаго дѣла вообще». [1]) Проектъ не былъ принятъ, но цѣль его понятна и ясна какъ нельзя болѣе. Заведеніе регулярныхъ войскъ въ Грузіи устраняло необходимость посылки туда русскихъ войскъ. Коваленскій могъ отправиться тогда въ Тифлисъ одинъ, безъ посторонняго глаза, и вести свои дѣла такъ, какъ ему вздумается. Желаніе это и было поводомъ къ составленію проекта. Не надѣясь на его осуществленіе и боясь, въ случаѣ отправленія войскъ, занять незавидную роль посредника между начальникомъ

[1]) Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

*

войскъ и грузинскимъ правительствомъ [1]), Коваленскій наводилъ министерство наше на мысль, что едва ли при такихъ условіяхъ онъ въ состояніи будетъ исполнить возложенное на него порученіе. Онъ говорилъ, что, по отдаленности края и по *«обычной военнымъ людямъ въ чужой землѣ прихотливости»*, ему трудно будетъ соблюсти равновѣсіе между тремя лицами: царемъ Георгіемъ, начальникомъ войска и имъ самимъ. По мнѣнію автора проекта, самымъ лучшимъ средствомъ и наибольшею пользою было бы переименовать его въ полковники и соединить съ званіемъ министра званіе начальника войскъ. «Измѣряя способности свои, — писалъ онъ, [2]).—склонность и охоту къ воинской службѣ, смѣло могъ бы я отвѣчать за себя въ неупустительномъ исполненіи дѣла... Соединеніе обоихъ званій въ моемъ лицѣ, доставивъ мнѣ всю удобность къ ревностнѣйшему прохожденію политическаго моего служенія, много бы способствовать могло существенной пользѣ самой службы. Милость же повышеніемъ меня въ уравненіи со сверстниками моими, состоящими нынѣ въ старшихъ генералахъ, послужила бы къ вящшему меня ободренію».

Такъ говорилъ и думалъ нашъ министръ тогда, когда не зналъ еще, кто будетъ назначенъ командовать войсками. Коваленскій, боясь имѣть соперника при дворѣ царя грузинскаго, предсказывалъ уже о ссорѣ и несогласіяхъ.

Задавшись первенствующею ролью, онъ хотѣлъ быть первымъ лицомъ и представителемъ. Чуждый народу, онъ думалъ подчинить себѣ царя Георгія и, скрывшись за его именемъ, самовластно управлять Грузіею.

Не такимъ является генералъ-маіоръ Лазаревъ, начальникъ военнаго отряда.

Лазаревъ пришелъ въ Грузію въ званіи полковаго командира, безъ всякой претензіи на вмѣшательство въ дѣла страны и изображенія въ своей личности представителя чего-то.

Разный взглядъ на свои обязанности породилъ и различныя послѣдствія. Коваленскій заглядывалъ впередъ, старался пріобрѣсти власть и значеніе, а Лазаревъ заботился только о своемъ

[1]) Письмо его къ канцлеру. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Тамъ же.

полкѣ и объ удовлетвореніи его всѣмъ необходимымъ. Для достиженія своихъ цѣлей, Коваленскій долженъ былъ прибѣгать къ неправдѣ и клеветѣ; Лазаревъ могъ дѣйствовать прямо и открыто.

Не получая провіанта и видя, что солдаты въ теченіе шести дней остаются безъ дровъ и безъ крупы и что вмѣсто послѣдней отпускаются то бобы, то грецкіе орѣхи, то сарачинское пшено, Лазаревъ отправился къ Георгію лично высказать свои нужды.

Зная, что туземные переводчики исполняютъ свою обязанность недобросовѣстно и переводятъ царю вовсе не то, о чемъ имъ говорятъ, Лазаревъ, не стѣсняясь, взялъ съ собою капитана Таганова. Объявивъ Георгію, что полкъ безъ квартиръ, безъ дровъ и безъ каши, онъ не скрылъ, что знаетъ о приказаніи царя отпустить все необходимое, но что приказанія его не исполняются.

— Наши червонцы берутъ здѣсь за четыре рубля,—говорилъ Лазаревъ,—а мы получаемъ ихъ за пять. Каждый рядовой нашъ теряетъ двадцать шесть копѣекъ на рубль.

— Я разузнаю это,—отвѣчалъ царь,—но не вижу никакихъ выгодъ, потому что купцы набавятъ тогда на товары.

— Если вы запретите набавлять на съѣстные припасы, то солдатъ ничего не потеряетъ. Онъ не покупаетъ прочихъ товаровъ. Если мы будемъ платить лишнее за чай, сахаръ и сукно, то намъ все-таки меньше будетъ стоить, чѣмъ платить промѣнъ; солдатъ же будетъ тогда получать свои деньги полностію.

Прямое и откровенное слово Лазарева Коваленскій старался истолковать въ дурную сторону. Онъ укорялъ Лазарева въ невѣжествѣ и неделикатности относительно царя. Георгію онъ совѣтовалъ ни съ чѣмъ не обращаться къ Лазареву и передавать всѣ приказанія черезъ него, министра; Лазареву же передавалъ, что будто Георгій не доволенъ его поведеніемъ и удивляется его холодности. Лазаревъ, какъ открытый и прямой человѣкъ, повѣривъ товарищу, послалъ сказать царю, что если онъ ему не нравится, то можетъ просить о замѣнѣ его другимъ.

Коваленскій требовалъ, чтобы ему, какъ представителю Россіи,

вызывали караулъ, а Лазаревъ отвѣчалъ, что по уставу статскимъ чести не положено, «да и его чину никакой нѣтъ» [1]).

Неискренность поступковъ Коваленскаго скоро обнаружилась. Онъ увѣрилъ Георгія, что Лазаревъ ничего не значитъ и находится въ полной отъ него зависимости, что министру поручено даже заботиться о продовольствіи войскъ и ихъ благосостояніи. Царь сталъ передавать всѣ свои приказанія и распоряженія черезъ Коваленскаго. Лазаревъ не принималъ ихъ и просилъ Кнорринга увѣрить Георгія, что онъ не капралъ, «а то онъ,—писалъ Лазаревъ,— не знаю по чьимъ наговорамъ со мною никакого дѣла имѣть не хочетъ. Я не могу увѣрить его, что отнюдь отъ министра не завишу...»

Добрыя отношенія между представителями нарушились. Сохраняя сначала наружное уваженіе другъ къ другу при свиданіяхъ и встрѣчахъ, Лазаревъ и Коваленскій заочно дѣйствовали другъ противъ друга и дошли до того, что поссорились окончательно.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Тифлисъ полка, Коваленскій успѣлъ убѣдить Георгія въ необходимости преобразовать тифлисскую полицію при содѣйствіи чиновъ полка. Для сохраненія же внутренняго спокойствія въ краѣ, Коваленскій хотѣлъ, чтобы полкъ отъ времени до времени дѣлалъ нѣкоторыя передвиженія. На первый разъ онъ требовалъ отъ Лазарева, чтобы тотъ занялъ двумя или тремя ротами крѣпость Гори, лежавшую на рѣкѣ Курѣ, въ 70 верстахъ отъ Тифлиса.

Не имѣя никакого распоряженія и не получивъ приказанія, очень естественно, что Лазаревъ не соглашался на исполненіе такихъ требованій. Если войскъ нечѣмъ было кормить въ Тифлисѣ, то въ Гори они должны были терпѣть еще бо̀льшую нужду во всемъ.

Отказъ Лазарева повелъ къ бо̀льшимъ еще недоразумѣніямъ его съ Коваленскимъ. Послѣдній просилъ Кнорринга положить границы ихъ сношеніямъ между собою [2]).

---

[1]) Изъ письма Лазарева Кноррингу отъ 4-го августа 1800 г. Акты Кавк. Археогр Ком., т. I, 125.

[2]) Письма Коваленскаго Кноррингу отъ 23-го декабря, за №№ 125 и 126, и отъ 24-го декабря 1799 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. I, стр. 103 и 104.

Лазаревъ открыто и прямо высказывалъ свое неудовольствіе на Коваленскаго и не скрывалъ своихъ поступковъ. Коваленскій, напротивъ, начавъ съ перваго шага поступать неискренно, долженъ былъ неправдою и защищать себя. Для прикрытія своихъ дѣйствій министръ клеветалъ на Лазарева и старался обвинить его во всемъ.

Коваленскій жаловался Кноррингу, что нерасположеніе къ нему Лазарева дошло до того, что тотъ преслѣдуетъ тѣхъ офицеровъ, которые были приняты въ его домѣ; что подъ предлогомъ, будто полковникъ Карягинъ не былъ одинъ разъ на разводѣ, Лазаревъ оштрафовалъ его вычетомъ мѣсячнаго жалованья; что онъ не хотѣлъ первый сдѣлать визита царю Георгію и взыскивалъ съ провіантмейстера за то, что тотъ по своимъ надобностямъ не относился прямо къ царю.

Георгій прислалъ солдатамъ чихирю и балыковъ. Лазаревъ принялъ ихъ, но сказалъ, что этого мало, что солдатамъ нужны провіантъ и крупа. Коваленскій тотчасъ же сообщилъ кому слѣдуетъ, что Лазаревъ затрудняетъ пріемъ царскихъ подарковъ.

«Человѣкъ сей совсѣмъ перемѣнился въ своихъ душевныхъ расположеніяхъ,—писалъ затѣмъ Коваленскій Кноррингу про Лазарева [1]),—ему кажется, что я вмѣшиваюсь безъ права въ попеченіе о продовольствіи, дѣло долга служенія моего и такое, за которое, казалось бы, должно быть ему благодарнымъ».

Потерявшій жену и дочь, оклеветанный Коваленскимъ, Лазаревъ не считалъ необходимымъ оправдываться. Онъ просилъ только уволить его въ отставку.

«Прошу ваше превосходительство,—писалъ онъ Кноррингу [2]),—будьте Моисеемъ и выведите народъ изъ работы вражіей».

Вскорѣ положеніе Лазарева и его полка сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ и тягостнымъ. Въ войскахъ открылась чесоточная болѣзнь и начали появляться желчныя горячки между офицерами и нижними чинами. Лазаревъ просилъ Кнорринга раз-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 14-го декабря 1799 года. Тифлисскій. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Отъ 30-го декабря 1799 года. Тамъ же.

рѣшить ему вывести полкъ изъ Тифлиса и расположить его въ балаганахъ около города или въ ближайшихъ селеніяхъ [1]).

Солдаты терпѣли крайній недостатокъ въ крупѣ, провіантѣ, дровахъ и въ другихъ жизненныхъ потребностяхъ. Георгій приказывалъ удовлетворять; ему доносили, что все исполнено, но ничего не дѣлали.

Изданная грузинскимъ правительствомъ такса на всѣ жизненныя потребности не улучшила положенія войскъ. Купцы или вовсе не продавали ничего и запирали лавки, или продавали припасы только своимъ знакомымъ, и то по гораздо высшей цѣнѣ. Лазаревъ просилъ Георгія распорядиться, чтобы припасы были продаваемы, безъ всякой утайки или прижимки, по назначеннымъ цѣнамъ [2]); но и эта просьба, какъ и многія другія, осталась неисполненною.

Командовавшій войсками въ разговорѣ сказалъ адъютанту царскому, князю Чавчавадзе, что если полкъ не будетъ обезпеченъ, то какъ бы Георгію не лишиться его вовсе. Царь прислалъ сказать, что употребитъ всѣ силы къ удовлетворенію Лазарева, хотя бы пришлось ему для того заложить своего сына.

— Моего душевнаго огорченія,—отвѣчалъ Лазаревъ,—его высочество не въ силахъ обратить въ веселость. О себѣ я ни слова не говорилъ, а сказалъ, что рискую за недостатки въ полку потерять милость своего Государя. Лично я не имѣю ни въ чемъ нужды, получаю отъ Государя жалованье и имѣю свои деревни. Одна моя претензія состоитъ въ томъ, чтобы полкъ, мнѣ ввѣренный, получалъ все то, что ему слѣдуетъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ удовлетворенъ, я отъ своихъ требованій не отстану. Но, какъ я вижу, что его высочеству не угодно удовлетворить, то безпокоить его больше не стану, а буду доносить своему начальству на линію (Кавказскую).

Въ тотъ же день было послано приказаніе объ удовлетвореніи полка всѣмъ необходимымъ; но и оно, по обыкновенію, осталось неисполненнымъ.

---

[1]) Рапорты Лазарева Кноррингу отъ 17-го января и 9-го іюня 1800 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 105.

[2]) Письмо Лазарева Георгію 23-го ноября 1800 года, № 70.

— Если полкъ вамъ нуженъ, то берегите его, говорилъ опять Лазаревъ князю Чавчавадзе.

Царь прислалъ къ Лазареву своего сына-наслѣдника съ просьбою потерпѣть и не доносить Кнорринггу.

— Государь вашъ и вы христіанинъ, я также, говорилъ царевичъ Давидъ.—Сдѣлайте милость, потерпите и не доносите. Я знаю, что если вы донесете, то полкъ возьмутъ, и мы пропали.

— Съ недѣлю могу еще потерпѣть,—отвѣчалъ Лазаревъ,—но дальше молчать не буду. Его высочество и безъ полка останется царемъ, а я рискую быть наказанъ.

Разговоръ этотъ все-таки остался разговоромъ: положеніе солдатъ нисколько не улучшилось.

«Здѣсь все идетъ, какъ у насъ въ присутственныхъ мѣстахъ,—доносилъ Лазаревъ,—тамъ все *завтра*, а здѣсь *икнеба*, т. е. будетъ, но отъ того ничего не бываетъ».

Въ такомъ положеніи были дѣла при самомъ началѣ вступленія нашихъ войскъ въ Грузію. Положеніе этой страны было такъ разстроено, недостатки во всемъ такъ ощутительны, что, при всемъ своемъ желаніи, Георгій не могъ вполнѣ удовлетворить тѣхъ, которые были присланы на его защиту.

«Царь взялъ всѣхъ лошадей офицерскихъ на свой прокормъ,—писалъ Лазаревъ,—и одну баню въ недѣлю позволилъ солдатамъ безденежно мыться; вотъ все его благодѣяніе полку. При всемъ томъ, онъ весьма желаетъ, чтобы полкъ былъ всѣмъ удовольствованъ; но его приказанія худо выполняются, и, словомъ сказать, никто его не слушаетъ [1].»

Лазаревъ, смотрѣвшій на дѣло просто, безъ задней мысли, отдавалъ справедливость Георгію и не думалъ возводить на него какихъ-нибудь обвиненій. Совершенно противно тому поступалъ Коваленскій. Руководимый тайными цѣлями, онъ сталъ на ложный путь прежде всего тѣмъ, что посылалъ несправедливыя и противорѣчивыя донесенія въ Петербургъ. Министръ писалъ объ отличномъ пріемѣ, объ особомъ уваженіи, которое ему оказываетъ Георгій, и проч. Когда же увидалъ, что заранѣе составленныя

---

[1]) Изъ донесенія Лазарева Кноррингу 22-го декабря 1799 года. Акты Кавк. Арх. Комм., стр. 101.

фейерверочныя донесенія не оправдываются на дѣлѣ, что Лазаревъ, не получая провіанта и помѣщенія, долженъ будетъ донести о томъ Кноррингу и обнаружить тѣмъ несправедливость его донесеній, Коваленскій, чтобы свалить съ себя вину, не имѣлъ другаго выхода, какъ прибѣгнуть къ обвиненію Лазарева.

Самъ царь скоро опредѣлилъ достоинства двухъ представителей Россіи. Въ одномъ онъ встрѣтилъ человѣка истины, правды, открытаго и прямаго; въ другомъ—нечистосердечіе и честолюбивые замыслы. Душевныя качества царя и его расположеніе клонились на сторону Лазарева. Коваленскій сразу потерялъ значеніе. Георгій, о которомъ нашъ министръ писалъ, что онъ исполняетъ всѣ его наставленія и слушается во всемъ,ересталъ обращаться за совѣтами къ Коваленскому, а, напротивъ того, весьма часто спрашивалъ мнѣнія Лазарева.

Недоразумѣнія между Георгіемъ и Коваленскимъ начались вскорѣ послѣ прибытія его въ Тифлисъ. По окончаніи всѣхъ обрядностей и по утвержденіи Георгія на грузинскомъ престолѣ, царь долженъ былъ назначить отъ себя полномочныхъ для подписанія акта, подтверждавшаго условія трактата 1783 года о зависимости Грузіи отъ Россіи [1]). Царь, подъ разными предлогами, медлилъ подписаніемъ этого акта и высказывалъ желаніе отправить посольство въ С.-Петербургъ съ просьбою о своихъ нуждахъ [2]).

Коваленскій отговаривалъ Георгія отъ такой посылки и спрашивалъ Кнорринга, какъ поступать и что̀ дѣлать.

Георгій не оставлялъ своего желанія, а Коваленскій старался доказать, что желанія его несовмѣстны, такъ какъ при немъ состоитъ акредитованный министръ, и просилъ назначить полномочныхъ для подписанія и отсылки акта въ С.-Петербургъ. Георгій медлилъ исполненіемъ просьбы Коваленскаго и полномочныхъ не назначалъ. Министръ писалъ царю [3]), что за все это онъ можетъ подвергнуться взысканію отъ Императора, а потому вынужденъ просить царя увѣдомить его письменно о причинѣ нежела-

[1]) Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммисіею. Тифлисъ. 1866 года, т. I, стр. 95.

[2]) Рапортъ Коваленскаго Государю Императору 17-го февраля 1800 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[3]) Въ письмѣ отъ 25-го января 1800 года. Тамъ же.

нія подписать трактатъ. Георгій въ тотъ же день отвѣчалъ письмомъ, что онъ отправляетъ въ С.-Петербургъ пословъ, и пока до Императора не дойдетъ его прошеніе, до тѣхъ поръ актъ не будетъ подписанъ. Министръ удивлялся, что царь могъ отправить прошеніе къ высочайшему двору безъ всякаго предварительнаго съ нимъ сношенія и соглашенія, что такой поступокъ, оскорбляя его, какъ министра, можетъ быть весьма предосудителенъ и для самого царя. Каваленскій указывалъ Георгію на то, что безъ предварительныхъ сношеній съ нимъ, министромъ, царь не имѣлъ права писать никакихъ прошеній Императору. Георгій настаивалъ на своемъ.

Коваленскій спрашивалъ, съ какою просьбою онъ думаетъ отправить посланныхъ. Царь, узнавъ нравственныя качества министра, не высказывалъ ему настоящей причины отправленія своихъ посланныхъ и тщательно скрывалъ свое желаніе.

«Вы спрашиваете,—писалъ царь Георгій Коваленскому [1]),—съ какими донесеніями отправляются отъ насъ прошенія, то какъ прежде отъ насъ словесно было объявлено, такъ изъясняю нынѣ письменно:

«1) О назначеніи на всегдашнее пребываніе 3,000 человѣкъ войска его императорскаго величества.

«2) О сношеніи съ Баба-ханомъ, въ разсужденіи разграниченія между нашими владѣніями и Адербейджаномъ.

«3) О сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы ахалцыхскій паша не давалъ у себя пристанища лезгинамъ и не позволялъ бы разорять нашихъ владѣній.

«4) О подтвержденіи дагестанскимъ владѣльцамъ, чтобы также не нападали на Грузію и не злодѣйствовали бы противъ нея.

«5) О доставленіи къ намъ пожалованной покойному царю, родителю нашему, артиллеріи, какъ уже на то и отъ его императорскаго величества соизволеніе послѣдовало.

«6) О продовольствіи войскъ, нынѣ здѣсь находящихся и впредь прибывающихъ, попеченіемъ россійскихъ чиновниковъ, покупкою провіанта и фуража по справочнымъ цѣнамъ.

---

[1]) Отъ 27-го января 1800 года. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

«Словесно же поручено объ исходатайствованіи для братьевъ нашихъ: католикоса Антонія и царевича Вахтанга и для сына нашего Іоанна орденовъ.

«О ходатайствѣ по вышесказаннымъ пунктамъ мы предписали посланникамъ нашимъ въ инструкціи, а въ прошеніи не вмѣщено. Впрочемъ, пребываемъ къ вамъ съ почтеніемъ».

Коваленскій соглашался на отправленіе посольства, но въ такомъ только случаѣ, если оно имѣетъ одну цѣль—принести благодарность Императору Павлу за его милости и попеченія о грузинскомъ народѣ. Министръ спрашивалъ царя, кто именно назначенъ въ посольство. Георгій отвѣчалъ, что назначаетъ полномочнаго министра своего и великаго сардаря князя Герсевана Чавчавадзе, тайнаго совѣтника князя Георгія Авалова и статскаго совѣтника мдиванъ-начальника князя Еліазара Полавандова.

Коваленскій отвѣчалъ [1]), что затрудняется посылкою, потому что посылаемымъ даны чины, которыхъ они до тѣхъ поръ не имѣли; что чины тайнаго и статскаго совѣтниковъ, пожалованные имъ царемъ, до сихъ поръ въ Грузіи не существовали; что тайный совѣтникъ князь Аваловъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ переводчикомъ или секретаремъ свиты здѣшняго министра.

Желая укорить царя, Коваленскій прибавлялъ, что петербургскій дворъ будетъ имѣть весьма невыгодное мнѣніе «на счетъ порядковъ и теченія дѣлъ, здѣсь производимыхъ».

Не такъ думалъ Георгій: не спрашивая Коваленскаго, онъ отправилъ посольство въ Петербургъ. На Кавказской линіи посланные были задержаны Кноррингомъ, требовавшимъ отъ Коваленскаго, чтобы тотъ выдалъ имъ виды на проѣздъ. Коваленскій отказалъ, и посольство остановилось тамъ, впредь до высочайшаго разрѣшенія объ отправленіи въ нашу столицу [2]).

Въ концѣ апрѣля князь Чавчавадзе, со свитою, былъ отправленъ изъ Моздока въ С.-Петербургъ [3]).

---

[1]) Отъ 16-го января 1800 года. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 28-го января 1800 года. Моск. Арх. Инспек. Департ.

[3]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 25-го апрѣля 1800 года. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 105.

Главнѣйшій поводъ посольства, какъ увидимъ ниже, заключался въ тайномъ порученіи посланникамъ просить Императора Павла о принятіи Грузіи въ совершенное подданство Россіи. Видимымъ же и для всѣхъ понятнымъ поводомъ была дѣйствительная боязнь какъ царя, такъ и грузинскаго народа о новомъ, по слухамъ, нашествіи персіянъ и разореніи страны, слѣды котораго были еще видны въ Грузіи на каждомъ шагу.

Незначительность нашего отряда, прибывшаго въ Тифлисъ, неувѣренность въ томъ, что дано будетъ еще большее подкрѣпленіе, и самая невозможность прислать его вò-время и скоро, по разлитію рѣки Терека и по прекращенію сообщенія съ Россіею, производили между грузинами безотчетный страхъ и уныніе.

Свѣжія и глубокія раны были причиною преувеличеннаго страха народа. Всматриваясь въ положеніе Грузіи, мы должны упомянуть, что Тифлисъ, по своему мѣстоположенію, былъ укрѣпленъ самою природою на столько, что съ незначительными силами регулярныхъ войскъ могъ устоять противъ нестройныхъ полчищъ азіятскихъ народовъ.

Притомъ, въ странѣ, мало населенной, ограбленной и разоренной, гдѣ почти одна треть населенія была уведена побѣдителями въ плѣнъ, для продажи на азіятскихъ рынкахъ, новому непріятелю трудно было продовольствовать свои войска, и онъ не могъ употребить значительнаго времени на осаду крѣпости.

Не смотря на то, что всѣ эти обстоятельства были передъ глазами каждаго грузина, мало находилось лицъ, которыя не предавались бы отчаянію при всякомъ, даже и ложномъ, слухѣ о нашествіи персіянъ или лезгинъ.

Мужество и неустрашимость, отличительныя черты характера прежнихъ грузинъ, оставили ихъ теперь совершенно. Военныя занятія и слава были забыты и сдѣлались достояніемъ разсказовъ о знаменитыхъ предкахъ. Сохранивъ въ характерѣ воспріимчивость къ воинственности, грузины не имѣли руководителей и потому утратили бодрость духа. Не было въ народѣ единства и сознанія своей силы.

Для успокоенія жителей, Коваленскій просилъ о присылкѣ съ Кавказской линіи еще одного полка. По его мнѣнію, полкъ былъ

даже необходимъ, для удержанія въ Грузіи и сопредѣльномъ краѣ верховной власти русскаго Императора [1]).

«По совершенной безпечности,—доносилъ Коваленскій Императору Павлу,—о собственномъ благѣ правительства здѣшняго, удержаніе верховной власти вашего величества въ Грузіи, возстановленіе въ оной желаемаго и всѣми здѣшними единодушно взываемаго благоустройства, да и самое утвержденіе уваженія къ владычеству вашего императорскаго величества въ сопредѣльныхъ сему краю народахъ не можетъ прочно достигать своей цѣли иначе, какъ, во-первыхъ, содержаніемъ здѣсь войскъ, во-вторыхъ, учрежденіемъ при царѣ по части введенія благоустройства изъ извѣстныхъ людей совѣта, который бы былъ подъ надзоромъ и побужденіемъ повѣренной отъ вашего величества здѣсь особы, и, наконецъ, присвоеніемъ сей послѣдней пространнѣйшей власти, со свойственнымъ тому уваженіемъ».

Послѣдняя фраза составляла всю суть, всю цѣль донесенія Коваленскаго. Не трудно видѣть, что министръ нашъ прежде всего добивался власти и почета, и нельзя не согласиться съ Лазаревымъ, писавшимъ, что Коваленскій хочетъ управлять всею Грузіею.

Для успѣшнаго достиженія задуманной цѣли, Коваленскій долженъ былъ часто поступать непрямодушно. Оттого въ его донесеніяхъ встрѣчаются крайнія противорѣчія. То онъ доносилъ, что въ Грузіи все успокоилось, то свидѣтельствовалъ о крайнемъ безпорядкѣ въ правленіи. Въ одномъ донесеніи онъ пишетъ, что Георгій оказываетъ ему во всемъ знаки уваженія, исполняетъ всѣ его совѣты, въ другомъ — что Георгій не хочетъ подписать акта и не спрашиваетъ совѣта Коваленскаго; то пишетъ, что нашелъ въ царѣ твердость правилъ, здравыя разсужденія, кротость и благочестіе, то доноситъ, что царь слабъ и ни во что не входитъ. Не дѣйствуя открыто, Коваленскій успѣлъ поссориться со всѣми и сдѣлать то, что, какъ увидимъ ниже, наше правительство признало необходимымъ отозвать его и уничтожить постъ министра при дворѣ царя грузинскаго...

---

[1]) Рапортъ Коваленскаго Государю Императору 17-го февраля 1800 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Причины, побудившія Георгія искать подданства Россіи, проистекали отъ совершеннаго разстройства всего механизма управленія и внѣшняго безсилія царства. Сознавая слабость своего здоровья, свою недолговѣчность, Георгій боялся за участь, ожидающую его собственное беззащитное семейство, за все царство и народъ грузинскій.

Незначительная по пространству Грузія, жертва интригъ и усобицъ, была окружена къ тому же со всѣхъ почти сторонъ народами магометанскаго закона, неперестававшими разорять страну то явными нападеніями, то хищничествомъ, то тайными подговорами лицъ, нерѣдко стоявшихъ во главѣ управленія, «отчего и происходитъ то, — доносилъ Лазаревъ [1]), — что рано или поздно (царство грузинское) должно быть несчастное».

Вдовствующая царица Дарья, мачиха Георгія, женщина нрава «весьма крутаго», потерпѣвъ разъ неудачу, затаила въ душѣ властолюбивые виды и не переставала вредить Георгію. Оскорбленная тѣмъ, что не имѣетъ въ своихъ рукахъ правленія и что Георгій не обращается къ ней за совѣтами, она вела тайныя интриги.

Признаніе Императоромъ Павломъ царевича Давида наслѣдникомъ грузинскаго престола и сохраненіе престола въ родѣ Георгія были противны видамъ и желаніямъ царицы Дарьи и ея дѣтей. Георгій и Давидъ присягали на вѣрность русскому Императору, радовался и веселился народъ, а царица Дарья подбирала себѣ сообщниковъ и старалась увеличить партію недовольныхъ.

Старшій сынъ ея, царевичъ Юлонъ, имѣвшій помѣстья въ Верхней Грузіи и, по завѣщанію Ираклія, претендовавшій на наслѣдство престола послѣ смерти Георгія, являлся дѣятельнымъ ея пособникомъ. Юлонъ самъ по себѣ былъ человѣкъ безхарактерный. Всѣ его поступки были слѣдствіемъ совѣтовъ матери его, царицы Дарьи, и жены, которую онъ страстно любилъ. Впрочемъ, и ихъ онъ слушался только тогда, «когда напьется пьянъ, что съ нимъ всякій день случается; но дабы онъ не пришелъ въ раскаяніе и не возвратился на истинный путь, то приставлены къ

---

[1]) Замѣчаніе Лазарева о тогдашнихъ обстоятельствахъ Грузіи 24-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

нему Александръ и Парнаозъ, кои уже непреклонны» [1]). Покровительствуя недовольныхъ, разжигая страсти народа, самъ Юлонъ былъ явнымъ ослушникомъ царской воли. Не смотря на приказанія Георгія, онъ не выставлялъ со своихъ имѣній ни одного солдата и не давалъ провіанта, приходившагося на его долю по раскладкѣ.

Царевичъ Вахтангъ, весьма хитрый отъ природы, наружно былъ весьма усерденъ къ Россіи, хлопоталъ о нашемъ войскѣ, а втайнѣ держался стороны братьевъ и избѣгалъ всякихъ сношеній съ приверженцами Георгія. Царевичъ Александръ, преданный нравамъ азіятскихъ народовъ и исполнявшій даже азіятскіе обычаи, имѣлъ много сообщниковъ между всѣми народами, окружающими Грузію. Александръ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Парнаозомъ, еще при жизни покойнаго Ираклія II, выказывалъ неповиновеніе отцу и возмущалъ народъ. «О царевичѣ Парнаозѣ,— доносилъ Лазаревъ, — я ничего сказать не могу, ибо его ни по чему не видно, исключая чинимыхъ имъ разореній нѣкоторымъ подвластнымъ и приверженнымъ царя».

Холодность, существовавшая между братьями и родственниками при самомъ вступленіи на престолъ Георгія, вскорѣ обратилась въ явную вражду и открытое сопротивленіе царевичей.

Царевичи Александръ и Парнаозъ, при общемъ дѣленіи Грузіи на удѣлы, получили отъ отца въ удѣлъ имѣнія царицы Дарьи, но съ тѣмъ, чтобы были введены во владѣніе только послѣ смерти матери.

Передъ смертью Ираклія II, Дарья успѣла выпросить у мужа позволеніе отдать Парнаозу часть имѣнія, назначеннаго Миріану, находившемуся въ то время въ Россіи. Возвратившись изъ Петербурга въ Грузію, Миріанъ сталъ требовать свою часть отъ Парнаоза, который, вмѣсто возвращенія имѣнія брату, началъ укрѣплять крѣпость Сурамскую и становился въ оборонительное положеніе. Поступки эти подали поводъ къ началу ссоры.

Царь, расположенный болѣе всѣхъ къ брату своему Миріану, за то, что тотъ первый подалъ голосъ объ утвержденіи Георгія

[1]) Изъ письма Лазарева Кноррингу отъ 8-го марта 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

царемъ Грузіи, готовъ уже былъ отправить войско противъ Парнаоза и силою заставить его отдать именія Миріану. За Парнаоза вступилась царица Дарья. Георгій поссорился съ мачихою, но оставилъ свое намѣреніе объ отправленіи войска. Парнаозъ остался при своихъ владѣніяхъ. Тогда царевичъ Александръ, одинъ неимѣвшій удѣла, сталъ требовать, чтобы ему были отданы Казахи, которые, по грузинскому обычаю, не могли принадлежать никому, кромѣ царя. Получивъ отказъ въ своихъ требованіяхъ, Александръ сталъ непримиримымъ врагомъ Георгія и недругомъ остальныхъ своихъ родственниковъ. Въ защиту своихъ правъ онъ началъ искать посторонней помощи...

Въ первыхъ числахъ іюня 1800 года, царевичъ Александръ, жившій въ своей деревнѣ Шулаверы, откочевалъ къ турецкой границѣ. Было ли то сдѣлано съ умысломъ или безъ умысла — неизвѣстно, но въ Тифлисѣ приняли этотъ поступокъ за намѣреніе царевича удалиться за предѣлы царства. Георгій тотчасъ же отправилъ къ нему духовника и адъютанта съ порученіемъ убѣдить царевича возвратиться въ Тифлисъ. Принявшій въ этомъ участіе Коваленскій отправилъ отъ себя, вмѣстѣ съ посланными царя, маіора Колонтарова.

16-го іюня они выѣхали изъ Тифлиса, но, по прибытіи въ Шулаверы, не нашли уже тамъ царевича. Здѣсь они узнали, что будто бы Александръ, со свитою своею и подвластными ему 500-ми татаръ, съ ихъ семействами, откочевалъ въ горы временно. Одни говорили, что наступившіе жары заставили царевича искать прохлады въ горахъ; другіе увѣряли, что онъ откочевалъ съ цѣлью уйти за границу. Посланные отправились за царевичемъ, настигли его въ Сомхетіи и 17-го іюня, вечеромъ, имѣли съ нимъ свиданіе. Съ неудовольствіемъ и весьма холодно принялъ Александръ письмо Георгія и съ такимъ же неудовольствіемъ выслушивалъ увѣщанія и просьбы вернуться въ Тифлисъ [1]).

— Не одинъ разъ,—говорилъ онъ,—какъ я, такъ и царица, мать моя, слышали подобныя обнадеживанія и столько же разъ

[1]) Рапортъ Колонтарова 16-го іюня 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

видѣли нарушеніе обѣщаній, испытали притѣсненія, причемъ употреблена была даже военная сила противъ моихъ братьевъ; они и мать моя лишены принадлежащихъ имъ правъ и преимуществъ. У моей матери отняты имѣнія и доходы, которыми она существовала. Я самъ, которому не была оказана должная справедливость, переносилъ все до сихъ поръ съ терпѣніемъ. Не надѣюсь, чтобы царь и впредь сдержалъ свое слово, а потому не могу рѣшиться прибыть въ Тифлисъ по его приглашенію.

Маіоръ Колонтаровъ подалъ царевичу письмо Коваленскаго. Александръ, прочитавъ письмо, хотя и выразилъ увѣренность въ томъ, что русскій министръ искренно желаетъ помочь ихъ общей горькой долѣ, но говорилъ, что сомнѣвается въ успѣхѣ предпріятій Коваленскаго. Колонтаровъ сталъ убѣждать его вернуться въ Тифлисъ, обѣщая заступничество Коваленскаго и участіе его въ примиреніи братьевъ.

— Я увѣренъ въ расположеніи ко мнѣ Коваленскаго,—отвѣчалъ царевичъ, — и въ желаніи его возстановить доброе согласіе между братьями; но если до сихъ поръ онъ не успѣлъ въ томъ, то я не могу надѣяться, чтобы и новое посредничество могло имѣть лучшія послѣдствія, тѣмъ болѣе, что представленная однажды черезъ него незначительная просьба о двухъ татарахъ оставлена царемъ безъ всякаго вниманія.

— Если бы не было въ Грузіи русскаго министра,—говорилъ Александръ,—то я давно уже отыскалъ бы себѣ и братьямъ надлежащее удовлетвореніе за всѣ претерпѣнныя обиды.

Посланные продолжали уговаривать царевича.

— Если я рѣшусь пріѣхать въ Тифлисъ,—отвѣчалъ онъ,—то сдѣлаю это единственно изъ уваженія къ приглашенію Коваленскаго, возлагая на него всю свою надежду.

Такъ говорилъ, но не такъ думалъ царевичъ. Онъ приказалъ отвести посланныхъ царя въ кибитку, за четверть версты или болѣе отъ своей ставки, сказавъ, чтобы они не ожидали отъ него никакого другаго отвѣта; Колонтарова же просилъ ночевать у себя, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ и дать рѣшительный отвѣтъ. Боясь подозрѣній со стороны своихъ товарищей, Колон-

таровъ отказался отъ предложенія царевича и просилъ отпустить его ночевать въ ту же кибитку.

По уходѣ посланныхъ, часу въ десятомъ вечера, царевичъ Александръ объявилъ своей свитѣ о полученномъ имъ извѣстіи, что тесть царскій, князь Биціановъ, назначенъ съ войскомъ преслѣдовать царевича и, если возможно, захватить его живаго въ свои руки и силою привезти въ Тифлисъ. Александръ объявилъ, что намѣренъ уйти безотлагательно за границу.

Въ глубокую полночь крики карауливших лошадей разбудили посланныхъ: оказалось, что всѣ три лошади ихъ украдены и что царевичъ со своими спутниками поднялся и бѣжалъ. Доходившій издали шумъ подтверждалъ справедливость слышаннаго. Окруженные со всѣхъ сторонъ татарами, изъ которыхъ многіе были преданы Александру, посланные не могли предпринять ничего другаго, какъ ласками и частію угрозами убѣдить татаръ не слѣдовать за царевичемъ.

Съ Александромъ ушли, по показаніямъ оставшихся, 65 человѣкъ грузинъ и татаръ и одинъ священникъ [1]).

На утро, когда уже разсвѣло, дѣйствительно прибыли 200 человѣкъ татаръ, преданныхъ Георгію. По близости границы Турціи, въ предѣлы которой ушелъ царевичъ, погоня ихъ осталась тщетною.

Пріѣхавъ въ Карсъ, Александръ былъ весьма хорошо принятъ пашою, угощавшимъ его въ теченіе трехъ дней. Отсюда онъ отправился далѣе, переправился черезъ Араксъ и на четвертый день прибылъ въ персидскій лагерь, гдѣ находились Аббасъ-Мирза и Сулейманъ, съ 8,000 или 9,000 войска.

Предувѣдомленный о прибытіи царевича, Аббасъ-Мирза выслалъ къ нему на встрѣчу своихъ чиновниковъ и, по словамъ самого царевича, 6,000 войска; приказалъ разбить для него особую палатку, подарилъ ему лошадь и 400 руб. денегъ. На слѣдующій день онъ прислалъ еще 600 руб., два кафтана, двѣ шали и два халата. Александръ пробылъ въ лагерѣ два съ половиною мѣсяца, «и слышно было, что Аббасъ-Мирза получилъ въ это время

[1]) Показаніе дворянина Турманидзева. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника Турманидзевъ говорилъ, что съ царевичемъ бѣжали только 40 или 50 человѣкъ.

отъ отца повелѣніе поступать, какъ будутъ совѣтовать ему Ибраимъ-ханъ шушинскій (карабагскій) и царевичъ Александръ» [1]).

Всѣмъ ханамъ персидскимъ приказано было угощать царевича и всякую ночь «давать банкеты». Сынъ шаха также два раза приглашалъ къ себѣ Александра, гостившаго у его ханов и, по собственнымъ его словамъ, проводившаго время очень весело [2]).

«Съ такою честію приняли меня, — писалъ Александръ матери,—что лучше ожидать нельзя было. Я не могу описать всѣхъ почестей, какія мнѣ оказываются... Въ лагерѣ для меня обыкновенно ставится одна хорошая, большая и съ отличными кистями и уборомъ палатка; моимъ служителямъ другія семь палатокъ всегда поставлены бываютъ. Въ сихъ-то палаткахъ съ начала нашего пріѣзда насъ расположили. Словомъ, въ такомъ великолѣпіи и чести нахожусь я у нихъ, что нельзя болѣе сказать...»

Мать Александра, царица Дарья, узнавъ о бѣгствѣ своего сына, думала сама оставить Тифлисъ и соединиться со своими сыновьями Юлономъ, Вахтангомъ и Парнаозомъ. Для прекращенія интригъ, необходимо было удержать ее въ столицѣ. Георгій просилъ Лазарева употребить всѣ средства къ тому, чтобы не допустить царицу къ выѣзду изъ Тифлиса. Царь назначилъ въ распоряженіе Лазарева 12 конныхъ грузинъ и одного чиновника [3]).

Въ Авлабарѣ, гдѣ жила царица Дарья, не было никакаго караула, кромѣ лазаретнаго; поэтому Лазаревъ, чтобы не подать вида царицѣ, что за нею наблюдаютъ, разставилъ по всѣмъ дорогамъ, въ Авлабаръ, ночные секретные пикеты, а по всему авлабарскому предмѣстью посылалъ частые патрули [4]).

24-го іюля Лазаревъ узналъ, что царевичъ Вахтангъ прибылъ съ войскомъ въ деревню Авчалы, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса. 26-го числа подошли къ городу, также съ войсками, царевичи Юлонъ и Парнаозъ. Цѣль прибытія ихъ была увезти царицу Дарью

[1]) Показаніе дворянина Турманидзева. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

[2]) Изъ письма царевича матери 30-го іюля 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

[3]) Секретныя письма Коваленскаго Лазареву 7-го и 20-го іюля 1800 года. Тамъ же.

[4]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 31-го іюля, № 136. Георгіевскій Арх. Комен. Правленія.

изъ Тифлиса, подъ предлогомъ опасности отъ нашествія персіянъ. На самомъ же дѣлѣ, имѣя переписку съ братомъ Александромъ, царевичи искали покровительства Персіи и потому хотѣли устранить мать свою отъ всѣхъ случайностей по враждѣ своей съ царемъ Георгіемъ.

«Я думаю,—писалъ Георгій Кноррингу [1]),—что они, будучи съ такимъ числомъ войска (до 3,000), когда бы непріятель къ нимъ приблизился, стали бы отвращать отъ насъ народъ и возмущать его и сдѣлались бы единогласными съ непріятелемъ».

Спустя три дня, 27-го числа, Лазаревъ получилъ письмо Коваленскаго, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что въ предстоящую ночь царица думаетъ оставить Тифлисъ. Бдительность надзора была увеличена. Георгій приказалъ своему адъютанту собрать 1,000 человѣкъ въ Авлабарѣ; Лазаревъ, со своей стороны, усилилъ пикеты и патрули. Проѣзжая мимо дома царицы, Лазаревъ замѣтилъ, что лошади и экипажъ были готовы и домъ противъ обыкновенія слишкомъ освѣщенъ.

Частые патрули и движеніе разъѣздовъ около дома дали поводъ обратить на это вниманіе царицы и скрыть свои желанія. Огонь въ домѣ былъ потушенъ и лошади разсѣдланы.

Царь Георгій поручилъ Коваленскому принять на себя роль посредника въ веденіи переговоровъ [2]). Коваленскій открылъ съ царевичами сношенія и, по первоначальному ходу, надѣялся соединить ихъ или у себя въ домѣ, или въ предмѣстьѣ города; «а сіе только и было нужно, чтобы имѣть случай его высочеству (царю) взять ихъ силою» [3]).

Царевичи отказались пріѣхать въ городъ по приглашенію Коваленскаго, и онъ самъ отправился къ нимъ на свиданіе за пять верстъ, куда они прибыли со всѣмъ своимъ войскомъ. Коваленскій убѣждалъ ихъ помириться съ братомъ-царемъ; но царевичи просили только о позволеніи вывезти изъ города мать свою, ца-

---

[1]) Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Письмо Георгія Коваленскому 25-го іюля 1800 г. Московскій. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[3]) Письмо Коваленскаго Кноррингу 4-го августа 1800 г., № 285. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

рицу Дарью. Коваленскій отказалъ въ ихъ просьбѣ. Царица жаловалась, что, оставаясь въ городѣ, остается безъ призрѣнія и пропитанія. Нашъ министръ отвѣчалъ, что она можетъ положиться на полное его попеченіе и на то, что онъ будетъ стараться исходатайствовать ей у Георгія приличное содержаніе. Дарья не соглашалась.

Въ три часа пополудни 29-го числа Георгій прислалъ сказать Лазареву, что царица Дарья совсѣмъ готова къ отъѣзду и отправила уже часть экипажа своего въ лагерь къ дѣтямъ; вслѣдъ затѣмъ посланный Коваленскаго объявилъ, что царевичи Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, стоявшіе съ войскомъ близъ города, намѣрены способствовать ея побѣгу. Посланный Коваленскаго сообщилъ Лазареву, что Георгій желаетъ, чтобы одинъ баталіонъ русскихъ войскъ съ орудіемъ былъ готовъ на Авлабарѣ для подкрѣпленія его войскъ. Лазаревъ поѣхалъ къ Георгію и во дворцѣ встрѣтилъ Коваленскаго. Оба они говорили пріѣхавшему о томъ, чтобы у всѣхъ выѣздовъ изъ дворца царицы были поставлены караулы.

Баталіонъ былъ собранъ на Авлабарѣ и простоялъ всю ночь до семи часовъ утра; но царица не выходила изъ дому. На утро онъ былъ смѣненъ другимъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней у дворца царицы стоялъ караулъ, «а баталіоны въ ночную всякій день по очереди ходили».

На слѣдующій день Коваленскій отправился къ царицѣ и въ домѣ ея нашелъ всѣ приготовленія къ отъѣзду. Онъ спрашивалъ о причинѣ ея отъѣзда. Дарья отвѣчала, что ее понудило къ тому только желаніе быть посреди дѣтей своихъ въ безопасности и съ приличнымъ содержаніемъ. Обѣщая покровительство и защиту, Коваленскій успѣлъ уговорить царицу остаться какъ бы по добровольному желанію. Хитрая женщина, съ видомъ особеннаго расположенія къ Коваленскому, обѣщалась остаться въ Тифлисѣ.

Такимъ образомъ, покушеніе царицы Дарьи не увѣнчалось успѣхомъ: она вынуждена была оставаться въ городѣ, хотя и не оставила своихъ интригъ и происковъ.

«По вступленіи царя Георгія Ираклієвича,—писала она Императору, желая оправдать свои поступки [1]),—моего пасынка на цар-

[1]) Письмо царицы Государю Императору 1-го августа 1800 г. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

ство Грузинское, лишены отъ него я и мои дѣти принадлежащихъ намъ правъ, почестей и выгодъ имѣть наслѣдіе царское братьямъ по очереди, что письменнымъ покойнаго царя, моего супруга, установленіемъ было намъ опредѣлено. Равнымъ образомъ и письменное условіе, данное намъ отъ царя Георгія во имя всемогущаго Бога, къ утвержденію принадлежащихъ намъ правъ, остается съ его стороны нарушеннымъ».

Какъ только узнала царица Дарья, что Коваленскій привезъ утвердительную грамоту Георгію, что Императоръ Павелъ призналъ престолъ наслѣдственнымъ въ родѣ Георгія и что сдѣланъ къ тому важный шагъ признаніемъ сына Георгія, царевича Давида, наслѣдникомъ грузинскаго престола, она тотчасъ же обратилась къ нашему министру съ просьбою употребить ходатайство къ законному удовлетворенію ея и ея дѣтей.

Коваленскій старался помирить враждовавшихъ царевичей и возстановить спокойствіе въ царствѣ. Онъ не достигъ своей цѣли. Царевичи не уклонялись отъ мира, но объявили, что для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ и недоразумѣній недостаточно посредничества одного Коваленскаго, безъ собранія знатнѣйшихъ чиновъ государства. Честолюбивый и хотѣвшій управлять неограниченно царемъ и всѣмъ царствомъ, Коваленскій не желалъ этого собранія. Не желалъ его и царь Георгій, боявшійся поднятія вопроса о престолонаслѣдіи.

Царь хотя и обѣщалъ помириться съ братьями и родственниками, однако, на дѣлѣ поступалъ часто иначе. Оскорбленный тѣми же родственниками еще при жизни отца, онъ слишкомъ былъ нерасположенъ къ нимъ, чтобы не быть предубѣжденнымъ и не поступать во многихъ случаяхъ несправедливо.

Дарья жаловалась на Георгія, что онъ лишилъ ее имѣній и пропитанія, что онъ притѣсняетъ своихъ братьевъ и ея дѣтей, что домъ ее окружили со всѣхъ сторонъ войсками, какъ домъ измѣнницы.

Царица-вдова просила Императора Павла защитить ее отъ такихъ несправедливостей.

«Пасынокъ мой,—писала она—царь Георгій, находится теперь въ тяжкой болѣзни, и буде, по волѣ Бога, прогнѣвавшагося на

меня за грѣхи мои, что либо съ нимъ случится, то сомнѣваюсь, какъ бы престолъ царскій не былъ принятъ избраннымъ отъ него наслѣдникомъ, сыномъ его Давидомъ, а дѣти мои не остались бы безъ участія въ правѣ, отъ родителя имъ оставленномъ.

«Если оставленное прочихъ царскихъ особъ потомкамъ отъ родителей ихъ право не должно быть уничтожено, тогда соблаговолите принять и отъ царя Ираклія оставленное своимъ дѣтямъ право».

Царица Дарья убѣждала Императора поручить Коваленскому узнать отъ приближенныхъ покойнаго царя о справедливости и дѣйствительности завѣщанія покойнаго Ираклія II и вручить управленіе царствомъ тому, кому, послѣ смерти Георгія, оно будетъ слѣдовать по завѣщанію.

При свиданіи съ Коваленскимъ, Дарья высказала даже желаніе отправиться въ Россію и тѣмъ опровергнуть всякое на нее подозрѣніе. Коваленскій просилъ ее употребить всѣ старанія къ возвращенію въ Грузію сына ея Александра, обѣщаясь то же самое сдѣлать со своей стороны. Къ царевичамъ онъ писалъ, чтобы они распустили свое войско и удалились отъ города, ежели не желаютъ послѣдовать приглашенію царя Георгія и пріѣхать къ нему въ Тифлисъ. Царевичи удалились и писали Коваленскому, что весьма сожалѣютъ, что поступокъ ихъ, «къ которому ничто иное ихъ не побудило, кромѣ священнѣйшей обязанности, по естественному закону къ родителямъ», можетъ быть принятъ и объясненъ недостаткомъ вѣрности, усердія и преданности ихъ къ Россіи. Царевичи говорили, что, напротивъ того, они готовы доказать свою вѣрность пожертвованіемъ самой жизни и ожидаютъ только указанія, въ чемъ могутъ быть полезны [1]).

Задержаніе царицы Дарьи въ Тифлисѣ имѣло весьма хорошія послѣдствія для Грузіи. «Если бы она ушла,—писалъ Лазаревъ Кноррингу, — то надѣлала бы каши: тогда бы Имеретія, Персія и внутренній бунтъ—все возстало бы на бѣдную Грузію».

Трудно было разсчитывать на возможность примиренія братьевъ.

---

[1]) Письмо Коваленскаго Кноррингу 4-го августа 1800 г., № 285. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

Съ каждымъ часомъ вражда между ними разгоралась все болѣе и болѣе. Въ одномъ изъ писемъ Георгія лучше всего видны отношенія ихъ другъ къ другу.

«Мы получили твое письмо,—писалъ царь Георгій Отару Амилахварову [1]),—какимъ ты извѣщалъ насъ о притѣсненіяхъ и грабежахъ, чинимыхъ селамъ царевичемъ Парнаозомъ, также о прибытіи его въ Гори и угрозахъ тамошнимъ жителямъ... Буде желаешь быть нашимъ вѣрноподданнымъ, то докажешь свое усердіе, если не будешь пускать ни Парнаоза, ни его людей въ Гори и ничего имъ не уступишь; ежели же Парнаоза или его людей пустишь въ Гори, то ты долженъ отказаться отъ нашего подданства. Парнаозовыхъ людей не щади никоимъ образомъ: имѣешь право не жалѣть для нихъ ни палокъ, ни дубины, ни камня, ни оружія, ни ружья, ни шашки, ни пистолета, ничего противъ нихъ не жалѣть и не пускать ихъ. Если ихъ схватишь и арестованными пришлешь къ намъ, то это было бы лучше. Кто бы ни явился въ Гори, ничего не уступай ему ни на одну денежку—такъ ты долженъ знать...

«....Горійскій мамасахлисъ и жители! если вы въ этомъ дѣлѣ не пособите Амилахвару и не будете слушаться его приказаній на счетъ невпуска Парнаозовыхъ людей и жестокаго съ ними обхожденія, то кровно провинитесь передъ нами, и мы съ васъ взыщемъ. Не притворяйтесь и не болтайте, а будьте прямодушны и усердны, пособляя въ этомъ дѣлѣ Амилахвару. Тебя, Амилахваръ, мы передъ симъ хотя и требовали сюда письменно, но уже не отправляйся, а смотри за тѣмъ краемъ и напиши намъ о себѣ и о тамошнихъ новостяхъ».

---

[1]) Отъ 21-го сентября 1800 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т, I, стр. 153 и 154.

XIII.

Происшествія въ Персіи послѣ смерти Ага-Магометъ-хана. — Баба-ханъ.—Взглядъ Императора Павла I на дѣла наши съ Персіею.—Отправленіе посланнаго Коваленскимъ въ Тегеранъ.—Слухи о намѣреніи персіянъ вторгнуться въ Грузію.—Прибытіе въ Тифлисъ персидскаго посланнаго.—Фирманъ Баба-хана царю Георгію.—Возвращеніе нашего посланнаго изъ Тегерана.—Письмо Ибраимъ-хана Коваленскому.—Командированіе новыхъ войскъ въ Грузію.—Прибытіе въ Тифлисъ полка генералъ-маіора Гулякова и встрѣча, ему сдѣланная.—Раздоры въ царскомъ семействѣ.—Отозваніе Коваленскаго и уничтоженіе должности министра при дворѣ царя грузинскаго.

После умерщвленія Аги-Магометъ-хана, на персидскій престолъ вступилъ племянникъ его Баба-ханъ.

— Я пролилъ всю эту кровь для того,—говаривалъ Ага-Магометъ-ханъ, въ оправданіе своихъ жестокостей,—чтобы Баба-ханъ могъ царствовать спокойно.

Погибшій отъ руки убійцы властитель Персіи всю жизнь свою преслѣдовалъ двѣ цѣли: первою и самою главною его цѣлію было утвержденіе собственной власти, второю—утвержденіе ея въ своей фамиліи или, лучше сказать, въ своемъ племени.

Въ Персіи владѣютъ нынѣ престоломъ потомки турокъ, оставившихъ свое отечество и переселившихся въ Персію во время шаха Аббаса Великаго, назвавшаго ихъ каджарами.

Каджары раздѣляются на два рода: первый извѣстенъ подъ именемъ деванлу, а второй—кованлу. Изъ послѣдняго рода происходилъ и Ага-Магометъ-ханъ.

Назначивъ преемникомъ своимъ племянника Баба-хана (впослѣдствіи царствующій Фехтъ-Али-шахъ), Ага-Магометъ-ханъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ употреблялъ его въ дѣла государственныя и юношей назначилъ на важный постъ правителя Фарсиса.

Разсказываютъ, что передъ походомъ въ Адербейджанъ гадатели или оракулы предсказывали Агѣ-Магометъ-хану скорую кончину. Сначала онъ смѣялся надъ этимъ, но потомъ оставилъ правителемъ въ Тегеранѣ одного изъ самыхъ преданнѣйшихъ себѣ и

приказалъ ему, въ случаѣ кончины, не впускать никого въ городъ, кромѣ Баба-хана, назначеннаго наслѣдникомъ [1]).

Ага-Магометъ-ханъ зналъ, по собственному опыту, какъ трудно упроченіе власти въ такой странѣ, какою была тогда Персія, и потому желалъ передать своему преемнику престолъ окончательно упроченный, государство устроенное и вполнѣ подчиненное власти шаховъ изъ новаго поколѣнія.

Бывшій шахъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ для достиженія такихъ видовъ. Трое изъ братьевъ его удалились изъ Персіи, и одинъ былъ ослѣпленъ. Уцѣлѣлъ только Джафаръ-Кули-ханъ, и то потому, что самъ Ага-Магометъ-ханъ обязанъ былъ ему трономъ.

Зная предпріимчивый и рѣшительный характеръ Джафара, Ага-Магометъ-ханъ не довѣрялъ, чтобы онъ легко покорился племяннику, котораго шахъ избралъ будущимъ повелителемъ Ирана.

Джафаръ, просившій брата поручить его управленію Испагань, былъ назначенъ вмѣсто того правителемъ одного округа въ Мазандеранѣ. Оскорбленный отказомъ, Джафаръ долгое время не являлся ко двору, не смотря на приказанія своего государя. Ага-Магометъ-ханъ былъ встревоженъ такимъ упорствомъ. Онъ боялся храбрости своего брата и явнаго разрыва съ человѣкомъ, владѣвшимъ неограниченною преданностію солдатъ своего племени. Надо было покончить и съ этимъ единственнымъ противникомъ воли повелителя.

Шахъ взялъ слово съ матери своей, что она поѣдетъ въ Мазандеранъ, успокоитъ сына и пообѣщаетъ ему назначеніе управляющимъ Испаганью. Властитель Персіи требовалъ одного—чтобы братъ на пути въ Испагань заѣхалъ къ нему въ Тегеранъ. Джафаръ-Кули-ханъ согласился на это только тогда, когда получилъ отъ брата торжественное увѣреніе въ личной безопасности и клятвенное обѣщаніе, надъ кораномъ, что не будетъ задержанъ въ Тегеранѣ болѣе одной ночи.

[1]) Рукопись Буткова въ Императорской Академіи Наукъ, № 3, стр. 1544 и № 14, стр. 405. Баба-ханъ былъ сынъ меньшаго брата Магометъ-хана Хусейнъ-Кули-хана. Дѣйствительное его имя было Фехтъ-Али; Баба-ханомъ же онъ названъ Ага-Магометъ-ханомъ во время своего малолѣтства.

Шахъ принялъ Джафара со всѣми знаками братской искренней любви, и ночь прошла спокойно.

— Я думаю,—говорилъ на утро Ага-Магометъ-ханъ своему брату,—что ты не видалъ еще новаго дворца. Сходи туда съ Баба-ханомъ, а потомъ, осмотрѣвъ его, зайдя опять ко мнѣ.

Джафаръ согласился, не подозрѣвая измѣны. Лишь только вступилъ онъ подъ портикъ дворца, какъ былъ умерщвленъ скрытыми тамъ заранѣе убійцами.

— Это сдѣлано для тебя,—говорилъ Ага-Магометъ-ханъ Баба-хану,—указывая на трупъ еще неостывшій.—Великая душа, оживлявшая это тѣло, никогда не оставила бы покойною корону на головѣ твоей. Персія была бы разрушаема внутренними междоусобіями, и для отвращенія бѣдствій я поступилъ съ постыдною неблагодарностію, сдѣлавъ преступленіе противъ Бога и людей.

Суевѣрный Магометъ-ханъ приказалъ немедленно отправить тѣло убитаго своего брата изъ города, чтобы не нарушить клятвы и не удерживать его болѣе одной ночи въ Тегеранѣ.

Какъ ни старался Ага-Магометъ-ханъ подобными поступками и преступленіемъ упрочить престолъ за своимъ преемникомъ, но не достигъ вполнѣ своей цѣли.

Умерщвленіе его въ Шушѣ (въ 1797 году) произвело большое замѣшательство въ персидскихъ войскахъ. Садыкъ-ханъ шекакійскій, захватившій большую часть сокровищъ шаха, бывшихъ съ нимъ въ Шушѣ, удалился со своимъ племенемъ и не признавалъ Баба-хана повелителемъ. Его примѣру послѣдовали многіе начальники войскъ. Ханы бакинскій, ганжинскій и эриванскій бывшіе также въ Шушѣ, разошлись по своимъ домамъ; возвратился въ Шушу и Ибраимъ-ханъ карабагскій, изгнанный персіянами изъ своихъ владѣній.

Первый визирь покойнаго шаха Аджи-Ибраимъ и сардарь Сулейманъ-ханъ одни остались вѣрными наслѣднику престола. Они совѣтовали Баба-хану спѣшить въ Тегеранъ, куда звалъ его и тамошній градоначальникъ. Въ Тегеранѣ хранилась вся государственная казна; тамъ же всѣ главные чиновники ожидали прибытія въ городъ наслѣдника [1]).

[1]) Рукопись Буткова въ Импер. Акад. Наукъ, № 3, стр. 1546.

Собравъ значительное войско, сардарь и министръ отправились къ столицѣ. Тамъ Баба-ханъ провозглашенъ былъ шахомъ, имѣя тогда отъ роду 27 лѣтъ. Собранное Ибраимомъ войско было первою и вначалѣ единственною силою Баба-хана, съ помощію которой онъ сталъ утверждать свою власть.

По словамъ современниковъ, новый властитель Персіи не былъ похожъ на своего предмѣстника.

Баба-ханъ былъ средняго роста и сухощавъ. Блѣдное лице, сѣрые глаза и черныя брови дѣлали его непривлекательнымъ, за то окладистая черная и длинная борода была такъ замѣчательна, «что во всей Персіи не было бороды его красивѣе [1]).»

Будучи сладострастенъ, онъ велъ жизнь весьма роскошную. Миролюбиваго характера, Баба-ханъ былъ поэтъ въ душѣ, хорошо писалъ стихи на персидскомъ и арабскомъ языкахъ, любилъ музыку, пѣніе и пляски. Склонный къ праздности, но вмѣстѣ съ тѣмъ тщеславный, гордый, повелитель проводилъ утро въ аудіенціяхъ, которыя давалъ каждый день своимъ подвластнымъ. Въ роскошныхъ азіятскихъ комнатахъ дворца онъ принималъ подданныхъ, украшая при этомъ какъ себя, такъ и свои царскіе знаки жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Остальные часы дня властитель просиживалъ въ гаремѣ среди женъ «пригожихъ и избранныхъ». Здѣсь царствовали разгулъ, нѣга, упоеніе, и тутъ-то Баба-ханъ съ веселостію и наслажденіемъ, непозволительными истинному мусульманину, проводилъ большую часть времени, предаваясь часто чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ.

Собравъ изъ разныхъ персидскихъ фамилій триста женъ, онъ содержалъ ихъ подъ бдительнымъ присмотромъ евнуховъ. Отправляясь на охоту или въ походъ, Баба-ханъ бралъ съ собою часть гарема. Хотя новый властитель Персіи и былъ самолюбивъ, искалъ военной славы, но вообще былъ плохой воинъ и по большей части несчастливый въ военныхъ предпріятіяхъ. Баба-ханъ не былъ способенъ къ какимъ-либо значительнымъ предпріятіямъ и потому нуждался въ поддержкѣ чиновниковъ [2]).

[1]) Записка царевича Парнаова, поданная графу Румянцеву въ мартѣ 1811 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—9, 1802—1813 гг., № 5.

[2]) Свѣдѣнія, доставленныя Коваленскимъ 24-го октября 1800 года. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

Объявивъ себя шахомъ всего персидскаго государства, тотчасъ послѣ смерти своего дяди, Баба-ханъ старался привязать къ себѣ знатныхъ и важныхъ лицъ. Увеличивъ содержаніе военнослужащимъ, онъ привлекъ тѣмъ многихъ въ ряды своихъ войскъ, за то значительно обременилъ народъ новыми податями и налогами. Чрезвычайные расходы вызывали необходимость ихъ пополненія чрезвычайными мѣрами. Подати и поборы съ народа были увеличены и до такой степени стали обременительными, что бѣднѣйшему человѣку «жизнь становилась въ тягость, такъ какъ воротъ его находился въ рукахъ ста тирановъ» [1]).

Съ краснорѣчіемъ соединяя ласковый и пріятный тонъ, болѣе кроткаго, нежели свирѣпаго нрава, Баба-ханъ, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, передалъ управленіе страною въ руки своихъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ была и его мать.

Не имѣя дарованій и воли своего предмѣстника, Баба-ханъ не могъ остановить своеволія приближенныхъ и поддерживалъ власть раздачею сокровищъ и денегъ, собранныхъ и награбленныхъ его дядею. Будучи скупъ отъ природы, онъ видѣлъ однакожь необходимость въ раздѣлѣ денегъ, какъ въ средствѣ своего благосостоянія.

Не смотря на то, что приближенные своевольничали, что народъ обременялся новыми податями, персіяне, много вытерпѣвшіе отъ жестокостей Аги-Магометъ-хана, вначалѣ были очень довольно поведеніемъ своего повелителя. Съ теченіемъ времени довольство обратилось въ привычку, а относительная кротость правленія — въ распущенность. Персіяне, столько лѣтъ переходившіе изъ рукъ въ руки, отъ одного правителя съ другому, стали чрезвычайно склонны ко всякаго рода возмущеніямъ. Баба-ханъ удерживалъ народъ въ повиновеніи содержаніемъ значительнаго числа войскъ въ Тегеранѣ, какъ средоточіи своихъ владѣній. Лучшее войско состояло изъ конницы; пѣхоты было мало, а артиллеріи хотя и было поставлено передъ дворцомъ до 70 пушекъ, но «къ дѣйствію годныхъ мало, да и едва-ли изъ персіянъ есть такіе люди, которые умѣли бы ими управлять»... [2]).

[1]) Письмо Джафаръ-Кули-хана хойскаго Кноррингу. См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 677.

[2]) Изъ донесеній Завалишина кн. Циціанову 12-го декаяря 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—9, 1802—1813 г., № 5.

Осыпаемыя милостями шаха, войска начали своевольничать и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли свою бодрость, а предпріимчивые родоначальники разныхъ племенъ, силою сплоченные въ одно цѣлое, стали думать объ отдѣленіи изъ-подъ власти шаха и о пріобрѣтеніи себѣ независимости.

Въ Кандагарѣ сталъ распространять свое владычество афганскій Заманъ-шахъ; родной братъ Баба-хана отложился и не признавалъ его власти; въ Хорасанѣ одинъ изъ сыновей хановъ, подвластныхъ властителю Персіи, собиралъ войска [1]). Со стороны Грузіи власть Баба-хана не утвердилась еще въ Дагестанѣ и въ Адербейджанѣ; она простиралась не далѣе тавризской и хойской провинцій.

Усмиривъ наскоро волненія въ Персіи и подчинивъ своей власти непокорныхъ хановъ, Баба-ханъ обратилъ вниманіе и на Грузію, которую считалъ издавна принадлежащею Персіи.

Въ іюнѣ 1798 года, какъ мы видѣли, властитель Персіи отправилъ своего посланнаго въ Тифлисъ. Шахъ сообщалъ царю Георгію, что, вступивъ на персидскій престолъ и увѣнчавъ свою главу государственною короною, прибылъ онъ въ Міанъ для утвержденія своей власти въ Адербейджанѣ. А какъ Грузія есть лучшее владѣніе въ Адербейджанѣ, бегляръ-беги котораго пришли уже къ пресвѣтлому его двору «съ потупленнымъ лицомъ къ землѣ», то Баба-ханъ и требовалъ, чтобы Георгій прислалъ одного изъ своихъ сыновей, для постояннаго пребыванія при шахѣ и въ персидской службѣ.

Пребываніе это, по словамъ Баба-хана, было необходимо для того, чтобы «солнце его милости» могло распространиться на всю Грузію, чтобы зналъ о томъ каждый ея житель и грузины могли бы находиться въ такомъ «спокойствіи, какого сами себѣ желаютъ». Въ случаѣ отказа со стороны Георгія исполнить требованіе властителя Персіи, шахъ обѣщалъ придти въ Грузію съ побѣдоносными своими знаменами, разорить ее вторично и предать народъ своему гнѣву [2]).

---

[1]) Письмо царевича Давида Лошкареву 21-го іюля 1798 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Фирманъ Баба-хана отъ 5-го іюля 1798 г. Тамъ же.

Царь Грузіи спрашивалъ совѣта нашего правительства, какъ поступить ему относительно требованій Баба-хана. Петербургскій кабинетъ отвѣчалъ, что въ своихъ сношеніяхъ съ персидскимъ владѣтелемъ онъ можетъ ссылаться на трактатъ 1783 года, по которому цари Грузіи «учинили себя вассалами Всероссійской Имперіи», и что потому онъ не можетъ исполнить требованій Баба-хана.

Находившееся въ Петербургѣ персидское посольство отправлено было обратно съ большими подарками и съ увѣреніями въ самыхъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ нашего правительства относительно Персіи. Грамота Императора Павла I къ Баба-хану вызывала его на союзъ и дружбу съ Россіею.

Георгію предоставлялось соблюдать «доброе согласіе и пріязнь съ Персіею», какъ съ государствомъ, находящимся въ мирѣ и дружбѣ съ Россіею [1]).

Такой отвѣтъ не удовлетворялъ Георгія. Хотя царь Грузіи и зналъ, что Баба-ханъ не могъ скоро исполнить своихъ угрозъ и вторгнуться въ Грузію, но слухъ о томъ, что онъ требовалъ отъ эриванскаго хана 300,000 р. и 12 знатныхъ заложниковъ и что онъ весною самъ намѣренъ пріѣхать къ озеру Гокча, лежащему между Грузіею и Эриванскою областью, тревожилъ Георгія.

Къ тому же извѣстно было, что карабагскій (шушинскій) Ибраимъ-ханъ писалъ Баба-хану, будто бы царь Георгій и вся Грузія просятъ защиты Россіи для избавленія себя отъ властителя Персіи. Нѣкогда другъ и союзникъ Ираклія II, а теперь противникъ Грузіи, Ибраимъ-ханъ старался возстановить шаха противъ Георгія. Письма и наговоры его и были отчасти причиною того, что повелитель Персіи задумалъ двинуться въ Грузію и покорить ее своей власти.

Царь Грузіи опять обратился къ нашему правительству съ просьбою защитить его отъ новаго разоренія.

Отправляя въ Тифлисъ войска и своего министра, петербургскій кабинетъ возложилъ на Коваленскаго званіе повѣреннаго въ дѣлахъ Персіи, поручилъ ему устройство тамошнихъ дѣлъ и тѣмъ отчасти удовлетворилъ просьбамъ Георгія.

---

[1]) Рескриптъ гр. Моркову 23-го августа 1798 г. Арх. Главн. Шт. въ С.-Петербургѣ.

Императоръ Павелъ I, съ самаго вступленія своего на престолъ, не желалъ вмѣшиваться въ дѣла Персіи и всѣхъ вообще народовъ, обитавшихъ по сосѣдству съ Кавказскою линіею и Грузіею. Взглядъ этотъ онъ сохранилъ до своей кончины. Когда Кноррингъ доносилъ о ссорѣ между Осетіею и Кабардою, ссорѣ, дошедшей до непріязненныхъ дѣйствій, то Павелъ I совѣтовалъ ему не мѣшаться въ ихъ дѣла до тѣхъ поръ, пока они не коснутся нашей границы, «ибо,—писалъ Императоръ [1],—народы сіи находятся болѣе въ вассальствѣ нашемъ, нежели въ подданствѣ».

При такой системѣ невмѣшательства, сторожеваго и охранительнаго только положенія нашихъ войскъ на границѣ, интересы Россіи требовали, чтобы въ Персіи никогда не могло установиться какое-либо твердое владычество «подъ наименованіемъ шаха». Достигнувъ этого, мы не могли уже имѣть сильнаго сосѣда, который если и не сталъ бы самъ насъ безпокоить, то могъ вредить мелкимъ владѣльцамъ, преданнымъ Россіи.

Возложивъ на Коваленскаго званіе повѣреннаго въ дѣлахъ съ Персіею, Императоръ поручилъ ему поддерживать сношенія съ тѣми изъ хановъ, которые или посредствомъ связи ихъ съ Грузіею, или сами по себѣ были преданы Россіи. Подкрѣпляя таковыхъ увѣреніями въ покровительствѣ Россіи, повѣренный въ дѣлахъ долженъ былъ достигать до удовлетворительныхъ и желаемыхъ результатовъ только мирными путями. Не вовлекая правительства нашего въ большія хлопоты, Коваленскій долженъ былъ стараться, чтобы вліяніе наше въ тѣхъ странахъ «существовало безъ всякихъ расходовъ или, по крайней мѣрѣ, съ малѣйшими издержками», и чтобы дѣло ни въ какомъ случаѣ не доходило до посылокъ войскъ «съ толиками неудобствами, по отдаленности края сопряженными».

Вотъ главныя основанія нашего поведенія относительно персидскихъ хановъ и горскихъ владѣльцевъ.

Не подавая подозрѣній о нашихъ намѣреніяхъ Портѣ Оттоманской, всегда желавшей сохранить свое вліяніе въ Азіи, Кова-

[1]) Рескриптъ Кноррингу 28-го мая 1800 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 581.

ленскій долженъ былъ обратить исключительное вниманіе на поступки Баба-хана.

«Извѣстно вамъ,—писалъ Императоръ Павелъ Коваленскому [1]),— что присланъ былъ отъ него (Баба-хана) ко двору нашему посланникъ съ изъявленіемъ желанія съ нами дружественнаго сношенія. Мы искренно соблюсти намѣрены оное, а потому и поручаемъ вамъ учредить ваши съ нимъ сообщенія, изъявляя, однакожъ, о желаніи нашемъ, чтобы не вздумалъ онъ посягнуть, по примѣру Аги-Магометъ-хана, какъ слухи о томъ разнеслись, на предѣлы Грузіи. Отъ гибели сея стараться должно сколь возможно ее спасти. Впрочемъ, какъ Баба-хана, такъ и всѣхъ другихъ владѣльцевъ персидскихъ можно удостовѣрять о желаніи нашемъ, чтобы торговля персидская всякое приращеніе въ Россіи получила, и что подданные ихъ найдутъ въ предѣлахъ нашихъ всегдашнее и сильное покровительство...»

По инструкціи, данной министерствомъ Коваленскому, ему слѣдовало открыть сношеніе съ Баба-ханомъ [2]) тотчасъ послѣ подписанія Георгіемъ трактата, какъ основы, на которой должны были опираться всѣ сношенія съ Персіею и поведенія, принятаго нашимъ правительствомъ относительно Грузіи.

Подписаніе трактата замедлилось, и потому Коваленскій, опасаясь долгимъ молчаніемъ подать поводъ къ непріязненнымъ для насъ дѣйствіямъ со стороны персіянъ, поспѣшилъ отправить къ шаху извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ.

Петербургскій кабинетъ возложилъ на обязанность министра, посланнаго въ Грузію, внушить Баба-хану, что, по силѣ заключеннаго съ карталинскимъ и кахетинскимъ царемъ въ 1783 году трактата, «признаннаго всѣми дворами и государями», Императоръ Павелъ I, утвердивъ послѣ смерти царя Ираклія II преемникомъ сына его Георгія XII, изъявилъ торжественно согласіе на принятіе какъ его, такъ и всего царства грузинскаго «подъ верховную свою власть и покровительство». Коваленскій высказывалъ надежду, что Баба-ханъ, по дружбѣ и расположенію къ Россіи, отложитъ всякія

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 16-го апрѣля 1799 г. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстн.

[2]) Рапортъ Коваленскаго министерству 17-го февраля 1800 г., № 51. Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

притязанія не только на Грузію, но и относительно другихъ горскихъ владѣльцевъ, находившихся подъ покровительствомъ Россіи, и что ханъ не будетъ мѣшаться въ ихъ дѣла, «оставляя каждаго пользоваться желаннымъ спокойствіемъ и тишиною» [1]).

Вмѣстѣ съ письмомъ къ Баба-хану, Коваленскій отправилъ письмо и къ управлявшему его дѣлами хаджи-Ибраимъ-хану [2]), въ которомъ просилъ содѣйствія въ сохраненіи дружескихъ отношеній между двумя державами. Ханы ганжинскій и карабагскій также получили письма Коваленскаго. Сношенія съ ними имѣли цѣлію удостовѣриться въ благонамѣренности хановъ, приславшихъ въ Тифлисъ своихъ чиновниковъ съ просьбами о подданствѣ, а также и для того, чтобы при содѣйствіи ихъ склонить къ тому же хановъ ширванскаго, шекинскаго, эриванскаго и Омаръ-хана аварскаго, пріобрѣтшаго извѣстность своею храбростію [3]).

Отставной поручикъ Мерабовъ отправленъ былъ съ письмами въ Персію. Ходившія въ Тифлисѣ извѣстія о томъ, что персіяне собираютъ свои силы для вторженія въ Грузію, требовали скорѣйшаго полученія отвѣта отъ властителя Персіи. Въ случаѣ замедленія въ отвѣтѣ и замѣтнаго приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ, Мерабовъ долженъ былъ внушить персидскому правительству, что непріязненные поступки противъ народа, о которомъ идутъ переговоры, были бы противны справедливости и народнымъ правамъ, повсюду свято соблюдаемымъ; что оскорбленіе Россіи можетъ имѣть непріятныя послѣдствія для Персіи, и что Порта Оттоманская, находящаяся въ союзѣ съ Россіею, не останется въ этомъ случаѣ нейтральною, «считая нашихъ непріятелей за своихъ» [4]). Во избѣжаніе всякихъ затрудненій и для полученія скорѣйшаго свѣдѣнія о намѣреніяхъ Баба-хана, Коваленскій отправилъ черезъ Гилянь лазутчика, который, подъ видомъ купца, долженъ былъ проѣхать въ Тегеранъ и, получивъ тамъ отъ Мерабова всѣ необходимыя свѣдѣнія, поспѣшно возвратиться въ Тифлисъ.

---

[1]) Прибавленіе къ инструкціи, данной Коваленскому отъ 31-го мая 1799 г. Письмо его къ Баба-хану 16-го февраля 1880 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Письмо его къ хаджи-Ибраимъ-хану 16-го февраля 1880 г. Тамъ же.

[3]) Рапортъ Коваленскаго Государю Императору 17-го февраля 1800 г. Тамъ же.

[4]) Изъ инструкціи Мерабову 16-го февраля 1800 г. Тамъ же.

*

Посланные отправились. Отвѣтъ еще не былъ полученъ, а слухи о скоромъ нашествіи персіянъ все болѣе и болѣе увеличивались.

Съ нѣкотораго времени замѣтны стали движенія войскъ Баба-хана къ Карабагу, куда, какъ слышно было, долженъ былъ выступить 12,000-й корпусъ. Предлогомъ къ такимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ было настоятельное требованіе Баба-хана отъ Ибраимъ-хана карабагскаго въ замужство его дочери, о которой болѣе семи мѣсяцевъ шли безуспѣшные переговоры. Карабагскій ханъ писалъ къ Коваленскому и, увѣряя его въ преданности своей къ Россіи, спрашивалъ какъ поступить ему относительно Баба-хана, заявившаго уже свои притязанія на тамошнія ханства, требовавшаго ихъ покорности и даже вмѣшивавшагося въ ихъ управленіе. Такъ въ Эривань назначенъ одинъ изъ приверженцевъ новаго шаха. Джафаръ-Кули-ханъ хойскій смѣненъ съ ханскаго достоинства, и на его мѣсто назначенъ новый ханъ. Находившійся въ Тавризѣ сынъ Баба-хана, малолѣтній Аббасъ-Мирза [1]), провозглашенный наслѣдникомъ персидскаго престола и управлявшій всѣмъ Адербейджаномъ, вмѣстѣ съ дядькою его Сулейманомъ, отозваны въ Тегеранъ, какъ полагали, для полученія дальнѣйшихъ приказаній по тому краю [2]).

Баба-ханъ имѣлъ много сыновей, но любимѣйшимъ былъ Аббасъ-Мирза. Большаго роста, красивый, энергичный, правосудный, человѣколюбивый и воинственный, Аббасъ-Мирза былъ уменъ, содержалъ въ страхѣ своихъ воиновъ и не дозволялъ имъ грабить народъ. Стараясь ввести въ войскахъ европейскую дисциплину, Аббасъ-Мирза любилъ больше славу, чѣмъ богатство. Онъ не терпѣлъ праздности, роскоши, музыки, плясокъ и прочихъ увеселеній. Любимыми занятіями его были: охота и бесѣда съ умными людьми. Онъ щедро награждалъ заслуги и старался привлечь въ Персію иностранныхъ мастеровъ, «чтобы народъ персидскій могъ имѣть у

---

[1]) *Мирза*, поставленное передъ словомъ Аббасъ, означаетъ, что послѣдній имѣлъ званіе секретаря; поставленное же послѣ Аббаса слово *мирза* означаетъ ханское или вообще владѣтельное званіе.

[2]) Рапортъ Коваленскаго 17-го февраля 1800 г., № 51. Московскій Арх. Мин. Иност. Дѣлъ.

себя все нужное. Онъ говоритъ скромно, знаетъ языки турецкій и арабскій, преданъ духовенству и твердъ въ своемъ словѣ» [1]).

Баба-ханъ возлагалъ на Аббасъ-Мирзу большія надежды и призвалъ его къ себѣ для совѣщаній о предстоящихъ дѣйствіяхъ.

По всѣмъ слухамъ, доходившимъ съ разныхъ сторонъ, можно было не безъ основанія полагать, согласно съ общимъ мнѣніемъ, господствовавшимъ въ Тифлисѣ, что всѣ предпріятія Баба-хана обнаруживаютъ его замыслы на Грузію. По крайней мѣрѣ, царь Георгій и народъ грузинскій были такого мнѣнія относительно намѣреній персіянъ, хотя и не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ оборонѣ.

Благоразуміе требовало быть чуткимъ и осторожнымъ ко всякаго рода слухамъ, тѣмъ болѣе, что, по отозваніи изъ Тавриза къ Баба-хану Сулейманъ-хана, свѣдѣнія о предполагаемомъ нашествіи персіянъ не прекращались и были то утвердительныя, то отрицательныя. Впослѣдствіи получено было новое свѣдѣніе, изъ Эривани, что 1-го мая прибылъ туда посланный отъ Баба-хана, съ подаркомъ хану эриванскому, состоящимъ въ *халатѣ* (посылаемомъ обыкновенно въ знакъ отличія) и лошади съ уборомъ; что Баба-ханъ съ значительнымъ войскомъ отправляется въ Кандагаръ противъ афганцевъ; что Сулейманъ съ сыномъ Баба-хана возвратился въ Тавризъ, въ сопровожденіи 12,000-го корпуса войскъ, и что Аббасъ-Мирза вступилъ въ управленіе Адербейджаномъ. Извѣстно было, что въ наставленіи, данномъ наслѣднику, приказано увеличить число войскъ для наказанія владѣльцевъ, противящихся властителю, и для подкрѣпленія ему приверженныхъ [2]).

Слухи эти были, однакожь, преувеличены. Посланный Коваленскимъ съ письмомъ къ Баба-хану, по дорогѣ изъ Казбина въ Тегеранъ, встрѣтилъ Аббасъ-Мирзу и Сулеймана съ пѣхотой и кавалеріей, не свыше 4,000 человѣкъ. Артиллерія состояла изъ шести фальконетовъ на верблюдахъ. Войско это было вообще въ худомъ состояніи, за исключеніемъ кавалеріи.

---

[1]) Записка царевича Парнаова, поданная графу Румянцеву въ мартѣ 1811 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—9, 1802—1813 гг., № 5.

[2]) Рапортъ Коваленскаго министерству 24-го мая 1800 г. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Отрядъ персидскихъ войскъ, бывшихъ въ Адербейджанѣ, получилъ приказаніе Баба-хана дѣйствовать наступательно противъ непокорныхъ хановъ. Боясь оставить въ тылу себя непріятеля, Джафаръ-Кули-хана хойскаго, который все еще держался въ своемъ зàмкѣ, надѣясь на помощь паши баязетскаго, Аббасъ-Мирза осадилъ Хою. Потеря въ людяхъ отъ болѣзни и упорное сопротивленіе хана хойскаго заставили его не только отступить, но и заключить условіе, по которому Джафару возвращено было ханство Хойское [1]). Обезпечивъ такимъ образомъ тылъ свой, персидскія войска, нереправившись черезъ Араксъ у Нахичевани, предполагали слѣдовать къ Эривани и, отдѣливъ часть на подкрѣпленіе карабагскаго и ганжинскаго хановъ, двинуться далѣе двумя отрядами. Одинъ назначался для наказанія Мустафы-хана шемахинскаго, за причиненное имъ Баба-хану явное оскорбленіе. Ибраимъ-ханъ шушинскій или карабагскій, по требованію Баба-хана, отправилъ дочь свою въ Тегеранъ, для сочетанія бракомъ съ властителемъ Персіи. Выѣхавъ на дорогу съ значительнымъ числомъ вооруженныхъ людей, Мустафа-ханъ шемахинскій перехватилъ дочь Ибраимъ-хана, обѣщавшаго еще ранѣе того отдать ее въ замужство за Мустафу-хана.

Другой отрядъ отъ Эривани долженъ былъ дѣйствовать противъ хана талышенскаго, съ цѣлію отвлечь его отъ своего союзника хана шемахинскаго.

Кромѣ всѣхъ этихъ дѣйствій, Баба-ханъ думалъ занять Баку, какъ торговый городъ, и пользоваться доходами отъ нефти и соли. Предлогомъ нападенія на хана бакинскаго онъ выставлялъ дошедшія до него жалобы персидскихъ купцовъ, что ханъ захватилъ ихъ товары съ русскаго судна, погибшаго у муштагскихъ береговъ [2]).

Въ это время прибылъ въ персидскій лагерь бѣжавшій изъ Грузіи царевичъ Александръ и обнадежилъ персіянъ, что имѣетъ

---

[1]) Донесеніе Кнорринга Государю Императору 23-го іюля 1800 г. Арх. Главн. Штаба въ С.-Петербургѣ.

[2]) Изъ рапорта консула въ Персіи Скибиневскаго Коваленскому 8-го марта, № 48. Георг. Военный Арх.

въ своемъ отечествѣ сильную партію и что всѣ недовольные правительствомъ съ радостію примутъ его сторону [1]).

Исполнивъ успѣшно всѣ предположенія своего повелителя, персидскія войска, согласно просьбѣ царевича, должны были собраться на грузинской границѣ, при озерѣ Гокча, куда обязывались прибыть со своими войсками ханы карабагскій и ганжинскій, для совѣщаній и содѣйствія въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Баба-хана противъ Грузіи.

Царевичъ Александръ сообщалъ матери въ іюлѣ [2]), что половина персидскаго войска стоитъ вокругъ Эриванской крѣпости, а другая расположена у ханскаго караванъ-сарая; что черезъ семь дней прибудетъ онъ съ этими войсками къ озеру Гокча, «а потомъ, если Богъ поможетъ», то къ Успенію достигнетъ до Тифлиса. Носились слухи, что Сулейманъ-сардарь, прибывъ въ Эривань, откроетъ сношенія съ царемъ Георгіемъ XII и будетъ требовать отъ него признанія власти персидскаго шаха, отреченія отъ покровительства Россіи и возвращенія вышедшихъ изъ Карабага армянъ [3]).

Ибраимъ-ханъ карабагскій, стараясь поколебать въ Георгіѣ преданность къ Россіи, сообщилъ ему полученный отъ Баба-хана фирманъ, наполненный угрозами непокоряющимся и милостями признающимъ его власть. Точно съ такимъ же порученіемъ прибылъ въ Тифлисъ посланный отъ Джевадъ-хана ганжинскаго.

Получаемыя со стороны Персіи извѣстія хотя и казались довольно серьезными, но на самомъ дѣлѣ трудно было предположить, чтобы Баба-ханъ, занятый утвержденіемъ своей власти на востокѣ, могъ скоро предпринять что-либо серьезное относительно Грузіи. Скорѣе всѣ свѣдѣнія эти имѣли видъ угрозы и раскрывали будущія намѣренія властителя Персіи. Со стороны Баба-хана была скорѣе попытка, не удастся ли простыми угрозами поколебать преданность царя Георгія къ Россіи или, пользуясь раздѣленіемъ умовъ Грузіи, по несогласію между царемъ и его братьями, прі-

---

[1]) Константиновъ, ч. II, стр. 107 (рукопись). Арх. Главн. Шт.

[2]) Письмо царевича Александра матери отъ 30-го іюля 1800 года. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[3]) Рапортъ Коваленскаго отъ 24-го мая 1800 г., № 204. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

обрѣсть преданныхъ себѣ людей. Въ послѣднемъ случаѣ Баба-ханъ надѣялся, что небольшая часть русскихъ войскъ, окруженная враждебнымъ населеніемъ и не видя возможности получить скорое подкрѣпленіе, должна будетъ оставить Грузію. Съ другой стороны, ходившіе слухи даютъ основаніе предполагать, что если Баба-ханъ дѣлалъ приготовленія и сосредоточилъ войска по сосѣдству Грузіи, то только въ обезпеченіе себя отъ наступленія нашихъ войскъ, такъ какъ онъ не вѣрилъ, что мы вступили въ Грузію съ единственною цѣлію защитить страну отъ внѣшнихъ непріятельскихъ покушеній.

Мирза-Баба, правитель Решта, отправлялся въ это время въ Тегеранъ, для представленія шаху съ подарками сына персидскаго посла, бывшаго въ Петербургѣ и умершаго въ нашей столицѣ. При отъѣздѣ его, консулъ нашъ въ Персіи старался указать на настоящую причину, по которой посланы русскія войска въ Грузію, и получилъ потомъ свѣдѣнія, что совѣты и объясненія его не остались безплодными. Мирза говорилъ Баба-хану, что въ Грузію прибыло весьма малое число русскихъ войскъ, и то только для сопровожденія туда знатнаго чиновника (Коваленскаго); что, по прибытіи Коваленскаго въ Грузію, царь долженъ вести сношенія съ сосѣдними ханами не иначе, какъ по его совѣтамъ; что Коваленскому поручено навѣдываться о томъ, куда двинутся французы изъ Дамаска, и если турецкій султанъ не въ состояніи будетъ удержать движеніе ихъ въ Анатолію, то въ подкрѣпленіе султану прислано будетъ значительное число русскихъ войскъ.

Баба-ханъ успокоился этими извѣстіями и приказалъ представить себѣ торжественно подарки, присланные ему русскимъ Императоромъ.

Въ день брака дочери его съ сыномъ Сулеймана, при собраніи знатныхъ хановъ и правителей разныхъ городовъ и областей, сынъ посланника поднесъ Баба-хану подарки. Высочайшая же грамота Императора Павла не была читана публично, вѣроятно потому, что Баба-ханъ не былъ въ ней названъ шахомъ.

Пока Баба-ханъ принималъ подарки и выдавалъ свою дочь замужъ, сынъ его Аббасъ-Мирза приводилъ, между тѣмъ, въ испол-

неніе приказанія отца въ Адербейджанѣ. Изъ стана своего между Тавризомъ и Эриванью онъ отправилъ, въ началѣ іюня, посланныхъ въ Тифлисъ къ царю Георгію съ фирманомъ отца, своимъ предписаніемъ и письмами нѣкоторыхъ его чиновниковъ къ грузинскому царю.

Георгій не зналъ, какъ принять посланнаго. Послѣ совѣщаній съ Коваленскимъ, царь рѣшился принять его въ домѣ нашего министра и тѣмъ показать персіянину совершенную преданность свою русскому Императору.

14-го іюня, на четвертый день послѣ пріѣзда посланныхъ въ Тифлисъ, назначена имъ аудіенція. Наканунѣ отправлены были къ нимъ два чиновника: одинъ отъ имени царя, другой отъ нашего министра, поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ и съ объявленіемъ, что на слѣдующій день послѣдуетъ аудіенція царя въ присутствіи Коваленскаго.

Въ приготовленной для аудіенціи комнатѣ поставленъ былъ портретъ Императора Павла (какъ знакъ высшей власти надъ Георгіемъ), кресла, корона и скипетръ, а по сторонамъ ихъ грузинскіе чиновники держали порфиру и царскій штандартъ. Въ той же комнатѣ собрались: генералъ-маіоръ Лазаревъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры егерскаго полка; подлѣ дома стояла рота егерей.

Секретарь министра и адъютантъ Георгія приняли посланныхъ въ «комнатѣ отдохновенія». Затѣмъ они приглашены были въ аудіенцъ-залу, куда и вошли въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, имѣя по обѣимъ сторонамъ двухъ переводчиковъ.

Сначала царь, а потомъ Коваленскій привѣтствовали посланныхъ. Георгій пригласилъ ихъ сѣсть, а Коваленскій, какъ хозяинъ дома, распоряжался угощеніемъ.

Персидскій посланный подалъ Георгію фирманъ и письма. Царь отвѣчалъ, что, прочитавъ и разсмотрѣвъ ихъ, не замедлитъ своимъ отвѣтомъ [1].

Посланный просилъ секретнаго и личнаго переговора съ царемъ Грузіи; но Георгій отвѣчалъ, что ни въ какіе секретные пе-

[1]) По обычаямъ азіятскимъ, фирманъ всегда читался публично. Георгій отступилъ отъ этихъ правилъ изъ боязни, чтобы его содержаніе не скомпрометировало Коваленскаго, какъ представителя Россіи.

реговоры безъ русскаго министра вступать не можетъ и не желаетъ. Ловкій персіянинъ замѣтилъ, что считаетъ за особенную честь объясниться въ присутствіи Коваленскаго, но только съ тѣмъ, чтобы всѣ остальные присутствовавшіе удалились изъ комнаты.

Оставшись съ ними, персіянинъ обратился къ Георгію съ длинною «и съ особеннымъ искусствомъ говоренною» рѣчью. Стѣсняясь присутствіемъ русскаго полномочнаго, онъ старался самымъ деликатнымъ, незамѣтнымъ образомъ высказать царю Грузіи угрозы Баба-хана и дурныя послѣдствія его гнѣва. Именемъ своего повелителя посланный удивлялся, что царь, по неизвѣстной ему причинѣ, прекратилъ всякое сообщеніе съ Персіею и уже два года ни о чемъ не относится къ шаху; что Баба-ханъ, какъ прежде, такъ и теперь, расположенъ къ Георгію милостиво. Посланный выразилъ надежду, что, узнавъ содержаніе фирмана и обѣщанныхъ въ немъ милостей, царь не откажется исполнить желанія и требованія властителя Персіи.

Георгій обратился за отвѣтомъ къ Коваленскому.

— Я,—отвѣчалъ царь послѣ совѣщаній съ нашимъ министромъ,—сохраняя свято обѣтъ покойнаго царя родителя моего, который, по силѣ заключеннаго съ Имперіею Всероссійскою въ 1783 году торжественнаго трактата, повергъ себя со всѣми областями подъ покровительство и верховную власть всероссійскихъ императоровъ, не могу удовлетворить требованіямъ никакой посторонней державы, безъ соизволенія на то его императорскаго величества, высокаго моего покровителя.

— Для сношенія съ Персидскимъ государствомъ со стороны его величества уполномоченъ министръ,—продолжалъ Георгій, указывая на Коваленскаго,—потому о всѣхъ дѣлахъ, могущихъ случиться отъ Персіи ко мнѣ, поставляю своимъ долгомъ отвѣтствовать черезъ него, министра.

— Исполняя повелѣнія моего Государя, говорилъ Коваленскій,—я, при отправленіи нарочнаго посланнаго къ могущественному обладателю Баба-хану, съ дружескимъ отъ имени моего Государя отзывомъ, не оставилъ донести какъ его высокостепенству, такъ и сыну его Аббасъ-Мирзѣ и прочимъ приближеннымъ къ нимъ

вельможамъ о дружественномъ расположеніи. Но какъ на сіи отзывы не имѣю еще никакого отвѣта, то если вы уполномочены мнѣ сообщить ихъ, я охотно вступаю съ ними въ пріятельское объясненіе.

— Такого полномочія я не имѣю, отвѣчалъ посланный.—Все порученіе, данное мнѣ отъ Аббасъ-Мирзы, состоитъ въ доставленіи депешъ царю грузинскому и въ донесеніи ему объявленныхъ имъ повелѣній. Впрочемъ, о посланномъ отъ министра чиновникѣ мнѣ извѣстно, что онъ принятъ и содержанъ былъ съ надлежащимъ уваженіемъ и почестію; что шахъ при отправленіи своемъ изъ Тегерана въ походъ въ Кандагаръ, отправилъ его обратно съ отвѣтомъ, и потому онъ долженъ скоро возвратиться.

— Опасность отъ превосходныхъ силъ Баба-хана для Эривани и Грузіи неминуема, говорилъ посланный эриванскаго хана Георгію, какъ бы въ видѣ совѣта и дружбы.—Остается одно надежное средство—покориться власти шаховой и исполнить тѣ самыя требованія, которыя нынѣ вамъ предложены, чтобы не подпасть горшей прежняго участи. Къ тому же Грузія по всѣмъ правамъ принадлежитъ персидскому шаху, а потому и всякое сопротивленіе было бы несовмѣстно.

Нахальная рѣчь и совѣтъ эриванскаго посланнаго такъ озадачили Георгія, что онъ не могъ сказать ни слова.

— Не могу не удивляться вашимъ совѣтамъ,—отвѣчалъ за царя вмѣшавшійся въ разговоръ Коваленскій,—и всей говоренной вами рѣчи, тѣмъ болѣе, что вы какъ будто совершенно забыли о покровительствѣ царя русскимъ Императоромъ. Совѣтую вамъ вспомнить объ этомъ и быть увѣреннымъ, что русскій Государь не оставляетъ такъ легко своего покровительства.

— Я въ томъ увѣренъ, — отвѣчалъ посланный, — но подаю свои совѣты единственно изъ усердія къ царю и потому, что непріятель въ превосходныхъ силахъ приближается уже къ границамъ его владѣній.

— Россія, — отвѣчалъ Коваленскій, — не имѣетъ у себя въ здѣшнихъ странахъ никакого непріятеля и ни на кого сама не нападаетъ. Съ дерзнувшими же возстать противъ покровительствуемыхъ ею народовъ она найдетъ силы управиться.

Посланный оставался при своемъ. Онъ предупреждалъ о непремѣнномъ нашествіи персіянъ, ежели Георгій не поспѣшитъ удовлетворить требованіямъ Баба-хана.

— Приди и возьми! отвѣчалъ на все это Коваленскій посланному.

— Его одного только признаю моимъ государемъ и покровителемъ,—сказалъ Георгій, указывая на висѣвшій портретъ Императора Павла,—и никакихъ другихъ повелѣній выполнять не намѣренъ.

По окончаніи аудіенціи и по уходѣ персидскихъ посланныхъ, прочтены были фирманъ Баба-хана, предписаніе Аббасъ-Мирзы и письма его чиновниковъ.

Властитель Персіи писалъ, что, покоривъ многія области, онъ отправилъ въ Адербейджанъ «зѣницу ока и младый мѣсяцъ чела» своего, Аббасъ-Мирзу, съ 30,000 храбрыхъ воиновъ и съ приказаніемъ завѣдывать всѣми дѣлами той страны.

«Какъ раковина, содержащая въ себѣ драгоцѣнный жемчугъ, и какъ свѣтлая звѣзда между двѣнадцатью небесными знаками», такъ Аббасъ Мирза, по словамъ перваго министра шаха, явится въ Дагестанъ, Арменію и Адербейджанъ съ войскомъ, для того, чтобы награждать усердныхъ и попрать къ подножію коней «храбрыхъ персидскихъ воиновъ» тѣхъ, кто будетъ противиться власти повелителя Персіи.

Персидскій принцъ долженъ былъ истребить непріятелей и, «очистивъ всѣ упомянутыя мѣста отъ нихъ, какъ отъ терніевъ и непотребныхъ щепокъ, учредить всюду порядокъ и облечь все въ красную одежду благочинія» [1]).

Баба-ханъ, по-прежнему, требовалъ, чтобы Георгій отправилъ старшаго сына своего, царевича Давида, къ Аббасъ-Мирзѣ, который «безпредѣльную свою милость излить и отъ прочихъ отличить его не оставитъ».

«Вы должны,—писалъ Баба-ханъ [2]),—въ доказательство услуги и вѣрноподданническаго усердія, повелѣніе это безъ всякаго упущенія исполнить, черезъ что удостоитесь похвалы, и надежный

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм. 1866 г., т. I, стр. 97.

[2]) Фирманъ Баба-хана. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

вертоградъ вашъ отъ облаковъ нашихъ императорскихъ милостей процвѣтетъ».

То же, или почти то же, писали Георгію Аббасъ-Мирза [1]) и Сулейманъ-ханъ.

Эриванскій ханъ, въ письмѣ своемъ Георгію, высказывалъ надежду, что какъ «донынѣ между Персидскою имперіею и Грузіею никакого отдѣленія и различія не было, то по волѣ Всевышняго и впредь того не будетъ». Ханъ совѣтовалъ грузинскому царю отправить со своимъ братомъ или сыномъ богатые подарки Баба-хану и опасался, чтобы въ противномъ случаѣ «не послѣдовало разоренія, о коемъ и сами будете каяться».

Прибытіе въ Тифлисъ персидскихъ посланныхъ, содержаніе фирмана Баба-хана и извѣстіе о сборѣ значительнаго числа персидскихъ войскъ на берегахъ Аракса заставили Георгія принять мѣры и готовиться къ оборонѣ.

Раздѣленіе умовъ, неповиновеніе власти, безначаліе обнаружились въ Грузіи при первомъ слухѣ о нашествіи персіянъ. Извѣстіе о прибытіи ихъ въ область Эриванскую, по словамъ Коваленскаго, произвело почти всеобщее смятеніе. Столица, служащая всѣмъ примѣромъ, готова была искать спасенія въ бѣгствѣ; въ пограничныхъ же селеніяхъ, состоявшихъ по большей части изъ магометанъ, замѣтно было нѣкоторое колебаніе [2]). Недостатокъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ въ столицѣ, неимѣніе почти никакой военной силы, все это въ совокупности распространяло повсемѣстный страхъ и отчаяніе. Къ убѣжденію жителей въ неми-

---

[1]) «Высокостепенный, — писалъ Аббасъ-Мирза, — высокомѣстный, счастливый, великолѣпный, намъ вѣрно-усердный, князь великихъ князей, изящнѣйшій отъ грузинскихъ царей, Георгій, царь грузинскій! Отъ несчетныхъ и безпредѣльныхъ нашихъ милостей, сіяющихъ, какъ солнце, успокоивъ свое сердце и вознесясь, будьте извѣстны, что поелику нынѣ счастливѣйшее время, и я съ побѣдоносными войсками, по повелѣнію богоподобнаго монарха, могущественнѣйшаго государя, имѣющаго знаменемъ солнце и обладающаго всею вселенною, опредѣленъ для распоряженія Адербейджанской области и для приведенія въ дѣйствіе дѣлъ Ширвана и Дагестана, то взоръ душевныхъ очей моихъ, подобныхъ лучамъ солнца, расположенъ, чтобы служителей вѣчно-существующей имперіи Персидской наградить многими милостями, а отрекающихся велѣть попрать къ подножію храбрыхъ войскъ нашихъ...»

[2]) Изъ письма Коваленскаго гр. Ростопчину 4-го августа 1800 года, № 288. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

нуемой опасности отъ нападенія извнѣ надо прибавить страхъ междоусобія внутренняго, происходившаго отъ несогласія между царемъ и его братьями.

Подъ предсѣдательствомъ Коваленскаго учрежденъ былъ совѣтъ, долженствовавшій принять мѣры и составить соображенія о предполагаемой оборонѣ царства. Царевичъ Иванъ былъ назначенъ въ составъ этого совѣта.

Георгій мало надѣялся на собственныя средства страны, какъ въ боевомъ, такъ и финансовомъ отношеніи, и потому считалъ единственною и лучшею обороною своего царства постороннюю, внѣшнюю помощь Россіи [1]). Царь просилъ, въ подкрѣпленіе находившемуся въ Тифлисѣ егерскому Лазарева полку, прислать еще хотя незначительное число войскъ и тѣмъ подать поводъ къ разглашенію между сосѣдями о прибытіи русскихъ войскъ въ помощь царю грузинскому.

Коваленскій писалъ о томъ же Кноррингу и министерству, прося наставленій, что дѣлать. Георгій просилъ Кнорринга прислать войска въ Грузію, а Кноррингъ доносилъ о томъ Императору Павлу [2]).

«Здѣсь внутренній безпорядокъ, — писалъ Лазаревъ [3]), — все бунтуетъ, все изъ города бѣжитъ; но нынче наши караулы не пускаютъ».

По первымъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Петербургѣ о новой опасности Грузіи, послано тотчасъ же приказаніе Кноррингу [4]) приготовить къ походу въ Грузію по пяти эскадроновъ изъ драгунскихъ полковъ Пушкина и Обрѣзкова и преимущественно тѣхъ, которые расположены были въ центрѣ занимаемой ими линіи; назначить въ составъ отряда два пѣхотные полка изъ тѣхъ, которые расположены были на срединѣ Кавказской линіи; два сводные гренадерскіе баталіона и одинъ баталіонъ егерскаго Лихачева 1-го полка. Такимъ образомъ, отрядъ долженъ былъ состоять

---

[1]) Рапортъ Коваленскаго министерству 18-го іюня 1800 г., № 228. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Донесеніе Кнорринга Государю Императору 24-го іюня 1800 г. Тамъ же.

[3]) Изъ письма Лазарева Кноррингу 4-го августа 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[4]) Рескриптъ Кноррингу 10-го іюля 1800 г. Тамъ же.

изъ десяти эскадроновъ драгунъ и девяти баталіоновъ пѣхоты, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи, какъ полковой, такъ и батарейной, и съ положенною къ ней прислугою.

Съ полученіемъ свѣдѣній о томъ, что Грузія подвергнется дѣйствительной опасности отъ нападенія, Кноррингъ долженъ былъ принять самъ главное начальство надъ этимъ отрядомъ и предупредить злыя намѣренія Баба-хана.

Командующій кавказскою дивизіею самъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія о продовольствіи войскъ, какъ во время пути, такъ и во все время пребыванія въ Грузіи, не надѣясь на помощь и содѣйствіе грузинскаго царя. Кноррингъ долженъ былъ сообщить Георгію о намѣреніи Императора покровительствовать и защищать царя отъ всякихъ притязаній Баба-хана.

«Сей предварительный слухъ,—писалъ Императоръ Павелъ, [1])—о приготовленіяхъ нашихъ о защищеніи Грузіи заставитъ, можетъ быть, Баба-хана оставить свое предпріятіе, а царь грузинскій продолжалъ бы переговоры съ Аббасъ-Мирзою, дабы узнать, въ чемъ состоятъ настоящія ихъ требованія, потому что, коли Баба-ханъ не покоренія ихъ хочетъ, а только, чтобы помогали къ его войнѣ съ сосѣдями царя грузинскаго, то сіе можно будетъ согласить и безъ военныхъ дѣйствій съ нашей стороны».

Повелѣніе Императора получено было Кноррингомъ тогда, когда посланный Коваленскаго къ Баба-хану возвратился въ Тифлисъ.

Выѣхавъ изъ Тифлиса 16-го февраля, Мерабовъ 17-го апрѣля прибылъ въ Тегеранъ.

Здѣсь явился онъ къ мирзѣ-Реза-Кули-Назырю, довѣреннѣйшей особѣ при Баба-ханѣ, который, принявъ его благосклонно, приказалъ дать квартиру въ своемъ домѣ. Мирза спрашивалъ Мерабова, отъ кого и зачѣмъ онъ присланъ. Посланный вручилъ ему копію съ высочайшей грамоты, по прочтеніи которой мирза потребовалъ отъ него всѣ письма и бумаги и, распечатавъ ихъ, прочелъ, а потомъ понесъ Баба-хану.

Съ тѣхъ поръ Мерабовъ не видалъ уже болѣе мирзы. Въ ту же ночь онъ переведенъ былъ на задній дворъ, въ такую ком-

---

[1]) Кноррингу отъ 10-го іюля 1800 г., № 458. Арх. Глав. Штаба, книга № 19.

нату, изъ которой ничего не могъ видѣть и никого къ нему не допускали. Девять дней оставался онъ въ такомъ заключеніи.

На третій день заключенія, въ ту же комнату вошелъ персіянинъ съ грознымъ видомъ.

— Кто вы и зачѣмъ пришли? спросилъ Мерабовъ.

— Я шахскій палачъ, отвѣчалъ персіянинъ.—Мнѣ приказано здѣсь сидѣть.

Наканунѣ отъѣзда изъ Тегерана нашему посланному принесли письмо отъ Ибраимъ-хана къ Коваленскому и подарили 15 имперіаловъ.

Мерабовъ оставилъ Тегеранъ 27-го апрѣля. На другой день послѣ его отъѣзда Баба-ханъ выступилъ въ Хорасанъ съ 50,000 войска, въ которомъ было 20,000 отборной конницы; прочее же «состояло изъ сволочи, которую персіяне и сами не хвалили». Въ провіантѣ персидскія войска имѣли большой недостатокъ. Артиллерія ихъ состояла изъ 8-ми пушекъ, которыя успѣлъ взять въ Тифлисѣ Ага-Магометъ-ханъ при разореніи этого города. Изъ придворныхъ, которые окружали Баба-хана, онъ болѣе всего полагался на своихъ мазандеранскихъ каджаровъ; другимъ же, «какіе есть хорошіе люди», не довѣрялъ. Проводникъ, данный Мерабову ханомъ хойскимъ, выѣхалъ съ нимъ изъ Тегерана, хотя Мерабовъ, подозрѣвая его въ дурныхъ замыслахъ, просилъ не слѣдовать за нимъ.

Недовѣрчивость Мерабова вскорѣ оправдалась. Когда они кормили на дорогѣ катеровъ, то одинъ изъ нихъ ушелъ въ ручей и съ него свалились въ воду саквы. Мальчикъ выхватилъ ихъ изъ воды и, выжимая поклажу, вынулъ и бумаги, которыя Мерабовъ взялъ. Увидавъ между ними одну сомнительную, онъ просилъ другаго проводника прочесть ее. Оказалось, что это было особое повелѣніе Баба-хана—препроводить Мерабова къ хану хойскому, который долженъ былъ удержать его у себя, пока не получитъ дальнѣйшихъ приказаній отъ Сулеймана. Опасаясь продолжать путь черезъ Хой, Мерабовъ направился въ Гилянь и отдѣлался отъ проводника только тѣмъ, что подарилъ ему лошадь и 40 рублей денегъ. Проводникъ оставилъ его въ Рештѣ, а нашъ посланный поѣхалъ въ Энзели, куда и прибылъ 8-го мая. Отсюда че-

резъ Баку, Шемаху, Нуху и Ганжу онъ достигъ до Грузіи въ половинѣ іюля мѣсяца.

Мерабовъ привезъ отъ визиря Ибраима письмо, въ которомъ тотъ высказывалъ мнѣніе шаха относительно вступленія въ Грузію русскихъ войскъ.

«Дѣло сіе сверхъ чаянія! писалъ Ибраимъ [1]). — Какъ свѣтъ солнца изливается на землю, такъ равномѣрно всѣмъ извѣстна истина, что съ самаго того времени, какъ весь земной шаръ раздѣлился на четыре части, Грузія, Кахетія и Тифлисъ заключались въ Иранскомъ государствѣ. Жители оныхъ во времена прежде бывшихъ персидскихъ шаховъ всегда принадлежали службою и повиновеніемъ указамъ оныхъ, а во владѣніи россійскомъ никогда не были, кромѣ того случая, когда царь Ираклій, современникъ блаженныя памяти самодержавнаго государя Ага-Магометъ-хана, вздумалъ, отторгнувшись отъ власти всегдашнихъ владѣтелей своихъ, идти непріятельскою противъ персіянъ стезею. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, какое получилъ онъ за поступокъ сей воздаяніе, подпавъ великому несчастію и жестокому гнѣву государеву, когда иныхъ изрубили, другихъ въ плѣнъ увлекли, а иныхъ разорили до основанія. Здѣсь всякому извѣстно, что всероссійскій монархъ высокими талантами мудрости и миролюбія ознаменовалъ начало своего царствованія передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но желаніе его величества уничтожить запечатлѣнныя вѣками права и преимущества съ установленными народными узаконеніями несогласно и далеко отъ сохраненія государству чести и достоинства.

«Условія царя Ираклія какой достовѣрности достойны? Его рукописаніе какое имѣетъ уваженіе? Напримѣръ, если бы одинъ изъ народовъ, находящихся въ Россіи, предался произвольно персидскому владѣтелю, учинилъ съ нимъ трактатъ и другія условія, то имѣютъ ли силу таковыя сдѣлки? Онъ подъ персидское владѣніе никакъ причислиться не можетъ. Положимъ, что во время царя Ираклія не было въ Персіи верховнаго обладателя и во время сихъ, такъ сказать, двухъ дней царь тотъ прибѣгнулъ, для со-

[1]) Переводъ письма визиря, представленный при рапортѣ Мерабова Коваленскому 27-го іюля 1800 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

храненія живота своего, подъ покровительство великаго самодержца всероссійскаго, то по этой ли причинѣ Тифлисъ отъ власти персидской отсѣченъ и причисленъ къ россійскимъ владѣніямъ? Быть не можетъ!

«Нынѣ, благодареніе Богу, власть персидскаго престола въ полномъ утвержденіи, ибо всѣ ханы, владѣтели и полководцы преклонили передъ нимъ (Баба-ханомъ) свои выи, а владѣнія непокорныхъ разорены силою войскъ его величества, такъ что день ото дня владычество его распространяется, и того не предусматривается, чтобы черезъ тысячи лѣтъ принадлежавшее владѣніе отдать другому».

Въ заключеніе Ибраимъ говорилъ, что необходимо постановить, чтобы границы между Россіею и Персіею оставались ненарушимы, чтобы соблюдались установленные законы и прежнія права и преимущества, въ избѣжаніе вражды, напраснаго пролитія крови и разоренія народовъ, словомъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ.

Первый визирь искалъ дружбы и согласія, а персидское войско, числомъ отъ 7,000 до 10,000, подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы и Сулеймана, перешло на лѣвый берегъ Аракса, и передовой отрядъ его держалъ въ блокадѣ Эривань. Простоявъ мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ, Аббасъ-Мирза, по первымъ извѣстіямъ о томъ, что Россія намѣрена защищать Грузію и готовитъ къ отправленію туда новыя войска, перешелъ обратно на правый берегъ Аракса. Туда же отозванъ былъ и блокадный корпусъ отъ Эривани.

Отсюда Сулейманъ и Аббасъ-Мирза разослали фирманы въ Адербейджанъ, Хою и прочія области съ приказаніемъ собирать новыя войска для совокупнаго дѣйствія противъ Грузіи.

«Всей сей сволочи,—писалъ Лазаревъ Кноррингу [1]),—бояться нечего, но чистосердечно признаюсь, что руки устанутъ ихъ бить, а на грузинъ надѣяться нечего: у нихъ на 10 человѣкъ два ружья, а прочіе вооружены кизиловыми обожженными палками; да и къ тому же присовокупить должно, что здѣсь внутренній безпорядокъ. Армяне, на которыхъ такую твердую надежду полагаютъ, для меня весьма подозрительны».

---

[1]) Въ письмѣ отъ 4-го августа. Акты Кавк. Археогр. Комм.

Кноррингъ, имѣя повелѣніе Императора двинуться въ Грузію, сообщилъ о томъ Коваленскому, который, не видя необходимости въ столь сильномъ подкрѣпленіи, отвѣчалъ [1]), что вторженіе персіянъ не такъ опасно и слишкомъ преувеличено.

Царю же Георгію Кноррингъ писалъ, чтобы тотъ продолжалъ переговоры съ Аббасъ-Мирзою и старался узнать отъ него настоящія требованія персіянъ.

«Баба-хана и сына его Аббасъ-Мирзы требованіе, — писалъ царь Георгій Кноррингу, — заключается въ томъ, чтобы послать къ нимъ старшаго сына моего Давида; потомъ будутъ требовать Іоанна, потомъ Баграта, потомъ Теймураза и наконецъ насъ самихъ.

«Требуютъ они, чтобы мы отдали имъ наше владѣніе, дабы поступали съ нами и разоряли бы землю нашу такъ, как и прежде.

«Ихъ желаніе состоитъ въ томъ, чтобы мы отступились отъ покровительства его императорскаго величества и находились бы въ ихъ подданствѣ и рабствѣ.

«Но мы отнюдь, сколько бы насъ ни принуждали, сколько бы насъ ни мучили, надѣясь на Божіе милосердіе и на покровительство и вспомоществованіе его императорскаго величества, не отдадимся въ рабство персіянъ.

«Пишете вы, что, можетъ быть, требуютъ они отъ насъ помощи противъ противныхъ имъ народовъ, которые намъ сосѣдственны; но они не требуютъ сего. Намъ объявлено точно отъ Баба-хана и сына его Аббасъ-Мирзы, что они стараются завладѣть Грузіею и повергнуть ее въ рабство. Кромѣ сего имъ никакое вспомоществованіе наше не нужно» [2]).

Учрежденный Георгіемъ, подъ предсѣдательствомъ Коваленскаго, комитетъ по устройству обороны Тифлиса продолжалъ, между тѣмъ, свои занятія. Коваленскій писалъ убѣдительныя письма къ сосѣд-

[1]) Письма Коваленскаго Кноррингу 3-го августа и гр. Ростопчину 4-го августа 1800 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Письмо Георгія Кноррингу 6-го августа 1800 г. Тифлис. Арх. Канц. Намѣстника.

*

нимъ владѣтелямъ и просилъ ихъ удержаться отъ явнаго соучастія съ врагами Грузіи.

Все войско, какое было въ городѣ, поручено было распоряженію нашего министра и царевича Іоанна. Большая часть поселянъ собрана была въ городъ и составила его гарнизонъ. Кахетинцы считались лучшимъ войскомъ въ Грузіи. Городъ укрѣпили, вырыли большой ровъ, «который по крутымъ берегамъ больше могъ называться шанцами, чѣмъ защитою города».

Лазаревъ не видѣлъ никакого успѣха и надобности въ такихъ работахъ. По его мнѣнію, лучшею и единственною защитою Грузіи была новая присылка войскъ, необходимыхъ какъ для обузданія противниковъ царскихъ, такъ и для «содержанія непріятелей его въ уздѣ».

Гористая и пересѣченная мѣстность Грузіи, наполненная вообще разнаго рода препятствіями, была причиною, что Лазаревъ полагалъ присылку драгунъ, назначенныхъ императоромъ Павломъ, лишнею и напрасною. Онъ находилъ лучшимъ замѣнить ихъ казаками и прислать въ Грузію одинъ егерскій полкъ и три или четыре баталіона линейной пѣхоты съ артиллеріею. Коваленскій находилъ достаточнымъ прислать только одинъ егерскій полкъ.

«Министръ (Коваленскій), я слышу, пишетъ вамъ,—доносилъ Лазаревъ Кноррингу, — что довольно еще одного егерскаго полка; но въ семъ есть его предметъ, чтобы вы сюда не пріѣхали. Сего ему очень не хочется, а я, напротивъ, желаю вашего пріѣзда...»

Коваленскій хлопоталъ, чтобы на случай движенія нашихъ войскъ въ Грузію были исправлены мосты, дороги и заготовлены провіантъ и фуражъ какъ для путеваго довольствія войскъ, такъ и для продовольствія ихъ на мѣстѣ. Въ Тифлисѣ устроенъ былъ главный, а въ городѣ Гори въ Карталиніи и въ городѣ Сигнахѣ, въ Кахетіи, второстепенные магазины [1]).

Хотя магазины и были устроены, но хлѣба въ нихъ все-таки не было. Царь Георгій приказалъ пополнить хлѣбомъ сначала тифлисскій магазинъ, а потомъ остальные два, въ Сигнахѣ и Гори.

---

[1]) Письмо Коваленскаго Кноррингу 3-го августа 1800 г. Московскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Тифлисскій магазинъ могъ, по своему объему, вмѣстить муки до 300,000 и пшеницы до 3,000 пудовъ. За недостаткомъ дѣйствующихъ мельницъ, хлѣбъ собирался и хранился въ зернѣ. Изъ этого же магазина производилась выдача грузинскимъ войскамъ и лезгинамъ, находившимся на жалованьѣ царя Георгія. Магазины въ Сигнахѣ и въ Гори стояли пустые. Посланные въ іюлѣ мѣсяцѣ за сборомъ провіанта въ Кахетію и Карталинію до конца августа не доставили въ Тифлисъ ни одного зерна. Успѣха не предвидѣлось и на будущее время, такъ что Лазаревъ для своего полка долженъ былъ скупать хлѣбъ на рынкѣ и запасать его, не надѣясь получить изъ магазиновъ [1]). Трудно было при такихъ условіяхъ разсчитывать на то, чтобы Грузія могла свободно прокормить еще тысячу человѣкъ русскаго войска.

Хлѣбопашество въ Грузіи хотя и было развито, хотя хлѣба у поселянъ въ это время и было достаточно, но вообще они неохотно везли какія бы то ни было сельскія произведенія на рынокъ, зная, что нерѣдко грузинское правительство отбирало у нихъ продукты силою. «Часто хозяинъ, привезши что-нибудь въ городъ, на базаръ, для продажи, принужденъ бываетъ, оставя нагруженную товаромъ собственную арбу свою въ добычу требующихъ яко бы на имя царское, угонять домой лишь бѣдную свою скотину, съ пустыми руками [2])». Фуражъ для лошадей совсѣмъ не заготовлялся, и ни на какіе его запасы разсчитывать было нечего.

Основываясь на такихъ данныхъ, Лазаревъ просилъ Кнорринга, чтобы онъ предупредилъ его заранѣе о движеніи нашихъ войскъ въ Грузію, а то, — писалъ онъ,—«можете быть безъ провіанта, фуража, дровъ и квартиръ...» Лазаревъ совѣтовалъ, на трудный переходъ черезъ горы, запастись хомутами, «да мѣдными деньгами, кои здѣсь все равно ходятъ, что и серебро».

Среди такихъ приготовленій, въ началѣ августа, грузины были опять встревожены ложными слухами, что персіяне намѣрены сдѣлать нападеніе, по убѣжденію царевича Александра, находившагося въ лагерѣ Аббасъ-Мирзы. Перехваченныя письма царевича, по-ви-

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 20-го августа 1800 г., № 49.

[2]) Рапортъ Лазарева 25-го августа 1800 г.

димому, подтверждали справедливость слуховъ [1]). Въ числѣ захваченныхъ бумагъ былъ фирманъ Аббасъ-Мирзы, который хвалилъ грузинъ, преданныхъ Александру, и увѣрялъ, что идетъ съ войскомъ для возведенія его на грузинскій престолъ.

На самомъ дѣлѣ источникомъ и началомъ слуховъ были очень незначительныя обстоятельства. По слѣдствію, произведенному Коваленскимъ вмѣстѣ съ царевичемъ Іоанномъ Георгіевичемъ, оказалось, что въ числѣ перехваченныхъ бумагъ были два письма царевича Александра: одно къ армянскому мелику Абову, а другое къ грузинскому князю Тахмаспу Орбеліани.

Послѣ разоренія Карабага Агою-Магометъ-ханомъ, тамошніе армянскіе мелики искали себѣ безопаснаго убѣжища. Двое изъ нихъ переселились съ подвластными имъ народами въ Грузію и искали подданства Россіи. Вскорѣ послѣ того къ нимъ присоединились еще два мелика. Въ числѣ ихъ былъ и меликъ Абовъ, который, по прибытіи Коваленскаго въ Тифлисъ, содержался въ заключеніи по одному подозрѣнію. По ходатайству нашего министра, Абовъ былъ освобожденъ и отправленъ Коваленскимъ на границу Персіи, для охраненія границы и доставленія всякаго рода свѣдѣній.

Одинъ изъ сильнѣйшихъ меликовъ карабагскихъ, Абовъ былъ человѣкъ рѣдкой отважности, славившійся предпріимчивостію, воинными дарованіями, храбростію и единодушіемъ его подданныхъ, которые могли составить изъ себя 1,000 человѣкъ самыхъ лучшихъ по тѣмъ краямъ воиновъ. Своею передачею непріятелю Абовъ могъ, конечно, много озаботить Коваленскаго и всю Грузію. Поэтому первыя извѣстія о томъ, что царевичъ Александръ находится съ нимъ въ перепискѣ, крайне безпокоили и народъ, и самого царя Грузіи.

Съ другой стороны являлось сомнѣніе, чтобы это была правда. Меликъ Абовъ, при тогдашнихъ безпорядкахъ въ Грузіи, когда прочіе пограничные начальники произвольно удалялись со своихъ постовъ, одинъ оставался охранителемъ границъ Грузіи. Онъ много способствовалъ сохраненію спокойствія, прекращенію волненій и безначалія и всегда сообщалъ какъ Коваленскому, такъ и прави-

---

[1]) Коваленскій Кноррингу отъ 16-го августа 1800 г.

тельству грузинскому самыя вѣрныя свѣдѣнія о персіянахъ и ихъ замыслахъ.

Можно ли было думать, чтобы подобный человѣкъ могъ снизойти на степень измѣны и стать соучастникомъ въ намѣреніяхъ царевичей? Двуличное поведеніе, проявляющееся весьма часто во многихъ азіятскихъ уроженцахъ, заставляло подозрѣвать и Абова въ неискренности его поведенія.

Коваленскій потребовалъ его къ себѣ. Абовъ, не смотря на свою болѣзнь, пріѣхалъ въ Тифлисъ по первому требованію, чтобы оправдать себя отъ ложныхъ обвиненій, на него взводимыхъ. Два человѣка, отъ которыхъ отобраны были бумаги, приведены и поставлены на очную ставку съ Абовымъ и разсказами своими оправдали совершенно уважаемаго всѣми мелика, своего господина. Дѣло было такъ:

По приказанію Георгія и наставленію Коваленскаго, посланы были Абовымъ два человѣка въ персидскій лагерь. Тамъ они были узнаны, и одинъ изъ нихъ, боясь за свою жизнь, объявилъ, что присланъ Абовымъ къ царевичу Александру для переговоровъ и словеснаго соглашенія о мѣрахъ противъ царя Георгія. Ихъ тотчасъ же препроводили къ царевичу, въ главную квартиру персидскихъ войскъ. Александръ принялъ ихъ благосклонно, одарилъ и содержалъ весьма хорошо. Проживъ въ персидскомъ лагерѣ семнадцать дней, посланные отправлены были обратно съ фирманами и письмами въ Грузію. Въ Памбакской провинціи они были схвачены управляющимъ этою провинціею, повѣреннымъ князя Георгія Ципціанова, издавна враждебнаго мелику Абову. Пойманные объявили тогда же, что они были посланы въ персидскій лагерь по приказанію царя Георгія; но ихъ все-таки остановили, ограбили, заключили въ тюрьму, а отобранныя бумаги со своими коментаріями отправили въ Тифлисъ. Разнесшееся по городу извѣстіе о томъ, что Абовъ въ перепискѣ съ царевичемъ Александромъ, пугало многихъ и поселяло страхъ между жителями, пока дѣло не разъяснилось окончательно. Оказалось, что опасность была не такъ велика, какъ предполагали, и всѣ успокоились, тѣмъ болѣе что посланные привезли самое невыгодное свѣдѣніе о полчищахъ Аббасъ-Мирзы и Сулеймана.

Число отступившаго за Араксъ персидскаго войска доходило до 12,000 человѣкъ, весьма плохо вооруженныхъ, такъ что у многихъ одна дубина составляла все оружіе. Во всемъ отрядѣ было четыре фальконета на верблюдахъ. Войска вовсе не имѣли провіанта, а довольствовались хлѣбомъ, найденнымъ въ деревняхъ Эриванскаго ханства, жители котораго всѣ разбѣжались. Воины Аббасъ-Мирзы и Сулеймана, овладѣвъ оставленными полями, сами обработывали ихъ и сѣяли хлѣбъ.

Трудно было съ такими войсками идти въ Грузію и разсчитывать на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій ихъ, Аббасъ-Мирза, имѣлъ только двѣнадцать лѣтъ отъ роду, а дядька его Сулейманъ, по выраженію Лазарева, былъ «пьяница и весьма недовольный Баба-ханомъ, ибо онъ его прошлый годъ держалъ подъ карауломъ». Царевичъ Александръ хотя и подстрекалъ Сулеймана, разсчитывая на помощь отъ сосѣдей, но персидскій начальникъ думалъ только о томъ, какъ бы отступить и ближе подвинуться къ Тавризу, къ чему и дѣлалъ всѣ приготовленія.

Хотя и утѣшительны были свѣдѣнія изъ лагеря персидскаго, но неутѣшительно было внутреннее положеніе Грузіи.

Вдовствующая царица Дарья и ея сыновья искали покровительства персіянъ, и бѣгство царевича Александра было шагомъ къ достиженію такой цѣли. Царь Георгій, по слабости своего здоровья, рѣдко показываясь народу и окруженный людьми, искавшими своего счастія и обогащенія въ народномъ разстройствѣ и разореніи, все болѣе и болѣе возбуждалъ къ себѣ народное неудовльствіе.

Братья царя, жившіе въ своихъ удѣлахъ, «томясь неприличною жадностію къ самоначалію», собирали себѣ партію недовольныхъ правительствомъ, направляли ихъ къ мятежу, буйству и безпорядку, «въ намѣреніи успѣть въ злыхъ замыслахъ своихъ. Не видя же никакихъ препонъ къ тому со стороны тѣхъ, коихъ единственно они устрашиться должны, устремляются и къ самому предпріятію. Таковыя обстоятельства дали впослѣдствіи поводъ вдовствующей царицѣ Дарьѣ не въ мѣру обижаться отобраніемъ отъ нея владѣній, доселѣ у нея состоявшихъ, а по силѣ здѣшнихъ правъ нынѣшней царицѣ, супругѣ царской, принадлежать имѣю-

щихъ, и сдѣлать поползновеніе къ хитрымъ проискамъ у Бабахана» [1]).

Царевичъ Александръ успѣлъ получить отъ Баба-хана фирманъ въ «напласкательнѣйшихъ выраженіяхъ». Одобряя его поступокъ, властитель Персіи обѣщалъ ему помощь, поддержку и защиту мнимыхъ его правъ на грузинскій престолъ [2]). Баба-ханъ наградилъ царевича ханскимъ достоинствомъ, прислалъ въ подарокъ богатую шубу, планъ приступа и штурма Тифлиса съ двухъ сторонъ, при содѣйствіи Омаръ-хана аварскаго, находившагося въ Бѣлоканахъ, лезгинскомъ селеніи, ближайшемъ къ границамъ Грузіи. По составленному плану предполагалось дѣйствовать съ трехъ сторонъ: имеретины съ войсками ахалцыхскаго паши должны были напасть на Карталинію, Омаръ-ханъ аварскій—на Кахетію, а царевичъ Александръ, съ отрядомъ персидскихъ войскъ, на казаховъ и татаръ, самыя лучшія провинціи царскія. Въ случаѣ успѣха, всѣ эти отряды должны были слѣдовать къ Тифлису.

«Я увѣренъ, — писалъ Лазаревъ [3]), — что сей планъ будетъ существовать только на бумагѣ, но, зная трусость здѣшняго народа, также увѣренъ, что если малая партія непріятельская покажется, то они оставятъ свои дома и уйдутъ въ ущелья, чѣмъ ободрить могутъ столь нахальнаго, но ничего незначащаго непріятеля».

Царица Дарья, сыновья ея царевичи Вахтангъ и Миріанъ получили отъ Александра письма, въ которыхъ тотъ, упрашивая ихъ потерпѣть немного, утѣшалъ, что скоро избавитъ ихъ отъ обидъ, причиняемыхъ царемъ Георгіемъ.

Всѣ эти причины заставляли царя Грузіи просить о присылкѣ ему еще 6,000 русскаго войска, на всегдашнее пребываніе въ Грузіи [4]).

«Весьма намъ нужно получить 6,000 регулярнаго войска,— писалъ царь,—такъ что иначе нельзя обойтись, а содержаніе ихъ

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 25-го августа 1800 г., № 14. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Донесеніе его же 31-го августа 1800 г. Тамъ же.

[3]) Кноррингу 8-го сентября 1800 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 150.

[4]) Письма Георгія Кноррингу 29-го и 31-го августа.

для насъ никакъ незатруднительно... Если жь таковая просьба наша не будетъ исполнена, то не будетъ воспрепятствовано намѣреніямъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ нашихъ непріятелей».

Георгій думалъ обезпечивать свои владѣнія одними русскими войсками и не содержать вовсе своихъ. Кноррингъ просилъ Лазарева внушить царю, что если русскія войска и будутъ присланы въ Грузію, то временно, для отраженія ея враговъ; но что царю слѣдуетъ позаботиться о сформированіи своихъ войскъ, которыхъ Грузія можетъ легко набрать и содержать до 5,000 человѣкъ [1]).

Кноррингъ писалъ Георгію, что получилъ приказаніе Императора слѣдовать съ отрядомъ въ Грузію только тогда, когда узнаетъ о дѣйствительной ея опасности; но теперь, когда онъ узналъ, что войска, подъ командою Аббасъ-Мирзы, удалились уже за Араксъ, то считаетъ достаточнымъ отправленіе въ Грузію 3,000 пѣхоты.

«Вы увѣдомляете насъ,—писалъ на это Георгій [2])—якобы довольно для насъ 3,000 войскъ, поелику нѣтъ никакого нападенія непріятельскаго. Непріятели внѣ насъ суть многочислены, да и внутренніе, условясь съ ними, всегда готовы сколько могутъ къ нашему разоренію. Посему и просимъ число войскъ пополнить 6,000.»

Такимъ образомъ, Георгій, Лазаревъ и Коваленскій, всѣ трое единогласно признавали необходимымъ отправленіе новыхъ войскъ въ Тифлисъ.

Присылка войскъ необходима была скорая. Персіяне всѣ свои вторженія производили по большей части въ промежутокъ времени отъ іюня до сентября, тогда какъ это же время считалось самымъ неудобнымъ для перехода войскъ съ Кавказской линіи въ Грузію. Нужно было прислать войска заранѣе, не ожидая извѣстій о дѣйствительномъ вторженіи непріятеля.

Въ августѣ 1800 г. назначенъ къ отправленію съ Кавказской линіи въ Грузію одинъ полкъ генералъ-маіора Гулякова, съ

---

[1]) Предписаніе Лазареву 9-го сентября 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника. Письмо Кнорринга Георгію 31-го августа. Тамъ же.

[2]) Письмо Георгія Кноррингу 8-го сентября, № 17. Тамъ же.

сотнею казаковъ и съ принадлежащею ему артиллеріею. Снабдивъ полкъ всѣмъ необходимымъ до Ларса, Кноррингъ просилъ Лазарева [1]) позаботиться о дальнѣйшемъ его обезпеченіи и писалъ Георгію [2]), что съ остальными войсками самъ послѣдуетъ, когда позволитъ время и потребуютъ того обстоятельства.

Лазаревъ отправилъ десятидневный провіантъ на встрѣчу полку и торопился заготовить для него продовольствіе въ Ларсѣ, Казбекѣ, Кайшаурѣ, Ананурѣ и Душетѣ [3]).

25-го августа полкъ генералъ-маіора Гулякова выступилъ изъ Моздока въ Грузію [4]), а 23-го сентября прибылъ въ Тифлисъ [5]).

Не смотря на болѣзнь, Георгій хотѣлъ лично встрѣтить отрядъ генералъ-маіора Гулякова.

На разсвѣтѣ 23-го сентября царь выѣхалъ въ линейкѣ на встрѣчу полка. Его сопровождала супруга, царица Марія, которую, по грузинскому обычаю, несли въ «*портшезъ*»; наслѣдникъ, царевичъ Давидъ, прочіе царевичи, вельможи, придворные чиновники и простой народъ, толпою шедшій за городъ. Здѣсь же находился и персидскій посланный, привезшій Георгію фирманъ Баба-хана и письмо отъ сына его Аббасъ-Мирзы.

За три версты отъ города разбиты были двѣ царскія палатки: одна для царя Георгія, другая для царицы Маріи. Восходящее солнце освѣтило живописную группу и массу народа, ожидавшаго прибытія полка. Вдали показался нашъ отрядъ. Георгій со свитою отправился ему на встрѣчу. Въ палаткѣ осталась одна царица Марія, издали смотрѣвшая на проходившія войска.

Приближеніе Георгія заставило Гулякова остановить отрядъ, и войска отдали честь царю, на защиту котораго они слѣдовали въ Тифлисъ. Съ тифлисской крѣпости начался салютъ, а по всему городу колокольный звонъ. Отрядъ двинулся въ городъ. Народъ

---

[1]) Предписаніе Лазареву 14-го августа 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

[2]) Письмо Кнорринга Георгію 14-го августа 1800 г. Тамъ же.

[3]) Рапортъ Лазарева 20-го августа, № 50. Тамъ же.

[4]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 24-го августа 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[5]) Рапортъ Гулякова Государю Императору 23-го сентября. Моск. Арх. Инсп. Департамента.

съ радостнымъ восклицаніемъ окружилъ наши войска и провожалъ до самой городской площади [1]).

Тѣснота улицъ заставила нарушить стройное движеніе и порядокъ. Оставивъ знамя въ домѣ, отведенномъ Гулякову, войска были распущены по квартирамъ, назначеннымъ частію въ городѣ, а частію въ Авлабарскомъ предмѣстьѣ.

Георгій не могъ слѣдовать съ полкомъ: онъ остался въ подгородной деревнѣ Куки до тѣхъ поръ, пока не прекратился сильный и пронзительный вѣтеръ.

На другой день генералъ-маіоръ Гуляковъ и всѣ офицеры представлялись царю, вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и «тогда горожане предались совершенному веселью».—«Здѣшній гостиный дворъ,—доносилъ Лазаревъ,—былъ уже не мѣстомъ торжища, но восхитительною картиною шума празднующихъ и ликовъ веселящихся, въ чемъ участвовали какъ царская фамилія, такъ и всѣ знатнѣйшіе чины царства, отъ малаго до стараго».

Хлопотавшій о присылкѣ 6,000 русскаго войска, царь Георгій съ приходомъ одного полка совершенно успокоился.

Какъ человѣкъ, «удрученный всегда страхомъ, иногда неосновательнымъ», въ отношеніи внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, Георгій предавался часто унынію и даже отчаянію. Въ такихъ-то обстоятельствахъ онъ хватался за то, «что первымъ къ спасенію его попадалось, и потому доселѣ требовалъ неотступно того числа войскъ, въ коихъ полагалъ необходимую нужду. Нынѣ, съ возстановленіемъ силъ здоровья своего, остается спокойнымъ» [2]).

Успокоился Георгій, но не успокоивались его братья и родственники. Болѣзненное состояніе Георгія возбуждало въ его братьяхъ опасеніе, что послѣ смерти царя сынъ его Давидъ овладѣетъ престоломъ, не имѣя на то права по завѣщанію Ираклія.

Прибытіе новыхъ войскъ въ Грузію увеличивало силы и средства Георгія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устрашало его братьевъ.

«Когда онъ (царь Грузіи), въ надеждѣ на малое число вой-

---

[1]) Изъ рапорта Лазарева Кноррингу 25-го сентября 1800 г., № 24. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 25-го сентября 1800 года, № 25. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

ска, толикія причинилъ намъ обиды,—писалъ царевичъ Вахтангъ Кноррингу [1]),—то теперь, когда получилъ присовокупленіе къ нимъ для своего покровительства, не больше ли намъ должно ожидать отъ него притѣсненій?»

Царевичъ укорялъ Георгія въ томъ, что онъ просилъ присылки войска не для спокойствія страны и народа, а для собственнаго, личнаго покровительства и для того, чтобы подъ его охраною дѣлать болѣе несправедливостей и притѣсненій братьямъ.

Всѣ братья царя боялись, чтобы русское войско, въ случаѣ смерти Георгія, не провозгласило царемъ Грузіи царевича Давида, какъ признаннаго уже наслѣдникомъ.

Въ проѣздъ чрезъ Душетъ графа Мусина-Пушкина, бывшаго въ Грузіи для изысканія тамошнихъ рудъ, царевичъ Вахтангъ изъявилъ желаніе поговорить съ нимъ наединѣ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ принялъ предложеніе и услыхалъ отъ царевича жалобу на притѣсненія, дѣлаемыя Георгіемъ ему и семейству его, а особенно царицѣ Дарьѣ [2]).

— Будучи не что иное, какъ путешественникъ, однимъ любопытствомъ въ Грузію привлеченный,—отвѣчалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ,—я не смѣю ничего сказать о дѣлахъ, мнѣ непорученныхъ. Совѣтую вамъ объясниться во всемъ мнѣ сказанномъ передъ Императоромъ.

Вахтангъ воспользовался такимъ совѣтомъ и просилъ сначала графа Мусина-Пушкина доставить письмо Императору Павлу; но когда тотъ отказался, тогда царевичи, согласившись между собою, отправили отъ имени всѣхъ письмо въ Петербургъ.

Они обращались съ просьбою къ нашему правительству, прося защитить ихъ права, и ссылались на то, что весь народъ грузинскій желаетъ, чтобы престолъ переходилъ, по завѣщанію Ираклія, поочередно къ братьямъ, по старшинству рода [3]). Видя несогласія и раздоры царевичей и боясь остаться въ неопредѣленномъ

---

[1]) Письмо царевича Вахтанга Кноррингу 22-го сентября 1800 года. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Изъ донесенія графа Мусина-Пушкина. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по деп. общ. дѣлъ. Дѣла Грузіи. Кн. I.

[3]) Письмо царевичей Государю Императора 7-го октября 1800 года. Тамъ же.

положеніи въ случаѣ кончины царя, Кноррингъ спрашивалъ Императора Павла I, какъ поступать и что дѣлать въ этомъ случаѣ войскамъ, находящимся въ Тифлисѣ [1]).

Въ отвѣтъ онъ получилъ приказаніе сообщить Лазареву, чтобы войска наши, при первомъ началѣ открытой вражды между братьями, тотчасъ же оставили Тифлисъ и слѣдовали на Кавказскую линію [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, предвидя вражду въ царскомъ семействѣ и недоразумѣнія, существовавшія между царемъ Георгіемъ и министромъ Коваленскимъ, наше правительство признало необходимымъ отозвать Коваленскаго изъ Тифлиса.

«Не находя надобности,—писалъ Императоръ Павелъ [3]),—имѣть въ Грузіи министра нашего, повелѣваемъ отозвать статскаго совѣтника Коваленскаго съ чиновниками, при немъ находящимися. А дѣла по коммерціи въ томъ краю подданныхъ нашихъ, поручить генеральному консулу нашему въ Персіи надворному совѣтнику Скибиневскому. Царь Грузіи во всѣхъ дѣлахъ, между имъ и дворомъ нашимъ встрѣчающихся, станетъ впредь сноситься съ главнымъ начальникомъ войскъ нашихъ на Кавказской линіи или съ командиромъ тѣхъ, кои находятся во владѣніяхъ его высочества.»

Сдавъ текущія дѣла генералъ-маіору Лазареву, а всѣ инструкціи, указы и деньги Кноррингу, Коваленскій оставилъ Грузію [4]). Бывшій министръ находилъ отозваніе свое лучшимъ въ его критическомъ положеніи.

Оставляя страну, онъ доносилъ однако, что въ Грузію необходимо послать еще войска «для утвержденія внѣшнихъ сношеній, которыя учредятся дѣятельнѣе, когда будутъ войска, нежели при одной политикѣ, тамъ, гдѣ оная безъ штыка въ рукахъ нимало не уважаема» [5]).

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 7-го октября 1800 года. Тифл. Арх. Главн. Шт. Кавк. Арміи.

[2]) Рескриптъ Кноррингу 29-го октября. С.-Петербургскій Арх. Инспект. Деп. Книга повелѣній, № 19.

[3]) Въ указѣ коллегіи иностран. дѣлъ 11-го іюля 1800 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1800—1805 гг., № 1.

[4]) Грамата Георгію 3-го августа 1800 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Рескриптъ Коваленскому 3-го августа. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[5]) Письмо Коваленскаго Лошкареву 21-го августа 1800 года. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

XIV.

Вторженіе въ Грузію Омаръ-хана аварскаго.—Бой Лазарева съ лезгинами на берегу рѣки Іоры, у деревни Кагабетъ, и прогнаніе непріятеля.

Успокоившаяся относительно вторженія персіянъ, Грузія была угрожаема новымъ врагомъ, появившимся на границахъ царства.

Омаръ-ханъ аварскій, человѣкъ предпріимчивый, отважный и храбрый, умѣлъ воспользоваться каждымъ обстоятельствомъ въ свою пользу и тѣмъ пріобрѣлъ большое значеніе у сосѣдей. Собственныя его владѣнія были незначительны, но значительно было то вліяніе, которымъ онъ пользовался между народами, у которыхъ хищничество было единственною цѣлію и занятіемъ. Омаръ-ханъ являлся между этими народами, какъ бы повелителемъ Дагестана. При малѣйшемъ движеніи и предпріятіи Омара, весь сбродъ горскихъ хищниковъ, слѣпо къ нему привязанныхъ, становился въ ряды его ополченія. Отъ этого участь многихъ мелкихъ владѣльцевъ зависѣла отъ Омаръ-хана, дѣлавшаго частыя вторженія въ Грузію и служившаго тому изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ, который больше платилъ [1]).

Собираясь вторгнуться въ Грузію и скрывая свои намѣренія, Омаръ-ханъ искалъ покровительства Россіи и, приготовляясь уже къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, отправилъ своего посланнаго къ Кноррингу для переговоровъ о покровительствѣ.

Генералъ Кноррингъ просилъ дозволенія объ отправленіи посла въ С.-Петербургъ [2]), причемъ писалъ, что царь Георгій платитъ ежегодно Омаръ-хану аварскому 5,000 рублей въ видѣ дани и съ единственною цѣлію избавиться отъ его вторженій.

Рескриптомъ отъ 26-го августа 1800 года было разрѣшено отправить аварскаго посла въ С.-Петербургъ [3]); но прежде чѣмъ

---

[1]) Изъ описанія Грузіи Коваленскаго. См. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 122.

[2]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 3-го августа 1800 г. Моск. Арх. Инсп. Деп.

[3]) Рескриптъ Кноррингу 26-го августа. С.-Петербургскій Арх. Инсп. Деп. Книга № 19.

разрѣшеніе это достигло до Кавказа, Грузія ожидала уже вторженія къ себѣ хана.

Въ концѣ августа получено было извѣстіе, что Омаръ, соединившись съ ханомъ казикумухскимъ и съ кадіями акушинскимъ и андійскимъ, подошелъ къ селенію Бѣлоканамъ, лежавшимъ на границѣ Грузіи [1]). Георгій просилъ Лазарева двинуться съ двумя баталіонами въ Кахетію и спрашивалъ, что̀ ему дѣлать? Лазаревъ не придавалъ особаго значенія этому движенію и полагалъ, что Омаръ-ханъ не зналъ еще объ отступленіи Аббасъ-Мирзы и прибытіи русскихъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, онъ предлагалъ царю Георгію находящихся въ Тифлисѣ кизикскихъ и близлежащихъ селеній жителей отпустить въ ихъ дома для защиты границы въ случаѣ нападенія Омаръ-хана, а главное для того, чтобы они не истребляли понапрасну провіанта, заготовленнаго для русскихъ войскъ и притомъ не служили поводомъ къ развитію эпидеміи, такъ какъ между ними появился поносъ весьма прилипчивый и опасный. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Лазаревъ совѣтовалъ царю отправить противъ лезгинъ свои кахетинскія войска въ числѣ 2,000 человѣкъ, и сообщилъ, что два баталіона, вмѣстѣ съ принадлежащею имъ артиллеріею, идутъ на подкрѣпленіе грузинскихъ войскъ, которыя, по свѣдѣніямъ, собирались у рѣки Алазани. Лазаревъ просилъ царя заготовить провіантъ для русскихъ войскъ и приложить особое стараніе къ тому, чтобы онъ былъ «съ этой стороны обезпеченъ».

Вскорѣ послѣ того, сынъ Георгія, царевичъ Багратъ, находившійся въ Кизихѣ (Сигнахъ), писалъ отцу [2]), что Омаръ-ханъ прибылъ на Карахскую гору. По совѣту старшинъ, грузины рѣшили, чтобы всему Кизиху (Сигнаху) и другимъ окружнымъ селеніямъ собраться въ сигнахскую крѣпость. Жители просили, чтобы Георгій прислалъ къ нимъ царевича Давида, «и я доношу,—писалъ Багратъ,—что не могу всею Кахетіею распоряжаться».

Царевичъ Багратъ просилъ отца прислать ему свинцу, пороху и «ободряющее повелѣніе жителямъ».

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 24-го августа. Тифлисскій Арх. Кан. Нам.
[2]) Письмо Баграта Георгію 8-го сентября 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

Выступая въ походъ, Лазаревъ оставилъ въ Тифлисѣ полковника Карягина съ командою, для сохраненія въ немъ порядка и тишины. Онъ просилъ царя подтвердить Карягину о содержаніи съ особою строгостію карауловъ, «дабы, въ случаѣ моей отлучки, не послѣдовало какое-либо покушеніе внутреннее» [1]).

«Что касается до казахъ,—писалъ Лазаревъ царю Георгію,—то тѣхъ изъ нихъ, на вѣрность и усердіе коихъ положиться не можно, я полагаю женъ и дѣтей оныхъ, подъ предлогомъ безопасности, велѣть взять сюда въ городъ и содержать оныхъ въ городѣ аманатами до тѣхъ поръ, покуда обстоятельства внѣшнія и внутреннія наклонятся къ совершенной тишинѣ и безопасности. Князя Соломона Авалова не благоугодно-ли будетъ послать для собранія войскъ въ Казахи, сколь можно больше, и затѣмъ съ оными слѣдовать въ Кизихъ, куда, какъ вашему высочеству извѣстно, по отношенію моему и царевича Вахтанга Ираклієвича, полагаю, что и его войска присланы будутъ непродолжительно».

Въ началѣ октября получено было свѣдѣніе, что Омаръ-ханъ предполагалъ двинуться въ Ганжу для низверженія Джевадъ-хана ганжинскаго [2]). По дошедшимъ вслѣдъ затѣмъ извѣстіямъ, онъ выступилъ со своими войсками на степь, называемую Тогай, неподалеку отъ рѣки Алазани [3]).

Къ нему ожидали пріѣзда и грузинскаго царевича Александра.

Когда персіяне двинулись въ свои предѣлы и царевичъ не надѣялся уже уговорить ихъ вторгнуться въ Грузію, то, оставивъ персидскій лагерь, поѣхалъ въ Шушу, гдѣ прожилъ пять недѣль «въ полномъ удовольствіи» [4]). Въ это же самое время пріѣхалъ въ Шушу сардарь Омаръ-хана, успѣвшій уговорить царевича отправиться въ его лагерь. Переправившись черезъ рѣки Куру, Іору и Алазань, Александръ поѣхалъ къ Омаръ-хану, стоявшему со своими войсками на Алазани. Омаръ-ханъ принялъ очень ласково

[1]) Письмо Лазарева Георгію 27-го сентября 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 6-го октября 1800 г., № 29. Тиф. Арх. Канц. Намѣстника.

[3]) Рапортъ его же отъ 7-го октября, № 30. Тамъ же.

[4]) Показаніе Турманидзева, бывшаго съ царевичемъ. Тифл. Арх. Канц. Нам.

какъ царевича Александра, такъ и прибывшаго вмѣстѣ съ нимъ сына Ибраимъ-хана шушинскаго [1]).

Въ письмѣ своемъ митрополиту [2]) Александръ клялся гробомъ св. Нины, что пріѣхалъ туда вовсе не съ тѣмъ, чтобы разорить Грузію, но съ тѣмъ, чтобы защитить свои права.

Грузинскія войска получили приказаніе готовиться къ бою. Въ подкрѣпленіе имъ обѣщалъ двинуться и Лазаревъ съ полкомъ и съ 60 казаками. Царевичъ Баграть, отправленный въ Сигнахъ для принятія мѣръ къ отраженію непріятеля, сообщилъ Лазареву [3]), что Омаръ стоитъ со своими войсками на противоположномъ берегу рѣки Алазани, при бродѣ Урдо. Багратъ укрѣплялъ Сигнахъ, просилъ Лазарева поспѣшить къ нему на помощь и обѣщалъ заготовить для него провіантъ и фуражъ.

Въ половинѣ октября аварскій ханъ прислалъ царевичу Давиду письмо, въ которомъ высказалъ причину непріязненныхъ своихъ дѣйствій противъ Грузіи. Омаръ говорилъ, что онъ собралъ войско и пришелъ къ границамъ Грузіи потому, что три раза былъ обманутъ Георгіемъ, неплатившимъ ему дани. «Какъ вы въ письмѣ вашемъ,—писалъ ханъ,—называете меня отцомъ, то если вы устоите въ своемъ словѣ и намъ деньги не удержите, то я съ войскомъ своимъ пойду внизъ. Черезъ два дня дядюшка вашъ Александръ царевичъ сюда прибудетъ, который съ посланцемъ получилъ отъ Баба-хана фирманъ, въ коемъ написано, что сколько ему, царевичу, потребно войска и на оныхъ провіанта прислано будетъ.

«Вамъ самимъ извѣстно, что ежели я съ войскомъ возвращусь назадъ, то ни Баба-ханъ, ни царевичъ Александръ безъ меня въ границы ваши идти не осмѣлятся [4]).»

Предполагая, что царевичъ Александръ, достигнувъ Кизиха, будетъ волновать кахетинцевъ и кизихцевъ, и что братья царевича будутъ также стараться произвести внутреннія волненія, Да-

---

[1]) Письмо царевича, приложенное къ донесенію Лазарева отъ 25-го октября 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

[2]) Письмо царевича къ митрополиту 23-го октября.

[3]) Письмо царевича Баграта Лазареву 12-го октября 1800 г. Тамъ же.

[4]) Письмо Омаръ-хана царевичу Давиду.

видъ просилъ Кнорринга отправить въ Кизихъ царевича Іоанна. «Если царевичъ Іоаннъ будетъ въ Кахетіи,—писалъ Давидъ [1]),— то народъ будетъ удостовѣренъ, спокоенъ и окураженъ, и потому нельзя уже будетъ (царевичу Александру) взять отъ нихъ условія».

Войска Омаръ-хана между тѣмъ день ото дня умножались; но какъ большая часть ихъ состояла изъ конницы, для которой не было заготовлено фуража, то ханъ принужденъ былъ разбросать ихъ по разнымъ мѣстамъ. Эта несосредоточенность въ одномъ пунктѣ, а напротивъ разсѣяніе силъ были причиною того, что нельзя было съ точностію опредѣлить, по какому направленію Омаръ-ханъ предполагалъ двинуть свои войска, и какъ велика ихъ числительность.

Вскорѣ получены были свѣдѣнія, что Омаръ-ханъ переправился на правый берегъ рѣки Алазани, гдѣ, простоявъ два дня, двинулся къ Кара-Агачу.

«Поспѣшите, ради Бога, — писалъ Лазареву царевичъ Іоаннъ [2]),—прибыть сюда заблаговременно для упрежденія покушеній непріятельскихъ, дабы, между тѣмъ, наше дѣло не попортилось. Учредитесь такъ, чтобы въ самомъ городѣ, равно какъ и здѣсь, были надлежащія распоряженія».

Пригласивъ царевича Вахтанга [3]) и мелика Абова [4]) къ совокупному дѣйствію противъ непріятеля, Лазаревъ двинулся 29-го октября въ кизихскую провинцію, къ рѣкѣ Алазани. Кромѣ своего егерскаго баталіона, онъ взялъ часть полка генералъ-маіора Гулякова и всѣхъ казаковъ, исключая десяти человѣкъ, оставленныхъ въ Тифлисѣ для разныхъ посылокъ [5]). Отрядъ состоялъ изъ 45 человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,177 человѣкъ нижнихъ чиновъ [6]).

---

[1]) Кноррингу, 13-го октября. Георг. Арх. Коменд. Правл.

[2]) Отъ 25-го октября 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

[3]) Письмо Лазарева царевичу Вахтангу отъ 26-го октября 1800 г., № 56.

[4]) Письмо мелику Абову отъ того же числа.

[5]) Рапортъ Лазарева Кноррингу отъ 25-го октября, за № 53, и 28 го октября Государю Императору. Моск. Арх. Инсп. Деп.

[6]) Въ подробностяхъ въ отрядѣ находились: изъ мушкетерскаго *Гулякова полка:* штабъ и оберъ-офицеровъ 22, унтеръ-офицеровъ 35, рядовыхъ 515, нестроевыхъ 82; *Лазарева полка:* штабъ и оберъ-офицеровъ 21, унтеръ-офицеровъ 38, рядовыхъ 320, нестроевыхъ 56, казаковъ 62 и артиллерійской прислуги 69 человѣкъ.

*

Не вступая, однако, въ непріязненныя дѣйствія, Лазаревъ спрашивалъ Омаръ-хана, что побудило его вторгнуться въ предѣлы Грузіи и тѣмъ обнаружить перемѣну своихъ мыслей и желаній [1]). Какъ согласить этотъ поступокъ съ исканіемъ покровительства Россіи, на которое послѣдовало соизволеніе Императора, сообщенное уже хану? Генералъ Лазаревъ спрашивалъ аварскаго хана: рѣшился ли наступать далѣе, или, въ избѣжаніе кровопролитія, вернется съ миромъ восвояси?

Совѣтуя избрать то, что лучше и полезнѣе для хана, Лазаревъ предупреждалъ, что сколько онъ желаетъ мира и согласія, столько же, напротивъ того, «когда возвѣщенія мои надъ вами не подѣйствуютъ, неумолимъ пребуду».

Омаръ отвѣчалъ, что онъ лично не имѣетъ и не желаетъ имѣть никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи [2]), но что къ нему прибылъ царевичъ Александръ и что, принявъ его по долгу гостепріимства, нужнымъ считаетъ оказать ему помощь и содѣйствіе. «Я не желалъ,—писалъ ханъ,—имѣть съ вами ничего, кромѣ единаго дружества; но что дѣлать, когда Богъ сіе дѣло такъ устроилъ... Если онъ, (царевичъ Александръ) согласится примириться, то я буду съ нимъ доволенъ, по той причинѣ, что онъ мой гость и просилъ меня о пособіи, а если онъ не будетъ доволенъ, то и я также не буду... Не прекратите со мною сношеній о намѣреніяхъ вашихъ такъ, какъ свойственно друзьямъ».

Такимъ образомъ, причину, побудившую дѣйствовать непріязненно противъ Грузіи, Омаръ сваливалъ на царевича Александра. Лазаревъ писалъ царевичу [3]), просилъ и совѣтовалъ возвратиться въ Тифлисъ, обѣщая ему спокойствіе и безопасность и высказывалъ надежду помирить его съ братомъ-царемъ, который возвратитъ имѣнія и всю собственность царевича. Лазаревъ увѣрялъ Александра, что онъ получитъ прощеніе Императора Павла I.

Царевичъ ссылался на притѣсненіе своего брата Георгія, на то, что онъ отнялъ у него и у братьевъ имѣнія и роздалъ ихъ своимъ дѣтямъ. «Доколѣ я живъ,—писалъ онъ,—я не откажусь

[1]) Письмо Лазарева Омаръ-хану 1-го ноября. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

[2]) Письмо Омаръ-хана Лазареву 1-го ноября. Тамъ же.

[3]) Письмо Лазарева царевичу Александру 5-го ноября. Тамъ же.

отъ своей вотчины и крестьянъ и долженъ возиться изъ-за нихъ, пока я живъ... Какъ же мнѣ быть, чтобы не сдѣлаться товарищемъ его (Георгія) враговъ?»

Царица Дарья, казалось, также убѣждала сына не предпринимать ничего противнаго желаніямъ русскаго Императора и не безчестить рода своего. Мать наружно удивлялась поступкамъ сына и просила его вспомнить, что отецъ его, покойный Ираклій, всегда уклонялся отъ непріятелей, «наводящихъ всероссійскому Государю неудовольствіе».

На самомъ же дѣлѣ царица Дарья во всемъ сама наставляла сына и убѣждала его быть твердымъ.

«Я надѣюсь,—отвѣчалъ на все это Александръ Лазареву [1]),—вскорѣ увидаться со старшими братьями, и о чемъ спрашивали вы меня, на то отвѣтъ самый полный получите отъ нихъ. Мы никогда не вмѣшиваемся въ такое дѣло, которое противно Государю, и нынѣ намъ нѣтъ надобности сражаться съ его войсками. Божіею милостію, мы стараться станемъ, чтобы лучше и усерднѣе служить Государю Императору, и съ войсками его драться никогда не будемъ, а ежели вы сами не перестанете преслѣдовать насъ, то мы будемъ доносить о всемъ подробно, что вы ни сдѣлали, его величеству».

Уѣзжая въ аварскій лагерь, Александръ отправилъ посланнаго къ Баба-хану, прося его помощи и обѣщаясь, въ случаѣ успѣха и овладѣнія Тифлисомъ, передать Грузію въ подданство персидскаго властителя. Баба-ханъ, благодаря царевича и одобряя его намѣренія, отказался, однакожь, дать помощь, подъ предлогомъ того, что занятъ самъ дѣлами и безпорядками въ Хоросанѣ [2]).

Пока шли переговоры, отрядъ нашъ подвигался къ границамъ и 1-го ноября достигъ до пограничной кахетинской крѣпости Сигнаха. Вечеромъ 2-го ноября, верстахъ въ 16-ти отъ Сигнаха, были видны бивуачные огни непріятеля. Весь этотъ день Лазаревъ употребилъ на обозрѣніе мѣстности, укрѣпленій Сигнаха, ободреніе жителей и на собраніе грузинскихъ войскъ, изъ которыхъ часть уже прибыла съ царевичемъ Багратомъ.

[1]) Отъ 6-го ноября 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.
[2]) Показаніе Захарія Джораева. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 285.

— Сколько у васъ войска? спросилъ Лазаревъ Баграта.

— Тысячъ до трехъ будетъ, отвѣчалъ Багратъ.

Но и это незначительное число грузинъ было весьма плохо вооружено: многіе изъ нихъ, вмѣсто оружія, имѣли съ собою однѣ кизиловыя палки.

Посланный съ письмами Лазарева и царицы Дарьи засталъ Омара въ Кара-Агачѣ, гдѣ было собрано ханомъ до 15,000 человѣкъ. Прочитавъ письмо, Омаръ-ханъ и царевичъ Александръ собрали совѣтъ. Александръ совѣтовалъ идти на Калагиры, но лезгинскіе старшины требовали движенія на Сагареджо. Послѣднее требованіе было принято [1]). Пройдя «особливымъ путемъ», рѣшено было прежде всего занять 2,000 мѣстечко Сагареджо, а остальныя войска, раздѣливъ на двѣ части, двинуть одну къ Тифлису, а другую переправить черезъ рѣку Куру, на соединеніе съ имеретинами и войсками братьевъ Александра, царевичей Вахтанга, Юлона и Парнаоза. Утвердившись въ Грузіи съ этой стороны, ханъ думалъ потомъ, для большаго успѣха, отправить и этотъ отрядъ къ Тифлису, чтобы атаковать городъ съ двухъ сторонъ.

Войска Омара были въ дурномъ состояніи. Провіанта было мало, а фуража и вовсе не имѣли. Провіантъ покупали у джаробѣлоканцевъ, а фуражъ замѣнялся подножнымъ кормомъ. Чѣмъ ближе подвигался аварскій ханъ къ границамъ Грузіи, тѣмъ положеніе его войскъ становилось болѣе затруднительнымъ. Войскамъ предоставлено было самимъ пріобрѣтать себѣ продовольствіе. «Положеніе его, — доносилъ Лазаревъ, — такое, что днемъ большая часть занимаются охотою, а ночью спятъ, иные разуваясь, другіе какъ хотятъ, что отдано на произволъ».

Не желая дозволить непріятелю вторгнуться внутрь страны, Лазаревъ 4-го ноября двинулся впередъ вмѣстѣ съ грузинскими войсками. Отойдя верстъ 12 отъ Сигнаха, отрядъ остановился въ ожиданіи возвращенія посланнаго отъ Омаръ-хана. Неудовлетворительный отвѣтъ хана заставилъ Лазарева дѣйствовать рѣшительно. При участіи генералъ-маіора Гулякова и царевича Іоанна, составленъ планъ атаки, по которому отрядъ 5-го ноября дви-

---

[1]) Показаніе Турманидзе 7-го декабря 1800 г.

нулся на встрѣчу лезгинамъ и вечеромъ остановился верстахъ въ шести отъ непріятеля.

Съ разсвѣтомъ передовые пикеты сообщили, что непріятель направился ущельями, находившимися влѣво отъ его лагеря, что, миновавъ ихъ, вышелъ уже на открытое мѣсто и лѣвою стороною гористаго кряжа горъ, который примыкалъ къ ущельямъ, потянулся къ рѣкѣ Іорѣ.

Лазаревъ долженъ былъ повернуть отрядъ и двинуться пройденнымъ уже путемъ въ параллель съ непріятелемъ. Онъ думалъ, пройдя горы и ущелья, атаковать его во флангъ и пресѣчь дальнѣйшее его наступленіе. Неудобство мѣстоположенія было причиною того, что въ продолженіе цѣлаго дня обѣ стороны не могли сойтись другъ съ другомъ.

На разсвѣтѣ 7-го ноября, Лазаревъ успѣлъ подойти на разстояніе двухъ верстъ отъ непріятеля, стоявшаго на правомъ берегу рѣки Іоры, неподалеку отъ деревни Кагабетъ. Занявъ опушку довольно густаго лѣса, Омаръ-ханъ приказалъ разложить вдоль ея бивуачные огни, а часть конницы отправилъ для занятія близлежащихъ деревень, изъ которыхъ думалъ продовольствовать свои войска провіантомъ и фуражомъ. Нашъ отрядъ расположился на равнинѣ, окруженной съ юга рѣкою Іорою, съ запада канавою, съ сѣвера небольшими горами, примыкающими къ Телаву, и съ востока горными ручьями. Вдоль равнины шла дорога къ рѣкѣ Іорѣ. Своротя съ дороги влѣво, отрядъ нашъ двинулся двумя колоннами, позади которыхъ шли грузины. На отлогомъ краю косогора, лежавшаго на пути слѣдованія, стояла небольшая ветхая башня, изъ которой засѣвшій лезгинъ сдѣлалъ сигнальный выстрѣлъ.

Войска Омаръ-хана начали стягиваться по ту сторону рѣки и переправляться на встрѣчу нашихъ войскъ. Лазаревъ построилъ боевой порядокъ. Каре генералъ-маіора Гулякова составило лѣвый флангъ, каре Лазарева правый, а въ промежуткѣ между ними стали грузины, подъ командою царевичей Іоанна и Баграта. Переправясь на лѣвый берегъ рѣки Іоры, Омаръ-ханъ атаковалъ правый флангъ и окружилъ его съ двухъ сторонъ своею конницею. Залпы изъ ружей и картечные выстрѣлы изъ орудій были такъ

удачны, что, по выраженію Лазарева, «не малое число отъ сего пріема начало лбами доставать землю и доискиваться въ оной мнимыхъ правъ, которыхъ Омаръ-ханъ былъ сильнымъ поборникомъ [1])».

Отброшенный непріятель обратился на грузинъ, встрѣтившихъ его картечными выстрѣлами изъ двухъ бывшихъ у нихъ орудій. Часть непріятельской кавалеріи зашла въ тылъ нашему отряду и, собравшись у ветхой башни, бросилась на задніе ряды грузинъ, вооруженныхъ однѣми палками. Каре генералъ-маіора Гулякова выручило беззащитныхъ, и Омаръ-ханъ сталъ отступать. При отступленіи ему нельзя уже было миновать праваго фланга нашего расположенія, съ котораго онъ началъ атаку, и онъ потянулся подъ перекрестными выстрѣлами пѣхоты и артиллеріи.

«Побѣдоносное россійское «ура!»—доносилъ Лазаревъ—раздалось по обоимъ крыламъ, и съ послѣдними выстрѣлами погибла непріятельская сила. Наконецъ, принесены были двѣ жирныя головы, одна сардаря Омаръ-ханова, а другая яко бы Дженъ-Гутая, громада котораго представилась первая передъ лицомъ всѣхъ побѣдоносныхъ россійскихъ воиновъ. Казалось онъ дышалъ варварскимъ свирѣпствомъ, а обширность и толстота ея доказывали, что она упитана была тукомъ злодѣяній и набита одною буйственностію.»

Наступившій вечеръ прекратилъ трехчасовой бой. Темнота ночи помѣшала преслѣдовать непріятеля по мѣстности, покрытой лѣсомъ, колючками терновника и перерѣзанной оврагами.

Лазаревъ отошелъ съ отрядомъ къ деревушкѣ Кагебету, гдѣ и расположился на ночлегъ. Съ наступленіемъ утра, глазамъ побѣдителя открылась картина того страшнаго побоища, которое испыталъ непріятель. Камышъ, кустарники и рвы наполнены были трупами, между которыми сышались стоны раненыхъ и умирающихъ. По всему полю солнечные лучи освѣщали траву, обагренную кровію, и многіе другіе слѣды страданія человѣческаго. За рѣкой, на мѣстѣ вчерашняго стана непріятельскаго, видны были слѣды страшнаго смятенія и ужаса, въ какомъ непріятель оста-

---

[1]) Рапорты Лазарева Кноррингу отъ 8 и 14-го ноября 1800 г., № 68 Тиф. Арх. Канц. Намѣстника.

вилъ всѣ съѣстные припасы, такъ что во многихъ мѣстахъ найдены были ножи въ такомъ положеніи, которое можно себѣ представить при полуразрѣзанной пищѣ.

Потеря непріятеля простиралась до 2,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Самъ Омаръ-ханъ, по свѣдѣніямъ, былъ тяжело раненъ пулею въ бедро. У насъ потеря состояла изъ одного убитаго, одного раненаго и одного контуженнаго въ ногу офицера.

Сраженіе это было первымъ началомъ дѣятельности славной Кавказской арміи, слѣдовавшей по стопамъ своихъ родоначальниковъ генерала Гулякова и подпоручика Котляревскаго, отличившихся въ этомъ сраженіи [1]).

Царевичи Багратъ и Іоаннъ [2]), генералъ-маіоры Лазаревъ и Гуляковъ получили въ награду за одержанную побѣду командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Многіе офицеры получили кавалерійскій крестъ того же ордена; всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, пожаловано по серебряному рублю на человѣка [3]).

Не имѣя возможности перевалиться черезъ снѣговой хребетъ въ свои владѣнія, Омаръ-ханъ отступилъ въ Джары и намѣренъ былъ провести зиму въ Бѣлоканахъ. Десять человѣкъ лезгинъ составляли всю его военную силу; остальныя войска разошлись по домамъ, а 2,000 остались въ Шушѣ, по деревнямъ, у Ибраимъ-хана карабагскаго. У него же находился и царевичъ Александръ [4]).

---

[1]) «Геройственные поступки генералъ-маіора Гулякова, доносилъ Лазаревъ, превосходятъ всякое засвидѣтельствованіе; скажу токмо, что онъ во все время сраженія находясь всегда впереди, ободрялъ, поощрялъ и подавалъ примѣры неустрашисти каждому изъ своихъ подчиненныхъ, кои всѣ по окончаніи сраженія воздавали ему признательность и мужеству его похвалу... Не могу умолчать о неустрашимости шефскаго моего адъютанта поручика Котляревскаго, который, какъ и въ журналѣ явствуетъ, былъ посланъ мною съ десятью казаками для развѣдыванія объ идущемъ непріятелѣ чрезъ ущелье; сіе приказаніе мое выполнилъ съ наивозможнымъ усердіемъ, примѣчательностію и расторопностію. Сверхъ того и въ день сраженія былъ отъ меня неоднократно посылаемъ къ его свѣтлости царевичу Іоанну между разъѣзжавшимъ непріятелемъ и выполнялъ всѣ препорученности, ему отъ меня дѣлаемыя, съ отмѣннымъ рвеніемъ (Изъ рап. Лазарева Кноррингу отъ 14-го ноября 1800 г., № 120). Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, № 113.

[2]) Рескриптъ Георгію 21-го декабря 1800 г. Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[3]) Высочайшее повелѣніе 17-го декабря 1800 г. Тиф. Арх. Глав. Шт. Кавк. Арміи.

[4]) Рапортъ Лазарева Кнорингу 21-го декабря 1800 г., № 160. Тиф. Арх. Канц. Намѣстника.

Войска Омаръ-хана терпѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи. Носились слухи, что, за неимѣніемъ пищи, лезгины крали другъ у друга лошадей и ѣли ихъ.

12-го ноября Лазаревъ съ отрядомъ возвратился въ Тифлисъ [1]).

Въ концѣ декабря получено было извѣстіе, что Омаръ-ханъ прибылъ въ селеніе Бѣлоканы, и хотя при немъ не было войскъ, но, зная, что джаро-бѣлоканцы вообще склонны къ хищничеству, Лазаревъ, въ обезпеченіе Грузіи, рѣшился сдѣлать новую дислокацію войскъ. Въ Сигнахской крѣпости поставлены три роты съ орудіемъ и одна рота мушкетеръ съ орудіемъ въ 15 верстахъ отъ Сигнаха по пути къ Тифлису. Для скорѣйшей передачи приказаній учреждена летучая почта [2]).

Омаръ-ханъ не предпринималъ, однакожъ, никакихъ покушеній на Грузію. Предавшись своему обычному пороку, разврату и разгулу, онъ умеръ отъ пьянства въ мартѣ 1801 года [3]).

XV.

Усиленіе болѣзни Георгія. — Неизвѣстность и общее опасеніе за будущность страны. — Интриги и происки царевичей. — Поступки царевича Давида при жизни отца.—Волненія въ Грузіи.—Грабежи и насилія.—Просьба Георгія Лазареву усмирить своеволіе.—Прибытіе грузинскихъ пословъ въ С.-Петербургъ.—Условія, на которыхъ царь желалъ вступить въ подданство Россіи. — Письмо гр. Мусина-Пушкина къ Императору Павлу о положеніи Грузіи и выгодахъ ея присоединенія. — Основанія, на которыхъ Императоръ Павелъ принималъ Грузію въ подданство Россіи. — Кончина Георгія XII. — Состояніе Грузіи послѣ его смерти.

Въ ноябрѣ 1800 года болѣзнь Георгія приняла такое развитіе, что часъ отъ часу ждали его кончины. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, посѣтившій царя, сомнѣвался, чтобы онъ могъ прожить до весны. Лечившіе Георгія врачи не подавали никакой надежды на возможность его выздоровленія [4]).

[1]) Рапортъ Лазарева Государю Императору 12-го ноября. Моск. Арх. Инсп. Департамента.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 26-го декабря 1800 г., № 85.

[3]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 16-го марта 1801 г., № 171. Рапортъ Кнорринга Государю Императору 24-го марта 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[4]) Письмо Кнорринга Лошкареву 9-го ноября 1800 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Общее опасеніе скорой смерти царя, незнаніе основаній, на которыхъ онъ желаетъ вступить въ подданство Россіи, и съ какою именно цѣлію отправилъ посольство въ Петербургъ, заставляли многихъ безпокоиться. Царевичи, дѣти Ираклія, больше всего боялись, чтобы Георгій не умеръ ранѣе того, какъ они получатъ отвѣтъ на свои письма отъ нашего правительства. Всѣми силами старались они, чтобы престолъ не достался его сыну Давиду, который со своей стороны употреблялъ всѣ средства къ увеличенію своей партіи.

Какъ ни скрытно другъ отъ друга вели свои интриги обѣ партіи, но не могли сохранить ихъ въ глубокой тайнѣ. Таинственность происковъ возстановляла противниковъ гораздо болѣе, чѣмъ открытая вражда и явное другъ къ другу нерасположеніе. Дѣла все болѣе и болѣе запутывались, и положеніе Грузіи въ концѣ 1800 года стало еще болѣе затруднительнымъ отъ внутреннихъ раздоровъ.

Царевичъ Давидъ, объявляя, что Георгій при жизни назначилъ его царемъ, приказывалъ всѣмъ явиться къ нему, съ угрозою, что всякій, кто не явится на призывъ, будетъ наказанъ русскими войсками. Онъ объявлялъ всѣмъ карталинскимъ князьямъ, дворянамъ и народу, что назначаетъ брата своего царевича Теймураза правителемъ Карталиніи, и въ случаѣ ослушанія грозилъ наказаніемъ. Брату Теймуразу онъ приказывалъ привести крѣпости въ оборонительное положеніе, а народъ къ присягѣ.

«Ты будь въ крѣпости,—писалъ Давидъ царевичу Теймуразу,—хлѣба много заготовь. Если дяди твои захотятъ придти въ г. Гори, не допускай. Заготовь свинцу и пороху. Я тебя назначилъ карталинскимъ правителемъ. Собери войска и приготовь, да также провѣдывай, что у твоихъ дядей дѣлается [1])».

Вообще царевичъ Давидъ еще при жизни отца старался увеличить свою партію. Во всѣ стороны имъ были разосланы приверженцы, работавшіе въ пользу его наслѣдія. На замѣчанія Лазарева, что царь, отецъ его, можетъ выздоровѣть и что потому подобными распоряженіями спѣшить нечего, царевичъ Давидъ отпи-

[1]) Письмо царевича отъ 20-го декабря. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

рался отъ своихъ дѣйствій и увѣрялъ Лазарева, что онъ не предпринималъ ровно ничего.

Братья царя, зная о проискахъ племянника, съѣзжались вмѣстѣ въ г. Гори «съ достаточнымъ прикрытіемъ» и толковали о средствахъ противопоставить преграду въ исполненіи замысловъ Давида. Они также старались увеличить свою партію и, подобно царевичу Давиду, прибѣгали часто къ принужденію и насилію.

Царевичъ Вахтангъ открыто говорилъ графу Мусину-Пушкину, что онъ и братья его не потерпятъ, чтобы послѣ смерти Георгія царевичъ Давидъ заступилъ мѣсто отца своего [1]).

Царица Дарья разсылала письма къ князьямъ, просила ихъ принять сторону ея дѣтей, обѣщала имъ почести и милости.

«Я извѣстилась,—писала она князю Томасу Орбеліани [2]),—что у васъ отняли должность моуравскую въ Демурчасалахъ. Не скорбите о семъ. Богъ если поможетъ дѣтямъ моимъ и будутъ они счастливы, то и вы не будете имѣть ни въ чемъ недостатка, а въ соотвѣтственность преданности вашей къ дѣтямъ моимъ получите за то отъ нихъ награду».

«Время теперь оказать вамъ свою къ намъ преданность,—писала она въ другомъ письмѣ къ нему же [3]),—будьте осторожны, чтобы вы не были съ оной совращены. Хотя много вамъ отъ другой стороны оказано милостей, но все ненадолго будетъ.

«Карталинія, Кахетія, Казахи и всѣ прочіе съ нами согласны; скоро сынъ мой (Александръ) приблизится къ Тифлису. Старайтесь удерживать кочевыхъ татаръ и казаховъ, чтобы другая сторона не могла дѣйствовать и не могла бы никого отъ нихъ привесть и превратить къ себѣ. Какъ не можете догадаться до сихъ поръ, что слова Давида неосновательны, и по исполненіи всего дѣла будете лишены всего...»

Противники набирали себѣ партіи и старались свои собственные интересы слить съ интересами своихъ сообщниковъ. Отъ этого началась вражда между цѣлыми селеніями, а впослѣдствіи

---

[1]) Донесеніе графа Мусина-Пушкина Государю Императору. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по Деп. Общ. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, кн. I.

[2]) Письмо отъ 18-го декабря 1800 года. Константиновъ, ч. I, стр. 107.

[3]) Письмо отъ 20-го декабря 1800 года. Константиновъ, ч. I, стр. 107.

и между цѣлыми поколѣніями. Междоусобная брань готова была охватить всю Грузію...

Хевсуры, подвластные царевичу Давиду, оказывали явную вражду арагвскимъ жителямъ, подвластнымъ царевичу Вахтангу и жившимъ по сосѣдству съ ними. Напавъ на арагвскихъ жителей, при возвращеніи ихъ съ виномъ изъ Кахетіи, хевсуры отняли вино и лошадей. Столкновеніе между враждовавшими стоило многимъ увѣчья и даже смерти.

Грабежъ жителей и право сильнаго вступали въ свои права въ Грузіи. Даже въ самой столицѣ, въ Тифлисѣ, грузины грабили другъ друга. Сильный отнималъ вещи у слабаго и распоряжался, какъ своею собственностію, всегда ему принадлежавшею. Своеволія царевичей и общее насиліе заставили Георгія обратиться къ Лазареву съ просьбою прекратить безпорядки. Царь въ своей просьбѣ опирался на то, что Грузія принадлежитъ русскому Императору, «и вы должны,—говорилъ онъ,—по вашему здѣсь пребыванію, беречь эту землю, никому не дозволяя опустошать ее и грабить». Онъ просилъ назначить одного офицера, которому и поручить, «чтобы онъ не допускалъ отымать и грабить у кого-либо ни на одну денежку, не допускалъ ни нашего человѣка, кто бы онъ ни былъ, ни людей нашихъ дѣтей и братьевъ, ни княжескихъ, ни дворянскихъ, ни мужиковъ» [1]).

Царевичи Юлонъ, Вахтангъ и Парнаозъ писали Кноррингу, что «роднаго нашего престола истецъ (т. е. церевичъ Давидъ) каждый день грозитъ открыто выгнать насъ изъ отечества нашего пособіемъ россійскихъ силъ, въ Грузіи находящихся» [2]). Если,—писали они,—племянникъ поступаетъ такъ при жизни своего отца, то что же они должны ожидать отъ него, когда скончается Георгій?

Царевичи говорили, что поставлены въ такое положеніе, изъ котораго не знаютъ, какъ выдти: противясь Давиду, они навлекутъ на себя неудовольствіе Императора Павла, а не противясь рискуютъ быть выгнанными изъ отечества. Они предлагали Кнор-

---

[1]) Письмо Георгія Лазареву 7-го декабря 1800 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 183.

[2]) Письмо царевичей отъ 26-го ноабря 1800 года. Тифл. Арх. Канц. Нам.

рингу, до полученія отвѣта на свои просьбы отъ нашего двора и въ случаѣ смерти Георгія, принять на себя правленіе царскихъ дѣлъ или поручить ихъ Лазареву.

«Желаете,—писалъ Кноррингу царевичъ Вахтангъ [1],—возвращенія брата нашего царевича Александра: увѣряю, что сіе для меня первѣйшее желаніе, и буду стараться о возвращеніи его. Но долженъ донесть, что это можетъ исполниться не иначе, какъ если останется намъ право, оставленное намъ блаженной памяти родителемъ нашимъ, принимать царство намъ братьямъ, дѣтямъ его, по очереди. Если не такъ, то можетъ быть, не дай Боже чего, и другіе нѣкоторые будутъ принуждены удалиться изъ своего отечества».

Лазаревъ писалъ обо всемъ происходившемъ Кноррингу, а тотъ доносилъ Императору Павлу.

Донесенія Кнорринга пришли въ Петербургъ почти одновременно съ пріѣздомъ грузинскихъ пословъ въ нашу столицу.

Въ рукахъ посланныхъ было широкое полномочіе царя, предоставившаго имъ, какъ всѣмъ вмѣстѣ, такъ и каждому порознь, въ случаѣ, если бы по какимъ-нибудь обстоятельствамъ пришлось одному вести переговоры съ нашимъ правительствомъ, «утверждать и подписывать къ владычествованію нашему, какъ одной, издавна принадлежащей Россіи землѣ или провинціи» [2].

Георгій обѣщалъ своимъ царскимъ словомъ принять и исполнить все то, что будетъ постановлено тремя посланными и нашимъ правительствомъ.

Посланные объявили, что царь, будучи еще наслѣдникомъ, имѣлъ желаніе, до сихъ поръ тщательно имъ скрываемое, предать себя и царство свое русскому Императору *навсегда въ полную зависимость и подданство* и оставаться самому *во всѣхъ частяхъ въ повиновеніи и зависимости* [3].

Исполняя такую волю своего царя, полномочные просили: принять Грузію въ подданство Россіи, съ обязательствомъ, что царь,

---

[1]) Отъ 14-го декабря 1800 года. Тифл. Арх. Канц. Нам.

[2]) Переводъ полной мочи отъ 31-го декабря 1799 года. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по Деп. Общ. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, кн. I.

[3]) Нота пословъ грузинскихъ. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

духовенство, вельможи и народъ, искренно желающіе этого подданства, будутъ свято исполнять «все то, что исполняется русскими подданными, *не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній*, сколько силы того царства позволять будутъ; съ признаніемъ Всероссійскаго Императора за своего природнаго Государя и Самодержца».

Георгій желалъ, чтобы ему, а послѣ него сыну его наслѣднику былъ оставленъ титулъ царя Грузіи, съ тѣмъ, однакожь, ограниченіемъ, чтобы царь управлялъ народомъ по законамъ, которые будутъ даны русскимъ Императоромъ, и съ обязательствомъ самому царю никакихъ узаконеній не вводить въ Грузіи.

Уполномоченные просили опредѣлить царю жалованье и пожаловать въ Россіи деревни. Доходы же съ царства грузинскаго обратить куда угодно нашему правительству, и дать народу льготу въ податяхъ на столько лѣтъ, на сколько признано будетъ это возможнымъ.

Для защиты Грузіи отъ «сосѣдственныхъ бродягъ» прислать шесть тысячъ русскаго войска, которымъ и занять всѣ грузинскія крѣпости.

Принять въ свое вѣдѣніе серебряные и золотые рудники, находящіеся въ Грузіи, и, увеличивъ мѣстный монетный дворъ, приготовлять на немъ монету, съ изображеніемъ: на одной сторонѣ—вензеля Императора, съ русскою надписью, а съ другой—герба грузинскаго царства, съ грузинскою надписью.

Отдаваясь въ полное подданство Россіи, Георгій желалъ однакожь, сохранить свое вліяніе надъ ханами ганжинскимъ и эриванскимъ, бывшими нѣкогда въ зависимости Грузіи, и потому просилъ, чтобы, въ случаѣ нападенія на нихъ персіянъ, онъ могъ оказать имъ свою помощь, при содѣйствіи нашихъ войскъ.

Не трудно видѣть, что Георгій желалъ и надѣялся выхлопотать себѣ всѣ преимущества царя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользоваться русскимъ войскомъ и русскими деньгами.

Донесеніе графа Мусина-Пушкина, находившагося въ Грузіи для изысканія тамошнихъ рудъ, склонило наше правительство согласиться на всѣ просьбы Георгія. Графъ Мусинъ-Пушкинъ пи-

салъ Павлу, что въ Грузіи всѣ сословія искренно привержены къ русскому Императору.

«Общая надежда,—писалъ онъ,—и пламенная любовь къ священной особѣ вашей толико всенародны, что, въ короткое пребываніе мое въ царствѣ семъ, не видѣлъ ни единаго ока непрослезящагося, не нашелъ ни единаго сердца нетрепещущаго и приверженностію и надеждою, коль скоро произносилося только высочайшее имя вашего императорскаго величества».

Графъ Мусинъ-Пушкинъ доносилъ, что первѣйшіе князья и вельможи грузинскіе говорили ему, что Грузія не можетъ долго оставаться во владѣніи нынѣ царствующей фамиліи, «а должна, если бы паче чаянія лишилася надежды быть подъ непосредственной державой Россіи», перейти во владычество или персіянъ, или турокъ, или быть разоренною хищными горцами.

Царь Георгій, отъ котораго не были скрыты всѣ поводы къ неудовольствію на него братьевъ и подданныхъ, видѣлъ, что если бы даже Грузія перешла въ руки царевича Давида, то страна мало могла разсчитывать на спокойствіе. Семейные раздоры пріобрѣли такое право гражданственности, что можно было легко предвидѣть, что царевичъ Давидъ, находившійся уже въ ссорѣ съ седядями, скоро поссорится и съ родными братьями. Бѣдствія семейства были предъ глазами Георгія, который, какъ писалъ графъ Мусинъ - Пушкинъ, «терзается ежечасно сими размышленіями, усугубляющими болѣзнь его, и, какъ я слышалъ отъ многихъ, не видитъ другаго спасенія, какъ повергнуть себя и царство свое въ непосредственное владѣніе вашего императорскаго величества».

По словамъ и увѣреніямъ графа Мусина-Пушкина, братья царя, изъ которыхъ одинъ только Вахтангъ «могъ привлечь на себя политическое уваженіе», охотнѣе увидятъ Грузію, присоединенную къ Россіи, чѣмъ отданную царевичу Давиду.

Присоединеніе Грузіи къ Россіи, кромѣ собственнаго ея блага и счастія, по мнѣнію многихъ правительственныхъ лицъ, было выгодно и необходимо для политическихъ цѣлей Россіи.

Съ присоединеніемъ ея: 1) Обезпечивалась Кавказская линія обузданіемъ горскихъ народовъ съ двухъ сторонъ, и, въ случаѣ

непріязненности ихъ, представлялась возможность смирить ихъ голодомъ, такъ какъ все необходимое для своего пропитанія они пріобрѣтали или въ Грузіи, или въ Моздокѣ.

2) По тогдашнимъ свѣдѣніямъ о Грузіи, присоединялась страна, обильная произведеніями природы.

3) Расширялась наша персидская и индійская торговля.

4) Въ случаѣ разрыва съ Турціею, Россія, занявъ Грузію, можетъ быть ей столько же опасна со стороны Анатоліи, сколько угрожаетъ ей своими черноморскими флотами. Если же бы турки успѣли занять Грузію прежде насъ, тогда могли подвергаться опасности, какъ Кавказская линія, такъ и самый Крымъ.

Многіе—въ томъ числѣ и графъ Мусинъ-Пушкинъ—предполагали, что съ присоединеніемъ Грузіи къ русской державѣ, примѣру ея послѣдуетъ и Имеретія, и тогда, по мнѣнію ихъ, всѣ выгоды и преимущества отъ такого пріобрѣтенія удваивались.

Если затрудненіе присоединенія Грузіи къ Россіи и могло произойти, то отъ одного царевича Вахтанга, который, имѣя владѣнія свои по обѣимъ сторонамъ снѣговыхъ горъ, могъ затруднить слѣдованіе нашихъ войскъ въ Грузію. Преданность и усердіе—по крайней мѣрѣ кажущіяся—которыя оказывалъ царевичъ, не давали мѣста нашему правительству сомнѣваться въ успѣхѣ и съ этой стороны. Во всякомъ же случаѣ вопросъ этотъ долженъ былъ быть рѣшеннымъ скоро, до предвидимой кончины Георгія, такъ какъ, по мнѣнію всѣхъ, «то, что при жизни его можетъ исполниться единымъ начертаніемъ пера, будетъ всеконечно стоить трудовъ и крови при наслѣдникѣ его».

Графъ Ростопчинъ уполномоченъ былъ вести переговоры съ грузинскими послами. Въ помощь ему назначенъ тайный совѣтникъ Лошкаревъ.

На аудіенціи 14-го ноября, графъ Ростопчинъ и Лошкаревъ объявили имъ, что Императоръ Павелъ принимаетъ во всегдашнее подданство царя и весь его народъ и соглашается удовлетворить всѣмъ просьбамъ Георгія [1]), но не иначе, какъ тогда, когда одинъ

[1]) Записка графа Ростопчина грузинскимъ полномочнымъ 14-го ноября 1800 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, по Деп. Общ. Дѣлъ.

изъ посланныхъ отправится обратно въ Грузію, объявитъ тамъ царю и народу о согласіи русскаго Императора, и когда грузины вторично заявятъ грамотою о своемъ желаніи вступить въ подданство Россіи [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ наше правительство признало необходимымъ спросить Кнорринга: сколько нужно прибавить еще войска къ находившемуся уже въ Грузіи, для охраненія страны отъ покушеній сосѣднихъ народовъ и для «постановленія лучшаго порядка при введеніи новаго правленія»?

Царю обѣщано оставить за нимъ права до смерти. Послѣ же смерти Георгія думали утвердить сына его Давида въ званіи генералъ-губернатора Грузіи, съ титуломъ царя, а самую страну причислить къ числу русскихъ губерній, подъ названіемъ *царства Грузинскаго*. Мѣра эта признавалась возможною и легкою, потому что царевичъ Давидъ находился въ русской службѣ и могъ быть назначенъ генералъ-губернаторомъ.

Принимая Грузію въ свое подданство, русское правительство не желало вовсе стѣснять грузинъ въ ихъ внутреннемъ правленіи. Отправивъ одного только русскаго чиновника въ Тифлисъ, для установленія порядка и наблюденія за правосудіемъ, Императоръ Павелъ желалъ во всемъ остальномъ внутреннемъ управленіи дать полную свободу грузинамъ. Имъ онъ предоставлялъ право выбирать себѣ судей, гражданскихъ и духовныхъ правителей, обѣщалъ послать войска для защиты народа отъ внѣшнихъ враговъ; царю Георгію и его ближайшимъ родственникамъ опредѣлилъ жалованье изъ грузинскихъ доходовъ, а если нѣкоторые пожелаютъ выѣхать въ Россію, то обѣщалъ пожаловать состояніемъ, приличнымъ ихъ званію [2]).

«Имѣнія, приписанныя къ гробу Господню и съ коихъ доходы обращаются ежегодно въ Іерусалимъ, приведя въ порядокъ, употребить на установленіе командорствъ великаго пріорства гру-

[1]) Высочайше утвержденный докладъ отъ 15-го ноября 1800 года. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, кн. I.

[2]) Высочайше утвержденный докладъ 15-го ноября и конфиденціальная записка гр. Ростопчина 14-го ноября 1800 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, по Деп. Общ. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, кн. I.

зинскаго, кое составитъ одно изъ великихъ пріорствъ языка россійскаго».

Кноррингъ получилъ повелѣніе Императора, въ случаѣ смерти Георгія, объявить народу, чтобы не было приступаемо къ назначенію преемника на престолъ грузинскій [1]).

Въ прибавокъ къ войскамъ, находившимся въ Грузіи, Павелъ назначилъ къ отправленію одинъ драгунскій полкъ и три пѣхотныхъ. Выборъ полковъ и обезпеченіе Кавказской линіи остальными войсками предоставлены генералу Кноррингу [2]). На волю и желаніе его же предоставлено было, по полученіи приказанія, или самому слѣдовать съ назначенными войсками, или послать когонибудь изъ генераловъ въ Грузію, которой Императоръ «жалуетъ покровъ, присоединяя къ имперіи Россійской область, угрожаемую всѣми сосѣдними народами». «Тогда уже уймутся,—писалъ графъ Ростопчинъ,—и своевольство горцевъ, и безпокойство владѣльцевъ береговъ Каспійскаге моря [3])».

Князья Георгій Аваловъ и Еліазаръ Палавандовъ отправлены были обратно изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ съ письмомъ Ростопчина къ Георгію, въ которомъ графъ просилъ царя разсмотрѣть содержаніе условій, на которыхъ Грузія вступаетъ въ подданство Россіи. Въ случаѣ согласія, утвердить ихъ своею подписью и возвратить въ Петербургъ съ тѣми же посланными, вмѣстѣ съ благодарственною грамотою [4]). Для большей торжественности, Георгій долженъ былъ назвать своихъ уполномоченныхъ *послами*.

Въ ноябрѣ полномочные отправились въ Грузію. Въ Петербургѣ остался одинъ изъ нихъ, князь Герсеванъ Чавчавадзе. Возвратиться изъ Тифлиса въ Петербургъ они могли только къ февралю, а въ апрѣлѣ Кноррингъ долженъ былъ идти въ Грузію съ войсками.

«Но весьма нужно, — писалъ графъ Ростопчинъ, — чтобы до того времени вещи въ той землѣ остались въ первобытномъ ихъ

---

[1]) Рескриптъ Кноррингу отъ 15-го ноября 1800 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[2]) Другой рескриптъ отъ того же числа. Тамъ же.

[3]) Письмо гр. Ростопчина Кноррингу. Тамъ же.

[4]) Письмо гр. Ростопчина Георгію 23-го ноября 1800 г. Тамъ же.

положеніи. Ѣдущіе князья доставятъ къ свѣдѣнію вашему, сколь выгодны для Грузіи постановленія о ея подданствѣ. Успокойте ихъ на счетъ ихъ сосѣдей, а тамъ все приведено будетъ въ должный порядокъ, и мы будемъ имѣть удовольствіе соучаствовать въ дѣлѣ, столь Богу и Государю угодномъ [1]).

Кноррингъ, исполняя приказаніе Императора Павла, назначилъ къ отправленію въ Грузію драгунскій Портнягина полкъ, гренадерскій Тучкова и свой мушкетерскій полкъ, съ принадлежащею къ нимъ полковою артиллеріею и четырьмя орудіями батарейной артиллеріи 5-го артиллерійскаго полка. Такимъ образомъ, присоединяя эти войска къ находившимся уже въ Грузіи, составлялся отрядъ изъ 8 баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи, 4 орудій батарейной, 15 орудій полевой артиллеріи и сотни казаковъ [2]).

Всѣ мѣста, въ которыхъ предполагалось размѣстить войска, отстояли отъ Тифлиса не болѣе ста верстъ, и потому являлась полная возможность защитить страну отъ непріязненныхъ дѣйствій ея сосѣдей, съ которой бы стороны они ни покусились.

Пока производились всѣ эти приготовленія, въ Тифлисѣ разнесся слухъ, будто Георгій скончался. Царевичи, братья его, тотчасъ же собрались въ деревню Чалы и оттуда разослали воззванія къ жителямъ г. Гори, духовенству и всему народу грузинскому [3]). Сообщая, что, по духовной Ираклія и «по утвержденію народа», слѣдуетъ быть теперь царемъ старшему брату Юлону, царевичи призывали всѣхъ въ Гори и обѣщали, кромѣ награжденія и милостей, для сохраненія женъ и дѣтей прибывшихъ къ нимъ, не

[1]) Письмо гр. Ростопчина Кноррингу 26-го ноября 1800 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Кн. I.

[2]) Войска предполагалось размѣстить такъ: въ Тифлисѣ мушкетерскій полкъ Кнорринга, одинъ баталіонъ генералъ-маіора Лазарева полка, два эскадрона драгунъ и всю батарейную артиллерію. Въ Телавѣ — одинъ баталіонъ мушкетерскаго Гулякова полка, одну роту егерей и два эскадрона драгунъ. Въ Сигнахѣ — другой баталіонъ Гулякова полка, роту егерей и два эскадрона драгунъ. Въ Лори — одинъ баталіонъ гренадерскаго Тучкова 2-го полка, роту егерей и два эскадрона драгунъ. Въ Гори—другой баталіонъ Тучкова полка и то же число егерей и драгунъ, что и въ Лори, и, наконецъ, въ Душетѣ — одну роту егерей, для поддержанія сообщенія съ Кавказскою линіею.

[3]) Письмо царевичей отъ 20-го декабря 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

пожалѣть собственной крови. Тому, кто не явится въ Гори, царевичи угрожали наказаніемъ и увѣряли, что они отъ своего намѣренія никакъ не отступятъ. «Мы въ семъ случаѣ и просимъ и совѣтуемъ и приказываемъ послушаться насъ. Мы отъ сего намѣренія, пока живы, отстать не можемъ».

Со своей стороны, царевичъ Давидъ поставилъ за Мцхетомъ пикетъ, который грабилъ всѣхъ проѣзжающихъ грузинъ и отбиралъ отъ нихъ письма.

Лазаревъ спрашивалъ Давида, зачѣмъ поставленъ пикетъ, когда съ той стороны нѣтъ опасности отъ лезгинъ. Царевичъ отпирался и говорилъ, что онъ никакого пикета не ставилъ и не знаетъ о его существованіи.

Въ ту же ночь пикетъ былъ снятъ [1]); но Давидъ не остановился въ своихъ проискахъ.

22-го декабря по Тифлису распространился слухъ, что царь приказалъ нести себя въ Сіонскій соборъ, для приведенія всѣхъ къ присягѣ на вѣрность Давиду. Народъ, князья, царевичи, все бросилось въ соборъ. Генералы Лазаревъ и Гуляковъ послѣдовали за ними. Вмѣсто обряда присяги, они увидѣли обрядъ открытія мощей, которыя со времени нашествія Аги-Магометъ-хана хранились въ церкви подъ спудомъ [2]).

Не трудно угадать, что слухи были распространены партіею царевича Давида, неутомимо работавшею въ его пользу. При содѣйствіи преданныхъ лицъ, Давидъ успѣлъ убѣдить жителей Кахетіи подать просьбу генералъ-маіору Лазареву, въ которой они, именемъ князей, дворянъ, духовенства и простаго народа, просили признать царемъ Давида. Просившіе говорили, что кромѣ царевича Давида никого не желаютъ имѣть царемъ, «а наипаче по той причинѣ, что прочія дѣти царя Ираклія желали плѣнить и разорить Грузію и согласились повергнуть грузинскій народъ подъ покровительство разбойника Баба-хана», и что они содѣйствовали Омаръ-хану, «стараясь плѣнить женъ и дѣтей нашихъ» [3]).

[1]) Письмо Лазарева Кноррингу 2-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

[2]) Донесеніе Лазарева Кноррингу 25-го декабря 1800 г. Константиновъ, ч. I, стр. 115.

[3]) Просьба кахетинцевъ Лазареву 23-го декабря 1800 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

Кахетинцы прибавляли, что они присягнули уже царевичу Давиду какъ царю Грузіи.

Въ такомъ положеніи были дѣла еще при послѣднихъ дняхъ жизни Георгія, когда два посланника его, возвращаясь изъ Петербурга, приближались къ Тифлису.

Лазаревъ получилъ приказаніе, по прибытіи ихъ въ столицу Грузіи, содѣйствовать исполненію желанія Георгія и, въ случаѣ надобности, поддержать его силою. «На всякое приключеніе вы довольно сильны», писалъ ему Кноррингъ, и сообщалъ, что, не смотря на зиму, онъ готовъ двинуться въ Грузію съ назначенными войсками.

Среди переговоровъ и переписки съ разными лицами получены были новыя свѣдѣнія о возможности скорой кончины грузинскаго царя.

Государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго былъ переданъ вопросъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, въ виду такихъ обстоятельствъ, поторопился своимъ рѣшеніемъ [1]). Онъ находилъ, что Императоръ, принявшій на себя покровительство страны, долженъ утвердить въ ней спокойствіе и защитить Грузію отъ всякаго рода неустройствъ и внѣшнихъ вторженій.

Съ другой стороны, для всѣхъ было ясно, что со смертію Георгія въ Грузіи тотчасъ же откроется междоусобіе между братьями и сыновьями умершаго царя; что неустройство и смуты въ странѣ дадутъ случай и средства туркамъ и персіянамъ къ овладѣнію Грузіей, а горскимъ народамъ — къ разорительнымъ набѣгамъ. При такихъ безпорядкахъ, государственный совѣтъ, опасаясь, чтобы «не потерпѣла тогда собственная безопасность предѣловъ россійскихъ», находилъ присоединеніе Грузіи къ Россіи необходимымъ, тѣмъ болѣе, что «распоряженія сіи, безъ сомнѣнія, принесутъ большую пользу Россіи» къ обузданію сосѣднихъ хищныхъ обитателей и установленіемъ прочной торговли не только съ сосѣдями, «но и съ индійскими народами».

Мнѣніе государственнаго совѣта окончательно склонило Императора Павла въ пользу присоединенія Грузіи. Не ожидая уже

[1]) Журналъ совѣта 17-го декабря. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

возвращенія въ Петербургъ грузинскихъ пословъ, Императоръ, въ декабрѣ, отправилъ къ Кноррингу манифестъ о присоединеніи, съ приказаніемъ однакожь публиковать его только въ случаѣ смерти царя. Если Георгій останется въ живыхъ до прибытія грузинскихъ пословъ въ С.-Петербургъ, то Кноррингъ долженъ былъ о публикаціи манифеста и о дальнѣйшихъ постановленіяхъ ожидать приказаній нашего правительства.

Декабря 22-го былъ подписанъ въ Петербургѣ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, а 28-го декабря 1800 г. скончался въ Тифлисѣ Георгій.

Въ первый разъ, когда царю сдѣлалось дурно, его соборовали масломъ, и Лазаревъ провелъ съ нимъ всю ночь. На другой день, по утру, Лазаревъ, побывавъ у Георгія, сошелъ на дворцовую гауптвахту, чтобы быть на всякій случай готовымъ. Туда пришли къ нему два священника и объявили, что имѣютъ сказать нѣчто важное и секретное. Караульные были высланы, и Лазаревъ узналъ отъ священниковъ, будто бы Георгій, исповѣдуясь у нихъ, приказалъ сообщить, отъ своего имени, Лазареву, что онъ поручаетъ ему свою супругу и дѣтей и приказываетъ, тотчасъ послѣ его кончины, возвести на престолъ царевича Давида. Неправда и ложь были очевидны. Отпустивъ пастырей церкви, Лазаревъ отправился во дворецъ къ Георгію.

Онъ нашелъ царя очень слабымъ. На вопросъ Лазарева, справедливо ли сказанное ему священниками, Георгій отвѣчалъ отрицательно.

Во все время болѣзни и до послѣдней минуты жизни, царь безпрерывно спрашивалъ Лазарева, скоро ли возвратится изъ Петербурга его полномочный, князь Чавчавадзе.

Лазаревъ обнадеживалъ больнаго, говоря, что онъ въ пути и скоро пріѣдетъ въ Тифлисъ.

— Я не окончу спокойно моей жизни,—говорилъ Георгій слабымъ, замирающимъ голосомъ,—если князь Чавчавадзе не возвратится съ благопріятными извѣстіями и если при жизни своей не увижу успѣха въ порученіяхъ, ему данныхъ.

— Конечно, князь Чавчавадзе скоро возвратится, и съ успѣхомъ,—отвѣчалъ Лазаревъ, старавшійся успокоить умирающаго царя.

Въ это время въ комнату больнаго вошелъ царевичъ Давидъ, вмѣстѣ съ княземъ Леонидзе.

Дѣдъ князя Соломона Леонидзе, природный лезгинецъ, окрестившись въ Грузіи, сдѣлался его подданнымъ. Отецъ князя Соломона былъ священникомъ въ Телавѣ, отстоящемъ отъ Тифлиса въ 102 верстахъ. Соломонъ Леонидзе, подъ руководствомъ отца своего, до 24-лѣтняго возраста, обучался русскому и разнымъ азіятскимъ языкамъ. Переѣхавъ потомъ въ Тифлисъ, онъ находился нѣкоторое время при царевнѣ Аннѣ, сестрѣ покойнаго царя Ираклія и бабкѣ вдовствующей имеретинской царицы Анны Матвѣевны. По рекомендаціи царевны Анны, Леонидзе взятъ былъ Ираклiемъ въ писаря и вскорѣ, по дарованiямъ, которыя въ немъ царь замѣтилъ, и по совершенному знанiю персидскихъ и другихъ восточныхъ языковъ, Леонидзе произведенъ былъ въ диваны и употреблялся въ важнѣйшихъ перепискахъ царя съ его сосѣдями. Впослѣдствіи онъ достигъ до званія самджвухи (судьи).

Въ бытность въ Грузіи русскихъ войскъ подъ командою полковника Бурнашева, пожаловано было ему княжеское достоинство. Находясь въ столь высокомъ званіи, князь Леонидзе пользовался особенною довѣренностію царя Ираклія и пріобрѣлъ значительныя имѣнія въ Грузіи. Человѣкъ, возвысившійся изъ простаго званія, онъ не довольствовался положеніемъ, въ которомъ находился, ему хотѣлось еще бо̀льшаго. Онъ оклеветалъ передъ царемъ Ираклiемъ сына его Георгія, тогда наслѣдника, въ томъ, что будто бы сынъ хочетъ отравить отца. Георгію же онъ сказалъ, что отецъ хочетъ его лишить зрѣнія [1]). Вскорѣ происки Леонидзе обнаружились, и онъ не только былъ удаленъ отъ должности, но лишенъ имущества и публично оглашенъ вздорнымъ, пустымъ клеветникомъ и сплетникомъ, какимъ долгое время и извѣстенъ былъ всей Грузіи. Хотя потомъ, въ бытность въ Грузіи полковника Сырохнева, Леонидзе получилъ прощеніе, но былъ только допущенъ къ царю, но въ дѣла никакія не употреблялся. Изъ имущества же, имъ пріобрѣтеннаго и по приказанію царскому отнятаго, при прощеніи, возвращено ему было только то, что было взято въ его домѣ; было ли же возвращено

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 21-го марта 1801 г., № 181. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, 334.

княжеское достоинство—намъ неизвѣстно. По кончинѣ царя Ираклія и по вступленіи на грузинскій престолъ Георгія, Леонидзе во все царствованіе не только не пользовался никакою довѣренностію, но ему даже запрещенъ былъ входъ къ царю. Интриганъ, неимѣвшій никакихъ нравственныхъ началъ, Леонидзе искалъ себѣ другой дѣятельности и втерся въ довѣренность царевича Давида.

Послѣдній, считая себя законнымъ наслѣдникомъ и зная о переговорахъ, которые велись его отцомъ въ Петербургѣ, началъ съ помощью Леонидзе дѣйствовать въ свою пользу.

Больной царь зналъ объ этихъ интригахъ, и въ послѣднее время между отцомъ и сыномъ произошла размолвка. Георгій не могъ не видѣть, что сынъ его, царевичъ Давидъ, преслѣдуетъ свои честолюбивые виды, ищетъ грузинскаго престола и ожидаетъ только кончины отца для достиженія своихъ цѣлей. Царевичъ рѣдко посѣщалъ больнаго отца. Если же и случалось, что онъ иногда заходилъ въ комнату больнаго, то царь или отвертывался къ стѣнѣ, или закрывалъ глаза, притворяясь спящимъ. Когда же ему говорили, что сынъ подлѣ него, и спрашивали, не желаетъ ли ему приказать что-нибудь, то Георгій или молчалъ, или поворачивался въ противную сторону.

Точно также Георгій отвернулся и теперь при входѣ въ его комнату царевича Давида, вмѣстѣ съ княземъ Леонидзе. На всѣ вопросы ихъ онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Спустя нѣсколько минутъ, пока Лазаревъ разговаривалъ съ царевичемъ, Леонидзе подошелъ къ постели больнаго.

— Не угодно ли будетъ вашему высочеству, — спросилъ онъ,—приказать что-нибудь наслѣднику относительно престола и царства? [1]).

Георгій молчалъ.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ тогда отца вмѣшавшійся царевичъ Давидъ.

— Я такъ теперь здоровъ,—отвѣчалъ Георгій,—какъ ты и не желалъ бы того.

---

[1]) Изъ донесенія Соколова. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—5. 1802—1803, № 1.

Не смотря на столь твердый отвѣтъ, царь скончался на слѣдующій день, въ одиннадцатомъ часу утра.

Онъ умеръ въ размолвкѣ съ сыномъ, о которомъ столь много хлопоталъ и заботился. Послѣднія минуты жизни не были радостны для Георгія: онъ не видалъ теплаго расположенія отъ собственнаго семейства, для котораго нарушилъ данную имъ клятву. Царь сознавалъ, что исполненіе обѣщаній и клятвъ, данныхъ братьямъ въ ненарушимости завѣщанія Ираклія II о престолонаслѣдіи, не можетъ назваться хорошимъ дѣломъ, и къ чести Георгія надо отнести такое сознаніе. Когда царица Дарья навѣщала его въ послѣдніе дни жизни, то царь въ одно изъ посѣщеній ея, схвативъ руку своей мачихи, поцѣловалъ ее и откровенно признался въ своихъ поступкахъ.

— Я виноватъ передъ вами, говорилъ больной, цѣлуя руку...

Извѣстіе о кончинѣ царя быстро распространилось по Тифлису. Всѣ, кто ожидалъ ея, открыли свои дѣйствія. Царевичъ Давидъ распространилъ слухъ, что Георгій писалъ Императору Павлу письмо, въ которомъ сообщалъ, что утвердилъ уже сына на грузинскомъ престолѣ. Дня за четыре еще до смерти царя, онъ взялъ отъ царицы всѣ ключи и печати, пересматривалъ бумаги и между прочимъ нашелъ проектъ письма, которымъ покойный царь думалъ просить у Государя 30,000 душъ крестьянъ и 200,000 рублей въ годъ содержанія, а братьямъ своимъ—назначеніе пенсіона въ Грузіи или въ Россіи.

Призвавъ къ себѣ князя Туманова, Давидъ спрашивалъ, знаетъ ли онъ о существованіи этой бумаги. Князь Тумановъ, писавшій просьбу и поклявшійся Георгію не говорить никому о ея содержаніи, призналъ и теперь нужнымъ отговориться незнаніемъ [1]).

— Батюшка насъ зарѣзалъ, проговорилъ тогда царевичъ.

Лазаревъ, между тѣмъ, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не было нарушено спокойствіе ни въ Тифлисѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Грузіи. По его распоряженію, тотчасъ по кончинѣ царя были разставлены во дворцѣ часовые, съ приказаніемъ не дозволять ничего выносить. Черезъ царевича Давида онъ собралъ къ

[1]) Изъ рапорта Кнорринга Государю Императору, 13-го января 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

себѣ всѣхъ вельможъ, бывшихъ въ Тифлисѣ, для выслушанія повелѣнія Императора Павла, чтобы послѣ смерти Георгія никто не былъ назначенъ преемникомъ грузинскаго престола.

Повелѣніе прочитано было по-русски. Изъ толпы собравшихся вышелъ впередъ князь Леонидзе, прежде чѣмъ переводчикъ успѣлъ перевести это повелѣніе по-грузински. Зная по-русски и обратившись къ слушателямъ, Леонидзе увѣрилъ всѣхъ, что Лазаревъ поздравилъ царевича Давида царемъ Грузіи.

Узнавъ объ этомъ, Лазаревъ вторично растолковалъ повелѣніе и просилъ Леонидзе не вмѣшиваться въ переводъ.

Леонидзе не остановился на этомъ. Онъ бѣгалъ по улицамъ Тифлиса, возмущая народъ и публикуя манифестъ, имъ самимъ сочиненный, о восшествіи царевича Давида на престолъ. Вслѣдъ затѣмъ Лазаревъ узналъ, что Леонидзе ночью былъ у царицы Дарьи, съ которою имѣлъ долгое совѣщаніе и разговоръ.

Стараясь разными средствами узнать отъ самого Давида о его намѣреніяхъ, Леонидзе тайно по ночамъ сообщалъ ихъ царицѣ Дарьѣ, приходившей иногда въ келью тифлисскаго митрополита Арсенія—мѣсто ихъ совѣщаній [1]).

Пронырства его и возмущеніе народа становились дѣломъ серьезнымъ. Лазаревъ арестовалъ князя Леонидзе, донесъ о томъ Кноррингу [2]), и въ тотъ же день написалъ братьямъ покойнаго царя, приглашая ихъ быть послушными волѣ Императора Павла.

---

[1]) Лазаревъ Кноррингу 20-го января 1801 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. I, стр. 316.

[2]) Донесеніе Соколова кн. Куракину 30-го августа 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—5. 1802—1803 г. Письмо Лазарева Кноррингу 2-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

Одною изъ причинъ, побудившихъ Лазарева скорѣе арестовать кн. Леонидзе, было слѣдующее обстоятельство, изложенное въ донесеніи Соколова.

«Князь Леонидзе,—пишетъ онъ,—вознамѣрился произвести въ дѣйство мщеніе свое надъ супругою кн. Чавчавадзе и надъ кн. Игнатіемъ Тумановымъ, за приверженность ихъ къ России. Онъ хотѣлъ заколоть ихъ кинжаломъ, прокравшись въ ихъ дома; но какъ, по счастію, княгиня Чавчавадзе въ ту минуту находилась у овдовѣвшей царицы Маріи, а кн. Леонидзе былъ въ домѣ ея встрѣченъ братомъ ея Соломономъ Аваловымъ, то сей его изъ дому выпроводилъ. Князя же Туманова Леонидзе дома не засталъ, ибо онъ тогда находился при командующемъ въ Грузіи г.-м. Лазаревѣ для грузинской переписки, почему Лазаревъ, о томъ увѣдомившись, приказалъ, для охраненія ихъ, поставить къ ихъ домамъ караулы.

«Всѣ приказанія, — писалъ онъ имъ [1]),—для соблюденія народа въ своихъ предѣлахъ, будутъ подписаны и запечатаны его свѣтлостію царевичемъ Іоанномъ, оберъ-секретаремъ Игнатіемъ (княземъ Тумановымъ) и мною».

Царевичи, высказывая сожалѣніе о кончинѣ брата, удивлялись, что племянникъ ихъ, царевичъ Іоаннъ, будетъ подписывать повелѣнія. Они считали себя обиженными тѣмъ, что изъ братьевъ покойнаго царя никто не былъ призванъ къ участію въ управленіи страною [2]). Царевичи просили Лазарева, чтобы онъ одинъ управлялъ Грузіею — и тогда объявляли полную готовность служить русскому Императору—или же допустилъ къ участію одного изъ братьевъ покойнаго царя. Лазаревъ отвѣчалъ царевичамъ, что никто изъ братьевъ покойнаго царя не призванъ управлять страною, потому что изъ дѣтей Ираклія не было никого въ Тифлисѣ, но что если кто захочетъ пріѣхать въ столицу Грузіи, то онъ почтетъ «за честь принять кого-нибудь изъ нихъ въ сочлены» [3]).

30-го декабря тѣло царя было перенесено въ соборъ. Выносъ сдѣланъ былъ со всѣми почестями; чиновники несли регаліи покойнаго, и всѣ три баталіона нашихъ войскъ участвовали въ печальной церемоніи [4]).

Царица Марія просила Лазарева не торопиться похоронами и оставить ихъ до успокоенія края. Въ девять часовъ утра 20-го февраля 1801 г. тѣло Георгія отправлено изъ Тифлиса въ Мцхетъ для погребенія.

Послѣ смерти Георгія XII, Грузія осталась въ болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ послѣ смерти Ираклія II. Послѣ кончины Ираклія II враждовали между собою только братья, спорившіе о порядкѣ престолонаслѣдія; теперь же, съ кончиною Георгія, къ враждовавшимъ присоединились ихъ племянники и многочисленные родственники съ той и съ другой стороны.

Царица Марія находилась въ весьма жалкомъ состояніи, какъ

[1]) Письмо Лазарева царевичамъ 28-го декабря 1800 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣст.

[2]) Письмо царевичей Вахтанга и Миріана къ Лазареву отъ 29-го декабря 1800 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣстника.

[3]) Письмо Лазарева царевичамъ 30-го декабря 1800 г. Тамъ же.

[4]) Письмо Лазарева Кноррингу 31-го декабря 1800 г. Тамъ же.

отъ горести, такъ и потому, что покойный царь ничего почти не оставилъ для матеріальнаго существованія своего семейства. Къ тому же она была больна.

«Нетерпѣливо ожидаю,—писалъ Лазаревъ Кноррингу [1]),—прибытія вашего, и отъ искренняго сердца онаго желаю. Чувствую, что весьма недостаточенъ съ сими странными людьми и обстоятельствами обходиться и гдѣ всякій шагъ можетъ быть пагубный; если самъ чего не сдѣлаешь, такъ вѣрно выдумаютъ, и гдѣ только того и смотрятъ, чтобы другъ друга ограбить, отнять все имѣніе, и еслибъ можно было, то и жизнь».

Въ такомъ положеніи, чтобы сохранить страну и предупредить въ ней междоусобіе, Лазареву оставалось одно средство — не давать преимущества ни той, ни другой сторонѣ противниковъ.

Казалось, что Лазаревъ счастливо достигъ этого тѣмъ, что предпочелъ Давиду царевича Іоанна, включивъ послѣдняго въ число лицъ, составившихъ временное правленіе страны. Оба претендента на престолъ, Давидъ и Юлонъ, устранялись отъ правленія и не имѣли причины къ непріязненнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга. Начавъ такъ хорошо, Лазаревъ не довелъ дѣла до конца съ тою же настойчивостью. Давидъ, какъ увидимъ, успѣлъ втереться въ составъ временнаго правленія, и потому предпочтеніе Лазаревымъ царевича Іоанна было только полумѣрою, остановившею кровопролитіе, но невызвавшею полнаго спокойствія страны.

Обѣ партіи противниковъ стали, такъ сказать, въ оборонительное положеніе другъ къ другу и старались, по возможности, укрѣпиться и пустить глубже корни въ народѣ. Собирая партіи, волнуя народъ, они безпрестанно обращались съ жалобами одинъ на другаго къ командовавшимъ русскими войсками. Царевичи Вахтангъ и Миріанъ жаловались [2]), что племянникъ ихъ Багратъ распускаетъ слухи по Кахетіи, что получилъ письмо отъ Лазарева, который писалъ ему, будто бы, согласно высочайшей волѣ, братъ его, царевичъ Давидъ, утвержденъ царемъ и что онъ силою приводитъ народъ къ присягѣ. Вахтангъ и Миріанъ сообщали, что

[1]) Письмо Лазарева Кноррингу 2-го января 1801 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.
[2]) Письмо царевичей Кноррингу отъ 2-го января 1801 г. Тамъ же.

тѣ кахетинскіе князья, которые утвердили своею подписью духовное завѣщаніе Ираклія о переходѣ престола послѣ смерти Георгія къ братьямъ, пріѣхали къ нимъ, не хотятъ присягать Давиду и просятъ о соблюденіи этого завѣщанія.

Багратъ писалъ Лазареву [1]), что многіе кахетинскіе князья получили письма, которыми ихъ принуждаютъ не дожидаться повелѣній Императора Павла.

«Юлонъ и Парнаозъ,—писалъ царевичъ Давидъ [2]),—переходятъ вездѣ въ Карталиніи и склоняютъ народъ къ бунту, увѣряя, что ваше объявленіе было прямо такое, что въ Грузіи отнынѣ не должно быть царя. Причемъ народу даютъ знать, что онъ потерпитъ совершенную неволю и погибель, а князья и дворяне будутъ сдѣланы такъ, какъ черкесы, и безъ всякаго уваженія будутъ оставлены. Итакъ, вознеся на васъ причину всего ихъ движенія и волнованія, ободряютъ народъ къ возстанію».

Лазаревъ получилъ свѣдѣніе, что царевичи, братья покойнаго царя, намѣрены пробраться въ Кахетію и произвести тамъ, по словамъ Давида, явный бунтъ. Вполнѣ убѣжденный въ своемъ превосходствѣ и правахъ, надѣясь на то, что наслѣдуетъ непремѣнно грузинскій престолъ, царевичъ Давидъ старался выказать и заявить свою самостоятельность.

«Я никакъ не повѣрю, чтобы дядямъ моимъ было попускаемо, писалъ онъ Лазареву. — Я вѣрю, что Государь единымъ своимъ словомъ можетъ все совершить и всѣ такіе замыслы (царевичей) опровергнуть.

«Ежели вамъ не угодно, по какой ни есть причинѣ, въ сіе вмѣшиваться, то прошу мнѣ дать волю, и я ихъ усмирю, ибо вы видите мое повиновеніе, что дѣлать я считаю за долгъ и честь. Напротивъ того, дяди мои явно васъ презираютъ, и, чтобы при всемъ этомъ остаться спокойнымъ зрителемъ, я ни отъ васъ, ни отъ Россіи не уповаю, кольми паче, когда не можно изгладить причины къ жалобѣ, и, конечно, таковое волненіе не останется забвеннымъ.

«Прошу у васъ, покуда народъ еще не собрался, чтобы сіе

[1]) Письмо Баграта Лазареву отъ 2-го января 1801 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.
[2]) Лазареву отъ 3-го января 1801 г. Тамъ же.

заранѣе утушить. Извѣстно вамъ, какая намъ будетъ бѣда, а вамъ непомѣрныя хлопоты. Во время же сего бунтованія Омаръ-ханъ (аварскій) неминуемо воспользуется и можетъ легко деревню или двѣ похитить и разорить; и кто же во всемъ этомъ дастъ отвѣтъ?»

Кончая такимъ вопросомъ письмо, царевичъ Давидъ, конечно, хотѣлъ сказать, что отвѣтственность падетъ на Лазарева и частію на него, какъ законнаго представителя Грузіи. Такъ думалъ онъ, такъ былъ убѣжденъ и, какъ увидимъ, такъ дѣйствовалъ, считая себя хозяиномъ страны. Съ другой стороны, царевичи, его дяди, считали свои права также неотъемлемыми и не хотѣли подчиняться племяннику.

Критическое положеніе, въ которомъ находилась Грузія, требовало иныхъ мѣръ для спасенія страны, мѣръ энергическихъ, смиряющихъ обѣ враждебныя стороны и недопускающихъ до междоусобія и кровопролитія...

XVI.

Путь, принятый нашимъ правительствомъ, въ вопросѣ присоединенія Грузіи къ Россіи послѣ смерти Георгія XII.—Императоръ Павелъ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ особое участіе.—Прибытіе пословъ въ Тифлисъ, совѣщаніе князей, народа и новое отправленіе пословъ въ Петербургъ.—Безпорядки въ Грузіи.—Царевичъ Давидъ временно управляетъ царствомъ. — Удаленіе царевичей — сыновей Ираклія въ Имеретію.

Выѣхавшіе въ Тифлисъ послы грузинскіе успѣли прибыть на Кавказскую линію прежде кончины Георгія, а именно 23-го декабря. Кноррингъ на другой же день отправилъ ихъ далѣе; но они, вернувшись съ дороги, пріѣхали обратно въ Моздокъ.

Достигнувъ Ларса, посланные узнали тамъ, будто бы царевичъ Вахтангъ, жившій въ Душетѣ, какъ только услыхалъ о смерти царя, принялъ мѣры, чтобы не пропускать никого ни въ Грузію, ни изъ Грузіи, за исключеніемъ русскихъ курьеровъ и посланныхъ [1]). Засада эта была поставлена по приказанію церевича Да-

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 3-го января 1801 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.

вида [1]), который, для того, чтобы скрыть свои поступки, распускалъ слухи, будто бы это сдѣлано царевичемъ Вахтангомъ. Говорили, что послѣдній приказалъ мтіулетинцамъ—народу, жившему въ ущельяхъ, по которымъ пролегала дорога въ Грузію, и подвластному только одному Вахтангу—хватать и задерживать всѣхъ проѣзжающихъ грузинъ. Разсказывали, что, для бо́льшаго поощренія, онъ дозволилъ мтіулетинцамъ грабить въ свою пользу проѣзжающихъ.

Кноррингъ тотчасъ же отправилъ нарочнаго къ царевичу Вахтангу и просилъ его какъ увѣдомить о справедливости слуховъ относительно его распоряженій, такъ и о томъ, чтобы онъ оказалъ содѣйствіе къ безопасному проѣзду въ Тифлисъ князей Авалова и Палавандова, какъ ѣдущихъ туда по волѣ Императора Павла.

Не получивъ отвѣта отъ Вахтанга, Кноррингъ распорядился, однако же, отправкою пословъ. Давъ имъ въ конвой 100 человѣкъ казаковъ, онъ поручилъ Лазареву выслать въ Душетъ, и даже далѣе, одну роту егерей и 50 человѣкъ казаковъ, для сопровожденія пословъ до Тифлиса.

Не смотря на то, царевичъ Вахтангъ задержалъ въ Душетѣ и посадилъ въ тюрьму служителя князя Авалова, посланнаго имъ изъ Ларса съ предписаніемъ къ Лазареву о высылкѣ полномочнымъ конвоя. Передъ самымъ Душетомъ князь Аваловъ получилъ предостереженіе отъ преданнаго ему человѣка и совѣтъ не останавливаться въ этомъ мѣстѣ. По пріѣздѣ въ Душетъ, Вахтангъ нѣсколько разъ приглашалъ князя Авалова заѣхать къ нему въ домъ; но посланные знаками давали знать объ угрожающей опасности и совѣтовали скорѣе выѣхать изъ Душета [2]).

Донесеніе о смерти Георгія было уже отправлено Кноррингомъ Императору, когда на другой день онъ получилъ манифестъ, отъ 18-го декабря, о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Прочитавъ манифестъ и рескриптъ Императора Павла, Кноррингъ остался въ нерѣшимости и затрудненіи.

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 13-го января 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[2]) Рапортъ Кнорринга 10-го января 1801 г.

Изъ содержанія манифеста видно было, что обнародованіе его должно послѣдовать тогда, когда полномочные грузинскіе, принявъ грамоты отъ царя и народа о желаніи ихъ быть въ подданствѣ Россіи, возвращались бы съ тѣми грамотами изъ Тифлиса въ Петербургъ.

Кноррингъ не рѣшился поэтому обнародовать манифестъ, «вѣдая,—какъ онъ писалъ [1]),—что дѣло оное конца своего, сообразно предположеніямъ, не воспріяло, и народъ грузинскій не предваренъ о рѣшительномъ соизволеніи вашего императорскаго величества принять ихъ подъ законы Имперіи Всероссійской».

Промедленіе въ объявленіи манифеста имѣло дурныя послѣдствія для царства.

Князья и дворяне раздѣлились на двѣ партіи. Одна партія съ нетерпѣніемъ ожидала введенія русскаго управленія; другая, напротивъ, желала сохранить своего царя, который, находясь подъ полною зависимостію Россіи, управлялъ бы Грузіею по собственнымъ ея законамъ и обычаямъ. Каждый изъ принадлежащихъ къ этой послѣдней партіи имѣлъ въ семъ случаѣ въ виду кого-либо изъ царевичей, по одному лишь расположенію его къ себѣ, не разбирая, впрочемъ, ни правъ его на наслѣдство, ни личныхъ способностей [2]).

Пользуясь разногласіемъ, царевичи продолжали враждовать между собою.

20-го декабря 1800 года царевичи Юлонъ, Вахтангъ и Миріанъ разослали по Карталиніи и Кахетіи воззванія ко всему духовенству и мірянамъ, въ которыхъ, выставляя свое безпристрастіе при избраніи и утвержденіи Георгія царемъ Грузіи, описывали, какъ отблагодарилъ ихъ за то покойный царь. Царевичи обвиняли его въ притѣсненіяхъ какъ имъ, такъ и царицѣ Дарьѣ [3]). Они старались напомнить народу о попеченіи и заботахъ ихъ отца, царя Ираклія II; просили грузинъ вспомнить, что

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 5-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

[2]) Записка князя Чавчавадзе, поданная Государю Императору въ 1836 г. Арх. Главн. Шт. въ С.-Петербургѣ.

[3]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 229.

онъ былъ отцомъ не только ихъ самихъ, но и всего народа; просили вспомнить, что Ираклій оставилъ завѣщаніе, въ силу котораго царское право должно переходить между братьями преемственно...

«Совѣтуемъ вамъ,—писали царевичи,—стоять твердо на томъ, что установлено родителемъ нашимъ. Нынѣ такое время, когда вы должны всячески оказать намъ полную вѣрность и покорность. Если кто посовѣтуетъ вамъ что-либо намъ противное или потребуетъ васъ къ себѣ—не слушайте...»

Посланный царевича Вахтанга объявилъ Кноррингу, что братья покойнаго царя не дозволятъ царствовать Давиду, а желаютъ видѣть себя лучше въ непосредственномъ владѣніи Россіи [1]).

30-го декабря царевичъ Давидъ передалъ генералъ-маіору Лазареву письмо, подписанное двадцатью двумя князьями и некресскимъ митрополитомъ. Въ письмѣ этомъ кахетинскіе князья вновь высказывали единодушное желаніе имѣть царемъ Давида, опираясь на то, что онъ Императоромъ Павломъ утвержденъ уже наслѣдникомъ престола. Подписавшіе письмо высказывали свое нежеланіе видѣть на престолѣ кого-либо изъ братьевъ покойнаго и вторично ссылались на то, что будто бы они имѣли намѣреніе передать Грузію подъ покровительство Баба-хана и содѣйствовали вторженію Омаръ-хана аварскаго.

Успѣвъ, такимъ образомъ, склонить въ свою пользу нѣкоторыхъ князей, Давидъ требовалъ, чтобы всѣ остальные явились къ нему, какъ къ законному наслѣднику престола. Онъ объявилъ многимъ разные чины, назначилъ должности и вновь приказалъ брату своему царевичу Теймуразу приводить народъ къ присягѣ. Съ другой стороны, въ Карталиніи духовенство молилось о здравіи Юлона, какъ царя Грузіи [2]), и вскорѣ затѣмъ получено было въ Тифлисѣ воззваніе карталинскихъ князей, за подписью двѣнадцати лицъ. Подписавшіе воззваніе, объявивъ, что они присягнули уже царевичу Юлону и приглашали всѣхъ жителей столицы послѣдовать ихъ примѣру.

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 5-го января 1801 г.

[2]) Письмо Лазарева грузинскому патріарху 8-го января 1801 г., № 15.

«Мы написали вамъ это письмо,—говорилось въ воззванiи,—кто его увидитъ первый и утаитъ, не объявляя его тѣмъ, къ кому оно адресовано, тотъ да будетъ отлученъ Пресвятою Троицею и проклятъ душою и тѣломъ [1])».

Сообщивъ въ городѣ Гори, что, по духовному завѣщанiю царя Ираклiя, слѣдуетъ царствовать Юлону, и объявивъ, что они о томъ писали Императору Павлу, царевичи, дѣти Ираклiя II, увѣщанiями и угрозами приглашали грузинъ присоединиться къ нимъ.

Царевичи Вахтангъ и Мирiанъ склонили имеретинскаго царя Соломона II написать Императору Павлу письмо и просить его о возведенiи на грузинскiй престолъ царевича Юлона. Письмо это, доставленное Кноррингу, было отправлено въ С.-Петербургъ.

Братъ Давида Багратъ объявилъ жителямъ, что царевичъ Давидъ уже объявленъ царемъ Грузiи, сталъ приводить силою народъ къ присягѣ, а братья покойнаго царя собирали войско, съ намѣренiемъ напасть на городъ Гори.

«Извѣстно вамъ,—писалъ Теймуразъ къ Амилахварову, что Государь пожаловалъ царство Давиду, а карталинцы хотятъ повелѣнiе Государя преступить. Между карталинцами ты первый. Кто вамъ спуститъ, что вы въ подпискѣ Юлону приложили двѣ печати? Если теперь же не покаешься, то ты противникъ Государю. Если же теперь себя не исправишь, то будетъ вмѣнено тебѣ измѣнничество Государю. Поставленнаго царемъ отъ государя какъ ты можешь опровергнуть? Ты уже знаешь, что Давидъ признанъ царемъ и что въ сей землѣ, будучи измѣнникъ Давиду, не можешь быть: если поѣдешь въ Россiю, то тамъ Государь накажетъ тебя яко измѣнника; если въ Имеретiю, то и тамъ нельзя будетъ тебѣ жить; если въ Турцiю, то тамъ превратятъ хотя не тебя, но дѣтей твоихъ въ турецкiй законъ. На что себя такъ обижаешь?» [2]).

Среди такихъ волненiй, грузинскiе послы, князья Палавандовъ и Аваловъ, подвигались къ Тифлису. 5-го января они были уже въ деревнѣ Коби, въ 70 верстахъ отъ города, а 8-го января

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 230.

[2]) Письмо Теймураза отъ 18-го января 1801 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. I, стр. 310.

*

прибыли въ столицу Грузіи, гдѣ Лазаревъ принималъ всѣ мѣры къ успокоенію жителей.

Грузинамъ запрещено было собираться на улицахъ толпами, и всякіе ложные слухи опровергались гласнымъ объявленіемъ ихъ несправедливости. Нарушители общаго порядка были арестовываемы, не смотря на званіе.

Кноррингъ, видя изъ полученныхъ донесеній, что царевичъ Вахтангъ былъ одинъ изъ тѣхъ лицъ, которыя болѣе всего волновали народъ, приказалъ Лазареву, въ случаѣ дальнѣйшихъ происковъ, стараться арестовать его. «Для достиженія сего предмета,—писалъ онъ [1]),—можно послѣ вахтпарада, подъ какимъ ни есть предлогомъ, отрядить сто человѣкъ или сколько заблагоразсудится. Сія команда должна съ наивозможнѣйшею поспѣшностію идти къ мѣсту пребыванія помянутаго царевича и арестовать его въ ночное время».

Рѣшившись дѣйствовать энергично, Кноррингъ боялся вторженія сосѣднихъ народовъ, которые легко могли воспользоваться безпорядками и безцарствіемъ въ Грузіи. Онъ думалъ самъ двинуться въ Грузію, но затруднялся тѣмъ, что оставленныхъ на линіи войскъ будетъ недостаточно для защиты границы отъ хищничества кабардинцевъ.

Взявъ тѣ войска, которыя были назначены Императоромъ, и двинувшись съ ними въ Грузію, Кноррингъ оставилъ бы на линіи только четыре баталіона мушкетеръ, двѣ гренадерскія, двѣ егерскія роты и десять эскадроновъ драгунъ.

Войскамъ этимъ приходилось защищать всю линію отъ Кизляра до Усть-Лабинской крѣпости, на протяженіи болѣе 700 верстъ. Незначительность войскъ и длина линіи обороны крайне стѣсняли Кнорринга въ дальнѣйшихъ его распоряженіяхъ. Онъ не зналъ, двинуться-ли ему въ Грузію, или остаться на мѣстѣ, обнародовать-ли манифестъ и предоставить Лазареву располагать однѣми своими силами, или же, ожидая дальнѣйшихъ приказаній нашего правительства, держать до времени полученный имъ манифестъ подъ спудомъ.

Смерть Георгія уничтожила на нѣкоторое время всѣ предпо-

[1]) Секретное предписаніе Кнорринга Лазареву 18-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

ложенія нашего правительства въ вопросѣ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

Все разсчитано было такъ, что послы доѣдутъ до Тифлиса, Георгій подпишетъ условія подданства, объявитъ ихъ народу и отправитъ новыхъ пословъ въ Петербургъ. Наше правительство предполагало и надѣялось, что присоединеніе страны состоится при жизни Георгія, и потому, какъ мы видѣли, запретило Кноррингу публиковать до времени манифестъ. Ожиданія не исполнились: Георгій скончался прежде возвращенія въ Тифлисъ своихъ полномочныхъ. Желаніе нашего правительства, чтобы Георгій самъ гласно заявилъ народу о своемъ намѣреніи, не осуществилось. Застигнутый врасплохъ, петербургскій кабинетъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости безотлагательнаго обнародованія манифеста.

Обнародованіе въ Петербургѣ, 18-го января 1801 года, манифеста о присоединеніи Грузіи къ Россіи вывело Кнорринга изъ затруднительнаго положенія.

Петербургскій кабинетъ по вопросу о присоединеніи царства остался на томъ же пути, по которому шелъ съ самаго начала. Не смотря на кончину Георгія и на происходившія въ странѣ замѣшательства, Императоръ Павелъ все-таки ожидалъ прибытія въ Петербургъ посланниковъ или депутатовъ — на этотъ разъ отъ народа и царевичей—которыхъ намѣренъ былъ привести къ присягѣ на торжественной аудіенціи и въ своемъ присутствіи [1]).

Графъ Ростопчинъ объявилъ отъ имени Павла I князю Чавчавадзе, остававшемуся въ Петербургѣ, что Императоръ, въ видѣ милости къ новымъ своимъ подданнымъ, назначитъ старшаго изъ всѣхъ членовъ царскаго дома правителемъ Грузіи, подъ наименованіемъ намѣстника или царя, при томъ, однакожь, условіи, что онъ будетъ имѣть при себѣ постоянно «одного изъ вельможъ великороссійскихъ» [2]). Ростопчинъ говорилъ князю Чавчавадзе, что въ Грузіи будетъ учрежденъ главный судъ, подъ названіемъ совѣта или департамента сената; что будутъ учреждены низшія су-

---

[1]) Рескриптъ Кноррингу 18-го января 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[2]) Докладная записка Лошкарева министерству 5-го марта 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Дѣла Грузіи. Кн. I.

дебныя мѣста и что для устройства всего этого прибудетъ въ Грузію тайный совѣтникъ Лошкаревъ.

Кноррингу было предписано поспѣшить отправленіемъ депутатовъ изъ Тифлиса въ С.-Петербургъ [1]).

Императоръ Павелъ, сначала противившійся, а впослѣдствіи убѣжденный государственнымъ совѣтомъ, сталъ дѣйствовать съ рѣшимостію и особеннымъ участіемъ въ дѣлѣ присоединенія Грузіи. Присоединеніе ея стало любимою и завѣтною мечтою Императора. Князь Куракинъ, въ спальнѣ Павла и на его столѣ, составлялъ церемоніалъ для принятія грузинскихъ пословъ, дѣлая, по приказанію Императора, выписки изъ «Mémoire du Baron de Brilefeldt». Выписки эти производились наканунѣ дня его кончины, 10-го марта 1801 года [2]).

Желая угодить своимъ новымъ подданнымъ, Императоръ хотѣлъ оказать ихъ представителямъ особое вниманіе. Всегда говѣя на страстной недѣлѣ, онъ въ послѣдній годъ своего царствованія отговѣлъ ранѣе, на крестопоклонной, чтобы, какъ онъ говорилъ, имѣть свободное время для принятія въ подданство Грузіи [3]). При столь торжественномъ случаѣ находя приличнымъ явиться въ одеждѣ прежнихъ ихъ государей, Павелъ I приказалъ приготовить для себя *далматикъ*.

«Одежда эта, — говоритъ Котлубицкій,—дарованная византійскими императорами, какъ отличіе, нѣкоторымъ святителямъ восточной церкви, сдѣлалась впослѣдствіи священнымъ облаченіемъ сперва архіепископовъ, а потомъ и епископовъ, подъ смиреннымъ именемъ *сакоса*.

«Вслѣдствіе сего распространилась молва, будто бы Императоръ желаетъ священнодѣйствовать, для чего и заказалъ себѣ архіерейское одѣяніе...»

Присяга пословъ въ Петербургѣ вела за собою точно такую же присягу и въ Грузіи. Исполненіе послѣдней возложено было на Кнорринга.

---

[1]) Письмо графа Ростопчина Кноррингу 19-го января 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1867 г. т. I, 303 прим.

[3]) Разсказъ Котлубицкаго. См. «Русскій Архивъ» 1866 г., №№ 8 и 9, стр. 1329.

«Я хочу,—писалъ Императоръ Павелъ [1]),—чтобы Грузія была губернія, и такъ тотчасъ и поставьте ее въ сношеніе съ сенатомъ, а по духовной части съ синодомъ, не трогая ихъ привилегій. Губернаторъ пусть будетъ кто-либо изъ царской крови, но подъ вами, и будетъ шефъ гусарскаго тамошняго новаго полка [2])».

Кноррингъ получилъ приказаніе объявить царевичу Александру, что Императоръ предастъ забвенію всѣ прежніе его проступки, если только онъ оставитъ свои происки и отправится въ Россію, куда призывались всѣ безъ исключенія лица грузинскаго царскаго дома [3]), въ доказательство того, что въ Грузіи всѣ сословія желаютъ вступить въ подданство Россіи, «а не то, чтобы покорство ихъ происходило единственно изъ желанія двухъ или трехъ [4])».

Царевичъ Давидъ лично получилъ письмо Императора, въ знакъ попеченія какъ о немъ самомъ, такъ и о благѣ Грузіи [5]).

Графъ Ростопчинъ просилъ царевица сохранить дружбу и согласіе между собою всѣхъ членовъ царскаго семейства и поторопиться отправленіемъ пословъ, «для скорѣйшаго окончанія дѣла— по словамъ графа,—*богоугоднаго и вамъ пріятнаго* [6]).

Наше правительство, и во главѣ его Императоръ Павелъ I, были въ этомъ случаѣ весьма далеки отъ какихъ бы то ни было насильственныхъ дѣйствій съ нашей стороны.

«Старайтесь, — сказано въ одномъ изъ рескриптовъ Кноррингу [7]),—Грузію утвердить на томъ основаніи, какъ уже къ вамъ и писано; не ищите иныхъ пріобрѣтеній дѣлать, какъ тѣ, которыя добровольно будутъ искать моего покровительства. Лучше

---

[1]) Рескриптъ Кноррингу 20-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) «Когда грузины,—писалъ Императоръ въ другомъ рескриптѣ, — по случаю принятія ихъ въ подданство наше, на вѣрность онаго приведены будутъ къ присягѣ, то приступите тогда къ формированію изъ грузинъ одного гусарскаго полка и въ шефы онаго представьте Мнѣ одного изъ царевичей, который бы сего былъ болѣе достоинъ, котораго и приму въ службу генералъ-маіоромъ, и полкъ будетъ называться именемъ его.» См. рескриптъ отъ 19-го января 1801 г.

[3]) Рескриптъ Кноррингу 20-го января 1801 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣстника.

[4]) Рескриптъ Кноррингу 19-го февраля 1801 г.

[5]) Рескриптъ царевичу Давиду отъ 18-го января 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[6]) Письмо графа Ростопчина царевичу 19-го января 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[7]) Рескриптъ отъ 20-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

имѣть союзниковъ, интересованныхъ въ союзѣ, нежели подданныхъ ненадежныхъ. Лѣвая ваша сторона обезпечена таковыми. Не наведите туркамъ страха: тогда и правая сторона будетъ надежна. Ищите Арменію интересовать къ сближенію для торгу и торгомъ, дабы каналъ имѣть чрезъ нихъ и далѣе. Соблюдайте привилегіи, но установите нашъ порядокъ. Комплектуйте полки нашими рекрутами, но полковъ мало по пространству. И такъ сочтитесь, не можете-ли умножить тамошними жителями и тамошними доходами. Ищите рудъ всякаго рода и промысловъ; также и таможни перенесите на границу. Займитесь теперь не завоеваніемъ, но пріобрѣтеніемъ добровольнымъ. Вотъ мои мысли».

Императоръ самъ искалъ предлога, придумывалъ случаи и средства къ награжденію новыхъ подданныхъ знаками своей милости. Онъ поручилъ Кноррингу доставить ему именной списокъ тѣмъ лицамъ, которыя болѣе другихъ желали быть «у него въ подданствѣ» [1]).

Многихъ изъ нихъ предполагалось наградить достоинствами графовъ и бароновъ; пожаловать однимъ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго, другимъ камергерское званіе [2]), и весь народъ освободить отъ податей на три года. Такимъ способомъ дѣйствій думалъ Павелъ I привязать къ себѣ грузинъ.

Императоръ не ошибался. Въ Тифлисѣ, съ прибытіемъ пословъ, происходили совѣщанія. Лица всѣхъ званій и состояній были приглашены въ собраніе. Князья Аваловъ и Палавандовъ, вмѣстѣ съ Лазаревымъ отправили письма къ царевичамъ Юлону, Вахтангу, Міріану и Парнаозу, съ приглашеніемъ принять участіе въ об-

---

[1]) Рескриптъ Кноррингу 19-го февраля 1801 г.

[2]) На запросъ объ этомъ Кнорринга Лазаревъ отвѣчалъ, что это дѣло весьма трудное.

«Что касается до крестовъ, то, по моему мнѣнію, князья Игнатій Тумановъ, Дарчи Бебутовъ и Соломонъ Аргутинскій-Долгорукій болѣе всѣхъ заслуживаютъ этой награды. Всѣ здѣшніе дворяне нисколько не лучше нашихъ однодворцевъ. Кого же сдѣлать графами и баронами? Къ этому надо еще прибавить, что въ нѣкоторыхъ семействахъ одинъ изъ братьевъ преданъ намъ, а другой находится въ числѣ матежниковъ. При дворѣ никто изъ нихъ не можетъ служить, потому что всѣ они не получили никакого воспитанія: трудно различить здѣшняго царевича отъ простаго мужика.» Рапортъ Лазарева 24-го марта 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

щемъ дѣлѣ. Царевичи Юлонъ и Парнаозъ не только не отвѣчали ничего на приглашеніе, но, напротивъ, всѣми мѣрами старались воспрепятствовать князьямъ съѣхаться въ Тифлисѣ. Царевичи Вахтангъ и Миріанъ сообщили, что не могутъ за дальностію прибыть къ назначенному дню въ Тифлисъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ они спрашиваютъ совѣта старшаго брата, Юлона, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Вслѣдъ затѣмъ всѣ братья Георгія, съ 700 человѣкъ вооруженныхъ, собрались въ Мухрани для совѣщаній, на которыхъ рѣшили ѣхать въ Кахетію, привести карталинцевъ и кахстинцевъ къ присягѣ, что, по словамъ дворянина Іасефова, и исполнили [1]). Царевичи тщательно скрывали отъ народа высочайшую грамоту, присланную имъ Лазаревымъ. Посланный съ грамотою адъютантъ Лазарева, штабсъ-капитанъ Котляревскій [2]), не считалъ однако же нужнымъ скрывать цѣли своего прибытія. Высочайшая грамота стала извѣстна и князьямъ, бывшимъ при царевичахъ, такъ что свита ихъ раздѣлилась на двѣ партіи. Нѣкоторые изъ князей желали оставить царевичей, но, боясь наказанія и преслѣдованія, скрывали свое намѣреніе. Многіе изъ нихъ приходили къ Котляревскому; но едва тотъ начиналъ съ ними разговаривать, какъ пришедшіе тотчасъ же были отзываемы къ царевичамъ, старавшимся не допускать никого до переговоровъ съ посланнымъ.

Передъ отъѣздомъ Котляревскаго пришли къ нему человѣкъ двадцать князей изъ числа преданныхъ царевичу Юлону.

— Не будете ли вы писать отвѣтъ на письмо, мною привезенное? спросилъ Котляревскій.

— Если бы мы увидѣлись съ генераломъ Лазаревымъ, — отвѣчали они, — то лично бы все объявили, но теперь не имѣемъ средствъ этого исполнить.

— Средство самое легкое — пріѣхать въ Тифлисъ, замѣтилъ имъ Котляревскій.

Князья на это не согласились.

---

[1]) Показаніе дворянъ Іасефова и Мамацева 28-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Знаменитый впослѣдствіи дѣятель Кавказа.

— Точно ли царевичъ Давидъ объявленъ наслѣдникомъ? спрашивали они.

— Точно. Привезенная мною къ царевичу Юлону копія съ высочайшей грамоты, которую вы легко видѣть можете, это доказываетъ, отвѣчалъ Котляревскій.

— Наслѣдникомъ его признать мы никакъ не можемъ, потому что при покойномъ царѣ Иракліѣ присягнули царевичу Юлону; но если угодно будетъ его императорскому величеству, чтобы ни тотъ, ни другой царемъ не былъ, то на сіе согласны и послѣднюю кровь для его величества пролить готовы.

Между тѣмъ, царевичи отправили къ царицѣ Дарьѣ письмо, которая въ отвѣтъ сообщила сыновьямъ, что въ Кахетію отправлены войска.

Въ Тифлисѣ же, послѣ совѣщаній и переговоровъ, князья, духовенство и народъ рѣшили отправить обратно въ Петербургъ князей Палавандова и Авалова съ единодушнымъ заявленіемъ своего желанія вступить въ подданство Россіи.

Въ домѣ Лазарева собрались духовенство, князья и тифлисскіе жители. Здѣсь они подписывали благодарственную грамоту Императору Павлу I.

«Благодарность и радость,—доносилъ Лазаревъ,—были изображены на всѣхъ лицахъ, и желаніе подписывать простиралось до того, что многіе князья приходили уже вечеромъ и просили, чтобы распечатать пакетъ, въ который означенная грамота положена была, что и они желаютъ сдѣлать рукоприкладство. Крѣпостцы кахетинской моуравъ князь Андрониковъ, будучи одержимъ болѣзнію, не могши быть въ собраніи, прислалъ печать (къ Лазареву) съ довѣренностію за него оную приложить» [1].

18-го января послы выѣхали изъ Тифлиса въ Петербургъ и 7-го февраля направились чрезъ Моздокъ [2].

Послы везли съ собою благодарность князей, духовенства, купечества и прочихъ сословій и засвидѣтельствованіе преданности

---

[1]) Изъ рапорта Лазарева Кноррингу 16-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Письма: царевича Давида Кноррингу 18 января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Нам. Кнорринга Лошкареву 7-го февраля. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

за принятіе Грузіи въ подданство и покровительство [1]), а жившіе въ Тифлисѣ персіяне писали, что и они желаютъ быть подъ высокимъ покровительствомъ русскаго Императора и готовы служить ему, какъ истинные вѣрноподданные [2]).

Царевичъ Давидъ писалъ [3]), что, принявъ желаніе Императора Павла I «съ достодолжною признательностію и преклонивъ главу, повергъ единожды навсегда себя и царство мое подданству вашему и высокимъ августѣйшимъ престола вашего преемникамъ, во всемъ согласно съ прошеніями родителя моего».

Тотчасъ же по полученіи грамоты Императора Павла къ Георгію о присоединеніи Грузіи къ Россіи, царевичъ Давидъ издалъ обвѣщеніе народу, что онъ торжественно принимаетъ управленіе наслѣдственнымъ престоломъ грузинскимъ, прощаетъ виновныхъ, а за новыя преступленія будетъ судить по русскимъ законамъ [4]).

Давидъ писалъ народу, что ему «высочайше повелѣно торжественно приблизиться къ трону Грузіи, по наслѣдству въ званіи правителя оной», а вслѣдъ затѣмъ отправилъ письмо къ Кноррингу съ выѣхавшими изъ Тифлиса послами, въ которомъ просилъ поспѣшить ихъ отправленіемъ въ С.-Петербургъ, «для пріобрѣтенія,—какъ говорилъ онъ,—мнѣ и царству моему милостей русскаго Императора» [5]).

Такимъ образомъ, царевичъ Давидъ, устраненный сначала отъ управленія, теперь забралъ его въ свои руки. Лазаревъ не считалъ возможнымъ противиться этому послѣ того, какъ Императоръ Павелъ I, графъ Ростопчинъ и Кноррингъ обращались къ царевичу, какъ къ первенствующему лицу въ Грузіи. Эта ошибка повела ко многимъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ...

Отправленіе депутатовъ въ Петербургъ было противно жела-

---

[1]) Переводъ прошенія грузинъ 18-го января 1801 г. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Письмо персіянъ 18-го января 1801 г. Тамъ же.

[3]) Письмо царевича Давида Государю Императору отъ 18-го января 1801 г. Тамъ же.

[4]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 297.

[5]) Изъ письма царевича Давида отъ 18-го января 1801 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 298.

ніямъ царевичей-братьевъ покойнаго Георгія, старавшихся произвести волненіе въ Грузіи и пріискать сторонниковъ въ свою пользу. Царевичъ Юлонъ, собравъ изъ подвластныхъ ему деревень толпу вооруженныхъ, назвавъ ее войскомъ, началъ разорять Карталинію и всѣхъ жителей, нежелавшихъ ему присягать или подписаться въ числѣ лицъ, заявлявшихъ, что Юлону слѣдуетъ быть теперь царемъ Грузіи. Поступки Юлона находили одобреніе и поддержку въ лицѣ его братьевъ. Царевичъ Парнаозъ разными происками склонялъ князей принять сторону старшаго брата, а царевичи Вахтангъ и Миріанъ, поселившіеся въ Душетѣ, не пропускали никого изъ грузинъ въ Россію, останавливали, отбирали всѣ письма и бумаги и самихъ посланныхъ содержали подъ карауломъ въ заточеніи.

Осетинцы, подвластные Вахтангу и жившіе въ ущельѣ въ селеніи Мтіулеты, по его наущенію разобрали пять мостовъ и сдѣлали тѣмъ дорогу непроходимою.

Царевичъ Давидъ старался захватить въ руки своего дядю Александра, какъ слышно было, пріѣхавшаго изъ Шуши въ Казахи для совѣщанія съ братьями.

Царица Дарья, пригласивъ къ себѣ Лазарева, жаловалась на Баграта, что онъ грабитъ ея людей въ Кахетіи, и объявила посланникамъ князьямъ Авалову и Палавандову, что она посмотритъ, какъ они назадъ поѣдутъ.

По розысканіямъ Лазарева, обвиненіе царевича оказалось несправедливымъ.

Царица просила, чтобы возвели на престолъ старшаго ея сына, царевича Юлона, и въ подкрѣпленіе своей просьбы передала Лазареву подложное письмо отъ царевича Александра, написанное, по ея приказанію, собственнымъ ея писаремъ. Самъ Александръ сообщалъ, что причиною его удаленія изъ Грузіи были неправильные поступки Георгія противъ его матери и братьевъ, и просилъ также о возведеніи старшаго брата, царевича Юлона, на грузинскій престолъ.

Царевичи Юлонъ и Парнаозъ, силою приводившіе народъ къ присягѣ [1]), грабили, между тѣмъ, имѣнія тѣхъ, которые не при-

[1]) Показаніе дворянъ Іасефова и Мамацева 28-го января.

надлежали къ ихъ партіи, не щадя ни званія, ни состоянія [1]). Руисскій архіерей былъ одинъ изъ числа первыхъ пострадавшихъ отъ ихъ насилія.

Лазаревъ просилъ Юлона распустить по домамъ войско, разоряющее Карталинію, и терпѣливо ожидать рѣшенія русскаго Императора.

«Увѣдомляю васъ,—отвѣчалъ на это царевичъ [2]),—что больше терпѣливаго ожиданія и спокойнаго пребыванія никто не можетъ имѣть, какъ я. Поелику, по правиламъ и по закону, оставленнымъ намъ отъ нашего родителя, слѣдуетъ мнѣ по кончинѣ царя и брата грузинское царство, и отъ народа грузинскаго признанъ я въ семъ званіи, но я еще не принималъ правильно такого наименованія, а просилъ его императорское величество на сіе соизволенія и ожидаю благоволенія Государя.

«Предписываете распустить войско, находящееся при мнѣ и безпокоящее Грузію. Я не чужое какое имѣю войско, а только находятся при мнѣ князья и дворяне грузинскіе: сіе, кажется, не непристойно. Они, находясь при мнѣ, не будутъ разорять моего отечества, и я никакого войска разоряющаго не имѣю, а если такъ вы извѣщены, то сіе есть явная отъ враговъ клевета...»

Юлонъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту просьбу, ограбилъ домъ и захватилъ жену князя Амилахварова за то, что та не хотѣла присягать ему [3]) и что мужъ ея былъ въ Тифлисѣ для слушанія грамоты Императора Павла. Точно также, по приказанію царевичей, были схвачены и закованы княгиня Туманова и сестра княгини Орбеліани [4]).

Обиженные и ограбленные просили защиты, обращаясь то къ царевичу Давиду, то къ Лазареву, то къ Кноррингу. Послѣдній, не находя другихъ средствъ, приказалъ сообщить царевичамъ, что если они не разъѣдутся по своимъ домамъ, то сборища ихъ бу-

[1]) Показаніе дворянъ Іасефова и Мамацева 28-го января.

[2]) Письмо Юлона Лазареву 20-го января 1801 г. См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 232.

[3]) Показаніе протоіерея Іоанна Осеева. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 235.

[4]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 20-го января 1801 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 233.

дутъ разгоняемы русскими войсками, и что со всякимъ, кто станетъ противиться мѣрамъ, принимаемымъ для блага Грузіи, будетъ поступлено какъ съ непріятелемъ.

Затѣмъ приступлено было къ общимъ строгимъ административнымъ мѣрамъ. Распускавшихъ ложные слухи предписано арестовывать и не дозволять собираться вооруженнымъ людямъ.

Извѣстіе о томъ, что Юлонъ думаетъ пріѣхать въ Мцхетъ для того, чтобы короноваться тамъ, заставило Лазарева отправить туда двѣ роты пѣхоты и три роты, подъ начальствомъ полковника Карягина, въ кизихскую (сигнахскую) крѣпость, для защиты края отъ покушеній Омаръ-хана аварскаго, собиравшаго свои войска. Двѣ роты, назначенныя въ Мцхетъ, отправлены были, однакожь, въ Душетъ, мѣсто жительства царевича Вахтанга, для поддержанія свободнаго и безопаснаго сообщенія кавказской линіи съ Грузіею.

По просьбѣ жителей, одна рота послана въ городъ Гори и принята населеніемъ съ большою радостію. Многіе изъ грузинъ, оставившіе городъ, изъ страха попасться въ руки царевичей, съ прибытіемъ роты возвратились въ свои дома.

Генералъ-маіоръ Гуляковъ выступилъ съ четырьмя ротами, а царевичъ Іоаннъ Георгіевичъ съ грузинскими войсками въ Марткопи, куда, по свѣдѣніямъ, должны были собраться царевичи, братья покойнаго царя, для совѣщаній [1]).

Гулякову поручено внушить царевичамъ, что поступки ихъ предосудительны, что царя нѣтъ въ Грузіи и что правленіе краемъ поручено царевичу Давиду [2]).

Въ Марткопи былъ только одинъ царевичъ Миріанъ, а Вахтангъ и Юлонъ уѣхали еще наканунѣ вечеромъ, когда за ужиномъ узнали, что для преслѣдованія ихъ посланы русскія войска.

Царевичи протестовали и обижались тѣмъ, что противъ нихъ приказано дѣйствовать русскимъ войскамъ. Узнавъ о движеніи Гулякова, они писали Кноррингу, что движеніе это было причиною

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 1-го февраля 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Предписаніе Лазарева Гулякову отъ 20-го января 1801 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 233.

частаго переѣзда ихъ съ мѣста на мѣсто, а вовсе не происки ихъ. Царевичи говорили, что они нѣсколько разъ жаловались Лазареву, но что тотъ не читаетъ писемъ ихъ.

«.... Мы не знаемъ, что это такое,—писали царевичи [1]).—Если есть надъ нами какое-либо несчастіе, то должны намъ объявить, а если нѣтъ, то зачѣмъ дѣлать намъ такую напасть. Еще понынѣ какъ мы, такъ и братъ нашъ царь Георгій не оказывали никакихъ услугъ великому Государю. Кажется, онъ не оказалъ столько услугъ, чтобы получить столь дражайшія милости и быть принятымъ съ такою благодарностію и милостію... Почему же сторона нашего брата должна такъ прославиться, а мы обречены столь примѣрному несчастію? Если они христіане, то и мы; если они царя Ираклія потомки, то мы его дѣти, а они внуки».

Не дожидаясь прибытія генералъ-маіора Гулякова, царевичи отправились: Юлонъ и Вахтангъ въ Кизихъ, гдѣ успѣли привести къ присягѣ двѣ деревни, Парнаозъ поѣхалъ въ Карталинію, а царевичъ Миріанъ думалъ, переночевавъ, отправиться въ Душетъ. Гуляковъ долго убѣждалъ Миріана оставить свои происки, и когда тотъ не соглашался, то отобралъ отъ него бывшихъ при немъ дворянъ и людей.

Отсюда генералъ Гуляковъ предполагалъ двинуться въ Сигнахъ, куда отправились Юлонъ и Вахтангъ, пославъ повелѣніе своимъ подвластнымъ собирать войска и идти къ нимъ.

Затѣмъ царевичи поѣхали въ деревню Мачхани, а потомъ, переправившись черезъ рѣку Іору, возвратились въ Мухраны.

Вслѣдъ за ними пріѣхалъ въ Мачхани и царевичъ Александръ, съ 500 человѣкъ казахцевъ; но тѣ, лишь только узнали, что Юлонъ и Вахтангъ спасаются бѣгствомъ, а русскіе ихъ преслѣдуютъ, тотчасъ же оставили Александра и возвратились въ свои дома. Царевичъ, съ 20 человѣками конвоя, скрылся въ монастырѣ Давида-Гареджійскаго и, бѣжавъ оттуда по слѣдамъ братьевъ, догналъ ихъ, не доѣзжая Мухрани [2]).

Послѣ совѣщаній Вахтангъ направилъ путь свой въ Душетъ;

[1]) Письмо царевичей Вахтанга и Юлона Кноррингу отъ 26-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Рапортъ г.-м. Гулякова Лазареву 25-го января 1801 г.

Юлонъ и Александръ—въ деревню Кошки, откуда пошли на владѣнія князей Эристовыхъ съ намѣреніемъ изгнать ихъ изъ имѣнія. Эристовы, предувѣдомленные объ опасности, встрѣтили царевичей оружіемъ, и тѣ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, бѣжали далѣе и скрылись сначала въ крѣпости Цхинвалѣ [1]), а впослѣдствіи ушли въ Имеретію.

Царевичи просили содѣйствія царя имеретинскаго и Омаръ-хана аварскаго. Со своей стороны царевичъ Александръ искалъ помощи у хановъ ганжинскаго и шемахинскаго [2]). Наконецъ, всѣ вмѣстѣ они отправили посланнаго къ Баба-хану [3]), прося его помощи и содѣйствія, и въ то же самое время думали укрѣпить Ліахвы, для поддержанія персидскихъ войскъ [4]). Съ наступленіемъ весны царевичи надѣялись собрать всѣ войска окружныхъ хановъ и лезгинъ и при содѣйствіи ихъ вытѣснить русскихъ изъ Грузіи. Хотя союзники, на которыхъ надѣялись царевичи, не могли оказать помощи по недостатку силъ и средствъ, тѣмъ не менѣе Лазаревъ, по согласію съ наслѣдникомъ грузинскаго престола, принималъ мѣры къ уничтоженію всякаго рода покушеній. Послѣ совѣщаній, рѣшено было предписать генералу Гулякову, чтобы онъ старался уговорить возвратиться къ настоящей истинной власти тѣхъ, которые приняли сторону Юлона и его братьевъ, а всѣхъ тѣхъ, которые останутся непреклонными, арестовать, не исключая самихъ царевичей. Къ казахскимъ татарамъ Лазаревъ отправилъ письмо, увѣщевая ихъ не поддаваться на подговоры Александра и не нарушать общаго спокойствія. Письмо оказало свое дѣйствіе, и Александръ не имѣлъ никакого успѣха у татаръ.

«Къ крайнему моему сожалѣнію, увѣдомился я, — писалъ Лазаревъ въ обвѣщеніи народу карталинскому [5]), — что нѣкоторые изъ князей карталинскихъ сего не выполняютъ (т. е. не исполняютъ желанія Императора Павла), духовенство чинитъ повино-

[1]) Показаніе кн. Отара Амилахварова.

[2]) Показаніе дворянина Мамацева отъ 28-го января 1801 г.

[3]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 2-го февраля 1801 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 240.

[4]) Изъ письма Эристовыхъ Михаила и Шанше. Тамъ же, стр. 242.

[5]) Отъ 26-го января, № 58. Тифл. Арх. Канц. Нам.

веніе царю, котораго нѣтъ, ибо никто еще не назначенъ Государемъ Императоромъ. Почему предлагаю вамъ всѣ таковыя дерзости, противныя благоустроенному порядку, оставить и возвратиться въ должное повиновеніе; въ противномъ же случаѣ найдусь обязаннымъ принудить къ повиновенію всякаго непослушнаго. Впрочемъ же никакимъ издаваемымъ бумагамъ, исключая исходящихъ отъ его свѣтлости наслѣдника царевича Давида Георгіевича и отъ меня, по повелѣніямъ моего начальства объявленнымъ, не вѣрить».

Такое всенародное объявленіе царевича Давида первенствующимъ въ царскомъ грузинскомъ домѣ еще болѣе разъединило обѣ враждовавшія партіи. Братья покойнаго царя, съ матерью своею, царицею Дарьею, хлопотали о возведеніи на престолъ Юлона, а сыновья Георгія XII и супруга его, царица Марія, хлопотали объ утвержденіи Давида. Обѣ партіи дѣйствовали единодушно въ свою пользу, не пренебрегая никакими средствами.

Въ январѣ царица Дарья сообщала Лазареву, что вся Карталинія, Кахетія, тушины, пшавы, хевсуры и татары присягнули уже Юлону. Она просила Лазарева не преслѣдовать ея дѣтей, какъ лезгинъ. Удивительно ли,—спрашивала царица,—если дѣти царя Ираклія прибудутъ въ Кахетію? «Не находится никто такой въ Кахетіи, а наипаче въ Кизихахъ, который бы два и три раза не былъ выкупленъ изъ плѣна собственными деньгами царя Ираклія. Ихъ хлѣбъ его дѣтямъ больше принадлежитъ». Хитрая женщина высказывала при этомъ увѣренность, что Императоръ не захочетъ заставить измѣнить присягѣ и нарушить клятву стольkихъ христіанскихъ душъ. Царица въ то же время ловко ставила вопросъ о томъ: могутъ ли дѣти покойнаго Георгія получить болѣе чести, чѣмъ дѣти Ираклія [1]).

На такой вопросъ ей отвѣчено, что принятыя для благосостоянія Грузіи мѣры обнародованы, и потому странно, что она принимаетъ на себя видъ ничего незнающей о томъ. Кноррингъ просилъ Лазарева сообщить царицѣ, что своими поведеніемъ и по-

[1]) Письмо царицы Дарьи Лазареву 21-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

ступками она навлекаетъ на себя подозрѣніе, «будто она опровергаетъ мѣры, кои для общаго блага предпринимаются» [1]).

Царица Дарья требовала отъ Давида назначенія ей для приличнаго содержанія по тридцати рублей въ день. Царевичъ отвѣчалъ, что она имѣетъ деревни, изъ которыхъ получаетъ хлѣбъ, сарацинское пшено, масло, мясо, вино, дрова, куръ, яйца, молоко, и, сверхъ того, имѣетъ чистаго дохода 4,000 рублей въ годъ [2]). Дарья укоряла племянника въ несправедливости и говорила, что всѣ доходы ея не превышаютъ 170 рублей въ годъ, что онъ увеличилъ ихъ нарочно для того, чтобы обмануть незнающихъ.

«Если бы даже всѣ были обмануты, Богъ не обманется, повѣрь мнѣ,—писала царица [3]). Болѣе всего дивлюсь тому, почему ты не бережешь себя отъ такихъ лжей. Еще писалъ, что если де Парнаозъ явится и присягнетъ на вѣрность Государю, то получитъ обратно всѣ тѣ вотчины, которыя отецъ твой отобралъ отъ него на законномъ основаніи. Твой отецъ ничего законнаго не творилъ. Какимъ закономъ предписывается клятвопреступничество и отнятіе хлѣба у брата? Вы должны и то объявить Парнаозу: какъ вы вѣрите въ клятву и какъ вы поклялись ему, такъ ли долженъ поклясться и онъ, или иначе?»

Грабежи и насилія царевича Юлона и его братьевъ, производившихъ повсюду опустошеніе, были причиною того, что многіе изъ грузинъ боялись ѣхать въ Тифлисъ и просили Лазарева и царевича Давида, какъ временно управлявшаго царствомъ, прибыть къ нимъ въ городъ Гори для принятія присяги. Имѣя въ виду успокоить страну, а главное привести къ покорности царевичей, Лазаревъ рѣшился двинуться съ войсками въ Гори [4]). Царица Дарья, узнавшая о намѣреніи Лазарева идти въ Карталинію, обратилась къ нему съ просьбою подождать и не ходить. Она обѣщала послать къ дѣтямъ и просить ихъ разъѣхаться. Лазаревъ согласился исполнить просьбу при условіяхъ: 1) чтобы

---

[1]) Изъ отношенія Кнорринга Лазареву 29-го января 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Письма царевича: Лазареву отъ 20-го января и Дарьѣ 21-го января 1801 г.

[3]) Царевичу Давиду 24-го января 1801 г.

[4]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 2-го февраля 1801 г., № 81.

сыновья ея не разоряли народа, не приводили его къ присягѣ и не производили безпокойствъ въ странѣ; 2) чтобы безъ позволенія наслѣдника престола они не собирали войска; 3) чтобы Юлонъ не подписывался на баратахъ (указахъ) наслѣдникомъ и 4) чтобы всѣ царевичи, дѣти ея, жили въ Тифлисѣ.

Первый пунктъ царица Дарья назвала ложью, на второй и третій не согласилась, а на четвертый отвѣчала, что къ этому принудить ихъ никто не можетъ. Давидъ предложилъ царицѣ обдумать хорошенько предложенія и далъ ей на то три дня сроку. Дарья отвѣчала, что всѣ грамоты, объявленныя отъ русскаго Императора, ложны и выдуманы, и отказалась принять посредничество въ дѣлѣ усмиренія ея сыновей. Въ отвѣтъ на это ей объявлено движеніе войскъ въ Карталинію. Движеніе оказалось тѣмъ болѣе необходимо, что въ Тифлисѣ получены были новыя свѣдѣнія о поступкахъ Юлона. Захвативъ въ свои руки имѣніе Ліахвы, составляющее цѣлую провинцію въ Карталиніи, Юлонъ отдалъ его зятю своему князю Ревазу Эристову, который обѣщалъ ему за то соединить свои силы съ имеретинскими войсками, собиравшимися въ верхней Имеретіи, подъ предводительствомъ Елизбара Эристова. Соединеніе это могло заставить присоединиться къ бунтующимъ всѣхъ горскихъ жителей и повести къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ въ Грузіи, тѣмъ болѣе, что и сами царевичи думали уѣхать въ Имеретію, куда отправили уже свои обозы.

«Я слышу нынѣ,—писалъ Юлону царевичъ Давидъ,—что вы отдали Ліахвы во владѣніе зятю вашему Ревазу Эристову, а сами со всѣмъ семействомъ и братьями Парнаозомъ, такожде съ семействомъ, и Александромъ, ѣдете въ Имеретію, почему объявляю, что какъ я, по высочайшему повелѣнію, поставленъ правителемъ Грузіи, то вы не имѣете никакого права жаловать кого недвижимымъ имѣніемъ, и кромѣ сего ваше удаленіе въ Имеретію съ братьями вашими есть явное противничество волѣ Государя» [1]).

«Кто васъ обезпокоилъ,—спрашивалъ Давидъ,—что вы ѣдете въ чужую землю и своихъ братьевъ туда уводите, а оставляете собственное свое отечество?... Оставьте нынѣ ваше предпріятіе—

[1]) Письмо Давида царевичу Юлону 9-го февраля 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

не идите въ Имеретію, не подтверждайте симъ еще вашего противничества и не окажитесь измѣнниками своему отечеству».

Царевичи ушли, однакожь, изъ Грузіи, въ которой временно водворилось спокойствіе, такъ что многіе грузины могли спокойно и безопасно ѣхать въ Тифлисъ, не боясь попасть въ руки царевичей.

Спокойствіе въ странѣ продолжалось, однако, весьма недолго.

XVII.

Торжество объявленія манифеста о присоединеніи Грузіи къ Россіи. — Происшествія въ Грузіи послѣ объявленія манифеста. — Новое административное дѣленіе Грузіи.—Кончина Императора Павла.—Отправленіе въ Грузію гренадерскаго Тучкова 2-го, мушкетерскаго Леонтьева и казачьяго полковъ. — Расположеніе войскъ, сдѣланное Лазаревымъ.

Въ Сіонскомъ соборѣ, 16-го февраля, собрались, по призыву Лазарева, тифлисскіе жители для слушанія божественной литургіи. По окончаніи ея, Лазаревъ объявилъ присутствующимъ о причинѣ ихъ приглашенія. На двухъ языкахъ—русскомъ и грузинскомъ — прочтенъ былъ народу манифестъ 18-го декабря 1800 года, по которому Грузія *на вѣчныя времена* присоединялась къ Россіи.

Католикосъ Грузіи, царевичъ Антоній, отслужилъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Въ теченіе цѣлаго дня колокольный звонъ церквей оглашалъ улицы Тифлиса, оживленныя на этотъ разъ значительнымъ сборищемъ народа, радовавшагося, «что желанія ихъ достигли вожделѣннаго конца» [1]).

На другой день, 17-го числа, въ воскресенье, происходило объявленіе того же манифеста всѣмъ армянамъ, жившимъ въ столицѣ Грузіи. Патріархъ всей Арменіи, князь Іосифъ Аргутинскій-Долгоруковъ, случайно находившійся въ Тифлисѣ, проѣздомъ въ первопрестольный Эчміадзинскій монастырь, своимъ участіемъ въ церемоніи значительно увеличилъ торжественность объявленія манифеста.

---

[1]) Кноррингъ гр. Растопчину 3-го марта 1801 г.

Въ крѣпостной армянской церкви собрался народъ и, по выслушаніи въ ней утренней литургіи, крестнымъ ходомъ отправился черезъ весь городъ въ загородную армянскую церковь Ванкъ.

Дьяконы и причетники съ крестами, хоругвями и зажженными свѣчами предшествовали 74 священникамъ, шедшимъ въ двѣ линіи. За священниками слѣдовали 8 архимандритовъ, а за ними три дьякона, изъ которыхъ одинъ несъ большой серебряный крестъ, а двое зажженныя свѣчи. За дьяконами шли двое изъ знатнѣйшихъ армянъ, съ портретомъ Императора Павла, за которымъ шествовалъ митрополитъ въ облаченіи, но безъ митры, держа на головѣ, на серебряномъ подносѣ, высочайшій манифестъ, покрытый краснымъ флеромъ. Два дьякона несли: одинъ митру митрополита, другой его посохъ. За манифестомъ два архимандрита несли образъ Пресвятыя Богородицы, за которымъ шелъ архіепископъ всѣхъ тифлисскихъ армянъ Сергій, съ крестомъ въ рукахъ.

Народъ огромною толпою слѣдовалъ за крестнымъ ходомъ.

По выходѣ процессіи изъ крѣпостныхъ воротъ, къ ней присоединились царевичъ Давидъ со своими братьями и многими князьями, генералъ-маіоры Лазаревъ и Гуляковъ и всѣ офицеры нашихъ войскъ, бывшихъ въ то время въ Тифлисѣ.

Патріархъ Іосифъ, въ полномъ облаченіи, съ четырьмя архіепископами и четырьмя архіереями, встрѣтилъ торжественную процессію въ оградѣ соборной армянской церкви Ванкъ.

Патріархъ отдалъ свой крестъ и посохъ сопровождавшимъ его архіереямъ, подошелъ къ портрету Императора Павла, окадилъ его, потомъ сдѣлалъ передъ нимъ земной поклонъ, поцѣловалъ его и, приподнявъ надъ головами присутствующихъ, громогласно произнесъ:

— Да здравствуетъ великій августѣйшій монархъ со всею своею фамиліею!

— Да будетъ, да будетъ! аминь! отвѣчалъ на это народъ.

Отдавъ портретъ несшимъ его, патріархъ взялъ манифестъ и, положивъ его на свою голову, провозгласилъ:

— Всенебесный Творецъ да возвыситъ и укрѣпитъ царство великаго Павла, яко солнце и луну, вѣчнымъ потомственнымъ временамъ....

— Аминь, аминь! отвѣчали голоса изъ толпы.

Процессія вошла въ церковь. Тамъ, передъ алтаремъ, на столѣ, покрытомъ богатою парчею, положенъ былъ манифестъ и поставленъ портретъ Императора Павла.

Патріархъ совершалъ литургію. Кромѣ множества народа, собравшагося въ церкви, здѣсь присутствовалъ весь цвѣтъ тифлисскаго населенія: царевичи, царевны, царица Дарья, католикосъ Грузіи царевичъ Антоній, князья и все высшее духовенство. Церковь не вмѣщала въ себѣ всего народа, желавшаго присутствовать на этой церемоніи.

По окончаніи литургіи, патріархъ вышелъ къ народу, просилъ его хранить вѣрность русскому престолу и преданность къ Императору.

— Какая радость написана на лицахъ вашихъ, благочестивый христіанскій народъ! говорилъ Іосифъ. — Я, узрѣвъ ее, побуждаюсь съ благоговѣніемъ, коимъ сердце мое теперь преисполнено, глаголати: о, день спасенія нашего! О, день благоденствія, день, ведущій насъ въ настоящее наслажденіе и спокойствіе! О, день укрѣпленія благоденственнаго жребія нашего! день, котораго не постигли предки наши! Что же принесемъ мы ко Всевышнему Творцу? Благодареніе-ли, моленія-ли, низкое-ли уклоненіе душъ нашихъ за все отъ Него происходящее?... Не престанемъ проливать слезы, не престанемъ прославлять и всечестное имя Его, сподобившись щедротъ человѣколюбиваго Императора Павла, который, снисходя на уничиженное моленіе наше о принятіи насъ въ подданство, не токмо не отчуждаетъ, но обѣщаетъ намъ благоденствіе и спокойствіе, не ожидая отъ насъ ничего инаго, какъ только вѣрности къ богохранимому престолу своему.

— Я, нижайшій пастырь вашъ, — продолжалъ патріархъ,— молю непрестанно всеблагаго Бога, да продлитъ дни нашего монарха со всею порфироносною его фамиліею.

— Да укрѣпитъ Богъ дни нашего Государя великаго Павла, всероссійскаго Императора! отвѣчалъ народъ.

По окончаніи рѣчи патріарха, прочтенъ манифестъ на русскомъ, армянскомъ и грузинскомъ языкахъ, и отслуженъ благодарственный молебенъ.

Въ то же самое время капитанъ егерскаго полка Тагановъ, съ 24 казаками, ѣздилъ по улицамъ Тифлиса и читалъ манифестъ на русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ языкахъ.

Послѣ церковной службы, патріархъ Іосифъ угощалъ знатнѣйшихъ лицъ обѣденнымъ столомъ, который былъ накрытъ въ палаткахъ, раскинутыхъ въ церковной оградѣ. Звонъ колоколовъ въ теченіе цѣлаго дня, а вечеромъ иллюминація города закончили торжество объявленія манифеста.

Объявленіе манифеста произвело въ народѣ самое радостное впечатлѣніе.

«Живучи здѣсь полтора года,—писалъ Лазаревъ [1]),—еще не видалъ такого совершеннаго удовольствія, какъ нынче существуетъ. Со дня полученія манифеста все какъ снова переродилось и ожило; даже можно сказать, что сердятся, если ихъ назовутъ грузинами, а не говорятъ, что они русскіе».

Г. Золотаревъ, отправленный Кноррингомъ съ манифестомъ въ Грузію, везъ съ собою и письма къ царевичамъ, по которымъ они приглашались въ С.-Петербургъ. Призывая лицъ царскаго дома къ выѣзду въ Россію, Императоръ обѣщалъ лицамъ женскаго пола полное матеріальное обезпеченіе, а царевичамъ награды и деревни. Желающимъ вступить въ службу обѣщано принять чинами, приличными ихъ званію [2]).

Царевичи Иванъ, Багратъ и Михаилъ, дѣти покойнаго Георгія, тотчасъ же изъявили желаніе отправиться въ нашу столицу.

Они выѣхали изъ Тифлиса 9-го марта, а 15-го марта выѣхалъ и царевичъ Миріанъ. Прибывъ на Кавказскую линію, царевичи просили Кнорринга, чтобы всѣ принадлежащія имъ имѣнія оставались непремѣнно въ томъ же положеніи, чтобы крестьяне были послушны ихъ семействамъ и исполняли всѣ предписанія. Кноррингъ поручилъ Лазареву наблюдать за исполненіемъ просьбы царевичей [3]).

---

[1]) Письмо Лазарева Кноррингу 21-го февраля 1801 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.
[2]) Изъ записки Лошкарева министерству 5-го марта 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.
[3]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 12-го марта 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Нам.

23-го марта царевичи отправились изъ Георгіевска, а 12-го мая пріѣхали въ Петербургъ.

Братьевъ же покойнаго царя въ Тифлисѣ не было. Теймуразъ жилъ въ Гори, Вахтангъ въ Душетѣ, а остальные въ Имеретіи, куда ушли они съ 296 человѣками свиты.

Вахтангъ одинъ принялъ съ радостію—хотя, конечно, только наружною—извѣстіе о присоединеніи Грузіи къ Россіи и вмѣстѣ съ царицею Дарьею отправилъ письма къ царевичамъ, ушедшимъ въ Имеретію, съ просьбою возвратиться въ свое отечество. На предложеніе же ѣхать въ Россію онъ отговаривался тѣмъ, что будто бы Кноррингъ поручилъ ему заботиться о продовольствіи проходящихъ въ Грузію русскихъ войскъ [1]). Въ сущности онъ думалъ дотянуть до весны и сдѣлать въ Грузіи новое замѣшательство, при помощи окрестныхъ владѣльцевъ [2]). Къ царевичамъ Юлону, Парнаозу и Александру отправлено было также приглашеніе ѣхать въ нашу столицу. Князь Мочабеловъ, съ которымъ послано приглашеніе, нашелъ царевичей въ Чалахъ, за день ѣзды отъ Кутаиса. Они расположились лагеремъ, который обнесли плетнемъ. Свита ихъ простиралась до 300 человѣкъ обоего пола. Не имѣя средствъ къ существованію, царевичи обратились о томъ съ просьбою къ имеретинскому царю Соломону, своему родственнику. Царь наложилъ на всю Имеретію подать, извѣстную подъ именемъ «подати для грузинъ». Каждый дворъ долженъ былъ дать по два пуда хлѣба и по восьми туногъ вина.

Получивъ отъ князя Мочабелова письма, царевичи тщательно скрывали ихъ отъ своихъ приближенныхъ, на вопросы которыхъ отвѣчали, что все это старое, что все сочинено Лазаревымъ, а что Государь ничего не знаетъ о томъ, что дѣлается въ Грузіи.

Царь имеретинскій Соломонъ, бывшій въ то время у царевичей, по прочтеніи писемъ, на другой же день оставилъ лагерь и уѣхалъ въ Кутаисъ. Призвавъ къ себѣ передъ отъѣздомъ Мочабелова, Соломонъ II объявилъ ему, что никогда не приглашалъ къ себѣ царевичей, но когда они пріѣхали къ нему сами, то, какъ

---

[1]) Изъ донесенія Лазарева Кноррингу отъ 2-го марта 1802 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣст.

[2]) Изъ рапорта Лазарева Кноррингу отъ 8-го марта 1801 г. Тамъ же.

близкій родственникъ, считаетъ себя обязаннымъ дать средства къ ихъ существованію.

Переговоры Мочабелова съ царевичами продолжались недолго. Они объявили, что для нихъ лучше умереть въ Имеретіи, «чѣмъ выѣхать въ Грузію или отправиться въ Россію [1]).

Царевичъ Юлонъ приказалъ сказать Давиду, что напрасно онъ дурачится—«веселится титуломъ наслѣдника, а теряетъ царство». Царство находится 1,700 лѣтъ въ его родѣ, а онъ его теряетъ. Юлонъ говорилъ, что теперь ихъ зовутъ въ Россію, а скоро Давидъ и самъ будетъ туда же призванъ. Остальныя лица царской фамиліи, бывшія въ Грузіи, смотрѣли также недоброжелательно. Даже католикосъ Грузіи, царевичъ Антоній, совершавшій торжественную службу, при чтеніи манифеста «не могъ скрыть своего неудовольствія, на лицѣ изображеннаго [2])».

Не радовались нѣкоторые члены царскаго дома, за то радовался народъ. Посланные съ манифестомъ въ разныя мѣста Грузіи отовсюду привезли извѣстіе, что народъ принялъ его съ радостію; только въ Памбакахъ магометане не изъявляли особаго восторга.

Въ Грузіи стало спокойно «такъ, какъ нельзя лучше желать». Многіе князья, ушедшіе съ царевичами въ Имеретію, узнавъ о публикованіи манифеста, ежедневно возвращались въ свои дома или присылали письма съ просьбою о прощеніи. Князья наиболѣе вліятельнѣйшихъ въ Грузіи фамилій, каковыми были сардарь Орбеліани, Тумановы, меликъ Бебутовъ, Аргутинскій-Долгоруковъ, обнаружили искреннюю преданность Россіи. «О домѣ же князей Чавчавадзе и Авалова, коихъ семья пребольшая и имѣющая большое вліяніе надъ здѣшними, бывъ весьма къ Россіи привержены, говорить уже нечего».

При такомъ единодушіи, конечно, не могло обойтись безъ исключеній. Лица, которыя до того пользовались вліяніемъ въ правленіи, занимали важныя мѣста, бывшія часто наслѣдственными въ родѣ, «и, имѣя способы къ грабительству и обогащенію», не

---

[1]) Изъ письма Лазарева Кноррингу 16-го марта 1801 г.

[2]) Письмо Лазарева Кноррингу отъ 21-го февраля 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

могли быть довольны новою судьбою Грузіи, зная, что поступки ихъ не будутъ безнаказанны, и произволъ ихъ будетъ ограниченъ. Такихъ лицъ оказалось немного, и они всѣ были извѣстны наперечетъ...

Не смотря на весьма ограниченное число такихъ лицъ, они успѣли, однако, подѣйствовать на царевича Давида и свернуть его съ прямаго пути. Тайно отъ Лазарева онъ сталъ отнимать имѣнія у однихъ и отдавать ихъ другимъ лицамъ, по своему къ нимъ расположенію. Царица Марья жаловалась Лазареву на пасынка, что, по его приказанію, моуравы прибили ея человѣка, посланнаго въ имѣнія царицы за сборомъ доходовъ, и выгнали его оттуда.

Давидъ отнялъ у княгини Мухранской цилканское архіерейство. Послѣ смерти армянскаго архіерея, тотъ же царевичъ самовольно раздѣлилъ его имѣніе на три части: одну взялъ себѣ, другую отдалъ одному изъ князей, а третью предоставилъ монастырю [1]. Это своеволіе было до того тягостно народу, что грузины всякій разъ радовались, когда узнавали, что кто-нибудь изъ царевичей оставлялъ Грузію и уѣзжалъ въ Россію. «Народъ и преданные столь рады отъѣзду царевичей,—доносилъ Лазаревъ,—что я вамъ описать не могу, и нѣкоторые почти громко кричатъ, что большая государева милость была бы послѣднихъ всѣхъ взять [2].»

Царевичъ Давидъ продолжалъ, между тѣмъ, свои происки. Онъ уговаривалъ князей, при введеніи новаго правленія, писать Императору и объявить, что они желаютъ имѣть его царемъ. Чтобы склонить ихъ на свою сторону, Давидъ, пользуясь временною властію правителя Грузіи, роздалъ многимъ изъ нихъ деревни, принадлежавшія до того времени царевичамъ, удалившимся въ Имеретію [3]. Въ случаѣ неудачи, онъ думалъ уйти въ горы и потому подарками ласкалъ лезгинъ, раздавая имъ свои вещи [4].

Когда же поступки царевича стали извѣстны, то Давидъ на сдѣланное ему замѣчаніе отпирался и увѣрялъ, что ничего подоб-

---

[1] Въ «Актахъ Кавказской Археографической Коммиссіи» напечатанъ длинный списокъ лицъ, отъ которыхъ были отняты имѣнія и отданы другимъ. См. т. I, 301—304.

[2] Изъ письма Лазарева Кноррингу 18-го марта 1801 г.

[3] Изъ предписанія Кнорринга Лазареву 2-го іюля 1801 г., № 1324.

[4] Рапортъ Лазарева Кноррингу 24-го марта 1801 г.

наго не дѣлалъ. Онъ окружилъ себя молодыми людьми, незаслуживавшими никакого вниманія [1]) и непользовавшимися достаточнымъ уваженіемъ общества. Совѣтуясь постоянно съ ними, царевичъ часто дѣлалъ промахи и возбуждалъ къ себѣ нерасположеніе грузинъ. Все еще искавшій утвержденія на престолѣ, но мало имѣвшій къ тому надежды, Давидъ сдѣлался «пасмуренъ», скрытенъ и замкнутъ въ себѣ самомъ. Онъ ясно видѣлъ, что разсчеты его не оправдались, что дѣла идутъ вовсе не такъ, какъ онъ предполагалъ...

Давидъ неоднократно говорилъ Лазареву, что находитъ перемѣну въ поступкахъ нашего правительства противъ просьбъ покойнаго царя Георгія; что если Юлонъ будетъ утвержденъ царемъ Грузіи, то онъ уйдетъ къ туркамъ. Окружавшіе царевича, видя, что правленіе ихъ и вліяніе продолжатся весьма недолго, пользуясь его слабостію и наклонностію къ разгулу и разврату, находили всегда удобный случай къ грабежу и набиванію кармановъ.

«Порядочные же люди,—доносилъ Лазаревъ,—всѣ только нетерпѣливо ожидаютъ, чтобы поскорѣе здѣсь введенъ былъ порядокъ нашъ».

Объ этомъ заботился также и петербургскій кабинетъ.

Присоединяя царство Грузинское на вѣчныя времена къ своей державѣ, Императоръ Павелъ обѣщалъ сохранить ея жителямъ всѣ права, преимущества, полное обезпеченіе собственности каждаго и оградить народъ отъ всякихъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ неустройствъ [2]).

Исполненіе послѣдняго обѣщанія требовало непремѣннаго введенія войскъ въ Грузію. На собственныя силы грузинъ полагаться было нечего: хотя, по словамъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія царства, грузины и могли выставить до 50,000 войскъ, но цифра эта была крайне преувеличена. При тогдашнемъ междоусобіи и неустройствѣ страны, царь не могъ бы собрать и трети этого числа. Правда, хотя изъ князей было много хорошихъ и довольно храбрыхъ наѣздниковъ, но пѣхота грузинская, состав-

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 2-го марта 1801 г.

[2]) Манифестъ о присоединеніи Грузіи.

ленная изъ мужиковъ, «никуда не годилась, исключая тушинцевъ, пшавовъ и хевсуровъ, живущихъ въ горахъ». Къ тому же всѣ эти войска были такъ «застращены, что безъ подкрѣпленія даже съ самымъ слабымъ непріятелемъ дѣла имѣть не могли» [1]).

Всѣ эти причины требовали новаго введенія русскихъ войскъ въ Грузію. Предварительно распоряженія о движеніи назначенныхъ полковъ, необходимо было обезпечить ихъ продовольствіемъ на столько, чтобы не было въ немъ недостатка. Выполненіе этого послѣдняго условія, при тогдашнемъ положеніи Грузіи и ея административномъ управленіи, было положительно невозможно. Поэтому прежде всего являлась потребность въ административныхъ преобразованіяхъ страны, составлявшихъ главную заботу нашего правительства. Къ скорѣйшему открытію правленія побуждало еще и то обстоятельство, по донесенію Лазарева, «что теперь всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ грабятъ, и никакъ удержать не можно».... «Весьма нужно, — писалъ Лазаревъ въ другомъ донесеніи Кноррингу [2]),—скорое введеніе нашихъ порядковъ, а безъ сего боюсь, чтобы не огорчили народа. Слова въ манифестѣ: *всякій сохранитъ свое имущество, законно каждому принадлежащее*, здѣшній грубый народъ перетолковалъ совсѣмъ иначе, что будто Государь ихъ отъ всего уволилъ и что они теперь никакой дани платить не должны и что нѣтъ никакихъ съ нихъ взысканій»...

«.... Думаю, что весьма нужна поскорѣе присяга, какъ самое твердое основаніе, а второе и какія-нибудь законоположенія, ибо теперь никто ничего не знаетъ, и потому весьма много дѣлаютъ недолжнаго [3]).» Тѣ, которые получали часть денегъ изъ доходовъ, теперь, не имѣя ихъ, занимались клеветой и доносами, чтобы получить, по обычаю страны, часть штрафныхъ денегъ въ свою пользу [4]). Царевичи, въ свою очередь, не переставали волновать и грабить народъ, который желалъ, чтобы всѣхъ царевичей «отъ нихъ взяли, также и царицу Дарью, которая всему злу и разоренію корень».

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 186.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 332.

[3]) Донесеніе Лазарева Кнорринту отъ 16-го марта 1801 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 334.

[4]) Изъ письма Лазарева Кноррингу отъ 8-го марта 1801 г.

Положеніе страны было таково, что лицамъ недоброжелательнымъ было легко ловить рыбу въ мутной водѣ. Многіе изъ грузинъ, поставленные для управленія народомъ, своими поступками увеличивали общее несчастіе. Они сами приглашали лезгинъ на хищничество, указывали имъ пути и сообщали о томъ, что происходило въ странѣ [1]). Правленія не существовало никакого: «отъ грузинскаго отстали, а къ нашему не пристали...» — «Весьма нужно, — писалъ Лазаревъ, — чтобы рѣшительное воспослѣдовало положеніе, дабы уже всѣ знали, чему держаться, а безъ сего все еще между страхомъ и надеждой. Кто поумнѣе, тѣ понимаютъ, но притворяются неразумѣющими; кто же простѣе, тѣ совсѣмъ не понимаютъ, сколько я имъ ни толкую [2]).»

Имѣвшіяся въ рукахъ нашего правительства свѣдѣнія о странѣ были чрезвычайно скудны во всѣхъ отношеніяхъ. Этотъ недостатокъ свѣдѣній заставлялъ во многихъ случаяхъ дѣйствовать наугадъ, ощупью и, не зная страны, ограничиться примѣненіемъ къ ней порядка, существовавшаго въ Россіи. По указу сенату 6-го марта 1801 г. [3]), вся страна составила одну Грузинскую губернію и, такимъ образомъ, вошла въ составъ Россіи.

Центральное владѣніе нынѣшняго Закавказья, Грузія граничила къ сѣверу Кавказскимъ хребтомъ; къ западу Имеретіею, отъ которой отдѣлялась Хопинскою долиною, а отъ Ахалцыхскаго пашалыка горами, на продолженіи отъ урочища Топаравана до Ахбабы. Съ юга отъ Карскаго пашалыка она отдѣлялась рѣкою Арпачаемъ, а отъ ханства Эриванскаго озеромъ Гокча. Къ востоку рѣка Джагоръ отдѣляла Грузію отъ ханства Ганжинскаго, а рѣка Алазань отъ Джаро-Бѣлоканъ.

Присоединенная къ Россіи страна заключала въ себѣ Карталинію и Кахетію, раздѣленныя одна отъ другой теченіемъ Арагвы. Въ Карталиніи насчитывалось тогда 1,682 деревни и села, а въ Кахетіи 324; всѣ они были по большей части разорены [4]). Кар-

---

[1]) См. донесеніе Алексѣева Лазареву отъ 3-го августа 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 340.

[2]) Письмо Лазарева Кноррингу 12-го марта 1801 г.

[3]) Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по Департ. Общ. Дѣлъ. Дѣла Груз., кн. I.

[4]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 193.

талинія раздѣлялась на верхнюю, среднюю Грузію и Сомхетію (состоявшую изъ Тріолеты и Борчалы), Казахи, Шамшадыль, Памбаки и Шурагель. Земли хевсуровъ, пшавовъ, тушинъ и осетинъ входили также въ составъ Грузіи. Все пространство ея не превышало 280 верстъ отъ востока къ западу и 300 верстъ отъ сѣвера къ югу. Народонаселеніе было около 160,000 душъ [1]).

Новое положеніе Грузіи, какъ составной части Россіи, дало ей новое административное разграниченіе.

Рѣка Іора раздѣлила ее теперь на двѣ провинціи: Карталинскую и Кахетинскую. Въ Карталиніи губернскимъ городомъ назначенъ Тифлисъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ губернскимъ городомъ и всей Грузіи; въ Кахетіи—городъ Телавъ.

Въ Карталинской провинціи учреждено шесть городовъ съ округами: Тифлисъ, Душетъ, Гори, Сурамъ, Лори и Кайкулы; въ Кахетинской два города: Телавъ и Сигнахъ. Къ этимъ городамъ приписано было нѣсколько селеній, которыя и составляли округъ каждаго. Остальные же города, которые находились въ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи, оставлены въ томъ положеніи, въ которомъ они были.

Всею губерніею долженъ былъ управлять генералъ-губернаторъ, а каждою провинціею—вице-губернаторъ. Главнымъ присутственнымъ мѣстомъ назначено губернское правленіе. Правленію подчинялись провинціальныя канцеляріи, «коимъ быть въ Тифлисѣ и Телавѣ, съ раздѣленіемъ дѣлъ ихъ на два департамента: первый — суда и расправы, а второй — камеральный или казенныхъ дѣлъ. Отъ сихъ канцелярій зависятъ уѣздные суды и земскія полиціи, коимъ быть во всѣхъ уѣздныхъ городахъ. Всѣ магистраты городовъ уѣздныхъ и ратуши городовъ безуѣздныхъ вѣдаются

---

[1]) Грузины сами не знали точной цифры своего населенія. «Жителей вѣрнаго счета не имѣютъ,—писалъ Лазаревъ.—Одинъ изъ моихъ пріятелей мнѣ самъ сказывалъ, что за девять лѣтъ передъ симъ былъ посланъ для переписи, то, пріѣхавъ въ одну деревню, его было хотѣли убить и не допустили до переписи, а у себя онъ самъ не показалъ 15 домовъ. Я спросилъ причину; онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что если бы онъ показалъ всѣ, то еще бы болѣе былъ ограбленъ. По сему судить можно, что и многіе то же сдѣлали; но полагаютъ, что во всемъ царствѣ оныхъ находится до 40,000 домовъ. Полагая на каждый по четыре души, должно быть 160,000 душъ.» Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 183. Вотъ и всѣ данныя, на основаніи которыхъ опредѣлялось число жителей въ Грузіи.

въ ратгаузахъ, коимъ быть въ двухъ провинціальныхъ городахъ.» [1])

Въ отношеніи духовнаго управленія, въ Грузіи предполагалось учредить двѣ епархіи: *тифлисско-карталинскую* и *телаво-кахетинскую*, первую во второмъ, а послѣднюю въ третьемъ классѣ. Въ обѣихъ епархіяхъ предполагалось учредить дикастеріи, семинаріи, а въ городахъ духовныя правленія. Въ епархіи тифлисско-карталинской учредить коадъютора, подъ названіемъ епископа горійскаго. Жалованье духовнымъ лицамъ положить такое же, какое получали лица россійскихъ епархій [2]).

Кончина Императора Павла оставила всѣ эти предположенія неисполненными и остановила на время рѣшеніе вопроса о присоединеніи Грузіи къ Россіи.

Извѣстіе, полученное въ Тифлисѣ о смерти Императора, опечалило грузинъ, полагавшихъ, что, съ перемѣною въ правленіи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ выведены изъ Грузіи русскія войска, и страна будетъ предана опять грабежу и междоусобію царевичей [3]).

Страхъ народа былъ тѣмъ болѣе основателенъ, что партія грузинъ, нежелавшихъ присоединенія къ Россіи, начала распространять слухи о томъ, будто русскія войска въ самомъ непродолжительномъ времени оставятъ Закавказье. Обстоятельство это произвело волненіе въ народѣ. Съ помощію нѣсколькихъ преданныхъ Россіи лицъ, Лазаревъ успѣлъ убѣдить грузинъ въ ложности слуховъ и увѣрить ихъ, что войска не только не оставятъ Грузіи, но, напротивъ, число ихъ будетъ увеличено и часть ихъ находится уже въ походѣ. Народъ успокоился и повѣрилъ Лазареву тѣмъ охотнѣе, что въ Тифлисъ уже пришло извѣстіе о скоромъ прибытіи въ столицу Грузіи гренадерскаго Тучкова 2-го полка, отправленнаго туда еще по приказанію Императора Павла.

Мы имѣли случай указать на то, что наше правительство сознавало необходимость увеличить число нашихъ войскъ во вновь присоединенной странѣ. Безъ такого увеличенія защита Грузіи отъ

[1]) Указъ сенату 6-го марта 1801 г. П. С. З., т. XXVI, № 19,770.
[2]) Записка Хвостова 11-го марта 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.
[3]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 8-го апрѣля 1801 г.

вторженій хищниковъ была невозможна. Кноррингъ получилъ приказаніе отправить новые полки въ Грузію. Командующій Кавказскою линіею затруднялся только обезпеченіемъ продовольствія на пути и трудностію зимняго перехода черезъ горы. Онъ высказывалъ свои затрудненія Императору Павлу, который въ отвѣтъ на это писалъ:

«Вы говорите мнѣ о невозможностяхъ. Я ихъ знаю, но измѣряю оныя усердіемъ войскъ моихъ ко мнѣ, а они должны измѣрять свои заслуги по мѣрѣ моей признательности и щедротъ. Генералъ Растопчинъ объяснитъ о томъ вамъ подробнѣе».

Растопчинъ обѣщалъ отъ имени Императора награду всѣмъ чинамъ за этотъ трудный походъ. Призвавъ къ себѣ Тучкова 2-го, Кноррингъ показалъ ему рескриптъ Императора Павла и приказалъ ему двинуться въ Грузію съ гренадерскимъ его имени полкомъ.

Переправясь въ городѣ Моздокѣ черезъ рѣку Терекъ, 16-го марта, Тучковъ слѣдовалъ съ баталіономъ своего имени черезъ Малую Кабарду, пройдя которую на границѣ былъ встрѣченъ старшинами осетинъ и тагаурцевъ, предувѣдомленныхъ о походѣ. Въ сопровожденіи этихъ представителей народовъ, онъ дошелъ до *Балты*, перваго ихъ селенія.

Дорога отъ Владикавказа до Балты пролегала по берегу рѣки Терека, проникающаго въ тѣснины Кавказскихъ горъ. Начинавшееся у Балты ущелье было еще довольно пространно, но отъ Балты до разоренной тогда крѣпости Дарьяла начались всѣ трудности, которыя представляли громады Кавказскихъ горъ нашему отряду. Зимнее время года еще болѣе усиливало затрудненія. Шесть орудій [1]), бывшихъ при отрядѣ, составляли главную заботу Тучкова 2-го. Обозъ былъ оставленъ позади; большая часть лошадей запряжена подъ орудія, и, не смотря на то, что имъ кромѣ того помогали люди, отрядъ не могъ проходить болѣе трехъ верстъ въ день. Достигнувъ съ такими затрудненіями до Дарьяла, Тучковъ остановился тутъ, чтобы дать отдохнуть людямъ и дождаться прибытія обоза.

---

[1]) Три 12-фунтовыя пушки и три 24-фунтовые единорога.

Здѣсь настигъ отрядъ нарочно посланный Кноррингомъ съ извѣстіемъ о кончинѣ Павла I и о вступленіи на престолъ Александра I. Присягнувъ на дорогѣ новому Императору, полкъ двинулся отъ Дарьяла къ селенію Казбеку, лежащему неподалеку отъ одной изъ величайшихъ горъ кавказскихъ, того же имени. Отрядъ на этомъ пути терпѣлъ менѣе затрудненій: ущелья горъ становились просторнѣе, подъемы и спуски были не такъ высоки и круты, а каменья по дорогѣ менѣе крупны.

«Прибывъ въ Казбезъ,—пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ [1]),—захотѣлъ я посѣтить монастырь, на вершинѣ горы находящійся. Пригласивъ съ собою полковника Симоновича и нѣсколько офицеровъ моего полка, поѣхали мы изъ лагеря верхомъ. Прибывъ въ деревню при самомъ всходѣ на гору, гдѣ жилъ священникъ, хранившій ключи отъ монастыря, должны мы были оставить лошадей и идти на гору пѣшкомъ по излучистой тропинкѣ, пролегающей близъ ужаснѣйшей стремнины. Отдыхая по нѣскольку разъ, мы достигли наконецъ до монастыря. Передъ онымъ разстилался лугъ, на гладкой равнинѣ, кончающейся высокимъ сосновымъ лѣсомъ. Мы съ любопытствомъ осмотрѣли внутренность сего зданія, и, войдя въ церковь, священникъ отслужилъ намъ молебенъ. Во время нашей молитвы, продолжавшейся не болѣе получаса, погода мѣнялась безпрестанно: снѣгъ, дождь, градъ, буря, великолѣпное сіяніе солнца слѣдовали одно за другимъ».

По возвращеніи изъ монастыря, отрядъ двинулся далѣе и прибылъ въ деревню Сіонъ, гдѣ и расположился лагеремъ. Спустя нѣсколько часовъ, посмотрѣвъ на лагерь, трудно было бы сказать, что солдаты устали. Въ лагерѣ произошло смятеніе. Солдаты со всевозможною поспѣшностію и торопливостію таскали на ближайшія возвышенія палатки, провіантъ, экипажи и всякій скарбъ. Все бѣжало на гору отъ бѣшенаго Терека, разлившагося отъ паденія трехъ снѣговыхъ обрывовъ, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ, но, къ счастію, на значительномъ разстояніи отъ деревни Сіонъ, гдѣ расположился нашъ отрядъ.

Черезъ часъ вода начала убывать, и вскорѣ затѣмъ бѣшеная

[1]) Записки Тучкова. Арх. Глав. Шт. въ С.-Петербургѣ.

рѣка вступила въ свои берега. Простоявъ три дня въ лагерѣ, запасшись санями для перевозки артиллеріи и обоза черезъ снѣговой хребетъ Кавказскихъ горъ, Тучковъ двинулся далѣе и дошелъ до деревни *Коби*, послѣдняго селенія, лежащаго съ сѣверной стороны хребта. Тутъ отрядъ долженъ былъ ожидать извѣстія о возможности пройти черезъ снѣговыя горы. Не ранѣе какъ черезъ пять дней дали знать, что можно приступить къ очищенію дороги отъ снѣговыхъ заваловъ. Трое сутокъ 800 человѣкъ осетинъ занимались этою работою и успѣли на столько, что можно было начать переходъ черезъ горы небольшими частями полка.

Сначала Тучковъ отправилъ двѣ роты для занятія Кайшауръ, первой деревни, лежавшей на южной сторонѣ хребта. Потомъ онъ отправилъ туда же цѣлый баталіонъ и артиллерію, которая была разобрана и положена на сани. Первый эшелонъ дошелъ благополучно до мѣста назначенія; но едва скрылся изъ вида второй отрядъ, какъ въ лагерѣ услышали громъ упавшаго новаго снѣговаго обрыва.

«Мы были въ большомъ безпокойствѣ,—пишетъ Тучковъ,—до тѣхъ поръ, пока посланные мною туда жители не принесли мнѣ извѣстія, что баталіонъ и пушки успѣли благополучно дойти до деревни; что обрывъ упалъ между пушками и отставшимъ обозомъ и завалилъ дорогу на три версты огромными глыбами снѣга».

Два дня продолжалась работа для очищенія пути войскамъ, оставшимся въ Коби. Перейдя наконецъ со всѣмъ отрядомъ въ Кайшауръ, давъ отдохнуть солдатамъ, исправивъ поврежденія въ обозѣ, Тучковъ двинулся далѣе по берегу рѣки Арагвы и дошелъ до селенія Ананура, а потомъ черезъ Душетъ, Мцхетъ съ церемоніею вступилъ въ Тифлисъ [1]).

Прибытіе новыхъ войскъ въ Грузію было какъ нельзя болѣе кстати и много способствовало водворенію спокойствія въ краѣ.

---

[1]) Въ отрядѣ состояло: штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 22, чиновниковъ 4, унтеръ-офицеровъ 54, музыкантовъ 24, рядовыхъ 616, нестроевыхъ 105 человѣкъ. Орудій 4 и при нихъ 2 оберъ-офицера, 10 унтеръ-офицеровъ, 62 канонира и 42 нестроевыхъ. Лошадей 162 и 41 разнаго рода повозокъ. См. рапортъ Тучкова Лазареву 28-го марта 1801 г., № 259. Тифл. Арх. Канц. Нам.

Гренадерскій Тучкова 2-го полкъ, съ двумя орудіями, расположился въ Гори, Сурамѣ и Цхинвалѣ [1]). Занятіе этихъ пунктовъ заставило имеретинскаго царя Соломона распустить свои войска, собранныя по первому свѣдѣнію о томъ, что русскіе оставляютъ Грузію. Царь, подстрекаемый бѣжавшими царевичами, думалъ вторгнуться въ страну и разорить Карталинію. Намѣренія царевичей остались невыполненными. Надежда ихъ достигнуть до чего-нибудь положительнаго еще болѣе упала, когда, вслѣдъ за Тучковымъ 2-мъ, отправлены были мушкетерскій Леонтьева полкъ и одинъ казачій, которые, однакожь, прибыли въ Грузію только въ маѣ мѣсяцѣ [2]).

Такимъ образомъ съ прибытіемъ послѣднихъ полковъ въ Грузіи образовался отрядъ изъ одного гренадерскаго, двухъ мушкетерскихъ, одного егерскаго и одного казачьяго полковъ съ 18 орудіями [3]).

Съ прибытіемъ этихъ войскъ являлась уже возможность обезпечить страну отъ внѣшнихъ вторженій ея сосѣдей, большею частію коварныхъ и преданныхъ собственнымъ интересамъ. Одинъ баталіонъ мушкетеръ поставленъ, начиная отъ крѣпости Сигнаха, въ селеніяхъ, внизъ по рѣкѣ Алазани лежащихъ, «коихъ на 15 верстахъ находилось довольно». Отъ крѣпости Карагача до рѣки Куры, протекающей противъ деревни Шикало, приказано разставить казачьи пикеты, и вмѣнено имъ въ обязанность дѣлать частые разъѣзды. Для подкрѣпленія этой цѣпи, въ случаѣ прорыва лезгинъ, одинъ баталіонъ мушкетеръ того же полка долженъ былъ стать по селеніямъ отъ Марткоби до Кагабета и составить, такимъ образомъ, вторую цѣпь.

Столь сильный кордонъ признавался необходимымъ потому, что лезгины, при своихъ вторженіяхъ въ Грузію, по большей части переправлялись черезъ р. Алазань ниже разоренной крѣпости Караго (близъ Сигнаха) и, слѣдуя черезъ ущелье, по которому протекаетъ р. Іора, пробирались до разоренной крѣпости Сагурама. Здѣсь, основавъ свой станъ, они высылали отдѣльныя партіи въ

[1]) Рапорты Лазарева Кноррингу 7-го и 26-го апрѣля 1801 г.
[2]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 23-го марта 1801 года, № 649.
[3]) Рапортъ Кнорринга Г. И. 7-го апрѣля 1801 года.

Карталинію и прерывали сообщеніе отъ Душета до Мцхета, дѣлая его весьма опаснымъ для проѣзжихъ.

Прекративъ возможность вторженія лезгинъ съ этой стороны, нельзя еще было быть увѣреннымъ, чтобы Грузія была совершенно защищена отъ ихъ набѣговъ. Лезгины могли избрать себѣ другой путь. Переправясь черезъ рѣки Алазань и Куру, пройдя мимо владѣній ганжинскаго и эриванскаго хановъ и пробравшись къ Ахалцыху, они могли дѣлать нападеніе какъ на Карталинію, такъ и на Кахетію. Расположивъ баталіонъ, съ нѣкоторымъ числомъ казаковъ, по селеніямъ Памбакской провинціи, мы уничтожали и послѣднюю возможность лезгинамъ вторгаться въ Грузію. Баталіонъ этотъ въ то же время могъ служить авангардомъ для дѣйствія противъ всякихъ покушеній Баба-хана.

Одинъ гренадерскій баталіонъ былъ оставленъ въ Тифлисѣ, а другой расположенъ въ Гори, отдѣливъ отъ себя по одной ротѣ въ крѣпости Сурамъ и Цхинвалъ. Постъ этотъ былъ необходимъ какъ для наблюденія за пограничными жителями, такъ и для защиты отъ грабежей, дѣлаемыхъ часто осетинами и имеретинами.

Осетины, подвластные разнымъ грузинскимъ князьямъ, производили, какъ выражался Лазаревъ, «всякія озорничества» [1]), увозили людей, грабили и совсѣмъ не повиновались своимъ помѣщикамъ. Подстрекаемые царевичами, бывшими въ Имеретіи, они были увѣрены, что русскія войска возвратятся на Кавказскую линію. Для усмиренія ихъ Лазаревъ просилъ разрѣшенія употребить оружіе [2]).

Для обезпеченія отъ вторженій въ Шамшадылъ ганжинскаго хана, одинъ баталіонъ егерскаго полка расположился въ Борчалахъ. Другаго же баталіона, того же полка, двѣ роты расположены были въ Душетѣ, для поддержанія сообщенія Кавказской линіи съ Грузіею, а остальныя три роты должны были содержать посты на всемъ пространствѣ отъ Душета до Мцхета.

«Отъ крѣпости Сурама до вершины рѣки Аглета, а отъ оной

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 381.

[2]) Тамъ же, стр. 382.

до вершины рѣки Матаверы, а оттоль до Памбакъ должны быть учреждены грузинскіе или казачьи бекеты [1]).»

При такомъ размѣщеніи войскъ, можно было разсчитывать на отраженіе лезгинъ и сопредѣльныхъ хановъ, вторгавшихся въ Грузію для хищничества, грабежа и увлеченія въ плѣнъ жителей.

XVIII.

Письма царевича Давида и царицы Дарьи Императору Александру I.—Вопросъ о присоединеніи Грузіи вновь переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.—Императоръ Александръ I противится присоединенію Грузіи къ своей державѣ.—Рескриптъ Кноррингу и отправленіе его въ Грузію. Прибытіе въ С.-Петербургъ полномочныхъ и ихъ просьбы.—Происшествія въ Грузіи.

Царевичъ Давидъ и царица Дарья, узнавъ о вступленіи на престолъ Императора Александра I, торопились отправить письма, съ заявленіемъ своихъ просьбъ и желаній. Давидъ просилъ Императора утвердить его царемъ Грузіи [2]); царица Дарья просила передать этотъ престолъ старшему сыну ея, царевичу Юлону [3]). Давидъ ссылался на то, что онъ утвержденъ наслѣдникомъ еще покойнымъ Государемъ Павломъ Петровичемъ, а царица Дарья опиралась на завѣщаніе покойнаго ея мужа Ираклія II, опредѣлившаго порядокъ престолонаслѣдія, по которому тронъ долженъ переходить къ братьямъ Георгія по старшинству рода.

«Избавьте насъ отъ неправды,—писала царица,—и безчестія, оказанныхъ намъ пасынкомъ моимъ царемъ Георгіемъ, и соблаговолите утвердить права наши, покойнымъ супругомъ моимъ царемъ Иракліемъ въ царскомъ его домѣ установленныя письменно».

Царевичъ Давидъ отправилъ письмо черезъ Кнорринга, а царица Дарья передала его сыну своему Миріану, ѣхавшему въ Петербургъ. Она надѣялась, что Миріанъ будетъ лично ходатайствовать за свою мать и обратитъ вниманіе Императора на ея безпомощное состояніе. Царица жаловалась не только на несправедливые поступки

---

[1]) Изъ рапорта Лазарева Кноррингу отъ 8-го апрѣля 1801 г., № 200.

[2]) Письмо Давида отъ 8-го апрѣля 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, по деп. общ. дѣлъ, Дѣла Грузіи, кн. 1.

[3]) Письмо царицы отъ 15-го апрѣля 1801 г. Тамъ же.

своего пасынка Георгія, она жаловалась еще и на то, что у нея отнята большая часть имѣній и она лишена средствъ къ существованію.

«По общему всѣхъ опыту извѣстно, — писала царица, — что словесныхъ тварей первое есть попеченіе имѣть пропитаніе для продолженія жизни своей, чему послѣдовать должна и я, будучи не въ состояніи находящихся при мнѣ довольствовать ежедневно хотя единымъ токмо хлѣбомъ. Доходами, законно мнѣ принадлежащими, пользуются другіе, а я, не имѣя силъ и оставшись безъ пропитанія, проливая всегда слезы, провождаю жизнь свою въ крайней печали. Моими же имѣніями, собственными моими трудами и иждивеніемъ пріобрѣтенными, владѣютъ другіе...»

Просьбы двухъ лицъ объ удовлетвореніи ихъ однимъ и тѣмъ же затрудняли Императора Александра въ ихъ исполненіи и заставили, не давая преимущества ни царевичу, ни царицѣ, вновь передать вопросъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Не будучи лично расположенъ въ пользу присоединенія страны, Александръ предложилъ совѣту вопросъ: принятіемъ Грузіи въ подданство Россіи не будетъ ли поступлено несправедливо относительно наслѣдниковъ престола того царства? [1]) Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, «отвергнувъ вовсе цѣль корысти», государственный совѣтъ призналъ, однако, необходимымъ удержать страну подъ скипетромъ русскихъ императоровъ. Три основанія приведены въ журналѣ совѣта отъ 11-го апрѣля 1801 года. *Первое* то, что несогласія царскаго дома грозятъ слабому царству пагубнымъ междоусобіемъ. *Второе*, что покровительство, оказываемое Грузіи съ давнихъ поръ Россіею, требуетъ, чтобы для собственнаго достоинства имперіи, царство Грузинское сохранено было въ цѣлости, и, наконецъ, *третье* основаніе то, что съ присоединеніемъ страны обезпечивается спокойствіе собственныхъ границъ Россіи и пріобрѣтается полное удобство къ обузданію своевольства горскихъ народовъ.

---

[1]) Реестръ протоколамъ государственнаго совѣта 1801 г. Государственный Архивъ.

Основываясь на этомъ, государственный совѣтъ полагалъ: 1) оставить въ Грузіи всѣ наши войска, которыя тамъ уже находились; 2) учредить въ странѣ временное русское управленіе, раздѣливъ всю землю на семь уѣздовъ. Для управленія гражданскою частію отправить въ Грузію губернатора, который бы соединялъ въ себѣ власть гражданскую и военную.

Члены неофиціальнаго комитета Императора [1]) не раздѣляли заключенія государственнаго совѣта; не раздѣлялъ его и Императоръ Александръ, полагавшій вмѣстѣ съ ними, что одна сила не давала никакого права присоединить къ имперіи страну, если сами жители ея того не желали.

Находя, сверхъ того, многія невыгоды отъ подобнаго присоединенія, члены комитета убѣдили Императора вопросъ этотъ вторично передать на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, причемъ Александръ уполномочилъ генералъ-прокурора Беклешева заявить совѣту «о крайнемъ отвращеніи его императорскаго величества поступить на принятіе царства того въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли [2])».

Черезъ четыре дня послѣ перваго своего постановленія, государственный совѣтъ, 15-го апрѣля, снова разбиралъ вопросъ о присоединеніи Грузіи. Совѣтъ остался при первомъ своемъ мнѣніи.

Желаніе, заявленное всѣмъ народомъ быть въ подданствѣ Россіи, устраняло всякій видъ насилія, произвола и несправедливости въ дѣлѣ его присоединенія къ имперіи. Притязаніе персидскихъ шаховъ на верховную власть въ Грузіи и постоянное отъ того разореніе страны заставили народъ искать покровительства Россіи и тѣмъ избѣгнуть отъ ига варварскаго. Что же должно было ожидать Грузію тогда, когда она публично заявила свою радость о новомъ положеніи, въ которое перешла вслѣдствіе манифеста Императора Павла и въ которомъ надѣялась получить защиту и покой? Оставляя страну на собственный ея произволъ и отрекаясь отъ покровительства, Россія предала бы ее всѣмъ жестокостямъ и

---

[1]) Подробности объ устройствѣ и составѣ этого комитета находятся въ статьѣ М. И. Богдановича: «Первая эпоха преобразованій Императора Александра». «Вѣстникъ Европы» 1866 г., т. I, стр. 158.

[2]) Государственный Архивъ.

мщенію хищнаго сосѣда—Персіи, ожидавшей удобнаго только случая къ тому, чтобы захватить ее въ свои руки. Величіе и справедливость Россіи требовали, чтобы Грузія не была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ, а оставленіе ея только подъ покровительствомъ было бы невыгодно для самой Имперіи.

Въ самомъ дѣлѣ, покровительствуя Грузіи, Россія должна была содержать тамъ достаточно войскъ для огражденія ея отъ нападеній непріятельскихъ. Содержаніе этой силы вовлекало государство въ излишніе и безполезные расходы. Посылать же войска въ Грузію только тогда, когда въ нихъ встрѣчалась необходимость, было невозможно. На одно приготовленіе пути для движенія черезъ горы, необходимо было столь много времени, что сосѣди всегда успѣли бы вторгнуться и окончательно разорить страну.

«Но и для самой Россіи вредно покидать Грузію,—сказано въ журналѣ государственнаго совѣта. — Оставленная своему жребію, земля сія сдѣлается необходимою жертвою сосѣдей своихъ, и христіанское въ той странѣ владѣніе истребится. Сіе одно уже угрожаетъ границамъ россійскимъ пагубнѣйшими слѣдствіями. Доселѣ спокойствіе оныхъ, исключая собственной войсковой обороны, ограждалось знатно и тѣмъ, что Грузія, имѣя положеніе свое посреди горскихъ народовъ, раздѣляла их физически, препятствуя при малѣйшемъ соглашеніи свободно соединяться. Не менѣе того мѣшало царство то и политическими соображеніями соединяться тѣмъ народамъ, кои сколь частые имѣютъ между собою раздоры, охотно однакожь соединяются для набѣговъ на земли сосѣднія, ради грабежа...

«Можетъ еще случиться, что народъ грузинскій, избѣгая конечнаго разоренія отъ сосѣдей своихъ, отдастся въ подданство Портѣ и при семъ уже событіи, слѣдствія, кои оттого произойти могутъ для Россіи, являютъ по истинѣ страшную картину [1]).

«Единовѣріе соединитъ, конечно, всѣ толпы обитателей Кав-

---

[1]) До кайнарджійскаго мира турки хотя и владычествовали надъ сѣвернымъ склономъ Кавказа отъ Тамани до устья Терека, но владычество ихъ было номинальное, для насъ неопасное. Только русскіе успѣли прочно утвердить власть свою въ горахъ Кавказа.

казскихъ горъ подъ владычество турецкое, и что тогда должно будетъ противопоставить силамъ ихъ, въ случаѣ разрыва съ Портою, коего всегда, отъ собственнаго турокъ непостоянства и отъ внушеній постороннихъ державъ, ожидать можно? Какими средствами оградить пространство болѣе 800 верстъ, гдѣ съ россійской стороны представляется непріятелю свободный входъ въ мѣста ровныя, ничѣмъ неприкасаемыя; съ непріятельской же при первомъ шагѣ встрѣчаются неприступныя горы».

Всѣ изложенныя причины заставили государственный совѣтъ и на этотъ разъ склониться въ пользу присоединенія Грузіи къ Россіи. Для бо́льшаго убѣжденія въ непреложности своего мнѣнія, совѣтъ полагалъ необходимымъ послать Кнорринга въ Грузію для того, чтобы онъ на мѣстѣ могъ опредѣлить положеніе страны и ея потребности и безпристрастно изслѣдовать, можетъ ли Грузія оставлена быть царствомъ независимымъ.

По повелѣнію Императора Александра, теперь согласившагося съ мнѣніемъ государственнаго совѣта, Кноррингъ отправился въ Грузію, имѣя въ рукахъ замѣчательный рескриптъ Императора.

«.... При восшествіи нашемъ на престолъ, — писалъ Александръ [1]),—нашли мы, что царство сіе по всѣмъ государственнымъ актамъ присоединено уже къ Имперіи и въ семъ качествѣ объемлемо всею святостію учиненной намъ отъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ присяги. Въ таковомъ положеніи дѣлъ и при облежащей страну сію нашей воинской силѣ имѣли бы мы считать власть нашу въ ней непоколебимо утвержденною, тѣмъ болѣе, что по дошедшимъ до насъ предварительнымъ свѣдѣніямъ удостовѣрены мы, что желанія и полномочія возвратившихся посланниковъ съ принятыми мѣрами совершенно сообразны. Не скроемъ мы также отъ васъ, что достоинство Имперіи, безопасность нашихъ границъ, виды Порты Оттоманской, покушенія и порывы горскихъ народовъ, всѣ уваженія собственныхъ Россіи пользъ отъ давнихъ временъ заставляли правительство помышлять о семъ происшествіи и желать сего событія.

«Измѣряя существо его единственными нашими выгодами, мы

[1]) Рескриптъ отъ 19-го апрѣля 1801 г. Весь рескриптъ этотъ напечатанъ вполнѣ въ Актахъ Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 419.

не можемъ не признать всей ихъ силы, *но пользамъ царствъ земныхъ, въ правилахъ вѣчныхъ, предустановлена другая мѣра, единая, истинная и непреложная: справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву*. Во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ нашихъ, положивъ себѣ сію истину въ неподвижное основаніе, вслѣдствіе того и при настоящихъ расположеніяхъ о Грузіи желаемъ мы прежде всего удостовѣриться:

«*Первое*, дѣйствительно-ли внутреннее положеніе сей страны таково, что съ едиными силами своими не можетъ она противостоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отразить набѣги облежащихъ ее горскихъ народовъ, ни потушить внутреннія вражды, междоусобною войною ей грозящія, что оставить ее царствомъ отдѣльнымъ и самобытнымъ на произволъ судьбы было бы несоотвѣтственно ни величеству Имперіи, издревле ей покровительствующей, ни нашему великодушію.

Второе, на собственномъ-ли убѣжденіи необходимости и отечественной пользы основано было преклоненіе царства сего подъ россійскую державу и единодушно-ли всѣ высшія состоянія и народъ признали поступокъ сей себѣ во спасеніе, или, увлекаемые предпріимчивостію извѣстнаго рода людей, уступили они страху замысловъ и постороннимъ внушеніямъ болѣе, нежели истинному сознанію пользъ своихъ.

«Возлагая на васъ собрать на самомъ мѣстѣ всѣ сіи удостовѣренія и на сей конецъ поручая вамъ отправиться въ Грузію, мы несомнѣнно надѣемся, что, бывъ проникнуты началами, насъ въ дѣлѣ семъ руководящими, вы взойдете къ самымъ первымъ его источникамъ, взвѣсите силу царства сего и сравните его съ противодѣйствіемъ внѣшнимъ и внутреннимъ; вникните въ расположеніе ума народнаго, узнаете нужды его и слѣдствія сихъ нуждъ въ его желаніяхъ; наконецъ, удостовѣритесь, искренно-ли убѣждены они и пребываютъ въ томъ мнѣніи, что пріятіе ихъ подъ россійскую державу есть единое средство къ ихъ спасенію, и тогда по удостовѣренію сему займитесь вы примѣрнымъ положеніемъ для образованія будущаго въ странѣ сей управленія. Вы будете при семъ имѣть въ виду, что *не для Россіи присоеди-*

няется сей народъ къ Имперіи, но собственно для него; что не нашихъ пользъ мы въ семъ ищемъ, но единственно его покоя и безопасности, а потому въ положеніяхъ вашихъ объ управленіи не оставите вы принять въ уваженіе права его, сообразиться съ нравами, обычаями и умоначертаніями; словомъ, вы будете взирать на страну сію не такъ, какъ на страну полезныхъ намъ пріобрѣтеній, но какъ на народъ, взыскивавшій присоединиться къ Имперіи для собственнаго его счастія и дабы въ нѣдрѣ ея обрѣсти конецъ несчастіямъ, его обуревающимъ».

Собравъ всѣ свѣдѣнія на мѣстѣ, Кноррингъ долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ для личнаго объясненія съ Императоромъ. До возвращенія же его, правительство не рѣшало вопроса о присоединеніи Грузіи, не смотря на то, что послы прибыли уже въ С.-Петербургъ съ полномочіемъ отъ народа.

Основываясь на томъ, что Грузія по манифесту Императора Павла принята уже въ подданство Россіи «на вѣчныя времена», уполномоченные просили о заключеніи торжественнаго обоюднаго акта, какъ то имъ было обѣщано покойнымъ Государемъ. Представители народа просили содержать царство «въ отеческомъ благопризрѣніи», заботиться о благосостояніи народа, добровольно подвергшаго себя вѣчному подданству, дать ему права и преимущества коренныхъ подданныхъ Россіи, и, наконецъ, защитить его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

«Мы же, налагая на себя новое подданство, обязуемся по оному нести и наблюдать, по возможности царства, всѣ тѣ службы, кои возлагаемы на насъ будутъ [1].»

Основываясь на грамотѣ Георгія и на словахъ Ростопчина посламъ, переданнымъ отъ имени Императора Павла, уполномоченные привезли прошеніе, въ которомъ просили о назначеніи одного изъ царевичей намѣстникомъ, съ наименованіемъ царемъ Грузіи, придавъ ему въ помощь русскаго чиновника. Новый правитель не имѣлъ права ни дѣлать распоряженій, ни издавать законовъ безъ помощника и обязанъ былъ подписывать всѣ указы и акты

[1]) Нота пословъ грузинскихъ въ апрѣлѣ 1801 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—7, 1800—1805 г., № 1.

послѣ того, какъ подпишетъ ихъ тотъ, кто будетъ назначенъ ему помощникомъ. Точно также во всѣхъ остальныхъ учрежденіяхъ и управленіяхъ Грузіи предполагалось назначить, вмѣстѣ съ грузинами, русскихъ чиновниковъ, какъ руководителей.

Полномочные просили учредить въ царствѣ пять судебныхъ мѣстъ, наименовавъ первое совѣтомъ или департаментомъ сената, второе правленіемъ царства, а остальныя три въ провинціяхъ, назвавъ ихъ уѣздными.

Такое число судовъ признавалось достаточнымъ при «необширности царства, а буде кому, — писали полномочные, — за столицею живущему необходимая нужда потребуетъ ѣхать съ какойлибо просьбою въ столичный городъ Тифлисъ, то нѣтъ мѣста, кое-бъ разстояніемъ простиралось долѣе четырехъ дней пути».

Въ Тифлисѣ предполагалось учредить еще одинъ судъ, подъ названіемъ словеснаго, для скораго рѣшенія споровъ и словесныхъ просьбъ. Сами грузины сознавали необходимость въ устройствѣ полиціи для того, чтобы въ городѣ «бѣдные обыватели могли спокойно жить и крестьяне привозить туда нужное для города, безъ всякаго отъ кого либо притѣсненія, и производить свободно каждый свой промыселъ, а не такъ, какъ, по азіятскому обычаю, кто сильнѣе, тотъ и на торжищѣ все имѣетъ и обывателя притѣсняетъ».

Такъ какъ большая часть пограничныхъ имѣній принадлежала царевичамъ, то для спокойствія страны полномочные просили отобрать отъ нихъ имѣнія и дать взамѣнъ ихъ другія внутри Грузіи. По границамъ построить крѣпости и таможни для сбора пошлинъ съ товаровъ.

Вдовствующимъ царицамъ и царевнамъ просили назначить пенсіи, а принадлежащія имъ имѣнія взять въ казну. Всѣмъ тѣмъ царевичамъ, «кои по слабому ихъ здоровью или по старости лѣтъ останутся въ отечествѣ, пользоваться собственностію, имъ принадлежащею, а тѣхъ, кои, *безъ сомнѣнія*, возъимѣютъ желаніе пріѣхать и пасть къ стопамъ своего государя, принять въ службу и вмѣсто тамошняго ихъ имѣнія наградить чѣмъ благоугодно будетъ, а тамошнее причислить къ казенному».

Нельзя не сказать, что грузины хотѣли устроить свое благо-

состояніе на русскія деньги. Они искали правъ и преимуществъ съ коренными русскими, и хотя не отказывались за то нести нѣкоторыя обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ домогались льготъ и привилегій. Вступая въ подданство, называя себя русскими подданными, они просили объ освобожденіи ихъ на нѣкоторое время отъ податей, объ избавленіи отъ рекрутскихъ наборовъ и отъ употребленія на службу «по сю сторону Кавказскихъ горъ, какъ-то на шведской, прусской и другихъ всероссійскихъ границахъ [1]).»

Князьямъ, занимавшимъ при царяхъ важныя должности и которые по старости не пожелаютъ поступить на службу, просили, съ учрежденіемъ новаго правленія, назначить пенсіи, а о доходахъ царства говорили, что приведутъ ихъ въ извѣстность впослѣдствіи...

Доходы были столь незначительны, что посланные, прося о постоянномъ содержаніи въ Грузіи 6,000 русскаго войска, находили необходимымъ оговориться, что провіантъ для нихъ долженъ быть покупаемъ по распоряженію русскаго правительства на деньги и на рынкахъ.

Всѣ эти просьбы и заявленія грузинскихъ пословъ оставлены безъ исполненія до пріѣзда Кнорринга изъ Тифлиса въ С.-Петербургъ. Отчетъ его долженъ былъ служить основаніемъ при рѣшеніи вопроса о присоединеніи Грузіи.

15-го мая Кноррингъ выѣхалъ изъ Моздока въ Грузію. Народъ, думая, что онъ посланъ для того, чтобы привести въ исполненіе предначертанія Императора Павла, повсюду встрѣчалъ его съ радостію и восхищеніемъ. Начиная отъ границъ и до самаго Тифлиса, толпы, собравшіяся на дорогѣ, встрѣчали, ожидали и провожали Кнорринга съ радостными восклицаніями [2]).

Получивъ свѣдѣнія о выѣздѣ Кнорринга Лазаревъ собралъ въ Тифлисѣ знатнѣйшихъ лицъ страны. Отвѣты ихъ и указанія на вопросы Кнорринга должны были служить основнымъ матеріаломъ для составленія отчета и свѣдѣній о краѣ.

Едва Кноррингъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, какъ царевичъ Давидъ

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1800—1805 г., № 1.

[2]) Донесеніе Кнорринга Государю Императору 29-го іюля 1801 г, Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

обратился къ нему съ разъясненіемъ правъ своихъ на грузинскій престолъ. Царевичъ писалъ, что покойный отецъ его Георгій «принесъ въ жертву царство свое» покойному Императору Павлу съ тѣмъ только намѣреніемъ и просьбою, чтобы наслѣдникъ, его сынъ, оставался на законномъ своемъ престолѣ [1]).

Давидъ просилъ дозволенія Кнорринга отправить посланнаго въ Петербургъ, такъ какъ, за болѣзнію, онъ самъ ѣхать туда не можетъ, для представленія Императору его просьбъ, а главное для того, чтобы узнать о поведеніи грузинскихъ пословъ и о томъ, чего они просили у нашего правительства.

Не удовлетворивъ просьбы царевича, Кноррингъ, напротивъ того, нашелъ необходимымъ удалить Давида отъ всѣхъ дѣлъ по управленію царствомъ.

«Прибывъ въ Грузію по высочайшему повелѣнію, — писалъ онъ во всенародномъ обвѣщеніи [2]),—для исполненія дѣлъ, монаршимъ довѣріемъ на меня возложенныхъ, и особенно для точнаго спознанія внутренняго земли грузинской состоянія, нашелъ я множество перемѣнъ, введенныхъ по кончинѣ блаженной памяти царя Георгія Иракліевича вопреки священному его императорскаго величества къ Грузіи манифесту и другимъ высочайшимъ соизволеніямъ, въ рескриптахъ, ко мнѣ послѣдовавшихъ, изображеннымъ.

«Иные владѣльцы лишены дарованнаго имъ царскою властію достоянія; другимъ оное умножено новымъ назначеніемъ деревень и должностей, съ доходами сопряженныхъ; нѣкоторые потеряли свои чины и заступили ихъ мѣста другіе, и словомъ явились такія новизны, кои, завися единственно отъ самовластія государя, нарушаютъ достоинства императорскаго о Грузіи слова, объявленнаго уже цѣлому свѣту. Не мѣсто здѣсь описывать подробно всѣ вкравшіеся безпорядки: всякому изъ обывателей грузинскихъ оные извѣстны; но, имѣя долгъ соблюдать въ точности высочайшую волю и упразднивъ по перводошедшему ко мнѣ свѣдѣнію все повелѣніямъ императорскаго величества противное, въ вящшее утвержденія права всѣхъ вообще и каждаго особенно изъ обитателей земли

---

[1]) Письмо Давида отъ 27-го мая 1801 г.
[2]) Отъ 2-го іюня 1801 г.

грузинской, объявляю имъ во всенародное извѣстіе, что до будущихъ его императорскаго величества предписаній имѣетъ все оставаться въ Грузіи на томъ положеніи, каковое было при послѣднемъ часѣ кончины его высочества царя грузинскаго Георгія Иракліевича, и, слѣдственно, всѣ сдѣланныя потомъ, доселѣ властію правъ на то неимѣвшею, перемѣны, съ оглашенія сего обвѣщенія должны потерять свое существо. Дѣла сего рода разсмотрѣть и привести немедленно въ довлѣемый порядокъ возложилъ я на особыхъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Лазарева...»

Князья мдиванъ-беги: Заалъ Баратовъ, Игнатій Тумановъ, Іоаннъ Челокаевъ, Сулханъ Тумановъ и тифлисскій оберъ-полиціймейстеръ меликъ Дарчи Бебутовъ назначены были въ составъ новаго правительства. Правительство это обязывалось разбирать всѣ тѣ дѣла, за рѣшеніемъ которыхъ грузины прежде обращались къ царю. Оно не могло рѣшать дѣлъ уголовныхъ, о которыхъ обязано было относиться къ Кноррингу.

«Всякій изъ обитателей земли грузинской, — писалъ Кноррингъ,—вѣдая, что покой народный безъ власти существовать не можетъ, всеконечно, заключитъ, что учрежденіе правительства, составленнаго изъ чиновниковъ, довѣріе отечества своего пріобрѣтшихъ, есть слѣдствіе необходимости. И потому каждое состояніе народное земли грузинской и всякій изъ обитателей ея обязанъ, по введенному издавна порядку, входить о дѣлахъ своихъ никуда, какъ только въ оное грузинское правительство; поступать по его предписаніямъ и всѣмъ постороннимъ неправымъ присвоеньямъ власти, на правительство сіе возложенной, не быть послушну, ибо сіе противно священной императорскаго величества волѣ».

Новому грузинскому правительству вмѣнено было въ обязанность отобрать въ свое распоряженіе имѣнія, принадлежащія тѣмъ царевичамъ, которые находились въ Имеретіи, и розданныя царевичемъ Давидомъ разнымъ князьямъ. Доходы съ этихъ имѣній до возвращенія царевичей поступали въ общіе грузинскіе доходы особою статьею. Дѣтямъ царя Георгія, неимѣющимъ деревень и доходовъ, приказано выдавать по сту рублей въ мѣсяцъ на содержаніе. Царевичу Давиду, по незначительности доходовъ съ имѣній,

ему принадлежащихъ, назначено 500 руб. въ годъ добавочныхъ изъ общихъ грузинскихъ доходовъ. Точно также и изъ тѣхъ же доходовъ царицѣ Дарьѣ назначена пенсія по 300 руб. въ мѣсяцъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для сохраненія тишины и спокойствія въ Тифлисѣ, устроена полиція. Весь городъ раздѣленъ на три части: первыя двѣ въ самомъ городѣ, а третья въ предмѣстьѣ, называемомъ Геретубань. Авлабаръ же, какъ предмѣстье, принадлежащее царицѣ Дарьѣ, изъ уваженія къ ней, оставлено въ томъ видѣ, какъ было. Впрочемъ, Кноррингъ предоставилъ Лазареву, въ случаѣ добровольнаго согласія царицы, учредить и тамъ полицейскую часть [2]). По уставу, полиція обязана была имѣть точныя свѣдѣнія о числѣ домовъ и жителей города по вѣроисповѣданіямъ, о числѣ и званіи пріѣхавшихъ и уѣхавшихъ, о состояніи здоровья жителей.

Удаленный отъ дѣлъ, царевичъ Давидъ былъ крайне недоволенъ распоряженіями Кнорринга. Будучи правителемъ царства, онъ сливалъ свои интересы съ выгодами Россіи. «Извѣстно вамъ, — писалъ онъ въ одномъ письмѣ Лазареву [3]),—что Грузія нынѣ уже не есть Грузія, а Россія, и жители оной отнынѣ суть подданные имперіи». Теперь же, съ удаленіемъ отъ правленія, онъ сталъ явнымъ противникомъ нашего правительства и всѣми силами старался вредить какъ русскимъ, такъ и вновь образованному правительству.

«Четыре плута и одинъ дуракъ правятъ всею здѣшнею землею,—писалъ онъ къ князю Бегляру Орбеліани [4]).—Сей дуракъ двухъ лезгинскихъ мальчиковъ джарскихъ поймалъ, за что они одного солдата поймали, руки отрубили, носъ отрѣзали и отпустили [5]). Сіе Лазаревъ скрываетъ. Сверхъ же того русскіе обижаютъ, на базарѣ отнимаютъ и князей бьютъ. Нынѣ билеты учреждены; у кого билета нѣтъ, къ себѣ не допускаютъ [6]). Князья на улицахъ валяются. Ивану (царевичу Іоанну) напиши,

---

[1]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 2-го іюня 1801 г., № 1,324.

[2]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 31-го мая 1801 г.

[3]) Отъ 18-го января 1801 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 298.

[4]) Въ іюнѣ 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

[5]) Все это было несправедливо.

[6]) Билеты были установлены для впуска въ комнату, въ которой было засѣданіе временнаго грузинскаго правительства.

ежели до сентября не будетъ, такъ послѣ губернія останется, дѣло вѣчно испортится. Непремѣнно напиши, чтобы смѣнили собачьяго сына».

Царевичъ распускалъ слухи о полученномъ будто бы имъ письмѣ изъ Петербурга, въ которомъ Императоръ Александръ утверждаетъ его царемъ Грузіи; что объявленіе, сдѣланное Кноррингомъ, самопроизвольно и противно желанію Императора; что съ воцареніемъ своимъ будетъ мстить тѣмъ, кто ему теперь не повинуется, и что, наконецъ, лезгины напали на русскія войска, многихъ перебили, а еще болѣе увели въ плѣнъ. Изъ одной крайности Давидъ бросился въ другую: изъ приверженца Россіи, какимъ былъ вначалѣ, онъ сталъ теперь непримиримымъ врагомъ каждаго русскаго. Онъ клеветалъ на Кнорринга за то, что тотъ удалилъ его отъ управленія; клеветалъ на Лазарева, что тотъ разорилъ и ограбилъ всю Грузію, что онъ пошелъ къ Эривани [1]) взбунтовать турокъ, персіянъ и лезгинъ.

Давидъ жаловался на Лазарева, что онъ отнимаетъ имѣнія. Лазаревъ на запросъ Кнорринга отвѣчалъ, что это дѣлаетъ грузинское правительство, отбирая у тѣхъ, которымъ роздалъ Давидъ самопроизвольно, и возвращаетъ тѣмъ, которые имѣютъ отъ покойнаго царя грамоты на право владѣнія ими.

Давидъ все еще разсчитывалъ на возможность попасть въ составъ временнаго правительства. «Спите или что вамъ сдѣлалось, что не стараетесь? спрашивалъ онъ Николая Оникова, бывшаго въ Петербургѣ при царевичахъ [2]). Кноррингъ прибылъ сюда и отрѣшилъ меня отъ всѣхъ дѣлъ, а Лазаревъ, выбравъ четырехъ плутовъ, опредѣлилъ въ грузинское правительство. Дѣла всѣ они отправляютъ, а я ни въ какое не вмѣшиваюсь... Игнатій (князь Тумановъ) какъ можетъ управлять Грузіею?»

Волнуя народъ ложными разглашеніями, царевичъ Давидъ увѣрялъ всѣхъ, что Лазаревъ имѣетъ, но скрываетъ повелѣніе Императора Александра, опровергающее манифестъ покойнаго Императора Павла. Легковѣрный народъ волновался; преданные намъ князья и дворяне боялись за свою участь, и Лазаревъ не скры-

[1]) Объ этомъ движеніи Лазарева къ Эривани см. ниже.

[2]) Письмо царевича Давида Николаю Оникову 5-го іюня 1801 г.

валъ своего опасенія о дурныхъ послѣдствіяхъ отъ подобнаго положенія дѣлъ.

«Лучшее, по мнѣнію моему, средство,—доносилъ онъ [1]),—чтобы всю багратіоновскую фамилію отсюда вывезти, а доколѣ она здѣсь будетъ, безпорядкамъ не будетъ конца».

Обвиняя представителей Россіи, Кнорринга и Лазарева, въ произвольныхъ поступкахъ и притѣсненіи, Давидъ бунтовалъ лезгинъ и уговаривалъ сосѣднихъ хановъ дѣйствовать противъ Грузіи, въ которой собирался царствовать.

Подговоры и просьбы царевича не пропадали безслѣдно: они отражались невыгодно на бѣдныхъ грузинахъ, терпѣвшихъ разореніе и отъ своихъ, и отъ сосѣдей, изъ которыхъ въ числѣ первыхъ недоброжелателей Грузіи можно назвать эриванскаго хана.

Поступки эриванскаго хана относительно Россіи были чрезвычайно противорѣчивы. То онъ искалъ покровительства Императора и посылалъ своихъ посланцевъ для переговоровъ по этому дѣлу, то оказывалъ непріязненныя дѣйствія противъ Грузіи, зная, что она состоитъ подъ защитою Россіи [2]).

Пользуясь, такъ сказать, двусмысленнымъ положеніемъ Грузіи и слѣдуя просьбамъ царевичей, онъ призвалъ къ себѣ памбакскихъ агаларовъ или старшинъ и сталъ требовать, чтобы всѣ памбакцы немедленно поступили въ его подданство. Мегметъ-ханъ эриванскій успѣлъ на столько, что агалары согласились на его требованіе. Вслѣдъ затѣмъ эриванскій ханъ прислалъ въ Памбаки 400 человѣкъ эриванцевъ и вывелъ въ свои владѣнія до 14 деревень, заключавшихъ около 6,000 жителей, съ ихъ агаларами [3]).

Причиною удаленія памбакцевъ были притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ моурава князя Орбеліани, управлявшаго ими за отсутствіемъ тестя покойнаго царя, князя Циціанова, бывшаго въ Петербургѣ.

Лазаревъ, узнавъ о волненіяхъ, происходящихъ въ Памба-

---

[1]) Письмо Лазарева Кноррингу 6-го августа 1801 года. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 341.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 23-го марта 1801 г. Константиновъ, ч. I, 24 (рукопись).

[3]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 10-го іюня 1801 г. Константиновъ, ч. I, 138.

кахъ, тотчасъ же написалъ эриванскому владѣтелю, чтобы онъ оставилъ свои дерзкіе замыслы. Не надѣясь, однакожь, на выполненіе своего требованія и для предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ, Лазаревъ выступилъ изъ Тифлиса (30-го іюня) съ баталіономъ егерей своего полка, баталіономъ мушкетерскаго генералъ-маіора Леонтьева 1-го полка, тремя легкими орудіями 17-го егерскаго полка, 100 казаками и нѣсколькими сотнями (до 500) грузинъ, съ однимъ грузинскимъ орудіемъ, подъ командою сардаря князя Ивана Орбеліани [1]).

Ханы эриванскій, нахичеванскій и важнѣйшіе чиновники ханствъ, узнавъ объ этомъ движеніи, собрались на совѣщаніе и говорили, что нельзя допустить христіанъ до владычества надъ мусульманами и потому необходимо защищать отъ русскихъ Памбакскую провинцію. На этомъ основаніи рѣшено было собирать войска.

Не смотря на единодушное желаніе совѣта дѣйствовать непріязненно противъ Россіи, Мегметъ-ханъ находилъ лучшимъ и болѣе выгоднымъ для себя вступить сначала въ переговоры съ Лазаревымъ и покончить недоразумѣнія свои возможно-мирнымъ путемъ. Онъ отправилъ къ Лазареву своего посланнаго съ объявленіемъ, что Памбакская провинція принадлежитъ ему, хану, такъ какъ онъ имѣетъ фирманъ Аги-Магометъ-хана о пожалованіи ему оной во время разоренія Грузіи, и потому вступаетъ во владѣніе ею.

— Ханъ не намѣренъ имѣть съ русскими непріязненныхъ дѣйствій,—говорилъ эриванскій посланный,—напротивъ, онъ ищетъ покровительства Государя Императора и проситъ, чтобы вы за Памбакскую провинцію не вступались. Для Императора гораздо лучше имѣть въ подданствѣ самого хана, нежели Памбакскую провинцію.

Лазаревъ просилъ передать хану, что обязанный наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ жители Грузіи находились въ полномъ спокойствіи и безопасности, онъ слѣдуетъ на границу и требуетъ отъ хана оставить свои происки [2]).

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 26-го іюня 1801 г., № 338.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 13-го іюля 1801 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. I, стр. 617.

Явившись съ отрядомъ въ Памбаки и удостовѣрясь, что народъ, уступившій угрозамъ хана, покинулъ свои дома, Лазаревъ, воззваніемъ отъ 11-го іюля, требовалъ, чтобы жители, подъ опасеніемъ строгаго наказанія за ослушаніе, возвратились въ свои жилища.

Тотчасъ послѣ воззванія явились жители пяти деревень. Для бóльшаго ободренія остальныхъ, отрядъ двинулся далѣе и пришелъ на границу Эриванскаго ханства [1]). Здѣсь явился къ Лазареву другой посланный отъ Мегметъ-хана, съ новыми увѣреніями въ томъ, что ханъ не желаетъ имѣть непріязненныхъ дѣйствій съ Россіею. Князь Тархановъ посланъ былъ въ Эривань съ порученіемъ требовать отъ хана возвращенія остальныхъ агаларовъ, находившихся въ Эривани. Эриванскій ханъ тотчасъ же отпустилъ арестованныхъ и объявилъ Тарханову, что, имѣя право на Памбаки, на основаніи фирмана Аги-Магометъ-хана, подговоренъ былъ къ завладѣнію этою провинціею грузинскими царевичами.

Дѣйствительно, царевичъ Давидъ извѣстилъ хана, что противъ него отправлено 400 человѣкъ русскаго войска, и убѣждалъ его не отдавать русскимъ Памбакской провинціи, которую Давидъ уступалъ хану. Царевичъ просилъ содѣйствія эриванскаго хана къ овладѣнію престоломъ, обѣщаясь платить ему ту самую дань, которую ханъ прежде платилъ царямъ грузинскимъ. Вахтангъ, Юлонъ и Александръ тоже просили помощи къ освобожденію Грузіи отъ русскихъ. Прибывшій изъ Эривани армянскій архіепископъ Григорій, которому Мегметъ-ханъ показывалъ письма царевичей, подтверждалъ достовѣрность этой переписки [2]).

Царевичи обнадеживали хана, что если онъ будетъ сопротивляться Россіи, то получитъ помощь изъ Имеретіи; что Юлонъ и Александръ, соединясь съ Шерифъ-пашою ахалцыхскимъ и съ имеретинскимъ царемъ, будутъ дѣйствовать съ одной, а лезгины сдѣлаютъ нападеніе съ другой стороны.

Давидъ не совѣтовалъ хану искать покровительства Россіи.

— Ты видишь, что съ Грузіею дѣлается: такъ и тебя выгонятъ, говорилъ хану посланный отъ царевича.

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 15-го іюля 1801 г.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 4-го августа и письмо его же 5-го августа.

Близость нашихъ войскъ заставила, однакожь, хана отклонить просьбу царевичей и отправить къ Лазареву еще разъ посланнаго съ обѣщаніемъ прекратить всякія притязанія свои на Памбакскую провинцію.

Оставивъ въ Каракалисѣ баталіонъ мушкетеровъ, роту егерей, артиллерію и казаковъ, Лазаревъ чрезъ Борчалы и Казахи возвратился въ Тифлисъ. Прежде своего возвращенія онъ долженъ былъ послать отрядъ изъ казаховъ, подъ начальствомъ князя Чавчавадзе и князя Соломона Авалова, для удержанія въ повиновеніи шамшадильцевъ, которыхъ ганжинскій ханъ уговорилъ переселиться къ себѣ [1]).

Со стороны Ахалцыха граница Грузіи также не была обезпечена.

Въ мартѣ 1801 года Сабудъ-паша ахалцыхскій, человѣкъ, расположенный къ Россіи, удерживавшій лезгинъ и турокъ отъ хищническихъ вторженій въ Грузію, былъ изгнанъ изъ Ахалцыха родственникомъ своимъ Шерифомъ-пашою [2]).

Сабудъ-паша удалился въ Эрзерумъ, гдѣ и назначенъ былъ эрзерумскимъ и чалдырскимъ губернаторомъ.

Для изгнанія изъ Ахалцыха Шерифа-паши, Сабудъ-паша обратился съ просьбою къ царевичу Давиду, который отправилъ въ помощь ему изъ Грузіи казаховъ, подъ начальствомъ мелика Абова. Узнавъ объ этомъ, Кноррингъ приказалъ вернуть грузинскія войска и совѣтовалъ царевичу Давиду не вмѣшиваться въ турецкія дѣла [3]).

Лишенный помощи, Сабудъ-паша просилъ свиданія съ Лазаревымъ, которое и состоялось 11-го іюля [4]).

Стараясь увѣрить во всегдашней преданности своей къ Россіи и показавъ фирманъ султана, повелѣвающій прислать голову Шерифъ-паши, Сабудъ просилъ Лазарева оказать ему свое содѣйствіе нашими войсками и тѣмъ сдѣлать угодное союзной Россіи Портѣ Оттоманской.

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 18-го іюля 1801 г.

[2]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 19-го марта 1801 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[3]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 31-го мая, № 1295.

[4]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 12-го іюля, № 325.

Не дождавшись отъ Лазарева отвѣта, Сабудъ-паша долженъ былъ претерпѣть новыя испытанія и гоненія.

Имѣя личнаго врага въ Юсуфѣ-пашѣ, начальникѣ войскъ, дѣйствовавшихъ тогда противъ Франціи, и котораго Порта всѣми силами старалась обласкать [1]), Сабудъ скоро, по проискамъ Юсуфа, потерялъ мѣсто губернатора и долженъ былъ просить позволенія поселиться въ Грузіи. Не получивъ разрѣшенія, онъ удалился въ Имеретію, подъ покровительство царя Соломона II. При помощи денегъ, Шерифъ-паша успѣлъ подкупить имеретинскаго царя и царевича Александра. Не смотря на настоянія и просьбы Лазарева, Сабудъ и бывшіе съ нимъ шесть человѣкъ были обезглавлены, и головы ихъ отправлены къ Шерифу-пашѣ. Царь имеретинскій получилъ за этотъ злодѣйскій поступокъ десять мѣшковъ піастровъ; царица — образъ, осыпанный драгоцѣнными камнями; царевичъ Александръ—пять мѣшковъ, и два имеретинскіе чиновника — четыре мѣшка піастровъ. Кромѣ того Соломонъ отправилъ къ Шерифу-пашѣ своего чиновника принять по договору еще восемьдесять мѣшковъ [2]).

Изгнаніе Сабуда-паши изъ Ахалцыха было весьма непріятно нашему правительству. Оно потеряло въ немъ человѣка, преданнаго Россіи, удерживавшаго лезгинъ отъ хищническихъ вторженій въ Грузію. Лишеніе Сабуда достоинства паши развязывало руки лезгинамъ, которые по-прежнему не переставали на всѣхъ границахъ дѣлать нападенія и хищничества. Такъ, 29-го мая 1801 года партія лезгинъ ограбила селенія грузинскія на правомъ берегу Куры, неподалеку отъ Тифлиса, причемъ они захватили въ плѣнъ 80 человѣкъ мужескаго и женскаго пола и отогнали 300 штукъ скота.

6-го іюня лезгины сдѣлали нападеніе на казачій табунъ и отогнали лошадей.

Преслѣдуемые въ обоихъ случаяхъ, они бросили свою добычу и плѣнныхъ, которые и были возвращены въ свои дома [3]).

---

[1]) Письмо Сабуда-паши Лазареву безъ числа. Тифл. Арх. Канц. Нам.

[2]) Изъ рапорта Кнорринга Государю Императору 26-го марта 1802 г.

[3]) Рапортъ капитана Савельева Кноррингу 31-го мая, № 100, и рапортъ Лазарева 8-го іюня, № 317.

Іюля 6-го партія лезгинъ пробралась густымъ лѣсомъ со стороны Алазани къ пасшимся въ пяти верстахъ отъ селенія Велисцихи лошадямъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, но, не успѣвъ ихъ отогнать, скрылась и повторила, хотя также неудачно, свое нападеніе 8-го іюля, въ числѣ до 400 человѣкъ.

Находясь на службѣ и жалованьѣ ахалцыхскаго паши, лезгины чаще всего дѣлали съ этой стороны вторженіе въ Грузію. 20-го іюня получено было свѣдѣніе, что значительная партія лезгинъ вторглась въ грузинскіе предѣлы для разоренія деревень, лежащихъ на правомъ берегу Куры, около Ахалкалакъ. Командовавшій войсками на границахъ Имеретіи, подполковникъ Симоновичъ, приказалъ ротѣ своего имени подвинуться изъ деревни Бреты въ Корель, а ротѣ капитана Рейха—изъ Гори въ деревню Досси. Взявъ роту изъ Корели и роту 17-го егерскаго полка маіора Плеста, съ бывшими при немъ казаками и грузинскими князьями, всего 79 гренадеръ, 48 егерей, 22 казака и 100 грузинъ, Симоновичъ, переправясь черезъ хребты горъ Мамцулари и Гужаретъ, думалъ идти по слѣдамъ лезгинъ, а капитану Рейху поручить наблюденіе со стороны Ахалкалакъ. 21-го іюня Симоновичъ прибылъ съ отрядомъ къ разоренной грузинской деревнѣ Згудери, и затѣмъ, пройдя рѣку Гужаретъ, миновавъ турецкія границы у вершины рѣки Кціи и озера Бискуры, онъ достигъ до грузинской деревни Сапитсало. 24-го іюня, поднявшись выше деревни, на высотѣ рѣки Кціи, онъ встрѣтилъ лезгинъ, возвращавшихся къ Ахалцыху въ числѣ до 760 человѣкъ.

Лезгины потянулись къ рѣкѣ Кціи. Симоновичъ преслѣдовалъ ихъ сначала, но потомъ оставилъ и занялъ на большой дорогѣ, ведущей чрезъ тріалетскія поля, выгодное мѣсто. Отдохнувъ здѣсь, онъ двинулся чрезъ рѣку Кцію къ высотамъ и дефиле Кохадшеби, гдѣ соединяются дороги въ Тифлисъ, Манглисъ, Мцхетъ, Ахалкалаки, Ховли и другія мѣста. Движеніе это лезгины приняли за отступленіе и атаковали Симоновича, но были отбиты и прогнаны въ ахалцыхскія владѣнія, въ свой станъ, находившійся въ дефиле Артаюрты, близъ города Хертвиза, гдѣ они содержали плѣнныхъ грузинъ и скотъ [1]).

[1]) Рапортъ Симоновича Лазареву 28-го іюня, № 361.

8-го и 10-го августа лезгины снова вторглись въ Грузію и, спустившись въ урочище Хіоби, думали напасть на деревню Херцхіулы, но преслѣдованные нашими войсками ушли обратно [1]).

Хотя Лазаревъ и просилъ пашу запретить лезгинамъ подобныя грабительства, но Шерифъ-паша, получая письма, издавалъ только разныя запретительныя повелѣнія, а между тѣмъ самъ покупалъ у нихъ плѣнныхъ, снабжалъ хищниковъ провіантомъ, дѣлалъ старшинамъ подарки; Лазареву же писалъ, чтобы тотъ не пропускалъ лезгинъ черезъ границу [2]). Паша сообщалъ, что онъ выгналъ лезгинъ, но часть изъ нихъ карсскій паша нанялъ себѣ [3]).

Лезгины хищничали и въ то же время искали покровительства Россіи. Въ сентябрѣ они нѣсколько разъ обращались съ просьбою о подданствѣ и наконецъ при объѣздѣ Лазаревымъ кахетинской границы прислали съ тою же просьбою двухъ депутатовъ и просили, чтобы Лазаревъ далъ имъ письменный отвѣтъ. Лазаревъ не соглашался и высказалъ свое мнѣніе на словахъ; но депутаты не хотѣли ѣхать отъ него безъ письма. Тогда, написавъ имъ письмо, Лазаревъ требовалъ аманатовъ въ залогъ вѣрности. Прочитавъ письмо, лезгинскіе старшины разорвали его, сожгли дома своихъ посланныхъ, одного изъ нихъ убили и отказались исполнить наши требованія.

Получивъ обнадеживаніе въ помощи отъ хановъ шушинскаго, шемахинскаго и другихъ и зная, что подобный поступокъ не можетъ остаться безнаказаннымъ, лезгины, отправивъ большую часть имущества въ Дагестанъ и частію зарывъ въ землѣ, рѣшились сопротивляться. Лазаревъ просилъ разрѣшенія Кнорринга двинуться въ Джаро-Бѣлоканы, для безотлагательнаго наказанія хищниковъ, тѣмъ болѣе, что горы, покрытыя снѣгомъ, лишали ихъ возможности получить откуда-либо постороннюю помощь [4]). Кноррингъ отклонилъ это предложеніе и совѣтовалъ Лазареву не дѣлать ни-

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 1-го октября 1801 г.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 20-го сентября 1801 г.

[3]) Письмо Лазарева Кноррингу 5-го августа.

[4]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 19-го ноября 1801 г., № 478. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

какихъ «приглашеній подданства, тѣмъ паче лезгинскимъ обществамъ, яко народу непостоянному». [1])

Видя прибыльное ремесло лезгинъ, турки также стали участвовать въ грабежѣ и нападеніяхъ лезгинъ на Карталинію. Императоръ Александръ приказалъ сообщить Портѣ, чтобы она запретила Шерифу-пашѣ дѣлать своеволія; начальствующему же въ Грузіи предписано, что если и затѣмъ хищничества не прекратятся, то при всякомъ покушеніи лезгинъ на вторженіе дѣлать возмездіе въ земляхъ паши [2]).

Царица Дарья объявила, что, изъ усердія къ Государю, она желаетъ склонить къ поступленію подъ покровительство Россіи внука своего, имеретинскаго царя Соломона II. Лазаревъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія не можетъ согласиться на это. Тогда Соломонъ самъ обратился съ письмомъ къ Лазареву и просилъ дозволенія отправить своего посланнаго въ Петербургъ. Императоръ Александръ приказалъ отклонить имеретинскаго царя отъ такого намѣренія [3]), для сохраненія согласія съ Портою, въ зависимости которой считалась Имеретія. Императоръ поручилъ Кноррингу со всѣми вообще окружными ханами сохранять только дружественныя сношенія.

Кромѣ царя имеретинскаго, хановъ эриванскаго и нахичеванскаго, хойскій Джафаръ-Кули-ханъ, удаленный Баба-ханомъ отъ управленія Хойскимъ ханствомъ, отправилъ къ Лазареву посланнаго съ объявленіемъ, что онъ ищетъ покровительства русскаго Императора, не желая въ помощь себѣ ни войскъ, ни содержанія [4]).

Султанъ елисуйскій писалъ также, что онъ желаетъ служить русскому Государю, какъ служилъ при графѣ Валеріанѣ Зубовѣ [5]).

Кноррингъ, получивъ свѣдѣніе о желаніи хановъ, сообщилъ Лазареву, чтобы тотъ не только удерживался отъ всякихъ при-

---

[1]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 5-го декабря. Тиф. Арх. Канц. Нам.

[2]) Высочайшій рескриптъ Кноррингу 15-го октября 1801 г.

[3]) Высочайшій рескриптъ Кноррингу 17-го сентября 1801 г. Протоколъ государственнаго совѣта 9-го сентября 1801 г. Госуд. Арх.

[4]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 4-го февраля 1801 г.

[5]) Рапортъ Лазарева 7-го декабря.

глашеній къ подданству, но даже и наказаніе горскихъ народовъ за набѣги на границы царства оставилъ до того времени, когда въ самой Грузіи водворится порядокъ, и мы тверже укрѣпимъ въ ней свое владычество [1]).

Такимъ образомъ, главною задачею командовавшаго войсками являлись полное обезпеченіе границъ и защита ихъ.

Сдѣлавъ новое размѣщеніе войскъ, соотвѣтственно потребностямъ [2]), Кноррингъ оставилъ Грузію и отправился въ С.-Петербургъ.

XIX.

Мнѣніе Кнорринга о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи Грузіи.—Засѣданіе государственнаго совѣта 8-го августа 1801 г.—Мнѣнія его членовъ по вопросу о присоединеніи Грузіи къ Россіи.—Манифестъ о присоединеніи Грузіи. — Положеніе о внутреннемъ управленіи страны.

Двадцать два дня пробылъ Кноррингъ въ Грузіи.

15-го іюня онъ былъ уже на линіи и собирался отправиться въ С.-Петербургъ.

По мнѣнію его, внутреннее и внѣшнее положеніе Грузіи было

---

[1]) Предписаніе Кнорринга Лазареву 5-го декабря 1801 г.

[2]) Войска размѣщены были слѣдующимъ образомъ:

Кавказскій гренадерскій полкъ: шефскій баталіонъ съ тремя ротами въ Тифлисѣ; баталіонъ подполковника Симоновича занялъ тремя ротами и однимъ орудіемъ г. Гори; по одной ротѣ было расположено въ Сурамѣ и Цхинвалѣ. Въ Сурамѣ находилось и одно полевое орудіе.

Тифлисскій мушкетерскій полкъ: шефскаго баталіона одна рота въ Сагореджо, и по одной ротѣ въ селеніяхъ: Хошме, Патарзеулѣ, Марткопи и Манавѣ. Баталіонъ подполковника Кузенева въ Борчалахъ и въ шулаверскихъ деревняхъ.

Кабардинскій мушкетерскій полкъ: шефскаго баталіона одна рота съ орудіемъ въ г. Телавѣ, одна рота въ селеніи Велисцихѣ, одна рота съ орудіемъ въ селеніи Кварели и одна рота въ селеніи Шильдѣ. Баталіонъ подполковника Соленіуса: рота съ орудіемъ въ селеніи Джиганахъ, по одной родѣ въ селеніяхъ Сокаби, Мошнарѣ, Онаги и Кардинагѣ; въ послѣднемъ селеніи находилось и одно орудіе.

17-го егерскаго полка: шефскій баталіонъ съ двумя орудіями въ Тифлисѣ. Баталіона полковника Карягиина: двѣ роты въ Душетѣ, по одной ротѣ въ селеніяхъ Хорели (близъ г. Гори) и Парсіани и одна рота съ орудіемъ въ селеніи Коды (ниже Тифлиса).

Донской казачій Щедрова 2-го полкъ былъ размѣщенъ въ тѣхъ же городахъ и мѣстахъ, гдѣ стояли и прочія войска. Казаки были разбросаны небольшими партіями—отъ 10 до 40 человѣкъ — и употреблялись для различнаго рода посылокъ и сторожевой службы.

таково, что съ однѣми своими силами она не могла ни противостоять властолюбивымъ притязаніямъ Персіи, ни отражать набѣги окружающихъ ее горскихъ народовъ. Послѣ нашествія Аги-Магометъ-хана Грузія была такъ слаба, что изъ 61,000 семействъ, насчитываемыхъ до нашествія, теперь въ ней оказывалось едва 35,000 семействъ [1]).

Дѣйствія и поступки внѣшнихъ враговъ Грузіи не могли не быть приняты въ особенное вниманіе нашимъ правительствомъ. Царство прилегало: на востокъ къ аварамъ, лезгинамъ и прочимъ дагестанскимъ народамъ; къ западу граничило съ турецкими владѣніями и Имеретіей; къ югу прилегало къ Ганжинскому и Эриванскому ханствамъ; на сѣверѣ окаймлялось разными кавказскими народами, сосѣдними нашей Кавказской линіи.

Съ сѣвера Грузіи не предстояло большой опасности, но со стороны востока и юга она подвержена была безпрестаннымъ нападеніямъ дагестанскихъ народовъ и ганжинскаго хана. Послѣдній отыскивалъ права свои на Шамшадыльскую провинцію, давно пріобрѣтенную оружіемъ грузинскимъ. Многочисленныя силы аваровъ и лезгинъ были всегда вредны для Грузіи. Живя грабежомъ и разбоемъ, занимаясь безпрестанно войною—или по найму, или въ надеждѣ получить добычу — народы эти многочисленными толпами вторгались въ Грузію, открытыя границы которой не представляли къ тому никакихъ затрудненій. Горы и лѣса внутри страны и неимѣніе готовыхъ войскъ поощряли воровское вторженіе лезгинъ. Поселяне, неимѣвшіе у себя удовлетворительнаго оружія, сами должны были отражать набѣги. Со стороны Ганжи Грузія также не представляла препятствій ни естественныхъ, ни искусственныхъ. Путь персіянамъ былъ такъ удобенъ и открытъ, что они въ однѣ сутки изъ Ганжи могли явиться подъ стѣнами Тифлиса. Ганжинскій ханъ считался лучшимъ проводникомъ персіянъ: онъ провелъ къ Тифлису и Агу-Магометъ-хана, при вторженіи его въ Грузію.

Турки хотя сами собой не дѣлали покушеній, но сопредѣльные паши, начальствуя въ областяхъ наслѣдственно и содержа

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 28-го іюля 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла грузинскія. Кн. 1. См. также Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 425.

свое собственное войско, комплектовали его лезгинами и другими дагестанскими народами. По обыкновенному своеволію и неукротимости, лезгины впадали иногда со стороны Ахалцыха въ Карталинію и разоряли ея селенія. Въ отраженіи ихъ Грузія не могла даже надѣяться на своихъ единоплеменниковъ имеретинъ, причинявшихъ имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Поступки имеретинъ при вторженіи Аги-Магометъ-хана свидѣтельствуютъ, на сколько могла положиться Грузія на ихъ содѣйствіе.

Сами же грузины не могли противостоять непріятелю. Народъ былъ въ крайнемъ порабощеніи у дворянства, наблюдавшаго только собственную свою пользу. Большинство князей и дворянъ дѣлились на двѣ враждебныя партіи. Царевичи Юлонъ и Давидъ были представителями этихъ двухъ партій, изъ которыхъ болѣе многочисленною казалась партія Юлона. Обѣ стороны не хотѣли уступить другъ другу, и Грузія, предоставивъ одному изъ царевичей престолъ, должна бы была вынести предварительно жестокое кровопролитіе и междоусобную брань, и тогда уже «изъ печальныхъ остатковъ своихъ составить слабую тѣнь самобытнаго царства», для того, чтобы подвергнуться или самовластію персіянъ, или грабежу другихъ хищныхъ народовъ.

Не удивительно, что люди передовые, представители народа грузинскаго, давно желали передать страну подъ защиту Россіи. Ираклій II былъ однимъ изъ первыхъ, предвидѣвшихъ скорую гибель своего царства. Онъ просилъ еще у Императрицы Екатерины II дозволенія лично видѣться съ графомъ Гудовичемъ, для объясненія по дѣламъ, касавшимся интересовъ Россіи и «страны кавказской». За нашествіемъ Аги-Магометъ-хана, свиданіе это не состоялось. Преемникъ Ираклія II, сынъ его Георгій, раздѣлялъ желаніе и виды своего отца и, хорошо зная состояніе страны, свойства своего народа, несогласія, уже открывшіяся въ царскомъ семействѣ, понималъ, что Грузія безъ посторонней защиты утонетъ въ потокахъ братской крови. Георгій предпочелъ, не жертвуя общимъ благосостояніемъ властолюбію своихъ братьевъ и родственниковъ, отдать страну въ подданство Россіи. Призвавъ, тайно отъ своихъ родственниковъ, князей Чавчавадзе, Авалова и Палавандова, онъ передалъ

имъ свое задушевное желаніе, инструкцію дѣйствій и отправилъ въ Петербургъ...

И сами царевичи хорошо сознавали какъ свое тогдашнее положеніе, такъ и положеніе страны, ими разоряемой. Еще въ началѣ 1801 года царевичъ Вахтангъ, узнавъ о желаніи Императора, чтобы никто не былъ утвержденъ царемъ Грузіи, писалъ между прочимъ Кноррингу, «что такое извѣстіе ему весьма пріятно». «И безъ того,—прибавлялъ онъ,—русскій Императоръ есть нашъ Государь, а мы его подданные и рабы, и я считаю за большое себѣ счастіе, чтобы никому не быть въ Грузіи царемъ».

Царевичъ указывалъ на то, что если и поступаетъ противно волѣ Императора, то принужденъ къ тому противниками, царевичемъ Давидомъ и его родственниками.

«Не будь этого,—писалъ онъ,—и знай мы настоящее положеніе вещей, я бы не оказалъ сопротивленія ни въ чемъ, а, напротивъ, былъ бы радъ этому дѣлу; да и прочіе братья мои, думаю, также примутъ сообщаемую вами высочайшую волю [1].»

«Я не осмѣлюсь утверждать,—доносилъ Кноррингъ [2],—чтобы всѣ высшаго состоянія люди взирали на присоединеніе Грузіи къ Имперіи и прежде и теперь равнодушно. Въ дворянствѣ грузинскомъ окажется половина желающихъ видѣть надъ собою царя и образъ прежняго своего правленія, дабы только удержать права, наслѣдственно получать достоинство и сопряженные съ тѣмъ доходы, обольщаемыхъ царевичами съ одной и мнимо устрашаемыхъ перемѣнами съ другой стороны, которые, однако же, въ пребываніе мое въ Грузіи чувствованія свои хранили безмолвно. Но всѣ прочіе, основательнѣе размышляющіе, вѣдая внутреннее и внѣшнее состояніе отечества своего, зная, сколь нетвердо достояніе каждаго въ такомъ правленіи, въ коемъ нѣтъ ни твердыхъ основаній, ни способовъ къ содержанію устройства, разсуждая, что лучше уступить часть изъ своихъ преимуществъ и быть подъ сѣнію незыблемаго благополучія, нежели, находясь въ ежеминутномъ страхѣ, ожидать потери и жизни, и собственности или отъ

[1]) Изъ письма царевича Вахтанга Кноррингу 7-го февраля 1801 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, стр. 263.

[2]) Арх. Мин. Внутреннихъ Дѣлъ, по Деп. Общ. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, кн. I.

внутреннихъ волненій, или отъ хищныхъ сосѣдей, искренно желаютъ быть въ подданствѣ вашему императорскому величеству.

«Итакъ, ежели части недоброхотовъ своему отечеству—разумѣя нѣкоторыхъ царевичей и дворянъ—противопоставить другую, лучше о пользахъ своихъ и своего отечества разсуждающую, и къ сей присовокупить весь народъ, жаждущій быть подъ законами Всероссійской Имперіи, то сердечное желаніе сихъ несчастныхъ людей, возлагающихъ все упованіе свое на великодушіе вашего императорскаго величества, заслуживаетъ уваженія».

Слова Кнорринга скоро оправдались. По первымъ извѣстіямъ о томъ, что Грузія вступаетъ въ подданство Россіи, до 17 семействъ грузинскихъ, временно оставившихъ свое отечество, пришли къ Лазареву съ просьбою поселить ихъ въ Грузіи и отвести землю. Императоръ Александръ разрѣшилъ принять и отвести землю не только имъ, но и всѣмъ тѣмъ, которые возвратятся въ отечество на будущее время [1]).

Такимъ образомъ, мѣстное наблюденіе Кнорринга говорило о необходимости присоединенія Грузіи. Онъ не упоминалъ при этомъ ни о выгодахъ, ни о неудобствахъ, которыя могли бы встрѣтиться для Россіи, принимавшей новыхъ подданныхъ. Кноррингъ оставилъ наши собственные интересы въ сторонѣ. Напротивъ того, графъ Мусинъ-Пушкинъ, нѣсколькими днями ранѣе, подалъ новую записку [2]), въ которой старался выставить всѣ выгоды присоединенія для внутренняго благосостоянія Россіи.

По мнѣнію его, удобство сообщенія по рѣкамъ Волгѣ, Дону, Днѣпру и Уралу, съ морями Чернымъ и Каспійскимъ и близость сихъ послѣднихъ къ Грузіи давали надежду на значительное расширеніе нашей торговли, въ особенности съ Персіею и вообще съ Азіей чрезъ Каспійское море.

Въ началѣ прошлаго столѣтія весь шелкъ, который шелъ изъ Азіи въ Европу, слѣдовалъ, по необходимости, черезъ Архангельскъ, который, не смотря на все неудобство своего географическаго по-

---

[1]) Рескриптъ Кноррингу 28-го августа 1801 года. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, стр. 431.

[2]) Письмо графа Мусина-Пушкина Беклешеву 11-го іюля 1801 года. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по Деп. Общ. Дѣлъ. Дѣла грузинскія, кн. I.

ложенія, былъ сдѣланъ искусственно торговымъ городомъ. Неудобство сообщенія черезъ Архангельскъ заставило Императора Петра I искать другаго пути—около Каспійскаго моря. Англичане также сочувствовали мыслямъ великаго преобразователя Россіи, стараясь при его посредствѣ отыскать безопасный путь къ предѣламъ Каспійскаго моря, чтобы потомъ Волгою и Балтійскимъ моремъ имѣть кратчайшій торговый путь съ Азіею. Неудачныя попытки ихъ въ этомъ отношеніи дали начало индійской компаніи и вызвали огромныя издержки на содержаніе войскъ въ Индіи [1]).

Если, съ одной стороны, были лица, увлекавшіяся выгодами, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было, если географическое положеніе Грузіи и ея богатства были слишкомъ преувеличены и оказались впослѣдствіи не столь значительными, какъ предполагали, то, съ другой стороны, были и противники, отвергавшіе такую

[1]) Въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ» (1862 г., кн. 2) помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Политическое положеніе Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи и перемѣна, отъ прихода россійскихъ войскъ послѣдовавшая». Подъ такимъ широкимъ заглавіемъ помѣщено семь страницъ текста, составляющаго экстрактъ, впрочемъ очень поверхностный, изъ записокъ Литвинова, посланнаго княземъ Циціановымъ въ Имеретію и Мингрелію для посредничества между царемъ имеретинскимъ и Дадіаномъ Мингрельскимъ.

Литвиновъ служилъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, былъ отправленъ въ Грузію, по просьбѣ князя Циціанова, на усиленіе его канцеляріи, былъ ея правителемъ, а впослѣдствіи назначенъ правителемъ Грузіи. Онъ оставилъ послѣ себя весьма любопытныя записки, хорошая копія съ которыхъ хранится въ архивѣ Главнаго Штаба. Оригинала этихъ записокъ я въ рукахъ не имѣлъ. Помѣщенная въ «Чтеніяхъ» статья, по краткости и непослѣдовательности описанныхъ событій, не можетъ служить удовлетворительнымъ источникомъ, но полезна для нѣкоторой характеристики лицъ. По всей вѣроятности, это были черновые наброски Литвинова.

Можно предполагать, что и слѣдующая статья, помѣщенная въ той же книжкѣ «Чтеній»: «Разсужденіе, о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одиши (Мингреліи) со всѣми прилежащими народами», принадлежитъ также Литвинову. Подъ этимъ заглавіемъ, также весьма обширнымъ, заключается на семи страницахъ опроверженіе мнѣнія графа Мусина-Пушкина о пользѣ присоединенія Грузіи къ Россіи. Мнѣніе Пушкина было подано два раза: въ первый разъ Императору Павлу I въ 1800 году, а во второй—Александру I въ 1801 году. Опроверженіе, судя по содержанію, написано позднѣе 1808 года. Промежутокъ между ними многое объяснилъ, многому научилъ насъ, и въ тѣхъ странахъ совершились весьма важныя событія. При разрѣшеніи же вопроса о присоединиіи Грузіи къ Россіи никто не могъ опровергнуть графа Мусина-Пушкина, по совершенному незнанію тамошнихъ дѣлъ и народовъ.

пользу. Графы Воронцовъ (С. Р.), Кочубей и князь Чарторижскій были противъ присоединенія Грузіи. Составленный ими по этому случаю докладъ былъ переданъ Императоромъ Александромъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта вмѣстѣ съ отчетомъ Кнорринга.

Шумно было засѣданіе государственнаго совѣта 8-го августа 1801 года. Большинство членовъ было за присоединеніе Грузіи къ Россіи. Графы Воронцовъ, Кочубей и князь Чарторижскій не только отвергали пользу новаго пріобрѣтенія, но говорили, что присоединеніе Грузіи къ имперіи противно выгодамъ Россіи. Чарторижскій говорилъ, что съ принятіемъ страны въ подданство еще болѣе увеличатся и безъ того слишкомъ обширныя границы Россіи, что на защиту ихъ потребуются весьма значительныя издержки и средства.

Зная, что Грузія непосредственно не прилегала къ границамъ Россіи, а, напротивъ того, находилась въ срединѣ враждебнаго намъ населенія, можно было бы согласиться съ мнѣніемъ противниковъ ея присоединенія въ томъ, что защита страны вовлекала Россію въ значительныя издержки. Предлагаемыя же ими взамѣнъ того мѣры не выдерживали критики.

Вице-канцлеръ (т. е. графъ С. Р. Воронцовъ) объяснялъ, что находитъ такое присоединеніе несправедливымъ, потому что фамилія Багратіоновъ царствуетъ въ Грузіи не избирательнымъ образомъ, а наслѣдственно, что поэтому присоединеніе царства будетъ имѣть видъ насилія.

Князь Чарторижскій отвергалъ справедливыя желанія народа; онъ не признавалъ за нимъ права голоса, не обращалъ вниманія на его бѣдственное положеніе. Говоря, что значительная граница потребуетъ значительныхъ средствъ къ оборонѣ, онъ предлагалъ сохранить Грузію въ васальствѣ, въ которое она была принята Императрицею Екатериною II; предлагалъ оставить тамъ всѣ тѣ войска, которыя до сихъ поръ находились, и назначить въ Тифлисъ полномочнаго, съ тѣмъ, чтобы онъ начальствовалъ и войсками, расположенными въ Грузіи. Молодой и неопытный вельможа легко судилъ о судьбѣ народа и, отвергая одно предложеніе, какъ негодное, предлагалъ свое съ бо́льшими еще недостатками.

Не говоря о томъ, какихъ средствъ стоило бы Россіи, признавъ Грузію вассальною, защищать ее отъ внутреннихъ неустройствъ и внѣшнихъ вторженій, мы приведемъ слова Чарторижскаго, которыя сами укажутъ на ошибочность его мнѣній. Онъ предлагалъ, чтобы нашъ уполномоченный имѣлъ «попеченіе о добромъ согласіи между лицами царской фамиліи и о защитѣ всѣхъ обывателей отъ самопроизвольныхъ подвиговъ и взысканій царей. Настоящую же вражду между царевичемъ Давидомъ съ его дядями, дѣтьми царя Ираклія, утишить подкрѣпленіемъ духовной царя Ираклія, его фамиліею и землею благопринятой, ибо по обряду въ наслѣдствѣ по немъ, въ оной изображенной, во время еще жизни его, всѣ чины Грузіи торжественно присягали».

Члены совѣта не могли согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Оставляя Грузію самостоятельною, невозможно было пріискать такихъ средствъ, которыя могли бы примирить лицъ царской фамиліи, какъ между собою, такъ и съ народомъ. Народъ, изъявившій желаніе быть русскимъ подданнымъ и тѣмъ возстановившій противъ себя царевичей, долженъ былъ ожидать еще бо̀льшихъ притѣсненій. Могъ ли нашъ уполномоченный одними словами, безъ власти, защищать его отъ грабежа и разоренія? Могъ ли русскій Императоръ, разъ заявившій согласіе на принятіе страны въ свое подданство, отказаться отъ народа, ожидавшаго только присяги на вѣрность? Отрицательный отвѣтъ его отдалъ бы многочисленнѣйшую и лучшую часть народа на жертву мщенія и междоусобія царевичей.

Съ одной стороны донесеніе Кнорринга и записка графа Мусина-Пушкина, основанная на фактахъ, хотя ошибочныхъ и преувеличенныхъ, а съ другой стороны голословныя мнѣнія противниковъ присоединенія Грузіи къ Россіи были тщательно разсмотрѣны государственнымъ совѣтомъ. Мнѣніе первыхъ получило предпочтеніе передъ вторыми.

Государственный совѣтъ находилъ, что протекція, которую оказывала Россія Грузіи съ 1783 года, «вовлекла сію несчастную землю въ бездну золъ, которыми она приведена въ совершенное изнеможеніе, и продолженіе оной на тѣхъ же основаніяхъ неминуемо ввергнетъ ее въ совершенную погибель».

«Ежели для спасенія Грузіи,—сказано въ журналѣ совѣта [1]),—держать въ ней всегда столько же войска, сколько тамъ теперь находится, отъ того послѣдуетъ Россіи знатная и вовсе безполезная издержка. Малымъ же ополченіемъ ее отъ внутреннихъ неустройствъ и отъ внѣшнихъ враговъ охранять не можно. Нужно будетъ дать ей царя, утвердя на престолѣ одного изъ царевичей, почитающихъ имѣть на оный право. Первый царевичъ, Юлонъ, установленъ по завѣщанію Ираклія Теймуразовича; другой царевичъ, Давидъ, по духовной сына его Георгія. Правда, что царь Георгій нарушилъ завѣщаніе родительское; но, можетъ быть, подали ему царевичи, братья его, на то причины, и, сверхъ того, царевичъ Давидъ, назначенный имъ наслѣдникомъ грузинскаго царства, утвержденъ покойнымъ императоромъ, имѣвшимъ право утвержденіе таковое дать. Итакъ, избраніе между сихъ двухъ кандидатовъ подвержено, съ одной стороны, противорѣчію учиненнаго уже въ пользу царевича Давида утвержденія, съ другой неудовольствію народа нарушеніемъ завѣщанія царя Ираклія и возведеніемъ на царство князя, поведеніемъ своимъ народъ противъ себя возстановившаго. Впрочемъ, Грузія ни отъ одного изъ нихъ спасенія себѣ не чаетъ, и самъ царь Георгій Иракліевичъ, предусматривая всѣ бѣдствія, отъ разврата фамиліи царской для народа произойти долженствующія, инаго избавленія для него не изобрѣлъ, какъ утвердивъ его въ подданствѣ Россіи, слѣдуя видамъ родителя своего, который тоже имѣлъ намѣреніе, когда просилъ черезъ посланника своего князя Чавчавадзе, въ 1795 году, позволенія видѣться въ Моздокѣ или другомъ мѣстѣ съ командовавшимъ на Кавказской линіи генераломъ графомъ Гудовичемъ, что открывается по бумагамъ того времени. Всѣ сіи вновь открывшіяся обстоятельства не представляютъ совѣту въ присоединеніи Грузіи ни малѣйшей несправедливости, а видитъ онъ въ томъ спасеніе того края, для Россіи же существенную пользу, въ надежномъ огражденіи границъ ея нынѣ отъ хищныхъ горскихъ народовъ, коихъ удобно обуздать будетъ можно, а на будущее время отъ самихъ даже турокъ, не говоря уже о персіянахъ, кои,

[1]) Отъ 8-го августа 1801 г. Госуд. Арх.

безъ сомнѣнія, коль скоро оставлена будетъ Грузія, на нее нападутъ и ею завладѣютъ».

Относительно особъ царской фамиліи и ихъ содержанія государственный совѣтъ полагалъ оставить въ Грузіи тѣхъ изъ нихъ, которые, «по кроткому нраву и поведенію не будутъ подавать о себѣ подозрѣнія, что станутъ возмущать сосѣдей или иныя дѣлать неустройства; всѣхъ же прочихъ выслать въ Россію, гдѣ опредѣленіемъ каждому соразмѣрно семейству его пенсіи легко устроиться можетъ ихъ жребій».

Мнѣніе совѣта было на этотъ разъ принято Императоромъ Александромъ съ такою рѣшимостію, что не могли его разубѣдить и всѣ члены неоффиціальнаго комитета.

Уважая честь и достоинство имперіи, снисходя на просьбы грузинскаго народа, Императоръ рѣшился «въ царствѣ Грузинскомъ, ради собственнаго его блага, устроить правленіе и порядокъ» [1]).

Назначая Кнорринга главнокомандующимъ въ Грузіи и на Кавказской линіи, Императоръ Александръ поручилъ ему устроить на прочномъ основаніи благоденствіе Грузіи и во всемъ сообразоваться «съ нравами, обычаями и умоначертаніями народа». Кноррингу вмѣнено было въ обязанность привести въ порядокъ духовную часть, устроить училища, образовать миссіонерство для обращенія въ христіанство горскихъ народовъ, уничтожить всѣ наслѣдственные чины и мѣста, съ тѣмъ, чтобы лица, пользовавшіяся этимъ правомъ, получили соразмѣрные пожизненные пенсіоны. «Что касается до членовъ царской фамиліи, писалъ Императоръ Александръ [2]), то для успокоенія края и отвращенія всякаго соблазна къ вреднымъ какимъ-либо замысламъ, желательно было бы, чтобъ обѣ царицы и всѣ царевичи, а особливо болѣе безпокойные, соглашены были выѣхать въ Россію. Въ каковомъ случаѣ, съ сохраненіемъ почестей, знаменитому роду ихъ приличныхъ, получатъ они здѣсь всевозможныя выгоды съ пожалованіемъ имъ и роду ихъ потомственно такихъ пенсіоновъ, сколько составляютъ доходы въ Грузіи, нынѣ ими получаемые».

---

[1]) Рескриптъ Кноррингу 12-го сентября 1801 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 12-го сентября 1801 г. Арх. Кабинета Его Величества.

*

Въ Тифлисѣ смотрѣли на дѣло иначе. Нѣкоторые изъ князей, приверженныхъ къ Россіи, сообщили Лазареву, что царевичу Давиду секретно присланъ изъ Петербурга манифестъ, по которому Грузія составитъ губернію и въ такомъ видѣ будетъ присоединена къ Россіи.

Получивъ эти свѣдѣнія, царевичъ Давидъ, по совѣту брата своего Іоанна, находившагося въ нашей столицѣ, собиралъ печати (подписки) князей [1]) на прошеніе Императору о всеобщемъ желаніи грузинъ имѣть его царемъ. Не одинъ царевичъ Іоаннъ, но и многіе изъ князей, находившихся въ Петербургѣ, спѣшили сообщить своимъ друзьямъ объ этомъ важномъ событіи. Князь Заалъ Андронниковъ писалъ [2]), что дѣло объ участи отечества было устроено имъ превосходно, но вдругъ явился Кноррингъ и увѣрилъ Императора, что будто народъ не желаетъ имѣть царя.

«По случаю сему,—писалъ онъ, — дѣло остановилось и объявлено, чтобы въ Грузіи не быть царю, да и подданной Россіи не быть. Подумайте, что вы будете и чьими будете называться? Тамошняя бездѣльная болтливость вотъ что вамъ пріобрѣла! Не тамъ-ли вы были? На что вы входили въ народный грѣхъ да и себѣ самимъ къ чему сіе сдѣлали? Не стыдно ли тѣмъ, которые сіе совершили и остались на просторѣ: нѣтъ ни господина, ни хозяина».

Онъ говорилъ, что когда посланникамъ грузинскимъ объявлено было это опредѣленіе, то всѣ они, не согласившись на него, подали прошеніе Императору. Князь Андронниковъ обнадеживалъ своихъ тифлисскихъ друзей благопріятнымъ поворотомъ дѣла и только совѣтовалъ, въ случаѣ какого-либо вопроса, отозваться тѣмъ, что имѣютъ въ Петербургѣ своихъ посланниковъ и царевичей, съ которыми будутъ согласны во всемъ томъ, что они признаютъ полезнымъ.

Положеніе страны считалось столь извѣстнымъ и яснымъ, что правительство наше не нашло нужнымъ сдѣлать какой-либо вопросъ. Оно признавало единственнымъ благомъ и пользою Грузіи

---

[1]) Донесеніе Лазарева Кноррингу 18-го и 19-го ноября 1801 г.

[2]) Письмо кн. Андронникова къ Іоанну Орбеліани и Соломону Тарханову 12-го октября 1801 г.

присоединеніе ея къ Россіи и уничтоженіе власти и своеволія царскаго дома.

Главнокомандующему въ Грузіи поручено привести въ извѣстность доходъ страны и подати, до сихъ поръ платимыя народомъ. Разнообразіе сборовъ и податей заставило наше правительство желать, чтобы всѣ виды податей были переведены на денежную и хлѣбную.

Незначительность населенія Грузіи, много потерпѣвшей отъ послѣднихъ вторженій, было причиною того, что для собственнаго благосостоянія страны признано необходимымъ увеличить ея населеніе призваніемъ переселенцевъ, преимущественно христіанъ изъ сосѣднихъ ханствъ. Кноррингъ уполномоченъ былъ отвести имъ достаточное количество земли и оказывать матеріальное вспомоществованіе при первомъ обзаведеніи домашняго хозяйства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кноррингъ долженъ былъ озаботиться объ устройствѣ безопаснаго сообщенія Кавказской линіи съ Грузіею, объ обезпеченіи ея отъ внѣшнихъ нападеній и о склоненіи на сторону Россіи хановъ эриванскаго, ганжинскаго, шекинскаго, ширванскаго, бакинскаго и другихъ, надъ которыми власть Баба-хана еще не утвердилась.

При посредствѣ сношеній съ тѣми изъ нихъ, которыхъ владѣнія лежали на лѣвомъ берегу Аракса и прилегали къ рѣкѣ Курѣ, наше правительство думало достигнуть до возможности доставленія провіанта и тяжестей для войскъ водою черезъ Астрахань, а не сухимъ путемъ черезъ Кавказскія горы. Въ этомъ случаѣ наибольшее вниманіе обращалъ на себя бакинскій ханъ, владѣвшій какъ устьемъ рѣки Куры, такъ и лучшимъ портомъ на Каспійскомъ морѣ. Его то прежде всего и необходимо было склонить на нашу сторону. Въ случаѣ неудачи, петербургскій кабинетъ обращалъ вниманіе Кнорринга на возможность сообщенія по Черному морю и далѣе черезъ Имеретію по рѣкѣ Ріону.

«Съ царемъ имеретинскимъ,—писалъ Императоръ Александръ Кноррингу [1]), — и съ владѣльцемъ области Одшійской Дадіаномъ (мингрельскимъ) долженствуете вы имѣть пріязненное сношеніе,

[1]) Въ рескриптѣ отъ 12-го сентября 1801 г. Арх. Кабинета Его Велич., дѣла Грузіи.

не подавая, однако, тѣмъ повода къ подозрѣніямъ чиновникамъ Порты Оттоманской, въ краю семъ начальствующимъ».

«И какъ изъ донесеній вашихъ извѣстно намъ, что царь имеретинскій, водимый волею бабки своей вдовствующей царицы грузинской Дарьи, желаетъ быть въ нашемъ покровительствѣ, то по обстоятельству сему даны вамъ будутъ особыя предписанія. Къ особому же наблюденію вашему предоставляемъ привлекать къ себѣ націю армянскую всякими обласканіями: способъ сей по многочисленности сего племени въ сопредѣльностяхъ Грузіи есть одинъ изъ надежнѣйшихъ къ преумноженію силы народной и вмѣстѣ къ утвержденію вообще поверхности христіанъ. На сей конецъ соизволяемъ, чтобъ вы, оказывая ваше, по возможности, покровительство араратскому патріаршему монастырю Эчміадзину, содержали съ главою церкви онаго пріязненныя сношенія. Въ соотношеніяхъ же къ властвующему въ Персіи Баба-хану и другимъ персидскимъ владѣльцамъ имѣете руководствоваться тѣми же правилами, кои передъ симъ вы соблюдали».

Соединивъ въ лицѣ Кнорринга власти гражданскую и военную, Императоръ поручилъ ему наблюдать, чтобы всѣ русскіе служащіе на Кавказѣ «являли безкорыстіе, честность, правдолюбіе, безпристрастіе, свободный доступъ, ласку, снисхожденіе и даже готовность всякому показать, гдѣ онъ можетъ искать правосудія. Вы сами во всемъ томъ, конечно, подчиненнымъ вашимъ будете служить примѣромъ, почасту убѣждая ихъ, *что при положеніи первыхъ началъ правительства всего нужнѣе пріобрѣсть любовь и довѣренность народа и что утвержденіе правленія, устройство его и порядочное движеніе на будущее время весьма много зависитъ отъ перваго впечатлѣнія, какое начальники произведутъ поведеніемъ своимъ въ людяхъ, управленію ихъ ввѣренныхъ*».

Къ новымъ же своимъ подданнымъ Императоръ обратился съ такими словами манифеста [1]).

«Покровительство и верховная власть Россійской Имперіи надъ царствомъ грузинскимъ всегда налагали на монарховъ россійскихъ

[1]) П. С. З. т. XXVI, стр. 782, № 20007.

и долгъ защиты. Въ 1796 году, противъ сильнаго впаденія къ вамъ Аги-Магометъ-хана, въ Бозѣ почивающая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна послала часть войскъ своихъ, Столь успѣшное тогда не токмо спасеніе царства Грузинскаго, но и счастливое покореніе всѣхъ областей и народовъ отъ береговъ Каспійскаго моря до рѣкъ Куры и Аракса ограждали васъ отъ всякихъ опасностей. Оставалось токмо внутреннимъ благоучрежденіемъ благоденствіе ваше утвердить навѣки. Но внезапное и скоропостижное отступленіе войскъ россійскихъ изъ Персіи, Арменіи и изъ предѣловъ вашихъ испровергли справедливое ожиданіе ваше. Всѣ потомъ претерпѣнныя вами бѣдствія: нашествіе невѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ, разореніе городовъ и селеній, порабощеніе и увлеченіе въ плѣнъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей вашихъ, наконецъ, раздоръ царской фамиліи и раздѣленіе народа между разными искателями царскаго достоинства влекли васъ въ междоусобныя брани. Окружающіе васъ хищные народы готовы были напасть на царство ваше и ненаказанно растерзать его остатки. Соединеніемъ всѣхъ сихъ золъ не токмо народъ, но даже и имя народа грузинскаго, храбростію прежде столь славнаго во всей Азіи, истребилось бы отъ лица земли. Стоя въ безднѣ сей, неоднократно призывали вы покровительство россійское. Вступленіе войскъ нашихъ и пораженіе Омаръ-хана аварскаго пріостановили гибель вашу, устрашивъ всѣхъ хищниковъ, наполняющихъ горы Кавказскія, и тѣхъ, кои раздираютъ область Персіи и великой Арменіи. Затихли крамолы посреди васъ, и всѣ вы единодушно и торжественно воззвали власть россійскую управлять вами непосредственно. Мы, вступя на всероссійскій престолъ, обрѣли царство Грузинское присоединенное къ Россіи, о чемъ и манифестъ въ 18-й день января 1801 года изданъ уже былъ во всенародное извѣстіе. Вникая въ положеніе ваше и видя, что посредство и присутствіе войскъ россійскихъ въ Грузіи и донынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови намъ единовѣрныхъ и конечную гибель, уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали Мы испытать еще, нѣтъ ли возможности возстановить первое правленіе подъ покровительствомъ нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и безопасности. Но ближайшія по

сему изслѣдованія, наконецъ, убѣдили Насъ, что разныя части народа грузинскаго, равно драгоцѣнныя намъ по человѣчеству, праведно страшатся гоненія и мести того, кто изъ искателей достоинства царскаго могъ бы достигнуть его власти, поелику противу всѣхъ ихъ большая часть въ народѣ столь явно себя обнаружила. Одно сомнѣніе и страхъ сихъ послѣдствій, возродивъ безпокойства, неминуемо были бы источникомъ междоусобій и кровопролитія. Сверхъ того, бывшее правленіе, даже и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности. Напротивъ, столь кратно вовлекало васъ въ бездну золъ, на краю коей и нынѣ вы стоите и въ которую, по всѣмъ соображеніямъ, должны вы будете низвергнуться, если мощная рука справедливой власти отъ паденія сего васъ не удержитъ. Сила обстоятельствъ сихъ, общее посему чувство ваше и гласъ грузинскаго народа преклонили Насъ не оставить и не предать на жертву бѣдствія языкъ единовѣрный, вручившій жребій свой великодушной защитѣ Россіи. Возбужденная надежда ваша на сей разъ обманута не будетъ. Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона. А посему, избравъ нашего генералъ-лейтенанта Кнорринга быть главнокомандующимъ посреди васъ, дали мы ему полныя наставленія открыть сіе правленіе особеннымъ отъ имени нашего объявленіемъ и привести въ силу и дѣйствіе предначертанное отъ насъ постановленіе, къ исполненію коего пріобщая избранныхъ изъ васъ по достоинствамъ и по общей довѣренности, уповаемъ, что вы, ввѣряясь правленію сему, несомнѣнно подъ сѣнію онаго начально спокойствіе и безопасность обрящете, а потомъ и благоденствіе и изобиліе.

«Всѣ подати съ земли вашей повелѣли мы обращать въ пользу

вашу, и что за содержанiемъ правленія оставаться будетъ, употреблять на возстановленіе разоренныхъ городовъ и селеній. Каждый пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего, при свободномъ отправленіи своей вѣры и при собственности своей неприкосновенно. Царевичи сохранятъ удѣлы свои, кромѣ отсутствующихъ, а симъ годовой доходъ съ удѣловъ ихъ ежегодно производимъ будетъ деньгами, гдѣ бы они ни обрѣтались, лишь бы сохраняли долгъ присяги. Во взаимность сихъ великодушныхъ попеченій нашихъ о благѣ всѣхъ и каждаго изъ васъ, мы требуемъ, чтобы вы, для утвержденія постановленной надъ вами власти, дали присягу въ вѣрности по формѣ, при семъ приложенной. Духовенство, яко пастыри душевные, первые должны дать примѣръ.

«Наконецъ, да познаете и вы цѣну добраго правленія, да водворятся между вами миръ, правосудіе, увѣренность какъ личная, такъ и имущественная, да пресѣкутся самоуправства и лютыя истязанія, да обратится каждый къ лучшимъ пользамъ своимъ и общественнымъ, свободно и невозбранно упражняясь въ земледѣліи, промыслахъ, торговлѣ, рукодѣльяхъ, подъ сѣнію законовъ, всѣхъ равно покровительствующихъ. Избытки и благоденствіе ваше будутъ пріятнѣйшею и единою для Насъ наградою».

Вмѣстѣ съ манифестомъ учреждено было верховное грузинское правительство, и Грузія получила новое дѣленіе. Она была раздѣлена на пять уѣздовъ, изъ которыхъ три въ Карталиніи: Горійскій, Лорійскій и Душетскій, и два въ Кахетіи: Телавскій и Сигнахскій. Правленіе дѣлилось на четыре экспедиціи[1]): *первая* для дѣлъ исполнительныхъ или правленія; *вторая* для дѣлъ казенныхъ и экономическихъ; *третья* для дѣлъ уголовныхъ; *четвертая* для дѣлъ гражданскихъ. Учреждена медицинская управа. Въ каждомъ уѣздѣ основаны уѣздный судъ, управа земской полиціи, съ капитанъ-исправникомъ во главѣ. Въ городахъ назначены казначеи или хазнадары, коменданты и въ помощь имъ полиціймейстеры или нацвалы. Первые назначены изъ русскихъ чиновниковъ, послѣдніе изъ дворянъ грузинскихъ. Къ обитавшимъ въ Грузіи татарамъ: казахскимъ, борчалинскимъ и памбакскимъ, опредѣлены

---

[1]) Высочайше постановленное внутреннее въ Грузіи правленіе. П. С. З. т. XXVI.

по одному приставу или моураву, изъ грузинскихъ князей, а къ племенамъ хевсуровъ, пшавовъ и тушинъ одинъ на всѣхъ. Каждому моураву назначенъ помощникъ изъ русскихъ чиновниковъ. Вновь вышедшіе изъ Карабага армяне оставлены подъ управленіемъ своихъ меликовъ.

Правитель Грузіи, начальники и совѣтники экспедицій [1]) были члены верховнаго грузинскаго правительства. Назначеніе въ должности грузинскихъ князей, при самомъ открытіи правленія, предоставлялось выбору Кнорринга, а по истеченіи года Императоръ Александръ предоставилъ выборъ этотъ дѣлать самимъ князьямъ и дворянамъ.

Дѣла гражданскія высочайше повелѣно производить по «настоящимъ грузинскимъ обычаямъ» и по уложенію, изданному царемъ Вахтангомъ, какъ по коренному грузинскому закону. На основаніи этихъ законовъ и народныхъ обычаевъ, Кноррингъ, вмѣстѣ съ правителемъ Коваленскимъ, должны были снабдить всѣ правительственныя мѣста и лица подробными наставленіями и инструкціями, какъ поступать имъ при отправленіи своихъ должностей.

Самому главнокомандующему вмѣнено въ обязанность «бдительно наблюдать, чтобы во всѣхъ земляхъ, управляемыхъ именемъ и властію императорскаго величества, пресѣчены были всякія злоупотребленія, несправедливости, угнетенія, разбой, смертоубійства и также истязанія по дѣламъ уголовнымъ. «Долгъ главнокомандующаго—уменьшить жребій и самыхъ преступниковъ благостію законовъ россійскихъ и истребить пытки и смертную казнь [2]).»

Рѣшивъ вопросъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, Императоръ Александръ, по своему великодушію, не могъ не склониться на просьбы царевичей о выѣздѣ изъ Петербурга въ Грузію.

Высказавъ сначала Кноррингу свое желаніе вызвать изъ Гру-

---

[1]) Въ каждой изъ четырехъ экспедицій предсѣдательствовали: *въ первой* — правитель Грузіи и два совѣтника или мдиванъ-бега, одинъ изъ русскихъ чиновниковъ и одинъ изъ грузинскихъ князей; *во второй*—начальникъ изъ русскихъ чиновниковъ, четыре совѣтника изъ князей грузинскихъ (два карталинскихъ и два кахетинскихъ), губернскій казначей или салтхуцесъ; *въ третьей и четвертой* — начальникъ изъ россійскихъ чиновниковъ и четыре совѣтника изъ князей грузинскихъ.

[2]) Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, по Деп. Общ. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, кн. 1.

зіи всѣхъ остальныхъ членовъ царскаго дома, Императоръ уступилъ теперь ихъ просьбамъ о возвращеніи въ отечество. Государственный совѣтъ, на утвержденіе котораго была внесена записка о расходѣ денегъ, необходимыхъ на путевыя издержки царевичей, призналъ невозможнымъ разрѣшить имъ ѣхать обратно въ Грузію. Въ засѣданіи 28-го ноября [1]) постановлено удержать царевичей въ Россіи, давъ имъ содержаніе отъ казны по 10,000 руб. ежегодно каждому. Для лучшаго же матеріальнаго обезпеченія предоставлялось на волю царевичей выбрать одинъ изъ губернскихъ городовъ, какъ-то: Кіевъ, Калугу, Курскъ, Воронежъ, Харьковъ или Астрахань, гдѣ жизнь не могла быть такъ дорога, какъ въ столицѣ. Содержаніе отъ казны сохранить имъ впредь до опредѣленія доходовъ, получаемыхъ каждымъ царевичемъ въ Грузіи. Въ случаѣ необходимости обнадежить, что въ тѣхъ губернскихъ городахъ, въ которыхъ они пожелаютъ поселиться, будутъ пріисканы дома и приготовлено первое домашнее обзаведеніе. Свитѣ же царевичей предоставить на волю или остаться въ Россіи, или возвратиться въ Грузію и въ послѣднемъ случаѣ дать средства къ путешествію.

Опредѣленіе государственнаго совѣта утверждено было Императоромъ, и царевичи оставлены въ Россіи.

Бывшіе послы грузинскіе произведены: князь Чавчавадзе въ дѣйствительные, а князья Аваловъ и Палавандовъ въ статскіе совѣтники [2]).

Оставшихся въ Грузіи лицъ царскаго дома предположено склонить также къ выѣзду въ Россію; но всѣ усилія оказались напрасными. Царицы рѣшительно и наотрѣзъ отказывались оставить Тифлисъ. Давидъ выражалъ желаніе подать прошеніе объ увольненіи въ отставку и уѣхать путешествовать по разнымъ азіятскимъ городамъ. Лазаревъ и Тучковъ совѣтовали ему ѣхать въ Петербургъ и оттуда отправиться путешествовать по Европѣ; «но,— доносилъ Лазаревъ,—кажется, онъ къ сему не очень склоненъ» [3]).

---

[1]) Протоколъ государственнаго совѣта 28-го ноября 1801 г. Государ. Арх.

[2]) Протоколъ государственнаго совѣта 9-го декабря 1801 г. Госуд. Арх. Указъ 16-го декабря 1801 г. С.-Петербургскій Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[3]) Письмо Лазарева Кноррингу 11-го января 1802 года. Тифлисскій Арх. Канц. Намѣстника.

Извѣстіе, достигшее до Тифлиса о томъ, что царевичамъ, выѣхавшимъ въ Россію, не дозволено возвратиться въ Грузію, еще болѣе утвердило Давида въ нежеланіи ѣхать въ нашу столицу. Полученное княземъ Орбеліани письмо отъ неизвѣстнаго изъ Петербурга произвело между лицами царскаго дома самое невыгодное впечатлѣніе.

«Если ты любопытенъ о здѣшнихъ вѣстяхъ,—писалъ неизвѣстный [1]),—то манифестъ, конечно, ты уже видѣлъ, а теперь Дмитрію Орбеліани дали сардарьство, ты же не имѣешь уже онаго. Царевичей обратно не отпускаютъ, да слышалъ я, что и тѣхъ, которые находятся у васъ, требуютъ сюда; а когда они будутъ переведены, то расположено дѣло такъ, чтобы всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ Багратіоновыхъ перевесть сюда же, а притомъ и всѣхъ знатныхъ людей, князей, дворянъ и мужиковъ тамошнихъ хотятъ перевесть и поселить здѣсь, а здѣшнихъ казаковъ 1,400 дворовъ переводятъ въ Грузію».

Послѣ этого письма царевичъ Давидъ подалъ тотчасъ же въ отставку [2]); но отставка не была принята Императоромъ Александромъ, и царевичъ долженъ былъ остаться на службѣ.

Такъ письменными актами Грузія присоединилась къ Россіи. Отношенія между вновь присоединеннымъ народомъ и нашимъ правительствомъ были чрезвычайно неопредѣленны. Мы вовсе не знали страны, которая присоединена была къ русской державѣ. Грузины ожидали бо̀льшаго. Они надѣялись на исполненіе обѣщаній Павла I, на широкія льготы и привилегіи, которыя думалъ дать покойный Императоръ, наконецъ, нѣкоторые надѣялись на то, что, состоя въ подданствѣ Россіи, они будутъ управляемы своимъ природнымъ царемъ изъ рода Багратіоновъ.

Недостаточность образованія, малая степень народнаго развитія не дозволяли грузинамъ видѣть, что исполненіе такого желанія ихъ было положительно невозможно. Поэтому народъ остался

---

[1]) Князь Орбеліани, 3-го января 1802 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.

[2]) Прошеніе Давида 15-го января. Рапортъ Кнорринга Государю Императору 5-го февраля 1802 года Тамъ же.

не вполнѣ удовлетвореннымъ своею новою судьбою. Грузины были въ какомъ-то неопредѣленномъ положенiи, не то довольные, не то недовольные. Отдѣляя частный интересъ отъ общественнаго, каждый желалъ прежде всего освобожденiя отъ податей и повинностей, и когда узнали, что въ манифестѣ о присоединенiи страны ничего о томъ не сказано, грузины разочаровались въ своемъ ожиданiи.

При такомъ положенiи вещей, новому правительству надлежало быть чрезвычайно осторожнымъ, чуткимъ и деликатнымъ. Для округленiя дѣлъ необходимо было сглаживать углы исподволь, мягко и ровно, не возбуждая страстей, не нарушая народной гордости и чести...

Съ своей стороны, петербургскiй кабинетъ, и во главѣ его Императоръ Александръ, сдѣлалъ все, что могло способствовать благоденствiю Грузiи. Россiя, долгое время не получая никакого дохода отъ вновь присоединенной страны, употребляла свои собственныя деньги для устройства и обезпеченiя, какъ частной, такъ и общественной собственности грузинъ. Присоединяя къ своимъ владѣнiямъ единовѣрный себѣ народъ, Россiя поступала вполнѣ безкорыстно, имѣя одну только цѣль — своими пожертвованiями утвердить благосостоянiе новыхъ соотечественниковъ и единовѣрныхъ братьевъ одного великаго государства.

Къ несчастiю, великодушiе и благiя намѣренiя Императора не отразились вполнѣ на нѣкоторыхъ исполнителяхъ его воли и предначертанiй. Надѣясь и вѣруя въ честность и благоразумiе каждаго изъ лицъ, призванныхъ къ управленiю страною, Александръ I невольно допустилъ возможность измѣненiя своихъ предначертанiй, «дозволяя главнокомандующему, вмѣстѣ съ правителемъ, сообразить ихъ съ умоначертанiями тамошняго народа».

Это-то дозволенiе и послужило впослѣдствiи поводомъ къ нѣкоторымъ безпорядкамъ въ Грузiи, произведеннымъ людьми, неслѣдовавшими безусловно указанiямъ русскаго правительства, а преслѣдовавшими единственно свои личные интересы.

XX.

Положеніе дѣлъ при устройствѣ русскаго правленія въ Грузіи. — Слухи о намѣреніи персіянъ вторгнуться въ Грузію.—Сношенія съ эриванскимъ ханомъ.—Движеніе Лазарева въ Шамшадиль, для защиты ея отъ притязаній ганжинскаго хана.— Дѣйствія полковника Карягина противъ хана нахичеванскаго.

При объявленіи манифеста о присоединеніи Грузіи страна эта не имѣла покоя ни отъ внѣшнихъ, ни отъ внутреннихъ враговъ. Въ числѣ послѣднихъ были преимущественно члены царскаго семейства, перессорившіеся другъ съ другомъ, тягавшіеся за право владѣнія страною и явно враждебные русскому правительству. Прекращеніе ихъ интригъ, удаленіе ихъ отъ всѣхъ дѣлъ и введеніе русскаго правленія было дѣломъ необходимымъ. Но при этомъ возникали для русскаго правительства многіе весьма важные вопросы: нужно было хорошо знать страну, ея обычаи, степень цивилизаціи, чтобы новые порядки, при всей ихъ доброй цѣли, не легли тяжелымъ бременемъ на жителей и не заставили ихъ пожалѣть о старыхъ. Нужно было устранить все, чѣмъ могли воспользоваться лица прежней царской фамиліи для возбужденія неудовольствія противъ новаго правленія. Начиная новое дѣло, необходимо было поставить во главѣ такихъ лицъ, способности и качества которыхъ стояли въ уровень съ трудностію дѣла.

Главнокомандующимъ въ Грузіи и на Кавказской линіи назначили генералъ-лейтенанта Кнорринга, а дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго—гражданскимъ правителемъ вновь присоединенной страны. Ни тотъ, ни другой не стояли на высотѣ своего призванія и не пользовались добрымъ мнѣніемъ грузинъ. Кноррингъ не умѣлъ примѣниться къ народному характеру и еще при первомъ посѣщеніи Тифлиса своими дѣйствіями возбудилъ нерасположеніе народа. Что же касается до Коваленскаго, то, состоя въ качествѣ министра при дворѣ послѣдняго царя Грузіи Георгія XII, онъ «навлекъ на себя отъ царя, вельможъ и народа неудовольствіе» [1]).

[1]) Записка кн. Чавчавадзе Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Какъ только въ Тифлисѣ узнали о назначенiи Коваленскаго, то царевичъ Багратъ тотчасъ же написалъ канцлеру письмо, въ которомъ просилъ его вызвать Коваленскаго въ Россiю, какъ человѣка, нетерпимаго грузинами. Царевичъ просилъ вмѣсто Кнорринга и Коваленскаго опредѣлить другихъ, «дабы,—писалъ онъ [1]), въ грядущiя времена, какъ мы (лица царской фамилiи), такъ и народъ грузинскiй не могли лишними обременять его величество просьбами».

За двумя главными дѣятелями тянулась цѣлая серiя чиновниковъ, назначенныхъ въ составъ верховнаго грузинскаго правительства, безъ всякаго разбора и своимъ поведенiемъ подававшихъ о себѣ весьма невыгодное мнѣнiе. Не зная ни характера народа, ни его языка, они запутывали и затягивали всѣ дѣла. Еще до прiѣзда Коваленскаго, во временномъ грузинскомъ правленiи въ Тифлисѣ, какъ въ единственномъ мѣстѣ рѣшенiя всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, накопилось ихъ такое число, что генералъ Лазаревъ принужденъ былъ, прежде объявленiя манифеста, открыть гражданскiе суды въ Гори, Кизихѣ (Сигнахѣ) и Телавѣ [2]). Мѣра эта не много помогла дѣлу. Недостатокъ знающихъ русскiй и грузинскiй языки былъ такъ великъ, что самъ главнокомандующiй Кноррингъ едва могъ отыскать въ Кизлярѣ священника, который одинъ исполнялъ при немъ должность переводчика въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ. «Изъ сего можно заключить,—писалъ впослѣдствiи князь Чавчавадзе [3]), каково было положенiе присутственныхъ мѣстъ, лишенныхъ необходимаго средства — знанiя языка. Тогдашнiе переводы состояли изъ словъ, набросанныхъ на бумагѣ безъ всякаго смысла, и слѣдственно не всѣ обстоятельства дѣла были извѣстны судьямъ». Такiя же непонятныя рѣшенiя и опредѣленiя выдавались и просителямъ. Грузины выходили изъ судовъ, не зная, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ.

Все это заставило находившихся въ Петербургѣ грузинскихъ

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1800—1805 гг., № 1.

[2]) Рапорты Лазарева Кноррингу 22-го октября и 22-го ноября 1801 г. Тифлисскiй Арх. Канц. Намѣстника.

[3]) Въ запискѣ, поданной въ 1837 г. Императору Николаю. Арх. Глав. Штаба въ С.-Петербургѣ.

депутатовъ, князя Герсевана Чавчавадзе и Палавандова, обратиться съ просьбою къ Императору о перемѣнѣ какъ Кнорринга, такъ и Коваленскаго. Депутаты хлопотали о томъ, чтобы главнымъ начальникомъ въ Грузіи назначили кого нибудь изъ знатнѣйшихъ лицъ страны или одного изъ царевичей. Государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго была передана ихъ просьба, нашелъ, что Императоръ, принявшій на свое попеченіе благосостояніе грузинскаго народа наравнѣ съ русскими подданными, «относитъ къ своему попеченію и назначеніе главныхъ начальниковъ [1]).»

Такимъ образомъ, желаніе пословъ и народа осталось неисполненнымъ. Князь Чавчавадзе, не теряя еще надежды на успѣхъ, обратился тогда къ Лошкареву и просилъ его содѣйствія, какъ лица, черезъ котораго шли всѣ просьбы грузинъ. Лошкаревъ, находясь въ то время на службѣ въ иностранной коллегіи, былъ назначенъ, вмѣстѣ съ графомъ Ростопчинымъ, для веденія переговоровъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, и принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, оставшееся, однако же, безъ успѣха. Онъ сообщалъ князю Куракину, «что вся Грузія не терпитъ Коваленскаго» [2]); что онъ имѣетъ множество писемъ отъ пословъ, царевичей и другихъ лицъ Грузіи, которые единогласно писали, что они его, «по извѣстнымъ причинамъ, терпѣть у себя не могутъ».

Не дождавшись отвѣта Лошкарева, посолъ князь Чавчавадзе отправилъ въ Грузію одинъ экземпляръ манифеста и штатъ. Онъ сообщалъ своимъ родственникамъ, что всѣ порученія, которыя онъ имѣлъ отъ покойнаго царя, не исполнились. «Царство уничтожили, писалъ онъ, *да и въ подданные насъ не приняли.* Никакой народъ такъ не униженъ, какъ Грузія... Вы еще имѣете время, чтобы общество написало сюда одно письмо, дабы я здѣсь ходатайствовалъ о нашемъ состояніи, просилъ имѣть царя и быть подъ покровительствомъ. Знайте, если будете просить царя — дадутъ. Если же въ полномочіи мнѣ не довѣряетесь, то отправьте

---

[1]) Засѣд. госуд. совѣта 6-го февраля 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 214.

[2]) Письмо Лошкарева кн. Куракину 7-го іюня 1802 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. II, 194.

сюда одного кого-нибудь изъ васъ, — ему и мнѣ дайте полную волю, и мы оба будемъ стараться о совершеніи сего дѣла [1])....»

Среди разнообразныхъ толковъ и пересудъ грузины встрѣтили новый 1802 годъ.

Генералъ-маіоръ Лазаревъ, начальникъ нашего военнаго отряда, явившійся въ Грузію, въ званіи полковаго командира, еще при жизни Георгія XII, зналъ объ обнародованіи манифеста въ Москвѣ и Петербургѣ, но, не имѣя никакихъ оффиціальныхъ распоряженій, оставался въ нерѣшимости и затрудненіи.

Осаждаемый со всѣхъ сторонъ вопросами грузинъ о своей участи, и въ ожиданіи прибытія Кнорринга въ Тифлисъ, Лазаревъ отговаривался полнымъ незнаніемъ и употреблялъ всѣ усилія только къ тому, чтобы страна оставалась спокойною до введенія новаго правленія. Главная забота состояла въ воспрепятствованіи царевичамъ и ихъ родственникамъ волновать народъ. Удерживая ихъ въ покорности, связывая произволъ, уничтожая на каждомъ шагу значеніе и власть, Лазаревъ, очень естественно, навлекъ на себя нерасположеніе царевичей и всѣхъ вообще членовъ царскаго дома.

Вдовствующая царица Марія была одна изъ тѣхъ, которая питала наибольшее неудовольствіе на Лазарева. Вдова-царица жаловалась Кноррингу, что ни она, ни дѣти ея не получаютъ жалованья, назначеннаго ей по 500 руб., а дѣтямъ по 100 руб. въ мѣсяцъ каждому; что данныя ей покойнымъ мужемъ имѣнія у нея отобраны, точно также отобраны имѣнія, принадлежащія ея дѣтямъ; что, наконецъ, отъ отца ея князяЦиціанова отобрано моуравство (земское начальство). Марія просила о возвращеніи имѣній ей и дѣтямъ и моуравства отцу [2]).

Жалобы царицы были несправедливы. Лазаревъ, на запросъ Кнорринга, отвѣчалъ, что царица и дѣти ея получали жалованье акуратно до сентября 1801 года. Въ сентябрѣ же были написаны бараты (указы), чтобы она получила слѣдуемыя ей деньги отъ казаховъ [3]); но Марія, не желая почему-то получать съ нихъ,

[1]) Изъ слѣдственнаго дѣла надъ Коваленскимъ.

[2]) Письмо царицы Маріи Кноррингу 22-го октября 1801 г.

[3]) *Казахи*—особое племя татаръ, жившіе въ Грузіи и ея подданные.

сама уничтожила тѣ бараты [1]). Лазаревъ не отрицалъ справедливости того, что родственникъ царицы князь Цицiановъ былъ удаленъ отъ управленiя Памбакскою провинцiею, но говорилъ, что это сдѣлано по необходимости. Возвратившiеся изъ Эривани памбакскiе агалары объявили, что причиною ухода ихъ въ Эривань было то, что князь Цицiановъ, на время своего отсутствiя, поручилъ управленiе ими зятю своему князю Аслану Орбелiани, который, бывши моуравомъ шамшадыльскимъ, совершенно разорилъ жителей. Памбакскiе агалары просили избавить и ихъ отъ его управленiя. Оставивъ званiе моурава и всѣ доходы, присвоенные этому званiю, за княземъ Цицiановымъ, Лазаревъ запретилъ только князю Орбелiани вмѣшиваться въ ихъ дѣла и касаться ихъ управленiя.

Претензiи царствовавшей фамилiи, ихъ недовольство причиняли Лазареву частыя огорченiя. Онъ писалъ Кноррингу о своемъ безвыходномъ положенiи и, не получая никакого удовлетворительнаго отвѣта, долженъ былъ вести свои дѣла по русской пословицѣ такъ, чтобы «и овцы были цѣлы, и волки сыты»; недостатка же въ послѣднихъ не было.

Царевичъ Давидъ, на увольненiе котораго въ отставку Императоръ Александръ не изъявилъ согласiя, вошелъ въ сношенiе съ своими дядями и переговаривался съ ними о мѣрахъ къ удержанiю престола въ рукахъ царствовавшаго въ Грузiи дома.

Давидъ, Дарья и Вахтангъ, жившiе въ Тифлисѣ, имѣли частыя ночныя свиданiя.

Царевичъ Александръ поручилъ сказать Лазареву, что пока въ Грузiи нѣтъ царя, до тѣхъ поръ его нога не будетъ въ этой странѣ [2]).

Царица Дарья въ Тифлисѣ, а царевичъ Юлонъ въ Имеретiи были двумя главными руководителями, отъ которыхъ гонцы ежедневно доставляли письма другъ другу. Давидъ, Юлонъ, Александръ и Вахтангъ, бывшiе противниками, стали теперь друзьями и единомышленниками. Они поклялись между собою удержать царское достоинство въ родѣ Багратiоновъ и избрать царемъ того изъ

---

[1]) Рапортъ Лазарева 10-го декабря 1801 г., № 500.

[2]) Письмо Лазарева Кноррингу 19-го февраля 1802 г.

царевичей, кого назначитъ Дарья [1]). Съ этою цѣлью союзники завели переписку съ окружными ханами, прося ихъ помощи, и рѣшились просить о допущеніи одного изъ членовъ царскаго дома въ составъ правленія, чтобы затѣмъ подъ рукою «работать о возстановленіи царскаго достоинства».

Царевичъ Александръ увѣрялъ Давида, что во всякое время готовъ оказывать ему услуги, какія отъ него потребуютъ [2]), а царицѣ Дарьѣ поручилъ передать, «что русскіе обманываютъ ее, подобно царю Георгію, и чтобы она ничему не вѣрила».

Дарью не нужно было предупреждать въ этомъ; она была гораздо опытнѣе Александра во всякаго рода интригахъ. Имѣя большое вліяніе надъ умами народа, царица, по выраженію Лазарева, сама управляла всею машиною. Обѣщая всѣмъ милости, прося помощи какъ внутри, такъ и внѣ царства, Дарья не теряла надежды на успѣхъ и, переписываясь съ ханами и горскими владѣльцами, не забывала наставлять и своихъ дѣтей.

Одинъ изъ сыновей ея, Вахтангъ, живя въ Тифлисѣ, задавалъ пиры, приглашалъ на нихъ князей и старался привлечь ихъ на свою сторону. Царевичъ разглашалъ, что съ устройствомъ русской губерніи грузины обязаны будутъ платить особыя подати, поставлять рекрутъ и нести другія повинности. Въ присутствіи же преданныхъ намъ говорилъ, что «ихъ домъ разоренъ отъ несогласія, и что нужно быть всѣмъ согласнымъ, дабы получить милость великаго Государя».

Двуличное поведеніе его не было тайной. Никто не полагался на искренность послѣднихъ словъ царевича. Извѣстно было, что Юлонъ, Вахтангъ, Александръ, Парнаозъ, Давидъ и царица Дарья,— всѣ вмѣстѣ отправили въ Персію за печатями письмо къ Бабахану, прося его защиты, покровитель [illegible] войска. При содѣйствіи лицъ, имъ преданныхъ, царевичи успѣли взволновать осетинъ, на усмиреніе которыхъ были посланы войска. Подговоренный народъ отказался повиноваться постановленному правительствомъ нацвалу (управляющему), не смотря на то, что за три мѣсяца передъ этимъ самъ одобрялъ его. Грузины ожидали при-

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 26-го января 1802 г. Тайн. Арх. Канц. Нам.
[2]) Рапортъ его же 14-го февраля 1802 г. Тамъ же.

бытія Кнорринга для того, чтобы просить объ отмѣнѣ податей, рекрутской повинности и о назначеніи царя изъ дома Багратіоновъ [1]).

Кноррингъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Грузію. Въ мартѣ собрались на Кавказской линіи всѣ русскіе чиновники, назначенные въ составъ новаго правленія страны. 30-го марта, Кноррингъ выѣхалъ въ Тифлисъ для скорѣйшаго открытія правленія и уничтоженія волненій и безпорядковъ, производимыхъ осетинами. Жившіе по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ въ ущельяхъ Кавказскихъ горъ осетины съ древнихъ временъ находились въ подданствѣ Грузіи и имѣли начальниковъ, наслѣдственныхъ въ фамиліи грузинскихъ князей Мочабеловыхъ.

Въ послѣдніе дни жизни Георгія XII, при слабости тогдашняго грузинскаго правленія, осетины пришли въ такое неповиновеніе и буйство, что, умертвивъ одного изъ своихъ князей, производили набѣги на грузинскія селенія, похищали имущество жителей, уводили ихъ въ плѣнъ и продавали сосѣднимъ жителямъ Кавказскихъ горъ.

Подстрекаемые царевичами, жившими въ Имеретіи, осетины еще болѣе усилили свои вторженія и хищничества, такъ что Кноррингъ вынужденъ былъ унять ихъ силою.

Двѣ роты 16-го егерскаго и три роты Кавказскаго гренадерскаго полковъ, два легкія полевыя орудія и 77 казаковъ назначены въ составъ отряда, подъ командою Кавказскаго гренадерскаго полка подполковника Симоновича, долженствовавшаго усмирить осетинъ и привести ихъ къ покорности [2]).

19-го февраля отрядъ выступилъ изъ грузинскаго селенія Цхинвалъ и въ тотъ же день прибылъ къ урочищу Суерисхеви. Отсюда Симоновичъ отправилъ къ осетинамъ двухъ парламентеровъ съ письменнымъ объявленіемъ о причинѣ его движенія внутрь ихъ жилищъ [3]). Отрядъ перешелъ между тѣмъ въ осетин-

---

[1]) Письмо Лазарева Кноррингу 17-го февраля 1802 г.

[2]) Рап. Кнорринга Государю Императору 26-го марта 1802 г. Въ отрядѣ находилось штабъ и оберъ-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ строевыхъ 703 и нестроевыхъ 62 человѣка. См. Рап. Симоновича 20-го феврмля 1802 г. Т. А. К. Н.

[3]) Обвѣщеніе осетинамъ, приложенное къ рапорту Симоновича 5-го марта 1802 г., № 121.

скую деревню Джавы. Устрашенный народъ, неожидавшій прихода нашихъ войскъ въ свои жилища, прислалъ старшинъ въ Джавы съ просьбою о помилованіи и съ заявленіемъ, что осетины, живущіе по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ, будутъ спокойными и покорными русскому правительству. Симоновичъ привелъ ихъ къ присягѣ, взялъ аманатовъ изъ лучшихъ фамилій и, оставивъ здѣсь одно орудіе съ надежнымъ прикрытіемъ, самъ двинулся далѣе къ другимъ селеніямъ. Повсюду жители приходили къ нему съ покорностію, присягали на вѣрность и давали аманатовъ по выбору.

Для лучшаго удержанія въ повиновеніи осетинъ на будущее время, рѣшено было учредить у нихъ правленіе въ формѣ гражданскихъ судовъ [1]) и поставить ихъ въ зависимость отъ уѣзднаго суда и полицейской управы, учреждаемой въ городѣ Гори. Суды эти были устроены въ деревни Джавы и Чриви. Въ первой, для жителей, обитавшихъ по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ, а во второй—по рѣкамъ Арагвѣ и Малой-Ліахвѣ [2]).

Возвратившись въ Сурамъ, Симоновичъ привелъ съ собою 13 человѣкъ аманатовъ отъ осетинскаго народа, котораго насчитывали тогда до 35,000 душъ обоего пола.

Волненія въ Осетіи усмирены и окончились неблагопріятно для членовъ царской фамиліи: вовсе не такъ, какъ они ожидали. Все вниманіе ихъ было обращено на Персію и на тѣ мѣры, которыя предприметъ Баба-ханъ. Властитель Персіи былъ одинъ, на чью помощь они могли теперь разсчитывать.

Въ январѣ, въ Эривани получено извѣстіе, что Баба-ханъ поручилъ одному изъ своихъ военачальниковъ, Аббасъ-Кули-хану, отрядъ войскъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, отправившись въ Тавризъ и присоединивъ къ себѣ тамошнія войска, слѣдовалъ къ Нахичевани, выгналъ тамошняго хана и самъ занялъ бы его мѣсто. Потомъ, если эриванскій ханъ не исполнитъ требованій властителя Персіи, то Аббасъ-Кули-хану приказано было двинуться къ Эривани. Туда же обѣщалъ прибыть и самъ Баба-ханъ.

[1]) Въ составъ суда назначены: 4 князя Мочабеловыхъ, 6 осетинскихъ старшинъ, 6 грузинскихъ есауловъ и столько же осетинскихъ; одинъ священникъ для распространенія христіанства.

[2]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 26-го марта 1802 г.

Эриванскій ханъ приготовлялся къ оборонѣ и отправилъ посланнаго къ Лазареву. Онъ писалъ теперь, что считаетъ свое ханство составною частію Грузіи, а себя подданнымъ русскаго Императора. Онъ просилъ разрѣшенія отправить своего чиновника въ Петербургъ и, сложивъ съ грузинскихъ купцовъ по 2 рубля пошлины съ каждаго вьюка, обѣщалъ платить нашему правительству ту дань, которую платилъ царямъ грузинскимъ.

Отправленные Лазаревымъ въ Эривань лазутчики принесли извѣстія, подтверждавшія свѣдѣнія о приготовленіи персіянъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

До властителя Персіи, говорило одно изъ писемъ, полученныхъ въ Тифлисѣ, дошло «извѣстіе, что въ Грузіи дымится, и надобно сей дымъ искоренить». Шахъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ 45,000 войска, поручилъ ихъ своему сыну Аббасъ-Мирзѣ и сардарю Сулейману и приказалъ съ окончаніемъ «навруза» двинуться къ Эривани и, оставивъ у этого города 10,000, съ остальными 35,000 идти въ Грузію. Побужденіемъ къ этому было полученное Баба-ханомъ письмо царевича Александра, просившаго о помощи. Театромъ военныхъ дѣйствій избраны Казахи и Памбаки. Склонивъ на свою сторону тамошнихъ татаръ и занявъ эти провинціи, Аббасъ-Мирза долженъ былъ, по повелѣнію своего отца, отправить посланнаго въ Тифлисъ съ требованіемъ очистить Грузію и вывести оттуда русскія войска [1]).

Справедливость слуховъ какъ бы подтверждалась тѣмъ, что эриванскій ханъ укрѣплялъ городъ и запасалъ въ немъ военные и съѣстные припасы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ снова отправилъ своего посланнаго къ Лазареву съ увѣреніемъ о приверженности своей къ Россіи, просилъ покровительства и дозволенія принять присягу на вѣрность, если будетъ удостовѣренъ въ томъ, что наши войска будутъ его защищать, и «онъ не будетъ уже имѣть никакой опасности отъ своихъ непріятелей» [2]).

Лазаревъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія не можетъ вступать ни въ какіе переговоры, и обѣщалъ спросить о томъ Кнорринга. Посланный остался въ Тифлисѣ до полученія отвѣта. Кноррингъ

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 27-го февраля, № 126.
[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 9-го марта 1802 г., № 162.

обнадеживалъ хана, высказывалъ свою готовность вступить съ нимъ въ переговоры и заключить актъ о принятіи хана въ покровительство Россіи. Посланный не имѣлъ письменной довѣренности Мамедъ-хана, поэтому Кноррингъ просилъ уполномочить или его, или прислать другаго довѣреннаго въ Тифлисъ къ его пріѣзду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ долженъ былъ написать форменное прошеніе на имя Императора Александра съ объясненіемъ условій, на которыхъ желаетъ вступить въ подданство Россіи [1]).

Приготовленіе эриванскаго хана къ оборонѣ и его искательства о подданствѣ, хотя и не давали права заключать объ искренности расположенія хана, но за то указывали на достовѣрность намѣреній Баба-хана вторгнуться въ его владѣнія, а въ случаѣ успѣха двинуться и въ Грузію. Для обезпеченія ея Кноррингъ предписалъ гренадерскому баталіону изъ ротъ Кабардинскаго и Кавказскаго полковъ, съ находящеюся при нихъ артиллеріею, флигель-ротамъ Кавказскаго гренадерскаго полка, Нарвскому и Нижегородскому драгунскимъ полкамъ быть готовыми къ походу съ Кавказской линіи въ Грузію. Атаману войска Донскаго генералъ-лейтенанту Платову сообщено, чтобы онъ поспѣшилъ выслать въ Моздокъ одинъ казачій полкъ изъ числа пяти полковъ, назначенныхъ на линію, для смѣны полковъ, тамъ находившихся. Въ Моздокѣ заготовлялись сухари въ мѣсячной пропорціи, а въ Екатеринградѣ предписано заготовить ихъ для 7,000 человѣкъ. Въ Грузію отправленъ второй комплектъ боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ припасовъ. Для обезпеченія Кавказской линіи собрано съ разныхъ полковъ 700 казаковъ [2]).

Кноррингъ спрашивалъ Императора, какъ поступить съ искательствомъ хана эриванскаго, и просилъ разрѣшенія отправить въ Грузію, кромѣ полковъ, туда уже назначенныхъ, еще одинъ гренадерскій баталіонъ и флигель-роты Кавказскаго гренадерскаго полка изъ Моздока и Кизляра, мѣстъ ихъ расположенія.

Покорность и исканіе покровительства ханомъ эриванскимъ было весьма важно въ политическихъ сношеніяхъ нашихъ съ

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 11-го марта 1802 года. Рапортъ его же отъ 26-го марта. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. II, 18—23.

[2]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 11-го марта 1802 г. Т. А. К. Н.

Персіею. Грузія была открыта со стороны Эривани до такой степени, что вторгнувшемуся непріятелю нельзя было противопоставить никакихъ естественныхъ препятствій. Персіяне, всегда вторгавшіеся со стороны Эривани или Ганжи, думали и теперь сдѣлать то же самое. Встрѣтивъ ихъ въ границахъ Эриванскаго ханства, мы избавляли отъ разоренія грузинъ, разоренія, неизбѣжнаго для народа, во владѣніяхъ котораго производятся военныя дѣйствія. Не обременяя народъ грузинскій требованіемъ о доставленіи всего необходимаго для войскъ, оставляя его при своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ, мы могли обезпечить себя провіантомъ и фуражомъ на счетъ жителей Эриванскаго ханства, «по изобилію въ ономъ жизненныхъ потребностей». Поэтому Кноррингъ просилъ разрѣшенія не только поддержать хана нашими войсками, но и искать случая встрѣтиться съ персидскимъ войскомъ въ предѣлахъ Эриванской области. Императоръ Александръ согласился на просьбы Кнорринга, какъ объ отправленіи въ Грузію новыхъ войскъ [1]), такъ и о принятіи хана эриванскаго подъ покровительство Россіи и встрѣчѣ персидскихъ войскъ въ предѣлахъ его владѣній.

«Привязанность сего владѣльца во всякое время для Грузіи полезна,—писалъ Александръ [2]),—а въ настоящемъ случаѣ она необходима». Императоръ поручилъ Кноррингу настоять на томъ, чтобы ханъ предоставилъ охраненіе Эриванской крѣпости нашимъ войскамъ. Эривань и Ганжа были два пункта, владѣя которыми мы могли быть совершенно обезпечены отъ всякаго нечаяннаго вторженія персіянъ въ Грузію.

Важность эта и заставляла наше правительство желать, чтобы ханы ихъ искали покровительства или подданства Россіи. «Занявъ два важныя сіи мѣста,—писалъ Императоръ главнокомандующему,—вы поставите Грузію не только внѣ опасности, но и внѣ дѣйствія войны, отнимите у непріятеля лучшіе его способы и, что

---

[1]) «Я желалъ бы только,—писалъ Императоръ,—чтобы гренадерскій баталіонъ составленъ былъ изъ ротъ одного котораго либо полка, поелику сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ уже не будетъ, какъ извѣстно сіе вамъ изъ указовъ воинской коллегіи».

[2]) Повелѣніе Кноррингу 23-го апрѣля 1802 года. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. II, 25.

всего важнѣе, дадите весьма нужныя владѣльцамъ сихъ мѣстъ убѣжденія въ покровительствѣ Россіи и усилите ихъ довѣріе».

Вскорѣ Джевадъ, ханъ ганжинскій, подалъ причины къ непріязненнымъ противъ него дѣйствіямъ.

22-го марта Лазаревъ доносилъ Кноррингу [1]), что ганжинскій ханъ, заявлявшій права свои на Шамшадыльскую провинцію, прислалъ туда съ войсками своего сына Гуссейнъ-Кули-агу, который, съ цѣлію перевести жителей въ свои владѣнія, прибылъ въ шамшадыльскую деревню Акрумъ. Кноррингъ писалъ Джевадъ-хану, удивлялся поступкамъ сына, когда отецъ увѣрялъ его въ добромъ расположеніи къ Россіи, и требовалъ удовлетворенія за причиненное шамшадыльцамъ разореніе [2]). Главнокомандующій обѣщалъ, въ противномъ случаѣ, достигнуть того же силою оружія.

Ханъ молчалъ. Кноррингъ предписалъ Лазареву слѣдовать съ отрядомъ въ Шамшадыль и защищать ее отъ покушенія ганжинскаго хана. Въ составъ отряда назначены изъ Тифлиса 17-го егерскаго полка баталіоны: генералъ-маіора Лазарева четыре роты, подполковника Ляхова три роты; одна рота Тифлисскаго мушкетерскаго полка, бывшая въ Шамшадылѣ, три полевыхъ орудія и 70 человѣкъ казаковъ донскаго Щедрова 2-го полка [3]).

23-го мая Лазаревъ прибылъ въ Шамшадыльскую провинцію и сталъ при рѣкѣ Гассанъ-су на самой ганжинской дорогѣ. Онъ примкнулъ свой лѣвый флангъ къ Курѣ, и находился въ 30 верстахъ отъ пограничнаго мѣстечка Шамхора, и около 60 верстъ отъ Ганжи.

Имѣя провіанта только до 1-го іюня, Лазаревъ просилъ о скорѣйшей его доставкѣ, потому что на мѣстѣ получить его было негдѣ.

«Провинція, въ коей я теперь нахожусь,—писалъ онъ [4]), совсѣмъ пуста, какъ людьми, такъ и произрастеніями. Я еще ни одной деревни не видалъ, исключая находящейся передъ лагеремъ верстахъ въ пяти, да и та теперь пустая».

25-го мая отрядъ подвинулся на 16 вертъ и къ вечеру достигъ границы, отдѣляющей Шамшадыльскую провинцію отъ Ган-

[1]) Рапортъ Лазарева 22-го марта, № 213

[2]) Письмо Кнорринга хану 6-го мая 1802 г.

[3]) Всего въ отрядѣ было: 24 офицера, 59 унтеръ-офицеровъ, 18 музыкантовъ, 530 рядовыхъ, 52 нестроевыхъ и 31 рекрутъ.

[4]) Письмо Лазарева Кноррингу 24-го мая 1802 г.

жинскаго ханства. Здѣсь Лазаревъ узналъ, что изъ 33-хъ деревень осталось не болѣе четырехъ, кочевавшихъ въ горахъ въ верховьяхъ рѣки Гассанъ-су. Прочія двадцать девять деревень съ татарскими агаларами и армянскими кевхами находились во владѣніяхъ ганжинскаго хана. Число ушедшихъ простиралось до 1,900 семей. Причиною такого переселенія жителей были подговоры шамшадыльскаго старшины Мамадъ-Гуссейна. Претендуя на званіе и достоинство шамшадыльскаго султана, Мамадъ, сидѣвшій уже за это въ Тифлисской крѣпости и успѣвшій освободиться, искалъ защиты у ганжинскаго хана. Джевадъ-ханъ послалъ въ Шамшадыль свои войска и, при содѣйствіи ихъ и подговоровъ Мамада, перевелъ въ свое ханство большую часть жителей. Переселившіеся кочевали сначала въ верховьяхъ рѣки Шамхора, но съ приходомъ нашихъ войскъ ушли въ глубь Ганжинскаго ханства [1]).

Простоявъ нѣкоторое время на рѣкѣ Ахансѣ, Лазаревъ придвинулся ближе къ Борчаламъ, а вскорѣ затѣмъ долженъ былъ возвратиться въ Тифлисъ по случаю отъѣзда Кнорринга на линію.

Передъ отъѣздомъ его, Джевадъ-ханъ прислалъ своего посланнаго въ Тифлисъ съ доказательствами своихъ правъ на владѣніе Шамшадылью. Кноррингъ не соглашался съ мнѣніемъ хана, основываясь на томъ, что при жизни послѣдняго царя Георгія XII провинція эта находилась подъ властію Грузіи, а потому и теперь должна оставаться во владѣніяхъ Россіи. Упорные съ обѣихъ сторонъ переговоры были продолжительны: ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить. Поэтому рѣшено было оставить жителей въ томъ положеніи, въ которомъ находились, но съ условіемъ, что ганжинскій ханъ не будетъ болѣе безпокоить «оставшихся въ Шамшадыли народовъ, во взаимство чего и область Ганжинская тревожена отъ побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ не будетъ [2])».

Вскорѣ послѣ экспедиціи противъ ганжинскаго хана войскамъ нашимъ пришлось дѣйствовать противъ нахичеванскаго хана. Кіалъ-Балы-ханъ нахичеванскій, лишенный зрѣнія Ага-Магометъ-ханомъ, былъ человѣкъ властолюбивый и предпріимчивый. Зная свойства его характера, царевичъ Александръ, оставивъ Имеретію, пробрался

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 26-го мая 1802 г.

[2]) Письмо Кнорринга хану 29-го мая 1802 г.

сначала въ Ахалцыхъ, а потомъ въ Нахичевань. Царевичъ успѣлъ уговорить обоихъ владѣльцевъ дѣйствовать совокупно противъ Грузіи. Соединеніе паши ахалцыхскаго и хана нахичеванскаго могло произойти только черезъ Карсскую провинцію, владѣтель которой имѣлъ миролюбивое расположеніе къ Грузіи, удерживалъ равновѣсіе между сосѣдними владѣльцами и отказывался принять участіе въ дѣлѣ союзниковъ.

Кіалъ-Балы-ханъ хотѣлъ заставить его къ тому силою. Онъ подошелъ съ войсками къ границѣ, отдѣляющей Грузію отъ Карсскаго пашалыка [1]). Отрядъ его состоялъ, по свѣдѣніямъ, изъ 12,000 конницы, 2,500 человѣкъ пѣхоты и двухъ орудій. Кноррингъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ расположеннымъ въ памбакскихъ грузинскихъ селеніяхъ двумъ мушкетерскимъ ротамъ Тифлисскаго, премъ ротамъ 17-го егерскаго полковъ и 70 казакамъ, всего 381 человѣкъ, и 200 памбакскимъ татарамъ присоединеннымъ къ отряду, подъ начальствомъ полковника Карягина, подвинуться къ границѣ, стать противъ Кіалъ-Балы-хана и наблюдать за его движеніемъ. Въ то же время Кноррингъ спрашивалъ хана о причинахъ его приближенія къ границѣ Грузіи. Тотъ отвѣчалъ, что причина эта не относится до Россіи, а потому отвѣчать на вопросъ считаетъ ненужнымъ.

Такой отвѣтъ и просьбы карсскаго паши защитить его отъ нападенія Кіалъ-Балы-хана заставили Кнорринга согласиться на это. Карсскій паша, по совѣту главнокомандующаго, собралъ свои войска въ числѣ 6,000 конницы и 2,000 пѣхоты и присоединилъ ихъ къ отряду Карягина.

28-го мая нахичеванцы атаковали наши войска и турецкія войска карсскаго паши. Турецкая конница была сначала опрокинута, но сильный артиллерійскій огонь изъ шести орудій, трехъ русскихъ и трехъ турецкихъ, далъ совершенно другой оборотъ дѣлу. Нахичеванцы начали сперва отступать, а потомъ обратились въ совершенное бѣгство.

Кіалъ-Балы-ханъ, столь самоувѣренно говорившій, долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній.

---

[1]) Рапортъ Кнорринга, Г. И. 8-го іюня 1802 г.

XXI.

Объявленіе манифеста. — Открытіе верховнаго грузинскаго правительства.

9-го апрѣля 1802 года, въ среду на страстной недѣлѣ, Кноррингъ, въ сопровожденіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго и многочисленной свиты русскихъ чиновниковъ, имѣлъ торжественный входъ въ Тифлисъ, столицу Грузіи.

Черезъ три дня, 12-го апрѣля, въ великую субботу, былъ обнародованъ въ Тифлисѣ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Въ соборныхъ храмахъ грузинскомъ, армянскомъ, римско-католическомъ и въ магометанской мечети одновременно читался манифестъ, послѣ прочтенія котораго начата присяга.

Собравъ къ себѣ всѣхъ князей, знатныхъ особъ и прочихъ обывателей Тифлиса, Кноррингъ приказалъ окружить ихъ войсками, «*аки штурмомъ*» [1]), и въ такомъ положеніи совершать присягу. Народъ, самъ искавшій покровительства и просившій подданства, былъ озадаченъ такою безтактностію главнокомандующаго [2]). Многіе изъ князей спѣшили оставить церковь и не хотѣли присягать насильно. По приказанію Кнорринга, нѣкоторыя лица были за то арестованы [3]).

Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвело на народъ подобное дѣйствіе новой для нихъ власти.

Такой поступокъ привелъ грузинъ, вовсе неожидавшихъ подобнаго распоряженія, въ уныніе и поселилъ въ нихъ ропотъ. Призванныя къ присягѣ, царицы высказывали Кноррингу свое неудовольствіе и порицали его дѣйствія. Онѣ укоряли его въ томъ, что, будучи въ Грузіи, онъ обѣщалъ ходатайствовать объ утвержденіи

[1]) Переводъ писемъ къ кн. Герсевану Чавчавадзе отъ 18-го апрѣля 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, по департ. общихъ дѣлъ, ч. II, стр. 197.

[2]) «Кноррингъ съ Коваленскимъ въ своей политикѣ ошиблись, писалъ Лошкаревъ кн. Куракину, и не слѣдовало бы имъ окружать церковь войсками, а надлежало бы поставить оныя въ нѣкоторой отдаленности, на открытомъ мѣстѣ, и по приведеніи къ присягѣ, отдать честь точно такъ, какъ въ бытность мою въ Крыму министромъ я приводилъ къ такой же присягѣ татаръ...» Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, стр. 194.

[3]) Арестованы были карталинскіе князья Мочабеловъ и Амереджибовъ.

въ царскомъ достоинствѣ того, кому по праву наслѣдства оно будетъ принадлежать. Какъ та, такъ и другая имѣли, по ихъ мнѣнію, основаніе къ такимъ укорамъ. Царица Дарья основывалась на завѣщаніи своего супруга Ираклія II, по которому долженъ былъ царствовать царевичъ Юлонъ, а царица Марія на томъ, что сынъ ея, царевичъ Давидъ, признанъ и утвержденъ Императоромъ Павломъ I наслѣдникомъ грузинскаго престола. Такимъ образомъ, каждая изъ царицъ хлопотала о сохраненіи престола въ своемъ родѣ. Сознавая затруднительность своего положенія, Кноррингъ еще болѣе увеличилъ недоразумѣніе, сказавъ, что относительно царствованія никакихъ повелѣній не имѣетъ; что царствованіе прекращено въ Грузіи по представленію тайнаго совѣтника Лошкарева, князя Герсевана Чавчавадзе и прочихъ пословъ грузинскихъ [1],—а ему повелѣно только привести въ исполненіе новое положеніе о Грузіи.

Вскорѣ Тифлисъ узналъ, что генералъ-маіоръ Тучковъ, по приказанію Кнорринга, былъ у царицы Маріи, супруги послѣдняго царя Георгія XII, и отобралъ у нея всѣ царскія регаліи [2]. Подобныя дѣйствія до крайности раздражили всѣ сословія народа.

Царевичи Давидъ и Вахтангъ были недовольны правительствомъ. Незначительныя обстоятельства послужили поводомъ къ тому. Первому Кноррингъ, въ ноябрѣ 1801 г., сообщилъ, что ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, но орденъ не былъ данъ Давиду, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ уволенъ въ отставку безъ прошенія и мундира, который былъ всегда «предметомъ его усилен-

---

[1]) Переводъ писемъ князю Герсевану Чавчавадзе изъ Грузіи, 18-го апрѣля 1802 г. Письмо Лошкарева кн. Куракину 7-го іюня 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, стр. 194, 197 и 198. «Вашему сіятельству извѣстно,—писалъ Лошкаревъ,—что положеніе сіе сдѣлано въ Москвѣ, безъ всякихъ представленій, а сколько мнѣ помнится, сказано, что, по возвратѣ изъ Москвы, грузинскія дѣла здѣсь (въ Петербургѣ) будутъ кончены, да и самъ Кноррингъ, по отъѣздѣ, то же самое мнѣ объявилъ. Я не знаю, откуда же онъ взялъ и объявилъ оное царицамъ?..»

[2]) Корона, скипетръ, знамя, порфира и тронъ внесены были сначала для сбереженія въ верховное грузинское правленіе. Сабля же и оба ордена, пожалованные Георгію XII, царица Марія не возвратила, а высказала желаніе оставить у себя. Кноррингъ спрашивалъ какъ поступить? (Письмо его Трощинскому 25-го мая 1802 г. № 23). Императоръ Александръ приказалъ саблю и ордена оставить у царицы (рескриптъ Кноррингу 25-го іюня. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, кн. I). Впослѣдствіи всѣ отобранныя регаліи привезены были въ Георгіевскъ, гдѣ и хранились. См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 194, № 154).

нѣйшихъ желаній». Царевичу Вахтангу былъ данъ орденъ св. Анны, а грамота, по ошибкѣ, была написана и выслана на орденъ св. Александра Невскаго. Кноррингъ отобралъ эту грамоту для замѣны другою, а Вахтангъ, принявъ это «въ уничиженіе себѣ, почелъ за чувствительную обиду».

«Весь здѣшній народъ,—писали грузины князю Чавчавадзе [1]), васъ проситъ не оставить всѣхъ насъ увѣдомленіемъ, подлинно ли Кноррингъ поступаетъ такъ по высочайшей его императорскаго величества волѣ, или здѣшнему дворянству и всѣмъ обывателямъ дѣлаетъ самовольно такія огорченія. По извѣщеніи вашемъ, будемъ стараться себя защитить, ибо таковыхъ непріятныхъ поступковъ мы не въ состояніи болѣе сносить. Весь народъ ожидалъ и ожидаетъ отъ васъ увѣдомленія, дабы узнать достовѣрно о высочайшей волѣ и намѣреніи. Но какъ понынѣ отъ васъ о томъ еще не извѣщенъ, то и остается въ крайнемъ изумленіи и не знаетъ, на что рѣшиться».

Въ ожиданіи отвѣта, всѣ состоянія жителей присягали между тѣмъ на вѣрность новаго подданства. Присяга шла на столько успѣшно, что Кноррингъ могъ донести, что она совершена «при радостномъ восклицаніи народа» [2]). Въ теченіе апрѣля и въ началѣ мая вся Грузія присягнула русскому Императору. Страна раздѣлена была для этого на нѣсколько епархій. Въ каждую епархію посланы чиновники для объявленія манифеста и принятія присяги въ мѣстныхъ церквахъ [3]).

Послѣ торжества объявленія Кноррингъ отправился для обозрѣнія границъ Грузіи, преимущественно со стороны Персіи и Эривани, а правителю Грузіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому, поручилъ сдѣлать приготовленія къ открытію правленія. Имеретинскій царь Соломонъ, паша ахалцыхскій [4]), ханъ ганжинскій и джаро-бѣлоканскіе лезгины [5]) получили письма Кнор-

---

[1]) Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, по Деп. Общ. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, стр. 198.

[2]) Всеподд. рапортъ Кнорринга отъ 22-го апрѣля 1802 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 443, № 560.

[3]) Письмо Кнорринга католикосу царевичу Антонію 19-го апрѣля 1802 г. Тифл. Арх. Канц. Намѣстн.

[4]) Письма Кнорринга отъ 16-го апрѣля 1802 г.

[5]) Письма его же отъ 18-го апрѣля 1802 г.

ринга, въ которыхъ онъ, объявляя объ обнародованіи въ Тифлисѣ манифеста, приглашалъ ихъ оставаться спокойными, не нарушать добраго согласія и присовокуплялъ, что Императоръ Александръ готовъ оказывать свою помощь и пособіе всѣмъ тѣмъ, которые будутъ искать ея и своими искренними поступками того заслужатъ. Отъ джаро-бѣлоканцевъ главнокомандующій требовалъ, чтобы они прислали своихъ старшинъ въ Тифлисъ для объявленія имъ «нѣкоторыхъ миролюбивыхъ предложеній».

Между тѣмъ, приготовленія къ открытію правленія приходили къ концу. 7-го мая комендантъ Тифлиса, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, объявлялъ на открытыхъ мѣстахъ и площадяхъ города, что на слѣдующій день послѣдуетъ открытіе верховнаго грузинскаго правительства, со всѣми его экспедиціями, и приглашалъ всѣхъ царевичей и чиновниковъ, назначенныхъ въ правленіе, собраться въ домъ, нарочно для того избранный.

Въ 7 часовъ утра 8-го мая произведено послѣдовательно три пушечныхъ выстрѣла съ получасовыми промежутками. За послѣднимъ выстрѣломъ, въ половинѣ девятаго часа, начался во всѣхъ церквахъ благовѣстъ и продолжался до начала церемоніи.

Въ домѣ, избранномъ для правленія, собрались тифлисскіе жители всѣхъ званій и состояній. Туда же прибылъ и Кноррингъ. Встрѣченный на крыльцѣ и залахъ дома чиновниками и князьями, онъ занялъ мѣсто у стола, на которомъ положено было: учрежденіе о губерніяхъ, манифестъ, штатъ и постановленіе о Грузіи.

Послѣ рѣчи главнокомандующаго и отвѣта на нее князя Ивана Орбеліани, прочтенъ сначала списокъ всѣмъ чиновникамъ, назначеннымъ въ составъ верховнаго грузинскаго правленія, и затѣмъ послѣдовало торжественное шествіе въ Сіонскій соборъ.

Впереди шелъ комендантъ съ полиціймейстеромъ и полицейскими служителями, двѣнадцать грузинскихъ князей и дворянъ по два въ рядъ. Двое изъ первѣйшихъ князей карталинскихъ, Иванъ Орбеліани, и кахетинскихъ — Андрониковъ, несли на парчевыхъ подушкахъ: первый учрежденіе о губерніяхъ, а второй—манифестъ, штатъ и постановленіе о Грузіи. Четыре князя-ассистента при каждомъ поддерживали за кисти края подушекъ.

Далѣе слѣдовалъ главнокомандующій со свитою и генералите-

томъ; Коваленскій съ чиновниками, царевичи, князья, дворяне и народъ замыкали шествіе [1]).

Впереди и сзади процессіи слѣдовали войска.

На паперти Сіонскаго собора процессія встрѣчена духовенствомъ. Два архіерея, принявъ отъ князей подушки, отнесли ихъ въ церковь, размѣстили на столахъ, покрытыхъ парчею и поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ амвона.

Тифлисскій митрополитъ Арсеній совершалъ божественную литургію. По окончаніи ея, два чиновника, одинъ по-русски, а другой по-грузински, читали обвѣщеніе Кнорринга, въ которомъ тотъ, заявляя объ открытіи верховнаго грузинскаго правительства, обязывался: «ограждать области сіи отъ внѣшнихъ нашествій, сохранить обывателей въ безопасности личной и имущественной и доставить всѣмъ покровъ, увѣренность и спокойствіе правленіемъ бдительнымъ и сильнымъ, всегда готовымъ дать правосудіе обиженному, защитить невинность и, въ примѣръ злыхъ, наказать преступника [2]).

«Любящіе миръ да убѣдятся,—писалъ Кноррингъ,—что прилежаніе и труды, а не происки, избыточество обывателей, а не нищета ихъ, твердая и непоколебимая надежда на благость Господню, а не отчаяніе, наконецъ, ни коварство, кровопролитіе, буйство, жестокости и дерзости, но простодушіе, человѣколюбіе и снисхожденіе, — добродѣтели, долженствующія отличать христіанина,—суть источники спокойствія и благоденствія народовъ».

Затѣмъ прочтенъ штатъ, постановленіе о Грузіи, и всѣ чины, назначенные въ составъ правленія, приведены къ присягѣ.

Послѣ благодарственнаго молебствія, сопровождаемаго колокольнымъ звономъ и 101 пушечнымъ выстрѣломъ процессія въ томъ же порядкѣ отправилась въ домъ, назначенный для присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и совершено было также молебствіе.

Въ присутственной комнатѣ было тотчасъ же открыто первое засѣданіе верховнаго правительства и составленъ протоколъ «къ свѣдѣнію и незабвенную память на вѣчныя времена высокомонаршаго къ грузинскому народу благоволенія и милости» [3]).

[1]) Обрядъ открытія правительства 8-го мая 1802 г.
[2]) Полн. Собр. Зак., т. XXVII, № 26,438.
[3]) Рапортъ Кнорринга Государя Императору 25-го мая 1802 г.

Въ тотъ же день открыты одна за другою экспедиціи: исполнительная, казенная, уголовная и гражданская.

Торжество дня закончилось обѣдомъ, баломъ и ужиномъ у главнокомандующаго. Присутственныя мѣста и городъ были иллюминованы.

Въ теченіе мая открыты присутственныя мѣста въ городахъ Гори, Сигнахѣ, Телавѣ, Лори и Душетѣ.

Въ день открытія правленія двадцать девять человѣкъ грузинскихъ князей просили Кнорринга о дозволеніи отправить въ С.-Петербургъ депутатами князей Ивана Орбеліани и Соломона Моуравова съ благодарностію къ Императору Александру о принятіи Грузіи въ подданство Россіи [1]).

Съ открытіемъ правленія, лица царскаго дома навсегда устранены отъ управленія народомъ. Нѣкоторые изъ нихъ вызваны въ Россію, другіе остались въ Грузіи. Царевичи Юлонъ, Парнаозъ и Александръ оставили свое отечество. Первые два находились въ Имеретіи, а послѣдній переѣзжалъ отъ одного хана къ другому. Кноррингъ приглашалъ каждаго изъ нихъ возвратиться въ Грузію и вступить во владѣніе принадлежащими имъ имѣніями [2]). Ни одинъ изъ трехъ царевичей не принялъ такого приглашенія. Находившіеся въ Грузіи члены царскаго дома были также недовольны. Лишившись права произвольно располагать имуществомъ своихъ подданныхъ, удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, они были возбуждены противъ русскаго правительства, которое хотя и торопилось принять мѣры къ тому, чтобы не поставить ихъ въ затруднительное положеніе относительно матеріальныхъ средствъ, но забота эта, увеличивъ расходы казны, не привела къ удовлетворительному результату. Царевичи, находившіеся въ Россіи, получили пенсіи по 10,000 руб. каждый. Царица Марія, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ, имѣла обезпеченные доходы, простиравшіеся до 18,000 руб. грузинскою серебряною мо-

---

[1]) Письмо князей Кноррингу 8-го мая 1802 года. Императоръ Александръ отклонилъ ихъ желаніе, какъ поступокъ съ «важными для нихъ издержками сопряженный и по увѣренности моей въ усердіи ихъ излишній». Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, кн. I, рескриптъ Кноррингу 25-го іюня 1802 г.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 245.

нетою [1]). Царицѣ Дарьѣ назначено по 500 руб., царевнамъ Софьи и Рипсимѣ по 100 руб., а Гаянѣ и Нинѣ по 75 руб. въ мѣсяцъ каждой [2]). Русскія деньги не произвели того дѣйствія, котораго отъ нихъ ожидали. Честолюбіе и жажда власти не были заглушены золотомъ. Лица царской фамиліи не могли оставаться праздными. Они сожалѣли, что корона ушла изъ рукъ дома Богратіоновъ, и всѣми силами, всѣми зависящими отъ нихъ средствами старались вернуть ее [3]).

— Можете ли вы торжественно утвердить,—спрашивалъ както графъ Мусинъ-Пушкинъ царевича Вахтанга,—что съ матерью вашею не сожалѣете о грузинской коронѣ, вышедшей изъ дому Багратіоновъ? Скажите мнѣ откровенно, какъ другу.

—Не могу!—отвѣчалъ царевичъ въ порывѣ откровенности.—Жалѣемъ и сильно жалѣемъ. Мы заслуживали бы названія безумныхъ, если бы такого сожалѣнія не существовало.

Надежда на возможность вернуться къ старому порядку вещей и, вслѣдствіе того, принимаемыя царевичами мѣры къ достиженію своихъ цѣлей были причиною многихъ безпорядковъ въ Грузіи, безпорядковъ, клонившихся къ разоренію бѣднаго класса народа...

Правленіе открыто. Кноррингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, поручивъ командованіе войсками, расположенными въ Грузіи, генералъ-маіору Лазареву, а управленіе дѣлами гражданскими дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому. Народъ остался въ унынiи, какъ отъ поступковъ Кнорринга, такъ и отъ совершенно чуждаго для него порядка веденія дѣлъ, начавшагося съ образованіемъ новаго правленія.

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 5-го іюля 1802 г.

[2]) Высоч. рескриптъ Кноррингу 5-го августа 1802 г.

[3]) Письмо графа Мусина-Пушкина Трощинскому 20-го августа, № 61. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 395—401.

XXII.

Первые дни русскаго правленія въ Грузіи.

По принятіи Грузіи въ наше подданство, главнокомандующій вмѣстѣ съ правителемъ Грузіи получили право измѣнять, по своему усмотрѣнію, правила и инструкціи, на основаніи которыхъ должны были дѣйствовать мѣстныя управленія, или, такъ называемыя, экспедиціи; въ этомъ-то правѣ заключался прежде всего корень всѣхъ злоупотребленій и послѣдовавшихъ за ними безпорядковъ.

Въ распредѣленіи должностей существовалъ полнѣйшій произволъ; должностныя лица перемѣщались съ одного мѣста на другое безъ всякаго основанія, смотря по видамъ правителя.

Указомъ сената назначенъ начальникомъ въ экспедицію казенныхъ дѣлъ коллежскій совѣтникъ Тарасовъ, но съ открытіемъ правленія экспедиція эта предоставлена была родному брату правителя, а Тарасовъ очутился начальникомъ экспедиціи уголовныхъ дѣлъ.

Назначеніе грузинскихъ князей и дворянъ въ составъ управленія подверглось не меньшему произволу. По мнѣнію нашего правительства, такое назначеніе признавалось необходимымъ; цѣль его была—ввести народный элементъ въ управленіе страною. Съ этою цѣлію Кноррингу хотя и предоставлено было право выбора князей, но только при одномъ условіи добросовѣстности, чтобы «на первый разъ вступили въ должности люди способнѣйшіе, отличаемые общимъ уваженіемъ и довѣренностію согражданъ своихъ».

Такое желаніе и мысль Императора осуществились обратно. Грузины или были совсѣмъ устранены отъ участія въ управленіи, или же набраны такіе, которые не могли мѣшать самовластію и произволу. Такъ, къ татарамъ, обитавшимъ въ Грузіи, были назначены въ помощники приставовъ такія лица изъ грузинъ, которыя не только не пользовались общимъ уваженіемъ или отличались хорошею службою, но, напротивъ того, имѣли та-

кія достоинства, «о коихъ упоминать здѣсь пристойность запрещаетъ» [1]).

Самъ главнокомандующій не сознавалъ своего положенія и той обязанности, для которой былъ призванъ. Кноррингъ не считалъ грузинъ подданными Россіи и заблуждался на столько, что сдѣлалъ замѣчаніе Лазареву, назвавшему ихъ подданными въ одномъ изъ своихъ донесеній. Лазаревъ долженъ былъ въ свое оправданіе приводить подлинныя слова двухъ манифестовъ, собственныя предписанія Кнорринга и другіе документы.

«Ваше превосходительство изволили примѣтить и удивиться,—писалъ онъ [2]),—что я грузинъ называю подданными, то прошу въ ономъ извиненія, но оное сдѣлано неумышленно и основываясь на обоихъ манифестахъ и вашемъ предписаніи, а сверхъ того и на партикулярныхъ письмахъ, изъ Петербурга мною полученныхъ, гдѣ ихъ не иначе разумѣютъ... а посему и не могъ я иначе полагать, какъ то, что они дѣйствительно подданные, такъ какъ имъ сіе и публиковано; но теперь, видя свою ошибку, конечно, сего слова употреблять больше не буду».

Съ такимъ взглядомъ на дѣла, Кноррингъ не могъ принести большой пользы Грузіи. Крупные безпорядки открылись въ управленіи съ самаго начала. Высочайшія повелѣнія не исполнялись весьма продолжительное время. Отдача трехъ деревень въ области Хепенисъ-Хеобской князю Абашидзе не приведена въ исполненіе до самаго октября 1802 года, не смотря на то, что повелѣніе Императора было получено уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Тифлисѣ. Князь жаловался, но безуспѣшно. Всѣ жалобы останавливались въ верховномъ грузинскомъ правленіи, какъ въ самомъ высшемъ учрежденіи для каждаго грузина. Грузія была раздѣлена на пять уѣздовъ, а правленіе на четыре экспедиціи. Послѣднимъ предоставлена весьма широкая власть. Уголовныя дѣла рѣшались по общимъ законамъ Россійской Имперіи. Подсудимый, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе, хотя и имѣлъ право апеллировать, но апелляція его, по инструкціи, данной Кноррингомъ, пе-

---

1) Донесеніе Соколова.

2) Кноррингу, отъ 11-го марта 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., изд. 1866 г., т. I, 353.

реносилась въ общее собраніе верховнаго грузинскаго правительства, точно на такомъ же основаніи, «какъ въ правительствующій сенатъ» [1]), и далѣе Тифлиса не шла. Экспедиціи гражданскихъ дѣлъ предоставлена власть гражданской палаты, «то и переносъ дѣлъ изъ экспедиціи сей въ общее собраніе да происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какой наблюдается при переносѣ дѣлъ изъ палаты въ правительствующій сенатъ» [2]).

Такимъ образомъ, общее собраніе верховнаго грузинскаго правительства было для грузинъ то же, что сенатъ для всей Россіи. Для совершеннаго отдѣленія и большей самостоятельности, Кноррингу и Коваленскому удалось выхлопотать себѣ право въ своихъ дѣйствіяхъ не отдавать никакого отчета сенату и не имѣть въ правленіи прокурора [3]), обязаннаго, по должности своей, слѣдить за правильностію дѣйствій правительственнаго мѣста. Вслѣдствіе того, всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались въ верховномъ правительствѣ, которое приводило въ исполненіе свои постановленія черезъ экспедицію исполнительныхъ дѣлъ. Въ этой послѣдней экспедиціи рѣшались также дѣла по такимъ искамъ, которые не подлежали оспариванію, напримѣръ, подписанные должникомъ счеты, векселя, контракты и проч. Экспедиція дѣйствовала черезъ уѣздные суды, управы земской полиціи, комендантовъ и моураповъ съ ихъ помощниками.

На обязанность земскихъ управъ возложено имѣть свѣдѣніе о торговыхъ цѣнахъ, наблюдать за вѣрностію вѣса, мѣры, чтобы въ уѣздѣ не было бѣглыхъ, чтобы ихъ никто не принималъ, не держалъ и не скрывалъ.

Въ управѣ засѣдалъ капитанъ-исправникъ съ двумя засѣдателями.

Въ уѣздныхъ городахъ поставлены были коменданты изъ русскихъ чиновниковъ; ихъ назначили изъ числа военныхъ офицеровъ, и никто не зналъ круга своихъ дѣйствій и цѣли самой должности.

---

[1]) Наставленіе уголовной экспедиціи. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 447.

[2]) Наставленіе гражданской экспедиціи, тамъ же, стр. 449.

[3]) Прокуроръ назначенъ только 19-го іюля 1803 года. См. П. Собр. Закон., томъ XXVII.

Инструкціи, данныя капитанъ-исправникамъ и комендантамъ, были, если не одинаковы совершенно, то на столько сходны, что какъ тѣ, такъ и другіе исполняли почти одинаковыя обязанности. Отъ этого обязанность комендантовъ была скорѣе городническая. Самъ главнокомандующій не уяснилъ себѣ основательно круга дѣйствій и обязанностей комендантовъ. Лазаревъ просилъ Кнорринга объяснить ему, какъ должны относиться къ комендантамъ воинскіе начальники. Главнокомандующій отвѣчалъ: какъ къ городничимъ, и писалъ, что онъ снабдилъ уже ихъ городническою инструкціею, и что названіе комендантовъ имъ дано только «изъ причинъ политическихъ». Какъ бы то ни было, но отъ такихъ политическихъ причинъ происходили большія неудобства. Отношеніе комендантовъ къ войскамъ было крайне запутано инструкціею. Они были подчинены непосредственно правителю и обязаны приводить въ исполненіе рѣшенія всѣхъ экспедицій правленія. Правитель Грузіи, своими инструкціями и объясненіями, еще болѣе запутывалъ ихъ обязанности. Тифлисскій комендантъ, родной племянникъ правителя, завѣдывалъ разбирательствомъ по вексельнымъ искамъ.

Запутанность обязанностей каждаго повела къ недоразумѣнію между правителемъ Грузіи и Лазаревымъ, начальникомъ войскъ тамъ расположенныхъ.

Карсскій паша прислалъ къ Лазареву своего посланнаго съ письмами. Коваленскій отобралъ эти письма, и тѣ, которыя были адресованы къ Лазареву, отправилъ къ нему, а остальныя оставилъ у себя. По переводѣ ихъ оказалось, что паша поручилъ своему посланному переговорить словесно съ Лазаревымъ. Когда тотъ потребовалъ къ себѣ посланнаго, то его уже не было въ Тифлисѣ — Коваленскій отправилъ его обратно. Лазаревъ донесъ Кноррингу и отдалъ приказъ, чтобы на гауптвахтахъ у городскихъ воротъ караульные справлялись у всѣхъ подобныхъ посланныхъ, пріѣзжающихъ изъ-за границы, не имѣютъ ли они писемъ къ командующему войсками, и въ послѣднемъ случаѣ препровождали бы ихъ къ нему. Коваленскій жаловался Кноррингу на такое распоряженіе Лазарева. Главнокомандующій, слѣпо вѣря правителю Грузіи и не разузнавъ дѣла, сдѣлалъ Лазареву выго-

воръ и сообщилъ ему, что всѣ пріѣзжающіе изъ-за границы должны являться комендантамъ, непосредственно подчиненнымъ правителю. Копію съ предписанія Лазареву Кноррингъ отправилъ и къ Коваленскому, который разослалъ ее ко всѣмъ комендантамъ и земскимъ начальникамъ. Лазаревъ считалъ себя обиженнымъ. Давнишняя вражда между двумя лицами закипѣла. Власть военная стала враждовать съ гражданскою. Злоупотребленія, безпорядки и упущенія стали увеличиваться. Лазаревъ узналъ, что царица Дарья намѣрена отправить въ Эривань къ царевичу Александру 1,000 рублей, кафтанъ и возмутительныя письма. Онъ требовалъ задержанія посланнаго и доставленія его къ себѣ. Комендантъ, не отвѣчая нѣсколько дней, на вторичное требованіе сообщилъ Лазареву, что посланный уѣхалъ въ Эривань по билету, выданному ему правителемъ Грузіи.

Съ открытіемъ экспедицій и правленія не было принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы ознакомить народъ съ новыми учрежденіями. Ни одинъ даже и образованный грузинъ не зналъ, съ какимъ дѣломъ куда слѣдуетъ обращаться. Затрудненіе это было тѣмъ болѣе ощутительно, что верховному правленію вмѣнено въ обязанность привести въ ясность имущество каждаго. Потребность въ подачѣ просьбъ и объясненій была огромна, но просьбъ не подавали за незнаніемъ куда подать. Отсюда произошло то, что въ теченіе года ровно ничего не было сдѣлано по этому вопросу.

Съ объявленіемъ о дѣйствіи въ Грузіи русскихъ законовъ, никто не зналъ, какіе предѣлы имѣетъ власть земскихъ чиновниковъ. Помѣщики не знали своей власти надъ крестьянами, крестьяне — своихъ отношеній къ помѣщикамъ. Съ уничтоженіемъ грузинскихъ обычаевъ и законовъ, русскіе законы не были переведены на грузинскій языкъ.

Прошенія, иски и т. п. должны были поступать на русскомъ языкѣ. Въ составѣ управленія не было ни чиновниковъ, ни переводчиковъ, знающихъ грузинскій языкъ. Чиновникъ и проситель не понимали другъ друга. Для устраненія этого впали въ другую крайность, весьма странную. Постановили правиломъ, что каждый проситель долженъ проговорить все свое дѣло наизустъ

на русскомъ языкѣ безошибочно, подъ опасеніемъ потерять право иска [1]). Въ самыхъ экспедиціяхъ русскіе чиновники не понимали своихъ товарищей грузинъ. Отъ этого «дѣла рѣшались болѣе домашнимъ производствомъ у правителя Грузіи, нежели явнымъ и законнымъ теченіемъ въ самыхъ палатахъ, что наноситъ, какъ замѣтно, всеобщее неудовольствіе [2]).»

Правитель Грузіи никогда не ходилъ въ присутствіе, а занимался на дому. Совѣтъ верховнаго грузинскаго правительства существовалъ только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Просьбъ, подаваемыхъ гражданами въ исполнительную экспедицію, никто не принималъ. Изъ двухъ совѣтниковъ, бывшихъ въ экспедиціи, одинъ, по слабости здоровья, а другой по молодости не бывали никогда въ присутствіи. Просители уходили безъ удовлетворенія и не знали, гдѣ найти его. «Обыватели Грузіи,—пишетъ Лофицкій [3]), — обращенные къ исканію правосудія въ единой особѣ правителя, не имѣли удовольствія найти сбывчивыми надежды свои по предметамъ законо-защищенія, а потому возвращались въ домы свои съ мрачнымъ впечатлѣніемъ и съ сумнѣніемъ о благоденствіи, котораго ожидали отъ русскаго правительства».

«Коротко сказать,—доносилъ Лазаревъ,—всѣ теперь столь же недовольны, сколь днесь желали россійскаго правленія».

Товары и жизненные припасы въ Грузіи вздорожали; курсъ золота чрезвычайно понизился, а серебра вовсе не стало. Всѣ вообще служащіе ощущали нужду, а въ особенности войска. Жалованье войскамъ производилось червонцами по курсу 4 р. 80 к. Червонецъ же въ Тифлисѣ упалъ до 13 абазовъ [4]), что составляло 2 р. 60 к. При всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ за червонецъ можно было получить только 4 р. Пока можно было мѣнять червонецъ на серебро, ропота еще не происходило, хотя каждый и терялъ не менѣе 80 к.; но когда размѣнъ червонцевъ

---

[1]) Изъ донесенія кн. Циціанова Государю Императору 13-го февраля 1804 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, ч. VI.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., изд. 1866 г., т. I, 398.

[3]) Записка Лофицкаго, поданная Императору Александру 30-го апрѣля 1806 г. Арх. Главн. Штаба въ С.-Петербургѣ.

[4]) Абазъ равняется 20 коп.

вовсе прекратился, тогда ропотъ послышался отовсюду. Солдатъ, имѣя надобность по большей части въ мелочныхъ вещахъ, не могъ ничего купить на рынкѣ, потому что у него, кромѣ червонца, ничего не было. Купцы сдачи не давали, а отобравъ проданный товаръ возвращали покупщику деньги. Гражданскіе чиновники получали жалованье серебромъ и потому находились въ лучшемъ нѣсколько положеніи. Впрочемъ, большая часть гражданскихъ чиновниковъ жалованья вовсе не получала со времени своего прибытія въ Грузію по октябрь мѣсяцъ. Правитель Грузіи назначилъ жалованье большей части чиновниковъ менѣе, чѣмъ они получали во внутреннихъ губерніяхъ Россіи на соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Не пользуясь кредитомъ, многіе изъ нихъ были доведены до такого состоянія, что не имѣли ни пищи, ни одежды, ни обуви. Снискивая себѣ пропитаніе продажею оставшагося имущества, чиновники переставали ходить въ должность. Къ тому же Коваленскій приказалъ выдавать жалованье не деньгами, а сукнами. Бѣдные чиновники считали себя счастливыми, если успѣвали продавать его за одну треть стоимости, и потому терпѣли крайнюю нужду во всемъ.

Всѣ суммы находились въ распоряженіи правителя Грузіи, который выдавалъ ихъ по своему произволу. Денежные сборы, поступавшіе въ приходъ, показывались по вѣдомостямъ безъ всякаго порядка. Въ статьяхъ писалось, что «столько-то денегъ въ число такой-то подати взысканы правителемъ Грузіи и зачтены имъ себѣ въ число жалованья» [1]). Изъ 10,000, суммы, назначенной на содержаніе канцелярскихъ служителей, былъ представленъ отчетъ, къ которому приложенъ безъименный списокъ съ простою оговоркою, «что чиновники сіи удовольствованы жалованьемъ по 1-е ноября, а нѣкоторые изъ нихъ и далѣе». Въ спискѣ между канцелярскими служителями были показаны такіе чиновники, которые употреблялись правителемъ для его собственныхъ услугъ, «а одинъ изъ нихъ нерѣдко бывалъ въ ливреѣ [2]).»

Въ казенной экспедиціи, со дня ея открытія, ни разу не происходило свидѣтельствованія денежныхъ суммъ. Казна хранилась

[1]) Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. дѣла Грузіи, ч. II, 271—276.
[2]) Слѣдственное дѣло надъ Коваленскимъ.

не въ экспедиціи, а на квартирѣ казначея и безъ всякаго караула. Уголовная экспедиція просила объ ассигнованіи и отпускѣ ей суммы, необходимой для расходовъ, но отпуска не послѣдовало. Не смотря на свои жалобы Коваленскому и Кнеррингу, уголовная экспедиція, со времени ея открытія, не имѣла ни вахмистра, ни сторожа, «и въ ней, какъ она доносила, не метутся и не топятся комнаты» [1]).

Всѣ деньги шли на удовлетвореніе прихотей правителя. Онъ отдѣлалъ себѣ квартиру, платилъ щедрое жалованье своимъ прислужникамъ и выводилъ его въ расходъ подъ скромнымъ обозначеніемъ—«на содержаніе караульныхъ для наблюденія за хищниками около Тифлиса», въ которомъ стояло нѣсколько баталіоновъ пѣхоты.

Крупныя злоупотребленія повели къ болѣе мелкимъ,—правителя обвиняли въ сдѣлкѣ съ самымъ богатымъ купцомъ въ Тифлисѣ, Бегтабековымъ, который былъ сдѣланъ губернскимъ казначеемъ. Бегтабековъ, еще во времена царей грузинскихъ, всегда монополизировалъ курсомъ въ Грузіи; теперь же, когда всѣ казенныя деньги были въ безотчетномъ его распоряженіи, онъ еще болѣе злоупотреблялъ ими. Въ домѣ Бегтабекова и правителя открыто размѣнивалась серебряная монета, собираемая съ жителей въ казенное вѣдомство. Въ небольшой промежутокъ времени своего правленія правитель нашелъ средство, чтобы скупить всю шерсть въ Грузіи, имѣя въ виду сбыть ее съ выгодою на строившуюся въ Тифлисѣ суконную фабрику.

Всѣмъ извѣстно было, что фабрика эта строится подъ именемъ казенной, на землѣ принадлежащей казнѣ, а между тѣмъ на постройку ея употребляется матеріалъ изъ стѣнъ бывшаго царскаго дворца, разореннаго въ послѣднее вторженіе въ Грузію Аги-Магометъ-хана и принадлежавшаго царевичу Давиду.

Царевичъ жаловался на произволъ правителя, на расхищеніе его собственности, но стѣны по прежнему ломали и строили изъ нихъ фабрику. Коваленскій отговаривался тѣмъ, что получилъ на то разрѣшеніе Кнорринга, и что будто стѣна дворца, стѣсняя

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., изд. 1866 г., т. I, 506.

улицу, угрожаетъ паденіемъ [1]). «Главнѣйшее то,—доносилъ Соколовъ [2]),—что правитель для употребленія въ хозяйственныя заведенія привезъ сюда мастеровыхъ людей иностранцевъ, которые, не получая отъ него платы по контрактамъ, скитаются здѣсь по міру. Люди сіи неоднократно являлись ко мнѣ съ неотступными просьбами оказать имъ помощь и избавить ихъ отсюда».

О приведеніи въ извѣстность доходовъ никто и не думалъ. Только въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1802 г., когда въ Грузію былъ назначенъ уже новый главнокомандующій, было предписано полицейскимъ чиновникамъ обратить на это вниманіе. До этого же времени дѣло шло какъ попало. Поступившіе въ оброчныя статьи два сада въ Тифлисѣ, принадлежавшіе царевичамъ Юлону и Александру, были отдаваемы на откупъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ предлагалъ за одинъ изъ нихъ дать 300 руб. откупной суммы. Коваленскій отказалъ графу и передалъ ихъ другому. По отчетамъ сады эти за полтора года принесли дохода 23 руб. 7 коп., тогда какъ опредѣленный къ нимъ смотритель получалъ жалованья по 300 руб. въ годъ.

Со времени учрежденія верховнаго грузинскаго правительства до 1803 года, оно имѣло только одиннадцать общихъ собраній. Дѣла поступали въ домашнюю канцелярію правителя и по девяти мѣсяцевъ оставались безъ всякаго исполненія. «Въ шестой день по пріѣздѣ моемъ сюда,—писалъ князь Симоновъ министру внутреннихъ дѣлъ,—посѣтилъ я присутственныя мѣста верховнаго грузинскаго правительства и въ исполнительной экспедиціи не нашелъ ни одного изъ присутствующихъ, кромѣ правящаго должность секретаря, который, вмѣсто настольнаго реестра, подалъ мнѣ приватную записку съ ложнымъ показаніемъ, что правитель Грузіи, прибывъ въ присутствіе 5-го числа, въ 8 часовъ пополуночи, слушали, и проч., когда, по собственному признанію секретаря, Коваленскій въ присутствіе не являлся...

«Въ казенной экспедиціи встрѣтилось такое же неустройство и совершенное бездѣйствіе, поелику всѣ дѣла по казенной части отъ предмѣстника моего также препоручены были правителю Гру-

[1]) Слѣд. дѣло надъ Коваленскимъ.

[2]) Кн. Куракину. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

зіи, коего домашняя канцелярія управляла, въ видѣ присутственныхъ мѣстъ, всѣми въ Грузіи дѣлами, съ самовластіемъ, какого и управляющій имѣть не можетъ [1]).»

«Однимъ словомъ,—писалъ князь Циціановъ въ другомъ донесеніи,—домъ г. Коваленскаго былъ верховнымъ мѣстомъ правительства, откуда разсылались повелѣнія, розыски, аресты и конфискаціи [2]).»

Злоупотребленія чиновниковъ доходили до крайнихъ предѣловъ. Грузія, избѣгая отъ ига многочисленной царской фамиліи, ея разорявшей, по свидѣтельству современника, получила тягчайшее для себя иго, наложенное родственниками Коваленскаго, которые занимали главнѣйшія мѣста въ правительствѣ [3]).

«Коваленскій угнетаетъ людей, къ Россіи приверженныхъ, состоя въ тѣсныхъ связяхъ съ фамиліею царскою, которая, покровительствуя участниковъ въ своихъ замыслахъ, ходатайствуетъ за нихъ у правителя». Исправники, объѣзжая деревни, запрещали крестьянамъ повиноваться и платить подати помѣщикамъ, говоря, что они поступили въ составъ государственныхъ крестьянъ, обязанныхъ податью только одной казнѣ, но это не мѣшало самимъ исправникамъ брать съ крестьянъ все, что только можно. Грузины должны были исполнять всѣ требованія ихъ безпрекословно, потому что въ нуждахъ своихъ не могли имѣть ни къ кому прибѣжища, «ибо, куда ни обратятся, вездѣ находятъ или родственниковъ Коваленскаго, или его приверженцевъ, или судей изъ князей и дворянъ, преданныхъ царской фамиліи, коими наполнилъ Коваленскій верховное правительство» [4]).

Грузины были вообще очень недовольны Коваленскимъ и его частными исполнителями, «коихъ большая часть состоитъ съ нимъ въ родствѣ или преданы по прежнимъ связямъ ему и которые естественно въ исполненіяхъ своихъ руководствуются его правилами и взысканій отъ него ни въ какомъ случаѣ опасаться не

---

[1]) Отнош. гр. Кочубею 10-го февраля 1803 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, по Деп. Общ. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 271—276.

[2]) Письмо его же гр. Кочубею 27-го февраля. Тамъ же.

[3]) Слѣдственное дѣло надъ Коваленскимъ.

[4]) Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 360—363.

могутъ. Глава сія или правитель въ управленіи высочайше ввѣренныхъ ему народовъ, какъ извѣстно, занявшись болѣе спекуляціями о своихъ выгодахъ обширнѣйшими, повидимому, болѣе прилагая попеченій о сохраненіи оныхъ, нежели благоденствія народнаго, возъимѣлъ еще ложную и вредную политику сѣять въ народѣ ненависть къ храброму воинству россійскому, спасающему и сохраняющему оный отъ враговъ, разными подущеніями черезъ исправниковъ. Привлекаетъ къ себѣ умы не оказаніемъ правосудія, но обольщеніями, имѣя, можетъ быть, въ виду, стяжаніе наградъ на счетъ слабостей и легкомыслія необразованнаго сего народа. И наконецъ, озлобивши народъ и поселивши въономъ единодушный ропотъ и вопль на правительство, вовлекъ его въ заблужденіе и, такъ сказать, вынудилъ, чтобъ народъ принималъ дѣйствіе за причину [1]).»

Правило, изложенное въ инструкціи управѣ земской полиціи, чтобы никто не смѣлъ отяготщать народъ никакими поборами, кромѣ установленныхъ [2]), съ самаго начала не исполнялось. Точно также не исполнялось и то постановленіе, по которому члены земской полиціи обязаны были, для производства слѣдствія, отправляться на мѣсто происшествія, для того, чтобы не отрывать жителей отъ ихъ работъ. Напротивъ того, по одному только подозрѣнію жителей хватали, связывали назадъ руки, накидывали на шею петлю и какъ уголовныхъ преступниковъ отводили пѣшкомъ за 50 верстъ и далѣе. Чиновники и офицеры силою увозили женщинъ и дѣвицъ изъ селеній и насиловали ихъ.

Общее ослабленіе и настоятельность тамошняго правленія все болѣе и болѣе обнаруживались [3]). Грузины съ каждымъ днемъ терпѣли бо̀льшія притѣсненія. Военные начальники вмѣшивались во внутреннее управленіе страны. Самовольно, по своимъ прихотямъ, дѣлали нарядъ подводъ и лошадей; при проѣздахъ не пла-

---

[1]) Изъ донес. Соколова 20-го января 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—5, 1802—3, № 1.

[2]) Акты Кавк. Арх. Комм., изд. 1866 г., т. I, 451.

[3]) Неизвѣстный авторъ писемъ съ Кавказа («Русскій Вѣст.» 1865, № 10, стр. 713) хотя и говоритъ, что при Коваленскомъ формы правленія были проще, «расходы меньше и вмѣстѣ съ тѣмъ меньше запутанности въ дѣлахъ», но съ нимъ, къ сожалѣнію, нельзя согласиться.

тили прогоновъ, допускали похищеніе у жителей «скота, живности, плодовъ и прочаго». Лазаревъ долженъ былъ написать строгій приказъ и объявить войскамъ, что виновные въ оскорбленіяхъ и насиліяхъ жителямъ подвергнутся примѣрному наказанію [1]).

Положеніе страны было неестественное. Народъ былъ крайне недоволенъ и жаловался «на многочисленность мелкихъ чиновниковъ, снѣдающихъ жалованьемъ своимъ доходы здѣшніе». Простой народъ терпѣлъ разореніе, преданные намъ князья были недовольны тѣмъ, что остались не только ненагражденными, но даже лишились тѣхъ отличій и доходовъ, которые по мѣстамъ своимъ имѣли. Напротивъ того, многіе «изъ противниковъ россійскихъ награждены или отличіями, или жалованьемъ» [2]), но награды не привязали ихъ къ русскому правительству, а усилили лишь одно исканіе въ лицѣ правителя.

Всеобщій ропотъ грузинъ достигъ до Петербурга и Императора Александра. Воспользовавшись отправленіемъ въ Имеретію изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ коллежскаго совѣтника Соколова, петербургскій кабинетъ поручилъ ему ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи и доставить свои замѣчанія въ Петербургъ. Въ особой секретной инструкціи Соколову поручалось [3]): «по поводу слуховъ, сюда доходящихъ, о неудовольствіяхъ и ропотѣ народа грузинскаго, а особенно тамошняго дворянства *на тѣхъ особъ*, коимъ высочайше поручено привесть въ дѣйство нынѣшнее образованіе сего къ Россійской Имперіи присоединеннаго царства, нужно, чтобъ вы тщательнѣйше обратили вниманіе на все, что тамъ происходитъ». Соколову вмѣнено въ обязанность доносить обо всемъ подробно и «вести журналъ или дневныя записки».

Не зная о порученіи, данномъ Соколову, но видя въ немъ лишній и опасный для себя глазъ, Коваленскій совѣтовалъ ему ѣхать какъ можно скорѣе въ Имеретію и оттуда, не заѣзжая въ Грузію, прямо на Кавказскую линію. «Краткость времени,—писалъ Коваленскій Соколову [4]),—не позволяетъ мнѣ объяснить вамъ

---

[1]) Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, 412, № 516.

[2]) Письмо графа Мусина-Пушкина Трощинскому 20-го августа 1082 г., № 61. Тамъ же, стр. 398, № 502.

[3]) Секретная инструкція Соколову. См. приложеніе № 1.

[4]) Въ письмѣ отъ 30-го іюля 1802 г. Арх. Мин. Ин. Д., 1—5, 1802—3 гг., № 1.

вдаль обстоятельства здѣшнія, но извлекаю изъ оныхъ то, что къ вамъ можетъ относиться. *Я бы совѣтовалъ вамъ ѣхать прямою дорогою при возвратномъ вашемъ пути* [1]). Внутреннее положеніе дѣлъ въ Грузіи, хотя и поколебалось нѣсколько въ Кахетіи, но сіе не есть тому совѣту поводъ, *а пресѣченіе коммуникаціи съ Кавказскою линіею,* возбужденіемъ противъ насъ осетинъ, по прямой отсель дорогѣ живущихъ, есть главная причина, что нельзя, кажется, безопасно вамъ проѣхать отсюда.»

Получивъ это письмо, Соколовъ повѣрилъ словамъ Коваленскаго и, не заѣзжая въ Грузію, отправился прямо въ Имеретію.

XXIII.

Происшествія въ Имеретіи до вступленія на престолъ Соломона II.—Бѣгство вдовствующей царицы Анны и спасеніе ея нашими войсками.—Прибытіе ея въ С.-Петербургъ.—Просьба Анны объ освобожденіи изъ заключенія сына ея царевича Константина. — Посылка Соколова въ Имеретію. — Переговоры его по этому дѣлу съ царемъ имеретинскимъ и несогласіе послѣдняго освободить царевича. — Отъѣздъ Соколова въ Тифлисъ.

Царство Имеретинское, со времени отдѣленія своего отъ Грузіи, весьма долгое время находилось подъ властью Турціи. Владычество турокъ продолжалось до вступленія на имеретинскій престолъ царя Соломона I, когда, въ 1768 году, началась война Россіи съ Турціею. Отправленный тогда въ Закавказье корпусъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ графа Тотлебена, дѣйствовалъ преимущественно въ Имеретіи и Мингреліи. При содѣйствіи русскихъ земли эти освобождены отъ турецкаго владычества, и Имеретія возвращена была законному царю ея Соломону I, прозванному впослѣдствіи великимъ, а до того времени укрывавшемуся въ горахъ отъ преслѣдованія турокъ.

Турки, знавшіе силу характера Соломона и опасавшіеся возраставшаго его могущества, возмутили противъ него собственныхъ его подданныхъ, возставшихъ подъ предводительствомъ могущественнаго и сильнаго тогда эристава Рачи (или верхней Имеретіи),

[1]) Какъ эта, такъ и слѣдующая фраза подчеркнуты въ подлинникѣ.

и поставили царемъ двоюроднаго брата его Теймураза. Изгнанный Соломонъ долженъ былъ, съ немногими лицами, ему преданными, скитаться по лѣсамъ «и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ Пасху, что даже не имѣлъ при себѣ священника для возглашенія радостныхъ гимновъ воскресенія. Благочестивый царь торжествовалъ, однако, какъ могъ, великій день сей; на столѣтнемъ дубѣ вырѣзалъ онъ знаменіе креста и съ малымъ числомъ вѣрныхъ трижды обошелъ освященное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ». Съ помощію русскихъ войскъ отразивъ турокъ, царь Соломонъ I, по общему совѣту съ союзниками, взорвалъ на воздухъ верхній городъ Кутаиса и всѣ главные замки, чтобы не дать возможности туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Отразивъ давнишнихъ своихъ враговъ и закоснѣлыхъ хищниковъ лезгинъ близъ Сурама, онъ не успѣлъ, однако же, упрочить начатое имъ устройство и благосостояніе своей земли.

Соломонъ I имѣлъ только одного сына Александра, который скончался ранѣе отца.

По словамъ современниковъ имеретинъ, Александръ былъ красавецъ собой, отличный товарищъ и на войнѣ, и на охотѣ, храбрый въ бояхъ и ловкій въ обществѣ дамъ, которыхъ побѣждалъ своею красотою. Однажды во время скачки онъ замѣтилъ «небеснолазоревый взглядъ» одной красавицы, роскошныя формы которой дышали полною вольною жизнію.

— Что это за красавица?—спросилъ царевичъ одного изъ приближенныхъ,—я подобной не видывалъ.

— Мудрено и видѣть,—отвѣчалъ тотъ,—это утренняя роса, которая на минуту показывается только одному солнцу и то для того, чтобы отразиться въ тысячахъ бриллiантовыхъ переливахъ.

Царевичъ хотѣлъ взглянуть еще разъ на красавицу, но ея уже не было: вскочивъ на коня, она исчезла въ толпѣ всадниковъ и всадницъ. Александръ бросился въ ту же сторону. Преслѣдованія ее оказались напрасны—красавица исчезла для него безвозвратно. Прошелъ годъ, въ теченіе котораго Александръ безпрерывно искалъ свою красавицу, но, не найдя ея сталъ задумчивъ

и угрюмъ. Печаль царевича не укрылась отъ родителей; отецъ и мать рѣшили тогда женить сына.

— Но гдѣ же отыскать ему невѣдомую?—спрашивала мать.

— Собрать всѣхъ княженъ,—отвѣчалъ отецъ,—можетъ быть въ числѣ ихъ онъ увидитъ свою таинственную красавицу.

Созваны были на царскій обѣдъ всѣ княгини и княжны, но между ними не было той, о которой мечталъ царевичъ. Онъ сталъ еще задумчивѣе: ни горы, ни воздухъ, ни колдовство и гаданіе надъ нимъ ничто не облегчало его страданій. Такъ прошелъ еще годъ. Скитаясь по горамъ и лѣсамъ, Александръ однажды сидѣлъ на берегу рѣки Сулари и замѣтилъ, какъ на противоположной сторонѣ рѣки мелькнуло какое-то бѣлое существо и стало быстро подыматься въ гору. Сердце царевича замерло; онъ перебѣжалъ по мостику черезъ рѣку и въ мигъ догналъ уходившую; на вершинѣ горы они встрѣтились—то была его голубоокая красавица.

«Оба мы остановились въ какомъ-то онѣмѣніи,—говорилъ царевичъ,—ни я ей, ни она мнѣ ни одного привѣтственнаго слова. Не могу сказать, долго ли мы пробыли въ такомъ положеніи, какъ вдругъ между нами явилось третье существо—это братъ ея.

— Луарсабъ, братъ—вскричали мы. То былъ Жгенти, родной братъ красавицы Маріамы. Всѣ трое отправились въ саклю родителей дѣвушки, гдѣ среди угощеній Александръ провелъ весь день.

Въ полночь царевичъ осѣдлалъ коня, схватилъ свою красавицу, переплылъ Квирилу и, явившись въ Генгути, обручился съ нею еще задолго до восхожденія солнца.

Съ тѣхъ поръ царевичъ былъ веселъ, счастливъ и, рѣдко показываясь ко двору, проводилъ все время со своею очаровательною Маріамою. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Ожиданіе на свѣтъ третьяго существа заботило царевича, онъ сталъ опять задумчивъ и скученъ и, наконецъ, рѣшился признаться матери, что онъ готовится быть отцомъ. Царица рѣшила хранить эту тайну до времени отъ отца; она навѣщала подругу своего сына и приняла отъ купели новорожденнаго, которому и дано было имя Георгій.

Соломонъ между тѣмъ настаивалъ, чтобы Александръ женился; сынъ отказывался, и скоро отецъ провѣдалъ о причинѣ отказа. Онъ объявилъ, что проклянетъ сына, если онъ не броситъ своей подруги, любовницы. Послѣ долгихъ испытаній, Александръ уступилъ приказанію и рѣшился жениться. Маріама не вынесла этого; она скончалась, передавъ на руки царицѣ своего сына Георгія. Александръ женился, но впослѣдствіи, по безплодности своей жены и по настоянію того же отца, долженъ былъ развестись съ нею и жениться вторично на семилѣтней дочери князя Цилукидзе. Послѣдняя не успѣла раздѣлить брачнаго ложа съ разбитымъ и разстроеннымъ нравственно и физически Александромъ. Онъ скончался ранѣе ея совершеннолѣтія. На попеченіи Соломона I и его жены остался только одинъ незаконнорожденный внукъ Георгій [1])...

По духовному завѣщанію Соломона I наслѣдникомъ имеретинскаго престола оставался малолѣтній царевичъ Давидъ [2]), сынъ Арчила, брата Соломона I. До его совершеннолѣтія князья имеретинскіе поручили временное управленіе страною Давиду, двоюродному брату покойнаго царя, съ присвоеніемъ ему царскаго титула.

Давидъ былъ женатъ на грузинской княжнѣ Аннѣ, изъ дома Орбеліани [3]).

Оставшись послѣ смерти отца малолѣтнею, Анна воспитывалась въ домѣ царя Ираклія II и, по достиженіи совершеннолѣтія, вышла замужъ за Давида [4]).

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ избранія, Давидъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о сохраненіи цѣлости государства и его благосостоянія и продолжать начатое Соломономъ I, заботился только о томъ, какъ бы упрочить престолъ за собою. Онъ началъ

---

[1]) Селеніе Мухури. В. Цвѣткова «Кавк.» 1851 г., № 37.

[2]) Впослѣдствіи царствовавшій въ Имеретіи подъ именемъ Соломона II.

[3]) Анна была внучка сестры Ираклія II, Анны Теймуразовны, которая была въ замужествѣ за княземъ Дмитріемъ Орбеліани, у которыхъ былъ сынъ Матвѣй Орбеліани. Матвѣй, женившись на Маріи, дочери Ксанскаго Эристова Георгія, имѣлъ сына Томаса Орбеліани, бывшаго ешкив-агибашемъ, и дочь Анну, впослѣдствіи имеретинскую царицу.

[4]) Письмо Анны Кноррингу 28-го декабря 1801 г. Георгіев. Арх. Ком. Прав.

съ того, что разогналъ и удалилъ отъ должностей князей и вельможъ, отличавшихся приверженностію къ покойному царю и его наслѣднику. Не довольствуясь однимъ только удаленіемъ нѣкоторыхъ лицъ, онъ сталъ ихъ преслѣдовать и тѣмъ заставилъ многихъ удалиться за предѣлы своего царства. Думая упрочить за собою престолъ такими дѣйствіями, Давидъ не зналъ, что въ этомъ-то и кроется его собственная погибель. Законный наслѣдникъ престола, царевичъ Давидъ, также удалился въ Грузію къ царю Ираклію, который и воспитывалъ его въ Тифлисѣ.

Изгнанные изъ Имеретіи князья просили царя Ираклія избавить ихъ отъ насильствъ Давида и возвести на престолъ законнаго наслѣдника, пришедшаго уже почти въ совершенныя лѣта. Сторону ихъ приняла и царица Дарья, нелюбившая имеретинскаго царя и хлопотавшаго о возведеніи на престолъ своего внука, царевича Давида, сына Арчилова [1]). Внукъ царя Ираклія II, грузинскій царевичъ Давидъ Георгіевичъ, былъ отправленъ съ войскомъ въ Имеретію. Взявъ съ собою и наслѣдника имеретинскаго престола, Давидъ Георгіевичъ, прійдя въ Карталинію, отправилъ его оттуда черезъ Рачинскія горы въ Одиши,—владѣніе, принадлежавшее князю Дадіану мингрельскому, находившемуся во враждѣ съ правителемъ имеретинскимъ. Въ Одиши наслѣдникъ, соединившись съ Дадіаномъ и другими князьями, оставившими Имеретію, двинулся противъ Давида со стороны Одиши, въ то самое время когда грузинскія войска подошли къ имеретинской границѣ со стороны Карталиніи. Узнавъ объ этомъ движеніи, Давидъ собралъ наскоро войско и, не надѣясь на своихъ имеретинцевъ, просилъ помощи паши ахалцыхскаго, обѣщая ему, въ случаѣ успѣха и удержанія за собою престола, не только уступить во владѣніе Порты многія мѣста и крѣпости, но и отдать имъ церкви христіанскія для обращенія въ мечети. Залогомъ своихъ обѣщаній Давидъ послалъ къ ахалцыхскому пашѣ шестнадцать человѣкъ дѣтей первѣйшихъ князей имеретинскихъ. Узнавъ о поступкахъ своего правителя, имеретинцы единогласно стали требовать отнятія правленія у Да-

[1]) Письмо царицы Анны генералу Кноррингу 28-го декабря 1801 г. Георгіев. Арх. Комендантск. Правленія.

*

вида и возведенія на престолъ законнаго наслѣдника, сына Арчилова.

Давидъ, утратившій всякое расположеніе къ себѣ народа, угрожаемый силами царя Ираклія и уже потерявшій сраженіе съ войсками Дадіана мингрельскаго, бѣжалъ въ Ахалцыхъ. Распродавъ тамъ дѣтей, посланныхъ заложниками, собравъ ополченіе изъ турокъ и лезгинъ, онъ успѣлъ выхлопотать себѣ помощь и у паши, всегда готоваго на вторженіе и разореніе Имеретіи. Три раза онъ вторгался въ страну и всякій разъ былъ отражаемъ, хотя и съ большимъ ущербомъ для имеретинцевъ. Турки и лезгины захватывали въ плѣнъ мирныхъ жителей и потомъ распродавали ихъ на азіятскихъ рынкахъ. Число захваченныхъ простиралось до весьма значительной цифры [1]). Имеретинцы съ твердостію и стойкостію переносили постигшее ихъ бѣдствіе. При третьемъ вторженіи непріятелей, они успѣли захватить въ плѣнъ самого Давида.

Страшась истязаній за бѣдствіе, причиненное странѣ, Давидъ принесъ передъ народомъ покаяніе и далъ клятву впредь ничего не предпринимать ко вреду Имеретинскаго царства. Заступничество грузинскаго царя Ираклія сохранило жизнь Давиду; онъ былъ призванъ въ Тифлисъ и оставленъ тамъ подъ простымъ именемъ имеретинскаго царевича Давида [2]).

На имеретинскій же престолъ былъ возведенъ Давидъ, сынъ Арчила, брата Соломона I, подъ именемъ Соломона II.

Царь Ираклій просилъ Соломона II простить Давида и дать ему нѣсколько деревень въ Имеретіи, а съ своей стороны далъ ему 1,200 руб. ежегодной пенсіи [3]). Соломонъ II исполнилъ просьбу Ираклія, и Давидъ скоро былъ отпущенъ изъ Тифлиса на жительство во вновь пожалованныя ему деревни.

Между тѣмъ, туркамъ былъ весьма непріятенъ такой исходъ дѣла и то, что Давидъ такъ легко и скоро отрекся отъ престола. Подъ предлогомъ возстановленія Давида, Сулейманъ-паша ахал-

---

[1]) По показаніямъ самихъ имеретинцевъ, число это простиралось до 17,000 человѣкъ. См. донесеніе Соколова къ князю Куракину 30-го августа 1802 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—5, 1802—1803 гг., № 1.

[2]) Жизнь царя Ираклія, рукопись, хранящаяся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

[3]) Тамъ же.

цыхскій, по приказанію Порты, двинулъ войска въ Карталинію. Тотъ же царевичъ Давидъ Георгіевичъ былъ отправленъ Иракліемъ съ войсками противъ турокъ. Думая отвлечь ихъ отъ вторженія въ Имеретію, онъ сдѣлалъ нападеніе на Ахалкалакъ. Турки не обратили, однако же, вниманіе на дѣйствія грузинскихъ войскъ противъ Ахалкалака и продолжали двигаться къ границамъ Карталиніи. Тогда царевичъ двинулся изъ Ахалкалака къ Карсу, встрѣтился съ турецкими войсками подъ начальствомъ Магомедъ-паши и разбилъ его совершенно. Турки атаковали потомъ урочище Карагачъ, но и тамъ были отбиты.

Неудачное дѣйствіе заставило Сулейманъ-пашу искать успѣха въ своихъ предпріятіяхъ съ другой стороны. Онъ сталъ подговаривать Давида, жившаго тогда въ Имеретіи, и обѣщалъ возвести его вторично на престолъ имеретинскій. Начатая переписка между Давидомъ и Сулейманъ-пашою была перехвачена; Давидъ уличенъ и самъ во всемъ сознался. Онъ снова не только вторично поклялся жить спокойно и не предпринимать ничего, но «имѣя въ одной рукѣ Спасителя крестъ, а другой Евангеліе, отдалъ царю Соломону II малолѣтняго сына своего Константина въ залогъ, съ тѣмъ, что предоставляетъ его на жертву за пролитую кровь имеретинцевъ, если предприметъ какое-либо вредное намѣреніе противъ царства».

Избѣжавъ на этотъ разъ заслуженнаго наказанія и пожертвовавъ сыномъ и семействомъ, Давидъ вслѣдъ затѣмъ бѣжалъ въ Ахалцыхъ. Сулейманъ-паша принялъ его съ торжествомъ и почестями, отдаваемыми законному царю. Онъ тотчасъ же далъ Давиду войско, съ которымъ тотъ и вторгнулся въ Имеретію, разбилъ высланныя противъ него имеретинскія войска и заставилъ Соломона II бѣжать на границу Грузіи въ мѣстечко Сачхеры. При помощи турецкихъ войскъ Давидъ провозгласилъ себя вторично царемъ имеретинскимъ, собралъ войско изъ имеретинъ и двинулся на границы Грузіи, гдѣ и встрѣтился съ грузинскими войсками, бывшими подъ начальствомъ внука Ираклія, царевича Ивана Георгіевича. Имѣя въ своемъ распоряженіи тысячу человѣкъ и два орудія, Иванъ Георгіевичъ смѣло встрѣтилъ Давида и его 8,000

войско, разбилъ его и заставилъ вторично бѣжать въ Ахалцыхъ [1]).

Набравъ тамъ новое войско, Давидъ опять вторгнулся въ Иметію, но былъ разбитъ царевичемъ Александромъ, сыномъ Ираклія, посланнымъ на помощь по просьбѣ царя Соломона. Грузины преслѣдовали остатки Давидова ополченія до самыхъ границъ Ахалцыхскаго пашалыка, куда они и ушли вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, вскорѣ заболѣвшимъ оспою и умершимъ.

Завладѣвъ такимъ образомъ при помощи грузинскаго войска имеретинскимъ престоломъ и заставивъ Давида удалиться въ Турцію, Соломонъ II сначала не считалъ, однако же, для себя опасною супругу Давида, царицу Анну, и дозволилъ ей оставаться въ Имеретіи съ тремя дочерьми и малолѣтнимъ ея сыномъ Константиномъ. Она поселилась на границѣ Грузіи и Имеретіи въ деревняхъ Хепенисъ, Хевисъ и Хеоба, подаренныхъ ей Иракліемъ II, ея дѣдомъ.

Впослѣдствіи, опасаясь происковъ со стороны царицы и ея сына, Соломонъ II приказалъ схватить трехлѣтняго ребенка и заключить его въ башню крѣпости Мухури, а несчастную мать лишить жизни. Лишившись сына, царица Анна успѣла, однако же, бѣжать. Лѣтомъ 1801 года Соломонъ II отправилъ войско съ приказаніемъ отыскать царицу и овладѣть ея деревнями [2]). Долго скрываясь въ непроходимыхъ горахъ и лѣсахъ, царица Анна рѣшилась, наконецъ, прибѣгнуть къ покровительству командира роты Кавказскаго гренадерскаго полка, стоявшей на границѣ Имеретіи и Грузіи, въ мѣстечкѣ Сурамѣ. Отправивъ къ нему письмо, Анна просила спасти ей жизнь.

Письмо это представлено было командиру полка генералъ-маіору Тучкову, а имъ показано Лазареву, командовавшему войсками въ Грузіи. Лазаревъ не рѣшился самъ собою дать разрѣшеніе принять несчастную царицу подъ защиту русскаго правительства и думалъ сдѣлать представленіе тогдашнему главнокомандующему генералъ-лейтенанту Кноррингу. Такая медленность рѣшенія могла быть

---

[1]) Жизнь царя Ираклія. Арх. Главн. Штаба (рукопись).

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 25-го сентября 1801 года. — Всеподд. просьба царицы 22-го сентября 1801 г.

весьма пагубна для царицы Анны, которая каждую минуту должна была ожидать, что ее отыщутъ и предадутъ въ руки Соломона. Желая помочь царицѣ, необходимо было дѣйствовать рѣшительно и немедленно.

Получивъ неудовлетворительный отвѣтъ Лазарева, Тучковъ принялъ всю отвѣтственность на себя. Подъ предлогомъ осмотра полка своего онъ отправился въ Гори и Сурамъ. Въ Сурамѣ онъ условился о мѣрахъ къ спасенію царицы. Присланный отъ нея къ нашимъ аванпостамъ зналъ и указалъ мѣсто, гдѣ скрывалась царица Анна. Мѣсто это оказалось неподалеку отъ того пункта гдѣ стоялъ казачій постъ. Извѣстя начальника казаковъ о мнимомъ нападеніи, предполагаемомъ будто бы лезгинами на его постъ, Тучковъ послалъ въ подкрѣпленіе 50 человѣкъ гренадеръ съ офицеромъ и приказалъ ему, какъ старшему, принять начальство надъ постомъ.

Увѣдомивъ о томъ царицу, Тучковъ посланнаго отъ нея служителя оставилъ при офицерѣ.

«Въ одну темную ночь,—пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ [1]),—велѣно было мною сдѣлать ложную тревогу, и подъ предлогомъ преслѣдованія лезгинъ, гренадеры бросились въ лѣсъ при барабанномъ боѣ. Это было условленнымъ знакомъ для царицы, и она явилась въ отрядъ, бѣжавъ къ сторонѣ слышаннаго ею шума. Офицеръ принялъ ее и препроводилъ на другой день въ Сурамъ, а я послалъ донесеніе Лазареву и главнокомандующему, что, во время случившейся тревоги и преслѣдованія непріятельской партіи, гренадеры моего полка, встрѣтивъ въ лѣсу царицу, искавшую спасенія, защитили ее и препроводили на свой постъ. Кноррингъ, одобривъ поступокъ сей, донесъ Государю и испросилъ повелѣніе препроводить царицу съ почестію въ Тифлисъ и дать ей приличное званію содержаніе».

Покончивъ съ Константиномъ, Соломонъ, изъ того же опасенія, приказалъ схватить и Георгія Александровича.

Воспитанный при дворѣ, сынъ тайной любви, Георгій отличался ловкостію, храбростію, предпріимчивостію и щедростію; качества эти пріобрѣли ему скоро приверженность народа. Женившись на

[1]) Записки Тучкова, стр. 124 (рукоп.). Арх. Глав. Штаба въ С.-Петербургѣ.

гурійской княжнѣ Эристовой, бывшей въ родствѣ съ мингрельскими и абхазскими владѣтельными домами, Георгій пріобрѣлъ себѣ значеніе и между имеретинскими князьями, которые называли его не иначе, какъ *Батоно-швили*, титулъ, даваемый князьямъ царской крови.

Къ чести его надо приписать удаленіе отъ двора и нежеланіе вмѣшиваться ни въ какія дѣла; онъ просилъ не вводить его ни въ какія исторіи и придворныя интриги: говорилъ, что не имѣетъ права соперничать съ царемъ и ничего отъ него не требуетъ.

Соломонъ II подозрѣвалъ, однако же, въ этомъ хитрость и заднія мысли. Георгій наслаждался семейною жизнію, съ радостію праздновалъ рожденіе первенца, сына своего Александра, а Соломону наговорили, что Георгій сына своего назвалъ именемъ дѣда для того только, чтобы пріобрѣсти вліяніе въ народѣ.

Царь пригласилъ однажды Георгія въ Аджаметскій лѣсъ на охоту, измѣннически схватилъ его и отправилъ въ Мухурскій за̀мокъ въ заключеніе.

Такимъ образомъ, въ Мухурскомъ замкѣ явилось два узника: Константинъ и Георгій. Заключенные были подъ строгимъ присмотромъ: имъ дозволялось прогуливаться только около за̀мка и имѣть Константину голубей для забавы, а Георгію сокола для охоты [1]).

Между тѣмъ царица Анна отправилась изъ Тифлиса въ Петербургъ, гдѣ и обратилась съ просьбою къ Императору Александру I объ освобожденіи малолѣтняго сына ея Константина изъ крѣпости Мухури.

По высочайшему повелѣнію посланъ былъ въ Имеретію коллежскій совѣтникъ Соколовъ, съ порученіемъ убѣдить царя Соломона освободить царевича изъ заключенія и отпустить его въ С.-Петербургъ.

Получивъ подробную инструкцію относительно своихъ дѣйствій, Соколовъ получилъ и грамоту на имя имеретинскаго царя. Императоръ Александръ писалъ въ ней Соломону [2]), что, узнавъ

---

[1]) Селеніе Мухури, В. Цвѣткова. «Кавк.» 1851 г., № 40.

[2]) Грамота Соломону 15-го мая 1802 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—5, 1802 г., № 1.

о цѣли, съ которою присланъ Соколовъ, не сомнѣвается въ томъ, что имеретинскій царь исполнитъ просьбу русскаго Императора, сколько по человѣколюбію и единовѣрію, столько же и «по сосѣдственной доброй дружбѣ».

28-го іюня 1802 г. Соколовъ пріѣхалъ въ г. Моздокъ, и получивъ отъ тамошняго коменданта въ прикрытіе 90 человѣкъ казаковъ, 30-го числа онъ выѣхалъ далѣе. Употребивъ восемь дней на проѣздъ черезъ черныя и снѣговыя горы, Соколовъ достигъ, 8-го іюля, до первой имеретинской деревни *Геби*. Здѣсь ожидалъ уже посланный отъ имеретинскаго князя Джефаридзе, для дальнѣйшаго его сопровожденія въ пути. Самъ царь Соломонъ находился отъ деревни Геби въ разстояніи трехъ дней верховой ѣзды. Нескоро, однако же, удалось Соколову проѣхать столь небольшое разстояніе. Какъ ни торопился онъ, все-таки могъ достать лошадей только черезъ два дня послѣ прибытія своего въ Геби. Въ сумерки 10-го іюля онъ достигъ до села князя Джефаридзе, гдѣ хозяинъ предложилъ ему переночевать.

Отсюда Соколовъ хотѣлъ отправить впередъ бывшаго при немъ коллежскаго ассесора Яковлева съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи и испрошеніемъ себѣ аудіенціи. Князь Джефаридзе отсовѣтовалъ Соколову эту посылку, говоря, что онъ по должности моурава самъ послалъ увѣдомленіе царю о прибытіи русскихъ чиновниковъ и приглашалъ ихъ переѣхать въ г. Калакъ, отстоявшій отъ его села часа на два пути. Здѣсь моуравъ просилъ подождать возвращенія своего посланнаго съ отвѣтомъ царя и извинялся, что для дальнѣйшаго пути онъ не можетъ дать лошадей, которыя будто бы изъ селеній на все лѣто угнаны въ горы для пастьбы.

Прибывъ въ Калакъ, 11-го іюля, Соколовъ узналъ, что царь Соломонъ намѣренъ на слѣдующій день самъ пріѣхать въ этотъ городъ и здѣсь имѣть свиданіе съ русскимъ посланнымъ. Князь Джефаридзе сообщилъ при этомъ, что если какія нибудь обстоятельства не дозволятъ Соломону пріѣхать въ Калакъ, то царь приказалъ пригласить Соколова въ деревню Хонцкари, гдѣ самъ находился.

На слѣдующій день ожидали, но тщетно, прибытія царскаго въ Калакъ, и когда на другое утро Соколовъ готовъ уже былъ къ

отъѣзду въ Хонцкари, то былъ опять остановленъ княземъ Джефаридзе, просившемъ его обождать. Пять дней прошло въ такомъ ожиданіи. Нѣсколько разъ посланный просилъ моурава отправить его далѣе, но князь Джефаридзе постоянно его задерживалъ и просилъ обождать, приводя въ оправданіе то, что нѣкоторыя домашнія безпокойства препятствуютъ царю принять русскаго посланнаго. Онъ увѣрялъ при этомъ, что самъ Соломонъ извиняется, и очень огорченъ тѣмъ, что вынужденъ откладывать свиданіе.

Пробывъ въ Калакахъ до 16-го числа, Соколовъ просилъ князя Джепаридзе сказать ему откровенно, почему имеретинскій царь такъ долго не допускаетъ его къ себѣ.

— Царь,—отвѣчалъ на это князь Джефаридзе,—находится дѣйствительно въ деревнѣ Хонцкари, разстояніемъ не болѣе какъ на 16 часовъ верховой ѣзды отъ Калака. Онъ прибылъ туда по случаю войны, которую ведетъ съ Дадіаномъ (мингрельскимъ). По худому до сихъ поръ успѣху этой войны, царь находится въ безпокойствѣ и боязни, чтобы Дадіанъ не сдѣлалъ ему сильнаго пораженія и въ особенности, чтобы вы не были тому свидѣтелемъ. Конечно, продолжалъ князь Джефаридзе, царь, по молодости своей и неопытности, поступаетъ весьма неблагоразумно, откладывая такъ долго свиданіе съ вами.

Дѣйствительная причина, почему царь Соломонъ такъ долго откладывалъ свиданіе свое съ Соколовымъ была та, что, завладѣвъ уже многими селеніями Лечгумской области, Соломонъ торопился утвердить тамъ власть свою. Онъ занимался теперь приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность себѣ новопокоренныхъ князей и дворянъ, опасаясь всякаго промедленія въ этомъ, потому что они, услышавъ о пріѣздѣ русскаго чиновника, не возъимѣли бы на него какой-нибудь надежды въ свою пользу. Опасенія свои Соломонъ могъ полагать основательными, во-первыхъ, потому, что самъ не зналъ о цѣли присылки Соколова, а во-вторыхъ и потому, что всей Имеретіи было извѣстно, что Дадіанъ мингрельскій, со всѣми подвластными ему областями давно ищетъ покровительства русскаго Императора. Неизвѣстность содержанія грамоты, привезенной Соколовымъ, особенно безпокоила имеретинскаго царя. Нѣсколько разъ писалъ онъ къ князю Джефаридзе, прося его разузнать у

Соколова о ея содержаніи, но тотъ, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ удовлетворить любопытству Соломона. Царю надобно было безъ всякаго предварительнаго приготовленія рѣшиться принять русскаго посланнаго и стать лицомъ къ лицу, не зная, чего отъ него потребуютъ. Съ одной стороны, откладывая долѣе свиданіе, Соломонъ боялся навлечь неудовольствіе русскаго Императора; съ другой, царь, по своему характеру, не рѣшался назначить дня пріема. Онъ положилъ предоставить все это обстоятельствамъ и времени...

16-го іюля, наконецъ, по приглашенію моурава, Соколовъ выѣхалъ изъ Калака, съ тѣмъ, чтобы подвинуться ближе къ мѣсту пребыванія царя въ деревню Сухово, въ которую Соломонъ хотѣлъ самъ пріѣхать на слѣдующій день. Вмѣсто деревни Сухово, его привезли въ деревню Бари, недалеко отъ первой лежащую. Видя, что и тутъ обманутъ, Соколовъ объявилъ моураву рѣшительно, что если Яковлеву не дадутъ проводника и лошадей и не допустятъ до царя съ извѣстіемъ о прибытіи посланныхъ отъ русскаго правительства, то, не смотря ни на какія опасности и преграды, отправитъ его пѣшкомъ. Князь Джефаридзе отклонялъ отъ такого намѣренія, увѣряя, что въ непродолжительномъ времени они будутъ допущены къ Соломону. Соколовъ, не довольствуясь теперь такими увѣреніями, настаивалъ на томъ, чтобы Яковлевъ ѣхалъ на другой же день. Моуравъ обѣщалъ дать лошадей и объявилъ, что проводникомъ Яковлеву дастъ роднаго своего брата.

«Притомъ,—пишетъ Соколовъ [1],—просилъ меня униженнѣйше, чтобы я спасъ его отъ мщенія царскаго, въ разсужденіи того, чтобы онъ, имѣя точное повелѣніе его высочества, меня удержалъ въ сей деревнѣ до востребованія, не былъ обвиненъ въ неисполненіи онаго доставленіемъ мнѣ сихъ вспоможеній, и чтобы я, когда буду видѣться съ царемъ, засвидѣтельствовалъ его высочеству о томъ, что я самъ къ тому приступилъ. Послѣ же того моуравъ вызвалъ отъ меня Яковлева и, увѣдомивъ его, что къ разсвѣту все будетъ готово къ его путешествію, съ довѣренностію его просилъ, когда онъ будетъ у царя, не давать ни малѣйшаго никому

[1]) Изъ донесенія Соколова кн. Куракину 30-го августа 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—5, 1802—3, № 1.

вида о томъ, что ему извѣстны внутреннія обстоятельства; чтобы онъ весьма остерегался двухъ приближеннѣйшихъ къ царю вельможъ, а именно: сардаря князя Кайхосро Церетели и моурава князя Джефаридзе [1]), которые наиболѣе участвуютъ съ царемъ въ притѣсненіяхъ, чинимыхъ Дадіану, въ надеждѣ той, что, какъ предварительно имъ отъ царя обѣщано, по удачному окончанію сей войны, они получатъ щедрое награжденіе землями, отнятыми у Дадіана».

Іюля 17-го Яковлевъ отправился къ имеретинскому царю, а въ сумерки 19-го числа возвратился въ Бари. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и посланный Соломономъ къ Соколову дядька царя князь Бѣжанъ Аваловъ. Какъ только Яковлевъ пріѣхалъ въ селеніе Хопцкари, гдѣ находился имеретинскій царь, къ нему тотчасъ же былъ присланъ сардарь князь Кайхосро Церетели, для разузнанія, кто онъ, отъ кого и не имѣетъ ли съ собою какого-нибудь письма? На другой день онъ позванъ былъ къ Соломону и вручилъ ему письмо Кнорринга, въ которомъ тотъ просилъ царя исполнить просьбу Императора Александра. Сказавши, что прошло уже 11 дней съ тѣхъ поръ, какъ они находятся въ предѣлахъ Имеретіи, Яковлевъ просилъ аудіенціи царя съ Соколовымъ, для врученія ему высочайшей грамоты. Соломонъ извинялся, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могъ такъ долго назначить дня свиданія. Онъ оттоваривался, что весьма обремененъ дѣлами по случаю военныхъ дѣйствій съ Дадіаномъ, въ которыхъ хотя и имѣетъ желанный успѣхъ,—покоривъ многія селенія области Лечгумской и три крѣпости,—но что одна крѣпость Чквиши весьма укрѣпленная, не хочетъ еще добровольно сдаться, которую онъ, однако же, намѣренъ принудить къ тому силою оружія. Отправивъ Яковлева обратно къ Соколову, имеретинскій царь написалъ салтхуцесу (правителю царства) князю Зурабу Церетели, находившемуся тогда въ своей деревнѣ, чтобы тотъ пріѣхалъ къ Соколову и привезъ его къ нему.

Князь Зурабъ-Церетели былъ до того посланникомъ при русскомъ дворѣ отъ имеретинскаго царя Давида. Онъ былъ располо-

[1]) Родственникъ ли его или однофамилецъ—намъ неизвѣстно.

женъ къ Россіи, и впослѣдствіи, по своему вліянію въ Имеретіи, былъ однимъ изъ лицъ, заставившихъ Соломона искать подданства Россіи со всѣмъ его царствомъ.

20-то іюля князь Бѣжанъ Аваловъ увѣдомилъ Соколова, что Салтхуцесъ князь Зурабъ Церетели пріѣхалъ уже въ Сухово, что онъ поѣдетъ къ нему на свиданіе и на слѣдующій день вмѣстѣ съ нимъ возвратится. 21-го іюля князь Церетели пріѣхалъ въ Бари и, услышавъ отъ Соколова, что онъ 13 дней находится въ предѣлахъ Имеретіи, послалъ тотчасъ же нарочнаго къ царю Соломону, прося и совѣтуя ему не откладывать далѣе пріема.

Пребываніе въ Бари продолжалось, однако же, до 24-го іюля, пока Соломонъ не отвѣтилъ, что обстоятельства никакъ не позволяютъ ему оставить Хонцкари, и что потому онъ хотя и со стыдомъ, но рѣшается тамъ принять русскихъ посланныхъ. 24-го іюля Соколовъ, въ сопровожденіи салтхуцеса, князя Церетели, князя Бѣжана Авалова и моурава князя Джефаридзе, поѣхалъ въ Хонцкари. На слѣдующій день, по пріѣздѣ въ это селеніе, царь назначилъ ему въ полдень аудіенцію.

Шалашъ, крытый кукурузою, составлялъ пріемный залъ имеретинскаго царя. Соломонъ сидѣлъ на простой скамьѣ. Когда вошелъ къ нему Соколовъ, царь всталъ и подошелъ къ вошедшему. Русскій посланный, послѣ привѣтствія отъ имени Императора, вручилъ Соломону высочайшую грамоту, и часы присланные въ подарокъ Императоромъ Александромъ. Соломонъ принялъ то и другое съ крайнимъ смущеніемъ, безпрестанно мѣнялся въ лицѣ и казалось безпокоился о чемъ-то.

— Давно ли вы изъ Петербурга? спрашивалъ Соломонъ, приглашая Соколова сѣсть противъ него.

Разговоръ съ обѣихъ сторонъ былъ безсвязенъ и отрывоченъ. Имеретинскій царь спрашивалъ объ учрежденіи нашихъ почтъ, объ исправности и скорости ихъ и проч. Такъ прошло полчаса времени.

— Его императорское величество — говорилъ Соколовъ, прощаясь и оставляя шалашъ Соломона, — по единовѣрію и благонамѣренности вашего высочества, пребываетъ въ надеждѣ на точное исполненіе своего желанія.

— Я займусь чтеніемъ грамоты, — отвѣтилъ только Соломонъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, дядька царя, князь Бѣжанъ Аваловъ пришелъ къ Соколову и объявилъ, что онъ назначенъ находиться при немъ безотлучно, для того, чтобы Соколову не было ни въ чемъ недостатка и чтобы не безпокоилъ его шатающійся, праздный народъ своимъ любопытствомъ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ приставленъ для того, чтобы не допустить никого изъ тѣхъ, которые хотѣли бы видѣться съ русскимъ посланнымъ.

Мы уже сказали выше, что Соломонъ особенно этого боялся. Опасенія и боязнь его въ этомъ случаѣ доходили до того, что онъ не допускалъ къ Соколову даже и высшее правительственное лицо — салтхуцеса князя Зураба Церетели. Зная его привязанность къ Россіи, которую Церетели не скрывалъ отъ Соломона, царь, въ случаѣ необходимости какихъ-либо переговоровъ, пускалъ его къ Соколову не иначе, какъ съ товарищемъ, который бы могъ за нимъ наблюдать.

Неподалеку отъ царскаго шалаша помѣстили и нашихъ посланныхъ въ соломенномъ шалашѣ; за ними въ особенномъ шалашѣ помѣстился и князь Бѣжанъ Аваловъ. Въ тотъ же день при вечерней бесѣдѣ съ княземъ Бѣжаномъ Аваловымъ и салтхуцесомъ, Соколовъ, склонивъ разговоръ на цѣль своего пріѣзда, просилъ ихъ содѣйствовать успѣшности его исполненія.

— По преданности моей къ россійскому престолу, говорилъ князь Церетели, я готовъ всячески стараться, чтобы царь исполнилъ волю его императорскаго величества, тѣмъ болѣе, что единодушное всѣхъ благомыслящихъ людей желаніе состоитъ въ томъ, чтобы заключенный царевичъ былъ на свободѣ, и какъ единственный законный наслѣдникъ [1]) престола имеретинскаго привыкалъ носить на себѣ достоинство, которое ему принадлежитъ.

— Я неоднократно объяснялся о томъ съ царемъ, — продолжалъ князь Церетели: — но царь всегда, однако же, отвѣчалъ мнѣ, что лучше согласится умереть, чѣмъ освободить царевича, опасаясь, чтобы, по мѣрѣ вступленія его въ совершеннолѣтіе, онъ не сдѣ-

[1]) Такъ какъ Соломонъ былъ бездѣтенъ.

лалъ бы съ нимъ того же, что претерпѣлъ онъ отъ покойнаго отца царевича.

Имеретинскій царь никакъ не допускалъ, чтобы этотъ юноша могъ возбудить участіе русскаго Императора. Онъ не зналъ, что дѣлать и растерялся до того, что прочиталъ грамоту и спряталъ ее, никому не сказавъ ни одного слова.

Спустя день послѣ первой аудіенціи Соколовъ просилъ черезъ князя Бѣжана Авалова новаго свиданія съ имеретинскимъ царемъ, которое и послѣдовало 27-го іюля, въ 5 часовъ пополудни.

Послѣ обыкновеннаго разговора и привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, продолжавшихся четверть часа, царь сдѣлалъ знакъ, чтобы лишніе его царедворцы удалились изъ шалаша. Въ шалашѣ осталось четыре человѣка изъ самыхъ довѣреннѣйшихъ вельможъ: салтхуцесъ князь Зурабъ-Церетели, племянникъ его, сардарь князь Кайхосро Церетели, князь Ростомъ Нижерадзе и князь Мочабелли. Первый изъ нихъ былъ посредникомъ и переводчикомъ разговора между царемъ и русскими посланными.

— Мнѣ кажется,—началъ послѣ нѣкотораго молчанія имеретинскій царь,—что переводъ на грузинскій языкъ высочайшей грамоты не сходенъ съ русскимъ оригиналомъ.

— Въ содержаніи,—отвѣчалъ Соколовъ,—и въ смыслѣ словъ перевода съ оригиналомъ ни малѣйшей разницы быть не можетъ. Если бы даже это и могло быть, то я словесно могу повторить содержаніе грамоты, тѣмъ болѣе, что имѣю и копію съ оной. Если ваше высочество изволите въ томъ еще сомнѣваться, то можно тотчасъ же ее свѣрить, отдавъ Яковлеву оригинальную, а переводъ салтхуцесу, который изрядно понимаетъ по-русски.

Предложеніе Соколова было принято, переводъ съ оригиналомъ свѣренъ и однозначность обоихъ подтверждена.

— По моему мнѣнію, оригиналъ краснорѣчивѣе,—проговорилъ Соломонъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Соколовъ.—Но какъ бы нескладенъ переводъ ни былъ, однако же, настоящаго смысла оригинала въ немъ не утрачено.

— А какою дорогою,—вдругъ спросилъ имеретинскій царь,

французскія войска въ 1798 году пробрались въ Египетъ: сухимъ ли путемъ или моремъ?

— Французы добрались до Египта моремъ,—отвѣчалъ Соколовъ и долженъ былъ объяснить путь, по которому шелъ французскій флотъ.

— Если бы туркамъ,—говорилъ смѣясь Соломонъ,—не вспомоществовали тогда своими силами англичане, а впослѣдствіи русскіе, то во что бы французы могли превратить бездѣйственное величество султана?

— Конечно.

— Есть ли и нынѣ вспомогательныя русскія войска въ Цареградѣ?—спрашивалъ Соломонъ.—Государь Императоръ въ тѣхъ ли еще дружественныхъ съ Портою отношеніяхъ, въ какихъ съ нею былъ блаженной памяти его родитель?

— Кромѣ двухъ военныхъ фрегатовъ, другихъ нашихъ войскъ нѣтъ въ Цареградѣ. Что же касается до союза съ Портою, то оный ни малѣйшаго ослабленія не претерпѣлъ.

— Не имѣетъ ли которая либо изъ прочихъ европейскихъ державъ непріязненныхъ видовъ или дѣйствій противъ турокъ?—спросилъ имеретинскій царь.

— Я удивляюсь,—говорилъ Соломонъ,—какъ можетъ столь долго существовать союзъ Россіи съ невѣрными?

— Всѣ европейскія державы,—отвѣчалъ Соколовъ,—по уваженію союза Россіи съ Портою Оттоманскою, равнымъ образомъ съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ. Османы хотя и слывутъ невѣрными, но поелику они твердо соблюдаютъ силу трактата своего, съ Россіею заключеннаго, и никакихъ предосудительныхъ поступковъ противъ Имперіи не предпринимаютъ, то, во взаимство того, равнымъ образомъ, и Россія сохраняетъ обязанности свои по силѣ трактата.

— Пора бы, однако же, Европу освободить отъ сихъ басурмановъ, слѣдовъ варварства которыхъ Имеретія до сихъ поръ еще не можетъ изгладить.

Начало смеркаться, и свиданіе прекратилось. Прошло три дня послѣ того, а Соломонъ не давалъ никакого рѣшительнаго отвѣта и не приступалъ къ исполненію просьбы Императора Александра.

До Соколова стали доходить слухи, что нѣкоторыя изъ царедворцевъ имеретинскаго царя, ему преданныхъ, узнавъ, что пріѣхалъ посланный изъ Россіи, для исходатайствованія освобожденія заключеннаго царевича Константина, отклоняли Соломона отъ такого поступка. Негодуя на царицу Анну, оставившую Имеретію, браня ее непристойными словали, они говорили, что лучше искрошатъ царевича у себя, нежели отпустятъ въ Россію, для того, чтобы онъ впослѣдствіи отечество свое подвергнулъ жребію Грузіи. Говоръ этотъ и нежеланіе нѣкоторыхъ вельможъ освободить царевича Константина дошли до имеретинскаго царя и тѣмъ поставили его еще въ болѣе затруднительное положеніе относительно исполненія воли русскаго Императора.

На совѣщаніи, бывшемъ у Соломона съ княземъ Бѣжаномъ Аваловымъ и салтхуцесомъ княземъ Зурабомъ Церетели, царь высказалъ нерѣшимость и незнаніе, какъ поступить: освободить ли царевича и отпустить въ Россію, или же нѣтъ?

— Весьма будетъ неблагоразумно,—отвѣчалъ на это Бѣжанъ Аваловъ,—упустить столь благопріятный случай заслужить покровительство Государя Императора, въ грамотѣ вамъ и всему царству обѣщанное. Лучше было сначала принять предосторожности и мѣры къ тому, чтобы царица мать царевича не могла уѣхать въ Россію и утруждать о своемъ сынѣ Государя Императора. Но если уже его величество принимаетъ участіе въ семъ юношѣ, то весьма неприлично будетъ того не исполнить.

Между тѣмъ салтхуцесъ князь Зурабъ Церетели былъ у Соколова и хотя не одинъ, но успѣлъ передать и посовѣтовать черезъ Яковлева пригласить къ себѣ нѣсколькихъ вельможъ и просить ихъ склонить царя согласиться на освобожденіе царевича. Зная приверженность салтхуцеса къ Россіи и усердіе къ нашимъ интересамъ, Соколовъ воспользовался такимъ совѣтомъ и пригласилъ къ себѣ: его, князя Бѣжана Авалова, сардаря князя Кайхосро Церетели и князя Цилукидзе. Поутру 28-го іюля они всѣ собрались у Соколова. На бывшемъ совѣщаніи Соколовъ старался удалить вельможъ отъ той мысли, что Императоръ Александръ проситъ за царевича изъ одного только снисхожденія на просьбу его матери. Онъ хотѣлъ поставить вопросъ гораздо серьезнѣе,

для того, чтобы съ бо̀льшею вѣроятностію разсчитывать на успѣхъ. Онъ убѣждалъ ихъ въ томъ, что русскій Императоръ желаетъ видѣть въ этомъ случаѣ, на самомъ дѣлѣ, благонамѣренность и приверженность къ себѣ царя имеретинскаго, на которую онъ имѣетъ основаніе и право разсчитывать, сколько по единовѣрію, столько же и потому, что имеретинское царство благоденствіемъ своимъ обязано Россіи, которая своимъ могущественнымъ посредствомъ исторгла его изъ рукъ варваровъ.

Князья, казалось, были убѣждены словами Соколова и отправились къ Соломону для новыхъ совѣщаній. На слѣдующій день они опять пріѣхали къ нашему посланному и объявили ему, что царь, сознавая, какъ велико для него счастіе заслужить доброе расположеніе Императора Александра, готовъ согласиться не только на исполненіе этой его просьбы, но и повергнуть къ стопамъ его себя и все царство свое, если бы то было угодно его величеству.

— Однако же,—говорили присланные,—не смотря на все свое усердіе и приверженность, царь встрѣчаетъ въ томъ нѣкоторое затрудненіе, на которое и требуетъ вашего мнѣнія.

— Въ чемъ же затрудненіе состоитъ?—спросилъ Соколовъ.

— Царю угодно, чтобы вы прежде узнали всю исторію царствованія покойнаго царя Давида, отца заключеннаго царевича, и тѣхъ причинъ, по которымъ царевичъ содержится въ крѣпости.

— Я готовъ слушать,—было отвѣтомъ.

Они разсказали обстоятельства, предшествовавшія вступленію на царство Соломона и приведенныя нами въ началѣ разсказа.

— Хотя отецъ несчастнаго царевича,—говорили князья въ заключеніе своей рѣчи,—столь много зла причинилъ государству, что слѣдовало бы все выместить на семъ юношѣ, однако же, царь, имѣя теплую вѣру христіанскую, того не сдѣлалъ. Но въ предосторожность того, чтобы онъ, будучи на свободѣ, не послѣдовалъ примѣру своего отца и привлеченіемъ къ себѣ единомышленныхъ не предпринялъ чего либо предосудительнаго противъ царя, содержитъ его только въ крѣпости подъ присмотромъ, доставляя ему все необходимое для его существованія.

— Его высочество,—продолжали они,—со всѣмъ усердіемъ своимъ готовъ исполнить желаніе вашего Государя Императора, но

опасается, что когда царевичъ будетъ освобожденъ и отправленъ въ Россію, а по просьбѣ матери его будетъ ей отданъ, то не сталъ бы причинять царю безпокойствъ вмѣстѣ съ матерью своею.

— Что побуждаетъ царя,—спрашивалъ съ удивленіемъ Соколовъ,—дѣлать такое заключеніе? Почему онъ питаетъ такую недовѣрчивость къ Государю Императору?

— Можетъ быть, потому, что царь помнитъ нѣкоторые случаи съ сосѣдними государствами, особенно же съ Персіею, на льстивыя предложенія которой Грузія склоняясь, въ прежнія времена, чрезмѣрною довѣренностію, обращала весьма часто на себя свое собственное оружіе.

— Русскій Императоръ обладатель пространнѣйшихъ земель во всей Европѣ, говорилъ Соколовъ, какъ вамъ самимъ то небезъизвѣстно, правилами невѣрныхъ никогда руководимъ не былъ. Высочайшее слово его твердо и непремѣнно. Его высочеству непростительно было бы сомнѣваться въ томъ даже и тогда, когда Государь Императоръ просто только обратился бы съ просьбою объ освобожденіи царевича и о присылкѣ его къ себѣ. Еще непростительнѣе теперь, когда Императоръ въ грамотѣ своей говоритъ, «что царевичъ, оставаясь всегда въ Имперіи нашей и черезъ то самое избавляя васъ отъ напрасной заботы, прекратитъ всякое о себѣ сомнѣніе», и въ заключеніе той же грамоты изъявляетъ свою готовность оказывать царю и царству его высокое свое покровительство. Если его высочество изволитъ вникнуть въ сіи слова, и ихъ понять по прямому смыслу, то я остаюсь твердо убѣжденнымъ въ томъ, что всякое сомнѣніе царя исчезнетъ, и высочайшее желаніе моего Государя исполнится.

Князья, съ свойственною имъ азіятскою хитростію, увѣряли Соколова, что сколько они вмѣстѣ съ царемъ ни прочитывали грамоту, но глубины смысла ея не поняли. Обѣщаясь передать все Соломону, они старались показать себя сторонниками Россіи и желающими содѣйствовать въ освобожденіи царевича Константина.

30-го іюля Соколовъ былъ приглашенъ къ царю. Соломонъ встрѣтилъ его, окруженный только тѣми лицами, которыя были посланы имъ для переговоровъ.

*

— Что имѣете вы мнѣ сказать?—спросилъ имеретинскій царь послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Если князья все отъ меня слышанное донесли вашему высочеству, то въ настоящую минуту болѣе ничего не имѣю сказать, кромѣ подтвержденія того, что напрасно изволите безпокоиться, и сомнѣваться въ томъ, въ чемъ имѣете высочайшее увѣреніе въ грамотѣ изложенное.

Царь Соломонъ стоялъ молча и задумавшись.

— Мнѣ кажется,—заговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія,—что вашему Государю Императору внушены подозрительныя и гнѣвныя мысли на мой счетъ.

— Напрасно такъ думаете, ибо Государю Императору, по благости его, никакія подозрѣнія несродны. Притомъ, въ доказательство противнаго, можетъ служить высочайшая грамота, мною вамъ врученная. Въ ея выраженіяхъ не заключается никакого негодованія. Я прошу ваше высочество удостоить меня довѣренности и сказать, почему такое заключеніе вы дѣлать изволите?

— Я знаю навѣрное,—отвѣчалъ Соломонъ,—что генералъ-лейтенантъ Кноррингъ донесъ его величеству, что будто бы я замѣченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Баба-ханомъ и прочими азіятскими владѣльцами, сношеніяхъ, клонящихся ко вреду русскихъ войскъ, находящихся въ Грузіи.

— Генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, по званію своему пограничнаго начальника, конечно, долженъ былъ стараться узнать о всемъ томъ, что происходитъ за границею и доносить о томъ его величеству по сущей справедливости. Я смѣю увѣрить, однако же, въ томъ, что Кноррингъ не могъ донести о сношеніяхъ вашихъ, если не имѣлъ въ томъ положительныхъ доказательствъ.

— Если не въ этомъ, то въ чемъ-нибудь другомъ, но всетаки я обвиненъ передъ Императоромъ,—сказалъ Соломонъ.

— Въ чемъ же то обвиненіе могло заключаться? спрашивалъ Соколовъ.

— Можетъ быть, относительно грузинскихъ царевичей, которые у меня живутъ,—проговорилъ имеретинскій царь какъ бы нехотя.

Принявъ подъ свое покровительство бѣжавшихъ изъ отечества

грузинскихъ царевичей и поселивъ ихъ въ Кутаисѣ, имеретинскій царь дѣятельно хлопоталъ о возстановленіи на грузинскомъ престолѣ одного изъ нихъ. Онъ отправилъ царевича Александра къ ханамъ эриванскому, ганжинскому и шушинскому съ открытымъ бератомъ, въ которомъ приглашалъ ихъ къ поднятію оружія противъ русскихъ войскъ и возведенію на престолъ царевича Юлона. Къ ахалцыхскому пашѣ Соломонъ обратился съ просьбою оказать ему содѣйствіе лезгинами. Шерифъ-паша, лично обязанный Соломону II, снабдилъ царевича Александра фирманомъ съ ложною печатью султана такого содержанія, что если персидскіе ханы дадутъ царевичу войска, то и султанъ пришлетъ свои силы на соединеніе съ персіянами.

Въ то же самое время, узнавъ о прибытіи Кнорринга въ Тифлисъ, царевичи Юлонъ и Парнаозъ, а съ ними вмѣстѣ и царь Соломонъ, отправили въ столицу Грузіи извѣстнаго князя Соломона Леонидзе, пріятеля и сторонника Коваленскаго, о достоинствахъ котораго Коваленскій докладывалъ Кноррингу «изустно».

Мы имѣли уже случай говорить о дѣятельности Леонидзе по кончинѣ царя Георгія и объ арестованіи его генераломъ Лазаревымъ [1]). По пріѣздѣ Кнорринга въ Тифлисъ, царевичъ Давидъ просилъ его за Леонидзе и онъ былъ освобожденъ, проводилъ главнокомандующаго до Душета и затѣмъ бѣжалъ въ Имеретію. Тамъ Леонидзе предложилъ свои услуги царю и старался уговорить царевичей напасть вмѣстѣ съ царемъ Соломономъ на русскія войска, находившіяся въ Грузіи.

Салтъ-ухедцесъ князь Зурабъ Церетели остановилъ царя отъ такого поступка и успѣлъ уговорить Соломона II выгнать Леонидзе изъ Имеретіи съ тѣмъ, что если онъ самъ добровольно не уѣдетъ, то закованный отправленъ будетъ въ Грузію [2]).

Дѣлать было нечего. Леонидзе помнилъ еще хорошо какъ самого Лазарева, такъ и арестъ свой въ Тифлисѣ. Онъ ушелъ изъ Имеретіи къ мингрельскому владѣльцу князю Дадіану. Зная желаніе его поступить, вмѣстѣ со всѣми своими владѣніями, подъ

---

[1]) См. стр. 344—347.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 7-го октября 1801 года. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

покровительство Россіи, Леонидзе предложилъ ему свои услуги съ тѣмъ, чтобы Дадіанъ отправилъ его въ качествѣ посла въ Петербургъ. Князь Дадіанъ не только не принялъ его услугъ, но приказалъ также удалиться изъ своихъ владѣній.

Вражда, существовавшая съ давнихъ поръ между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ мингрельскимъ, была поводомъ и средствомъ къ тому, что Леонидзе успѣлъ пріютиться опять у Соломона II. Онъ возстановилъ царя имеретинскаго противъ владѣльца мингрельскаго; разсказалъ ему все, что успѣлъ узнать о намѣреніяхъ Дадіана и тѣмъ произвелъ окончательную ссору двухъ владѣтелей, окончившуюся войною. Зная многое, что могло быть полезно для Соломона въ той войнѣ, Леонидзе становился необходимымъ имеретинскому царю, подарившему ему деревню, въ которой было до 700 душъ, и сдѣлавшему его своимъ мдиваномъ (секретаремъ) съ жалованьемъ по 500 марчилъ (около 400 руб.) въ годъ.

Отправленный теперь въ Тифлисъ, Леонидзе передалъ Коваленскому письма царевичей, при которыхъ они представляли фирфанъ Баба-хана, какъ доказательство своей преданности Россіи и нежеланія содѣйствовать персіянамъ въ ихъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ войскъ. Леонидзе, подъ секретомъ, объявилъ Коваленскому, что, принимая большое участіе въ заключеніи трактата о подданствѣ Грузіи въ 1783 году, онъ и «нынѣ преисполненъ таковой же ревности къ Имперіи Всероссійской».

Имеретинскій посолъ принималъ на себя «довести царя Соломона до того, что онъ всѣ свои владѣнія, въ коихъ нынѣ безъ всякой отъ Порты зависимости утвердился, повергнетъ подъ верховную власть его величества на присоединеніе къ Грузіи, съ однимъ только условіемъ сохранить ему почесть и наименованіе царя по конецъ дней его, ибо, будучи бездѣтенъ, претензій своихъ далѣе не простираетъ».

Леонидзе говорилъ, что если русское правительство будетъ согласно, то онъ устроитъ дѣло такъ, что Соломонъ пошлетъ его въ Петербургъ для переговоровъ по этому дѣлу. «Заключеніе сихъ словъ, доносилъ Коваленскій [1]), состояло въ описаніи тѣхъ вы-

---

[1]) Въ рапортѣ Кноррингу отъ 4-го іюля 1802 года, № 30. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—5, 1802—1803 гг., № 1.

годъ, кои съ присоединеніемъ таковымъ сопряжены быть могутъ и которыя онъ, князь Леонидзе, *по всѣмъ отношеніямъ весьма обстоятельно и политическимъ окомъ созерцаетъ*».

Скоро, однако же, узнали въ Тифлисѣ, что политическое око это имѣло иную цѣль своего прибытія въ столицу Грузіи; что царь Соломонъ отправилъ его съ бератомъ къ царицѣ Дарьѣ и ко всѣмъ первѣйшимъ князьямъ кахетинскимъ, въ которомъ писалъ о своемъ успѣхѣ въ сношеніяхъ съ Баба-ханомъ и убѣждалъ ихъ содѣйствовать къ возстановленію царства. Царица Дарья тотчасъ же отозвалась на это приглашеніе, но, не зная, какъ сообщить о томъ царевичамъ, прибѣгла къ хитрости. Она пригласила къ себѣ Лазарева для секретныхъ переговоровъ.

— Изъ усердія къ пользѣ службы Императора,—говорила она Лазареву,—я имѣю желаніе привести внука своего царя имеретинскаго въ покровительство его величества. Такое намѣреніе предприняла я уже четыре мѣсяца тому назадъ и твердо увѣрена, что внукъ, слѣдуя во всемъ моимъ совѣтамъ, не преминетъ исполнить это мое желаніе. Я прошу только оказать въ этомъ мнѣ вспомоществованіе. Я не имѣю ни одного вѣрнаго человѣка для посылки въ Имеретію и потому могу ли я употребить, съ вашего согласія, 17-го егерскаго полка протоіерея Цинамзгарова.

Лазареву показалось страннымъ, что царица, сама недовольная русскимъ правительствомъ, намѣрена подчинить ему же и своего внука, и онъ скоро понялъ чего желаетъ царица.

— Безъ разрѣшенія главнокомандующаго,—отвѣчалъ онъ царицѣ,—я не могу этого сдѣлать, а если вамъ угодно послать въ Имеретію, то я имѣю вѣрнаго человѣка.

Царица предпочла подождать отвѣта Кнорринга [1]), и въ промежутокъ этого времени все-таки успѣла отправить царевичу Александру письмо, въ которомъ просила поспѣшить исполненіемъ предпринятаго ими дѣла. Царица извѣщала сына, что теперь самое удобное время для нападенія по малочисленности русскихъ войскъ [2]). Вскорѣ послѣ того явился въ Тифлисъ новый посланный царя име-

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 21-го іюня, № 335. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, 1—5, 1802—1803 гг., № 1.

[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 20-го іюля, № 356.

ретинскаго, князь Ростомъ Нижерадзе. Онъ словесно объявилъ Лазареву, что Соломонъ желаетъ послать къ высочайшему двору своего посланнаго съ просьбою принять его подъ покровительство Россіи, а по смерти его и въ подданство, подобно Грузіи, съ тѣмъ, однако же, чтобы по завѣщанію покойнаго царя Ираклія царевичъ Юлонъ былъ назначенъ царемъ Грузіи, съ оставленіемъ при немъ русскихъ войскъ. За это, по словамъ посланнаго, Юлонъ обѣщаетъ отдать въ пользованіе Россіи рудники, поставлять рекрутъ и «*ни въ какія дѣла не вмѣшиваться, а пользоваться только титуломъ царя*» [1]). О такомъ новомъ предложеніи царя имеретинскаго Лазаревъ донесъ Кноррингу, который отклонилъ всѣ исканія Соломона II, такъ какъ еще въ сентябрѣ 1801 года получилъ высочайшее повелѣніе не вступать въ подобныя сношенія съ царемъ имеретинскимъ.

«Въ рескриптѣ, отъ 12-го сентября вамъ данномъ,—писалъ Императоръ Александръ Кноррингу [2]),—изъяснилъ уже я вамъ образъ поведенія, которое вы должны наблюдать съ царемъ имеретинскимъ, а въ разсужденіи желанія его вступить въ подданство Россіи обѣщалъ я вамъ дать особенное наставленіе. Нынѣ, по подробномъ сего предмета уваженіи, находя, что податливость съ моей стороны на таковое желаніе могла бы поколебать доброе согласіе, которое между Россіею и Портою существуетъ и которое поддержать во всей его силѣ я намѣренъ, считаю нужнымъ вамъ поручить, чтобы пристойнымъ образомъ отклонили вы сіе предложеніе и какъ нынѣ, такъ и въ послѣдующее время, не подавая Портѣ съ сей стороны ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, старались бы содержать, какъ съ симъ владѣльцемъ, такъ и съ другими одни дружественныя сношенія, а вдовствующей царицѣ Дарьѣ, подвигнувшей къ сему царя имеретинскаго, внушите приличнымъ образомъ, что усердіе ея пріемлется въ должной цѣнѣ, но къ дѣйствію примѣнить предположеніе ея признается несовмѣстнымъ».

Такимъ образомъ нежеланіе русскаго правительства вступать съ имеретинскимъ царемъ въ переговоры о покровительствѣ повернуло князя Леонидзе на иной путь, и онъ сталъ увѣрять, что

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 30-го августа 1801 г., № 417. Тамъ же.
[2]) Въ рескриптѣ отъ 17-го сентября 1801 г. Арх. Кабин. Его Величества.

склонить царя не только на освобожденіе Константина, но и на удаленіе грузинскихъ царевичей. Самъ Соломонъ также увѣрялъ Соколова, что радъ бы былъ, если бы царевичи оставили его владѣніе, но не въ силахъ заставить ихъ это сдѣлать.

— Не сами ли вы тому свидѣтели—говорилъ Соломонъ, обращаясь къ князю Зурабу Церетели и къ князю Бѣжану Авалову,— какъ часто я ихъ уговаривалъ, чтобы они принесли покорность свою Государю Императору и возвратились въ Грузію, но они меня никогда не слушались.

Князь Бѣжанъ Аваловъ подтвердилъ слова царя Соломона наклоненіемъ головы; салтхуцесъ же князь Церетели, отвернувшись въ сторону, молчалъ и казалось весьма мало соглашался съ имеретинскимъ царемъ.

— Если угодно мнѣ позволить, говорилъ Соколовъ, то я могу указать на обстоятельства, съ которыми, быть можетъ, ваше высочество со мною согласитесь.

— Я буду вамъ очень обязанъ, отвѣчалъ на это Соломонъ.

Зная, что имеретинскій царь все еще надѣялся на то, что Грузія получитъ прежнюю свою самостоятельность; что народъ согласится возвести на престолъ грузинскій сына покойнаго отца Ираклія, царевича Юлона, и что, наконецъ, самъ Соломонъ завелъ по этому дѣлу переписку съ царицею Дарьею, супругою Ираклія, зная все это, Соколовъ старался завлечь Соломона въ разговоръ по этому вопросу.

— Его императорское величество,—говорилъ Соколовъ, по восшествіи своемъ на престолъ, нашелъ уже царство грузинское присоединеннымъ къ Россійской имперіи и, обративъ свое вниманіе на все то, что можетъ споспѣшествовать къ благоденствію народа, обратилъ также свое вниманіе на царевичей грузинскихъ, сохранилъ имъ не только имущество ихъ, но и кромѣ того назначилъ имъ, отъ щедротъ своихъ, особенное награжденіе. Имѣя явное доказательство покорности и повиновенія тѣхъ царевичей, которые остались въ отечествѣ своемъ, и другихъ, добровольно пожелавшихъ остаться или переселиться въ Россію, Государь Императоръ не можетъ, конечно, не удивляться поведенію трехъ грузинскихъ царевичей, дѣтей покойнаго царя Ираклія: Юлона, Парнаоза и Александра

въ Имеретіи до сихъ поръ пристанище имѣющихъ. Такому поведенію тѣмъ болѣе нельзя не удивляться тогда, когда именемъ его императорскаго величества неоднократно приглашаемы они были возвратиться въ свое отечество, и когда обѣщано имъ забвеніе всего прошедшаго, коль скоро они обратятся на истинный путь.

— По моему мнѣнію,—отвѣчалъ на это Соломонъ,—въ томъ, что царевичи имѣютъ убѣжище въ моемъ царствѣ, противнаго высочайшей волѣ Государя Императора ничего быть не можетъ, потому что манифестомъ имъ даровано прощеніе во всѣхъ прежнихъ ихъ проступкахъ и притомъ дозволено избрать мѣстопребываніе свое тамъ гдѣ они сами пожелаютъ.

— Если даровано имъ прощеніе всѣхъ прежнихъ проступковъ, то прощеніе это тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда они, возвратясь въ свое отечество, будутъ повиноваться законной власти и въ вѣрности русскому престолу принесутъ присягу, — чего они, однако же, не сдѣлали. Что же касается даннаго имъ позволенія избрать по желанію мѣсто всегдашняго своего пребыванія, то и оное относится только до того, что они могутъ или оставаться всегда въ своемъ отечествѣ или же гдѣ пожелаютъ въ Россіи, а не внѣ границы ея, на что, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, никто изъ подданныхъ права не имѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ я невинно вовлеченъ въ проступокъ противъ Государя Императора,—отвѣчалъ Соломонъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— По здравому разсудку кажется, что тотъ, которому прощены дурные поступки, долженъ бы былъ хорошими дѣлами загладить заблужденія, въ которыя могъ быть завлеченъ обстоятельствами, а не повторять ихъ, какъ поступаетъ противно всему царевичъ Александръ, который, и въ Имеретіи не уживишись, скитается теперь по Азіи.

— Я въ такихъ поступкахъ царевича Александра никакого участія не принимаю. Царевичъ, отпросясь у меня на охоту, пропалъ безъ вѣсти и потомъ вдругъ очутился въ Эривани.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ваше высочество не принимали участія въ его побѣгѣ,—отвѣчалъ Соколовъ.

— Я давно уже желалъ бы принести свое оправданіе передъ

его императорскимъ величествомъ или посредствомъ письма, или же черезъ посланнаго, котораго отправилъ бы въ С.-Петербургъ, но, зная, какою большою довѣренностію пользуется у Императора Кноррингъ, опасаюсь, что если бы было отправлено такое письмо, то оно не дойдетъ, а будетъ удержано Кноррингомъ, а если будетъ отправленъ посланецъ, то и его онъ, не допустивъ до Петербурга, вернетъ назадъ.

— Напрасно вы такъ думаете, и какой поводъ подалъ Кноррингъ къ тому, чтобы дѣлать такое заключеніе? спрашивалъ Соколовъ имеретинскаго царя.

— Когда я отправилъ, въ прошломъ году зимою—въ С.-Петербургъ посланникомъ князя Джефаридзе, то Кноррингъ продержалъ его нѣсколько времени въ Георгіевскѣ и потомъ отослалъ обратно.—Послѣ этого я не имѣю болѣе надежды на будущее время быть въ близкихъ сношеніяхъ съ Государемъ Императоромъ [1]).

— По одному примѣру не всегда можно судить о послѣдующихъ. При томъ же Кноррингъ не осмѣлился отправить въ С.-Петербургъ князя Джефаридзе съ такимъ порученіемъ, какое ему было дано. Онъ сообщилъ вамъ письменно о причинахъ, по которымъ воспрещено было слѣдовать ко двору посланнымъ съ подобными порученіями, и съ нимъ же прислалъ вамъ доказательство своей справедливости.

— Конечно, такъ,—отвѣчалъ на это Соломонъ весьма сухо.

— Я бы желалъ видѣть, говорилъ Соколовъ,—царевича Константина, который, по желанію его императорскаго величества, долженъ мнѣ быть порученъ для доставленія въ Россію.

— Ничего рѣшительнаго еще объ немъ я сказать не могу,—отвѣчалъ имеретинскій царь, прощаясь съ Соколовымъ.

Вскорѣ послѣ этой аудіенціи, Соколовъ узналъ, что Соломонъ вовсе не расположенъ и не думаетъ дать свободу царевичу Константину, а еще менѣе отпустить его въ Россію. До 3-го августа велись переговоры черезъ разныхъ лицъ, посѣщавшихъ, по

[1]) Князь Джефаридзе посылался съ ходатайствомъ о возведеніи на грузинскій престолъ царевича Юлона. Кноррингъ отправилъ его назадъ и послалъ вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько экземпляровъ манифеста о присоединеніи Грузіи къ Россіи и штатъ ея управленія.

приказанію царя, нашихъ посланныхъ. Въ этотъ день, вечеромъ, Соколовъ былъ опять приглашенъ къ Соломону.

— Не угодно ли будетъ вашему высочеству приказать мнѣ что-нибудь? спросилъ Соколовъ, видѣвшій, что его занимаютъ совершенно посторонними разговорами, вовсе неидущими къ дѣлу.

— Ничего,—отвѣчалъ Соломонъ.—Я желалъ видѣться съ вами только для того, чтобы провести вечеръ въ пріятной бесѣдѣ.

— Я имѣю сказать нѣсколько словъ,—сказалъ Соколовъ послѣ благодарности за любезность царя.

Имеретинскій царь приказалъ всѣмъ присутствующимъ выдти, оставивъ только при себѣ салтхуцеса князя Зураба Церетели и дядьку своего князя Бѣжана Авалова.

— По всеобщимъ слухамъ,—началъ тогда Соколовъ,—ваше высочество скоро изволите отправиться въ походъ; то я прошу удостоить меня приказаніями относительно моей присылки. Не лучше ли будетъ, если ваше высочество, до похода своего, заблагоразсудить изволите царевича Константина отправить со мною въ Грузію, чтобы мнѣ не запоздать и не пропустить лучшаго времени для перехода черезъ горы въ сентябрѣ мѣсяцѣ?

— Я постараюсь исполнить вашу просьбу, но надо имѣть терпѣніе еще на недѣлю, пока *мдиванъ* (писецъ), за которымъ я давно уже послалъ, не прибудетъ сюда. Ему также необходимо будетъ дать нѣкоторое время для порядочнаго расположенія отвѣтной грамоты къ Императору.

— Изъ всего этого я могу заключить, что ваше высочество продолжаете по-прежнему безпокоиться и выражать сомнѣніе къ высочайшимъ словамъ грамоты. Въ теченіе десяти дней, которыя я провелъ при свѣтлѣйшемъ лицѣ вашемъ, не вижу того, чтобы сдѣланъ былъ малѣйшій поступокъ, сообразный съ желаніемъ моего Государя. Я нахожусь теперь въ недоумѣніи и долгомъ считаю повторить, что удостоившись неоднократно слышать отъ васъ о томъ, что вашему высочеству ничто такъ не лестно, какъ пользоваться покровительствомъ Государя Императора; что въ томъ вы полагаете единую свою надежду, то думаю, что вамъ должно быть пріятно доказать то на дѣлѣ въ настоящемъ случаѣ.

— Я еще ни на что не рѣшился. Когда прибудетъ мдиванъ тогда немедленно все окончу.

Затѣмъ Соломонъ всталъ со скамейки, и Соколовъ долженъ былъ откланяться. На другой день, 4-го августа, нашъ посланный пригласилъ къ себѣ салтхуцеса князя Церетели и дядьку царя князя Бѣжана Авалова. Онъ просилъ ихъ отъ его имени передать Соломону то, что онъ хотѣлъ ему самъ высказать, когда царь прекратилъ съ нимъ разговоръ.

— Если долженъ я вѣрить царскимъ словамъ,—говорилъ Соколовъ,—неоднократно мнѣ повтореннымъ, о его приверженности и благонамѣренности къ его императорскому величеству, то не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобы царь не исполнилъ желанія, въ высочайшей грамотѣ изложеннаго; я не вижу, однако же, того, чтобы царь предпринялъ что либо сообразное тому, то-есть, чтобы было послано за царевичемъ Константиномъ или сдѣлано что нибудь къ его освобожденію.

Присутствовавшіе князья имеретинскіе высказывали при этомъ свое удивленіе въ такомъ поведеніи Соломона.

— Донесите царю,—продолжалъ между тѣмъ Соколовъ,—что для него благопріятнѣйшая теперь минута употребить въ свою пользу расположеніе его императорскаго величества, сохранить которое онъ можетъ исполненіемъ высочайшаго желанія. Царь мнѣ сказалъ, что ему потребно нѣкоторое время для порядочнаго расположенія отвѣта Государю Императору, то я прошу васъ увѣрить его высочество, что лучшій и приличнѣйшій отвѣтъ его на высочайшую грамоту можетъ быть только тотъ, когда желаніе Императора будетъ исполнено.

Приглашенные Соколовымъ князья обѣщали передать царю все ими слышанное и вмѣстѣ съ тѣмъ употребить свое содѣйствіе къ скорѣйшему рѣшенію Соломона. Но имеретинскій царь оставался непоколебимъ; онъ говорилъ всѣмъ, что ждетъ *мдивана* князя Соломона Леонидзе, хотя было извѣстно, что при немъ имѣлось три писца, которые вели всю его переписку съ грузинскими князьями и прочими азіятскими владѣльцами.

Князь Соломонъ Леонидзе, тогдашній мдиванъ имеретинскаго царя, былъ извѣстенъ своимъ двуличіемъ, и слѣдовательно, его прибы-

тіе не могло дать хорошаго оборота дѣлу; но дѣлать было нечего и Соколовъ рѣшился ожидать его пріѣзда.

5-го августа князь Леонидзе возвратился въ Имеретію и вручилъ Соколову письмо Коваленскаго, въ которомъ тотъ писалъ, что «князь сей, по особенному усердію своему, далъ мнѣ слово склонить царя не токмо на отдачу заключеннаго царевича, но и на дальнѣйшее интересамъ нашимъ расположеніе. Я поставляю долгомъ къ свѣдѣнію вашему о семъ сообщить, рекомендуя въ знакомство и пріязнь вашу его, князя Леонидзе, *яко человѣка, давно мнѣ извѣстнаго со стороны достоинствъ своихъ*».

Ни обѣщанія Леонидзе, ни рекомендація Коваленскаго не помогли дѣлу.

7-го августа князь Леонидзе былъ присланъ царемъ Соломономъ къ Соколову, вмѣстѣ съ салтхуцесомъ княземъ Церетели и дядькою царя княземъ Бѣжаномъ Аваловымъ.

— Его высочество хотя и не въ совершенныхъ лѣтахъ,—говорили они,—но въ полной мѣрѣ чувствуетъ цѣну милости къ себѣ Государя Императора. При всей своей готовности исполнить высочайшую волю, царь находится въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ, что съ исполненіемъ ея хотя и казалось бы, что царство его и самая его особа ожидать могутъ благополучія, но на самомъ дѣлѣ, отъ исполненія этой просьбы, самъ онъ и царство его могутъ придти въ упадокъ.

— Изъ чего сдѣланы такія заключенія? спрашивалъ съ удивленіемъ Соколовъ.

— Настоящія обстоятельства существовали еще гораздо раньше прибытія вашего въ Имеретію, то-есть, что царь имѣлъ войну съ княземъ Дадіаномъ, владѣтелемъ лечгумскимъ и одишійскимъ. До сихъ поръ его высочество имѣлъ желанный успѣхъ, покоривъ три крѣпости и многія селенія Лечгумской области, владѣльцы которыхъ уже присягнули на вѣрность. Теперь остается только окончить эту войну взятіемъ крѣпости Чквиши. Поэтому, если царь освободитъ царевича Константина и отправитъ его вмѣстѣ съ вами въ Россію, то всѣ вообще будутъ думать, что царь сдѣлалъ то по какому либо принужденію со стороны русскаго Императора, а не отпустилъ его добровольно. Слѣдствіемъ того можетъ быть то,

что покоренные и присягнувшіе уже владѣльцы, узнавъ о такомъ поступкѣ царя, отрекутся отъ своей присяги и опять обратятся къ князю Дадіану и тѣмъ уничтожатъ весь успѣхъ, который въ этой войнѣ царь имѣлъ и имѣть надѣется.

— Въ такомъ случаѣ я противнаго мнѣнія,—отвѣчалъ Соколовъ.—Если его высочеству угодно будетъ прямо понять императорское слово и его силу, то, напротивъ, я думаю, что когда до свѣдѣнія покоренныхъ непріятелей и сосѣдей дойдетъ, что царь исполнилъ желаніе русскаго Императора и что за такой его поступокъ его величество обѣщать изволитъ покровительство свое царю и царству его, тогда первые не осмѣлятся ничего предпринять противъ власти царя и скорѣе съ покорностію къ нему повергнутся, а послѣдніе должны будутъ искать дружбы его высочества.

— Хотя сужденія ваши и справедливы, но царь, находясь въ опасеніи противнаго, не прежде согласится исполнить высочайшую волю и освободить царевича Константина, какъ по окончаніи начатыхъ противъ непріятеля дѣйствій и къ тому требуетъ вашего содѣйствія.

— Къ содѣйствію съ царемъ противъ непріятеля не токмо я, но и главнокомандующій въ Грузіи безъ особаго на то повелѣнія его императорскаго величества приступить не можетъ. Притомъ же, зная желаніе его императорскаго величества пребывать со всѣми сосѣдственными областями въ дружественныхъ отношеніяхъ, я сомнѣваюсь, чтобы Государь Императоръ, не зная истинной причины непріязненныхъ дѣйствій между его высочествомъ и княземъ Дадіаномъ, захотѣлъ принять въ ней участіе.

— Царь, имѣя твердое намѣреніе въ непродолжительномъ времени окончить войну съ Дадіаномъ, изволитъ самъ отправиться въ походъ, и не прежде можетъ рѣшиться отпустить въ Россію царевича Константина, какъ по благополучномъ окончаніи своей войны. Въ уваженіе же ходатайства его императорскаго величества, царь, возвратясь изъ похода въ Кутаисъ, дастъ царевичу свободу и, смотря по обстоятельствамъ, или оставитъ его при себѣ и приличнымъ образомъ, какъ законнаго по себѣ наслѣдника, будетъ воспитывать, или же отправитъ его въ Россію.

— Не бывъ отъ Государя Императора ни на какія, по предмету моей миссіи, предложенія уполномоченъ и ограничиваясь однимъ смысломъ высочайшей грамоты, я ожидаю только того, чтобы царевичъ Константинъ, получивъ свободу, былъ порученъ мнѣ для доставленія въ Россію.

Съ этимъ отвѣтомъ посланные отправились къ имеретинскому царю и черезъ два дня, утромъ 9-го августа, были опять присланы къ Соколову. Они объявили, что Соломонъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи, и предлагали Соколову отправиться въ Тифлисъ и оттуда донести, кому слѣдуетъ, объ отвѣтѣ Соломона. Посланные обѣщались, что если затѣмъ Императоръ Александръ I пожелаетъ видѣть царевича Константина освобожденнымъ, то царь тогда немедленно пришлетъ его въ Тифлисъ.

— Предѣловъ смысла высочайшей отъ меня царю переданной грамоты я преступить не осмѣливаюсь, отвѣчалъ на это Соколовъ.—При этомъ еще разъ долженъ повторить, что послѣ неоднократныхъ увѣреній царя о его желаніи пользоваться милостію и покровительствомъ Императора, остаюсь въ полной надеждѣ на то, что царь согласится исполнить желаніе его императорскаго величества не въ половину, а точно такъ, какъ оно изложено въ грамотѣ, т. е., что онъ освободитъ царевича Константина и поручитъ его мнѣ, для доставленія въ Россію.

Посланные отправились къ Соломону и черезъ два часа возвратились обратно съ объявленіемъ, что на другой день царь отправляется въ походъ и предлагаетъ Соколову ѣхать въ Тифлисъ съ отвѣтною грамотою, въ которой Соломонъ писалъ Императору Александру, что не находитъ никакого основанія, «ни позволяющаго, ни понуждающаго» на освобожденіе царевича Константина. Имеретинскій царь увѣрялъ, что, по безчадію своему, усыновитъ царевича и объявитъ своимъ наслѣдникомъ, но если, говорилъ онъ, «Всемогущій въ милости своей даруетъ намъ сына въ наслѣдники, тогда я отправлю царевича Константина къ высочайшему двору и *симъ яко нижайшій рабъ* вашего величества исполню императорское ваше повелѣніе» [1]).

[1]) Переводъ грамоты царя Соломона 9-го августа 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—5, 1802—1803 гг., № 1.

Въ тотъ же вечеръ Соколовъ былъ приглашенъ къ царю. Соломонъ извинялся въ томъ, что не можетъ исполнить желанія Императора Александра; онъ приводилъ въ свое оправданіе обстоятельства, въ которыя поставленъ непріязненными своими дѣйствіями противъ князя Дадіана. Соколовъ, прося о сбереженіи здоровья царевича Константина, высказалъ царю свою надежду, что онъ исполнитъ желаніе Императора, если оно будетъ заявлено ему вторично. «Царь не токмо обѣщалъ мнѣ то исполнить,—пишетъ Соколовъ,—но и побожился».

На слѣдующій день, 10-го августа, около полудня, Соломонъ дѣйствительно выступилъ въ походъ въ сопровожденіи всего своего двора, сардаря (главнокомандующаго) и съ огромною пушкою, которую на силу везли 20 паръ воловъ. Къ Соколову же пріѣхалъ салтхуцесъ князь Зурабъ Церетели, который былъ назначенъ Соломономъ провожать Соколова, и они также отправились въ путь. Салтхуцесъ вмѣстѣ съ конвоемъ, состоявшимъ изъ ста человѣкъ конныхъ и пѣшихъ имеретинцевъ, провожалъ нашего посланнаго не только до грузинской границы, но и до самой крѣпости Гори, куда они и прибыли 15-го августа.

Такимъ образомъ порученіе, данное Соколову къ царю имеретинскому, не увѣнчалось успѣхомъ, и онъ отправился въ Тифлисъ. Тамъ онъ нашелъ населеніе недовольное русскимъ правленіемъ и рѣшившееся заявить о своемъ тяжеломъ состояніи Императору Александру.

XXIV.

Волненія въ Грузіи и участіе въ нихъ членовъ царскаго дома.

Можно ли обвинять грузинъ, которые, какъ мы видѣли, имѣли весьма своеобразные и нравы, и порядки обвинять въ томъ, что они привыкли смотрѣть, напримѣръ, на своего царя своими особыми, имъ только однимъ свойственными глазами, что они не понимали нашего правленія, порядка нашего судопроизводства? Для народа были чужды тѣ административныя мѣры, которыя были хороши для великорусскихъ губерній. Нѣтъ сомнѣнія въ

томъ, что въ самоуправленіи Грузіи существовали не меньшія злоупотребленія, чѣмъ допустило ихъ верховное правительство; что произволъ царскій и княжескій ложился тяжелымъ гнетомъ на народъ; но произволъ этотъ вылился изъ народнаго характера, былъ освященъ обычаями и вѣковою давностію, сроднившею его съ политическимъ тѣломъ Грузіи. Верховное же правительство, съ первыхъ дней своего правленія, нарушило народный обычай и тѣмъ породило множество недовольныхъ и обиженныхъ. Грузины отстаивали старый порядокъ, наше правительство требовало повиновенія новому. Отъ этого, съ самаго же начала, почти со дня объявленія манифеста, стали высказываться недоразумѣнія и народное неудовольствіе. Злоупотребленія же, вкравшіяся въ администрацію края, подавали новый поводъ къ безпорядкамъ и броженію умовъ.

Жители Кахетіи не повиновались судамъ, хотѣли устранить русское правительство и согласились сами управлять собою. Многіе изъ князей удалились даже въ Эривань, къ бывшему тамъ царевичу Александру. Въ Карталиніи «дѣла на такой же ногѣ», доносилъ Лазаревъ. Татары, непривычные къ военному постою, были недовольны тѣмъ, что у нихъ расположены войска, собирались бѣжать и перекочевать за границу Грузіи. Кочующій народъ казахи, магометанскаго закона, были недовольны на наше правительство за желаніе перемѣнить имъ моурава.

Со времени признанія надъ собою власти грузинскаго царя, казахи всегда управлялись моуравами изъ рода князей Чавчавадзе [1]). Узнавъ еще при жизни Георгія XII, что управленіе ими

---

[1]) Казахи кочевали въ Грузіи съ самыхъ древнихъ временъ, еще до Шахъ-Аббаса Великаго. Трудно опредѣлить время поселенія этого народа въ Грузіи. Они платили дань грузинскимъ царямъ и для управленія ими назначались грузинскіе князья, сверхъ ихъ собственныхъ старшинъ. Шахъ-Надиръ отдалъ казаховъ въ вѣчное владѣніе Ираклію II, а тотъ поручилъ управленіе ими роду князей Чавчавадзе.

Находясь въ концѣ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ, кн. Чавчавадзе получилъ свѣдѣнія, что казахи откочевали въ Персію, а вслѣдъ затѣмъ письмо отъ Ираклія, который требовалъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ. Съ разрѣшенія нашего правительства, кн. Чавчавадзе отправился сначала въ Грузію, потомъ въ Персію, уговорилъ казаховъ вернуться и самъ привелъ ихъ на прежнія мѣста. Предоставивъ управленіе своему сыну, онъ опять вернулся въ Петербургъ. См. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 199.

хотятъ поручить другому лицу, они тогда уже объявили, что не останутся на степяхъ Грузіи и перекочуютъ за границу.

То же самое было и теперь. Правитель Грузіи, желая изъ личныхъ отношеній устранить князя Чавчавадзе отъ управленія казахами, призвалъ къ себѣ старшинъ народа и вымогалъ отъ нихъ, чтобы они высказали неудовольствіе на своего моурава. Казахи отказались исполнить такое требованіе и предъявили просьбу объ оставленіи ихъ подъ управленіемъ князя Чавчавадзе, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, удалиться изъ Грузіи [1]).

Произвольныя, ни на чемъ неоснованныя дѣйствія правителя увеличивали число недовольныхъ. Тифлисскіе купцы отказались платить дань и, въ день отъѣзда Кнорринга въ Георгіевскъ, заперли всѣ лавки. Графъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ Лазареву, прося его поспѣшить изъ лагеря въ Тифлисъ, для возстановленія порядка. Графъ прибавлялъ, что объ этомъ просятъ его многія лица изъ первѣйшихъ княжескихъ фамилій. Прибывъ въ столицу Грузіи, Лазаревъ увидалъ, что царская фамилія «есть первая пружина всѣмъ волненіямъ».

Лица, приверженныя къ Россіи, притѣснялись; въ городѣ народъ волновался. Царица Дарья отправила посланнаго въ Эривань къ сыну Александру съ новымъ платьемъ и 1,000 рублей денегъ. Царевичъ Вахтангъ, бывшій въ Душетѣ, запретилъ своимъ подвластнымъ повиноваться душетскому исправнику. Парнаозъ писалъ изъ Имеретіи, что скоро прибудетъ въ Грузію съ значительными войсками лезгинъ, имеретинъ и турокъ. Онъ приглашалъ народъ присоединиться къ нему. Царевичъ Давидъ, подъ предлогомъ устройства мѣднаго завода, намѣренъ былъ собрать себѣ приверженцевъ, подъ скромнымъ именемъ рабочихъ. Для удобнѣйшаго исполненія своихъ намѣреній, онъ собирался оставить Тифлисъ и уѣхать въ Борчалы, гдѣ будто бы отыскалъ уже пріиски мѣдной руды. Для отвода всякаго подозрѣнія, онъ писалъ графу Мусину-Пушкину, спрашивалъ его мнѣнія и совѣтовъ, но тотъ сначала медлилъ отвѣтомъ, а потомъ совѣтовалъ

[1]) Докладная записка Лошкарева вице-канцлеру, 9-го іюля 1802 г.—Прошеніе кн. Чавчавадзе Государю Императору, въ іюлѣ 1802 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 199 и 200.

*

оставить эти изысканія. Тогда Давидъ отправился чрезъ горы къ борчалинскимъ татарамъ, подъ предлогомъ лучшаго тамъ воздуха и для поправленія разстроеннаго своего здоровья, въ сущности же для оказанія содѣйствія своимъ дядямъ и братьямъ, къ которымъ присоединился.

Католикосъ царевичъ Антоній, хотя и былъ «человѣкъ необыкновенно тяжелаго сложенія, но за всѣмъ тѣмъ не послѣднее дѣйствующее лице съ царицею Дарьею» [1]).

Будучи зачинщицею всѣхъ замысловъ, царица Дарья ободряла приверженныхъ къ ней, и напротивъ стращала всякаго рода слухами и угрозами лицъ, преданныхъ Россіи. Энергичная и искусившаяся въ интригахъ женщина не стѣснялась въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли.

Дарья нѣсколько разъ подсылала своихъ приверженцевъ къ сардарю князю Орбеліани, съ цѣлію привлечь его на свою сторону. Она старалась доказать ему, что русскіе ограбили его совершенно, отняли званіе сардаря и салтхуцеса. Царица спрашивала: гдѣ его деревни? богатство?—и, указывая на то, что они будто бы отняты русскими, обѣщалась возвратить ему все, если онъ будетъ принадлежать къ ея партіи. Орбеліани требовалъ письменнаго обѣщанія. Дарья соглашалась исполнить это только тогда, когда Орбеліани присягнетъ ей. Бывшій сардарь отказался исполнить такое желаніе, а царица отказалась излагать свои обѣщанія на бумагѣ.

Царица Марія, будучи до сихъ поръ въ ссорѣ съ царевичемъ Давидомъ, своимъ пасынкомъ, теперь помирилась и стала часто посѣщать его.

Казахскіе агалары получили письмо Александра. Говоря о скоромъ вступленіи своемъ въ Грузію съ войсками, царевичъ просилъ ихъ не опасаться этого. Александръ увѣрялъ, что идетъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы разорить страну, но съ единственною цѣлію выгнать русскихъ изъ Грузіи. Нѣкоторые агалары отправились къ царевичу съ подарками и выраженіемъ своей предан-

[1]) Рапортъ Соколова кн. Куракину отъ 20-го сентября 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

ности. Борчалинскіе татары смотрѣли на казахскихъ и думали слѣдовать ихъ примѣру.

Теймуразъ, находившійся въ это время въ своихъ владѣніяхъ въ Сурамѣ, волновалъ народъ и князей [1]). Князья Абашидзевы, преданные царевичу, вошли въ переписку съ имеретинами и просили помощи.

— Что ты ко мнѣ въ домъ не ходишь,—спрашивалъ Теймуразъ Хадырбекова,—видно преданъ русскимъ.

— Преданъ,—отвѣчалъ Хадырбековъ,—потому что принялъ присягу.

— Ну, я могу еще бить тебя,—замѣтилъ Теймуразъ.—Я донесу царевичу Давиду, и ты будешь посаженъ подъ караулъ. Не надѣйся на капитана [2]) и на русскихъ; черезъ двадцать дней совсѣмъ здѣсь русскихъ не будетъ.

— Гдѣ будутъ русскіе, тамъ буду и я.

— Отецъ мой отдалъ царство русскимъ, говорилъ—Теймуразъ черезъ три дня тому же Хадырбекову,—потому что былъ глупъ, а я умнѣе его и буду владѣть всѣми крѣпостями.

Въ церквахъ, по приказанію того же царевича, поминали, во время службы, его и брата его Давида. Князья Абашидзевы продолжали переписку съ ахалцыхскимъ пашою и имеретинами. 5-го іюля, сурамскій житель Николай Чубадзе донесъ, что царевичъ Теймуразъ получилъ письма изъ Тифлиса и Имеретіи. Прочтя письма, онъ спряталъ ихъ подъ постель и говорилъ Абашидзе, что отрядъ русскихъ, расположенныхъ въ Памбакахъ, потерпитъ отъ нападенія персіянъ и по своей незначительности будетъ, конечно, уничтоженъ.

Князь Абашидзе съ своими приверженцами разглашалъ, что Кноррингъ, возвращаясь въ Георгіевскъ, былъ убитъ горцами и что бывшіе съ нимъ казаки также перебиты [3]).

Слухи эти казались тѣмъ болѣе вѣроятными, что царевичъ

---

[1]) Рапортъ кап. Бартенева 29-го іюня 1802 г.

[2]) Т. е. Бартенева.

[3]) Рапорты кап. Бартенева Симоновичу 29-го іюня и 2-го іюля.—Письмо ему же 5-го іюля.—Рапортъ Лазарева кн. Цицiарнову 18-го февраля 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I.

Вахтангъ, жившій въ Душетѣ, также подтверждалъ ихъ. Говорили, что онъ былъ и причиною мнимаго несчастія, случившагося съ Кноррингомъ.

— Справедливы ли эти слухи? спрашивали Вахтанга душетскій судья и уѣздный исправникъ.

— Я полагаю, что я одинъ о семъ свѣдѣніе имѣю,—отвѣчалъ двусмысленно царевичъ.

Зная вѣроломство и нравъ тагаурцевъ, грузины вѣрили въ возможность несчастія съ Кноррингомъ. Вскорѣ Лазаревъ узналъ источникъ, изъ котораго исходили такія извѣстія, и самый поводъ къ ихъ разглашенію.

Грабежи въ Тагаурскомъ ущельѣ, разбои и нападенія на проѣзжающихъ заставили Кнорринга принять мѣры къ наказанію одного изъ главныхъ старшинъ тагаурскаго народа, Ахмета Дударуку. Главнокомандующій приказалъ одной ротѣ Кавказскаго гренадерскаго полка, изъ двухъ расположенныхъ во Владикавказской крѣпости, двинуться на 25 верстъ впередъ, внутрь дефиле Кавказскихъ горъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы рота могла прибыть на назначенное ей мѣсто къ 20-му іюня, т. е. къ тому времени, когда самъ Кноррингъ прибудетъ туда же съ казачьимъ конвоемъ, при возвращеніи своемъ изъ Грузіи.

20-го іюня отряды соединились, и Кноррингъ остановился на высокой горѣ. Напротивъ отряда, также на возвышеніи, раскинулось селеніе Дударуки Ахметова. Главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Дударуку для объясненій. Ахметовъ въ отвѣтъ на это приспособлялъ къ оборонѣ три каменныя сакли, въ которыхъ засѣлъ съ своими сообщниками. Рота и 200 казаковъ отправлены для атаки селенія. Тагаурцы встрѣтили наступающихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Селеніе сожжено, многія сакли разрушены и опасность грозила атакованнымъ. Дударука просилъ остановить наступленіе, обѣщая исполнить всѣ требованія. Шесть осетинскихъ старшинъ поручились и приняли на себя отвѣтственность въ томъ, что Дударука прекратитъ грабительства и выдастъ все захваченное. Съ своей стороны Дударука выдалъ аманатовъ.

Обезпеченіе сообщенія Кавказской линіи съ Грузіею было такъ важно, что Кноррингъ, не смотря на этотъ успѣхъ въ августѣ,

заключилъ съ тагаурцами письменное условіе, по которому предоставилъ имъ право: 1) представителямъ десяти тагаурскихъ фамилій, владѣющихъ проходомъ отъ Балты до Дарьяла, брать пошлины съ проѣзжающихъ купцовъ, грузинъ и армянъ; 2) за каждый построенный нами мостъ во владѣніяхъ тагаурцевъ обязался платить по 10 рублей въ годъ; 3) обѣщалъ обезпеченіе ихъ отъ притѣсненій и набѣговъ кабардинцевъ; 4) дозволить свободный проѣздъ тагаурцамъ въ Моздокъ и Тифлисъ, гдѣ обѣщано имъ покровительство и обезпеченіе отъ притѣсненій со стороны мѣстнаго населенія [1]).

Въ залогъ вѣрности и сохраненія заключенныхъ условій, онъ взялъ аманата, которому обѣщалъ выдавать жалованье по 120 рублей въ годъ.

Таковы въ дѣйствительности были происшествія съ Кноррингомъ, которыя переиначивались въ своей сущности и въ измѣненномъ, ложномъ видѣ распускались по Грузіи.

Лазаревъ, сообщая о всѣхъ ходившихъ слухахъ Коваленскому, просилъ вызвать царевичей изъ ихъ помѣстій въ Тифлисъ, и въ особенности царевича Теймураза.

Не дождавшись однако же отвѣта, Лазаревъ самъ отправился въ Сурамъ, чтобы сначала убѣдиться въ справедливости слуховъ, а потомъ, если они дѣйствительно существовали, то арестовать князей Абашидзевыхъ, какъ главныхъ сообщниковъ царевича.

13-го іюля, не доѣзжая до Сурама, онъ встрѣтилъ Теймураза, возвращающагося въ Гори. Царевичъ и Лазаревъ старались предупредить другъ друга. Теймуразъ получилъ наканунѣ извѣстіе о скоромъ прибытіи Лазарева въ Сурамъ, въ тотъ же день собирался выѣхать въ Гори, и избѣжать тѣмъ свиданія. Опасность проѣзда отъ лезгинъ заставила его выѣхать на слѣдующее утро, что и было причиною ихъ встрѣчи. Не объяснивъ другъ другу настоящей цѣли своего путешествія, каждый отправился своею дорогою, Теймуразъ поѣхалъ въ г. Гори, а Лазаревъ — въ Сурамъ. Здѣсь Лазаревъ призвалъ къ себѣ одного изъ князей Абашидзе.

---

[1]) Условіе, подписанное Кноррингомъ 30-го августа 1802 г.

— Какая причина, — спрашивалъ онъ князя, — заставляетъ васъ дѣлать поступки, противные присягѣ, данной Государю Императору?

Абашидзе отвѣчалъ, что никакихъ проступковъ за собою не знаетъ, и заперся во всемъ.

— Почему же вы не повинуетесь суду? спросилъ его Лазаревъ.

— Потому, что мы всѣ сравнены съ мужиками,—отвѣчалъ Абашидзе.

Лазаревъ приказалъ арестовать князя Абашидзе и всѣхъ его приверженцевъ. Царевичъ же Теймуразъ оставленъ въ Гори до времени [1]).

Среди такихъ безпорядковъ, положеніе Грузіи становилось съ каждымъ днемъ болѣе затруднительнымъ отъ разорительныхъ набѣговъ лезгинъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ Лазаревымъ, полагавшимъ, что особенно частые грабежи и вторженія лезгинъ происходятъ по проискамъ царской фамиліи. Царевичамъ и царицамъ хотѣлось указать народу, что, при всей бдительности и попеченіи о его спокойствіи, русское правительство мало успѣваетъ въ этомъ. Старались возбудить недовѣріе въ народѣ и показать, что, вступивъ въ подданство Россіи и не пріобрѣтя спокойствія, онъ потерялъ многое.

«...Дабы скорѣе,—писалъ Лазаревъ [2]),—и гораздо ощутительнѣе видѣть въ предпріятіи своемъ успѣхи, всесильно стараются они разсѣивать разные слухи, умножать въ жителяхъ здѣшнихъ странъ ропотъ противу насъ, стараясь также вперить въ мысли ихъ, сколь невыгодно для нихъ востановленное нынѣ правленіе россійское».

Бѣжавшіе въ Имеретію царевичи очень нуждались въ содѣйствіи Вахтанга, который, находясь въ сосѣдствѣ съ жителями горъ, долженъ былъ помочь имъ возмущеніемъ горскихъ племенъ и пресѣченіемъ сообщенія съ Кавказскою линіею.

Войдя въ сношеніе и переписку, они убѣдили царевича, подъ

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 18-го іюля 1802 г., № 355.
[2]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 20-го іюля 1802 г.

видомъ защиты себя отъ лезгинъ, никогда недѣлавшихъ, впрочемъ, набѣговъ на его владѣніе, собрать толпу вооруженныхъ, какъ бы готовясь на ихъ отраженіе. Вахтангъ велъ переговоры съ тагаурцами и осетинами, жившими по ущельямъ горъ, по которымъ пролегала дорога изъ Россіи въ Грузію. Онъ склонялъ ихъ къ возмущенію.

Дѣятельная переписка между членами царскаго дома, поселившимися въ разныхъ пунктахъ Грузіи и внѣ ея, охватила всю страну какъ сѣтью и имѣла одну цѣль—уничтоженіе русскаго владычества въ краѣ. Первое время успѣхи ея были удовлетворительны. Тифлисъ, какъ центръ интригъ, волновался. Легковѣрный народъ увѣрили о скоромъ и сильномъ нападеніи на городъ. Говорили, что русскіе, узнавъ о значительныхъ силахъ непріятеля и не будучи въ состояніи съ нимъ бороться, думаютъ отступить. Отступленіе это, по словамъ недоброжелателей, должно быть скорое и поспѣшное, такъ какъ нельзя было разсчитывать, по ихъ словамъ, на помощь съ линіи, потому что народы, живущіе въ горахъ, по совѣту Вахтанга, всѣ возстали и, занявъ дороги, отрѣзали путь, по которому могли бы слѣдовать русскія войска въ Грузію. Народъ роптал, терялъ присутствіе духа и представлялъ въ преувеличенномъ видѣ предстоящія бѣдствія отъ вторженія лезгинъ. По приказанію царицы Дарьи, былъ сожженъ авлабарскій мостъ и произведено нѣсколько выстрѣловъ въ предмѣстьѣ Тифлиса. Они произвели свое дѣйствіе и увеличили страхъ народа, услышавшаго на утро, что то была партія лезгинъ, безнаказанно пробравшихся въ столицу.

«Изъ князей и дворянъ здѣшнихъ,—доносилъ Лазаревъ [1]),—кои всѣ имѣютъ преданными имъ нѣсколько подданныхъ своихъ, осталась усердствующихъ самая малая часть; да и изъ сихъ кажущихся, безъ сомнѣнія, найдутся такіе, кои равно преданы намъ и къ противной партіи, и при случаѣ пристанутъ они къ той сторонѣ, которая въ виду ихъ будетъ выгоднѣйшею. Казахи борчалинцы и вообще татары намъ весьма невѣрны и не упустятъ при чаямой перемѣнѣ явно противостать намъ, къ коимъ присоединится также и ханъ ганжинскій, неблагонамѣреніе свое и

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 20-го іюля 1802 г.

прежде оказавшій. Я полагаю, что и эриванскій ханъ за лучшее разсудитъ пристать къ партіи ихъ, хотя теперь и кажется къ нимъ непричастнымъ...»

При такомъ состояніи нельзя было одними словами успокоить народъ, необходимо было показать ему дѣйствительную, фактическую защиту и прежде всего охранить отъ всякихъ вторженій, хищничества и разоренія. Охраненіе границъ Грузіи было первою и самою насущною необходимостію.

Объѣхавъ границу Грузіи, побывавши въ селеніяхъ Памбакской провинціи, посѣтивъ татарскіе народы: казаховъ и борчалинцевъ, селенія шамшадыльскія и шулаверскія, прилегавшія къ владѣніямъ ганжинскаго хана, нельзя было не убѣдиться въ бѣдственномъ положеніи жителей. Повсюду встрѣчалась земля плодородная, но селенія, отъ внѣшнихъ вторженій хищниковъ и внутреннихъ крамолъ, были крайне разорены. Часть, прилегающая къ Ганжинскому и Эриванскому ханствамъ, потерпѣла наибольшія бѣдствія. Памбаки и Шамшадыль требовали наибольшаго обезпеченія войсками, какъ по важности своего положенія, такъ и въ защиту наиболѣе разоренныхъ жителей.

Въ первомъ пунктѣ были расположены только двѣ роты мушкетерскія, одна егерская и одно орудіе, а въ Шамшадылѣ не было вовсе войскъ. Кноррингъ, въ бытность свою въ Грузіи, усилилъ постъ въ Памбакахъ еще одною егерскою ротою и 80-ю казаками, назначивъ командующимъ всѣмъ отрядомъ 17-го егерскаго полка полковника Карягина. Въ Шамшадыль отправлены одна рота мушкетеръ, восемь ротъ егерей [1]), 70 казаковъ и три орудія подъ начальствомъ шефа 17-го егерскаго полка генералъ-маіора Лазарева.

Обезпечивъ такимъ образомъ границу Грузіи со стороны Персіи, защиту ея съ прочихъ сторонъ Кноррингъ, по необходимости, долженъ быдъ оставить до болѣе удобнаго времени, то есть, до увеличенія войскъ, ихъ укомплектованія и приведенія полковъ въ трехбаталіонный составъ, вмѣсто бывшаго двухбаталіоннаго. Кноррингъ уѣхалъ изъ Грузіи. Лазарева обстоятельства вызвали

[1]) Сформированныхъ по новымъ штатамъ изъ одного баталіона и ожидавшихъ укомплектованія.

въ Тифлисъ. Волненія въ краѣ требовали присутствія войскъ въ разныхъ пунктахъ, и вышеприведенное расположеніе ихъ оказалось неудобнымъ и несоотвѣтствующимъ цѣли. Теперь надо было расположить такъ, чтобы можно было уничтожить внутреннія волненія, обезпечить отъ вторженія лезгинъ и выставить на границу Персіи на показъ шаху, что покушенія его противъ Грузіи не останутся безнаказанными, что русскія войска всегда готовы его встрѣтить.

Въ случаѣ покушеній Баба-хана, Лазареву вмѣнено въ обязанность собрать тотчасъ отрядъ и двинуться на границу Эривани, требовать отъ правителя Грузіи, чтобы всѣ народы воинственные, какъ-то жители Кизиха (Сигнаха), Казахи и Памбаки, были присланы въ отрядъ въ наибольшемъ числѣ.

Военныя дѣйстія, во избѣжаніе новыхъ разореній народа, приказано переносить за границы Грузіи, и встрѣчать персидскія войска во владѣніяхъ эриванскаго хана. Это послѣднее приказаніе крайне стѣсняло Лазарева, при весьма незначительной боевой силѣ, бывшей въ его распоряженіи.

Въ Грузіи были полки: Кавказскій гренадерскій, Тифлисскій и Кабардинскій мушкетерскіе и 17-й егерскій полкъ. Кавалерія состояла изъ двухъ донскихъ полковъ: Тарасова 2-го и Щедраго 2-го. Все число пѣхоты доходило до 7,000 человѣкъ [1]).

Безпокойства и волненія внутри царства, опасность, грозив-

---

[1]) Хотя по существующимъ штатамъ полковъ, числительность пѣхоты и должна была бы доходить до 8,064 человѣкъ (въ каждомъ гренадерскомъ и мушкетерскомъ полку полагалось по штату 2,160 человѣкъ, а въ егерскомъ 1,584 человѣка); но полки были некомплектные. 26-го марта 1802 г. Кноррингъ доносилъ Императору Александру I, что войска, расположенныя въ Грузіи, весьма частыми поисками и преслѣдованіемъ хищниковъ «по труднымъ утесамъ, стремнинамъ и по лѣсамъ», лишаются обуви прежде срока, а потому и просилъ «повелѣть коммиссаріату хотя на половинное число войскъ, Грузію облегающихъ, то-есть, на 3,500 человѣкъ, отпускать ежегодно въ распоряженіе мое по одной парѣ сапогъ натурою», сверхъ отпускаемыхъ прочимъ войскамъ (См. Арх. Мин. Внут, Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 34). Ходатайство Кнорринга было утверждено (см. П. С. З)., и кавказскія войска пользовались этимъ преимуществомъ весьма долгое время. Такимъ образомъ, Кноррингъ самъ опредѣлилъ число пѣхоты въ 7,000 человѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленіе это вѣрно. Лица, долго служившія на Кавказѣ и извѣстныя своею опытностію, говорили, что по сапогамъ точнѣе всего можно опредѣлить во всякое время числительность войскъ Кавказскаго корпуса.

шая ему отъ внѣшнихъ нападеній, заставили Лазарева, по необходимости, разбросать войска по всему пространству незначительными отрядами.

Взглянувъ на карту Грузіи и на расположеніе войскъ, легко видѣть, что съ такою горстью войскъ и при столь большой ихъ разбросанности, трудно было предупредить по границамъ грабежи и хищничество лезгинъ, прокрадывавшихся незначительными партіями и нерѣдко одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Среди такого грабежа и безпокойствъ всякаго рода между народомъ распространялось уныніе, а иногда и отчаяніе. Поселяне видя со всѣхъ сторонъ и даже подъ самымъ Тифлисомъ разоренныя селенія, не смѣли приступать къ сельскимъ работамъ. Путешественники отправлялись въ путь свой со страхомъ и какъ-бы украдкою, прокрадываясь по ночамъ отъ селенія къ селенію. Русскіе чиновники и должностныя лица ѣздили не иначе, какъ съ сильнымъ конвоемъ.

«Таковыя неудовольствія, доносилъ графъ Мусинъ-Пушкинъ [1]), не мало не могутъ быть приписаны какому-либо недостатку въ бдѣніи со стороны военнаго начальства. Напротивъ того, войска здѣшнія въ безпрерывномъ движеніи, и по истинѣ сказать можно, что въ Кавказскомъ гренадерскомъ полку подъ Тифлисомъ стоящемъ и егерскомъ генералъ-маіора Лазарева едва проходитъ не токмо недѣля, но единый день, чтобы не гонялись разными отрядами за таковыми хищниками,—рѣдко, однако же, съ успѣхомъ, ибо возможно ли пѣхотѣ догнать конницу, на персидскихъ лошадяхъ воюющую?»

Просьба нѣкоторыхъ лезгинскихъ обществъ, жившихъ на восточной границѣ Грузіи, о дозволеніи имъ вести торгъ съ Грузіею, была принята какъ надежда на возможность къ мирнымъ сношеніямъ съ лезгинами и какъ средство къ прекращенію грабежей. Грузинское купечество само просило о пропускѣ къ нимъ лезгинскихъ каравановъ. Кноррингъ разрѣшилъ обоюдную просьбу съ условіемъ, что лезгины прекратятъ набѣги, дадутъ въ залогъ ама-

[1]) Письмо графа Мусина-Пушкина Трощинскому 20-го августа № 61. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, №№ 502, 395.

натовъ, и тѣ, которые будутъ пріѣзжать для торга въ Грузію, не будутъ служить проводниками хищникамъ [1]).

Лезгины подписали условіе, но обѣщанныхъ аманатовъ не прислали. Въ іюлѣ, лезгинскій караванъ прибылъ къ границамъ царства и былъ пропущенъ внутрь страны.

Желаніе нѣкоторыхъ обществъ на мирное и торговое сношеніе съ Грузіею не было обязательно для прочихъ лезгинскихъ обществъ, и потому усиленіе отряда признавалось все же необходимымъ, тѣмъ болѣе, что и властитель Персіи заявлялъ свои притязанія на Грузію.

Персидскія войска расположились у урочища Осіанъ, въ 60 верстахъ отъ Нахичевани. Царевичи Юлонъ и Парнаозъ находились, по-прежнему, въ Имеретіи. Изъ Дагестана въ Бѣлоканы собирались лезгины [2]). Ганжинскій ханъ присоединился къ сторонѣ непріязненной Россіи. Эриванскій ханъ сохранялъ глубокое молчаніе. Казалось, небо Грузіи заволакивалось тучами, и надъ бѣдною страною готовъ разразиться новый и сильный громъ съ его послѣдствіями...

XXV.

Развитіе безпокойствъ и ихъ усмиреніе.—Арестованіе царевича Вахтанга.—Назначеніе князя Циціанова главнокомандующимъ въ Грузію.

Оставивъ Грузію послѣ открытія правленія и приведенія къ присягѣ народа, Кноррингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ и не пріѣзжалъ съ тѣхъ поръ ни разу въ Тифлисъ. Главнокомандующій не понялъ важности возложенной на него обязанности, не понялъ того административнаго и боеваго значенія, которое предназначено было имѣть Грузіи въ дѣлѣ покоренія Кавказа. Предоставивъ право правителю распоряжаться въ Грузіи по своему произволу, Кноррингъ предпочелъ мелкіе и ни къ чему неведущіе переговоры съ

[1]) Письмо Кнорринга лезгинскимъ обществамъ 15-го мая.—Рапортъ Коваленскаго Кноррингу 13-го іюля, № 701.

[2]) Рапортъ Лазарева ему же, 12-го августа, № 409. Акты Кавк. Археогр. Комм. т. I, 380.

горцами дѣйствительному умиротворенію края. Горцы на первыхъ же порахъ не исполняли данныхъ обѣщаній и заключенныхъ условій, но это не мѣшало главнокомандующему заключать съ ними новыя, надѣясь въ этомъ случаѣ на *авось*, всегда вывозившее русскаго человѣка изъ затруднительнаго положенія. На Грузію Кноррингъ смотрѣлъ изъ Георгіевска въ тѣ ложныя очки, которыя были подставляемы правителемъ ея, и за то заслужилъ, впослѣдствіи, много нареканій, хотя вовсе незаслуженныхъ имъ лично, но допущенныхъ по слабости ли характера или по чему-либо другому. Хотя злоупотребленія, вкравшіяся въ верховное грузинское правленіе, и нельзя ни въ какомъ случаѣ отнести къ личности Кнорринга, но народъ смотрѣлъ на него какъ на главнокомандующаго, во власти котораго было уничтожить ихъ. Грузины прежде всего укоряли Кнорринга въ бездѣйствіи и укоряли справедливо. Слабость и безтактность иногда вреднѣе, чѣмъ твердость и сила воли, хотя бы и направленные въ дурную сторону. Отъ послѣдней можно устраниться, тогда какъ первою могутъ завладѣть сотни лицъ неблагонамѣренныхъ, отъ наброшенной сѣти которыхъ трудно избѣжать. Такъ было въ этомъ случаѣ и съ Кноррингомъ. Грузинамъ была тяжела его административная дѣятельность, и они пріискивали средства къ тому, чтобы выдти изъ такого непріятнаго положенія.—«Главнокомандующій,—писалъ современникъ,—какъ кажется, неумышленно, по единой слабости и по неограниченному довѣрію къ правителю, упустилъ изъ вида весьма много предметовъ къ доставленію народу грузинскому благосостоянія, какого онъ надѣялся получить отъ монарха, сострадательнымъ окомъ на судьбу его воззрѣвшаго».

Въ концѣ іюля, въ Кахетіи обнаружилось нѣкоторое волненіе народныхъ умовъ. Князья, недовольные присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, стали распускать слухи о томъ, что русское правительство намѣрено всѣхъ князей вывезти въ Россію; что всѣ грузины будутъ переселены, а мѣста ихъ заселятъ казаками; что въ непродолжительномъ времени будетъ рекрутскій наборъ; что церковныя недвижимыя имѣнія будутъ отобраны, а съ народа потребуютъ сразу двухгодичную подать [1]).

[1]) Изъ письма князю Герсевану Чавчавадзе. Т. А. К. Н.

«Если ты любопытенъ о здѣшнихъ вѣстяхъ,—писалъ неизвѣстный князю Ивану Орбеліани—манифестъ, конечно, ты уже видѣлъ, а теперь Дмитрію Орбеліани дали сардарьство, ты-жь не не имѣешь уже онаго. Царевичей обратно не отпускаютъ, да слышалъ я, что и тѣхъ, которые находятся у васъ, требуютъ сюда; а когда они будутъ переведены, то расположено дѣло такъ, что и всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ Багратіоновыхъ перевесть сюда-жь, а притомъ и всѣхъ знатныхъ людей, князей, дворянъ и мужиковъ тамошнихъ хотятъ перевесть и поселить здѣсь, а здѣшнихъ казаковъ 14 тысячъ дворовъ переводятъ въ Грузію. Если хочешь знать, все сіе сдѣлано вашимъ Герсеваномъ. Ему дали генеральскій чинъ, а вы погибли. Я ѣдалъ хлѣбъ отца твоего и пишу къ тебѣ справедливо [1].»

Царевичъ Давидъ разсказывалъ, что всѣ татары обращены будутъ въ казаковъ и что начальникомъ надъ ними будетъ назначенъ бывшій сардарь князь Орбеліани, который будетъ имѣть отъ того 40 тысячъ дохода. Татары получили объ этомъ также письмо царевича.

— Почему же вы не искали этого мѣста? спрашивали князья царевича Давида.

— Я ни за что на свѣтѣ не надѣну казачьяго платья,—отвѣчалъ онъ.

— Лучше носить казацкій мундиръ, который есть императорскій, чѣмъ грузинскій кафтанъ.

— Я имѣю генералъ-лейтенантскій мундиръ.

— Почему же вы носите грузинскую шапку, шаравары и туфли съ такимъ почетнымъ мундиромъ, а не хотите имѣть тотъ же почетный мундиръ и при немъ 40 тысячъ дохода?

— Да,—говорилъ царевичъ,—шутите, а татары будутъ казаками. Вотъ каково просить русскихъ.

— Лучше быть въ бѣднѣйшемъ состояніи у христіанъ, чѣмъ богатѣйшему у магометанъ, или при такомъ правленіи, какое было при царяхъ,—отвѣчали князья.

На другой день болѣе двадцати князей собрались къ Лазареву

---

[1]) 3-го января 1802 г. Акты Кавк. Археог. Комм., т. I, 442, № 557.

для узнанія истины [1]). Подобныя разглашенія находили такихъ, которые вѣрили имъ вполнѣ, и тѣмъ болѣе, что тамошнее правительство какъ бы подтверждало всѣ нелѣпые слухи, ходившіе по Грузіи. Такъ, телавскій капитанъ-исправникъ разсказывалъ, что отъ князей будутъ отобраны моуравства и ихъ удалятъ отъ всѣхъ должностей. Грузины, «какъ народъ весьма вѣтреный, легковѣрный и любящій весьма частыя перемѣны, а особливо гдѣ они видятъ на тотъ разъ свои выгоды, вѣрятъ всему, что имъ говорятъ и отъ сего иногда происходятъ непріятные слухи [2])».

Исправникъ, объѣзжая деревни, объявлялъ жителямъ, что онъ моуравъ, что имъ слѣдуетъ обращаться къ нему со всѣми жалобами, рѣшеніе которыхъ зависитъ только отъ него. Князья, коихъ жизнь и содержаніе зависѣли отъ одной должности, конечно, не могли оставаться равнодушными къ такимъ разглашеніямъ, которыя для нихъ становились вопросомъ о жизни и смерти. Князья сознавали, что пропитаніе ихъ состоитъ въ доходѣ, получаемомъ отъ должности, лишившись которой, говорили они, намъ все равно, что жить, что умереть, «потому что мы содержать себя не можемъ» [3]). Они просили Императора Александра оставить ихъ при занимаемыхъ должностяхъ [4]), и когда узнали, что прошеніе это не отослано по назначенію, просили правителя Грузіи о томъ же, но и тутъ получили отвѣтъ, несоотвѣтствовавшій ихъ просьбѣ [5]). Тогда князья и дворяне обратились съ просьбою къ генералъ-маіору Гулякову. Они жаловались ему, что не исполняются обѣщанія, данныя въ манифестѣ о присоединеніи Грузіи къ Россіи.—«Безопасность намъ обѣщана, но въ чемъ она видна? Села и деревни терзаются лезгинами, а вы ни о чемъ не

---

[1]) Письмо Лазарева Кноррингу. 11-го марта. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 352.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 245.

[3]) Изъ прошенія кахетинск. кн. и дворянъ Коваленскому. Акты Комм., 1866 г. т. I, 388.

[4]) Прошеніе Императору, тамъ же.

[5]) Коваленскій отвѣчалъ на это очень неудачно. Вмѣсто того, чтобы опровергнуть эти ложные слухи, онъ писалъ, что собираетъ свѣдѣнія и справки о правахъ каждаго изъ князей съ тѣмъ, чтобы ходатайствовать у Государя о соотвѣтственномъ вознагражденіи каждаго. Этимъ сообщеніемъ онъ какъ будто подтверждалъ слова телавскаго исправника.

заботитесь; велѣно возвысить честь церквей и епископовъ, а вы отобрали отъ нихъ всѣ вотчины и крестьянъ; велѣно прибавить почести князьямъ, а между тѣмъ мы, которые были почтены отъ нашихъ владѣтелей и чрезъ то кормились, лишены и этой чести. Права тѣхъ изъ насъ, которые управляли деревнями за свои великіе подвиги и пролитіе крови, нарушены; крестьянамъ Государь обѣщалъ милость — не требовать съ нихъ въ теченіе 12 лѣтъ податей [1]); также повелѣлъ остатки отъ жалованья правителямъ обращать на возстановленіе нашего разрушеннаго города, но и это не сбылось...»

У урочища Кельменчуры собрались кахетинскіе князья, тушинскіе и кизихскіе старшины. Они пришли сюда поговорить о предстоящей имъ участи, о грозящемъ новомъ бѣдствіи. Здѣсь рѣшено было защищать свои права и привилегіи. Князья видѣли, что защита ихъ безъ содѣйствія и согласія народа не можетъ быть сильною и упорною; необходимо было опереться на желаніе народа. Тогда по окружнымъ селеніямъ производился по ночамъ закликъ (приглашеніе), чтобы всѣ жители шли на общее совѣщаніе. При этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, не обходилось безъ насилій. Кто не хотѣлъ идти на совѣщаніе, того выгоняли силою [2]). Въ кельменчурскомъ собраніи князья, духовенство и народъ составили подписку, письменный актъ и поклялись передъ св. Троицею, чтобы просить русскаго Императора утвердить духовное завѣщаніе покойнаго царя Ираклія II, и поставить надъ ними царя изъ дома Багратіоновъ, который бы находился во всегдашней зависимости и покровительствѣ русскаго Императора.

«Кто же отъ обязательства сего отстанетъ,— сказано въ подпискѣ [3]),—тотъ да будетъ отъ св. Троицы проклятъ, Багратіоновскому дому измѣнникъ, коего и повинны мы вообще наказать».

Кельменчурская подписка была тотчасъ разослана князьями ко всѣмъ кахетинскимъ жителямъ. Царевичу Юлону отправлено письмо, которымъ онъ приглашался скорѣе пріѣхать въ Грузію

[1]) Такого обѣщанія никогда даваемо не было.

[2]) Рапортъ Солeніуса Лазареву 26-го іюля.

[3]) Приложенной къ письму къ князю Чавчавадзе. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

для принятія царства. Для бо̀льшаго убѣжденія жителей, неучаствовавшихъ въ собраніи, распущенъ слухъ, что князь Соломонъ Аваловъ писалъ изъ Петербурга, будто Императоръ Александръ отправилъ въ Грузію тайнаго совѣтника Лошкарева спросить народъ, не желаетъ-ли онъ имѣть попрежнему своего царя [1]). Основываясь на этомъ извѣстіи, многія лица считали свои поступки правильными и законными.

Въ разныхъ мѣстахъ Кахетіи стали собираться князья и народъ для переговоровъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Нѣкоторыя собранія соглашались слѣдовать безусловно всему тому, что было постановлено въ кельменчурскомъ совѣщаніи, другіе, напротивъ, прочитавъ подписку, возвращали ее посланнымъ, говоря, что «они дѣлаютъ весьма непохвальное дѣло, противное Богу и Государю [2])».

Въ этомъ случаѣ съ наибо̀льшимъ тактомъ и смысломъ велъ себя простой народъ; онъ оставался «искренно преданнымъ и вѣрнымъ» [3]). Жители цѣлыми деревнями приходили къ генералъ-маіору Гулякову спрашивать наставленій, ка̀къ поступать имъ въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ? Жители деревни Калаури объявили, что не только «не покусятся на таковой бунтъ и возмущеніе противу присяги и вѣрности русскому Императору, но даже и мыслить объ ономъ не хотятъ».

Такимъ образомъ, волненіе это было дѣломъ однихъ князей и выраженіемъ ихъ простаго протеста противъ распущенныхъ ложныхъ слуховъ объ ограниченіи ихъ вѣковыхъ привилегій.

25-го іюля кахетинскіе князья, въ присутствіи вытребованнаго ими митрополита Іоанна Бодбельскаго, сначала присягнули Императору Александру, а потомъ царевичу Юлону [4]), какъ законному царю Грузіи. Замѣчательно то, что присягавшіе просили некресскаго митрополита ободрить народъ и обязать его быть усерднымъ Императору и царю Юлону.

---

[1]) Изъ показанія князя Симона Кабулова. А. К. К. т. I, 370.

[2]) Показаніе Андрея Швили 29-го іюля. Тамъ же.

[3]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, 392.

[4]) Рапортъ Гулякова Лазареву 26-го іюля, № 181. Показаніе митрополита и письмо кахетинскихъ князей Лазареву 27-го іюля. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, №№ 476, 364.

Происшествія въ Кахетіи скоро стали извѣстны и въ Тифлисѣ. Коваленскій писалъ Лазареву [1]), что получилъ достовѣрное свѣдѣніе «о составленномъ въ Кахетіи соглашеніи и даже о подпискѣ, для нарушенія общаго спокойствія и ниспроверженія существовавшаго правительства».

Лазаревъ тотчасъ же пріѣхалъ къ Коваленскому для совѣщаній о средствахъ къ подавленію волненій, но Коваленскій успокоилъ его [2]).

— Опасаться нечего,—говорилъ правитель,—потому что, если бы и въ самомъ дѣлѣ мятежъ возникъ, то, по моему мнѣнію, нельзя имѣть удобнѣйшаго случая къ полученію наградъ за усмиреніе быть могущихъ. Потому желательно, чтобъ что-нибудь подобное случилось.

Между тѣмъ въ Тифлисѣ получено прошеніе на имя Императора Александра, подписанное 69 лицами.

«Когда мы присягали на вѣрность вашего императорскаго величества,—писали подписавшіеся [3]),—тогда объявленъ былъ намъ высочайшій манифестъ, въ которомъ между прочимъ изображено, яко бы мы донесли высочайшему двору, что царя не желаемъ имѣть, и будто бы безъ царя поступили мы подъ покровительство и верховное управленіе вашего величества.

«Сіе уподоблялось бы французской республикѣ! Наши цари никакой вины передъ нами не сотворили, и намъ отъ нихъ нечего отрекаться. Болѣе тысячи лѣтъ, какъ родъ Багратіоновъ есть царственный; многіе изъ нихъ за Христа и за насъ мученіе воспріяли и кровь свою проливали, и мы при нихъ умирали.

«Итакъ, отрицаніе отъ нихъ не есть наше дѣло, а выдумка обманщиковъ; наше желаніе и просьба въ томъ состоитъ, чтобъ духовное завѣщаніе ознаменовавшагося великими подвигами на пользу отечества покойнаго царя Ираклія было утверждено, и по силѣ онаго данъ былъ бы намъ царь, съ которымъ оставались бы мы подъ высочайшимъ покровительствомъ вашимъ и по мѣрѣ

---

[1]) Письмо Коваленскаго, Лазареву, 22-го іюля 1801 г., № 49.

[2]) Записка Соколова отъ 20-го сентября 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—5, 1802—1803 гг., № 1.

[3]) Акты Кавк. Арх. Комм. т. I, 387.

силъ нашихъ употребили бы себя на службу вашего величества. Сего просимъ съ колѣнопреклоненіемъ и воздыханіемъ».

Съ письмомъ этимъ думали отправить въ Петербургъ царицу Дарью [1]), которая, въ предупрежденіе подозрѣній, ранѣе этихъ происшествій заявила Коваленскому желаніе ѣхать въ нашу столицу съ двумя своими дочерьми.

Изъ показаній князей видно, что рѣшившись просить о возведеніи на царство Юлона, они думали приступить къ этому не ранѣе, какъ по разсмотрѣніи этой просьбы Императоромъ Александромъ.

Совѣщанія и съѣзды между тѣмъ продолжались; князья манавскіе ѣздили каждый день на сборное мѣсто за гору, гдѣ ожидали царевича Александра, и стращали жителей разореніемъ ихъ деревень, если не присоединятся къ нимъ. Оставаясь непреклоннымъ, народъ просилъ защиты. Тогда рѣшено было арестовать князей [2]). Посланная въ Манаву команда успѣла арестовать двухъ князей; остальные четыре, отстрѣливаясь, скрылись въ густомъ лѣсу, приказавъ сказать жителямъ, что «они отъ рукъ ихъ не уйдутъ и будутъ разорены».

Бѣжавшіе князья, боясь преслѣдованія, собирались для совѣщаній по ночамъ и, по прошествіи однѣхъ или двухъ сутокъ, назначали другое мѣсто для сборовъ [3]).

Необходимо было принять мѣры къ тому, чтобы лица неблагонамѣренныя не могли волновать народъ и грозить ему новымъ разореніемъ. Совѣтники Корнѣевъ и Лофицкій отправлены изъ Тифлиса въ Телавъ для изслѣдованія. Правитель Грузіи просилъ Лазарева назначить имъ конвой и приказать начальникамъ войскъ, тамъ расположенныхъ, арестовать лицъ, признанныхъ ими виновными.

Получено извѣстіе, что нѣсколько князей и жителей деревень Сигнахскаго уѣзда ушло къ царевичу Александру. Коваленскій конфисковалъ ихъ имѣніе и приказалъ арестовать ихъ сообщни-

---

[1]) Донесеніе кн. Челокаева Коваленскому, 15-го іюля 1802. Акты Кавк. Арх. Комм. стр. 385.

[2]) Рапортъ генералъ-маіора Леонтьева 28-го іюля, № 138. Манава лежитъ неподалеку отъ Сагореджо, гдѣ стоялъ Леонтьевъ.

[3]) Рапортъ его же 29-го іюля, № 139.

ковъ [1]), что и было исполнено Корнѣевымъ при содѣйствіи генералъ-маіора Гулякова. Князья протестовали противъ такого рода дѣйствій. «Что было намъ повелѣно отъ всемилостивѣйшаго Государя, писали они,—присяга или другое что,—все мы исполнили, что доказываютъ и наши подписки, а вы предали насъ такой скорби». Князья просили показать повелѣніе Императора, а «безъ повелѣнія Государя,—писали они,—не хватайте князей—это не въ порядкѣ вещей» [2]).

Аресты продолжались по-прежнему. Князья снова обратились съ просьбою къ Гулякову.—«Передъ симъ мы къ вамъ писали и все подробно доложили, а вы подателя нашего письма заарестовали [3]). Даже и Государь не изволилъ бы этого сдѣлать. Кромѣ сего, вы еще задержали князей, которые ни въ чемъ невиновны. Мы доселѣ были весьма довольны вами, такъ какъ вы за нашу землю много потрудились и въ другихъ отношеніямъ хорошо обращались; не думали, что вы безъ вины обидите нашихъ братьевъ. Если наши рѣчи толкуютъ вамъ иначе, то это ложь. Какъ наша рѣчь, такъ и ихъ (арестованныхъ) заключается вотъ въ чемъ: покойный царь Ираклій, много за насъ подвизавшійся, оставилъ завѣщаніе, на которомъ мы присягали, чтобы послѣ царя Георгія быть царемъ надъ нами Юлону. Мы и стоимъ на этомъ завѣщаніи и на нашей клятвѣ; мы — вообще Андрониковы, Вачнадзе, Джандіеровы, весь Кизикъ и другіе князья и простой народъ, сперва присягнули на вѣрность Государю, а затѣмъ Юлону, а этотъ, въ свою очередь, намъ, и мы, по мѣрѣ возможности, будемъ служить... Сперва мы присягали на вѣрность Государю, а потомъ наслѣдственному нашему владѣтелю... Нынѣ мы вамъ докладываемъ, ради Христа, не предавайте насъ несчастію и не вводите въ измѣну противу Государя... Еще умоляемъ освободить задержанныхъ нашихъ братьевъ, чтобы успокоились и наши сердца, и народныя».

Нѣкоторые изъ князей хотѣли силою освободить арестован-

[1]) Предписаніе Коваленскаго 22-го іюля, № 51.

[2]) Письмо кн. кахетинскихъ Гулякову 21-го іюля. Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, 389.

[3]) Письмо кахетинскихъ князей ему же 25-го іюля. Тамъ же, стр. 369.

ныхъ, подговаривали къ тому народъ, но, не успѣвъ въ этомъ, раздѣлились на незначительныя партіи и скрывались днемъ въ лѣсахъ, а ночью въ селеніяхъ. Затѣмъ всѣ они собрались въ Кизикѣ (Сигнахѣ). Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ генералъ-маіора Гулякова, они обращались съ протестомъ къ подполковнику Соленіусу, прося его прекратить аресты. Лазаревъ писалъ Гулякову, чтобы онъ производилъ аресты съ осторожностію, чтобы не арестовать невинныхъ и не возбудить тѣмъ справедливаго негодованія народа. Онъ думалъ самъ двинуться въ Кахетію съ баталіономъ егерей, однимъ орудіемъ и съ нѣсколькими казаками.

29-го іюля князь Луарсабъ Орбеліани объявилъ Лазареву, что партія, противная Россіи, воспользовавшись волненіемъ въ краѣ, писала къ царевичу Вахтангу, прося его не пропускать въ Грузію нашихъ войскъ, сломать по дорогамъ мосты и вообще пресѣчь всякое сообщеніе съ Россіею. Лица царской фамиліи старались казаться непринимающими никакого участія въ этихъ безпорядкахъ. Теймуразъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и жилъ въ столицѣ Грузіи. Католикосъ царевичъ Антоній старался наружно казаться преданнымъ намъ, хотя извѣстно было, что онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ интересахъ царскаго дома [1]). Царица Дарья заявила генералъ-маіору Тучкову свое желаніе имѣть въ своемъ домѣ русскій караулъ. Лазаревъ воспользовался этимъ заявленіемъ царицы и тотчасъ же отправилъ къ ней 12 человѣкъ солдатъ, съ приказаніемъ слѣдить за ея дѣйствіями. Царица казалась довольною такою предупредительностью, хотя и не оставила своихъ интригъ, средоточіемъ которыхъ на этотъ разъ былъ царевичъ Вахтангъ.

Находясь въ Душетѣ, онъ велъ переписку съ царицею Дарьею и съ царевичами Юлономъ и Александромъ. Первый изъ нихъ былъ въ Имеретіи, а второй—въ Персіи. Вахтангъ сообщалъ имъ обо всемъ происходящемъ въ Грузіи, получалъ отъ нихъ разныя свѣдѣнія, велъ переписку со многими князьями, давалъ имъ пособіе, совѣты и «дѣлая сверхъ сего комуникацію изъ Россіи сюда весьма трудною» [2]).

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 29-го іюля 1802 г.
[2]) Тамъ же.

Бывшіе въ Петербургѣ царевичи Іоаннъ и Багратъ также не оставались праздными.

«Почему такъ позабыли меня и уже не вспоминаете единокровія! писалъ Іоаннъ князю Мокашвилову [1]). Въ какомъ находитесь состояніи? Всякъ, ищущій бо̀льшаго, намѣревается пасть, и вы сему должны послѣдовать. Нѣтъ уже столько разума,—кому что лучше. Ежели имѣете какое либо насиліе, или кто-либо васъ чѣмъ нибудь безпокоитъ, то всѣ вообще пишите и подъ прошеніемъ Государю секретно приложите печати четырехъ или пяти князей и пришлите ко мнѣ. Я здѣсь подамъ ихъ съ письмомъ къ Лошкареву, со всѣми подробностями; потомъ я знаю что̀ сдѣлать. Имѣйте сіе за секретъ и исповѣдь, чтобы никто не узналъ. Если вы желаете своего имѣть царя — пишите и о томъ; будетъ сдѣлано. Я все предоставляю вамъ, а то горестнѣе перваго будетъ—воля ваша...»

Для возстановленія полнаго спокойствія, Лазаревъ признавалъ необходимымъ и почти единственнымъ средствомъ арестовать царицу Дарью и царевича Вахтанга, какъ средоточіе всѣхъ интригъ и волненій.

На совѣщаніи положено Лазареву двинуться въ Кахетію, а генералъ-маіору Тучкову съ княземъ Тархановымъ—въ Душетъ, пригласить Вахтанга пріѣхать въ Тифлисъ, а если онъ не согласится, то арестовать царевича [2]).

Прибывъ 2-го августа на рѣку Лагбе и узнавъ, что неподалеку отъ мѣста его расположенія происходило собраніе князей, Лазаревъ отправилъ 3-го августа письмо ко всѣмъ кахетинскимъ князьямъ, которымъ требовалъ, чтобы они, сознавшись въ своихъ заблужденіяхъ, прибыли къ нему въ Сигнахъ къ 5-му августа.

3-го августа Лазаревъ подошелъ къ Сигнаху и расположился въ селеніи Нукреянахъ ожидать результата своего письма. Чрезъ два дня явился къ нему митрополитъ, князь Мокашвиловъ и съ ними нѣсколько князей изъ знатнѣйшихъ фамилій.

Князья объявили Лазареву, что являются къ нему съ полнымъ раскаяніемъ, какъ нарушители присяги, сознаютъ свои про-

---

[1]) Переводъ письма отъ 8-го августа. Тифл. Арх. Канц. Намѣстника.

[2]) Акты Кавк, Археогр. Комм., изд. 1866 г., т. I, 270.

ступки, какъ противные долгу, и будутъ «всесильно стараться заслужить вину ихъ [1]). На другой день, 6-го и 7-го августа, явились и остальные князья кахетинскіе съ такимъ же точно объясненіемъ.

Приведя ихъ снова къ присягѣ и узнавъ, что они писали письмо царевичу Юлону, призывающее его на царство, Лазаревъ совѣтовалъ написать царевичу о теперешнемъ ихъ рѣшеніи. Князья тотчасъ же согласились и написали новое письмо Юлону, въ которомъ отказывались отъ данной ему присяги, какъ противной русскому Императору.

Лазаревъ возвратился въ Тифлисъ (10-го августа), куда вскорѣ прибылъ и генералъ-маіоръ Тучковъ съ царевичемъ Вахтангомъ.

Въ отклоненіе всякаго подозрѣнія, наканунѣ, въ домѣ князя Орбеліани, находившемся въ предмѣстьѣ Тифлиса, назначенъ вечеръ, на который приглашены Тучковъ и князь Тархановъ. Съ наступленіемъ ночи, Тучковъ оставилъ домъ Орбеліани и выѣхалъ изъ города. Казаки, назначенные ему въ конвой, высланы за городъ заранѣе, черезъ разныя ворота и въ разное время небольшими партіями. Въ близлежащемъ лѣсу собрался отрядъ и соединился съ Тучковымъ. Рано утромъ 1-го августа, Тучковъ прибылъ въ Душетъ. Осмотръ роты его полка, квартировавшей въ Душетѣ, былъ видомою цѣлію пріѣзда Тучкова въ этотъ городъ. Онъ послалъ сказать царевичу, что желаетъ посѣтить его. Посланному отвѣчали, что царевичъ еще спитъ. Послѣ того Тучковъ три раза посылалъ къ царевичу, но тотъ подъ разными предлогами откладывалъ свиданіе.

Стоявшіе въ отдаленіи отъ зàмка казаки замѣтили, между тѣмъ, что изъ воротъ выѣхалъ одинъ конно-вооруженный грузинъ, котораго они хотѣли задержать, но тотъ бѣжалъ, былъ пойманъ и приведенъ къ Тучкову. Приказавъ его допросить, самъ Тучковъ отправился къ царевичу Вахтангу. На пути ему донесли, что изъ задней калитки зàмка вышли два человѣка, и затѣмъ, что царевичъ бѣжалъ. Вскочивъ на лошадь, Тучковъ съ

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу 11-го августа.

казаками бросился въ погоню, приказавъ гренадерамъ, бывшимъ въ Душетѣ, занять зàмокъ царевича Вахтанга.

Вдали, въ глазахъ казаковъ, Вахтангъ, въ сопровожденіи одного всадника, спѣшилъ къ зàмку верстахъ въ трехъ отъ Душета и принадлежавшему дворянину Глахи Челадзе.

Царевичъ скрылся въ оградѣ, которая тотчасъ же была окружена казаками. Приказавъ выбить ворота, Тучковъ нашелъ всѣ двери запертыми и самыя комнаты пустыми. Повидимому, ничто не изобличало присутствія людей въ зàмкѣ. Въ комнатахъ найдены, однако, съѣстные припасы, значительное количество ружей, пороха и свинца.—«Наконецъ, отыскали мы,—пишетъ Тучковъ [1]), спрятавшуюся старуху, которую допросивъ, принудили показать погребъ и отъ онаго подземный ходъ, простирающійся до сосѣдняго лѣса. Царевичъ ушелъ такимъ образомъ отъ нашего преслѣдованія. Не оставалось ничего болѣе, какъ начать наши поиски въ горахъ вооруженною рукою».

Цѣль побѣга Вахтанга была скрыться въ неприступныя мѣста своего владѣнія, лежавшаго по рѣкамъ Арагвѣ и Тереку въ ущельяхъ, примыкающихъ къ пути на Кавказскую линію. Окруживъ себя толпою вооруженныхъ, онъ думалъ поддерживать возмущеніе. Поэтому онъ прежде всего направился къ мтіулетинцамъ, какъ къ народу, наиболѣе воинственному изъ всѣхъ его подданныхъ.

Оставивъ у зàмка караулъ, Тучковъ бросился въ близлежащій лѣсъ, но и тамъ не нашелъ царевича. Вернувшись обратно въ Душетъ, онъ зашелъ къ царевнамъ супругамъ: Вахтанга I, умершаго, и племянника его, бѣжавшаго царевича Вахтанга, но и отъ нихъ не узналъ ничего о мѣстѣ пребыванія царевича.

Подходя къ дому, въ которомъ остановился, Тучковъ замѣтилъ до 10-ти человѣкъ конно-вооруженныхъ грузинъ, скакавшихъ по окружнымъ горамъ, дѣлавшихъ закликъ на народное собраніе и на всеобщее вооруженіе. То были близкіе царевича.

Въ Душетѣ было 60 человѣкъ гренадеръ и 50 казаковъ. Послѣднимъ, не смотря на утомленіе отъ долгихъ поисковъ, прика-

---

[1]) Записки Тучкова, стр. 132. Арх. Глав. Шт. въ С.-Петербургѣ.

зано, если не переловить скачущихъ, то, по крайней мѣрѣ, не допустить до деревни, гдѣ они могли взволновать народъ. Рота егерей, стоявшая въ Гартискаро и двѣ гренадерскія роты, бывшія въ Тифлисѣ, получили приказаніе немедленно прибыть въ Душетъ. Скликальщики разогнаны; одинъ итъ нихъ, тіонетскій моуравъ, приведенъ къ Тучкову.

По уѣздамъ Душетскому и Горійскому разослано объявленіе, въ которомъ говорилось, что если кто осмѣлится принять сторону царевича Вахтанга, то съ семействомъ того поступлено будетъ «съ неожидаемою жестокостію [1])». Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ имѣнія царевича конфискованы. Къ хевсурамъ, пшавамъ и тушинамъ отправлено также объвѣщеніе и увѣщаніе не содѣйствовать замысламъ царевича.

Тучковъ потребовалъ къ себѣ дворянина Мурвадзе, извѣстнаго своею преданностію къ царевичу Вахтангу. Отдавъ ему письмо, Тучковъ приказалъ доставить его непремѣнно царевичу, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть наказаннымъ какъ измѣннику, семейство котораго будетъ подвергнуто всѣмъ несчастіямъ. Хитрость удалась. Испуганный угрозами, дворянинъ пустился въ путь и черезъ двадцать четыре часа привезъ Тучкову отвѣтъ царевича.

— Гдѣ же находится царевичъ? было первымъ вопросомъ Тучкова.

— Я нашелъ его въ лѣсу,—отвѣчалъ Мурвадзе,—верстахъ въ тридцати отъ Душета. Царевичъ болѣе двухъ часовъ не остается на одномъ мѣстѣ.

Посланный въ указанное мѣсто разъѣздъ не отыскалъ тамъ царевича. Тучковъ ограничился тѣмъ, что завелъ, до времени, переписку съ Вахтангомъ, убѣждая его возвратиться, но царевичъ отвѣчалъ отказомъ.

Усиливъ отрядъ свой прибывшимъ подкрѣпленіемъ, Тучковъ отправилъ въ деревню Казбекъ команду изъ 80 человѣкъ казаковъ и грузинъ, съ цѣлію предохранить тагаурцевъ отъ возмущенія и подговоровъ Вахтанга.

---

[1]) Рапортъ ген.-м. Тучкова Лазареву 12-го августа 1802 г., № 117.

Разосланные поодиночкѣ и по разнымъ направленіямъ люди успѣли узнать, что царевичъ находится въ Гудомакарскомъ ущельѣ. Къ нему прилегали жилища хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, къ которымъ царевичъ хотя и засылалъ своихъ посланныхъ, но безуспѣшно.

8-го августа получено извѣстіе, что Вахтангъ намѣренъ пробраться къ мтіулетинцамъ. Капитанъ-исправникъ Переяславцевъ съ казаками направленъ въ Коби для пресѣченія ему пути [1]). Мтіулетинцы—народъ храбрый отъ рожденія, исповѣдовали особую религію, хотя и видны были у нихъ во многихъ мѣстахъ христіанскіе храмы.

«Я вызвалъ деканозовъ къ себѣ,—пишетъ Тучковъ [2]),—склонялъ этихъ бородастыхъ священниковъ ласками, подарками, на выдачу мнѣ царевича, но они отвѣчали: «онъ Багратіонъ и былъ у священнаго дуба». Это не помѣшало, однако, деканозамъ указать на всѣ тѣ мѣста, занявъ которыя можно было пресѣчь путь Вахтангу, если бы онъ вздумалъ уйти отъ нихъ.

Занявъ отрядами всѣ выходы, Тучковъ самъ сталъ у входа въ самое главное ущелье—Гудомакарское. «Пушечные выстрѣлы и звуки барабановъ при вечерней зарѣ слышны были со всѣхъ сторонъ пребыванія царевича. Не прерывая начатой переписки, Тучковъ писалъ Вахтангу и просилъ посланнаго сказать царевичу, что если онъ на честное слово не выѣдетъ къ нему для переговоровъ, то пойдетъ къ нему съ войсками, гдѣ бы онъ ни находился. Вахтангъ жаловался Кноррингу на причиненную ему обиду и описывалъ свою невинность. Главнокомандующій совѣтовалъ ему отправиться во всякомъ случаѣ въ Тифлисъ и тамъ уже оправдаться въ своихъ поступкахъ. Тогда царевичъ написалъ правителю Грузіи и соглашался пріѣхать въ Тифлисъ только тогда, когда будутъ исполнены три условія: 1) возвращено и передано ему въ управленіе конфискованное имѣніе; 2) онъ не будетъ удаленъ изъ Грузіи, и 3) во время пребыванія его въ Тифлисѣ не будетъ дѣлаемо ни ему, ни его свитѣ никакого оскор-

[1]) Рапортъ Тучкова Лазареву 9-го августа Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, 274.
[2]) Записки Тучкова, 134. Арх. Главн. Шт. въ С.-Петербургѣ.

бленія [1]). Въ отвѣтъ на это царевичъ получилъ простое приглашеніе, безъ всякихъ ограниченій, пріѣхать въ Тифлисъ.

Имѣя при себѣ только 20 человѣкъ приверженныхъ, зная, что всѣ пути ему отрѣзаны, Вахтангъ выслалъ своего посланнаго на шесть верстъ впередъ въ ущелье, приказавъ сказать Тучкову, что скоро и самъ явится лично.

10-го августа онъ пріѣхалъ со всею своею свитою. Снявъ съ пояса саблю и повѣсивъ ее, по азіятскому обычаю, на шею, Вахтангъ въ такомъ видѣ подошелъ къ Тучкову.

— Вотъ голова моя, вотъ и сабля,—проговорилъ онъ.

Ему отвѣчали, что требуютъ только покорности и прибытія въ Тифлисъ и что онъ можетъ вполнѣ положиться на великодушіе Императора.

Царевичъ, принятый со всѣми почестями, приличными его званію, былъ препровожденъ сначала въ Душетъ, а потомъ въ Тифлисъ.

Вахтангъ, повидимому, сознавалъ свою вину и раскаявался въ своихъ поступкахъ.

— За многую мою службу [2]), — говорилъ онъ,—можно одну вину простить. Мать моя и всѣ родственники, если что и сдѣлали, я не виноватъ и въ томъ не участвовалъ.

— Въ побѣгѣ своемъ, — говорилъ онъ впослѣдствіи, — я не имѣлъ никакого злаго намѣренія, но сдѣлалъ это, опасаясь безславія быть препровожденнымъ изъ Душета въ Тифлисъ въ видѣ арестанта.

Въ Тифлисѣ Вахтангъ поселился въ домѣ матери, царицы Дарьи. Для лучшаго присмотра за ними, сверхъ караула, находившагося у царицы, въ Авлабарѣ, гдѣ былъ домъ ея, поставленъ баталіонъ егерей. Царевичу разрѣшено пользоваться доходами съ имѣній, но запрещенъ выѣздъ изъ Тифлиса [3]). Запрещеніе это было равносильно тому, какъ бы имѣніе оставалось конфискован-

[1]) Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, 273 и 274, изд. 1866 г.

[2]) За содѣйствіе при проходѣ войскъ съ Кавказской линіи въ Грузію. Вахтангъ впослѣдствіи, въ подтвержденіе своей преданности и невинности, выставлялъ то, что онъ былъ первый изъ царевичей, которые присягнули на вѣрность Россіи.

[3]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 25-го августа 1802 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

нымъ. Вахтангъ сознавалъ, что не могъ принять личнаго участія въ управленіи имѣніемъ. Онъ бросился теперь ко всѣмъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ, жившимъ въ Тифлисѣ; успѣлъ написать старшинамъ своего имѣнія, прося дать ему свидѣтельство въ томъ, что не участвовалъ въ происходившихъ въ Кахетіи волненіяхъ. Старшины спрашивали совѣта Лазарева, дать ли такое свидѣтельство царевичу или нѣтъ? Имъ сказано, что это зависитъ отъ нихъ; что имъ лучше извѣстно, былъ ли онъ участникомъ въ волненіяхъ или нѣтъ? Не отвѣтивъ прямо на вопросъ, старшины отказались, однако же, выдать свидѣтельство [1]).

Вахтангъ не терялъ все-таки надежды на возвращеніе имѣнія; онъ попрежнему старался доказать свою невинность.

— Не заслуживаете ли вы названія безумныхъ,—говорилъ ему графъ Муссинъ-Пушкинъ,—если разсчитываете на то—что всѣми покушеніями дома вашего и вооруженіями скитающихся хищниковъ и разслабленныхъ войскъ азіятскихъ можете противостоять могуществу Россійской Имперіи и войскамъ, отъ которыхъ неоднократно трепетала Европа? Какія могутъ быть послѣдствія для васъ и единомышленниковъ вашихъ отъ такихъ покушеній, на которыя, кромѣ нѣсколькихъ мятежныхъ князей, народъ грузинскій никогда не согласится? Не нанесете ли, наконецъ, при гибели союзниковъ вашихъ, и разоренія вашему отечеству, которое, какъ думаю, любите?

— Вы утверждаете,—продолжалъ графъ,—равно какъ и царица, что никакого доказательства намѣреній вашихъ нѣтъ. Я и самъ увѣренъ, что вы черезчуръ остроумны, чтобы ввѣрить таковыя доказательства, а особливо письменныя, въ руки постороннихъ; но, отвѣчайте искренно, можно ли благоразумному человѣку положиться на увѣренія ваши?

— Нельзя,—отвѣчалъ смѣясь царевичъ.

— На что̀ же вы жалуетесь? и какія должно было принять мѣры правительство противъ такихъ покушеній, совершенно противныхъ Государю Императору? Какія послѣдствія для васъ и дома вашего всѣ происшествія эти имѣть будутъ?

[1]) Рапортъ Соколова князю Куракину 20-го сентября 1802 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

— Весьма гибельныя,—отвѣчалъ Вахтангъ.—Я весьма тревожусь положеніемъ моимъ.

— Напрасно сомнѣваетесь вы въ милосердіи Императора, но если хотите, чтобы я подалъ вамъ дружескій совѣтъ, то заслужите его, отнесясь прямо къ его императорскому величеству съ чистымъ признаніемъ какъ со стороны вашей, такъ и ея высочества царицы. Я увѣренъ, что гораздо пріятнѣе будетъ для государя, если, оставя всѣ косвенныя дороги, довѣренностію вашею передъ Императоромъ стараться будете пріобрѣсти его прощеніе, а притомъ и объявите, чего вы желаете въ замѣнъ короны, изъ дома вашего вышедшей [1]). Постарайтесь усмирить мятежи, Грузію изнуряющіе, и уговорить братьевъ вашихъ, изъ царства сего удалившихся, къ покорности. Я увѣренъ, что по вліянію вашему на нихъ не безуспѣшно сіе предпримите. Вотъ единственная дорога, которую, по истинной къ вамъ дружбѣ, предложить могу, къ отвращенію той гибели, которая безъ того вамъ и соучастникамъ вашимъ угрожаетъ.

— Не навлечемъ ли мы своимъ признаніемъ,—спрашивалъ царевичъ,—еще болѣе страшнаго для насъ гнѣва его императорскаго величества?

— Развѣ вы думаете, что ваши поступки скрыты отъ Государя? они извѣстны ему многими путями. Что же пріятнѣе будетъ для него: узнать ли о нихъ отъ постороннихъ, или видѣть собственное раскаяніе ваше въ чистомъ и искреннемъ признаніи?

— Всячески стараться буду,—говорилъ царевичъ передъ образомъ, висѣвшимъ на груди и взятымъ въ руки,—переговоря съ матерью моею, убѣдить ее къ признанію. Къ братьямъ напишу также.

Такимъ образомъ, участіе лицъ царской фамиліи въ бывшихъ волненіяхъ въ Кахетіи выразилось фактически. Трудно было пре-

[1]) Вахтангъ воспользовался этимъ совѣтомъ, но обратно. Выставляя свои заслуги русскому правительству, онъ жаловался, что отъ него отняли имѣніе и что Тучковъ, прибывъ неожиданно въ Душетъ со множествомъ казаковъ, «поколебалъ каждаго изъ народовъ, тутъ находившихся, и изобразилъ на сердцахъ ихъ сомнѣніе». Просьба царевича Императору 10-го сентября 1802 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. V, 51—57.

кратить имъ на будущее время всѣ способы къ такого рода дѣйствіямъ. По мнѣнію всѣхъ представителей Россіи [1]), было одно только средство — удалить ихъ навсегда изъ Грузіи. Кноррингъ нѣсколько разъ просилъ о томъ Императора Александра, который не раздѣлялъ, однако же, мнѣнія о необходимости къ принятію столь строгихъ мѣръ. Даровавъ Грузіи всѣ тѣ права и преимущества, «каковыми всѣ прочіе подданные великой имперіи пользуются», Александръ разрѣшилъ царевичамъ, бывшимъ въ Россіи, имѣть полную свободу и, если пожелаютъ, то ѣхать въ Грузію. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ Кноррингу употреблять добровольное соглашеніе лицъ царскаго дома къ выѣзду въ Россію, «безъ чего подстреканіямъ ихъ конца видѣть не можно» [2]). Принудительный же вывозъ ихъ изъ Грузіи казался Императору «весьма крайнимъ», и такимъ средствомъ, къ которому можно прибѣгнуть только въ самомъ послѣднемъ и необходимомъ случаѣ.

Стараніе отправить царевича Вахтанга въ Россію оставалось напраснымъ. Царевичъ отвѣчалъ отказомъ.

«Правда,—писалъ онъ грузинскому священнику Алексѣю Гаврилову [3]), жизнь въ Россіи должны мы принять за первое счастіе; но если бы мы были въ молодыхъ лѣтахъ, конечно бы было хорошо. Мнѣ уже наступилъ 40-й годъ; время ли теперь пуститься мнѣ изъ своего отечества на странствованіе? Если по сіе время жили мы въ нашей землѣ и никуда не переселились, когда были столько угнетаемы и порабощаемы окружающими врагами, то почему дѣлать это съ нами теперь, когда приспѣло къ намъ вѣчно успокоивающее покровительство сильной десницы нашего всемилостивѣйшаго Государя? Далѣе, если даже при бытности моей здѣсь, уже не буду имѣть во владѣніи моемъ, которое пожаловано мнѣ покойнымъ родителемъ моимъ и утверждено за мною въ высочайшемъ манифестѣ, того голоса, какой имѣю я теперь, а лишь буду имѣть содержаніе изъ однихъ доходовъ, то можетъ ли быть больше сего какое-либо несчастіе, хотя бы земля наша изобиловала

---

[1]) См. рапорты Лазарева, Кнорринга, Коваленскаго, графа Муссина-Пушкина, Соколова и другихъ.

[2]) Рескриптъ Кноррингу 20-го августа. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ.

[3]) Акты Кавк. Арх. Комм., т. I, 268, № 277.

богатствомъ доходовъ? — Я въ рабской подданической вѣрности моего Государя Александра I-го со всѣмъ моимъ вожделѣніемъ былъ, есмь и по гробъ мой пребуду. Я, какъ Бога признаю за Бога, такъ равно и Императора Александра I-го—за моего государя, ибо какъ и отъ своего Создателя за добрыя дѣла мои ожидаю въ будущемъ вѣкѣ вѣчной славы, такъ и отъ его величества въ настоящей жизни ожидаю благоденствія».

Извѣстіе о томъ, что царевичамъ, бывшимъ въ Россіи, разрѣшено возвратиться въ Грузію, опечалило народъ и весьма ободрило партію, противную Россіи. Въ Тифлисѣ приготовлялся домъ для помѣщенія царевичей. Народъ, радовавшійся тому, что въ Грузіи было менѣе тремя особами царской фамиліи, допытывался: справедливо ли то, что царевичи уже на пути въ Грузію? Лица, стоявшія во главѣ управленія, должны были отговариваться незнаніемъ. Различнаго рода толки стали распространяться по городу. Партія, желавшая возстановленія царя, объясняла ихъ по своему. «Въ теченіе тридцати лѣтъ,—говорили они,—русскіе были въ Грузіи при царяхъ и всегда, по оказаніи защиты нашимъ царямъ, оставляли страну. Нынѣшнее пребываніе войскъ—также временное и продолжится только до того времени, пока Императоръ Александръ не назначитъ кого-либо изъ царскаго поколѣнія царемъ. Намѣреніе Императора,—продолжали они убѣждать народъ, доказывается тѣмъ, что онъ не только не вызываетъ изъ Грузіи членовъ царскаго дома, но, напротивъ того, и бывшихъ уже въ Россіи отпускаетъ въ свое отечество». Партія, преданная Россіи, при распространеніи такихъ слуховъ, страшилась за свою будущность и думала, въ случаѣ справедливости ихъ, искать спасенія въ Россіи.

Среди такого говора, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Грузію изъ С.-Петербурга бывшій посолъ князь Герсеванъ Чавчавадзе. Фамилія князей Чавчавадзе пользовалась особымъ уваженіемъ народа. Князья изъ этой фамиліи всегда занимали самыя важныя и видныя мѣста въ административномъ управленіи страны при ея царяхъ. Почти всѣ агалары казахскаго народа, находившагося въ управленіи князя Герсевана Чавчавадзе, выѣхали къ нему на встрѣчу въ деревню Казбекъ, въ сопровожденіи двухъ сотъ чело-

вѣкъ татаръ. Такая встрѣча въ обычаѣ азіятскихъ народовъ; она была и въ характерѣ казаховъ. Никакія объясненія къ волненію не могли имѣть здѣсь мѣста. То была простая привычка, способъ выражать свое уваженіе человѣку, любимому народомъ.

Сынъ князя явился тогда же къ генералъ-маіору Лазареву съ вопросомъ, что̀ ему дѣлать, чтобы удовлетворить желанію народа и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать непріятностей со стороны правителя. Ему совѣтовали отправиться самому къ Коваленскому и заявить о намѣреніи татаръ встрѣтить князя. Коваленскій разрѣшилъ татарамъ отправиться на встрѣчу, но въ тотъ же день поручилъ помощнику моурава Мерабову объявить имъ, чтобы казахи, во избѣжаніе непріятности, не выѣзжали на встрѣчу.—Узнавши объ этомъ, молодой князь Александръ Чавчавадзе снова отправился къ Коваленскому и просилъ подтвердить данное имъ разрѣшеніе и, получивши его, выѣхалъ съ татарами въ Душетъ на встрѣчу отца.

По пріѣздѣ князя Герсевана Чавчавадзе, Коваленскій потребовалъ отъ него письменный видъ и приказалъ исполнительной экспедиціи привести его къ присягѣ. Князь Чавчавадзе, присягавшій уже въ Петербургѣ, пріѣхалъ въ экспедицію и присягнулъ вторично.

— Я весьма благодаренъ,— сказалъ князь Коваленскому по окончаніи обряда,—за доставленіе случая къ познанію прямыхъ обязанностей вѣрнаго подданнаго, коихъ я до сихъ поръ не зналъ въ подробности.

Князь намекалъ на текстъ присяги, обязывающей каждаго вѣрноподданнаго обнаруживать все, что увидитъ или услышитъ предосудительнаго интересамъ его императорскаго величества.

— Я долженъ васъ предварить, что мои соотечественники будутъ можетъ быть, имѣть надобность донести о многомъ Императору.

— Они могутъ приступить къ этому,—отвѣчалъ Коваленскій, по извѣстной формѣ и правиламъ.

— Грузины весьма еще просты для того, чтобы понимать формы прошеній.

Вскорѣ послѣ того прибыли въ Тифлисъ изъ Кахетіи четыре князя: Луарсабъ Вачнадзе, Іосифъ Джандіеровъ, Дмитрій и Адамъ

Андрониковы—всѣ родственники князя Чавчавадзе. Они не имѣли никакой иной цѣли, кромѣ свиданія съ нимъ послѣ долгой разлуки. По прибытіи въ Тифлисъ, князья пошли прямо къ правителю, но послѣ долгаго ожиданія на дворѣ, не удостоившись видѣть Коваленскаго, отправились обѣдать къ князю Чавчавадзе. Вечеромъ Коваленскій потребовавъ пріѣхавшихъ къ себѣ, приказалъ отдать коменданту сабли и посадить ихъ подъ арестъ на главную гауптвахту. Это распоряженіе произвело ропотъ въ Тифлисѣ; всѣ съ негодованіемъ кричали, что правитель нарушаетъ права грузинскаго дворянства, данныя ему милосердіемъ Императора. Черезъ два дня арестованные были освобождены.

Оскорбленный такимъ поступкомъ, князь Чавчавадзе отправился вмѣстѣ съ своими гостями къ Коваленскому съ требованіемъ объяснить ему причину, побудившую правителя къ такому поступку.

— Если за ними есть какое-либо преступленіе, — говорилъ князь Чавчавадзе,—то ихъ слѣдуетъ предать суду.

— Преступленія за ними нѣтъ никакого,—отвѣчалъ Коваленскій,—кромѣ того, что они осмѣлились быть у васъ прежде чѣмъ явились ко мнѣ. Только за это я и оштрафовалъ ихъ арестомъ.

Обиженные князья рѣшились отправить прошеніе на высочайшее имя съ жалобою на несправедливые поступки Коваленскаго и для отправленія его въ Петербургъ передали Соколову.

Узнавъ объ этомъ, Коваленскій издалъ прокламацію, обращенную къ честнѣйшему духовенству, почтеннымъ князьямъ, дворянамъ, гражданамъ и всему народу грузинскому. «Замѣчаю,—писалъ Коваленскій [1],—что существовавшая доселѣ въ здѣшнемъ городѣ тишина, порядокъ и благочиніе, всѣхъ и каждаго спокойствіемъ и безопасностью обезпечивающіе, *съ нѣкотораго времени нарушаются новымъ движеніемъ умовъ*, правиламъ благоустроеннаго правительства противнымъ, *и что самыя даже сходбища, скопы и совѣщанія пріемлютъ свое начало*.

«Въ пресѣченіе такого безпорядка и въ осторожность всѣхъ тѣхъ, кои легко завлекаются въ сѣти соблазнителей по невѣдѣнію

[1]) Отъ 10-го ноября 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—5, 1802—3, № 1.

или по превратному толкованію обязанностей отъ всѣхъ сословій народа грузинскаго, россійскими узаконеніями взыскуемыхъ... Я по долгу моему симъ извѣщаю, что всякіе непозволительные зазывы, сходбища, скопы, совѣщанія, *составленіе писемъ и прошеній за общимъ подписаніемъ* и прочія порядку противныя или безъ позволенія правительства чинимыя дѣянія *строжайше запрещаются силою законовъ у сего въ выпискѣ изображенныхъ*. Гдѣ же и какъ по случающимся дѣламъ и нуждамъ и надобностямъ просить, о томъ означено въ узаконеніяхъ, на основаніи коихъ въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ издано отъ меня изъясненіе, которое и нынѣ къ свѣдѣнію пріобщается».

Поручивши коменданту объявить это обвѣщеніе жителямъ Тифлиса, Коваленскій приказалъ ему отобрать отъ князей подписку въ прочтеніи объявленнаго. Комендантъ ѣздилъ къ князю Герсевану Чавчавадзе, сардарю князю Орбеліани, Тарханову и другимъ, но всѣ они отказались подписать и говорили, что не понимаютъ написаннаго. Обвѣщеніе объѣжало по всему Тифлису и въ томъ же видѣ совершенно чистое явилось въ кабинетъ правителя. Коваленскій сталъ призывать къ себѣ отдѣльныхъ лицъ и требовать отъ нихъ подписки. Грузины отказывались, говоря, что подпишутъ его послѣ подписи князей. Тогда правитель придумалъ новое средство. Онъ успѣлъ отклонить сардаря князя Орбеліани, Тарханова и Макаева отъ князя Герсевана Чавчавадзе и употребить ихъ противъ него. Человѣкъ чрезвычайно пылкаго и прямаго характера, князь Чавчавадзе любилъ говорить прямо и откровенно то, что чувствовалъ, и тѣмъ давалъ, конечно, всѣ средства Коваленскому, чтобы обвинить его впослѣдствіи.

Пріѣздъ изъ нашей столицы такого лица, какимъ былъ князь Герсеванъ Чавчавадзе, очень естественно, возбуждалъ вниманіе грузинъ, желавшихъ разъяснить свое положеніе. Между князьями начались сходбища, обмѣнъ мыслей, а между народомъ—разговоры. Коваленскій писалъ, что князь Чавчавадзе нарушаетъ общественное спокойствіе. Недоброжелательныя лица для производства волненія въ народѣ стали распускать слухъ, что князь Чавчавадзе уполномоченъ составить новое предположеніе объ участи Грузіи. Это еще болѣе привлекло къ нему народъ. Кноррингъ, со словъ

правителя Грузіи, составилъ обвинительный актъ противъ князя Чавчавадзе.—«Князья грузинскіе,—писалъ онъ [1]), предавшись его внушеніямъ и стекаясь отовсюду, по его называмъ начали дѣлать сходбища, скопы и совѣщанія, являя новое движеніе умовъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія... Князь Чавчавадзе и супруга его съ братьями своими и прочими ихъ сообщниками были и суть источниками колебанія народнаго... Князь Чавчавадзе, сверхъ развлеченія князей грузинскихъ, вошелъ въ переписку за границу, вступилъ самъ собою въ управленіе казахскихъ и шамшадыльскихъ татаръ, что онъ имѣлъ при покойномъ царѣ Георгіѣ, кои поневѣдѣнію, движимы будучи его внушеніями, ослушны оказались даже приказаніямъ правителя Грузіи и явно не повинуются приставленному къ нимъ чиновнику, черезъ что происходитъ затрудненіе въ сборѣ съ татаръ сихъ подлежащихъ въ казну податей, а по ихъ примѣру и другіе въ повинности сей колеблются...»

Князь Чавчавадзе не скрывалъ своего мнѣнія и высказывалъ открыто, что грузины должны быть счастливы тѣмъ, что присоединены къ Россіи, но что благополучіе ихъ не будетъ имѣть мѣста и твердаго основанія, пока они должны будутъ повиноваться настоящему образу правленія [2]). Коваленскому не нравились эти разглашенія. Правитель Грузіи зналъ, что князь Чавчавадзе былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, устранившихъ его вліяніе на Георгія XII, въ то время, когда онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ царя грузинскаго. Онъ былъ нерасположенъ къ князю Чавчавадзе. Князь зналъ объ этомъ нерасположеніи, но надѣялся на репутацію, составленную имъ въ Петербургѣ, какъ о лицѣ, искренно преданномъ Россіи.

Чавчавадзе не скрывалъ о всеобщемъ неудовольствіи и ропотѣ народа на тамошнее правленіе; говорилъ, что не знаетъ, какъ избавиться отъ посѣтителей, пріѣзжающихъ къ нему отовсюду, приносящихъ ему жалобы и требующихъ мѣръ къ заявленію все-

---

[1]) Рапортъ Кнорринга Государю Императору 30-го ноября, Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, ч. II, стр. 225.

[2]) Донесеніе Соколова гр. Воронцову 1-го ноября 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

общаго желанія перемѣнить правительство, которое для народа черезъ мѣру тягостно.

— Такой образъ мыслей,—говорилъ Соколовъ князю Чавчавадзе, будетъ сочтенъ не иначе, какъ поступкомъ — несообразнымъ съ высочайшею волею, постановившею правленіе въ Грузіи. Это будетъ явнымъ нарушеніемъ присяги, данной русскому Императору.

— Мы охотно подвергаемъ себя всякому наказанію,—отвѣчалъ Чавчавадзе, если только поступимъ противно высочайшей волѣ, по желанія и намѣренія наши не къ тому вовсе клонятся. Мы хотимъ только повергнуть къ стопамъ милосердаго монарха всенижайшую просьбу съ объясненіемъ въ ней всего горестнаго положенія нашего. Просьбу эту хотимъ отправить съ избраннымъ отъ общества княземъ.

«Лучше бы было гораздо,—писалъ онъ Лошкареву [1]),—если бы перемѣнился планъ здѣшняго правительства и учинился бы другой родъ порядка. Съ моей же стороны, какъ вѣрный рабъ и подданный, буду стараться исполнять все то, что̀ мнѣ будетъ приказано. Если продолжится на такомъ же основаніи правленіе, я не предвижу никакой пользы, и потому прошу васъ убѣдительно пещись обо мнѣ, чтобы я могъ съ семействомъ моимъ имѣть свое тамъ жительство подъ протекціею моего всемилостивѣйшаго Государя, ибо нѣтъ для меня возможности жить здѣсь ни подъ какимъ видомъ».

Слухи о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, существовавшихъ въ управленіи Грузіею, обратили вниманіе петербургскаго кабинета.

Донесенія различныхъ лицъ, посланныхъ въ Грузію, разсказы путешественниковъ, посѣтившихъ страну, и, наконецъ, письма самихъ грузинъ къ нѣкоторымъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ нашего правительства, убѣждали одинаково въ безпорядочности верховнаго грузинскаго правительства, и свидѣтельствовали о крайнемъ порабощеніи грузинскаго народа. Безпорядочность правленія происходила сколько отъ своеволія нѣкоторыхъ лицъ, столько же и отъ изолированнаго, чуждаго народному характеру порядка веденія дѣлъ.

---

[1]) Отъ 30-го ноября 1802 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, ч. II, стр. 232.

Правленіе не слилось съ народомъ, не вошло въ изученіе привычекъ, характера и обычая народнаго. Оно дѣйствовало при томъ искреннемъ убѣжденіи, что не правленіе существуетъ для блага народнаго, но грузины созданы для произвола правленія; что не правитель призванъ въ Грузію, для устройства страны и благоденствія каждаго, но Грузія создана для того только, чтобы Коваленскій былъ правителемъ ея. Очевидно, что при такомъ взглядѣ не могло быть порядка въ управленіи страною, народъ не могъ быть доволенъ правленіемъ и, естественно, желалъ его перемѣны.

Для лучшаго водворенія порядка и спокойствія необходимо было поставить во главѣ управленія такого человѣка, который, зная народный характеръ, войдя въ его нужды и потребности, могъ бы очистить страну отъ накопившагося въ ней сора, слѣдовательно имѣлъ бы твердый характеръ и достаточную степень энергіи. Такимъ являлся генералъ-лейтенантъ князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ.

Въ сентябрѣ 1802 г. Императоръ Александръ призналъ необходимымъ отозвать отъ управленія краемъ генерала Кнорринга [1]), смѣнить Коваленскаго, и назначилъ князя Цицiанова главнокомандующимъ на Кавказѣ.

---

[1]) Въ газетѣ «Кавказъ» 1847 года, № 16 помѣщены: «Матеріалы для біографіи генералъ-лейтенанта Карла Ѳедоровича Кнорринга». Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ весьма кратки—не болѣе, какъ перечень названій тѣхъ должностей, которыя исполнялъ Кноррингъ съ 1799 года по 1802 годъ. Основанныя на словахъ старожила, они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣрны. Не Ираклій II отдалъ Грузію въ подданство Россіи, а сынъ его Георгій XII. Присоединеніе Грузіи къ Россіи совершилось вовсе не такъ тихо и спокойно, какъ говоритъ статейка, и Кноррингъ, при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ, умѣ и благородствѣ, не съумѣлъ, однако же, заслужить любовь и благодарность жителей. Грузины никогда не называли его миротворцомъ, какъ говоритъ авторъ статьи; напротивъ, изъ имѣющихся письменныхъ актовъ видно, что они были недовольны его правленіемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

Копія съ инструкціи, данной коллежскому совѣтнику Соколову.

По высочайшему Государя Императора соизволенію, назначаетесь вы отправиться въ Имеретію съ высочайшею его императорскаго величества грамотою къ царю Соломону, для исходатайствованія у его высочества увольненія царевичу Константину, въ крѣпости Мухури подъ присмотромъ содержащемуся, а въ помощь вамъ отправляется при васъ, по знанію азіятскихъ языковъ и тамошнихъ мѣстъ и обрядовъ, вѣдомства государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ коллежскій ассесоръ Яковлевъ; почему для руководства вашего къ точному исполненію сего высочайшаго порученія предписываю слѣдующее:

1-е. По полученіи сего наставленія и всемилостивѣйше пожалованныхъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ на проѣздъ въ оба пути вамъ самимъ пятисотъ червонныхъ, на доставленіе сюда имеретинскаго царевича пятисотъ червонныхъ и на проѣздъ же туда и обратно опредѣленному при васъ коллежскомъ ассесору Яковлеву двѣсти пятьдесятъ червонныхъ, да обоимъ вамъ на снабженіе себя всѣмъ нужнымъ къ сему путешествію, единовременно не въ зачетъ годовыхъ окладовъ, извольте оба вмѣстѣ, не мѣшкавъ, отправиться въ предлежащій вамъ путь. По прибытіи же въ Моздокъ, имѣете вы, въ силу указа, отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ вамъ даннаго, требовать отъ тамошняго начальства для безопаснаго путешествія вашего до Тифлиса проводниковъ и нужное вамъ по обстоятельствамъ вспомоществованіе. А по пріѣздѣ въ Тифлисъ явиться къ главнокомандующему тамъ господину генералъ-лейтенанту Кноррингу, коему, вручивъ мое письмо (и особый пакетъ вамъ ввѣренный, содержащій въ себѣ высочайшую грамоту къ эриванскому хану и прочія бумаги о избраніи армянскаго патріарха Даніила), испросите у него, равнымъ образомъ, команду для безопаснаго продолженія пути вашего въ Имеретію.

2-е. По прибытіи въ Имеретію, слѣдуетъ вамъ послать, предварительно, къ его высочеству царю Соломону опредѣленнаго при васъ

коллежскаго ассесора Яковлева, какъ для извѣщенія о вашемъ пріѣздѣ, такъ и для испрошенія времени, когда царь назначитъ вамъ быть къ себѣ для полученія отъ васъ высочайшей грамоты.

Въ назначенное же вамъ для того время, прибывъ во дворецъ и вошедъ въ покой, въ коемъ царь будетъ находиться, сдѣлайте его высочеству привѣтствіе: «что всемилостивѣйшій Государь Императоръ отправилъ васъ къ его высочеству съ дружескою и благоволительною его императорскою грамотою, которую съ благоговѣніемъ царю тутъ же и вручите. Безъ сомнѣнія, царь, принявъ грамоту, пригласитъ васъ сѣсть, тогда вы именемъ Государя Императора спросите о здоровьѣ его высочества, царицы супруги его и всего царскаго дома, а потомъ сдѣлайте ему привѣтствіе и отъ меня. Спустя нѣсколько минутъ, вставъ опять, изъясните ему съ вѣжливостію: «что его императорское величество, увѣренъ будучи о дружбѣ и всегдашней къ себѣ приверженности его царскаго высочества, по единовѣрію издавна существующихъ, надѣется на точное его выполненіе высочайшаго своего желанія, въ грамотѣ предложеннаго». Когда же вы потомъ отъ царя возвращаться будете, испросите у его высочества, чтобъ вамъ позволено было для засвидѣтельствованія почтенія приходить во дворецъ въ тѣ часы, кои его высочеству угодно будетъ назначить.

По возвращеніи же вашемъ изъ дворца къ себѣ, пошлите къ царю съ коллежскимъ ассесоромъ Яковлевымъ, отправленные съ вами часы, осыпанные бриллiантами, въ подарокъ отъ Государя Императора его высочеству назначенные.

Во второмъ съ царемъ вашемъ свиданіи испросите у его высочества позволеніе быть у царицы его супруги и у дѣтей ихъ, а равно и у знатнѣйшихъ его двора. Когда же вамъ будетъ дозволено, то при посѣщеніяхъ вашихъ царицы и дѣтей царскихъ, сдѣлайте каждому изъ нихъ приличное привѣтствіе отъ лица Государя Императора и ихъ величествъ Государынь Императрицъ.

Въ первыхъ посѣщеніяхъ вашихъ царя и царицы соблюдите азіятскій этикетъ, то-есть первый поклонъ сдѣлайте въ поясъ, а впослѣдствіи являйтесь съ обыкновеннымъ почтеніемъ и вѣжливостію.

3-е. Быть можетъ, что царь, увѣдомившись о вашемъ прибытіи, пришлетъ для приглашенія васъ ко двору какого-либо чиновника или кого изъ своихъ приближенныхъ, то вы сего посланнаго, принявъ дружески, постарайтесь его всячески обласкать, дабы въ случаѣ нужды могли вы чрезъ его посредство или содѣйствіе, если онъ при царѣ изъ довѣренныхъ, имѣть успѣхъ въ исполненіи высочайше возложеннаго на васъ порученія.

Хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что царь охотно исполнитъ

желаніе его императорскаго величества, въ высочайшей грамотѣ изъясненное, однако же нелишнее вамъ распознать, кто при немъ изъ довѣреннѣйшихъ и наибольшее вліяніе на него и на народъ имѣющій, дабы таковаго могли вы употребить по обстоятельствамъ къ убѣжденію царя на податливость его къ освобожденію царевича Константина.

4-е. Когда царевичъ Константинъ будетъ вамъ выданъ, то, по увѣреніи царя «о признательности его императорскаго величества за таковой его подвигъ, въ угодность Государю Императору имъ сдѣланный», не медля поспѣшайте съ царевичемъ изъ Имеретіи въ Тифлисъ.

По прибытіи въ сей городъ, можете вы въ ономъ на нѣсколько времени взять отдохновеніе, особенно для юнаго царевича, дабы не изнурять его безостановочнымъ путешествіемъ по тамошнимъ мѣстамъ, какъ извѣстно, весьма неспокойнымъ.

Въ продолженіе же вашего путешествія по Грузіи посѣтите всѣхъ вдовствующихъ царицъ, царевичей и царевенъ, равно какъ и первѣйшихъ изъ грузинскихъ князей, дворянъ и духовенства, тамо живущихъ, и отъ имени моего сдѣлайте имъ учтивыя привѣтствія и пожелайте имъ наслажденія вожделѣннымъ здравіемъ.

Если въ чемъ надобность вамъ встрѣтится тамъ для сохраненія царевича, то обо всемъ относитесь къ господину генералу-лейтенанту Кноррингу; также и при возвратномъ вашемъ отъѣздѣ изъ Тифлиса испросите у него нужное количество проводниковъ для безопаснаго и спокойнаго съ царевичемъ и коллежскимъ ассесоромъ Яковлевымъ слѣдованія въ Моздокъ, гдѣ, пріискавъ для царевича карету или коляску и снабдивъ его одеждою и въ чемъ надобность примѣтите, изъ данныхъ вамъ на то 500 червонныхъ, продолжайте вашъ путь сюда и явитесь ко мнѣ.

5-е. Въ продолженіе всего пути вашего сюда вмѣстѣ съ царевичемъ Константиномъ, какъ вамъ, такъ и находящемуся при васъ коллежскому ассесору Яковлеву, должно съ нимъ обходиться ласково и не причинять ему никакого огорченія, но изъ уваженія къ юности его стараться ему угождать въ возможномъ и его успокоивать.

На квартирахъ же, гдѣ будете съ нимъ останавливаться, избѣгайте всѣхъ опасностей, если гдѣ случится больной, а кольми паче оспою, то какъ можно того удаляйтесь; ибо болѣзнь сія для восточныхъ народовъ слѣдствіями своими весьма бываетъ опасна.

6-е. Отправленные съ вами, кромѣ назначенныхъ отъ высочайшаго имени въ подарокъ царю Имеретинскому, двое зототые и двое серебряные часы, употребляйте на подарки, гдѣ по вашему усмотрѣнію будетъ нужно, а по прибытіи сюда вашемъ, обязаны вы дать обстоя-

тельный отчетъ въ употребленіи оныхъ съ показаніемъ, кому что дано и за какую услугу.

7-е. Въ заключеніе же всего, нужнымъ считаю примѣтить вамъ и то, чтобъ вы сколь возможно старались поспѣшнѣе все вамъ поручаемое исполнить и сюда возвратиться. Дано въ С.-Петербургѣ, мая 27-го дня 1802 года.

Особая секретная инструкція коллежскому совѣтнику Соколову.

При отправленіи васъ съ высочайшею его императорскаго величества грамотою къ Имеретинскому царю Соломону по предмету, въ инструкціи вамъ данной изъясненному, Государю Императору высочайше угодно было повелѣть мнѣ возложить на васъ важнѣйшее того порученіе, въ исполненіи котораго, по усердію и ревности вашей къ службѣ, обязаны вы приступить съ величайшею осмотрительностію, вслѣдствіе чего и предписываю вамъ:

1) Если въ проѣздъ вашъ горскіе князья, владѣльцы, персіяне и прочіе изъ тамошнихъ народовъ станутъ представлять вамъ о своихъ нуждахъ или о какихъ отъ кого-либо притѣсненіяхъ ими терпимыхъ, то принимая ихъ ласково, выслушивайте каждаго со вниманіемъ и записывайте у себя для донесенія о всемъ по возвращеніи вашемъ сюда. Если же будутъ они подавать вамъ и письменныя просьбы, то и оныя отъ нихъ принимая, храните у себя до прибытія вашего сюда. Подъ сими разумѣются и тѣ изъ азіятскихъ народовъ, кои обитаютъ въ предѣлахъ Россіи, какого бы они званія и вѣры ни были, исключая россіянъ, подъ сѣнію законовъ гражданскихъ находящихся и государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ неподвѣдомыхъ.

2) По поводу слуховъ сюда доходящихъ о неудовольствіяхъ и ропотѣ народа грузинскаго, а особенно тамошняго дворянства, на тѣхъ особъ, коимъ высочайше поручено произвесть въ дѣйство нынѣшнее образованіе сего къ Россійской Имперіи присоединеннаго царства, нужно, чтобъ вы тщательнѣйшее обратили вниманіе на все, что тамъ происходитъ, стараясь съ величайшею осторожностію развѣдывать, какія причины неудовольствіе и сѣтованіе въ народѣ могли произвесть; нѣтъ ли особеннаго какого у нихъ въ виду предмета, къ коему духъ народа большую имѣетъ наклонность, почему, въ проѣздъ вашъ чрезъ Грузію, а особливо на возвратномъ пути вашемъ изъ Имеретіи, когда вы подъ предлогомъ отдохновенія съ царевичемъ въ Тифлисѣ на нѣкоторое время остановитесь, можете вы съ пользою употреблять опредѣленнаго при васъ коллежскаго асее-

сора Яковлева, по знанію имъ грузинскаго и армянскаго языковъ, для развѣдыванія о всемъ томъ скрытнымъ образомъ, гдѣ и у кого будетъ возможно. Сей Яковлевъ, находившись прежде сего въ Грузіи и имѣя тамъ со многими знакомство, а потому и познаніе характера народа сего, долженъ стараться пріобрѣсть къ себѣ жителей тамошнихъ откровенность, а чрезъ то искуснымъ образомъ развѣдывать все по вышеписаннымъ предметамъ и вамъ въ подробности обо всемъ доносить, изъ чего вы уже имѣете составлять журналъ или дневныя записки.

3) Когда въ проѣздъ вашъ чрезъ Грузію, будете вы посѣщать вдовствующихъ царицъ, царевичей и царевенъ съ моими привѣтствіями, то буде кто изъ нихъ или изъ тамошнихъ дворянъ станетъ вамъ представлять, что они, по нынѣшнимъ въ ихъ отечествѣ обстоятельствамъ, лишены прежнихъ своихъ доходовъ и выгодъ, и что опредѣленное имъ отъ главнаго въ Грузіи начальника содержаніе недостаточно, то вы должны имъ отвѣтствовать, что его императорское величество въ присоединеніи царства Грузинскаго къ имперіи Россійской не инымъ видомъ и чувствіемъ былъ побужденъ, какъ единымъ токмо желаніемъ облегчить жребій и бѣдственное сего христіанскаго народа положеніе отъ частыхъ впаденій граничащихъ съ онымъ иновѣрцевъ и оному даровать незыблемое основаніе спокойствія и безопасность, и что по зрѣлому всего соображенію единственное средство къ совершенію благополучія ихъ оставалось присоединить оное въ имперіи Россійской. Что когда его императорскому величеству представлено будетъ отъ главнокомандующаго обстоятельное донесеніе о всемъ, что кому по праву и по законамъ тамошнимъ принадлежало, тогда будетъ сдѣлано обо всемъ основательное распоряженіе, по которому никто не останется обиженнымъ и будетъ пользоваться всѣми правами, вѣрноподданному по законамъ принадлежать могущими.

4) Если который изъ царевичей будетъ вамъ изъяснять, что распространены на счетъ ихъ и до свѣдѣнія его императорскаго величества доведены разныя клеветы, и что они, бывъ представлены въ видѣ недоброжелательствующихъ отечеству своему и непокорными высочайшей власти Государя Императора, опасаются за то гнѣва его величества, то потщитесь ихъ увѣрить, что Государю Императору несвойственны таковыя подозрѣнія, и что его императорское величество во всякомъ случаѣ и во всѣхъ подвигахъ своихъ великодушіе и милосердіе свое являетъ.

5) Въ бытность вашу въ Тифлисѣ, постарайтесь извѣдать о мѣстѣ пребыванія грузинскихъ царевичей, дѣтей покойнаго царя Ираклія, кои поднесь находятся въ предѣлахъ Имеретіи, а равнымъ образомъ

и познать о образѣ ихъ мыслей; и буде бы довелось вамъ имѣть съ ними личное изъясненіе въ какомъ либо видѣ касательно нынѣшнихъ обстоятельствъ ихъ отечества, то при всякомъ случаѣ давайте имъ пристойнымъ образомъ чувствовать, что, вмѣсто удаленія ихъ отъ покровительства Государя Императора, гораздо бы для нихъ было полезнѣе оное снискивать, въ чемъ лучшимъ для нихъ доказательствомъ служитъ: братъ ихъ царевичъ Миріанъ и племянники ихъ царевичи Іоаннъ, Багратъ и Михаилъ, которые наслаждаются милостію императорскою и совершеннымъ благополучіемъ.

6) Вамъ извѣстно, какой оборотъ получило дѣло объ избраніи армянскаго архіепископа Давыда въ араратскіе патріархи и по какимъ обстоятельствамъ вмѣсто него высочайше утвержденъ въ семъ санѣ прежде избранный архіепископъ Даніилъ; [1]) почему буде бы кто изъ духовныхъ или свѣтскихъ армянъ вызвался вамъ въ противность сего утвержденія, то въ такомъ случаѣ вы должны съ твердостію отвѣтствовать, что поелику еще по смерти патріарха Луки вѣдомо было общенародное всѣхъ армянъ желаніе имѣть его премникомъ Даніила, и что по правамъ, издревле существующимъ, избраніе въ сей санъ чинилось гласомъ всего духовенства и цѣлаго армянскаго народа, то хотя происками нѣкоторыхъ и былъ облеченъ въ сіе достоинство Давыдъ, яко бы по силѣ завѣщанія о томъ покойнаго Іосифа, однако же его императорское величество, усмотрѣвъ изъ многихъ просьбъ отъ всего армянскаго народа, что Давыдъ пріобрѣлъ сей священный санъ насильственно, и что на его выборъ завѣщанія никогда не существовало, да и таковое не могло-бъ быть дѣйствительнымъ безъ нарушенія правъ народныхъ, во уваженіе столь убѣдительныхъ причинъ и единогласнаго желанія всего армянскаго народа, вслѣдствіе уже даннаго отъ Порты Оттоманской Даніилу, на санъ патріаршій берата, соизволилъ по примѣру августѣйшихъ предковъ своихъ удостоить пасріарха сего императорскою своею грамотою и высочайшимъ покровительствомъ, и что для того народъ армянскій долженъ, не совращаясь съ истинаго пути, признавать Даніила законнымъ своимъ патріархомъ и оказывать ему подобающее почтеніе и вспомоществованіе, дабы тѣмъ загладить прежнее свое заблужденіе.

7) Статься можетъ, что Эриванскій ханъ чрезъ какого-либо грузинца или армянина будетъ вамъ изъявлять желаніе свое о снисканіи высокомонаршей милости и покровительства, ибо таковой подвигъ со стороны его уже сдѣланъ господину генералъ-лейтенанту Кноррингу, который и донесъ о томъ его императорскому величе-

---

[1]) Объ этомъ избраніи См. Т. IV.

ству, то въ такомъ случаѣ вы отвѣтствуйте, что Государь Императоръ никогда не удаляется отъ содѣланія блага, а поелику ханъ въ столь ближнемъ сосѣдствѣ съ Имперіею Россійскою находится и былъ всегда другомъ Грузіи, то что Государю Императору, конечно, пріятно будетъ удостоить своимъ покровительствомъ какъ его самого, такъ и весь подвластный ему народъ, дабы чрезъ то доставить владѣнію его благоденственное спокойствіе.

8) Если также кто-либо отъ лица Эриванскаго хана изъясняться съ вами будетъ въ какомъ бы ни было видѣ о избраніи Даніила въ патріархи, то въ отвѣтахъ вашихъ руководствуйтесь предписанному вамъ по сему предмету въ предъидущемъ (6) пунктѣ, прибавивъ къ тому, что какъ первоначальная армянская церковь и престолъ патріаршій въ Эчміадзинѣ состоятъ во владѣніяхъ его, ханато его императорское величество надѣется, что его высокостепенство всячески потщится, какъ Божіей церкви, самому патріарху, духовенству, такъ и всему армянскому народу оказывать всякую зависящую отъ него помощь и защиту, тѣмъ паче, что собственная его сила и могущество возрастаютъ отъ благоденствія подвластнаго ему народа.

9) Изъ приложенной у сего записки вы усмотрите, какимъ образомъ всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго владѣтелю одишскому и лечгумскому князю Дадіану, и какія послѣ того съ владѣльцемъ симъ послѣдовали перемѣны, по поводу коихъ отъ меня господину генералъ-лейтенанту Кноррингу сообщено повторительно высочайшее повелѣніе, чтобы онъ до распознанія настоящихъ причинъ неблаговиднаго происшествія съ владѣльцемъ одишскимъ и лечгумскимъ, означенный орденъ хранилъ у себя впредь до повелѣнія. Нелишнимъ будетъ вамъ приложить стараніе въ самой Имеретіи, развѣдать, какимъ точно умысломъ князь Дадіанъ, навлекши на себя гнѣвъ царя имеретинскаго, былъ имъ изгнанъ изъ своей области, и сіе его изгнаніе дѣйствіе ли справедливости или же токмо насилія отъ царя Соломона. Дана въ С.-Петербургѣ мая 27-го дня 1802 года.

Записка къ 9-й статьѣ секретной инструкціи.

Полученное отъ господина генерала-лейтенанта Кнорринга отношеніе съ приложеніемъ письма къ нему отъ князя Дадіана владѣтеля одишскаго и лечгумскаго о намѣреніи сего послѣдняго утруждать Государя Императора прошеніемъ о пожалованіи ему ордена св. Александра Невскаго, препровождено 22-го декабря 1801 года къ

господину дѣйствительному тайному совѣтнику Трощинскому для поднесенія къ высочайшему усмотрѣнію.

21-го января 1802 г. Г. Трощинскій при отношеніи своемъ препроводилъ орденъ св. Александра Невскаго для отправленія къ сему князю Дадіану, изъяснивъ, что пожалованы сіи знаки вслѣдствіе положенія о томъ въ совѣтѣ.

Вскорѣ по отправленіи къ Г. Кноррингу сего ордена съ высочайшею грамотою для доставленія къ князю Дадіану, получено отъ Г. Кнорринга письмо, отъ 8-го февраля, № 422, коимъ онъ увѣдомлялъ, что по извѣстіямъ, чрезъ посланца отъ царя имеретинскаго ему сообщеннымъ, князь Дадіанъ, за нѣкоторое умышленіе противу царя имеретинскаго, изгнанъ изъ владѣнія своего, и что таковое извѣстіе подтверждалось донесеніемъ господина генерала-маіора Лазарева.

По представленіи на высочайшее усмотрѣніе отношенія сего господина Кнорринга, по высочайшему же повелѣнію было ему предписано, отъ 10-го марта: 1) Что прежде представленія его о намѣреніи князя Дадіана просить себѣ того знака отличія, надлежало бы ему извѣдать, законно ли князь Дадіанъ пользовался независимостію. 2) Что въ описаніи новаго происшествія и изгнанія князя Дадіана слѣдовало бы Г. Кноррингу объяснить подробнѣе обстоятельства и причины, то произведшія, и въ чемъ злоумышленія состояли, и изгнаніе его есть ли дѣйствіе справедливости или насилія.

Отвѣтъ Г. Кнорринга отъ 14-го апрѣля, подъ № 1106, состоялъ въ томъ, что онъ приказалъ въ Имеретіи и въ Одиши обстоятельно развѣдывать о поводахъ, произведшихъ изгнаніе Дадіана; что онъ особенно исходатайствовалъ о пожалованіи сему князю ордена и не описывалъ положенія сего владѣльца по невѣдѣнію тѣхъ обстоятельствъ, кои доставили покойному отцу его князю Кацію Дадіану орденъ св. Александра Невскаго, и причинъ, по коимъ обѣщанъ былъ оный и сему сыну его князю Григорію чрезъ тестя его, бывшаго царя грузинскаго Георгія, при жизни ея величества Государыни Екатерины II, и что Г. Кноррингъ, полагая все то извѣстнымъ министерству, думалъ, что по соображенію просьбы князя Дадіана съ прежними къ владѣльцамъ одишійскимъ отношеніями будетъ ему сдѣланъ вопросъ о томъ, что въ пополненіе нужно теперь о немъ развѣдать. Что орденъ хранится у него, и что онъ и не увѣдомлялъ о томъ Дадіана.

15-го мая сообщено Г. Кнорингу отъ вице-канцлера подтвержденіе высочайшаго повелѣнія, къ нему отъ 10-го марта отправленнаго, и чтобъ орденъ князю Дадіану, Всемилостивѣйше пожалованный, сохранялъ онъ у себя впредь до повелѣнія.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.